ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Материалы Второй Международной научно-практической конференции
Том 1

19-20 мая 2011 года

Великий Новгород
2011

УДК 801
ББК 81.00
Я41

Печатается по решению
РИС НовГУ

Редакционная коллегия:

Кандидат филологических наук, доцент **Е. Ф. Жукова**
Кандидат филологических наук, доцент **О. А. Александрова**
Кандидат филологических наук, доцент **И. А. Ушанова**
Кандидат филологических наук **О. С. Макарова**

Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй
Я41 Международной науч.-практ. конф. Великий Новгород, 19-20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. О.А. Александрова, Е.Ф. Жукова; НовГУ им. Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2011. – 403 с.

ISBN 978-5-98769-083-3

Тематический сборник содержит материалы выступлений участников Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация», проходившей на факультете лингвистики и межкультурной коммуникации Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого 19-20 мая 2011 года.

Программа конференции охватывала широкий круг вопросов современного языкознания: взаимодействие языка, речи, мышления, культуры, общества и коммуникации, а также психологические, лингвистические и методические аспекты оптимизации обучения иностранному языку в школе и вузе.

Предназначено для специалистов-филологов, преподавателей иностранных языков, аспирантов и всех интересующихся проблемами межкультурной коммуникации и вопросами науки о языке.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 801
ББК 81.00

ISBN 978-5-98769-083-3

© Новгородский государственный
университет, 2011
© Авторы статей, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. МИРОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Г. Донцова (Алчевск). Украинский язык – государственный 8
В.В. Кабакчи, д.ф.н., профессор (Санкт-Петербург). Введение в интерлингвокультурологию 11
А.Г. Климович (Минск). Национальные варианты английского сленга как источник пополнения общего сленга 19
Л.П. Михайлова, к.ф.н., доцент (Петрозаводск). Этимологическое гнездо с экстенциальными единицами как результат межэтнических контактов 22
Б.К. Момынова, д.ф.н., профессор (Алматы). Национальные семантические особенности невербальных элементов казахской речи 24
И.Г. Морозова, к.ф.н., доцент (Москва). Современные «смешанные языки» как лингвистический и социокультурный феномен 28
М.К. Пак, к.ф.н., доцент (Караганда). Архаичность первообразного слова (на материале архангельских говоров) 38
И.И. Скачкова, к.ф.н., доцент (Волгоград). Отношение американцев к языковым вопросам в конце XX – начале XXI века 40
Л. И. Шотропа (Лиссабон). Языковая ситуация в Португалии: проблемы русскоязычной иммиграции 47

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Н.В. Абрамова (Саратов). Культура как фундаментальное понятие в современном обществе 48
С.В. Буренкова, д.ф.н., доцент (Омск). Язык и культура в ракурсе современных лингвистических исследований 50
А.А. Дасько, к.ф.н., доцент (Дубна). Аксиологический базис языковой личности 55
С.В. Егорова (В. Новгород). Исторический аспект немецкой деловой переписки и ее особенности 60
Е.С. Емельянова, к.ф.н. (Харьков). Терминологические заимствования как отражение межкультурного взаимодействия в языке 68
Ж.Т. Ермекова, к.п.н., доцент (Астана). Образное пространство номинанты «улыбка» в художественном тексте билингва 70
В.Н. Жданов, к.ф.н., профессор (Саппоро). Личные японские имена как фактор национальной культуры 73
А.Ю. Козлова, к.ф.н. (Коломна). Неславянская лексика в коломенском списке Толковой Палеи 1406 г. 77
Е.Е. Королёва, доктор филологии Латв. Респ., ассоц. профессор (Даугавпилс). Старообрядцы в современном мире: традиции, культура, язык 85

Г.Ю. Лазновская, к.и.н. (Волгоград). Особенности французского языка и национального характера в восприятии русских путешественников второй половины XIX века 89
Н.А. Моисеева, к.филос.н., доцент (Балашиха). Лингвистическая антропология: основные направления и методы исследования 91
К.В. Сбитнев (Курск). К вопросу о взаимосвязи языка и культуры 96
В.И. Сороковикова (Москва). Лингвистический поворот в современных исследованиях культуры 98
С.В. Тараканова (Коломна). История слова *фунт* в текстах и словарях 102
М.Г. Церцвадзе, д.ф.н., ассистент-профессор; **М.Т. Кухалашвили** (Кутаиси). Проблемы соотношения и взаимоотношения языка и культуры 105
А.Б. Шагдарова (Улан-Удэ). Вторичные значения белого цвета в русском и китайском языках 110
Н.Г. Шаймердинова, д.ф.н., профессор (Астана). Отражение в орхонских текстах культуры древних тюрков 112
П.А. Якимов, к.п.н., доцент (Оренбург). К вопросу об определении и классификации религиозной лексики в русском языке 117

РАЗДЕЛ III. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.Э. Алекберова, к.ф.н., доцент (Москва). Межкультурное взаимодействие как центральная доминанта туристского бизнеса 122
Е.С. Баландина (Челябинск). Экспериментально-теоретическое исследование фрагментов русского и английского языкового сознаний (на материале русского ассоциативного словаря и словаря Киша) 125
А. Банашек-Шаповалова (Катовице). Этно- и социокультурное пространство русских и польских брачных Интернет-объявлений в гендерных оппозициях на уровне коммуникативного поведения 130
Н.В. Баско, к.ф.н., доцент (Москва). Русский национальный характер во фразеологизмах 135
В.Г. Бурыкина (Белгород). Межкультурное сотрудничество российских и иностранных студентов: понятие, структура, функции 138
Ю.Н. Варзонин, д.ф.н., профессор; **И.В. Выржиковская** (Тверь). Лингвистические маркеры этической принадлежности коммуниканта 140
О.Ю. Гаврилова, к.ф.н. (Минск). Окказиональные заимствования в английской экономической публицистике 144
Г. Гайлите (Рига). Карикатура как средство межкультурной коммуникации: случай Латвии 145
Л.Ю. Дудченко (Псков). В круге втором 147
Н.Р. Иванова (Нефтекамск). Характеристика речевой гомогенности/гетерогенности группы в условиях билингвизма и трилингвизма 149
Н.Н. Казыдуб, д.ф.н., доцент (Иркутск). Аксиосфера межкультурной коммуникации 157

Э.Е. Каминская, к.ф.н., доцент (В.Новгород). «Верю, что до начала дачного сезона мы встретимся»: объявления о знакомстве в англоязычной и русскоязычной прессе 161
Ю.А. Кумбашева, к.ф.н., доцент (Санкт-Петербург). Отражение процесса заимствования иноязычных слов в художественных и рекламных текстах 167
В.В. Кучерявенко (Москва). Прагматика перевода рекламного текста в контексте межкультурной коммуникации 171
А.В. Майорова, к.п.н., доцент (Мытищи) Семантические барьеры в межкультурной коммуникации 177
Л.И. Маршева, д.ф.н., доцент (Москва). Основные проекты по популяризации церковнославянского языка в контексте межкультурной коммуникации 180
В.Д. Нарожная, к.ф.н., доцент (Шымкент). Знаковые функции украшений в межкультурной невербальной коммуникации 185
М.Н. Николаева, к.ф.н., доцент (Электросталь). Национально-маркированная лексика в американских рекламных текстах 188
И.М. Петрачкова, к.ф.н., доцент (Гомель). Имя собственное в контексте межкультурной коммуникации 194
Сюань Сунь (Шанхай, Елец). Невербальные средства общения русских и китайцев 197
С.Ю. Хованова, к.ф.н., доцент (Москва). Английские номинативные единицы типа *push-up* в качестве заимствований в русском языке (к проблеме межкультурной коммуникации) 199
А.В. Чекалова, к.ф.н., доцент (В.Новгород). Шведская языковая картина мира: ключевые идеи в культурно значимых концептах 206
С.Д. Чугу, к.ф.н., доцент (Винница). Художественный мир и расширение когнитивного пространства языка 210
Н.Л. Чулкина, д.ф.н., доцент (Москва). Этнопсихолингвистика и межкультурная коммуникация 213

РАЗДЕЛ IV. ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Д.З. Абдуллаева, к.ф.н. (Андижан) Аналогичность басенных сюжетов в русской и узбекской литературе 218
Е.И. Белякова, к.ф.н., доцент (Череповец). Литературные взаимодействия и перевод 221
Н.С. Васькив, д.ф.н., профессор (Каменец-Подольский). Рецепция украинской культуры русскими писателями на фоне политических коллизий (1920-1930-е годы) 224
М.А. Голованева, к.ф.н., доцент (Астрахань). Прагматический смысл функционирования профессионализмов в драме 227

Н.М. Грищенко к.ф.н., доцент (Минск). Формирование эстетических стимулов художественного произведения под воздействием «духа эпохи» 229
Л.А. Иванова, к.ф.н., доцент (В.Новгород). Становление и развитие сравнительного литературоведения в Германии 233
А.В. Игнашов, к.ф.н., доцент (Самара). Эссе из книги «За что я все помню?..» как опыт межкультурного взаимодействия 237
В.С. Истомин, к.ф.н., доцент (Гродно). Образ России в художественном пространстве Анри Труайя 241
Ф.К. Кийикбаев (Андижан). Древние и сходственные проблемы в мировой литературе 245
О.В. Лебедева, к.ф.н. (В.Новгород). Интерпретация категорий английскости и французскости в новелле Джулиана Барнса «Эксперимент» 249
И.Ю. Мауткина, к.ф.н. (В.Новгород). «Счастливый Принц» О. Уайльда и «Пещера Королевы-статуи» Р. Лейк: к вопросу о поэтике литературной сказки 253
А.И. Станишевская (Санкт-Петербург). Язык романа Эмилии Бронте «Грозовой Перевал» в контексте культуры викторианской эпохи 261
О.А. Турсунова (Андижан). Фонетические особенности поэтического текста (на основе узбекских стихотворений) 263
Т.И. Шустрова, к.ф.н., доцент (Санкт-Петербург). Писатель и читатель в контексте современной массовой литературы 267

РАЗДЕЛ V. КОНЦЕПТУАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

О.В. Афанасьева, к.ф.н. (Алексеевка). Концептуальная метафора *society is a herd* как способ выражения отрицательной оценки в представлении общества в английском языке 270
У. Ая (Нарва). Ценностные доминанты лингвокультуры в пословицах (на материале русского и эстонского языков) 273
Л.Г. Гилева (Москва). К вопросу о роли логической формы в пословицах современного французского языка с элементами отрицания 276
Е.Ф. Жукова, к.ф.н., доцент (В.Новгород). Пословицы как особая форма презентации эмоций 279
А.К. Жумабекова, д.ф.н., профессор (Алматы). Лингвокультурологический анализ русских и казахских паремий, основанных на оппозициях 291
Г.В. Зимовец, к.ф.н. (Киев). Значение трансонимизации в образовании эргонимов 295
Янчунь Лю, доцент (Шэньян). Погода как лингвокультурный концепт 299
С.А Малахова, к.ф.н. (Армавир). Образная составляющая концепта «обида» в русском языке 304
Манаенко Г.Н., д.ф.н., профессор (Ставрополь). Концепт – понятие-значение: когнитивные и коммуникативные параметры 309

О.Ю. Машина, к.ф.н., доцент (В.Новгород). Фразеологизмы в разговорной речи 315
В.А. Мельничук (Минск). Сопоставление русских, английских и французских фразеологизмов с компонентом-этнонимом 317
И.Ю. Моисеева, д.ф.н., доцент (Оренбург). Герменевтическое мировидение как фактор адекватности восприятия и понимания художественного текста 323
Г.А. Мусатова, к.ф.н. (Рязань). Фразеосхемы с уступительно-противительной семантикой 329
О.А. Никитина, к.ф.н., доцент (Тула). Фразеология как источник лексических инноваций 333
Н.Ю. Петрова, к.ф.н., доцент (Москва). К вопросу о когнитивных основаниях когерентности в текстах-списках (жанры драмы и прозы) 340
О.Ю. Печенкина, к.ф.н., доцент; **Е.А. Чернявская** (Брянск). Концепт *ум* в пословицах и поговорках русского народа 344
С.В. Ракитина, д.ф.н., доцент (Волгоград). Пресуппозиция как условие успешной научной коммуникации 348
А.Г. Рыжкова (Тверь). Процесс транстерминологизации в когнитивном аспекте (на примерах отраслевых терминологий русского, английского и французского языков) 351
О.А. Селеменева, к.ф.н. (Елец). О когнитивном признаке *перцептивность* в содержании концепта «состояние природы» 356
А.Б. Смагулова, к.ф.н., доцент (Караганда). Культурно-значимые смыслы концепта «жена» в русской языковой картине мира 361
Е.А. Снеткова (Санкт-Петербург). Семантическое поле «чувства» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» 363
И.В. Стекольщикова, к.ф.н. (Москва). Проблема понимания языка, расы и коммуникации французскими и английскими лингвистами-натуралистами XIX века 373
Н.П. Степанова, к.ф.н., доцент (Иркутск). Концептуализация представлений времени (на материале французского и русского языков) 376
Н.В. Трошина, к.ф.н., доцент (Брянск). Содержание концепта «русский народ» в концептосфере славянофильства 382
Т.Н.Федуленкова, д.ф.н., профессор; **И.В.Антонова** (Северодвинск). Фразеологическая апокопа в контексте 385
З.У. Хакиева (Грозный). Специфика научной картины мира, реализуемой современной англоязычной терминологией 388
А.Г. Ходакова, к.ф.н. (Тула). Терминологическое понятие в профессиональном и повседневном общении 396
И.М. Цыпина (Москва). Способы образования политических дериватов в русском языке 398
Т.Н. Яковчиц (Минск). Переход в общелитературный язык арготизмов – семантических дериватов 400

РАЗДЕЛ I. МИРОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Г. Донцова
Донбасский государственный технический университет, Алчевск (Украина)

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

Каждое современное государство в процессе своего становления и развития, так или иначе, сталкивалось с языковым вопросом. И, как правило, рано или поздно отдавало преимущество единому государственному, иначе говоря, официальному языку. Эта необходимость следует из самой природы государства, его сути и предназначения. Но государство, по крайней мере, современное цивилизованное государство, призвано не только обеспечить защиту населения определенной территории от внешних посягательств и поддерживать внутренний порядок в стране. Самая важная функция государства – из конгломерата людей, несмотря на все их, иногда абсолютно противоположные личностные, групповые, классовые, этнические интересы, наконец, создает единое общество, отлаженный действующий организм, способный целеустремленно сконцентрировать свои физические и духовные ресурсы, и таким образом саморазвиваться, самореализовываться.

Самую важную роль в консолидации общества играет язык. Как убеждает мировой опыт, именно язык лежал и лежит в основе духовного объединения людей в определенное сообщество. «Самые примитивные по своему образу жизни племена, которые изучались этнографами, т.е. племена австралийцев, андаманцев и бушменов, - свидетельствует один из исследователей, - не имеют никакой организации, представляют собой всего лишь группу людей, которые имеют свой особый язык и осознают свое единство. И далее: «Самым существенным признаком, который объединяет племя, является, прежде всего, язык» (Ольдерогге 1969: 139). И в современном мире, как утверждают социологи, «общий язык объединяет людей», «общий язык организовывает опыт людей», « общий язык также поддерживает сплоченность общества» (Смелзер 1994: 48, 53-54).

Язык – самое весомое приобретение каждого отдельного человека и самая большая общественная ценность. Язык – это явление одновременно и индивидуальное и социальное: он обслуживает и каждого отдельного человека и все общество. Основные функции языка – оформление мыслей (мыслетворческая функция) и межчеловеческое общение (коммуникативная функция). Язык в одинаковой мере направлен как во внутренний, психический, так и во внешний, социальный мир человека. Благодаря этому язык выполняет определенные индивидуальные и общественные функции.

Язык успешно выполняет эти функции только тогда, когда он действительно выработан определенным обществом, т.е. приспособлен именно к менталитету этого общества, к условиям существования, и стал общим приобретением для всех членов этого общества. Это хорошо понимали и понимают политики и по-разному принимали и принимают во внимание в своей деятельности. Языковой вопрос в разных странах решался почти одинаково – на государственном уровне.

Рассмотрим решение языкового вопроса и отношение к украинскому языку как государственному в Украине.

Сейчас на украинском языке в Украине и за ее пределами говорят примерно 45 млн. человек. По числу людей, которые говорят на украинском языке, украинский язык находится на 15-м месте в мире.

Украинское законодательство о языке берет начало в марте 1918 г. когда Центральный Совет принял закон о государственном языке. В нем в частности говорилось: «Различные надписи, вывески … должны быть написаны на государственном украинском языке… Языком делопроизводства должен быть государственный украинский…». Однако этот закон утратил силу с потерей независимости.

1 сентября 1923 г. ВЦИК и Совнарком УССР издал декрет «О мерах обеспечения равноправности языков и содействия развитию украинского языка». В Украине 1925 г. вышла серия постановлений об украинизации. В этих документах говорилось об открытии школ с украинским языком обучения, об увеличении количества изданий разной литературы, в частности, учебников, газет, журналов на украинском языке, об изучении украинского языка государственными служащими, о переводе делопроизводства на украинский язык и т.п. Однако уже в начале 30-х г. украинизация заметно сбавляет скорость, ее достижения ликвидируются, а 22 ноября1933 г. ЦК КП(б)У принял постановление о приостановлении процесса украинизации. Начался обратный процесс сужения функций украинского языка и вытеснения его русским языком.

По требованию национально-патриотических сил в 1989 г. в Украине был конституционно закреплен государственный статус украинского языка и принят закон о языке в УССР (28 октября 1989г.).

В декларации о государственном суверенитете Украины, принятой 16 июля 1990 г. Верховным Советом Украинской ССР среди прочего указывалось: «Украинская ССР обеспечивает национально-культурное возрождение украинского народа, его исторического сознания и традиций, национально - этнографических особенностей, функционирования украинского языка во всех сферах общественной жизни».

Незадолго до провозглашения независимости Украины, 12 февраля 1991 г. Совет Министров Украины принял Государственную программу развития украинского языка и других национальных языков в Украинской ССР на период до 2000 г. К сожалению, эта программа не была выполнена даже наполовину.

В ст.10 Конституции независимой Украины, принятой 28 июня 1996 г. записано: «Государственным языком в Украине является украинский язык. Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины». Конституционный Суд Украины своим решением от 14 декабря 1999 г. дал такое толкование этого и других пунктов Конституции: «Положения Конституции Украины обязывают использовать государственный язык - украинский язык как язык официального общения должностных лиц при исполнении служебных обязанностей, в работе и в делопроизводстве органов государственной власти, представительных и других органов Автономной Республики Крым, органов местного самоуправления, а также в учебном процессе в государственных и коммунальных учебных заведениях Украины».

Что касается национальных меньшинств, то отметим, что все международные правовые документы требуют, чтобы национальные меньшинства, досконально овладевая своим языком, в полном объеме владели и языком страны своего проживания. В частности в преамбуле к Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств от 5 ноября 1992 г. указывается: «Защита и развитие региональных языков или языков меньшинств не должны проводиться в ущерб официальным языкам и необходимости изучать их». В первом пункте Гаагских рекомендаций о правах национальных меньшинств на образование, принятых под эгидой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в октябре 1996 г. подчеркивается: «представители национальных меньшинств ответственны за интегрирование в общество своего государства посредством приобретения достаточного знания государственного языка». В Пояснительной записке к Гаагским рекомендациям это положение повторяется еще раз: «Право меньшинств поддерживать коллективную самобытность через свой язык должно быть в равновесии с их ответственностью за интеграцию и участие в более широком гражданском обществе. Такая интеграция требует приобретения должного знания, как этого общества, так и государственного языка(ов)».

Общий для всего общества язык дает возможность сконцентрировать весь его интеллектуальный потенциал и, таким образом, в процессе исторического развития перерастает в могучую движущую силу общественного прогресса.

Литература:

1. Ольдерогее Д.А. О некоторых этнолингвистических проблемах Африки //Вопросы социальной лингвистики. - Л., 1969.
2. Смелзер Нейл. Социология. - М., 1994.
3. http://www.embrus.org.ua/ruslang/ruslanglegislation/index.php?ELEMENT_ID=405
4. http://www1.umn.edu/humanrts/russian/osce/basics/Rhaguerecom.html

В.В. Кабакчи
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Санкт-Петрбург

A language belongs to whoever uses it, and it is not the sole property of its native speakers (S.N. Sridhar: 293)

ВВЕДЕНИЕ В ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ

Глобализация, «глобанглизация» и межкультурное общение

Последняя четверть XX века принесла радикальные изменения в глобальную языковую ситуацию. Впервые в истории земная цивилизация получила *глобальный* язык межкультурного общения – английский язык. У всех народов мира возникла необходимость использовать английский язык в качестве *вторичного средства своего культурного самовыражения*.

Наблюдения показывают возникновение нового вида языкового общения с необычным лексическим наполнением и структурой текста:

For the Japanese, the *tanka* is a "long poem": in its common form it has 31 syllables; the *sedoka* has 38; the *dodoitsu*, imitating folk song, has 26. From the 17th century and onward, the most popular poetic form was the *haiku*, which has only 17 syllables. (EncBr)

Islam Islamic doctrine, law, and thinking in general are based upon four sources, or fundamental principles (*usul*): (1) the Qur'an, (2) the *sunnah* ("traditions"), (3) *ijma'* ("consensus"), and (4) *ijtihad* ("individual thought"). (EncBr)

Возникает необходимость осмысления этого феномена, изучения закономерностей функционирования английского языка в качестве глобального средства вербализации земной цивилизации (подробно: Кабакчи 1998). Это направление в лингвистике мы называем «интерлингвокультурологией».

Закономерности «английского языка межкультурного общения»

Принципиальная возможность английского языка выступать в качестве вторичного средства общения иноязычного общества возможна благодаря «функциональному дуализму языка». Суть его заключается в том, что язык – это, с одной стороны, средство общения землян вообще, с другой – средство общения конкретного отдельного народа (Кабакчи 2005). Следовательно, «английский язык межкультурного общения», ориентированный в область иноязычной культуры, АЯМО, может реализовываться в приложении к любой иноязычной культуре. При этом он выступает в своей «вторичной культурной ориентации». В силу этого АЯМО, используемый в приложении к русской культуре, АЯМО (РК), это лишь частный случай АЯМО.

Очевидно, что для определения базовых закономерностей АЯМО (РК) нам следует определить, каким бы был английский язык, если бы лица, владеющие этим языком использовали его в ориентации на русскую

культуру. Процесс приспособления (адаптации) языка в соответствии со спецификой местной (иноязычной) культуры Б. Качру называет «нативизацией» (Kachru 1986: 130)

Аутентичные тексты описания иноязычной культуры

Закономерности англоязычного описания русской культуры целесообразно, как нам представляется, изучать на материале «аутентичных текстов», то есть тех текстов, которые созданы лицами, свободно владеющими английским языком и хорошо знающими русскую культуру. Источником таких текстов является *Rossica*, т.е. фонд иноязычных текстов о русской культуре, в первую очередь текстов, написанных на западноевропейских языках.

Идею приобретения, каталогизации и изучения иноязычных текстов о России (получивших термин *Rossica*) впервые высказал в начале XIX века А.Н.Оленин (1763-1843), директор Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. К реализации этой идеи в середине того же века приступил другой директор этой библиотеки, Модест Корф (1800-76). О количестве текстов англоязычного описания русской культуры в настоящее время говорит тот факт, что лишь в библиотеке лондонской School of Slavonic and East European Studies (SSEES), одном из крупнейших центров англоязычной русистики, хранится около 100 тыс. книг и свыше 200 современных периодических изданий, посвященных изучению восточной славистики, в первую очередь – русистике (данные 2008 г.).

Это самые разнообразные тексты: научные, научно-популярные, публицистика, публикации СМИ, путевые заметки и путеводители, художественные произведения, в том числе и классика англоязычной литературы Владимира Набокова. Наибольший интерес в этом отношении, на наш взгляд, по крайней мере, для лингвистического исследования, представляет капитальный труд *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union* (второе издание, 1994), составленный 142 ведущими англоязычными «русологами» под общей редакцией. Изучение этих текстов позволило нам сделать важные наблюдения в области АЯМО вообще и АЯМО (РК), в частности.

Культурная специализация английского языка

Ориентация английского языка на конкретную иноязычную культуру сопряжена с формированием специализированной разновидности этого языка, схожей по своим характеристикам с научным языком, а это значит, что в рамках данной разновидности АЯМО идет формирование фонда специальной лексики. При этом английский язык, будучи глобальным языком всей земной цивилизации, выполняет в рамках ее вербализации ту же функцию, которую выполняет латинский язык в случае каталогизации флоры и фауны, правда, с существенными особенностями, о которых ниже.

Культуронимы и их классификация

В центре изучаемой проблемы – необходимость нахождения адекватных наименований элементов иноязычной, в нашем случае – русской, культуры. «Культуронимами» мы называем наименования элементов любых культур, независимо от конкретного языка («река», «учитель», «самовар»; river, teacher, cowboy). Культуронимы делятся на полионимы и идиокультуронимы, идионимы и ксенонимы. «Полионимами» мы обозначили универсальные культуронимы, которые могут быть использованы в ориентации на различные культуры («река», «учитель»; river, teacher). Антиподами полионимов являются «идиокультуронимы», т.е. наименования специфических элементов культур («самовар»; cowboy; ср.: «языковые реалии» в традиционной теории перевода). Идиокультуронимы мы делим на «идионимы» («самовар», «Волга», «царь»; pub, cowboy, UK), т.е. идиокультуронимы данного языка, идионимы «своей», «внутренней», культуры, и «ксенонимы» (идиокультуронимы иноязычных, «внешних» культур): samovar, Volga, tsar; паб, ковбой, Соединенное королевство.

Таким образом, в предложении

«It is early Sunday morning, and I am looking through my Moscow window at the street below». (Davidow: 7)

содержатся следующие группы лексики:

(1) лексика, нейтральная по отношению к различным культурам (it, is, early, and, I, am, look, through, my, at, the, below);

(2) полионимы, т.е. культуронимы, которые могут использоваться в приложении к различным культурам (Sunday, morning, window, street);

(3) идионим (Moscow).

Вот пример мультикультурного АЯМО:

Jerusalem, Mecca, Rome, Moscow – all are places of pilgrimage, whether the faithful come to pray at the Wailing Wall, circle the *kaaba,* be blessed by the Pope or file past Lenin’s embalmed body in the great mausoleum on Red Square. (Fodor’89: 131)

В этом «космополитическом» предложении культуронимы «Jerusalem, Mecca, Rome, Moscow, Wailing Wall, *kaaba,* the Pope, Lenin, Red Square» следует рассматривать как идионимы.

Языковые характеристики ксенонимов

Ксенонимы – это *легитимный пласт лексики любого языка*, что подтверждается включением их в словники толковых словарей.

Ксенонимы *вторичны*, это производное от идионимов, которые *первичны*. Идионимы – это данное: исходное (эталонное) наименование элемента культуры. Идионимы «Москва», «царь» «казак» - имеют вторичные, зачастую более или менее отличное от идионимов-прототипов номинации (ср.: «казак» и Cossack; tsar / czar).

Ксенонимы – это пласт *специальной* лексики, поскольку любая иноязычная культура для неспециалистов является специальной областью знаний.

Вместе с тем, ксенонимы имеют и специфические отличия от традиционных терминов. Если для научно-технических терминов исходной лексической базой является греко-латинская терминология, то исходной базой наименования культурных элементов является лексика соответствующих иноязычных культур. Кроме того, в отличие от традиционной терминологии, значительную, если не бóльшую, часть ксенонимов составляют собственные имена (*ксенонимическая ономастика*: «Лондонский Тауэр», «Гарвард», «королева Елизавета II»; Moscow, Dostoevsky, Bolshoi Theater).

Сосуществуют *различные способы* образования ксенонимов, среди которых наиболее продуктивны **заимствования** (tsar, Cossack, Bolshevik, balalaika), **калькирование** (Old Believer, Decembrist, collective farm) и гибридные образования (Soviet Union, Bolshoi Theater, Kiev cutlet). Сам факт различных способов образования ксенонимов порождает ситуацию сосуществования *вариантов наименования* одного и того же идионима.

Введение в текст ксенонимов определяется противостоянием двух требований к используемой номинации: формальная точность и семантическая доступность.

Ксенонимическая обратимость

Под «ксенонимической обратимостью» будем понимать существование однозначной связи между ксенонимом и его прототипом-идионимом: boyar, chernozem, Old Believer, Decemrist. Иными словами, адекватность текста англоязычного описания русской культуры предполагает однозначность перехода от англоязычных номинаций к их русским прототипам и обратно. В частности, читая различные тексты, посвященные членам «Могучей кучки», адресат должен понимать, что варианты наименования Moguchaya kuchka, Mighty Handful/Band/Coterie и, наконец, the (Russian) Five – именуют группу русских композиторов конца XIX века, идеологом которых был М.А.Балакирев (1836/37-1910). При этом ксеноним-заимствование (Moguchaya kuchka) наиболее надежно обеспечивает формальную точность номинации, в то время как последний вариант, the (Russian) Five, следует отнести к традиционным ксенонимам, в данном случае – получившем распространение в музыкальных кругах (подробнее: Кабакчи 1998: 48-52).

Ксенонимическая доступность

Доступность восприятия адресатом ксенонима в тексте зависит от степени освоенности и частотности данного ксенонима АЯМО (РК). С этой точки зрения ксенонимы-русизмы в современном английском языке можно разделить на три группы: (1) «базовые ксенонимы» входят в слой общедоступной лексики (tsar, samovar, balalaika, Cossack, Moscow); это небольшая группа слов, фиксируемая словарями малого объема в 60-90 тысяч единиц

словника; эти ксенонимы не нуждаются в пояснении; (2) «специальные словарные ксенонимы» фиксируются словарями бóльшего объема и нуждаются в пояснении (*oblast', starets, Strel'tsy*); (3) «специальные окказиональные ксенонимы» также нуждаются в пояснении, они низкочастотны и не регистрируются даже самыми большими толковыми словарями (*dvoryane, Rossiyane*). Подробнее: Кабакчи 1998: 33-38).

Формирование ксенонимического пласта

Формирование ксенонимического пласта словарного состава это длительный и вялотекущий процесс, в ходе которого ксенонимы раннего поступления могут подвергаться значительной ассимиляции (Cossack, Crimea, Siberia, steppe, Tchaikovsky). Процессу ассимиляции противостоит процесс «ксенонимической реставрации», который заключается в приближении ксенонима к исходной форме идионима-этимона (прототипа): copeck => kopeck => kopek; Archangel => Arkhangel'sk; Sebastopol => Sevastopol'.

Итогом многолетних изучений огромного корпуса англоязычных текстов описания русской культуры стала публикация *The Dictionary of Russia* – 2500 ксенонимов-русизмов с иллюстрациями их употребления, взятыми из англоязычной Rossica (Кабакчи 2002). Наблюдения показывают, что, несмотря на то, что практика межкультурного общения отбирает наиболее адекватные ксенонимические варианты, требование сочетания формальной точности и доступности текста приводят к сосуществованию формально точных заимствований (Dekabrist, *kolkhoz, chernozem*, Narodnik, Moguchaya kuchka) и менее точных, но более удобных для запоминания, воспроизведения и понимания калек и гибридных вариантов (Decembrist, collective farm, 'black earth', the Five).

Вариативность ксенонимов

Реализация различных способов образования ксенонимов, которые в различной степени обеспечивают ксенонимическую обратимость и доступность, объясняют ксенонимическую вариативность, когда один и тот же элемент внешней культуры имеет различные наименования: *Smutnoe vremya* / Time of Troubles; Peredvizhniki / Wanderers); chicken Kiev / Kiev cutlet.

Выбор ксенонимического варианта зависит от коммуникативной ситуации, жанра текста, квалификации автора. Соответственно, более строгие научные тексты позволяют значительное насыщение их заимствованиями с необходимыми комментариями, в то время как в популярных текстах предпочтение обычно отдается кальками, гибридными образованиями, либо вообще приблизительными аналогами и описательными оборотами, что, правда, неизбежно сопряжено с потерей информации (Кабакчи 1998: 58).

Ксенонимическая экспликация

Поскольку большая часть ксенонимов неизвестная адресату, они нуждаются в пояснении («экспликации»), которая осуществляется с помощью т.н. «параллельного подключения». В текст параллельно ксенонимической номинации посредством однородных членов предложения, вводных оборотов и пр. вводятся пояснения:

Moscow State University (*Moskovskiy Gosudarstvenniy Universitet*) – known by its initials as MGU (pronounced “em-gay-oo”) – occupies the largest of the city’s skyscrapers. (Richardson 2005: 196)

The gentry or middle service class (*dvoryane*) also figure in numerous graveside inscriptions. (Kaiser, 446)

Характер экспликации зависит от конкретной языковой ситуации, а само пояснение может варьироваться от одного слова, дающего весьма приблизительное пояснение, до пространного текста, далеко выходящего за рамки того предложения, где ксеноним появился впервые. Широко используются и затекстовые экспликации.

Стилизация текста

За рамками чисто информативного текста, а нередко и в нем, используются разнообразные стилистические приемы передачи специфики описываемой культуры. В одних случаях это заимствования, выполняющие исключительно декоративную стилистическую функцию:

Certainly it is not the Russia of *izbi* and *babushkas*, of earthy proverbs by peasants in bast shoes. (Massie, *Pavlovsk*: 215)

Kulebyaka is the Tsar of Russian pies. (Craig, Novgorodsev 1990: 42)

В других случаях вводятся отрывки иноязычной речи:

‘Yes, I see *vizhu, vizhu, kampus kak kampus:* The usual kind of thing’ … (Nabokov *Pnin*: 407)

В художественном тексте нередко появляются образцы нестандартного английского языка:

‘Information, please,’ said Pnin, ‘Where stops four o’clock bus to Cremona?’ (Nabokov *Pnin*: 382) <>

В текст вводятся и русские пословицы, как правило там, где возможно адекватное калькирование. Изредка калька подкрепляется параллельно подключенным оригиналом в транслитерации, ср.:

(1) Reagan quoted his favourite Russian proverb, *Doveryai, no proveryai* (Trust, but verify)... (*Newsweek* 21.12.1990).

(2) Reagan … bubbled his favourite Russian phrase, 'Trust but verify' ... (*Time* 19.12.1990).

Построение текста зависит от целевой установки автора и конкретной коммуникативной ситуации. Вот образец научного стиля, в котором автор анализирует надгробные надписи средневековой Руси:

The gentry or middle service class (*dvoryane*) also figure in numerous graveside inscriptions. A 1677 Pskov memorial, for example, recalls the "Moscow *dvoryanin*" Evsegneii Nikitin *syn* Neelov, while a 1679 inscription remembers another *dvoryanin*, Grigorii Grigor'ev *syn* Chirikov. Numerous memorial plates from the Pskov Caves monastery identify the deceased as "*pomeshchik*," confirming the fact that the middle class level of Muscovite servitors became accustomed to adding social rank to grave markers. Soon *zhiltsy* and others who inhabited the middle levels of the Muscovite social order also had their rank recalled in commemorative tablets. Seventeenth-century ceramic memorials commemorate a musketeer (*strelets*), artilleryman (*pushkar'*), and others from the lower reaches of the military service classes. (Kaiser 2004: 446).

Наиболее быстрое развитие АЯМО (РК) в последние десятилетия идет в западных путеводителях по России и российских англоязычных газетах экспатриантов (типа *Moscow / St Petersburg Times*). Поскольку такие тексты рассчитаны на адресата (особенно в случае экспатриантов), владеющего хотя бы примитивным русским языком, здесь встречаются самые неожиданные образцы текста, например (*SPbIYP* March 2009):

Word of the month: *Vsyo v shokolade*

Vsyo v shokolade (everything in chocolate) – that's the real way to live! If you're living *v shokolade* it means that everything in your life is, like the best chocolates, luxurious and tasty. You've got the *klassnaya mashina* (cool car), the *shikarny* (chic and stylish) clothes and the *klyovy* date on your arm. You eat in *glamurny* (glamorous) restaurants which are *ochen dorogie* (very expensive) and drink with VIPs at the most *eksklyuzivny* (exclusive) bars in the city. Even Russia's It-girl, the *blondinka v shokolade*, Kseniya Sobchak could be jealous of you. Ah! The power of dreams …

А вот образец мультикультурного АЯМО:

Criminale hade been, at various times (not put in order), a *dozent* at the Eötvös Lorand University in Budapest, Hungary, a dramaturge at the People's Theater in Wrocław, Poland; the *Kunstkritiker* of newspaper in Leipzig. (Bradbury M. 1993: 32)

В **заключение** следует сказать, что интерлингвокультурологии предстоит решить целый ряд важнейших задач. Отметим лишь наиболее важные.

1. Поскольку в данном случае речь идет о прямом межкультурном диалоге и, в ходе которого адресанту приходится решать задачи, схожие с теми, которые решает традиционная теория перевода, в первую очередь – перевода художественного текста, есть основания для выделения самостоятельного вида переводческой деятельности – «внутреннего перевода» (Кабакчи 2000; ср.: Бархударов: 11).

2. В прямом межкультурном диалоге определяющим фактором является билингвизм ситуации общения, что делает билингвизм (мультилин-

гвизм) и теорию языковых контактов вообще одним из центральных объектов изучения.

3. Ксенонимический пласт лексики, как и лексика вообще, находится в постоянном процессе развития и нуждается в постоянном мониторинге.

4. Важным объектом исследования в рамках интерлингвокультурологии является ксенонимическая лексикография.

5. Актуальной проблемой АЯМО (РК) продолжает оставаться проблема транслитерация русизмов, остающаяся нерешенной уже более ста лет.

6. В связи с широким распространением в последние десятилетя World Language Literature («инокультурная литература» ???) особое внимание следует уделить изучению особенностей художественной литературы в рамках АЯМО (РК), в частности, богатое наследие англоязычного В.Набокова.

Литература:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
2. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 1998.
3. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: “Внутренний перевод”. - *Studia Linguistica* 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб. 2000. С.65-75.
4. Кабакчи В.В. *The Dictionary of Russia* (2500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб., 2002.
5. Кабакчи В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция / Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч.2. – СПб., 2005. С.164-175.
6. Kachru B. *The Alchemy of English. The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes*, 1986.
7. Sridhar S.N. “Non-Native English Literatures”/ In: Kachru *The Other Tongue*, 291-306.

Источники примеров:

1. Bradbury M. *Doctor Criminale.* – Penguin Books, 1993
2. *Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union, The* (1994). A.Brown, M.Kaser, G.Smith (eds.): Cambridge University Press, UK.
3. Craig K., Novgorodsev S. *The Cooking of Russia.* - A Sainsbury Cookbook, London, 1990.
4. Davidow M. *Moscow Diary*. M.: Progress, 1980.
5. *Encyclopædia Britannica 2001* Standard Ed. CD-ROM. (Copyright © 1994-2001 Encyclopedia Britannica)
6. Fodor’1989 = *Soviet Union.*
7. Kaiser, Daniel. Discovering Individualism Among the Deceased. – Kotilaine, Jarmo & Poe, Marshall (ed.). *Modernizing Muscovy*. London & NY: Routledge Curzon, 2004, pp.433-59.

8. Massie, Suzanne. *Pavlovsk. The Life of a Russian Palace.* - Boston, Toronto, London: Little, Brown & Co., 1990.
9. Nabokov *Pnin* = Nabokov V. *Selected Prose and Verse.* - Moscow: Raduga, 1990.
10. Richardson D. *Moscow*. NY, L, Delhi: Rough Guides, 4th ed., 2005.
11. *St. Petersburg.* In Your Pocket. Essential City Guides. BCB Tourism And Publishing BV, (a monthly guide).
12. *Soviet Union. With Essays on History and Art.* -NY&London: Fodor's Travel Publications, 1988.

Сокращения:

АЯМО = «английский язык межкультурного общения», ориентированный в область иноязычной культуры

АЯМО (РК) = АЯМО, используемый в приложении к русской культуре

EncBr = *Encyclopœdia Britannica*

SPbIYP = St. Petersburg. In Your Pocket.

А.Г. Климович
Минский государственный лингвистический университет, Минск (Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ОБЩЕГО СЛЕНГА

Общеанглийский сленг является открытой лексической системой – как для неологизмов, возникающих внутри основных вариантов английского сленга (британский, американский и австралийский) в связи с потребностями носителей сленга в новых номинациях, так и для сленгизмов, переходящих в него из периферийных территориальных вариантов английского сленга: канадского, новозеландского, ямайского, южноафриканского, багамского и т.д.

В связи с этим интересно выявить, существуют ли некоторые факторы, способствующие переходу сленгизмов из периферийного территориального варианта в общий сленг, и если да, то каковы они. Так, еще в 1964 г. В.А. Хомяковым было высказано предположение, что разделение сленгизмов на два типа (синосленгизмы – синонимы-дублеты к словам литературного языка – и моносленгизмы – номинативные единицы сленга, уточняющие некоторые понятия и имеющие в словаре описательную дефиницию), релевантно в силу некоторых специфических функций, которые эти два типа сленгизмов могут иметь. В частности, лингвист считает, что моносленгизмы в силу своей специфичности, вероятно, обладают способностью надолго задерживаться в сленге (некоторые сленгизмы находятся в обращении до 900 лет), в то время как синосленгизмы быстрее выходят из употребления. В своем исследовании мы предположили существование возможной

корреляции между типом сленгизма и его способностью заимствоваться в общий английский сленг из периферийного территориального варианта.

Рассмотрев все периферийные территориальные варианты английского общего сленга, мы отобрали более или менее объемные (от 30 сленгизмов и более): сленг антарктического региона (35 слов), багамский (75), канадский (267), ямайский (64), новозеландский (193), южноафриканский (87), барбадосский (86) и сленг Тринидад и Тобаго (129 сленгизмов).

Количество моно- и синосленгизмов в каждом территориальном варианте представлено в таблице.

	Национальный вариант английского сленга	моносленгизмы, %	синосленгизмы, %
	Антарктический	80	20
	Багамский	28	72
	Канадский	81,64	18,36
	Ямайский	54,7	45,3
	Новозеландский	59	41
	южноафриканский	53	47
	Тринидадитобагский	47,3	52,7
	Барбадоский	56	44

Таким образом, с одной стороны, можно утверждать, что определенная корреляция между типом сленгизма и его вероятностью быть заимствованным в общий английский сленг существует, так как во всех территориальных вариантах сленга, за исключением сленга Багам и Тринидад и Тобаго, наблюдается количественный перевес в сторону моносленгизмов, однако только в сленге Антарктиды и Канады этот перевес оказался значительным. Единственный вариант сленга, в котором наблюдается превалирование синосленгизмов – сленг о. Багамы (72 %).

Подобное распределение объясняется следующим. Семантика сленгизмов канадского и антарктического национальных вариантов свидетельствует о том, что данные слова номинируют отсутствующие на территории ядерных, основных вариантов сленга (США, Британии и Австралии) реалии. Таковы, например, сленгизмы *diapers* ‘flotation coat with between-the-legs button flaps issued by the National Science Foundation in Antarctica’, *windy* ‘windproof jacket and trousers and over-trousers’; *melon (hut)* ‘prefabricated red field hut’, *zucchini* ‘extended fibreglass field hut’, *donga* ‘sleeping area’, *oicery* ‘sleeping quarters’; *Herbie* ‘powerful blizzard’, *growler* ‘largerly submerged iceberg’; *sawdust* ‘dehydrated cabbage’, *skua* ‘frozen chicken’; *Mactown* ‘McMurdo station in Antarctica’, которые дают нам информацию об особенностях одежды, о своеобразных постройках на Южном полюсе и их частях, природе, еде в Антарктиде и под.

Что касается сленга Канады, то причина большого количества моносленгизмов также кроется в означивании сленгом специфических реалий, свойственных данной территории и отсутствующих на территории других национальных вариантов английского сленга. Например, можно отметить большое количество названий городов и регионов Канады, которые впоследствии были заимствованы в общий английский сленг: *Cabbagetown'* 'mixed residential and business area near downtown in Toronto'; *Edmonchuk* 'Edmonton, Alberta'; *T-dot, Hog-town* 'Toronto', *Windypeg, Winterpeg* 'Winnipeg, Manitoba'; *Chartocracy* 'Canada'; *Slackers* 'Halifax'; *Pain* 'main street in Winnipeg'. Можно также отметить значительное количество наименований понятий, связанных с общественной жизнью Канады: *regale* 'festive occasion', *FDAM* 'occasion for ostentatious dress for First Day at the Marine', *Waffle* 'movement in Canada's New Democratic Party to change somewhat its left-wing policies', *CanCult* 'Canadian culture', *CanLit* 'Canadian literature' и под. Наличие сленгизмов, связанные с рыболовством (*salt-banker* 'fishing boat on the Grand Bank carrying enough salt tp preserve fish caught allowing a longer stay on the water', *flatroofer* 'fishing one with a reduced sailing rig for winter', *berth* 'job, working on a fishing boat'), свидетельствует о распространенности данного вида деятельности на территории Канады.

Немало в канадском сленге также названий кушаний, еды канадцев: *chiddies* 'cooked cod milt', *clennedak* 'child's taffy cone confection', *glutch* 'junk, unappetizing food', *cipaille* 'deep-dish meat pie', *fungee/fungy* 'dumpling or a deep-dish blueberry pie' и под.

Что касается сленга Багам, то 67% всех слов, заимствованных в общий английский сленг составляют наименования частей тела, причем с точки зрения формы большинство сленгизмов представляет собой звуковые комплексы, не соотносимые со словами литературного языка, зачастую необычные: *docy, dooder* 'female breasts', *poop, boom-boom, boongy* 'buttocks', *conky, doggy, lingy, tommy, pippie, bang-bang* 'penis', *dinny, lala, lolly, ninny, kunka, ponga, bobo* 'vagina' и под.

Таким образом, с одной стороны, некоторая системная (вероятностная) корреляция между типом сленгизма и его дальнейшей перспективой войти в общий английский сленг существует, однако она не носит жесткого (механического) характера. С другой стороны, вероятность вхождения сленгизма периферийного национального варианта в общий английский сленг связана также с его звуковой формой. У необычно, экзотично звучащих синосленгизмов шанс быть принятыми общим английским сленгом, как и у моносленгизмов, довольно высок.

Л.П. Михайлова
Карельская государственная педагогическая академия, Петрозаводск

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО С ЭКСТЕНЦИАЛЬНЫМИ ЕДИНИЦАМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

Многие русские говоры находятся в зоне межэтнических контактов, что не может не влиять на состав диалектной лексики. Говоры Русского Севера и Северо-Запада, где с древнейших времен до настоящего времени активно взаимодействуют языки разных структур, характеризуются наличием экстенциальных единиц, функционирующих либо в качестве вариантов, либо в качестве самостоятельных слов (что обусловлено лексикализацией фонетического признака). Под экстенциальной единицей понимается слово исконного происхождения, модифицированное в результате усвоения сильного признака чужой системы в процессе адаптации к иноязычной среде и в силу этого изменившее внешний облик.

Анализ лексики, извлеченной из диалектных словарей, которые отражают состояние дифференциальной части лексической системы говоров за последние полтора столетия, показывает неоднородный характер преобразования одного и того же слова в пределах русской диалектной макросистемы. По этой причине в одном этимологическом гнезде оказываются лексемы, относительно далекие по своему фонемному составу, но имеющие единое исходное слово. При восприятии изолированных единиц такого рода возникают трудности в определении мотивировочного признака. Например, в сочетании *боч́инок хлеба* Кар. Пск. слово *боч́инок* следует рассматривать в этимологическом контексте лексемы *поч́инок* ʻпервый отрезанный от каравая, буханки ломоть хлебаʼ Пск., Смол., Эст. ССР, ʻкусок хлеба, горбушкаʼ Славк. Пск., а не слова *бок*. В данном случае имеет место гиперкорректное употребление звонкого согласного на месте глухого, вызванное такой особенностью прибалтийско-финских языков, как отсутствие начальных звонких согласных *b, g, d* (Лаанест 1975: 26). «В современном финно-угорском языкознании считается принятым, что в абсолютном начале слова не было звонких согласных, а были только глухие» (Лыткин 1974: 125). Аналогичное явление наблюдается также в словах *боя'рки* ʻмужские валенки из хорошей шерсти с высокими голенищамиʼ Холм., Шенк. Арх., ср. литературное *поя'рок* ʻшерсть первой стрижки от ягнятʼ, *поя'рки* ʻваленки из поярковой шерстиʼ Костром., Ср.-Обск.

В этимологическое гнездо могут входить единицы, различающиеся не только одним признаком, как это иллюстрирует предыдущий материал, но и несколькими приметами, приводящими к более существенным сдвигам в фонемном составе слова. В этом отношении показательной является гнездо слов с исходной корневой морфемой *блык-*, в которых нашли свое отражение процессы, приведшие к ликвидации начальной консонантной группы под влиянием при-

балтийско-финских языков. «В начале слова в финно-угорском языке-основе стоял только один согласный (или один гласный). Такое положение в общем сохранилось и в современных финно-угорских языках» (Лыткин 1974: 119).

Исходный корень представлен в таких словах, как *блыка́ть* ʻходить, бродить’ Остр., Пушк. Пск., *блыка́ться* ʻходить без дела, слоняться’ Аш., Беж., Гд., Дед., Дн., Кр., Н.-Рж., Оп., Пав., Печ., Пл., Порх., Пск., Пушк., Сл., Сош., Стр. Пск., ЭССР, ʻбродить, слоняться без дела, шляться; бродяжничать’ Новг., Пск., Твер., Петерб., Смол., Моск., Тамб., Йыгев., Тарт. ЭССР, Йонав. Лит. ССР, *блы’каться* ʻто же’ Славк. Пск., *блыка́ться* ʻходить, плутать в поисках дороги’ Чуд. Новг., *наблыка́ться* ʻмного повидать, пережить’ Прион. Карел., ʻпроходить долго в разных направлениях; проблуждать’ Пск. Пск.; *пусти́ться в блык* ʻотправиться бродить, шататься’ Н.-Рж. Пск.; *блыку́н* 1. ‘кто ходит без дела, слоняется; бездельник’ Вл., Н.-Рж., Печ., Стр. Пск., Смол., Тамб., 2. ‘развратник’ Аш., Остр. Пск., *блыку́ха* 1. ‘женск. к блыкун 1’ Ляд., Печ., Н.-Рж., Стр. Пск., 2. ‘женск. к блыкун 2’ Гд. Пск., *блыкушка* «празднота» Пск., Осташк. Твер.; *блыка́ла* обычно бран. ʻбродяга, развратник’ Прейл. Латв. ССР, Пск.; *блыку́щий* ʻлюбящий ходить без дела, слоняться’ Оп., Остр., Стр., Гд. Пск., ʻлюбящий ходить из одного места в другое, бродить, шляться (преимущественно о домашнем животном)’ Иркут.

Экстенциальные единицы образуются за счет процессов, направленных на ликвидацию начальных сочетаний согласных:

1. упрощение сочетания согласных **tta-** > **ta-**: *лы’каться* ʻбродить’ Кард. Смол., *лы’кала* ʻбродяга’ Духовищ., Поч. Смол., *лы’кас* и *лыка́с* ‘лентяй’ Пск., Осташк. Твер. (ср. также *лыка́с, лы’кась* Борович. Новг., *лы’кус* Влад., Мещов. Калуж. – ‘волк’), *лыка́сить* ‘лейтяйничать, лоботрясничать’ Пск., Осташк. Твер., ‘шататься, слоняться’ Пск., Твер., *лы’ку дать* ‘уйти, убежать’ Пск., Осташк. Твер., *в лы’ко* ‘самокруткой (тайком, против воли родителей вступить в брак)’ Олон.;

2. протеза **tt-** > **att-**: *аблыка́ть* ʻходить, бродить’ Порх. Пск., *аблыка́ться, облыка́ться, ублыка́ться* ʻходить без дела, слоняться’ Гд., Печ. Пск., ʻскитаться’ Гдов. Пск., Волосов. Ленингр., *аблыку́ха* ‘то же, что блыкуха 1’ Ляд. Пск., *аблыку́ха* Печ. и *облыку́ха* Гд. ‘развратница’, *облыку́ша* ʻлентяй, бездельник’ Печ. Пск., *аблыку́щий* ‘отбивающийся от стада, ходящий где попало (о скоте)’ Гд., Сл. Пск.;

3. эпентеза: **tt-** > **tat-**: *балы’к* ʻскитание, бродяжничество’, *быть в балыку́* ʻскитаться’ Пушк. Пск., *балыка́ться* ‘ходить без дела, слоняться’ Гд., Ляд., Пушк. Пск., *булыка́ться* ‘скитаться, бродяжничать’ ЭССР Желачек.

Данная группа дополняется лексикализацией явлений другого рода:

4. употребление звонкого согласного на месте глухого: *блыгу́н* ‘ленивый человек; человек, не имеющий определенных занятий’ Остр. Пск.;

5. мена звуков [б] ~ [в], которая объясняется косвенным влиянием финно-угорских языков (Мызников 2004: 348), отмечена на территории Ря-

занской области: *валык* ʻсвоевольный человек; гуляка’ Ряз. Мена **б ~ в** в данном слове сопровождается эпентезой **tt- > tat-.**

Существенным является тот факт, что единицы, содержащие протезу, эпентезу и мену звонких/глухих согласных (пп. 2, 3, 4), в словарях, в частности в «Псковском областном словаре с историческими данными», подаются как варианты, что, по всей вероятности, отражает объективную речевую ситуацию. Слова же, в которых представлено упрощение консонантного анлаута, воспринимаются как самостоятельные лексемы, что обусловлено их употреблением вне взаимосвязи с исходным словом.

Этимологическое гнездо, включающее исходный корень *блык-*, его экстенциальные варианты *лык*, *балык*, *лыг*, *валык*, *облык* и т. п., расширяется за счет вокалического варианта *блук-* и образований от него с частично сходной семантикой. Группа *блук-* также имеет единицы с некоторыми признаками экстенциального характера, ср.: *лука́ться* ʻходить, где попало, бродить (о звере)’ Гд. Пск., *блука́ться* ‘ходить в поисках дороги, плутать’ Дед. Пск. Однако корневой комплекс *блук-*, осложненный семантическими наслоениями, требует особого рассмотрения. В данной работе ограничиваемся сведениями о корнеслове *блык* с эго экстенциалом, приводя географические сведения (по материалам словарей), что весьма существенно для определения зоны межэтнических контактов.

Литература:

1. Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975. С. 5-122.
2. Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108-213.
3. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Б.К. Момынова
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы (Казахстан)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КАЗАХСКОЙ РЕЧИ

Речевое общение – это многостороннее явление, которое использует в своих целях различные каналы передачи информации : ольфакторный, тактильный, зрительный, слуховой с соответсвующими языковой и неязыковой коммуникации, состовляет специфику речевого общения у разных народов и образуют своего рода коммуникационную среду речевого акта.

Учеными установлено, что при коммуникативном акте используются также различные невербальные символы. Согласно различным источникам, Дарвин определил на сегодняшний день около миллионов видов невербальных реплик и сигналов. Профессор Бердвистил основываясь на концепциях А.Пиза утверждает, что человек в день говорит только 10-11 минут, из них предложение длится 2,5 секунды, вербальная коммуникация состовляет 25%, а невербальная – 65%.

С возникновением и развитием антропоцентрического принципа в лингвистики речь человека, коммуникативный акт изучается с разных ракурсов, в том числе изучаются невербальные, т.е. вспомогательные компоненты коммуникативного акта, т.е. паравербальные элементы речи.

«Язык, следовательно, выражает не только логическую сторону мышления, но другие стороны сознания человека – эмоции, воли » (5). Параэлементы коммуникации, по мнению ученых, активно участвуют в выявлениичеловеческих эмоции, в различных проявлениях оценки человека окружающему миру, конкретному предмету, и.т.п. Оценка, эмоция относятся эмоционально-интеллектуальному акту сферы человеческого сознания и являются атрибутами человека. Поэтому изучение параэлементов важно, параэлементы важны также как внеязыковые категории отображающие деятельности мышления (Алексеев, Колшанский 1955: 5).

Иногда при коммуникации, передачи эмоции используются только невербальные средства. Поэтому при коммуникационном акте невербальные средства всегда выделяются своей актуальностью. Невербальные средства, например, внешнее состояние человека, выражение лица, состояние тела, разные позы, невербальные жесты, мимика, в общем, могут передавать эмоциональное состояние говорящего. В таком случае невербальные средства могут заменять полностью одно целое высказывание.

Невербальные средства исследуются с функциональной точки зрения. Это позволяет рассматривать функциональную концепцию коммуникации глубоко. Исследователи «Тезисы Пражского кружка» особо подчеркивают системное, всестороннее изучение жестов.

Из-за взаимосвязи лингвистических и паралингвистических средств появились стереотипы. Становление этих стереотипов зависит от возраста, пола или от речевого акта человека в определенной ситуации. Например, в казахской культуре существуют парасредства, которые используются только женщинами, а также парасредства, которые типичные только для мужчин.

Таким образом, в лингвистике появилась возможность изучать языковые факторы связывая их с не языковыми факторами. Ш.Балли подразделяет языковые и не языковые факторы на артикулируемые и не не артикулируемые языковые средства. При коммуникации содержание языковой информации зависит от внешнего и внутреннего планирования. Внутреннее планирование зависит от текста. А внешнее – от ситуации. Взаимосвязь этих двух факторов

определяет конкретное содержание языковой структуры. Комплексное исследование внутренних и внешних факторов коммуникативного акта учитывается при раскрытии смысла. Языковые факторы при коммуникационном процессе могут группироваться по типам, некоторые из которых могут употребляться только в определенной языковой коммуникации в зависимости от контекста. Это приводит к тому, как утверждает Г.В. Колшанский, из-за смешения интра- и экстралингвистических факторов появляется симбиоз. «Стандартность речевых ситуаций, возникающая на основе общих закономерностей коммуникации приводит к созданию достаточно устойчивого взаимодействия некоторых речевых образцов с паралингвистическими средствами, специфическими для каждого конкретного языка. К такому взаимодействию относятся, например, стереотип эллипса и указательного жеста, вопроса – ответа и мимики, восклицательного предложения и особенностей голоса, т.д.» (Колшанский 1974:.5).

Итак, в область паралингвистики входит такое понятие, как фонация – звукообразование, совместная работа произносительных органов во время производства речи. Известны такие паралингвистические явления, как темп речи, громкость, интонация, смех, плач, шепот. Как было отмечено выше, при более широком понимании паралингвистики в нее включают не только перечисленные характеристики речи, но и сопровождающие речь жесты, мимику, движения, позы – все то, что составляет предмет кинесики.

В репертуаре кинетических средств ведущее место занимает жесты. «Жест как семиотическое понятие мы определяем как знаковую единицу общения и сообщение, которая имеет мануальную, мимическую или другую пантомимическую форму выражения, выполняет коммуникативную функцию, характеризуется воспроизводимостью и смысловой ясностью для представителей какой-либо нации или для членов какой-либо социальной группы» (Колшанский 1974:.14-33). «Жесты, являющиеся одним из выразительных движении человека, нельзя считать спонтанным проявлением активности. Любой человек, формирующийся как личность в конкретной социальной среде, усваивает характерные для этой среды способы жестикуляции и, так сказать, правила их применение и прочтения» (Бодалев 1965).

Системы жестов ряда народов изучены достаточно полно. Но наборы жестов, национальные «словари» могут существенно отличаться как по объему, так и по характеру их использования, соотношения с другими средствами коммуникации и прежде всего, с языком.

Академик Н.К. Дмитриев в прошлом веке написал: «Изучение тюркской мимологии начинается, по существу, с работы проф. Н.И. Ашмарина, опубликованной в Казани в 1918 году под названием «Основы чувашской мимологии. …Понятие к «мимемам» впервые было определено в названном труде Н.И. Ашмарина. Наряду с теоретическими основами здесь дается также практическая классификация мимем» (Дмитриев 1962:.20-21, 59).

Национальные кинесические элементы являются определяющими признаками этноса. Они также являются указателями и определителями

так называемого фонового знания, связанного с национальной культурой, т.е. частью той же культуры, а так же когниции народа или нации, поэтому при переводе часто возникают значительные трудности. Теперь рассмотрим паралингвистическое средство из художественного произведения фрагмент «Абай жолы».

«... Үйдің іші әрі қайран боп, әрі сүйсініп, қарқылдай күле жөнелді. Майбасар қысылғаннан, үнсіз ғана лекітіп күле беріп, Абай бітірген уақытта, **басын шайқап,** дымы құрып, боқтап жіберді де:

-Қап! Қап! Мына жаманның қылығын-ай!.. Енді қайттым, бәтір-ау?!-деді.

Абай күліп мысқылдап:

-Бол, ататын болсаң, өлеңмен ат, Майеке, әйтпесек, тыңдамаймын!-деп, **басын шайқады. (** «Абай жолы», II кн, 117-118-стр.**).** В этом фрагменте кивание имеет два смысла. В одном означает безнадежность, во втором отрицание. Теперь рассмотрим перевод пара средств, которые использованы в двух значениях.

«Жигиты расхохотались, пораженные неожиданной выходкой, - песня понравилась всем. Майбасар, растерявшись, не нашелся что ответить. При последних словах песни он только **покачал головой** и крепко выругался.

-Ну и ну! Вы смотрите, что выделывает этот озарник! – усмехаясь, сказал он. – Как же мне быть?!

Абай насмешливо подзадорил его:

-Отвечайте, Майеке, если хотите! Но только в стихах, иначе и слушать не стану. – И он **замотал головой** (Кн.2.,117 стр.).

Несмотря на то, что перевод является произведением, в данном контексте показано, что при прямом переводе также возможна передать художественное своеобразие оригинала, специфику словоупотребления автора и свободное усвоение национальной языковой сокровищницы. Дословный перевод паралингвистических средств позволяет более доступно передать смысл оригинального текста:

«Көршілес, туысқан елдің ауыр жайларын Қадырбай күрсіне түсіп, қиналып тыңдады. Жүдеп, мұңайып отыр. **Басын шайқап, таңдайын қағады**» (1-кн, 311-стр.). «Старик слушал, не скрывая глубокой печали:горе соседнего племени удручало его. Изредко он **покачивал головою и причмокивал языком** » (2-кн., 285-стр.). В данном фрагменте автор передает состояние недовольства, противоречия, вынужденность двумя одинаковыми невербальными средствами. Здесь особый смысл имеет выделить уместное употребление не собственных, а комплексных пара средств.

При переводе художественного текста с казахского на русский не удивительно, когда некоторые невербальные элементы не поддаются переводу. Конечно, во-первых, это зависит от компетентности переводчика. Во-вторых, в русском языке возможно не существует эквивалента казахских невербальных средств. Близкий по смыслу перевод приводит к неправильному пониманию

паралингвистических средств. Такие недостатки влияют на целое смысловое содержание текста. Например:

«Өз қадірін жоймайтындай, тең тәрбиелі сыпайылықпен **бас иіп**:

Мен Ибрагим Құнанбаевпын. Халықтан шыққан жұпыны кісімін,- деді» (II кн., 160-161 стр.).

Абай учтиво снял тымак и сдержанно, с достоинством поклонился.

-Я, Ибрагим Кунанбаев, простой человек из народа, - ответил он и выжидательно поднял глаза на чиновника…» (Кн.2.,132 стр.)

Мимика «бас ию» означает немного поддерживая чуть-чуть опустить голову вниз, а «поклонился» означает поклонится до земли, сделать поклон, прислонится до земли. В данном случае наблюдается смысловое несоответсвие. Перевод не передает национальную специфику приветствия каждого народа.

Также при переводе встречаются невербальные средства, которые просто не переводятся. Это принято называть лакуной. Лакуна – это даже не близкий перевод, а они не переводятся и тем самым приводят к усложнению перевода.

Литература:

1. Алексеев М.А., Колшанский Г.В. О соотношении логических и грамматических категорий // ВЯ.,-1955, № 5.
2. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. -Л., 1965.
3. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков.-М.,1962.
4. Колшанский Г.В. Паралингвистика.—М., 1974.

И.Г. Морозова
Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва

СОВРЕМЕННЫЕ «СМЕШАННЫЕ ЯЗЫКИ» КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В данной статье рассматриваются некоторые варианты современных «смешанных языков» (их можно условно назвать «псевдодиалектами»), которые являются продуктом взаимодействия языков и которые, в отличие от естественных языков и диалектов, имеют, как правило, несистемный и недолговременный характер. Таким образом, речь пойдёт не о процессе языковых заимствований, который является наиболее распространённым следствием взаимодействия языков, в результате которого элементы одного языка проникают в другой, ассимилируются, становятся частью языковой системы языка-импортёра и больше не воспринимаются как чужеродные элементы.

«Сме́шанный язы́к» – термин, обозначающий язык, возникший в условиях широко распространенного двуязычия. Основное отличие «смешанного языка» от «пиджина» – упрощенной формы языка, которая развивается в среде людей, имеющих различные родные языки и потребность в

ограниченном общении, – в том, что при возникновении «пиджина» имеется языковой барьер: контактирующие люди не знают языка друг друга и вынуждены общаться на «пиджине», чтобы решать общие вопросы. «Смешанный язык» возникает в условиях полного двуязычия, когда представители некоего социума достаточно хорошо владеют обоими языками, чтобы сопоставлять их элементы и заимствовать те или иные в новый, стихийно конструируемый ими язык. При этом можно говорить именно о создании языка (с фиксированными правилами, лексикой и т. д.), а не об обычном при двуязычии переключении кодов.

Переключение кодов (также смешение кодов) – обозначает в языкознании переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой и обратно в зависимости от условий коммуникации. Переключение происходит, как правило, спонтанно. Этот феномен может проявляться как в устной, так и в письменной речи. В отличие от интерференции, при переключении кодов происходит полная смена языка. К примеру, главное предложение может быть сказано на одном языке, а придаточное на другом. Переключение кодов – частое явление в смешанных этноязыковых регионах. Различают следующие типы переключения языковых кодов:

- Присоединение, то есть прибавление инородного слова в конце или в начале фразы.
- Внешнее переключение кодов, то есть переключение между целыми фразами на двух или более языках.
- Внутреннее переключение кодов: смешение кодов, вставка инородных слов в середину фразы.

Переключение кодов часто вызывается употреблением понятия, отсутствующего в одном из языков, и может сочетаться с интерференцией, кальками, заимствованиями и прочими контактными явлениями.

Языковые перекодировки встречаются в регионах, где большинство населения составляют носители некоего идиома – естественно-языковой знаковой системы, объединяющей такие понятия, как язык, диалект, говор, социолект и др. В случае, если языки близкородственные, как, например, русский и украинский, имеющие близкий языковой строй, они легче смешиваются, превращаясь в некий смешанный язык – в данном случае суржик. Однако, если два и более языков неродственны друг другу, их смешение затруднительно, за исключением периода длительных языковых контактов.

Отличительными признаками «смешанного языка» являются, как правило, значительно упрощённая, по сравнению с родным языком, грамматическая структура (утрата окончаний, упрощённый синтаксис, сокращение парадигм временной системы и системы наклонений), сильно ограниченный словарный состав, незначительные стилистические средства (тенденция к парафразам и метафорам) и упрощённая фонологическая система. Самостоятельное грамматико-структурное развитие этих языков, ко-

торое уже нельзя объяснить только упрощением, возможно и даже вероятно после определённого промежутка времени. Межкультурная коммуникация, основанная на «смешанных языках» и понимаемая как социальное общение между участниками разнообразных «сцен» или «субкультур» с различными «социолектами», представляет собой вполне нормальное явление, по крайней мере, в многоязыковых культурах. «Смешанный язык», как правило, дополняют невербальные знаки: язык тела, жестикуляция, мимика, голос, манера говорить и т.д.

Формирование «смешанных языков» происходит стремительно, обычно в течение жизни одного-двух поколений. Можно сказать, что одно поколение «изобретает» язык (продолжая говорить на двух других, из которых один является родным), для следующего поколения новый язык (смешанный) уже является родным и служит средством внутригруппового общения. (Вахтин, Головко 2004: 156).

Следует отметить, что не все лингвисты согласны с определением «смешанный язык». Так, российский языковед-компаративист Олег Мудрак отрицает возможность возникновения «смешанных языков»: «…Смешения языков никогда не бывает, нельзя говорить, что один язык появился из-за смешения двух других языков, такого в природе не отмечено… каждый язык – это отдельная система, которая сама по себе существует и развивается по своим собственным законам... Язык – это относительно замкнутая система, и она подчинена своим довольно строгим правилам. Любой диалект языка – это тоже отдельная система, которая отличается от другого близкородственного языка, как правило, литературного. Язык – вещь консервативная, традиционная, все, что мы берем с языком, – берем от родителей, всякие новативные слова можно перечислять по пальцам, и не факт, что они переживут одно-два поколения» (Мудрак 2005).

Тем не менее, термин «смешанный язык» представляется наиболее подходящим определением для описываемых вариантов взаимодействия языков. В лингвистических и социолингвистических исследованиях выявляется широкий спектр возможной языковой трансференции – наличия тех или иных элементов одного языка в другом. Давно ещё было замечено, что язык эмигрантов активно черпает заимствования из языка страны проживания, «переваривая» их и адаптируя к родному языку. Так было в различные эпохи во Франции, в США и Германии. Так говорят многие эмигранты в самых различных странах мира и сегодня.

Здесь нынче тон каков?
На съездах, на больших,
по праздникам приходским?
Господствует еще
смешенье языков
французского
с нижегородским?

Так Александр Сергеевич Грибоедов устами Чацкого иронизировал по поводу тщетных попыток многих дворян-галломанов изъясняться по-французски. А в результате получалось ни то, ни сё – смесь «французского с нижегородским». Пересыпание чужеземными словами в разговоре на родном языке часто производит комический эффект, что использовалось и используется в русской литературе в качестве стилистического средства, характеризующего язык персонажей, например: *«Я не могу дормир в потёмках»* (А.С.Пушкин «Дубровский»). *«В Торонто заарендуешь кар … выедешь на хайвэй, там возьмёшь шестой экзит, проедешь ровно два майла, на шулдере увидишь голубой шевроле… Фолуй за этим шевроле». «…имею небольшой копфшмерце».* (Владимир Войнович «Москва 2042»).

Здесь уместно привести слова Татьяны Толстой по поводу использования смеси языков, как, например, в следующем диалоге:

– Фиш свежайший, – уговаривает продавец, – малосольный салмон, к нам аж с Филадельфии ездиют.

– А джус вон тот, строберри, – что, немецкий?

– Джус польский. А вот язык, очень рекомендую, шо-то исключительное.

– Та он в аспике?

– Ну и то, што в аспике?! Шо, што в аспике?! Мы сами его дома с удовольствием кушаем.

«Ужас в том, что эти люди, по всем лингвистическим меркам, говорят всё-таки по-русски. Грамматика этого эмигрантского волапюка – русская, и никакое количество английских корней, вытеснивших привычные русские корни, не превратит этот язык в английский. Ужас и в том, что ни нормальный русский человек, ни нормальный американец не признают эту языковую плазму за внятную человеческую речь. Тем не менее, на этой плазме изъясняются по всей Америке, – много, много людей». (Толстая 2010: 386).

Это не единственный пример возникновения и распространения подобных «языковых гибридов» в эпоху активного взаимодействия языков. Типичным случаем смешения языков является так называемый *Denglisch*, представляющий собой смесь немецкого языка с английскими словами, которые по сути не являются заимствованиями и особенно часто употребляются в языке рекламы, например:

Big Breakfast: A big Frühstück for a big Tag.
The butter is so frisch, it makes Muh if you would genau hinhören.
The Weizenbrötchen. Knusprig getoastet. And geschnitten in two Teile.
Very große Portion gerührtes egg. With stripes from Schinken in it.
Kartoffel, which is geraspelt in stripes, knusprig gebraten and called Rösti (Kauderwelsch 2009).

Данные рекламные слоганы являются образцом многократного переключения кодов в рамках одного текста. Если в одном предложении код переключается 3-4 раза, то понимание смысла крайне затрудняется и тре-

бует от получателя информации значительных усилий и особой концентрации внимания. Может, на это и делался расчёт авторами данного рекламного текста. Если человек прилагает усилия, чтобы расшифровать информацию, это остаётся в памяти. Но вряд ли такой метод можно использовать в качестве массовой рекламы, так как большинство потребителей испытают скорее раздражение и пройдут мимо таких текстов, чтобы не тратить сил и времени. Другие примеры подобного рода:

Ham & Eggs: Gerührt, not geschüttelt, please.
The Schönste, was eggs passieren kann: our Koch has it gerührt.
Mitten inside of the eggs: saftige stripes vom ham.
Beautiful warm and knusprig getoastet:
a leckeres Weizenbrötchen in two Teilen.
This Butter makes, daß the Weizenbrötchen is not so alone.
Have you schon probiert our Frühstück?
Jeder morning is a good morning mit McMorning.
Wer the Pfennig not ehrt, is our Frühstück not wert (Mc Donald´s).

Такой «языковой гуляш» можно встретить также в речи некоторых чиновников, бизнесменов или политиков*: "...jeder muss im job permanently seine intangible assets mit high risk neu relaunchen und seine skills so posten, dass die benefits alle ratings sprengen, damit der cash-flow stimmt. Wichtig ist corporate-identity, die mit perfect customizing und eye catchern jedes Jahr geupgedatet wird!" – Hilmar Kopper, vormaliger Vorstandsprecher der Deutschen Bank* (Süddeutsche Zeitung 2007).

В данном случае трудно понять мотивы такого пренебрежения к своему родному языку, и о комическом эффекте здесь вряд ли можно говорить. Скорее такая речь может вызвать недоумение и досаду. О формировании «смешанного языка» в таких случаях также нельзя говорить, поскольку общение происходит между носителями одного языка – немецкого. Если в качестве собеседников (или аудитории) будут выступать англичане или американцы, то *Denglisch* уступит место чистому английскому языку, причём скорее из уважения к иностранным коллегам (слушателям), чтобы не шокировать их такой смесью «французского с нижегородским».

Ирония, а также глубокая тревога по поводу судьбы немецкого языка звучит в следующем стихотворении – пародии на известную балладу Гёте «Лесной царь» (Krämer 2005).

Der Earl King

Wer reitet late night durch Wind und Shower?
Es ist der Ol´Daddy mit mega viel power!
Er hält sein sweet kid fest und safe in dem Arm,
"Bleib fit, little boy, dort ist schon die Farm!"
"Mein Vater, der Erlkönig faßt mich jetzt an!"
"Oh boy, Du bist wirklich ein big bag of fun!"

Der kleine Guy wird im Gesicht pink und red --
Ol'Daddy: "My God, dieses kid ist ja dead!"
Ol´Dad rast zur City und gönnt sich kein Stop
und endlich erreicht er den Funeralshop.
Er legt seinen Darling ganz zärtlich und fein
mit tears in den eyes in die peace box hinein.
Doch dann hört er plötzlich den Erlkönig klagen:
"Du hast, lieber Freund, Deine Sprache erschlagen!
Du hast, weil Du glaubtest, es sei morsch und alt,
ermordet, was Dir bisher Sinn gab und Halt!"

Наряду с «дэнглишем» можно встретить и варианты стандартного немецкого, окрашенные арабским или русским. Известный по опыту США феномен смешения двух или даже более языков между тем наблюдается также в большинстве стран Западной и Центральной Европы. Этот феномен часто указывает на ситуацию мультилингвального контакта, когда говорящие сначала не могут прибегнуть к единому языку, которым бы владели все участники.

Одной из важных функций и причин распространения такого «смешанного языка» является номинация предметов и процессов, отсутствующих (или отсутствовавших на момент эмиграции) в русской языковой среде, либо имеющих иную специфическую прагматику. Например, понятие *«социал»* (нем. *«Sozialhilfe»* — финансовая помощь от государства, выплачиваемая не имеющим работы и права на пособие по безработице) не имеет аналога на территории стран СНГ. Примерами понятий, отсутствовавших на момент эмиграции, являются наименования компонентов компьютора, поскольку большинство эмигрантов 90-х гг. до эмиграции с компьютером не работали: *«мастатура»* (нем. *«Tastatur»* —клавиатура), *«фестплата»* (нем. *«Festplatte»* – жёсткий диск) и т. д. Кроме того, заимствованию немецких слов способствует более широкое или более узкое значение их русского эквивалента. Так, немецкому *«Keller»* соответствует в русском языке несколько слов: *«подвал», «полуподвал», «полуподвальный этаж» и «погреб».* В языке эмигрантов эти понятия не различаются, объединяясь в *«келлер».*

В отличие от простого смешения языков в процессе разговора, характерного для предыдущих волн русскоязычной эмиграции, для новой формы эмигрантского языка в Германии характерна интерференция уже на фонетическом уровне, например, произношение «Ляйпцих» вместо «Лейпциг». Словообразование происходит в основном по правилам русского языка с использованием корня, заимствованного из немецкого языка. Этому процессу подвержены не только существительные, но и глаголы, что является особенностью речи последней волны эмиграции.

Примерами могут служить выражения типа *«взять лекарство»* вместо *«принять лекарство»* (einnehmen), *«сделать терми́н»* (нем. *«einen Termin (aus)machen»)* – выражение, которое включает в себя прагматику

русских выражений *«договориться о (деловой) встрече», «записаться на приём»* и «согласовать день и время». Другими примерами являются выражение «*поставить антраг»(нем. Antrag stellen – подать заявление),* или глагол *«хабилитироваться» (нем. habilitieren – защищать докторскую диссертацию).*

Также встречаются прилагательные: *блазый (blass) – бледный, шлимский (schlimm) – плохой*, а также служебные слова, не имеющие аналога в русском языке, например*, doch.*

Склонение и спряжение новообразований происходит, как правило, в соответствии с нормами русской грамматики:

замельдоваться (sich anmelden) – зарегистрироваться (документально),

«абшлéпать машину» (*einen Wagen abschleppen) – эвакуировать автомобиль (неисправный или неправильно припаркованный),*

шварцевать (schwarz arbeiten) – работать «по-чёрному» (неофициально, не платя налоги),

штудировать (studieren) – учиться в высшем учебном заведении,

митовать (die Wohnung mieten) – снимать, арендовать квартиру.

В связи с неофициальностью данных новообразований и их не очень широкой распространённостью в письменной речи какие-либо чёткие правила написания отсутствуют. Могут встречаться различные написания со смешанным использованием кириллицы и латиницы, а также свободной постановкой апострофа на границе заимствованной немецкой и последующей русской части слова. Например, фраза «*Я зарегистрировался и подал заявление»* может быть записана следующими способами:

Я замельдовался и поставил антраги.

*Я за**meld**овался и поставил **Antrag**и.*

*Я замельдовался и поставил **Antrag**’и.*

В то время как одни представители эмиграции (в первую очередь первых волн) используют заимствования главным образом в тех случаях, когда затрудняются подобрать соответствующие русские слова или выражения, другие русскоязычные жители Германии применяют принцип языкового упрощения. То есть, они способны сформулировать свою мысль на стандартном русском языке, однако или ленятся подбирать слова, или стремятся продемонстрировать собеседнику знание соответствующих немецких слов-реалий, например «монатскарте» (*Monatskarte*) вместо «месячный проездной билет». Таким образом, такой «смешанный язык» является одной из форм языкового самовыражения говорящего.

Существует также группа заимствованных слов, воспринятых исключительно на слух и исковерканных при попытке воспроизведения почти до неузнаваемости. «Мягким» примером может служить слово *«арбайзам» (Arbeitsamt)*, которое ещё может распознать владеющий немецким языком, а «жёстким» – слово *«фердзихер»*, которым обозначен страховой агент *(Versicherungsvertreter).*

Вот некоторые примеры из так называемого Толкового Словаря Современного Немецкого Русского Говора:

Бератать кундов – консультировать клиентов.

Искать омины брили – искать бабушкины очки.

Безухать опу на вайнахты – навещать дедушку на рождество.

Абхолевать швагера на банхофе – встречать шурина на вокзале.

Люди шпарят, как могут. – Люди экономят, как могут.

Вы унтерзухнете меня? – Вы меня обследуете?

Ферпакунг надо в жёлтую тонну выбрасывать, а альтпапир неси пока в келлер. – Упаковку надо в жёлтый контейнер выбрасывать, а макулатуру неси пока в подвал.

Боже, какая ангеботина(спецакция в магазине) сегодня!

Я арбайтслёзы(пособие по безработице) получаю.

Ты где? – Сижу в бане (поезде), домой еду.

Это тебе не Россия, тут путёвок в санаторий нет, отпуск сам бухать (бронировать) должен.

Шпацырнем до вальду! – Прогуляемся до леса.

Наша дочь прошла шпрахи (языковые курсы) и теперь делает леру (проходит обучение) на заводе.

Ну, чего ждешь? Давай, дрюкай! – Жми на кнопку (звонка)!

Что делаешь? – Дрюкаю (печатаю на компьюторе).

Что делаешь? - Кухэн бакаю (пирог пеку).

Сынок, пойдем нудэльки (лапшу) кушать!

Цурюкни (отъедь назад) немножко!

Ну ладно, всё. Завтра увидимся. Чусики (пока)!

Мне муж на гебуртстаг снова шмук подарил. – Мне муж на день рождения снова украшения подарил.

Шранк есть лишний, на шпермюль жалко, надо анцайгу сделать, вдруг кто купит. – Шкаф есть лишний, выбрасывать (на помойку) жалко, надо дать объявление, вдруг кто купит.

Одна из функций языка иммигрантов – стилистическая: иногда встречается игра слов с целью создания коннотаций, понятных только носителю русского языка, например, слово *«арбайтслёзы»* (нем. *arbeitslos* – безработный), обозначающее пособие по безработице, указывает на небольшой размер этого пособия – такой, что «хоть плачь».

Особенностью такого «псевдодиалекта» является его значительная ограниченность, определённая неустойчивость и вариативность форм. Это связано, во-первых, с тем, что это относительно новое образование (около 40 лет), во-вторых, понять его может только носитель русского языка, знающий немецкий. Ситуацию наоборот трудно представить, т.е. немцам, немного владеющим русским языком, будет значительно труднее понять этот язык, чем русским, которые немного знают немецкий. Это связано с тем, что в таком варианте языка нарушается, причём до неузнаваемости,

звуковая, морфологическая, грамматическая и синтаксическая структура немецкого языка. Как долго просуществует такой «гибрид», трудно прогнозировать. Если он сохранится в течение нескольких поколений, тогда можно будет говорить о формировании отдельного социолекта, языка русскоязычных эмигрантов, живущих в Германии. Если же поколения, родившиеся в Германии, перестанут смешивать русские и немецкие слова и предпочтут раздельное и корректное употребление двух языков (как это делают обычно естественные билингвы, живущие в двуязычной среде), то данный «псевдодиалект» русского языка прекратит своё существование.

Следует отметить, что катализатором возникновения «смешанных и гибридных языков» часто является игровая, иногда даже осознанная провокационная потребность обособиться от большинства. Использование смешанных языков представляет собой попытку самоидентификации и означают для говорящих языковое самоутверждение. В конечном счёте, смешанные языки представляют собой вербальное выражение единства, чётко очерченного границами своей собственной «сцены», маркированной, помимо прочего, использованием оригинальных языковых находок. «Смешанные языки» выходят с течением времени за первоначальные контекстные рамки: они самоутверждаются и становятся независимыми, их берут на вооружение носители языка, составляющие непосредственное окружение «сцены», и некоторые СМИ. Сегодня молодые люди, у которых родной язык – немецкий, также перенимают выражения и конструкции «смешанных языков». Певцы и рэперы, юмористы и создатели фильмов, театральные деятели и писатели делают, по крайней мере, некоторые из них достоянием общественности.

С вариантами немецкого языка, обозначаемыми в простонародье примерно с 1960 г. как «немецкий гастарбайтеров» и характерными для первого и, возможно, второго поколения приехавших в Германию трудовых мигрантов, современные «смешанные языки» уже не имеют почти ничего общего. Многие их носители – в отличие от своих предшественников – выросли в немецкоязычной среде и прошли организованные для них курсы немецкого языка. Что касается современных «турецкого или русского немецкого», то речь идёт не о распространении прежнего «немецкого гастарбайтеров», а о сознательно выбранном самостоятельном «сленге», который часто втягивает этническую принадлежность в ролевую игру. Подобное на материале «русского немецкого», называемого иногда «квеля» (со смешанным латинско-кириллическим алфавитом), возникло примерно в 1990 г. благодаря возросшей иммиграции из России. Разработчики *Qwели* пошли по следующему пути: они взяли за основу русскую грамматику и немецкие корни. Возникло даже целое течение – своего рода «фольклёрный микс», состоящий из стихотворений и песен, хорошо известных носителям русского языка и представляющих собой «гремучую смесь» немец-

ких и русских слов и форм. Яркими примерами такого творчества являются следующие строчки:

*Им **хой** торчал кузнечик,* ***Гекомнулась** лягушка,*
*Им **хой** торчал кузнечик,* ***Гекомнулась** лягушка,*
***Und ganz** wie огуречик* ***Гефресистое** брюшко,*
Хельгрюненький** он был.* *И съела **грасхопфа.

Данный вариант всем известной песенки не требует перевода, хотя и представляет смешение как отдельных слов, так и отдельных элементов двух языков. Особенно интересны здесь форма прошедшего времени глагола *kommen*, трансформированная в соответствии с правилами русского языка (причём это гибридное образование стало, в отличие от немецкого глагола, возвратным глаголом), и прилагательное, образованное от немецкого *gefräßig* при помощи русского суффикса и окончания.

В следующем примере в русский текст вставлены целые немецкие слова и словосочетания в оригинальном написании.

*Дорогие **Sehr geehrte Damen und Herren** (глубоко уважаемые дамы и господа),*
*Я спою Вам печальный **Romanz (романс)**,*
*Я ведь даже не **Sozialhilfeempfänge**r (я не получаю социального пособия),*
*Проявите ко мне **Toleranz** (терпимость).*
*Я ведь даже не **Sozialhilfeempfänger**,*
*Проявите ко мне **Toleranz.***

Последний пример содержит существительные, образованные также по правилам русского языка с использованием корней немецких слов.

*А не томи мою ты **зелю** (душу),*
*не сверли в ней **лох** (дырку),*
*А не души мою ты **квелю** (источник),*
*Ох, как я **шпюраю** (чувствую) подвох* (Quelя 2010).

Отношение к такому «псевдоязыку» в русскоязычной эмигрантской среде неоднозначно: многие не видят в смешении языков проблемы и говорят так, как им удобно, не утруждая себя использованием сложных и трудно запоминаемых немецких форм. Другие же категорически против такого «гибрида», они стараются не калечить оба языка, предпочитая при необходимости переходить полностью на немецкий или использовать отдельные слова и фразы в неискажённом варианте. В любом случае «смешанные языки» уже превратились в заметный социокультурный феномен, достойный серьёзного изучения и уже изучаемый в рамках лингвистических исследовательских проектов.

Литература:

1. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Смешанные языки // Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие. – СПб, 2004. С. 149-159.

2. Мудрак О. История языков // Лекция Олега Мудрака 2005 г.: <http://www.polit.ru/lectures/2005/11/09/mudrak.html>
3. Толстая Т. Надежда и опора. Сердца горестные заметы // Татьяна Толстая. День. – М., 2010. – С. 385-390.
4. Krämer W. Modern Talking auf Pseudo-Englisch / Debatte: Gefährden Anglizismen die deutsche Sprache? 2005: <http://www.humanistische-aktion.de/esperant.htm>
5. Süddeutsche Zeitung, März 2007: <http://www.sueddeutsche.de/kultur>
6. Quelя: <http://www.strannik.de/quelia>
7. Kauderwelsch: <http://www.kauderwelschseite.de>

М.К. Пак
Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова,
Караганда (Казахстан)

АРХАИЧНОСТЬ ПЕРВООБРАЗНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

Общеизвестна красноречиво продемонстрированная в научном мире мысль, что «материал диалектов – это неисчерпаемая сокровищница, в которой хранятся поистине бесчисленные архаичные слова и формы, давно уже утраченные в литературном языке» (Откупщиков 1968: 108). Вот почему диалектная система давно уже находится в поле научных интересов этимологов, для которых для реконструкции первичных форм и значений одним из существенных показателей выступает фактор времени, с которым диалекты непосредственно связаны. Мысли о возможности использования русских народных говоров в этимологии, которая восстанавливает ономасиологические основы названий, их первоначальную «внутреннюю форму», высказывались Я.К. Гротом, о роли диалектного источника при проведении этимологических исследований Ф.И. Буслаевым, П.А. Лавровским, который отмечает, что областное слово удерживает «гораздо крепче понятие древнее, образное» (Грот 1885: 275).

Материалы исторических словарей, данные русских народных говоров позволяют во многих случаях установить четкую «логику» построения семантического гнезда – семантическую матрицу, – проследить развитие значений общерусского слова (ОС) или первообразного слова, восстановить архетипическую сему, глубинные смыслы и символические представления.

В архангельских говорах, представляющих надежный и богатый материал для этимологических исследований, сохранились значения ОС, позволяющие проследить семантическую обусловленность значений слов в словообразовательном гнезде, этимологию слова, в отличие от литературного языка (ЛЯ), где внутренняя форма слова во многих случаях затемнена в силу утраты этих значений.

В семантической структуре ОС сохранились первичные семантические элементы, исходные значения, зачастую утраченные в ЛЯ. Как правило, это узкое, конкретное значение, способствующее восстановлению какого-то порядка в его семантической структуре. Характерными для рассматриваемых говоров представляются такие признаки, как конкретность, детализация предметов и явлений, которые способствуют сохранению внутренней формы, этимологической прозрачности существительных. Простая, производящая основа помогает восстановить первичную семантику, утраченные в литературной системе смысловые связи. В диалектной системе отмечены ОС, сохранившие первичное значение, которое заполняет пустующую клетку словообразовательной матрицы. Например, **город** «изгородь из жердей и кольев», **град** «огород», **сад** «посадка чего-н.», **двиг** «изменение в чем-н., сдвиг», **грань** «рубеж, граница», **цвет** «цветок», **плат** «платок», **череп** «обломок разбитого глиняного, фарфорового и т.п. изделия» и др.

Сопоставительный анализ некоторых ОС русского языка с другими языками показывает, что в архангельских говорах многие такие единицы сохранили первоначальную общеславянскую, индоевропейскую семантику. Так, ср. арх. **позор** «то, что представляется взору», польск. pozor, -oru «вид, внешность»; арх. **плоть** «поверхность, цвет тела, кожи», словен. pôlt «кожа, цвет кожи», лтш. plutà «тело, плоть, кожа»; арх. **уха** «суп», болг. юха, ссрбохорв. iуха, слов. juha «суп», чсш. jícha «похлсбка, жижа», др.-прусск. iuse «похлебка с мясом», др.-инд. yūs, лат. iūs «похлебка, суп»; арх. **север** «северный ветер», лит. šiaurỹs «северный ветер»; арх. **сирота** «женщина, оставшаяся без мужа», лит. šeirỹs «вдовец», šeirė̃ «вдова»; **пепел** «зола», др.-прусск. pelanne «зола»; **руда** «кровь», лтш. raũds «красный, рыжеватый, коричневый», др.-инд. rṓhitas, лат. rūfus «красный»; арх. **мох** «плесень», лит. mùsos «плесень»; арх. **род** «урожай», лит. rasmė̃, лтш. rasma «процветание, плодородие, урожай»; арх. «семья», лтш. raža «обильный урожай, многочисленная семья»; арх. «родственный круг, родня», лтш. rads «родственник, род» и др.

Внутренняя форма ОС сохраняет связь между ее структурой и содержанием в этимологическом плане, оставаясь актуальным признаком соответствующей реалии для носителей диалекта сегодня. Общепринято, что слова, имеющие длительную историю развития, сохраняет не только древнее лексическое значение, но аккумулирует комплексы культурных представлений. В диалектной системе зачастую сохранились прототипные ситуации, прямые, буквальные значения фразеологических сочетаний в отличие от литературной, где соответствующие фразеологизмы имеют только переносные значения в результате переосмысления.

Традиционные символы той или иной культуры выступают на определенном (раннем) историческом уровне значением слова, потому первичные значения могут послужить важнейшим источником для ре-

конструкции древнейшей духовной культуры. Известные в русской культуре символы представляют архаичные значения.

Литература:

1. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. – Л., 1968.
2. Грот Я.К. Филологические разыскания: материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. – СПб., 1885. Т. 1.

И.И. Скачкова
Волгоградская академия государственной службы, Волгоград

ОТНОШЕНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ К ЯЗЫКОВЫМ ВОПРОСАМ В КОНЦЕ 20 – НАЧАЛЕ 21 ВЕКА

Целью нашего исследования является изучение механизмов функционирования доминирующего (английского) и миноритарных языков в США в условиях проведения языковой политики. Одной из задач исследования является изучение условий, способствующих изменению коммуникативных функций указанных языков. В данной работе нас интересует отношение американцев к языковым вопросам или так называемые языковые войны, происходившие в США в конце 20 – начале 21 века.

Соединенные Штаты Америки возникли в 1776 г в результате борьбы за независимость. Американцы в то время были немногочисленны и, по выражению С. Хантингтона (Хантингтон 2008: 34), «однородны». В большинстве это были белые потомки переселенцев из Британии (черным и индейцам было отказано в гражданских правах), протестанты по вероисповеданию, выросшие на общей культуре и преданные принципам, изложенным в Декларации независимости и Конституции. К концу двадцатого столетия количество американцев выросло почти в сто раз, а Америка стала многонациональной. В 2004 г. в США проживало 69 % белых, 12 % латино, 12 % черных, 4 % эмигрантов из Азии и с островов Тихого океана, 3 % представителей других народов. Государство также стало мультирелигиозным. В 2004 г. там проживало 63 % протестантов, 23 % католиков, 8 % приверженцев других религий, 6 % атеистов. Эти данные свидетельствуют о глобальных переменах, происходящих в США. В таких условиях возникает вопрос об идентичности американцев, сущность которой исторически определялась расовой принадлежностью, «голосом крови», культуры (прежде всего языком и религией) и идеологией.

Ф. де Соссюр говорил: «… в жизни индивидов и обществ язык есть фактор более значительный, чем какой-нибудь другой». (Saussure 1922: 107). А А. Токвиль называл язык самым прочным и самым долговременным связующим звеном между людьми (Токвиль 1992: 27). Люди, принадлежащие различным национальностям, расам и религиозным конфессиям часто враждуют друг с другом, но, пользуясь одним языком, могут общаться. Как указал в своей ра-

боте «Национализм и социальные коммуникации» Карл Дойч, нации – это «группы людей, которые осуществляют коммуникацию друг с другом гораздо активнее и шире, чем с другими людьми» (Цит. по Crawford 1992: 164). Однако, без общего языка коммуникация становится затруднительной, если вообще возможной, а нация превращается в конгломерат автономных языковых сообществ, члены которых осуществляют коммуникацию внутри своих групп и крайне редко общаются с представителями других групп. Страны, в которых почти все жители говорят на одном языке, например, Франция, Германия или Япония, отличаются от стран, жители которых говорят на двух и более языках, таких, как Швейцария, Канада или Бельгия. В последних всегда существует опасность языкового и политического распада. Так, очень ограниченное число англоговорящих канадцев владеют французским, фламандцы и валлоны, как правило, не знают языков друг друга, а швейцарцы, чьим родным языком является французский или немецкий, при общении между собой используют английский.

В 1980-х и 1990-х годах двадцатого века язык был определяющим признаком американской идентичности. Именно в эти годы в стране проходили дебаты о двуязычном образовании, работодатели требовали, чтобы сотрудники их компаний говорили только по-английски. В тех районах, в которых в основном проживали неанглоговорящие американцы, проходили опросы о статусе английского языка и о двуязычном образовании. В штатах Флорида, Колорадо и Аризона вопрос о государственном статусе английского языка был вынесен на всеобщее голосование. Следует отметить, что 83,9 % жителей Флориды, 64 % жителей Колорадо и 50,5 % жителей Аризоны проголосовало за признание английского языка государственным. Известный американский политолог С. Хантингтон отмечает, что этот факт подтверждает выбор, сделанный американцами почти 300 лет назад (Хантингтон 2008: 248).

Все без исключения исследователи признают судьбоносную роль английского языка для США с самого первого дня существования государства. Но, несмотря на это, на протяжении всей истории страны предпринимаются попытки умалить значимость английского языка. «Битва за английский есть фактически один из фронтов войны за американскую идентичность» (Хантингтон 2008: 249). На этом фронте решается, «останутся ли США страной англоговорящего большинства или превратятся в мультиязыковое общество» (Tatalovich: 1-2). Но, как нам кажется, в этой цитате речь идет не о мультилингвизме, а о билингвизме.

В своей работе «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности» известный американский политолог Самюэль Хантингтон сформулировал два вопроса относительно языковой ситуации в Северной Америке. Первый: в какой степени правительству США необходимо поддерживать изучение и использование других языков и ограничивать в правах государственные и частные компании, а также учреждения, настаивающие на исключительном употреблении английского? Под другими языками, как правило, под-

разумевают испанский, вследствие чего возникает второй вопрос: должны ли США превратиться в двуязычное общество и должен ли испанский язык приобрести в обществе равные права с английским? (Хантингтон 2008: 249).

Английский язык всегда являлся ключевым элементом американской национальной идентичности. Иммигрантские сообщества предпринимали попытки ввести в обиход свои родные языки, но всегда побеждал английский – второе и третье поколение иммигрантов отказывались от своих языков в пользу английского. Федеральное правительство, крупные корпорации, церковь и организации социального обеспечения заботились о том, чтобы новые иммигранты учили английский язык. Но в конце двадцатого века в американском обществе появилось стремление утвердить субнациональные идентичности. В это же время началось умаление роли английского языка и продвижение языков национальных меньшинств. Важнейшими этапами на этом пути С. Хантингтон называет соответствующие интерпретации Акта о гражданских правах (1964), Акта об избирательных правах (1965) и Акта о двуязычном образовании (1967). Так, пункт VI акта о гражданских правах запрещал дискриминацию на основе «национального происхождения» в федеральных программах и в деятельности местных властей и организаций. Пункт VII запрещал «национальную» дискриминацию при найме на работу в компанию или учреждение, в котором работает не менее пятнадцати человек. По настоянию сенатора Роберта Кеннеди в Акт об избирательных правах было включено положение, согласно которому избирательная комиссия Нью-Йорка обязана предоставить избирателям в Пуэрто-Рико все необходимые материалы на испанском языке. Акт о двуязычном образовании, принятый по инициативе сенатора от Техаса Ральфа Ярборо, был призван помочь детям американцев мексиканского происхождения, у которых были проблемы в школе из-за того, что они плохо знали английский язык. Причем, сумма первоначальных ассигнований на реализацию этого акта составила 7 500 000 долларов. Со временем по этому вопросу было принято большое количество федеральных постановлений, судебных решений и другой документации. Истолковывая эти инициативы, федеральные чиновники и судьи решили, что необходимо официально поддержать другие языки. Конгресс принимал законы, которые расширяли сферу действия других языков и сужали сферу действия английского. Эти действия вызвали недовольство в обществе, и в США было проведено более десятка языковых референдумов. На всех референдумах, кроме референдума в Колорадо, проведенном в 2002 г., победили сторонники английского языка.

Обычно «языковые войны» в США разгорались накануне выборов, либо начинались после предложений правительства, работодателей или учебных заведений. Согласно американским законам, в выборах могут принимать участие только граждане США. Гражданином Соединенных Штатов можно стать по рождению или после натурализации. Граждане по рождению (кроме пуэрториканцев) обладают изначальным знанием английского языка. Те же, кто хочет натурализоваться, должны продемонстрировать «понимание английско-

го языка, в том числе способности читать, писать и говорить … отдельные слова и простые фразы … из повседневного лексикона» (Immigration and Nationality Act: 1423). От выполнения этого требования освобождаются только инвалиды и пожилые люди, прожившие в США пятнадцать и более лет. Отсюда следует вполне разумный вывод, что практически все американцы, имеющие право голоса, знают или должны знать английский язык в том объеме, который позволяет прочесть избирательные бюллетени и сопутствующие материалы.

Тем не менее, в 1975 г. Конгресс принял поправки к Акту об избирательных правах, запрещающие местным властям и органам самоуправления налагать какие-либо ограничения на избирательные возможности гражданина. В этих поправках было особо подчеркнуто, что «всякий гражданин США имеет право голоса, вне зависимости от того, каким языком он пользуется». Поправки также обязывали местные власти обеспечивать избирательные участки двуязычными бюллетенями для голосования в тех районах, в которых грамотность населения была ниже среднего уровня. Местные власти также должны были обеспечивать избирательные участки двуязычными бюллетенями для голосования в тех районах, 5 и более процентов населения которых принадлежали к языковым меньшинствам, американским индейцам, иммигрантом из Азии, аборигенам Аляски или испанским кабальеро.

В 1980 г. регистрационное бюро избирателей Сан-Франциско, в ответ на федеральный запрос, приняло решение публиковать избирательные бюллетени, все материалы для предвыборной агитации и проводить предвыборные собрания на трех языках – английском, испанском и китайском. К 2002 г. уже 335 организаций в тридцати штатах подтвердили готовность оказывать письменную и устную помощь на других языках, причем в 220 случаях этим другим языком являлся испанский. Представители других языковых меньшинств также не были обойдены вниманием. В 1994 г. округ Лос-Анджелеса истратил свыше 67 000 долларов на организацию избирательной кампании для 692 иммигрантов, говорящих на тагальском языке (Хантингтон 2008: 254).

Принимая решения, федеральные суды и агентства истолковывали термин «национальное происхождение» в Акте о гражданских правах как включающее в себя языковые характеристики. В федеральных образовательных программах и программах социальной помощи запрещение дискриминации рассматривалось, как разрешение использовать иные языки, кроме английского. Кроме этого, социальные и образовательные учреждения обладали полномочиями по поддержке неанглоговорящих жителей США, для того, чтобы они имели равные возможности с англоговорящими. Федеральные суды часто защищали языковые меньшинства, признавая местные законы неконституционными, потому что они нарушали свободу слова, гарантированную Первой поправкой. Из этого следует, что Первая поправка распространялась очень широко и затрагивала не только свободу выражения и содержания речи, но и язык, который используется для выражения этого содержания. На практике

получалось, что «правительство не вправе требовать от своих граждан говорить по-английски ни при каких обстоятельствах – на все нужна добрая воля» (Хантингтон 2008: 254).

Вследствие массового притока испаноязычных иммигрантов и иммигрантов из азиатских стран в 1980-е годы органами управления Калифорнии в целях безопасности клиентов было решено разместить в магазинах указатели на английском языке. В 1989 г. Азиатско-американская бизнес-группа предъявила иск против этого постановления. Судья Роберт Такасуги признал этот иск правомерным на том основании, что указатели являются выражением национального происхождения, национальной культуры и принадлежности, и поэтому их установка нарушает Первую и Четырнадцатую поправки (Crawford 1992: 284-287). В 1994 г. министерство жилищного строительства и городского развития выступило против мэрии Аллентауна, штат Пенсильвания, согласно резолюции которой, мэру вменялось в обязанность отдавать распоряжения только на английском языке. Министерство пригрозило лишить Аллентаун ежегодного гранта в 4 миллиона долларов. После ожесточенных споров и такой угрозы мэр согласился отменить резолюцию (Wall Street Journal: A. 8). В 1999 г. апелляционный суд 11 округа постановил, что штат Алабама не имеет права проводить экзамены на получение водительских прав только на английском языке, поскольку подобная практика нарушает Пункт VI Акта о гражданских правах и травмирует психику людей, не говорящих по-английски. Впрочем, Верховный суд США указал, что для рассмотрения дела в судебном порядке в данном случае необходимо привести доказательства травмирующего воздействия и дискриминационных намерений со стороны организаторов водительских курсов (New York Times: A 14).

В 1988 г. избиратели Аризоны незначительным большинством голосов одобрили поправку к конституции штата, провозглашавшую английский официальным языком штата Аризона. Эта поправка требовала, чтобы власти штата и органы местного самоуправления вели свою деятельность только на английском языке. Верховный суд Аризоны признал законность данной инициативы, поскольку она ссылалась на акт Конгресса о присоединении Аризоны к Союзу штатов. Условием присоединения было использование английского языка в процессе обучения в школах штата. Еще одним условием было следующее: все чиновники и выборные представители должны понимать английский язык и уметь на нем говорить. Тем не менее суд объявил эту поправку неконституционной, поскольку она нарушала Первую поправку и «ущемляла конституционные права не говорящих по-английски граждан в части представления их интересов в органах власти штата и ограничивала политические свободы официальных лиц» (Fillmore 2008: 351). Верховный суд США отказался рассматривать это дело.

При рассмотрении подобных случаев Комиссия по равным рабочим возможностям трактовала положения Пункта VII Акта о гражданских правах как оспаривающее право работодателей требовать от работников говорить исклю-

чительно на английском языке в рабочее время. В 1996 г. Комиссия по равным рабочим возможностям рассмотрела 32 аналогичных случая, а в 1999 – девяносто один. По мнению комиссии, работодатели могут налагать на работников подобные ограничения только тогда, когда того требуют жестко определенные «интересы дела». Как заметил один юрист, противник исключительного употребления английского языка, «самое главное здесь – решить, распространяется ли понятие дискриминации по национальному происхождению на языковую дискриминацию». Если распространяется, тогда «неспособность частных клиник, получающих ассигнования из федерального бюджета, обеспечить надлежащий перевод для носителей других языков» может быть истолкована как нарушение закона (Цит. по: Crawford 1992: 276-277)

Вскоре после того, как Конгресс одобрил инициативу сенатора Ярборо о помощи детям мексиканских иммигрантов, обучение детей на других языках, кроме английского, стало нормой по все стране. В 1970 г. Федеральное бюро по гражданским правам указало, что, согласно Пункту VI Акта о гражданских правах, школьные округа, в которых обучались более 5 % детей, принадлежащим к языковым меньшинствам, должны предпринять меры по корректировке языкового дисбаланса с целью наилучшей организации обучения таких детей. Через два года федеральный окружной суд признал, что равноправие, гарантированное законом, позволяет ученикам Нью-Мексико получать образование на своем родном языке. В 1974 г. Верховный суд, рассматривая дело Лау против Николса, решил, что Пункт VI не просто требовал от школ равноправия в выборе языка обучения, но и подразумевал компенсацию недостатка знаний для детей, не говорящих по-английски. (Fillmore 2008: 343-345). С 1974 по 2001 годы Конгрессом было выделено 446 млн. долларов на программу двуязычного образования, не считая многочисленных грантов разнообразных фондов.

Американские исследователи отмечают по этому поводу, что с начала реализации программы двуязычного образования оставался нерешенным «принципиальнейший вопрос – этот закон способствует быстрейшему усвоению английского или же пропагандирует билингвизм?» (Хантингтон 2008: 257). На первых порах этот закон преследовал обе цели. В 1974 г. в текст закона были внесены изменения, обязывавшие школы к преподаванию на родном языке учащихся «в степени, необходимой для наилучшего усвоения детьми учебных материалов». В 1978 г. Американский исследовательский институт сообщил, что в 86 % случаев испаноязычных детей допускают к двуязычным программам только после того, как они научатся понимать английский. Поэтому Конгресс прекратил финансирование этого проекта, которое было продолжено в 1984 г.

По сообщению журнала Time к середине 80-х годов прошлого века большинство методических материалов по двуязычному образованию предназначалось «для сохранения приверженности учащегося родному языку; с этой целью предусматривались дополнительные … занятия по искусству, музыке, литературе и истории того народа, к которому принадлежит ученик» (Time:

80-81). Директор программы двуязычного обучения в Сан-Франциско сказал, что очень важно, чтобы дети гордились своей культурой, имея в виду «врожденную» культуру детей. Министр образования Уильям Беннет в 1985 г. заявил, что министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения считает «крайне важной программу двуязычного образования, поскольку она позволяет учащимся глубже узнать родной язык и культуру народа» (Хантингтон 2008: 258). Взгляды американцев на двуязычное образование эволюционировали. Двуязычное образование рассматривалось уже не как способ скорейшего обучения иммигрантов английскому языку или как промежуточный этап на пути к его освоению, но как символ культурной гордости, средство создания позитивного образа учащегося в его собственных глазах. Даже инициатор обсуждения и принятия Акта о двуязычном образовании конгрессмен Джеймс Шойер в своих выступлениях говорил о том, что программа стала политизированной и далекой от первоначального плана, она не помогает изучать английский, что «английский, скажем так, был сведен к минимуму, истончился, растаял в тумане, порожденном многочисленными курсами по изучению испанского. У программы были совсем другие цели» (Цит. по: Crawford 1992: 361). В 2000 г. схожее мнение высказал другой инициатор принятия программы двуязычного образования Герман Бадильо. По его словам, в Нью-Йорке 85 % учащихся девятых классов из двуязычных школ и школ, в которых английский изучается как второй язык, не заканчивают школу, а 55 % учащихся шестых классов не оказываются восемь лет спустя в учебных заведениях общего профиля. Бадильо считает, что двуязычное образование «превратилось в моноязычное, что отнюдь не на пользу учащимся. … Предполагалось, что первым языком будет английский, испанский же – вторым. И восьми лет обучения не предусматривалось, все должно было происходить намного быстрее» (New York Post: 16)

В результате поддержки федеральным правительством языковых меньшинств и противодействия общему употреблению английского языка со стороны государственных органов и частных организаций возникли движения в защиту английского языка. В 1981 г. сенатор С.И. Хайякава инициировал обсуждение конституционной поправки, объявляющей английский язык государственным языком Соединенных Штатов. Через два года Хайякава и другие сенаторы организовали общество «Английский в США», а в 1986 г. появилась группа «Английский прежде всего». Эти общества стояли во главе движения, результатом деятельности которого стало принятие в 1980 – 1990 гг. постановлений о приоритете английского языка в девятнадцати штатах. Эти постановления оспаривались сторонниками испаноговорящих и других языковых меньшинств, либеральными организациями. В итоге три штата были вынуждены принять новые резолюции, сократив количество функций английского языка. В нескольких штатах началась юридическая полемика, но во всех штатах предложение о приоритете английского языка было встречено одобрительно простыми американцами (Цит. по: Crawford 1992: 202).

Среди штатов, законодатели которых высказывались в поддержку английского языка, большинство - южные, а также те, в которых проживет сравнительно мало иммигрантов. В штатах с преобладанием языковых меньшинств законодательные собрания отказывались рассматривать инициативы в защиту английского. В четырех штатах (Аризоне, Калифорнии, Колорадо и Флориде), избиратели которых одобрили законодательную инициативу о приоритете английского языка (причем в трех из них – подавляющим большинством голосов), отмечалась, по словам Джека Ситрина, «наибольшая концентрация неанглоговорящих …. В этих же четырех штатах в период с 1970 по 1980 год произошел наибольший прирост населения в испаноязычных и других иммигрантских семьях» (Citrin 1990: 540-541). По данным референдума 1989 г. в г. Лоуэлл, штат Массачусетс, выяснилось, что количество детей с ограниченным знанием английского языка за пять лет выросло в четыре раза. Быстрое распространение на территории страны людей, не говорящих по-английски, дает простым американцам повод для утверждения национальной идентичности, одним из ключевых факторов которого является владение английским языком.

Американцы в основном настроены «проанглийски». К такому выводу пришли ученые в ходе анализа данных опроса общественного мнения. В 1986 г. 81 процент американцев считал, что всякий, желающий остаться в этой стране, должен изучить английский язык. В 1988 г. 76 % жителей Калифорнии заявили, что знание английского - одна из обязательных характеристик американца, а 61 процент признал право голоса исключительно за теми, кто умеет говорить по-английски. В опросе 1998 г. выяснилось, что 52 % американцев безоговорочно поддерживают, а 25 % – в целом одобряют законы, обязывающие вести преподавание в школах на английском языке и предусматривающие для тех, кто не владеет языком, специальные годичные программы (Citrin 1990: 548-552). Для подавляющего большинства простых американцев английский язык остается важнейшим символом и ключевым элементом национальной идентичности. Это мнение вместе с действиями законодателей в так называемых языковых вопросах является важным аргументом в пользу сторонников английского как государственного языка и противников двуязычного образования.

Литература:

1. Токвиль Алексис де Демократия в Америке: Пер. с франц. Предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М., 1992.
2. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С.Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М., 2008.
3. Citrin J., Green D.P., Reingold B., Walters E. The Official English Movement and the Symbolic Politics of Language in the United States. – Western Political Quarterly. № 43 (September 1990), p. 540-541.
4. Crawford J. Language Loyalties. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Н.В. Абрамова
Саратовская государственная академия права, Саратов

КУЛЬТУРА КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном обществе **культура** становится центральным, фундаментальным понятием. И это не случайно, так как культура — неповторимый по своей сложности социальный феномен, образующий единое целое с наиболее важными социальными событиями и процессами и, вследствие этого, выступающий наиболее важным для человека объектом исследования и изучения.

Категорией «культура» в науке обозначают многогранное, полифункциональное и в силу этого достаточно сложное для интерпретации явление. Последнее обстоятельство породило обилие трактовок культуры и подходов к ее анализу, подтвердив тем самым мысль, что, «чем богаче подлежащий определению предмет, …тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции» (Гегель 1974: 37).

Американские культурологи Альфред Кребер и Клайд Клакхон в их совместном исследовании, посвященном критическому обозрению концепций и определений культуры, отметили огромный и всевозрастающий интерес к понятию «культура». Так, если, по их подсчетам, с 1871 по 1919 г. было дано всего 7 определений культуры (первое из них, как они считают, принадлежит английскому этнографу Э. Тайлору), то с 1920 по 1950 г. у различных авторов они насчитали 157 определений данного понятия. Позже названные авторы значительно увеличили общее количество разноречивых определений. В отечественной литературе готовность сопоставить различные дефиниции культуры позволила Л.Е. Кертману насчитать свыше 400 определений (Кертман 1987: 60).

Такое многообразие трактовок можно объяснить, прежде всего тем, что культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. С другой стороны, и сам подход к культуре обусловлен во многом исследовательскими установками. Культура является объектом изучения философов, социологов, аксиологов, историков, культурологов, психологов, педагогов. В зависимости от теоретической методики вырастает и способ, помогающий постигать феномен.

С методологической точки зрения важно не количество определений, а принципиальные различия в подходах, которых меньше, чем дефиниций. От того, какой подход в исследовании будет взят за основу, во многом за-

висит и решение вопросов формирования организационно-управленческой культуры будущего юриста.

Человек живет в среде, отличающейся от среды других живых существ. Специфической чертой человеческой среды обитания, отличающей человека от животных, является то, что он создает ее сам в результате своей целенаправленной деятельности. Возделывая (обрабатывая) природу, человек в дополнение к естественной среде – природе, создает искусственную среду – культуру. Таким образом, человек живет в среде, в которой можно выделить две составляющие: естественную или природу и искусственную или культуру.

Культура, являясь средой, в которую попадает человек с момента появления на свет, окружает его своими специфическими предметами и способами действия с ними (культурными фактами), таким образом она задает основания своих про-образов (термин М. Хайдеггера (Хайдеггер, Martin Heidegger 1957: 50)). Про-образы культуры – это некоторые обобщенные представления о человеке, который мог бы в ней полноценно жить, своей жизнью поддерживая существование этой культуры.

Понятие культуры в разные исторические периоды получало свою, порой неоднозначную оценку. Для каждой исторической эпохи характерна своя культура, а в каждой культуре присутствует свое понимание действительности, то есть формируется свой способ ее разумной интерпретации.

Рассмотрение того или иного типа культуры помогает выявить соответствующий ей «про-образ» человека, а, следовательно, место в ней образования, что раскроет его культурно-исторический смысл. Мировоззренческие универсалии культуры, описывая ее, дают возможность более отчетливо сформировать представление о человеке, который необходим данной культуре, т.е. представить его про-образ более отчетливо.

В целом культурологический опыт сводится к следующему: в основе каждой конкретной культуры лежит, соответственно, конкретная модель мира, которая, в свою очередь, определяет мировоззрение человека, характер творчества и ведущую культурную парадигму. Системообразующую роль в модели мира играет представление об основополагающем мировом событии. Не случайно и в рамках классического философского подхода культура определяется как идеал, выполняющий системообразующую роль для технологии общественного производства.

В настоящее время существует более 500 определений понятия «культура» (от лат. – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание). Оно рассматривается как:

1) способ и результат всей человеческой деятельности в отличие от уже имеющегося в природе (Тэйлор 1924: 218);

2) совокупность созданных людьми научных, морально-социальных, художественных и технических ценностей, а также процессы участия, взаимодействия с этими ценностями и создание новых (Оконь 1990: 92)));

3) совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении (Ожегов 1986: 268);

4) социально-прогрессивная творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания, являющаяся диалектическим единством процессов создания ценностей, норм и т.д. и освоения культурного наследия, направленная на преобразование действительности, на превращение богатства человеческой истории во внутреннее богатство личности (Фролов 2001: 320) и др.

На сегодняшний день культура, в самом общем смысле этого слова, является семиаспектным понятием, то есть культура представляет собой: результат, процесс, деятельность, способ (например, способ жизни человека, отличающей его от животного), отношения, норму, систему.

Литература:

1. Martin Heidegger. Identität und Differenz. Verlag Günther Neske. J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart, 1957.С.50
2. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1974. – Т. 1. С. 37.
3. Кертман, Л.Е. История культуры стран Европы и Америки (1870-1917) / Л.Е. Кертман. – .М.: Высшая школа, 1987. С.60.
4. Культура // Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АНСССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Русс.яз., 1986. С.268.
5. Оконь, В. Введение в общую дидактику / В Оконь. – М., 1990.С.92.
6. Тэйлор, Э.Б. Введение к изучению человека и цивилизации / Э.Б. Тэйлор; пер. на рус. – 4-е изд. – М., 1924.С.218.
7. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. С.320
8. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии (Электронный ресурс) / М. Хайдеггер. – Режим доступа http://elenakosilova.narod.ru/t/ grundprobleme.htm
9. Хайдеггер, М. Тождество и различие / М. Хайдеггер; Пер. с нем. А. Денежкина. – М. : Логос, 1997. – 64 с.

С.В. Буренкова
Омский государственный педагогический университет, Омск

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящей статье предлагается обзор лингвистических исследований, проблематика которых касается выявления соответствий между языком и культурой. Проблема «язык и культура» многоаспектна и издавна привлекает внимание многих известных историков, филологов, филосо-

фов, психологов, этнографов и литературоведов. Общепризнанным фактом является положение о том, что язык выражает культуру и развивается в ней. Язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Будучи одним из признаков нации, он представляет собой главную форму выражения национальной культуры и её существования.

Мысль об определяющем воздействии языка на культуру народа лежала в основе философии языка Вильгельма фон Гумбольдта (Гумбольдт 1985). Идеи Гумбольдта получили своё крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира-Уорфа. Основоположники лингвистического детерминизма Э. Сепир и Б. Уорф считали, что язык определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира (Уорф 1999: 58-91).

Теория лингвистической относительности имеет немало сторонников и противников. Раскрытию несостоятельности данной теории и дальнейших ее логических разработок посвящена книга российского языковеда А.Т. Кривоносова, который считает главным недостатком данной гипотезы элиминацию мышления из триады «язык – мышление – культура» (Кривоносов 2006). Действительно, в рамках многочисленных работ лингвокультурологического профиля язык выступает в роли некоего «демиурга», определяющего особенности жизнедеятельности нации. Вместе с тем представляется ошибочным полагать, что ученые «забывают» про мышление или «передают его функции языку» (Там же). На самом деле, увлекаясь поиском национальной специфики посредством анализа языковых фактов, лингвисты не считают необходимым всякий раз ставить философский вопрос о сущности языка и об его отражательной функции по отношению к мышлению.

Но если даже гипотезы лингвистической относительности пока не стали доказательными теориями, то *воздействие культуры на язык* вполне очевидно и разнообразно. Оно проявляется в том, в каких формах существования предстаёт тот или иной язык, а также в своеобразии самого процесса общения в разных культурах, что сказывается в некоторых особенностях лексики и грамматики, в специфике нормативно-стилистического строя языка. Как справедливо подчеркивает В.И. Карасик, «попытки уйти от объяснения культурной специфики языка обедняют лингвистику» (Иная ментальность 2005: 21).

Вследствие этого, пожалуй, самым важным результатом развития лингвистической мысли является осознание того, что изучение языка и речи неразрывно связано с познанием культуры народа. Многочисленные лингвистические исследования убедительно доказывают, что для анализа национального своеобразия языков значимую роль играют особенности менталитета нации, национально-культурные ценности и стереотипы. Вместе с тем описание специфики языковых единиц позволяет верифицировать, а порой и дополнять знания о той или иной культуре.

Любое общественное явление, к каковым относятся и язык, и куль-

тура, представляет собой сложное, многомерное образование, а потому использование в изучении подобных феноменов самых разнообразных методов исследования, в том числе и языковых, вполне оправданно и целесообразно. Результаты лингвистических исследований подтверждают, что и факты языка дают ключ к познанию культуры.

В качестве опорного элемента для сопоставления национальных менталитетов, культурных норм и ценностей в современной науке о языке предлагается понятие *концепта*. Под концептом понимают ментальное образование в сознании индивида (а через него и социума), некий «квант» (термин Е.С. Кубряковой) или «концентрат» знаний и информации о свойствах предметов и явлений окружающего мира (Фесенко 2001), вербализуемый средствами естественного языка, «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов 1997), «выделенное сознанием знание о некотором предмете» (Блох 2007).

В современной лингвистике существуют определенные различия в понимании концепта, разъяснить сущностные моменты которых удается В.И. Карасику. С позиций когнитивной лингвистики *когнитивный концепт* – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова и др. 1996: 90).

С позиций лингвокультурологии, изучающей язык как феномен культуры, *культурный концепт* – это коллективное содержательное ментальное образование, фиксирующее своеобразие соответствующей культуры (Иная ментальность 2005: 29). Совокупность национальных концептов образует *концептосферу языка*, которая, в сущности, являет собой *концептосферу культуры* (Лихачев 1997)

В содержании концептов, соотносимых со значимыми (ключевыми) для культуры словами, видят отражение мировоззрения человека, которое обусловлено контекстом культуры и времени, образом жизни людей, базовыми ценностями культуры, и во многих случаях проецируют такое содержание на языковую картину мира, подчёркивая её национальную специфику, и на выражение особенностей сознания языковой личности (Кузнецов 2000).

Многочисленные исследования показывают, что анализ семантики языковых единиц, их смысловых отношений помогает получить доступ к концептам, отражающим культурные идеалы, нормы и ценности.

Так, в плане исследования русской культуры, русского национального характера, склада ума немалый интерес представляют описания концептов: *«правда», «истина»* (Булыгина, Шмелёв 1997: 481; Гак 1998: 44-61; Арутюнова 1999: 545-556), *«дух», «душа», «тело»* (Булыгина, Шмелёв 1997: 522-539), *«грусть», «гнев»* (Вежбицкая 1999: 505-523), *«судьба», «тоска», «дружба»* (Там же: 280-282, 311-340, 375-398), *«свобода»* (Там же: 434-473), *«позор»* (Булыгина, Шмелев 2000) и др.

Особого внимания заслуживает в этой связи словарь Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» (Степанов 1997; 2004). Ключевым для русской языковой картины мира концептам: *«душа», «судьба», «тоска», «счастье», «разлука», «справедливость», «обида», «попрек», «заодно», «постараться»* и др. посвящен сборник статей А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (Ключевые идеи … 2005). Исследование семантики русских целевых и уступительных слов (*цель, целесообразность, зачем, почему, хотя, как ни крути, все равно* и т.п.), лексики этикета и этики (*уважительный, бестактный, грубый*), лексических единиц со значением *величины, понимания, достоинства* представлено в коллективной монографии под редакцией Ю.Д. Апресяна «Языковая картина мира и системная лексикография» (Языковая картина мира … 2006). Наряду со словами, обладающими глубоким семантическим потенциалом, исследуются и «мелкие» слова как выражение русского национального характера, например, *«авось», «небось», «видно»* и др. (Булыгина, Шмелёв 1997: 491-496).

Этноспецифические концепты *«приватность», «пунктуальность»* и *«умение жить»*, которые в концентрированной форме выражают соответственно ценности английской, немецкой и французской лингвокультур, рассматриваются в монографии под редакцией В.И. Карасика «Иная ментальность» (Иная ментальность 2005). Ключевые русские и американские концепты сравнивает О.А. Леонтович (Леонтович 2005).

Контрастивный анализ культурных доминант – наиболее важных для лингвокультуры концептов – осуществляет на материале русского, немецкого и французского языков В.И. Карасик (Карасик 2004). В качестве таких доминант ученый описывает концепты *«судьба», «порядок», «чистота», «скорость», «печаль», «любовь», «честь», «риск», «успех», «суета», «шалость», «труд», «подвиг», «чудо», «умный/глупый»* и др. Сопоставительному изучению эмоциональных концептов *«Angst – страх», «Freude – радость», «Trauer – печаль», «Zorn – гнев»* в немецкой и русской лингвокультурах посвящена монография Н.А. Красавского (Красавский 2008).

Следует отметить, что понятия концепта и концептосферы, достаточно хорошо разработанные и активно используемые российскими лингвистами, до сих пор в меньшей степени интересуют западных ученых. Отчасти это обусловлено разными приоритетными задачами. К примеру, немецкие лингвисты занимаются проблемами сохранения чистоты немецкого языка в эпоху глобализации, правильности речи, проблемами вариантности (Sprachvarietäten), орфографии. Тем не менее ряд ученых проводят исследования и в области когнитивной лингвистики (Lutzeier 1996; Wörterbuch… 1996; Reischer 2002; Schwarz 2008).

В качестве ключевых культурных концептов немецкой нации изучаются: *«Ordnung»* (Медведева 2007), *«Pünktlichkeit»* (Иная ментальность 2005) *«Sicherheit», «Furcht», «Angst»* (Вежбицкая 2001), *«Höflichkeit»* (Ро-

манова 2007), *«Trauer», «Freude»* (Красавский 2008) и др. Исследование разнообразных концептов на материале разных языков, в том числе немецкого и английского, проводится и в рамках многочисленных диссертационных работ. В частности, изучению значимых фрагментов немецкой концептосферы нарушений житейских норм посредством анализа языковых фактов посвящена диссертация автора настоящей статьи (Буренкова 2009). Опыт изучения лексических средств, выражающих отношение носителей немецкого и русского языков к отклонениям от привычных жизненных стандартов, позволяет считать лингвистический анализ одним из способов описания национальной культуры, в нашем случае – выявления норм и ценностей нации.

Многие исследователи единодушны в том, что анализ языковых средств объективации того или иного концепта позволяет получить доступ к индивидуальному и коллективному сознанию, тем самым к особенностям мировидения представителей конкретной культуры. Валидность данного положения доказывают результаты современных лингвистических исследований.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI век. Общероссийский научно-практический журнал о мире образования. № 1. 2007. – С. 101-105.
3. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Грамматика позора // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000. – С. 216-234.
4. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира. – М., 1997.
5. Буренкова С. В. Концептосфера нарушенности (на материале немецкого языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
8. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
9. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
10. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – М., 2005.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
12. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. / Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. – М., 2005.
13. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М., 2008.
14. Кривоносов А. Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». – Москва – Нью-Йорк, 2006.
15. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий

словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
16. Кузнецов А. М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности. Сб. обзоров РАН, ИНИОН. М., 2000. – С. 8-22.
17. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005.
18. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 280-287.
19. Медведева Т. С. Репрезентация концепта Ordnung в немецкой языковой картине мира: http://www.vestnik.udsu.ru/2007/2007-05_2/vuu_07_052_13.pdf.
20. Романова Е. В. Этический аспект немецкого обиходного языка: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.
21. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997.
22. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
23. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика 1. – М., 1999. – С. 58-91.
24. Фесенко Т. А. О соотношении «концепт – слово» // Материалы международ. конференции, посвящ. научному наследию проф. М. Д. Степановой и его дальнейшему изучению. К 100-летию со дня рождения. – М., 2001. – С. 108-112.
25. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон. – М., 2006.
26. Lutzeier P. R. Wandel bei Konzeptualisierungen. Einblicke bei Präpositionen // Wenn die Semantik arbeitet: Klaus Baumgärtner zum 65. Geburtstag. – Tübingen, 1996. – S. 149-165.
27. Reischer J. Die Sprache. Ein Phänomen und seine Forschung. – Berlin, New York, 2002.
28. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – Stuttgart, 2008.
29. Wörterbuch der Kognitionswissenschaft. Hrsg. von G. Strube. – Stuttgart, 1996.

А.А. Дасько
Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Дубна

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Посредством речи наиболее полно, всесторонне и многогранно раскрывается личность человека. Избранное для выражения мысли слово – результат синтеза духовной, душевной, мыслительной и речевой деятель-

ности человека. Слово, используемое для выражения смыслов и значений в дискурсивной коммуникации, в полной мере содержит и отражает составляющие истинной внутренней личности человека, его идеальную сущность. Внешний имидж человека может быть лицедейно изменён, поскольку создаётся посредством использования внешних произвольно избранных средств, предметов и атрибутов. Речь, являясь результатом синтеза многосложных физиологических, психических, интеллектуальных, социокультурных, духовных действий и процессов в самом человеке, в своей безраздельной принадлежности образующему речь, разоблачает внешнего человека и являет внутреннего истинного человека. В собственной речи посредством языка человек раскрывает свою личность. Возникает понятие языковой личности духовность и сознание которой сформировано в пространстве родного языка. Языковая личность, являя истинное внешнее выражение личности в целом, представляет интерес для исследования как объект индивидуальный и как составная единица культурного социума.

Изучению особенностей языковой личности посвящено исследование Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность. Ю.Н. Караулов выделяет два уровня изучения языковой личности. «Первый уровень изучения языковой личности, опирающийся, естественно, на достаточно представительную совокупность порождённых ею текстов необыденного содержания, предполагает вычленение и анализ переменной, вариативной части в её картине мира, части специфической для данной личности и неповторимой» (Караулов 2006: 37).

«Второй, более высокий по отношению к лингвокогнитивному уровень анализа языковой личности включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих её развитием, поведением, управляющих её текстопроизводством и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в её языковой модели мира» (Караулов 2006: 37).

Ценностно-смысловой аспект исследования языка и речи представляется актуальнейшим направлением современных лингвистических исследований. В основе указанного направления лежит философский базис учения о ценностях.

Аксиология (греч. axia — ценность, logos — слово, учение) — философская дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам (Новейший философский словарь 2009).

К размышлениям об определении и существовании общегуманистических и этномаркированных ценностей обращались Платон, Кант, Шопенгауер, Кьеркегор, Дильтей, Маркс, Лотце, Коген, Виндельбанд, Риккерт, Шелер, Гартман, Брентано, Сартр, Адлер, Шпенглер, Тойнби, Сорокин, Вебер, Знанецкий, Новгородский, Кистяковский, Шпет, Соловьёв, Бердяев, Франкл, Флоренский, Лосский, Аверинцев, Пятигорский, и мно-

гие другие. В настоящее время аксиология как раздел философии объектом изучения, которого являются антропологические ценности, стремится занять отдельное место в гуманитарном корпусе наук.

В современной антропологически ориентированной лингвистике, лингвокультурологических исследованиях учение о выражении ценностей в языке представляет не только собственно лингвистический интерес, но и общекультурологический. «Антропоцентрическое устремление науки нашего времени, положившей в качестве одного из своих краеугольных камней принцип логоцентризма, завершило признание языка животворным истоком всего ценностно-смыслового пространства культуры. В центре этого пространства находится знак, дискурсивно-смысловые корни которого уходят в глубь веков, сохранившей предания о креативной (преобразующей и создающей) энергии слова» (Алиференко 2010:14). В коммуникативной лингвистике, в изучении межкультурной коммуникации исследование ценностно-смыслового ядра языков и ценностно-смысловой наполненности речи коммуникантов представляется важнейшей задачей.

В процессе изучения особенностей восприятия и понимания сущности намерений и стремлений, а также осуществления локальных и глобальных коммуникативных целей субъектов общения, находящихся в лоне одной культурной традиции и коммуникантов инофонов, принадлежащих к разным культурным традициям, необходимо знать и понимать систему ценностей каждого их них. «Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший статистический, и инвариантный характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» (Караулов 2006: 37). Механизм смыслообразования как реализация главной функции значения (Алиференко 2010: 95) в речи отправной точкой всегда имеет систему ценностей создателя речи. Ибо система ценностей определяет духовные и прагматические цели, логику поведения, действия, подчинённые достижению целей.

Обиходная фраза «Мы говорим на разных языках» утверждает смысл отсутствия понимания между говорящими на одном, как правило, родном языке для обоих участников коммуникации. Взаимное непонимание, т. е. неверное или невозможное тождественное определение смыслов и их значимости порождает феномен иноязычия в пространстве одного языка. Такой феномен возникает в результате столкновения в речевом выражении различных систем ценностей и отношения к ним каждого из участников общения.

Системы ценностей выражаются в речи в виде оценок и отношений, построения иерархий значимостей, определения и выражения целевых приоритетов. « …По мере присвоения ценностных ориентиров, установок, идеальных представлений, сценариев поведения и принятия решений у человека постепенно формируется аксиологическая модальность речевого поведения в целом… Оценочная модальность наиболее полно проявляется в меж-

личностном общении, когда коммуникантами раскрываются личностно значимые представления, идеалы и стереотипы поведения и принятия решений. Следовательно, аксиологическая модальность может рассматриваться как существенный признак межличностного дискурса, который предопределяет его становление и развитие» (Владимирова 2010:21). Непонимание системы ценностей отправителя информации порождает неадекватную реакцию получателя по причине несоответствующей смысловой интерпретации. Несоответствующее мыслеречевое реагирование в процессе общения неизбежно ведёт к неэффективному конфликтному общению или прекращению коммуникации вследствие невозможности «наладить контакт».

Формирование ценностно-смыслового базиса человека начинается с момента восприятия звучащей речи в процессе воспитания и образования личности в лоне общегуманистической культуры, национальной, социальной и личностной культуры тех людей, которые влияют на формирование личности в целом. На протяжении времени развития и трансформации личности этот базис моделируется, изменяется и преобразуется в соответствии с преобразованиями, происходящими в личности человека.

Естественным для человека представляется приобретение ценностей и владение определёнными ценностями. Действия, стратегии и тактики поведения, сопровождаемые речевой коммуникацией, направлены на достижение целей, позволяющих обладать ценностями, определёнными человеком в пределах культурной традиции или вне её.

Генрих Риккерт утверждал: «Культурная ценность или фактически признается общезначимой, или же её значимость и тем самым более чем чисто индивидуальное значение объектов, с которыми она связана, постулируется, по крайней мере, хоть одним культурным человеком. При этом, если иметь в виду культуру в высшем смысле слова, то речь должна идти не об объектах простого желания, но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем, или по какому-либо другому основанию. Этим самым мы отделяем объекты культуры как от того, что оценивается и желается только инстинктивно, так и от того, что имеет ценность блага, если и не на основании одного только инстинкта, то благодаря прихотям настроения» (Михайлов 1999: 37).

В языковом выражении ценности становятся актуальными лишь в том случае, если они наделены личностно значимым смыслом. Утверждение незыблемой общей системы ценностей возможно только на общетеоретическом гуманистическом уровне. Неоспоримая ценность *здоровья, любви, счастья* и т. д., утвержденная в русской языковой картине мира (Шмелёв 2002), утрачивается при определённых обстоятельствах или духовном выборе личности, соответствующем антагонистическим ценностям.

Так *здоровье* может утратить ценность в случае определения *удовольствия* как более значимой ценности в ситуации бессознательного или осоз-

нанного выбора в пользу употребления вредящих здоровью веществ.

Ценность *любви* утрачивается в результате выбора в пользу избыточных материальных выгод, или при утверждении, что любви не существует, т.е. отрицании существования любви, соответственно, не может быть ценным то, чего не существует.

Счастье определяется индивидуально и может быть вообще не включено в систему ценностей отдельной личности как понятие неопределённое и относительное. Кроме того, семантический объём и качество отдельного понятия в разных языках может существенно отличаться, что, безусловно, указывает на различную ценностную значимость исследуемого объекта.

Лингвокультурологические исследования позволяют определить базовую этнолингвокультурную систему ценностей, зафиксированную в языке. Изучение различных корпусных составляющих языка позволяет определить ценностные концепты и их смысловую семантическую реализацию в языке в целом и в речи его носителей.

Концепты, заключающие в семантической составляющей этнокультурные ценности, являются аксиологическим базисом языка. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» (Степанов 2001: 43). Каждое слово языка, выполняющее номинативно-предикативную функцию реализует некоторую смысловую значимую ценностную составляющую. Актуализируется эта смысловая значимая составляющая в дискурсивном речевом контексте.

Аксиологический базис языковой личности, индивидуально определяемый и культивируемый средой воспитания, а впоследствии модулируемый самой личностью, сообразно её духовному выбору, определяет интенции и следующие за ними логические обоснования и действия. Действия являются внешними проявлениями, встраивающими личность в контекст активного взаимодействия с другими личностями и с социумом. Совокупность взаимовлияющих действий обуславливает личностные и социальные преобразования.

Изучение аксиологического базиса отдельного языка, взаимодействия этнокультурных аксиологических систем, систем ценностей в социально маркированной коммуникативной среде позволяет определить особенности существования и функционирования ценностной модели каждой личности, сформированной в лоне родного языка. На основе анализа аксиологических систем и их модуляций возможно прогнозирование личностных и социальных изменений, исходя из понимания актуализации ценностей в процессе воспитания и образования личности.

Литература:

1. Алиференко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. - М., 2010.

2. Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. - М., 2010.
3. Караулов. Ю. Н. Русский язык и языковая личность. - М., 2006.
4. Михайлов А. Н. Культурология в текстах и комментариях. - М., 1999.
5. Новейший философский словарь. — Интернет-ресурс: Словари энциклопедии на Академике, 2009. — <dic.akademic. ru>.
6. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. - М., 2001.
7. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю - М., 2002.

С.В.Егорова
Новгородский государственный университет имения Ярослава Мудрого, Великий Новгород

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКОЙ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Одной из важнейших форм письменной коммуникации немецких купцов была деловая переписка. При удалении на большие расстояния переписка представляла собой самую важную и зачастую даже единственную форму общения, на которую опирались в своих отношениях купцы. По тому, как написаны письма, можно проследить, как менялась культура труда купцов, хотя купеческих писем 18 и особенно 17 века сохранилось очень незначительное количество (Gebele 1949: 120). Политическая ситуация в Германии в 17 веке отрицательно сказалась на торговле, крупные торговые фирмы распадались на мелкие, что вело к утере деловой корреспонденции. Анализ сохранившихся писем позволяет сделать вывод, что в конце 17- начале18 века деловые послания купцов отличались чрезмерной краткостью изложения:

Euren Brief erhalten, daraus ersehen, daß mein jüngstes erhalten, Hiermit ein Schreiben, Bericht dem Herren hiermit.

Эти примеры показывают, что зачастую из предложения выбрасывались такие слова как *ich, habe ich*. В текстах писем употреблялось огромное количество иностранных слов, широко использовались интернациональные слова. Часто письма были без типичного приветствия, иногда оно встречалось в конце письма:

Hiermit gegrüßt, Hiermit freundlich gegrüßt.

До середины 18 века сохранялось обращение *Laus Deo* и итальянское *a di* перед датой (Gebele 1949: 103).

В 18 веке технике составления письма уделяется огромное внимание. М.Гебеле приводит подробный перечень письмовников, которые появляются в большом количестве в 18 веке (Gebele 1949: 127- 137). Сравнение рекомендаций для купцов по составлению писем в начале, середине и конце 18 века позволяет отметить некоторые изменения. Прежде всего,

следует упомянуть Пауля Якоба Марпергера, который уже в 1705 году поднял вопрос о значении правильного составления письма: «Что когда-то изложено или написано на бумаге, то сохранится навсегда и может автору письма нанести глубочайший вред». Письмо должно быть написано орфографически правильно, таким образом в содержание вносится ясность и устраняются недоразумения. «Изящный слог» способствует прочтению письма и созданию хорошей репутации его составителю. «Проворный ответ» приводит к быстрому заключению сделки. В образцах писем Марпергер использует обращение *Monsieur* и значительное количество французских слов согласно традициям того времени. Тексты писем лаконичны, содержат только важную информацию:

Indem ich längst verlanget habe, ihres Orts einen Freund zu haben, mit welchem ich nützliche Correspondentz anfangen und fortpflantzen könte, kömmt mir von Herrn N. Nachricht, daß der Herr in allerhand Englischen, Frantz- und Holländischen Waaren, einen ziemlich Verschleiß habe. Wann ich nun jetziger Zeit mit einem ausbündig schönen Sortiment Tafften versehen, sie ersuche freundlichst fein reiche Commissiones einzusenden, und wegen civilen Preises und Qualität der Waare sich alles guten zu versehen. Sollte ich auch ihres Orts etwas nöthig haben, werde ich meinen Herrn gleichfalls besuchen, und auf alle weise und wege trachten, nützliche Correspondentz unter uns aufzurichten. Hierauf nun dessen resolution erwartend, verbleibe ich, nechst Empfehlung Göttlicher Protection ...(Gebele 1949: 191).

Штампы вежливости сведены до минимума, традиционные религиозные штампы используются лишь в завершении письма:

Ist nun meines geehrten Herrn eine kleine Probe zu machen anständig, so erwarte ich dessen Commando, der ich nechst Empfehlung Göttlicher Protection verharre ... (Nr.31). *Womit freundlich gegrüst, göttl. Schutz empfohlen ...* (Nr.33).

Частично сохраняются старые формы обращения *Laus Deo* и *Ehren-Vester, Günstiger Herr und Freund, Salut* (Gebele 1949: 192) и датирование в начале письма. По-прежнему в письмах содержится большое количество иностранных слов, в основном французских, итальянских и латинских. Именно Марпергер поднимает вопрос о значимости переписки в деловой жизни: «Купец в своих действиях должен быть последователен, отвечать на все приходящие письма, и чем больше удовольствия и уважения он проявит при написании письма, тем лучше и изящнее оно будет» (Ruppert 1984: 63). Стиль написания письма говорил многое и о самой личности автора. Купец, хорошо и правильно составлявший письма, которые деловой партнёр мог прочитать легко и охотно, поднимал, тем самым, свой авторитет и быстрее завоёвывал доверие. Однако, если предложения были пространны и неуклюжи, сформулированы так, что едва можно было понять смысл, чтение письма превращалось в муку, что, в свою очередь, не способствовало развитию контактов, особенно, если речь шла о предоставлении кредита. Если же купец в силу своей недостаточной способности

выражать мысли составлял письмо только на основе предложенных образцов, то такое письмо производило неприятное впечатление об этом человеке. Критерий суждения о «хорошем стиле» заключался, с точки зрения Марпергера, в умении изложить любое событие без избытка ненужных слов и дефицита нужных, « в точности выражения мысли и стилистической элегантности» (Ruppert 1984: 63). Заслуга Марпергера заключается в том, что именно он своими произведениями подчеркнул значимость деловой переписки, пробудил стремление купцов писать по правилам и способствовал зарождению науки о торговле.

К решительному отказу от старого стиля Марпергера привело появление другого произведения. В 1756 году вышло в свет первое издание Иоганна Карла Мая «Опыт составления коммерческих писем и больших коммерческих сочинений по правилам Геллерта». В 1751 году Геллерт писал: «Wenn ich zum Exempel an einen großen Herrn schreibe, und ihn um etwas bitte: so kann und darf ich zwar nicht ganz so reden, als wenn ich vor ihm stünde. Allein man fasse einmal diese Bitte in einer prächtigen, oder in einer kanzleyförmigen Schreibart ab: so werden tausend Leute sagen, daß der Brief nicht natürlich ist, und bald mit der Antwort fertig seyn, daß man im gemeinen Leben nicht so zu reden pflege» (Gellert 1751: 261 цит. по Haß-Zumkehr). В 1765 году вышло 4 издание Мая, в предисловии которого автор с удовлетворением отметил, что «хороший вкус», под которым понимались новые стилистические нормы языка, распространился и среди купечества. Книга Мая представляла собой сборник примерных текстов, 131образец письма, которым предшествовало подробное указание о составлении таких писем, ориентированных на практическое применение. Май представлял себя «молодым купцом», который был одновременно и «почитателем прекрасных наук». Он признавал, что «пёстрый стиль обычных коммерческих писем» его раздражал, и он чувствовал негодование по поводу того, что немецкий язык, «красоту и богатство» которого он открыл для себя со временем, остаётся обезображенным (Ruppert 1981: 73). По этой причине он был вынужден составить сборник с надеждой и намерением внести свой вклад в улучшение слога коммерческих писем. Попытка связать «полезность и удовольствие» была предпринята не только для того, чтобы уточнить формы выражения, как этого когда-то требовал Марпергер, но и чтобы связать «рациональную ясность ума с привлекательной эстетикой языкового стиля».

Май попытался связать целесообразность с нормами «хорошего вкуса», т.е. с новыми нормами языкового выражения. Письмо, как средство договорённости, было основой торговых сделок купца. С точки зрения Мая, письма должны были составляться таким образом, чтобы они «за нас говорили, покупали, продавали и вообще выражали нашу волю, наши мысли и мнения». Для этого нужно было следовать 3 правилам:

- письмо должно быть написано в такой форме, как купец говорит. Это ничто иное, как обращение к отсутствующему лицу.

- перед тем как мысли толково изложить на бумаге, необходимо хорошо подумать. Ясность достигается лучше всего тем, что суть излагается упорядоченно по отдельным пунктам. Говорить нужно прямо, без обиняков. Вначале излагать самое важное, попутные мысли выражать в конце письма.

- язык должен быть простым, точным, без запутанных выражений и иностранных фраз.

Недостаток старого стиля написания письма по Марпергеру с точки зрения Мая заключался в том, что концепция письма в начале создавалась в голове, чтобы затем записать её по отдельным пунктам. Это приводило к тому, что её нужно было обдумывать заново по несколько раз, особенно, если письмо составлялось в конторе, где очень часто приходилось отвлекаться. Предложенный Маем метод «естественного» составления письма способствовал осознанному и четкому соблюдению стиля, подобно разговорному. Не предписанные стандартизированные образцы, а индивидуальность человека должна была отражать форму общения. Это было существенной ступенью в развитии культуры данного периода по отношению к началу 18 века. В дальнейшем он оказал значительное влияние на стиль немецкой деловой переписки.

Все последующие письмовники 18 века составлялись по правилам Мая. Й.Х. Зинапиус, также как и Май, следует новому стилю Геллерта. В предисловии он пишет о силе, которую поэт придал тону немецких писем благодаря их естественному и непринуждённому характеру. Зинапиус считает, что стиль делового письма купцов должен быть скорее более простым, чем услужливым. Использование титула в письме не может принести выгоду достойному человеку, а благозвучие языка письма может быть испорчено. Из примера видно, что его письма легко читаются даже сегодня:

Es war uns sehr angenehm, aus ihrem Schreiben vom … zu erfahren, daß Sie die Ihnen zum Einkauf von Zucker, Kaffee,und Indigo ertheilte Bestellung, unsrer Vorschrift gemäß, in kurzem zu volllziehn gedenken. Wir gehn also der Nachricht von wirklich erfolgter Absendung, nebst Rechnung über die Waare, entgegen.

Belieben Sie unterdessen auf Abschlag Livres 10,000 unsertwegen in gewöhnlicher Sicht bey Herrn … in Paris zu beziehn, und uns solche gutzuschreiben. Das Connaissement mit dem Auftrag, unsere Güter versichern zu lassen, übermachen Sie, wie sonst, an Herrn …in Amsterdam (Nr.41).

К концу 18 века намечаются первые тенденции очищения немецкого языка от избытка иностранных слов. Количество употребляемых в письмах иностранных слов сокращается до пределов разумного. Так, в письмовнике конца 18 века под псевдонимом Philander подчеркивалось, что «немецкий язык культивируется всё больше и больше, а иностранные выражения встречаются не так часто как раньше». В конце произведения прилагался словарь иностранных слов с рекомендацией вместо иностранных слов употреблять в своих письмах соответствующие немецкие выражения. Сами тексты отличаются четким содержанием, вежливостью без

излишних фраз, простотой стиля: «У купца нет времени на обдумывание красноречивого стиля письма». Автор отказывается от привычных фраз в конце письма, предпочитая подпись без «больших церемоний». Свои письма он заканчивает заглавными буквами E. E. D. W. D., что означало *Euer Edel Dienst williger Diener*, и скромной подписью (Gebele 1949: 134). Новым было также размещение адреса получателя и даты в левой верхней половине письма, а также введение постскриптума:

P.S. So eben vernehme ich, daß der Kaffee im Preiß abschlägt, wenn E. E. demnach den Surinam Caffee nach eingesandten Muster A 26 kr. erlaßen könnten, so bitte mir mit obigen Waaren, noch 2 Centner davon in einem besonderen Fäßlein mitzusenden. Ich will ihn zum Brenen nehmen, denn, wie schon gedacht, vor recht sein läßt sich solcher nicht gebrauchen (Nr.38).

В образцах писем автор предлагает использовать обращения *Hochgeehrter Herr и Hochgeehrteste Herren.*

Рекомендации писать просто, без лишних фраз встречаются и у других авторов: «А кроме того, пишут так, как говорят» (письмовник Й.Г. Бюша «Praktischer Hamburgischer Briefsteller für Kaufleute»), «Письма нужно писать так, как опытный купец выражается во время сделки» (письмовник «Triestiner Briefsteller»), «Тон беседы – это путеводная нить, на которую должен ориентироваться стиль письма» (письмовник Г.К. Бона, дополненный Г.Г. Гейне). Г.К. Бон рекомендует писать письмо разборчиво и орфографически правильно, понятными выражениями и без лишних иностранных слов, уделять внимание внешнему оформлению письма: датировке, размещению адреса, обращению и заключительным словам, а также смысловой стороне: писать только то, что могло бы заинтересовать получателя письма (Gebele 1949: 147).

Несмотря на большое количество издаваемых письмовников, учебников и другой литературы для успешного составления письма, стиль деловой корреспонденции второй половины 18 века был под сильным влиянием правил Мая. Рационализм мышления купцов отразился в деловой краткости содержания, благозвучности стиля и четкости высказывания. Деловое письмо стало соответствовать культуре времени.

В 19 веке рост населения и городов, изменение социально- политической ситуации в стране, расширение торговых связей, научно-технический прогресс и в связи с этим резкий скачок в возможностях передвижения в значительной степени способствовали увеличению количества почтовой корреспонденции. Так, в 1870 году в Германии было написано 330 миллионов писем. В этом же году появился такой вид корреспонденции как открытка, которая сразу пришлась по душе, и в 1900 году их количество составило 900 миллионов (Гроссе 1981: 325). Неслучайно спрос на письмовники быстро увеличивался, и, прежде всего, среди обычного населения. В каком стиле написать письмо, какие средства выразительности использовать, как проверить орфографию и грамматику – быст-

рый ответ давали письмовники с профессиональными рекомендациями и образцами. Именно они помогали соблюсти иерархические и социальные условности и служили масштабом при выборе тона общения. Одним из популярных письмовников 19 века стал «Familien- und Geschäfts - Briefsteller» Ф. Гофмана, который за пять лет издавался 3 раза.

В предисловии к книге 1850 года автор сообщает «о большой конкуренции между письмовниками всех видов», но даже «в таких неблагоприятных условиях» его труд пользуется большим спросом (Hoffmann 1850: IV). Кроме того, он обращает внимание читателей на то, что все примеры взяты им из практики. Данное произведение имеет особую структуру: в начале книги автор подробно знакомит читателя с правилами грамматики, орфографии и пунктуации. Это имело большое значение на тот момент, так как именно в 19 веке появились новые формы социального общения, а письменность стала неотъемлемым средством коммуникации, равно как и умение излагать свои мысли на бумаге жизненно необходимым и востребованным. Язык занял в повседневной жизни общества новое, более значимое место.

Значительная часть письмовника посвящена деловой переписке: правилам составления различных типов делового письма и их образцам. Вероятно, на основе классификации, данной Иоханном Аделунгом в 1785 году (Schmidt-Wächter 2005: 54), Гофман четко различает стиль написания государственных бумаг (о котором в книге речь не идет) и стиль написания частных писем (под этим подразумевается деловая корреспонденция). Ниже рассмотрим общие правила написания таких документов, рекомендованные Гофманом. К «особенностям хорошего купеческого стиля письма» Гофман относит «особенности хорошего стиля вообще: ясность, краткость, гладкость и благозвучие». Необходимо знать устойчивые выражения, клише, чтобы «суметь защититься от возможных неприятностей». Письмо должно состоять из 3 основных частей: вступления, основной части и заключения. Вступлению предшествуют адрес получателя, место и дата написания. Во вступлении нужно указать дату последнего письма от получателя или писем, оставленных без ответа. В случае, если переписка была прервана, следует объяснить, по каким причинам это произошло. Здесь же автор письма должен указать обстоятельства или повод, которые побудили его обратиться к адресату. Эта часть письма должна быть соразмерна основной части, т.е. краткой; часто достаточно во вступлении «лишь написать добрые слова». Но самое главное, связь между этими 2 частями «должна быть легкой и непринужденной».

Содержание основной части необходимо излагать в той последовательности, в какой приходили письма от адресата. И только после того, как задан вопрос относительно выполнения договоренностей, можно приступать к своим собственным просьбам, заказам, поручениям. В конце можно добавить какие-то новости, которые могли бы быть интересны купцу-партнеру. Заключение с пожеланиями благополучия должно быть

«кратким, лаконичным и вежливым». Гофман приводит целый ряд выражений для завершения письма:

Ihrem fernen Wohlwollen mich bestens zu empfehlen, zeichnet achtungsvoll und ergebenst»; «Mit voller Hochachtung empfiehlt sich»; «Ich habe die Ehre, mich Ihnen bestens zu empfehlen»; «Einer baldigen gefälligen Antwort entgegensehend, zeichne ich mit vorzüglicher Hochachtung»; «Mit achtungsvoller Ergebenheit»; «Achtungsvoll. Mit Achtung и др.

Корреспондент должен владеть языком, на котором ведет переписку, «в совершенстве, что само собой разумеется». Автор негативно относится к аббревиатуре в письмах, которую не советует использовать, и «особенно в главных словах». Числа, Гофман рекомендует, писать не цифрами, а буквами, т.к. за «ошибки придется расплачиваться ощутимыми потерями». Особое внимание необходимо уделять почерку: плохой нечитаемый почерк письма производит такое же негативное впечатление, что и невнятное произношение при беседе. «И наконец, нужно взять себе за правило, каждое законченное письмо внимательно прочитывать, чтобы исправить ошибки и дополнить то, о чем забыли написать» (Hoffmann 1850: 178).

Сопоставив современные учебники по ведению коммерческой корреспонденции с письмовниками прошлых веков, мы обнаруживаем много общего:

Der moderne Briefstil orientiert sich immer mehr an der gesprochenen Sprache – aber das bedeutet auch, daß man mit den alten Briefffloskeln keinen Blumentopf mehr gewinnen kann. Die förmliche Distanz geht auch im Geschäftsleben immer mehr verloren … (Neumayer 2002: 8).

Seien Sie natürlich und lebendig. Geben Sie dem Partner Hilfe durch Ihre lebendige Sprache (Pohl 2000: 188).

Рекомендуется писать живым разговорным языком, избегать штампов канцелярского стиля, пустых фраз, непонятных терминов и иностранных слов, сразу излагать суть дела:

Stellen Sie sich beim Schreiben vor, Ihr Partner säße vor Ihnen. Kommen Sie direkt an Sache. Wenn Sie dabei auf Ihren Partner eingehen, wird es Wohltat, nicht als Unhöflichkeit werten. Kürze und Prägnanz des Briefes entscheiden darüber, ob er gelesen und angenommen wird. Wenn Sie noch einige anregende Zusätze einbauen, die Lust aufs Lesen machen und Interesse hervorrufen, haben Sie schon fast den perfekten Brief geschrieben (Pohl 2000: 184-187),

Floskeln, die typisch für Papierdeutsch (auch: Kanzleideutsch, Beamtendeutsch) sind, haben allesamt normalsprachliche Entsprechungen, die ausnahmslos die bessere Wahl sind (Neumayer 2002: 46).

Сокращения употребляются в письмах в большом количестве, так как позволяют экономить время, однако: *Abkürzungen wie „Hr“, „evtl.“, „u.E.“, „z.T“ deuten auf Zeitnot hin; Ihr Partner möchte aber, daß Sie sich Zeit nehmen für ihn.* Таким образом, все рекомендации современных письмовников нацеливают на стиль, придающий тексту коммерческого письма доверительный, личный характер и позволяющий сократить дистанцию ме-

жду партнерами и установить и поддерживать доверительные отношения.

Немецкие письмовники 18-19 веков позволяют познакомиться с коммуникативными процессами этого времени. Рассмотренные примеры с выраженными в них коммуникативными компетенциями показывают, как формировался жанр коммерческой переписки. Современная коммерческая корреспонденция представляет собой особый речевой жанр официально-делового стиля, для которого характерна языковая экономия, с одной стороны, и доступность восприятия, простота, с другой, к которым стремились в своих рекомендациях авторы прошлых веков. Эмоционально- экспрессивная окраска достигается с помощью «коротких предложений, употребительных слов, цитат, примеров, риторических вопросов, прямого обращения, восклицаний», что нетипично в целом для официально-делового стиля. На морфологическом уровне стиль коммерческих писем не номинативный, а вербальный: глаголы вместо существительных, сильные глаголы вместо слабых, минимальное употребление конъюнктива, придаточных предложений, модальных глаголов и пассивных форм. Тем не менее, язык деловой корреспонденции представляет собой подъязык официально-делового стиля и, следовательно, в нем используются термины и терминологизированные слова, функционально окрашенная лексика, устойчивые обороты и клише деловой речи.

Литература:

1. Gebele M. Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde einer Hohen Staatswirtschaftlichen Fakultät der Ludwig- Maximilian- Universität zu München. - München, 1949. – 217 s.
2. Haß-Zumkehr U. Die kulturelle Dimension der Lexikographie. - Berlin, 1999.
3. Grosse S. Überlegungen zur deutschen Sprache im 19. Jahrhundert. - 1982.
4. Hoffmann V.F.L. Allgemeiner Familien- und Geschäfts-Briefsteller nach den Anforderungen der neuesten Zeit – Leipzig, 1850.
5. Kultur zwischen Bürgertum und Volk/ hrsg. von Jutta Held. Mit Beitr. von Wolfgang Alber. Berlin, 1983. – 182 s.
6. Neumayer G., Briefe, E- Mails & Co: wie Sie in der schriftlichen Kommunikation überzeugen. - Frankfurt am Main, 2002. – 117 s.
7. Pohl E., Karriere- Knigge. 100 Tipps für gekonntes Auftreten im Berufsleben. - Nürnberg: Bildung und Wissen Verlag. 2000. – 206 s.
8. Ruppert W. Bürgerlicher Wandel. Die Geburt der modernen deutschen Gesellschaft im 18. Jahrhundert. - Frankfurt am Main, 1984. – 236 s.
9. Ruppert W. Bürgerlicher Wandel: Studien zur Herausbildung einer nationalen deutschen Kultur im 18. Jahrhundert. - Frankfurt/Main; New York, 1981.
10. Schmidt- Wächter A.Textsorten in Rede- und Stillehrbüchern des 18. Jahrhunderts am Beispiel von F. A. Hallbauer und J. C. Adelung: hrsg. von Kirsten Adamzik, Wolf- Dieter Krause, Text-Arbeiten. Textsorten im fremd- und muttersprachlichen Unterricht an Schule und Hochschule. - Tübingen. 2005.

Е.С. Емельянова
Харьковский национальный технический университет сельского хозяйства им. Петра Василенко, Харьков (Украина)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКЕ

В начале XXI столетия развитие любой национальной терминологии зависит от решения вопроса языка в межкультурном взаимодействии народов, возникшего в связи с процессами глобализации во всех сферах жизни и деятельности людей, особенно в научной и производственной. Развитие терминологической лексики тесно связано с историей развития национального языка, с одной стороны, и историей развития науки, техники и всей материальной культуры, с другой.

Сегодня коммуникативные функции терминологии не ограничиваются обслуживанием языковой деятельности в рамках определенной национальной общности. Терминология любой современной отрасли направлена не только на удовлетворение внутреннего, национального, профессионального общения, а и на внешние, международные контакты, причем интернациональная функция терминологии все более возрастает. Современные процессы глобализации способствуют обогащению понятийного аппарата науки и производства, что вызывает необходимость в новых лексических единицах для их номинации. Таким образом, развитие терминологического фонда любого языка напрямую связано с понятием «межкультурного взаимодействия», которое подразумевает взаимоотношения разных культур, обмен между двумя и более культурами продуктами их деятельности, осуществляемым в различных формах (Тер-Минасова, 2000: 12).

Культурная маркированность лексического значения терминологических единиц при этом проявляется в том, что данная семантическая величина способна «как отражать те или иные культурные смыслы, так и интерпретировать универсальные кванты знания в соответствии с действующими культурными установками, стереотипами» (Токарев, 2010: 250). Верещагин Е.М. и В.Г.Костомаров определяют пространство значения как «реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического (абстрагирующего) знания о мире, в которое вплетается культурно-языковой опыт данной языковой общности» (Верещагин, Костомаров 1980: 7). Таким образом, взаимосвязь языка и культуры отмечается на всех уровнях языка, а продвижение языка и его распространение за рубежом означает и продвижение культуры.

При этом заимствование терминов тем или иным языком напрямую связано с характером взаимоотношений между государствами. Так, во избежании использования источников научно-технической информации, в Англии в 1785 г. был принят закон, запрещавший экспортировать за грани-

цу машины, а английским специалистам - переселяться в другие страны, что определенным образом объясняет ограниченный приток англицизмов в техническую терминологию других языков на протяжении XVIII века и в первой половине XIX века. Прогрессивный общественный строй Франции в этот период способствует интенсивному товарообмену. Научно-теоретическое обоснование машин и их деталей, которое сделали французские ученые, способствовал утверждению галлицизмов в иноязычных технических терминологических системах, в частности, немецкой. Немецкие специалисты, которые разрабатывали механику машин под влиянием французских исследователей, в большом количестве перенимали романские термины. В тот период, когда в Германии закладывались основы машиностроения, культурное влияние Франции было настолько сильным, что при обозначении новых изобретений, сделанных в Англии или Америке, отдавалось предпочтение заимствованиям не из английского, а из французского языка. Межкультурное взаимодействие стало более действенным фактором заимствования, нежели приоритеты державы в том или ином изобретении или уровень ее экономического развития (Белогуб, 1998: с. 82). Понимание влияния французского языка на формирование немецкой терминологии машиностроения дает возможность осознать логику одного из путей заимствования галлицизмов русским и украинским языком, поскольку развитие машиностроения на территории бывшей царской России в этот период проходило при непосредственном участии немецких специалистов.

Таким образом, межкультурное взаимодействие имеет решающее значение для пополнения национального терминологического фонда заимствованными лексическими единицами.

Литература:

1. Білогуб А. Термінолексика з огляду на розвиток міжмовних контактів (на матеріалі німецької мови) // Проблеми української термінології : матеріали 5 Міжнар. наук. конф. «Словосвіт’98». — Львів, 1998. — С. 80–83.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М. 1980.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000
4. Токарев Г.В. Объективация культуры компонентами лексического значения // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. Харьков, 2010. № 910. Ч.1. С. 249-254.
5. Rey A. La Terminologie, noms et notions. Paris, 1992.

Ж.Т. Ермекова
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана (Казахстан)

ОБРАЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО НОМИНАНТЫ «УЛЫБКА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ БИЛИНГВА

Понимание художественно-поэтического языка, по-видимому, в большой мере основано на владении образным тезаурусом.

Улыбка — тончайшее проявление человеческих чувств. Кроме того, что это есть выразительные движения мышц лица (губ, глаз и щёк), показывающие расположение к смеху либо выражающие удовольствие, приветствие, доброжелательность, а возможно и гримасы страха, презрения или иронии, насмешку, ухмылку, улыбка — это невербальный язык, способ выразить то, чего мы не говорим словами.

Однако, в художественном тексте номинанта «улыбка» способна открыть нам разные миры, образы: счастливая улыбка влюбленного, смущенная улыбка робкого человека, вкрадчивая улыбка соблазнителя или отрешенная улыбка Будды…

Современная казахская литература отличается большим разнообразием художественных методов и новаторских подходов, поисками новой эстетической парадигмы в условиях глобального усиления межкультурной и межстрановой коммуникации. «Осознание себя мерой всех вещей придает человеку право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей, исследовать который можно не на бытовом, а на научном уровне. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей. Все это можно понять, исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет, к которым у него проявляется наивысший уровень эмпатии» (Маслова 2008: 4).

Русские тексты билингвов несут в себе четкую национально-стилевую нагрузку, поднимают проблемы мирового, глобального порядка: императив совести, недопущение манкуртизма, единение добрых, позитивных сил в борьбе против зла. Интересно, что в произведениях билингвов обнаруживаются достаточно сильные внутренние смысловые и стилистические связи с русской культурой, что происходит часто на глубинном, подсознательном уровне, когда тот или иной мотив, образ наталкивают читателя на аналогичные компоненты иной, близкой и далекой, русской культуры.

Наша задача в данной статье показать, какими языковыми средствами пользуется казахстанский русскоязычный писатель А. Жаксылыков, создавая при этом в романе «Поющие камни» целую палитру образов (Жаксылыков, 2005). Основную функцию при создании образов выполняют уникальные лингвистические средства: фонетические, морфологиче-

ские, лексические, синтаксические. Важно было определить, в какую грамматическую форму ставит автор номинанту «улыбка» (грамматико-стилистический уровень), с каким словом сочетает ее (лексико-стилистический уровень), как располагает слова в предложении (синтаксико-стилистический уровень).

Так, богатый ряд однородных имен прилагательных, имеющих позитивную окраску, создают образ милого, нежного существа: «*Улыбка женщины может быть медово-медленной, светлой сладостной, манящей, чарующей, томной, тонкой, томительной, искрящейся, искренней*» (Жаксылыков, 2005: 78).

Образ женщины с непостоянным, резко меняющимся настроением А. Жаксылыков описывает при помощи перцептивных ощущений: улыбка «*знает все оттенки и все краски года от голубого, холодного до палящего, знойного*» (Жаксылыков, 2005: 78), антонимичных фразеологизмов: «*она таит все причудливые прелести райского сада и все муки адской казни*» (Жаксылыков, 2005: 78).

В описании образа самодостаточной, уверенной в своей силе, победительницы, используются комбинации словосочетаний: «*Улыбку женщины часто вырезали в мраморе и она побеждала мертвый камень, превращая его в бездонную чувственность и томление*», «*Следя за улыбкой женщины, можно догадаться обо всем, можно прочитать всю историю Красоты, всю ее невероятную информацию от оскала кроманьонки до улыбки Джоконды*» (Жаксылыков, 2005: 78).

Однородные члены предложения, словосочетания характеризуют принадлежность хозяина улыбки к отрицательному образу: *«улыбки резонеров и фарисеев», «улыбки соглядатайские, проституствующие, вальяжные, воровские», «улыбки ученых лицедеев, зеркальные, банальные, закоснелые нигилистические улыбки»* (Жаксылыков, 2005: 78).

Восточный менталитет жены главного героя не позволял ей бросить пьющего мужа-неудачника, она вынуждена соблюдать правила приличия, ее улыбка была многозначительной: *«О улыбки века! То безжалостные, беспощадные улыбки, заготовленные в потайных пещерах ненавистного и осознанного долга, улыбки, убивающие медленно, исподволь, как долгодействующий яд»* (Жаксылыков, 2005: 78), «*Каменный дождь полощет над землей, принуждая нас к выполнению долга, и мы дарим друг другу сахарные, изюмные, слюдяные, деревянные улыбки*», «*мечтая о воплощении нашей улыбки в вечном граните или бронзе»* (Жаксылыков, 2005: 78), *«изощренные улыбки», «То улыбки, несущие смерть, послабление кишок, дрожь в коленках, кошмары по ночам», «дьявольские улыбки»* (Жаксылыков, 2005: 78).

В художественно-поэтических образах, как нам кажется, можно черпать сведения о культуре и менталитете народа, они всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи: *«То улыбки международные, строго выдержанные в соответствии с этикетом*

чинные, традиционные, улыбки запрограммированные, рассчитанные загодя, тренированные», «японские, дипломатические» (Жаксылыков, 2005: 78).

Номинанта «улыбка» у А. Жаксылыкова может иметь порой геометрическую форму, сходство с оружием: *«улыбки, изогнутые, как опасная бритва, постепенные и сложные, как лабиринт минотавра, улыбки неотразимые, как бумеранг, как ваджра*» (в буддизме, индуизме ритуальное и мифологическое орудие, короткий металлический жезл), быть признаком страха, смерти: «*Признак смерти Вы, улыбки смерти, проноситесь ливнями над землей, и всюду остаются вспученные каменные пузыри, похожие на отмытые черепа»* (Жаксылыков, 2005:78)*, «Я увидел и запомнил улыбку мальчика, шагнувшего за овраг, лунную мерклую улыбку испуга»* (Жаксылыков, 2005: 78-79).

При чтении ряда представленных билингвом А. Жаксылыковым улыбок перед глазами проходит череда калейдоскопически пестрых пространственных образов: порой *«янтарно-жемчужную богатую, как кукурузное поле», «улыбка – пространство (ночь, пустота)»: «молчаливую, бездонную, как ночь, невероятную, как пустота, и поэтому у меня еще есть надежда, что было все не зря, что есть в конце туннеля влекущий свет»*… (Жаксылыков, 2005: 79).

«*Люди заняты своими улыбками, медоточивыми вкрадчивыми рассеянными величавыми грустными многозначительными мраморными бронзовыми деревянными фарфоровыми золотыми улыбками бдительными настороженными проницательными пресекающими проникающими обезоруживающими убийственными улыбками они всюду ищут отражения своих медоносных медоточивых смертоносных улыбок плывущих по океану бытия словно броненосцы».*

Реализованный ракурс анализа позволяет констатировать, что возможности образа человека при характеристике внутреннего состояния человека являются достаточно широкими и полноценно обеспечивают соответствующие коммуникативные потребности.

Итак, как мы заметили, даже такой небольшой художественный текст содержит большое количество средств речевой выразительности, причем, мы рассматривали только тропы, т. е. лексические средства, хотя этот отрывок изобилует и стилистическими и синтаксическими фигурами. Казахские литераторы, блестяще владея русским языком, его богатейшим арсеналом образности, метафоричности, создают и знакомые русскому читателю, и родные образы, выражающие национальное самосознание.

Литература:

1. Жаксылыков А. Сны окаянных. – Алматы: Изд-во «Эверо», 2005.- 480 с.
2. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 272 с.

В.Н.Жданов
Университет Саппоро, г. Саппоро (Япония)

ЛИЧНЫЕ ЯПОНСКИЕ ИМЕНА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

«Культура – это форма
существования национальности».
(Минору Такеучи)

Во всяком этносе имя человека выступает как «импульс культуры» (по В.Н.Топорову), социально-культурный знак, смысловая значимость которого несёт на себе отпечаток национального самосознания народа, его истории и создает особую неповторимую национальную картину мира. В данной работе мы рассматриваем некоторые особенности имянаречения и обращения по имени в японском обществе.

В настоящее время и в России, и в Японии имя новорождённому часто даётся в силу каких-либо субъективных тенденций, потому что оно, с точки зрения родителей, красиво звучит, или соответствует моде. Нередко дают имя в честь какого-либо дорогого, близкого или известного человека.

Но традиционное имянаречение в России и в Японии заметно отличается. В России оно опирается на календарь православной церкви. В Японии оно носит более креативный характер, поскольку связано с иероглификой и требует немало усилий для того, чтобы из двух/трёх тысяч знаков выбрать подходящие по написанию и звучанию. Не только звучание, но красота и смысловое значение иероглифов определяют энергийную сущность имени. При этом, когда хотят связать имя новорождённого с именем какого-либо близкого и дорогого человека, то обычно из его имени заимствуется какой-либо один иероглиф. Звучание имени, созданного на базе этого иероглифа, может быть совершенно другим, но значимый смысловой компонент переносится из одного имени в другое. В средневековой Японии начальный иероглиф феодальной фамилии обычно переносился из одного имени в другое и передавался из поколения в поколение, становясь как бы графическим символом данного рода.

При выборе имени в Японии могут руководствоваться следующими факторами: 1) красота и смысл иероглифов, как уже было отмечено, может иметь значение и то, что эти иероглифы соотносятся с именем дорогого человека; 2) краткость имени: в том случае, если фамилия длинная, имя подбирается короткое (фамилия Мацубаяси, имя Кэн), но это далеко не во всех случаях; 3) значение имени для формирования характера, дальнейшей жизни и судьбы человека (например, имя Сачико (ж.) означает «к счастью рождённая», Мичико (ж.) – «красивая и мудрая», Кумико (ж.) – «вечно прекрасная», Казуки (м.) – «радостный мир», Кацу (м.) – «победа», Нозоми

(ж./м.) – «надежда», Синтаро (м) – настоящий мужчина); 4) какие-либо особенности, связанные с рождением данного ребёнка, в частности время года, Например, у одного нашего знакомого профессора в Саппоро 4 дочки, которых зовут в соответствии с тем временем года, когда они родились: Харуна – рожденная весной, Нацуно – рождённая летом, Акина – рождённая осенью, и Фуюно – рождённая зимой). Используется в имянаречении и порядок рождения детей (например, Таро – первенец, Ичиро – первый сын, Кенъичи – сильный первый сын, Ничиро – второй сын, Кендзи – сильный второй сын, Рензо – третий сын).

Если в России смысл имени обычно неизвестен его носителю (для объяснения значения имени существуют специальные справочники, словари имён, сайты в Интернете), для японцев значение большинства имён довольно ясно. Более того, выбор имени, как уже говорилось выше, часто имеет судьбоносную направленность, дабы имя предопределяло судьбу человека, помогало бы ему быть счастливым, сильным, красивым. Кроме того семантика многих японских имён тесно связана с миром природы: луной, звёздами, водой, цветами, растениями, животными, что свидетельствует о сохранении родовой анимистической традиции времён родового строя. Вот небольшой список такого рода имён (список взят из русских сайтов в Интернете, правда, надо сказать, что некоторые японские имена, приводимые на русских сайтах, не часто встречаются в современной жизни, а некоторые взяты из популярных комиксов).

Мичики (ж./м.) – прекрасная луна
Хоси (м.) – звезда (редкое имя, но распространённая фамилия)
Юко (ж.) – дитя солнца
Минами (ж.) – красивая волна
Рока (м.) – белый гребень волны
Момоко (ж.) – дитя персика
Рико (ж.) – дитя жасмина
Коко (ж.) – аист
Сузуме (ж.) -- воробей
Юри (ж.) – лилия
Юрико (ж.) – дитя лилии
Умэко (ж.) – цветок дикой сливы

Обращение по имени в японском обществе заметно отличается от того, что принято в русском. В России по имени могут обращаться друг к другу друзья, знакомые, дети, подростки, люди примерно одного возраста, коллеги, близкие. В русской семье обращаются друг к другу по имени муж и жена, дедушка и бабушка, дети. Учитель в школе может обращаться по имени к ученикам. Но в Японии обращение по имени используется гораздо реже. Как совершенно справедливо заметили исследователи М.А.Кронгауз и К.Такахаси: «Одной из самых значимых отличительных особенностей японской системы обращения является тенденция к избеганию обращения

по имени» (М.А.Кронгауз, К.Такахаси 2002: 269). По имени обычно обращаются друг к другу только близкие друзья. Правда, они могут обращаться друг к другу также и по фамилии, большой разницы между обращением по имени и по фамилии нет.

В Японии человек именуется в большей степени по его функции, должности, рангу, положению в семье. Обращение только по имени довольно ограничено также в связи с тем, что в японском речевом этикете получила большое развитие система форм вежливости. В японском языке при обращении используются различные суффиксы или специальные слова, которые прибавляются к имени или фамилии и указывают на соотношение старший-младший, ранг, пол, положение в обществе. Самые распространённые суффиксы: *-сан, -кун, -тян, -сама,* а также слова: *-сэмпай, -сэнсэй*. Обращение с суффиксом *–сан* (*–сан* переводится как *господин* и может добавляться как к имени, так и к фамилии*)* имеет нейтрально-вежливое значение и используется в официальной речи или по отношению к вышестоящим лицам». Например, студент младшего курса может обращаться к студенту старшего курса по имени или по фамилии с суффиксом *–сан* (Дайскэ-сан, Сато-сан). Он будет использовать этот суффикс, в том случае, если выбирает нейтральную форма обращения. Но если он хочет подчеркнуть своё уважение к старщему, то вместо суффикса *–сан.,* употребит слово *–сэмпай* (Дайскэ-сэмпай, Сато-сэмпай), то есть старший. И, как правило, у студентов и щкольников превалирует эта форма обращения. А студент старшего курса, обращаясь к студенту младшего курса, обычно прибавляет к имени суффикс *–кун* (Дайскэ-кун, Ямада-кун), который подчёркивает внимательное и заботливое отношение к младшим. По отношению к студенткам эта форма обращения не используется. В редких случаях босс может так обратиться к молодой служащей, добавив к её фамилии *–кун.* Суффикс *–тян* чаще всего используют после имени, обычно сокращённого, при обращении к детям и девушкам (например, девочка по имени Томоко – Томо-тян). Иногда студенты, главным образом девушки, в разговоре между собой могут так назвать любимого преподавателя. Семантику этого суффикса в целом можно определить как *миленький, милашка, очаровашка*. Например, в университете Саппоро преподавателя Такахаси Кэнъитиро студентки иногда называют-- Кэн-тян, а профессора Хикита Гундзи – Гун-тян. Японские преподаватели, обращаясь к студентам, к мужской фамилии или имени обычно добавляют суффикс -кун, а к женской – сан. Для выражения особой симпатии к студентке к фамилии или имени можно добавить суффикс *–тян.* Но это исключительные случаи. Русские преподаватели чаще всего обращаются к японским студентам по имени, что для японцев как правила чужого монастыря. Суффикс *–сама* используют в очень вежливой речи после имени по отношению к старшим и высокоуважаемым людям. В Японии этот суффикс широко употребим в сфере обслуживания при обращении к пассажирам, покупателям, клиен-

там. В магазинах, ресторанах, аэропортах и прочих общественных местах беспрестанно звучит *o-kyaku-sama* – что на русский язык можно перевести как *О Высокоуважаемый господин Гость*).

В японской речи довольно часто к имени или фамилии добавляют слово, обозначающее профессию или социальный статус. Это *сэнсэй* (учитель), *сэмпай* (более старший ученик), *кохай* (более младший ученик), *сячё* (президент компании или начальник), *гакучё* (ректор), *бучё* (начальник отдела) и др. Например, Сато-сэнсэй (преподаватель Сато), Миякоси-гакучё (ректор Миякоси).

При обращении членов семьи друг к другу решающее значение имеют возраст (соотношение старший-младший) и пол. Дети обращаются у отцу – otoosan, к матери – okaasan. Младшие называют старшего брата -- oniisan, старшую сестру – oneesan. Старшие братья и сёстры обычно обращаются к младшим братьям и сестрам по имени. Но в разговоре о семье младшего брата называют *omomo*, младшую сестру – imoto (приставка *О* подчёркивает уважение). Также, не обращаясь к отцу, а говоря о нём, используют слово chichi, а по отношению к матери – *haha*, старшего брата в разговорах называют *ani,* старшую сестру – *ane*. В современной японской семье дети могут обращаться друг к другу и по имени независимо от старшинства, но это бывает гораздо реже, чем в русской. В японской семье имена традиционно используют только старшие по отношению к младшим (Алпатов 2008: 125). Поэтому нередко японцы не знают имён своих дядей, тёток, бабушек и дедушек и с этим приходилось не раз сталкиваться на уроках русского языка. В то же самое время «низшие члены семьи в разговоре с высшими называют себя не личными местоимениями, а личными именами» (Алпатов 2008: 126). Например, младшая в семье девочка по имени Томоко, не скажет «Я сыта», а скажет «Томоко сыта».

Называть просто по имени высокоуважаемого человека, как обычно бывает в США, в Японии не принято. Японист Алпатов приводит на этот счёт очень интересный пример. «В 1997 году во время встречи на Енисее Б.Н.Ельцина и тогдашнего премьер-министра Хасимото Рютаро российский президент провозгласил: «Будем общаться по-дружески: Борис и Рю». Он исходил из практики своих взаимоотношений с лидерами западных стран. Но у японцев, слышавших эти слова в переводе по телевизору, они не могли не вызвать недоумения: в Японии по имени, да ещё сокращённому обычно называют детей, иногда женщин, а взрослого мужчину так могут назвать только члены семьи, но никак не иностранцы» (Алпатов 2008: 82). Интересно, что японские аспиранты, познакомившись с этим примером, сказали, что вряд ли это могло вызвать недоумение у японцев, поскольку они очень снисходительны к ошибкам иностранцев.

Результаты анализа ряда научных публикаций по данной теме, опроса и анкетирования японских преподавателей и студентов, а также материалы, собранные в течение долговременного пребывания в Японии, по-

зволяют выделить ряд следующих характеристик японской ономастической системы, обусловленных спецификой национальной ментальности.

Во-первых, это привычный для Японии традиционализм с элементами новаторства. Правила имянаречения почти не меняются, но появляются и новые имена, например, иностранные, которые быстро начинают восприниматься как японские (Мари (ж.), Лео (м.). В то же время некоторые имена, как и во всём мире, ощущаются устаревшими и не встречаются у молодёжи.

Во-вторых, опора на графику. Значительную роль в выборе имени и его функционировании играют иероглифы, их красота и смысл.

В-третьих, прагматизм, проявляющийся в стремлении дать короткое (два или три слога), понятное, красивое и нередко судьбоносное имя.

В-четвёртых, фактор осознания имени (большинство японцев в отличие от русских понимают смысл своего имени), восходящий к конфуцианской тенденции абсолютизации процесса понимания. В-пятых, ограниченность и некоторая интимность имяиспользования. В Японии человек чаще именуется по его функции, должности, рангу, положению в семье. Всё это в целом свидетельствует о значительной конфуцианской направленности японской этнокультуры.

Литература:

1. Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. - М., 2008.
2. Киэда М. Грамматика японского языка. - М., 1958, Т.1.
3. Кронгауз М.А., Такахаси К. Обращение по имени в русском и японском языках. // Труды по культурной антропологии: Памяти Григория Александровича Ткаченко. - М., 2002.
4. Топоров В.Н. Имя как символ культуры.
5. Тумаркин П.С. Русские и японцы: актуальные проблемы межкультурной коммуникации//Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.1997. № 1.
6. Mizutani O. Japanese: the Spoken Language in Japanese Life. - Tokyo.1981. Japan Times, № 106.

А.Ю. Козлова
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, Коломна

НЕСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА В КОЛОМЕНСКОМ СПИСКЕ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ 1406 г.

По словам Б.А. Успенского, русская литература (письменность, образованность) представляет на начальном этапе не что иное, как сколок с византийской литературы (Успенский 2002: 49). Авторитетными посредниками в русско-византийских культурных связях были южные славяне,

поэтому начальную фазу формирования литературного языка восточных славян связывают с первым южнославянским влиянием (Успенский 2002: 36). Однако многие языковые вопросы этой эпохи остаются неразработанными и до сих пор вызывают ожесточенные споры. Зачастую исследователи затрудняются с определением места и времени создания литературного памятника: Болгария или Русь, X или XIII в? Все это в полной мере можно отнести к такому замечательному произведению древнеславянской книжности, как Толковой Палее.

В Толковой Палее передаются отдельные книги Ветхого Завета, которые сопровождаются толкованиями и комментариями, а также приводятся различные сведения исторического и естественнонаучного характера. Виднейший исследователь-библеист А.В. Михайлов так охарактеризовал это произведение: «В миниатюре – это словно энциклопедия всего того, чем жили и питались духовные потребности наших предков» (Михайлов 1895: 1). От другого типа Палей - Хронографической и Исторической - Толковая Палея отличается полемической направленностью: в ней яростно обличаются нехристианские верования.

В средневековой Руси Толковая Палея была весьма популярным произведением, потому что, несмотря на достаточно большой объем, сохранилось и дошло до нас более чем 15 ее списков; произведение переписывалось, следовательно, было актуальным на протяжении четырех веков - XIV - XVIII; его списки находились в собраниях авторитетнейших духовных центров - в Александро-Невской и Троице-Сергиевой Лаврах.

Несмотря на то, что Палея привлекла к себе внимание исследователей уже в начале XIX века, до сих пор не определено время и место ее создания: одни ученые считали Толковую Палею древнерусским памятником XIII века (А.В.Михайлов (1895), В.М.Истрин (1897, 1898)), другие – переводом с греческого (В.Успенский (1876), Н.С.Тихонравов (1878)), а А.А. Шахматов выдвинул точку зрения о болгарском происхождении Толковой Палеи и относил ее создание к IX веку (1904). Сейчас гипотезу А.А. Шахматова развивают болгарские ученые: в 2002 году в Софии вышло исследование Т.Д. Славовой «Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина» (Славова 2002), в котором возникновение памятника датируется X веком.

Толковая Палея имеет несколько редакций, взаимоотношения между которыми до сих пор не выяснены. Но широкому кругу читателей и исследователей в основном известен именно Коломенский список Толковой Палеи 1406 г. (РГБ Тр.-Серг. № 38), так как он был два раза издан – в конце XIX века *(Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. Вып 1-2. М., 1892-1896)* и в начале XXI века *(Палея Толковая. Перевод, научное редактирование А.М. Камчатнова. М., «Согласие», 2002)*.

Памятник имеет компилятивный характер: библейские тексты или в дословном изложении, или в кратком пересказе перемежаются с различ-

ными заимствованиями из других произведений: Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, Шестоднева Севериана Габальского, Космографии Козьмы Индикоплова, Хроники Георгия Амартола и др. Разные части текста скрепляют рассуждения редактора-составителя Толковой Палеи.

Возникает закономерный вопрос: кто же этот редактор-составитель - болгарин или русский? Начитанность этого книжника, многогранность его интересов поистине уникальны: «Палея Толковая отразила становление форм философизированного мышления, обособление которых внутри религиозно-богословского контекста напрямую связано с обобщающе-установочным, общемировоззренческим назначением текста» (Мильков, Полянский 2001: 562). Редактор-составитель Палеи ярко выразил онтологические представления своего времени, охарактеризовал сущностные стороны бытия. В произведении постулируется важнейший гносеологический принцип, утверждающий познаваемость мира: «Все творение составлено Божией благодатью и познаваемо ради человека» (Мильков, Полянский 2001: 567).

На данном этапе исследования однозначно и окончательно ответить на вопрос об этнической принадлежность автора-составителя Толковой Палеи не представляется возможным, но мы можем выявить некоторые черты его языковой личности.

В рамках данной статьи охарактеризуем неславянскую лексику Коломенсого списка Толковой Палеи, не входящую в состав собственных наименований.

В процессе изучения лексического состава Толковой Палеи нами был составлен словник-словоуказатель и формоуказатель для Коломенского списка 1406 г.. Выяснилось, что словник рукописи насчитывает 7558 лексем, употребленных 98800 раз.

Большинство неславянской лексики текста представлено именами собственными: это географические названия и имена лиц Ветхого и Нового Заветов. Неславянская лексика, не входящая в состав имен собственных, насчитывает 151 слово, в общей лексической массе в процентном отношении они составляют 1,7 % всего словника.

Т.А. Иванова отмечает, что пока «не существует единой общепринятой классификации ни калек, ни прямых заимствований» (Иванова 1977: 3), поэтому дадим список неславянских слов по алфавиту: **авгѹстъ** (40 словоупотреблений), **аданаи** (стлб.723, 723), **адонаи** (стлб.738), **адъ** (24 словоупотребления), **акѡръ** (8 словоупотреблений), **акиѳанъ** (стлб.236, 238), **акѹнтъ** (стлб.552), **аминь** (стлб.174), **амфѹсии** (стлб.555), **ангєлъ** (161 словоупотребление), **антихристъ** (7 словоупотреблений), **анфраксъ** (стлб.548), **апостолъ** (76 словоупотреблений), **апрель** (40 словоупотреблений), **арамать** (стлб.85), **архангєлъ** (18 словоупотреблений), **архиѥрѣи** (стлб.162, 398, 399, 399), **архистратигъ** (10 словоупотреблений), **асписъ** (стлб. 552), **ахатисъ** (стлб.554, 554), **ваиѳа** (стлб.17), **варилионъ** (стлб.555), **вѣѳа** (стлб.566, 567), **вѹсъ** (стлб.527, 545), **генварь** (40 слово-

употреблений), **геона** (стлб.78, 347, 630), **гигантъ** (стлб.199, 806), **грамота** (стлб.195, 762), **графиныи** - прилагательное к **графиа** «палочка для письма, грифель» (стлб.142), **гумнософисты** «гимнософисты, индийские философы-аскеты» (стлб.232), **девтрономиа** (стлб.584), **декабрь** (46 словоупотреблений), **диаволъ** (36 словоупотреблений), **догматикъ** (стлб.567), **евангелиѥ** (13 словоупотреблений), **евангелистъ** (12 словоупотреблений), **еклисиастъ, еллоѥ** (арам. или др.евр. «боже мой») (стлб.738), **епископъ** (стлб.155, 481, 828, 828), **ересь** (стлб.661), **еретикъ** (стлб.97, 589, 662), **ефоудъ** (стлб. 416), **ефидъ** (стлб.418), **змюрна** (стлб.325), **змурна** (стлб.324), **идолъ** (стлб.246, 249, 250, 250, 589, 709), **икона** (стлб.599, 605, 605), **индиктъ** (стлб.830), **историа** (стлб.189), **июль** (39 словоупотреблений), **июнь** (37 словоупотреблений), **катапетазма** (стлб.15, 100, 107, 210, 508), **кедръ** (8 словоупотреблений), **киворъ** (20 словоупотреблений), **китъ** (стлб.79), **клиросъ** (стлб.774), **комъканиѥ** (лат. communio) (стлб.417), **корванъ** (стлб.342), **кринъ** (стлб.404), **коуа** «название древнееврейского месяца» (стлб.210), **кюпарисъ** (стлб.405, 512), **купарисъ** (стлб.822-3), **легеонъ** (стлб.486), **лентии** (стлб.368), **литра** (стлб.811), **маи** (40 словоупотреблений), **мандрагора** (стлб.440), **манъна** (19 словоупотреблений), **мартъ** (43 словоупотребления), **матизма** (стлб.343, 505, 792), **месроѥ** «название месяца александрийского календаря»? (стлб.41), **михера** «название месяца александрийского календаря»? (стлб.41), **монастырь** (стлб.86), **машлѫхъ** (стлб. 383, 383), **мышлѫхъ** (стлб. 381), **мънихъ** (стлб.82), **мюрини** (стлб.560), **мюро** (стлб.77, 303, 303, 417), **мюрома** (стлб.84), **нетопырь** (стлб.69), **ноябрь** (39 словоупотреблений), **оарганъ** (стлб.760), **октѫбрь** (40 словоупотреблений), **олтарь** (стлб.217, 823), **олѣи** (стлб.712, 782, 792), **осана** (стлб.487, 787), **остромъ** (стлб.63), **оцьтъ** (стлб.159, 339, 624, 634, 793), **павлѣи** (έπαυλις) (стлб.497), **паньзионъ** (стлб.547), **Пасха** (от арам. phasha «переход») (стлб.346, 656), **патриархъ** (23 словоупотребления), **певги** (стлб.405, 512), **пентатеоухъ** (стлб.214), **перфира** (стлб.527), **планида** (стлб.8), **планита** (12 словоупотреблений), **пленфъ** (стлб.229), **полата** (стлб.15, 182, 389, 761, 762), **понтъ** (стлб.242), **порода** (7 словоупотреблений), **просфоура** (стлб.288, 378), **псалъмъ** (27 словоупотреблений), **псалътырь** (стлб. 777), **пьрвоура** (стлб.269), **сандальць** (стлб.106), **санфиръ** (стлб.550, 550), **сардионъ** (стлб.546), **семтѫбрь** (30 словоупотреблений), **сентѫбрь** (8 словоупотреблений), **серафимъ** (стлб.1, 9, 140), **сиклъ** (стлб.808), **скыниа** (стлб.527, 544, 556, 772), **скыпетръ** (7 словоупотреблений), **стадии** (стлб.63, 64, 64), **стратигъ** (стлб.714), **стоухиа** (стлб. 179), **стухиа** (стлб.7, 8), **соубота** (8 словоупореблений), **сѣроуфимъ** (стлб.252), **талантъ** (стлб.811, 811, 812, 812, 812), **темианъ** (стлб.267, 325, 418, 565, 640, 643), **трапеза** (13 слово-

употреблений), **тоумпанъ** (стлб.774), **тоуннанъ** (стлб.754), **оуакоуитъ** (стлб.551), **оуакоунтъ** (стлб.552, 554), **оупостась** (стлб.94, 94, 95, 95), **фараонъ** (29 словоупотреблений), **фарисѣи** (стлб.338), **февраль** (38 словоупотреблений), **философиа** (стлб.810), **философъ** (стлб.121, 143, 172), фока (стлб.85), **фроусълифъ** (стлб. 555), **фюниксъ** (стлб.85, 85, 86), **фюникъ** (стлб.514, 515, 515, 586, 654), **харадръ** (стлб.370, 370, 370, 371, 371), **хероувимъ** (17 словоупотреблений), **хламида** (стлб.361).

Следует указать еще одно заимствование, представленное при передаче текста Сказания о 12 камнях Епифания Кипрского, - **въ кпитилии** (стлб.552): **ѕ камыкъ нарицаемый апсисъ... требѣ въ кпитилии**. А.М. Камчатнов издании 2002 г. переводит фразу следующим образом: «*6-й камень, называемый яшмой….., необходим при забывчивости* » (Палея Толковая 2002: 351). Но в этом же тексте в составе Изборника 1073 года, а также во всех других памятниках, содержащих Слово Епифания Кипрского, читается другое слово – **въ кпилипьсѣ** (ср. греч. επιληψία) (Изборник 1073 1983: 152 в), т.е. «в эпилепсии». Следовательно, **кпитилиа** – это просто искаженное написание, не имеющее права на статус отдельной лексемы, перевод фразы не верен.

Некоторые заимствованные слова Толковой Палеи, не входящие в состав собственных наименований, до сих пор не отражены в исторических словарях русского языка.

Так, при передаче текста книги Исход 14 в Палее содержится следующий текст: **и постиже ю про/тиву павлѣю межю ма/гласомь прямо квсефо/мору кстъ же то мѣсто то въ/ нарицаемѣи козматѣ** (стлб.497). Переводчик на современный русский язык в издании 2002 г. указывает, что слова *Павлеи, Маглас, Евсефомор, Козматия* – это топонимы, но «топографической привязки ни канонический, ни апокрифический текст Исхода не содержит. Видимо, перечисленные топонимы соответствуют пунктам, которые миновали евреи на пути к Красному морю» (Палея Толковая 2002: 592, прим 886).

Но слово *Павлеи* не является топонимом. О нем уже век назад писал А.В. Михайлов, доказывая русское происхождение Толковой Палеи: «В Толковой Палее и в Л. (рукопись славянского перевода книги Исход Троицкой Лавры XIV в – К.) сохранился грецизм, какого не знает ни один из четьих списков Исхода XV-XVI вв., а именно :14,9 **противу павлѣю** (απέ επαύλεως) – в Л. *прямо епавлии* (другие списки – **предъ дверию, при дворию**) (Михайлов 1928: 60). Таким образом, павлѣи – нарицательное существительное, восходящее к греч. έπαυλις – «поместье, двор, сельская вилла, или хижина…Новый Завет 2) ночлег, лагерь» (Вейсман 1991: 471). Несомненно, лексемы **епавлѣи** и **павлѣи** должны попасть в словарь древнерусского языка.

Можно заметить, что иноязычная лексика в Коломенском списке Толковой Палеи - это в основном грецизмы, три слова латинского происхождения - **комъканиѥ, олтарь, полата.** Арамейские и древнееврейские слова представ-

лены лексикой, вошедшей в греческую христианскую литературу; они попали в древнерусскую письменность посредством греческого языка. Это, прежде всего, множество имен собственных, а также **аминь, кота, михера, месроѥ, осана, Пасха, сѹбота, харадръ** - посредством греческого из др.-инд. Garuda «птица, на которой летает бог Вишну» (Максимович 1992: 327).

Примечательно, что Толковая Палея содержит несколько лингвистических экскурсов, посвященных иноязычной лексике.

Во-первых, так как в Толковой Палее обличаются иудейские верования, не удивительно внимание редактора-составителя к древнееврейской лексике, но в основном оно уделяется этимологии еврейских имен собственных. В тексте Толковой Палеи находится весьма интересный фрагмент, толкующий древнееврейские имена, эти толкования отсутствуют в библейском тексте. Подробно данный фрагмент исследовал В.М.Истрин, считавший, что толкования, отсутствующие в библейском тексте, были сделаны одним из редакторов Толковой Палеи: «Они (толкования - А.К.) указывают на знакомство автора с еврейским языком и притом на знакомство хорошее» (Истрин 1897: 200). Вероятно, толкования были непосредственно переведены с еврейского языка на славянский. Позднее, правда, Истрин согласился с мнением И. Евсеева о том, что «перевод толкований все же происходил через греческий язык». Интересно, что в этом отрывке присутствуют и русские дополнения к толкованию собственных имен: один из позднейших редакторов Толковой Палеи весьма примитивно сопоставляет *Израиль* с выражением *издраная жила* (стлб.334).

Во-вторых, на стлб. 15 в тексте говорится о небесах во мн.ч. И редактор-составитель подчеркивает, что «грамматическая форма не выражает сути истинных, с точки зрения православия, представлений» (Баранкова, Камчатнов, Мильков, Полянский, Симонов 2000: 184). Доказывая тезис, автор-составитель апеллирует к свойствам еврейского языка и дает пример из греческого - описывает свойство топонима Афины: формой множественного числа именуется единичное понятие (стлб 15): **мнѧть же оубо жидовѥ ꙗко многа сѹть н(ѥ)б(ѥ)са пророци пѣ̱сници иже гл(аголѥ)ть неб(ѥ)са исповѣдаютъ славѹ б(ож)ию и сѥ пр(о)р(о)къ д(а)в(и)дъ о пс̱(а)лмѣхъ ре̱ч(ѥ) инъ ꙗвѣ сѥ ѥсть еврѣскыꙗ клиньскыꙗ рѣчи ни ѥдиноихъ ни двоихъ трѣбѹѥть оу ѥдиненаго мѣсто множьство трѣбѹѥть нареч(ѥ)ниѥмъ слова** (стлб 16) **афинии бо гл(аголю)ть афина ѥдиномѹ граду инъ афинѣи.**

При анализе употребления неславянской лексики в Коломенском списке Толковой Палеи можно отметить, что иноязычная лексика, как правило, не глоссируется.

Заимствованные слова текста - не имена собственные - уже прочно освоены древнерусским литературным языком: прошли морфологическую адаптацию и участвуют в деривации по славянским словообразовательным моделям: дериват **китовъ** - от **китъ, графиныи** - от **графиꙗ** («палочка для письма») и т. д.

Грецизмы в текстах употребляются наряду с синонимическими славянскими лексемами: **аєръ - въздоухъ, завѣса - катапєтазма, кивотъ - ковчєгъ, гигантъ - волотъ, щоудъ, вусонъ - синєта** и т.д. В зависимости от происхождения составной части текста в одной и той же цитате может употребляться то греческое, то славянское слово. Так, во всем тексте 7 раз встречается евангельская цитата Мт.27, 51; в толкованиях на книгу Бытия и Исход, принадлежащих редактору-составителю Толковой Палеи, в этой цитате употребляется грецизм **катапєтазма** - 5 раз, в тексте, передающем апокриф «Заветы патриархов», - 2 раза слово **завѣса.** Ср. **и катапєтазмѣ ц(ь)рк(о)внѣи раскипѣ/тис(м) в двѣ распадании основан(и)/ю и тъканию** (стлб.107), **катапєтазмѣ ц(ь)рковнеи раздравшюсм надвоє** (стлб.210) - но **ра/здратисм завѣсѣ ц(ь)рк(о)внѣ/и** (стлб.421), **и буде/ть тогда завѣса ц(ь)рк(о)вьна/та раздирающисм надвоє** (стлб.473) (ср.: «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу» Мт.27, 51).

В передаче грецизмов с **ѳ** отмечено русское книжное произношение: **пленфы** (стлб.229), **фумыанъ** (стлб. 528) - наряду с **темианъ** (стлб.267, 325, 418, 565, 640, 643). Передача грецизмов с **ф** - особенность Коломенского списка, так как в другом старшем списке Толковой Палеи – списке Александро-Невской Лавры (РНБ ПДА I/ 119) представлен другой вариант - **плинты** (Л. 76).

Очень ярко отношение редактора-составителя Толковой Палеи к грецизмам в проявляется в славянской передаче произведения Аристотеля «Historia animalium». Фрагмент из текста Толковой Палеи восходит к тексту Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского. Сопоставим эти фрагменты по Коломенскому списку и по списку Шестоднева XV века (РГБ МДА № 145).

Шестоднев (РГБ. МДА № 145)	Коломенский список Толковой Палеи 1406
посрѣдѣ же оустъ єзыкъ чютик имыи и расоужданиє концемъ паче же химосомъ єже соутъ соци въсего овоща съ проста же и всѣхъ качьствьвъ топлоты мѣню и стоудени и мекости и жестости (Л.240 а)	**По средѣ же оустъ єсть газык чютыє имыи і о горцѣ ио сладцѣ ио бритцѣ и о кыселѣ** (стлб.121)
єзычнаа плъть рѣдька єстъ и кыпра акь и гоуба да того цѣша и скоро разоумѣютъ въкоушає въсѣцѣхъ сок // овощьныхъ иного сѣмени нъ и зовомаа приєзычница єже єсть лалока то то честь єс имать же и та причета назовомааго исофага (Л.240 а)	**газычнаа ж та плоть рѣтка єсть акы сито да тог ради скоро разумѣютъ вкушаи всѣцѣх сокъ но и зовомаа приазычница єж єсть локока** (стлб.122)

Как видно, грецизмы текста Шестоднева - **химосомъ, исофага** - были в Толковой Палее просто опущены. Отношение к греческому языку в

разные периоды у древнерусских книжников менялось, но для редактора-составителя Толковой Палеи использование грецизмов, не связанных с теологической сферой, вероятно, представлялось неактуальным.

Отметим, что особенностью именно Коломенского списка является одно из первых употребление в древнерусском языке слова **историа,** хотя в действительности это написание является очередной ошибкой второго писца: **аще хощє/ши жє добрѣ оувѣдати си/ю книгъ а послушаи ѿ бы/тиа историа и в(ог)од(ч)х(о)вных пр(о)р(о)къ повѣсти скажє/мъ ти** (стлб.189), другие палейные списки вместо **историа** дают другое - **и створимъ.**

Анализ состава заимствованных слов и особенности их функционирования в тексте Толковой Палеи показывают, что отношение редактора-составителя к неславянской лексике было все же несколько иным, нежели у болгарских книжников X – XI вв., например, у Иоанна Экзарха Болгарского.

В целом же языковые особенности редактора-составителя Толковой Палеи можно выявить только после сложного текстологического анализа разных списков и редакций памятника, а также в результате сопоставления текста Палеи и тех источников, которые были использованы при её создании.

Литература:

1. Баранкова Г.С., Камчатнов А.М., Мильков В.В., Полянский С.М., Симонов Р.А. Приложение: «Палея Толковая» // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М., 2000. – С.114-169.
2. Вейсман А.Д. Греческо - русский словарь. Репринт V-го изд. 1899 г. – М., 1991.
3. Иванова Т. А. О морфологической адаптации заимствованной лексики в Синайском патерике // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. – Л., 1977. - С.3-12.
4. Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. - М., 1983.
5. Истрин В.М. Замечания о составе Толковой Палеи // ИОРЯС. – 1897, т.2, кн.1. – С.175-209; кн. 4. – С. 845-905; 1898, т.3, кн. 2. - С.472-531.
6. Максимович К.А. Птица Феникс в древнерусской литературк (К интерпретации образа) // Герменевтика древнерусской литературы. XI-XIV вв. Сборник 5. - М., 1992. - С.316-334.
7. Мильков В.В., Полянский С.М. «Палея Толковая» (антропологический раздел). Вводная часть // Громов М.Н., Мильков В.В. Идейные течения древнерусской мысли. – СПб., 2001.
8. Михайлов А.В. Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой Палеи // Варшавские университетские известия. 1895. № 7. – С.1-21.
9. Михайлов А.В. К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой Палеи // ИпоРЯС – 1928. Т.1, кн.1. – С.49-80.
10. Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. Вып 1-2. - М., 1892-1896.
11. Палея Толковая. Перевод, научное редактирование А.М. Камчатнова. - М., «Согласие», 2002

12. Славова Т.Д. Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина. - София, 2002.
13. Тихонравов Н.С. Отчет о присуждении наград гр. Уварова. - СПб., 1878.
14. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI - XVII вв.). – М., 2002.
15. Успенский В. Толковая Палея. - Казань, 1876.
16. Шахматов А.А. Толковая Палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. Вып. 1. - СПб., 1904. - С. 199-272.

Е.Е. Королёва
Даугавпилсский университет, Даугавпилс (Латвия)

СТАРООБРЯДЦЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТРАДИЦИИ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

В Даугавпилсском районе Латгалии (юго-восточная часть Латвии) с 17 века проживают старообрядцы, спасающиеся от преследований царских властей после церковного раскола. Они не приняли реформ Никона и стремились сохранить церковные установления и традиции древней русской православной церкви: старое перстосложение и обряды. На церковном соборе 1667 г. они были прокляты и преданы суду гражданских властей. В результате в 17-18 веках бежали на окраины России, а также за рубеж, в частности, в Речь Посполитую, в состав которой в то время входила Латгалия. Первые организованные группы старообрядцев появились в 1659 г. в Лигинишках, под Даугавпилсом, первая моленная появилась здесь же в 1660 г.. Присоединение Латгалии в 1772 г. к России первоначально вызвало отток старообрядцев в Польшу и Пруссию, но затем многие из них вернулись в Латгалию. Царским правительством старообрядцы преследовались до 1905 г. Капиталы купцов-староверов сыграли важную роль в развитии капитализма в Латвии. Подробно история заселения старообрядцами Латгалии изложена в книге В. Барановского, Г. Поташенко «Староверие Балтии и Польши» (Барановский, Поташенко 2005: 359-370). Каковы же этнопсихологические доминанты поведения старообрядцев. Главными чертами староверов являются, по нашим наблюдениям, глубокая вера в Бога, приверженность древлеправославной вере, следование традициям отцов и дедов, дисциплинированность и трудолюбие. Они выражены, например, в памятке ученика времен Первой Латвийской республики (1918-1940): *Обещаю усердно учиться и не лентяйничать, надеяться только на себя, Бога не забывать и родителей почитать* или в таком свидетельстве: *Отец говорил: «Самое трудное – отдавать долги, молиться Богу, кормить своих родителей».*

Уровень межкультурной коммуникации, ведь старообрядцы живут на территории латышского государства в иноязычном окружении, опреде-

ляется толерантным отношением к окружающим. На языковом уровне это проявляется в большом количестве деминутивов-этнонимов: *латышок, полячок, жидок, татарочка.* Собственно, оно всегда было характерно для старообрядцев, проживающих на территории Латгалии. Староверы осуждают только атеистов: *антихрист и еретик* – одна из самых сильных инвектив в их среде, а в каждом староверском доме имелись поганые кружки для чужих. Многочисленные свидетельства об их нетерпении к иноверцам характерны для прошлых эпох. В настоящий момент всё чаще звучит мысль о том, что все верующие, независимо от их вероисповедания, достойны уважения. Современные староверы все чаще повторяют такую фразу: *Бог один, хоть веры и разные.* Более терпимо они стали относиться и к смешанным бракам. Раньше смешанные браки не допускались в старообрядческой среде. Сейчас на бытовом уровне такое отступление от правил объясняется осознанием того, что все веры имеют право на существование. Родители говорят: *«Лучше быть одной веры, но раз уж так случилось, лишь бы были оба верующими, только бы детей покрестили, Богу молились, праздники соблюдали, между собой дружно жили».* Детей из смешанных браков часто крестят в старообрядческую веру, даже если женятся или выходят замуж за иностранцев. По свидетельству старообрядцев, их духовные отцы сейчас не ведут активной борьбы против смешанных браков. Изоляционизм, характерный ранее для старообрядцев Латгалии, в современной жизни также преодолен. Наши старообрядцы активно сотрудничают с учеными и всеми членами общества, интересующимися их историей и культурой, они открыты для общества.

Элементы этнопсихологического сознания проявляются на уровне мотивационной, концептуальной, обрядовой и бытовой сферы (*Ешь-ешь, швагрок, я завчера только свежего зайчика убил, меня на вулицу и вырвало.* Многие староверы не употребляют в пищу зайчатину и крольчатину, объясняя это тем, что они рождаются слепыми. На самом деле эти животные принадлежат к нечистым).

Концептуальный уровень можно продемонстрировать в отношении старообрядцев к труду. Работали крестьяне много, часто выше своих физических возможностей, при этом не делали различия, работают ли на себя, или на богатого хозяина, а потом – на колхоз. Землю надо обработать и засадить, а потом убрать урожай – это аксиома крестьянской жизни, связанная с культом матери-земли у славян: в латгальских говорах старообрядцев выражения *земелюшка-матушка, мать сыра земля,* в архангельских говорах – *земля-мать, земля-матерь, земля / земелька / земелюшка-матушка* «появляются в связи с представлением о матери как об общепорождающем начале» (Качинская 2003: 148). Трудовой энтузиазм рождается в том случае, если земля награждает крестьянина за пролитый пот богатым урожаем. Основой трудового энтузиазма является и совместная коллективная деятельность. А труд староверов-сельчан всегда был коллектив-

ным, что идет еще, по-видимому, от общинного землепользования русских крестьян. Как правило, у староверов всегда были большие семьи, рабочих рук хватало. Трудоемкие работы помогают выполнять родственники и соседи, этот обычай до сих пор распространен в Латгалии и называется *толокой: И навоз возили толокой, и молотили толокам, конницей – это гоняют коней по пари, под рожь пахали, устраивали толоки. Толоку будешь собирать на докопки?* Во время жатвы, косьбы, молотьбы, сенокоса, вывоза навоза, где преобладал коллективный способ выполнения работы, в труд включались соревновательные моменты, тем более что в толоках участвовали дети, например, в навозной толоке они были возчиками. Обряд толоки у староверов Латгалии включает приглашение, обливание водой, угощение (ср. с белорусской толокой – Валодзіна 1997: 13). В советские времена, когда большие наделы земли перешли к колхозам и толока поэтому стала не нужна, она все-таки сохранилась, но приобрела несколько модернизированный вид. Например, знакомые нашей информантки приезжали вместе с ней в деревню из города, чтобы помочь ее престарелым родителям выкопать картошку. Для стимула устроительница в конце каждой борозды ставила бутылку пива. Известно, что непосильный труд крестьянина обычно сопровождался различными обрядами. *«В крестьянском быту работа и развлечения взаимно не исключали друг друга: одно органически переходило в другое, давая своей противоположности мощный импульс для развития»* (Морозов, Слепцов 2004: 333). Кроме того, толока заканчивалась угощением и выпивкой, для этого специально варили, а позднее покупали пиво. Материалы старославянского языка свидетельствуют о том, что «особую значимость приобретала помощь в труде, которая рассматривалась как совместное действие и как добровольное услужение» (Вендина 2002: 268). Таким образом, мы сталкиваемся с совпадением концептуального отношения к труду у староверов с эпохой Средневековья.

Колхозы – тоже являют собой особый тип коллективного ведения хозяйства. *Сначала, когда колхозы организовывали, почти дарма работали, но был такой энтузиазм. Все с песням ишли работать. Всё было вручную, техники не было. Всё с песням. Так весело жили. Очень было много молодёжи, а сейчас нет деревень. Старые вымерли, молодые в город уехали. Всё. Пустота. Полностью деревней всех нету. А сейчас молодёжь, ей не за что зацепиться, едет в Ригу. Вот оны эты парни, токо кончивши, а работы-то нету. На стройку едут в Ригу.* Таким образом, несмотря на *кровавые мозоли* и *кровавый пот,* труд воспринимался как счастье, основа благополучия и всей жизни (*Кто добро работал, тому и жилось добро. Лодыря не корчишь – вот и живёшь добро*). Это нашло отражение, в частности, в появлении такой народной сентенции: *Всё счастье в труде.* В этом высказывании проявляется и инверсия – особый тип культуры, идеалы которой находятся в прошлом. В данном случае это даже удивительно, поскольку во

времена советской власти у всех наших информантов колхозы ассоциировались исключительно с трудоднями, по которым ничего не платили.

Предметный уровень может быть продемонстрирован в наличии *подрушника* – ‘подушечки для земных поклонов’, *лестовки* – ‘тип четок для подсчета молитвенных поклонов.’ Обрядовый уровень наиболее рельефно представлен в сфере религи в похоронном обряде. К предметной сфере принадлежит и *смеретная одёжа*. Как и другие русские люди, живущие в сельской местности, староверы готовят ее заранее, но вот сам набор предметов одежды отличается. У староверов обязательно должен быть *саван* и *лестовка.* При этом у женщин саван белый (*Сверху белый саван заворачивается),* а у мужчин он может быть как белым, так и – черным: *У мужчин саван чёрный, а подштаники, рубаха белые.* Кроме того, у женщин *сарафан* и длинная *рубаха,* а у мужчин *азям.* Чтение псалтыри по покойникам – обязательный элемент похоронного обряда православных, однако терминологически похоронная обрядовая практика не получила закрепления: например, нет наименования *читальщик,* фразеологизма *стоять стойку, стоять погребение, стоять сороковую панафиду. Вот умер человек, сразу же приглашаются читальщики, с первого часа положено читать псалтырь.*

Мотивационный уровень можно продемонстрировать на следующем примере. Латыши, поляки, латгальцы, белорусы – все, с кем жили и трудились бок о бок староверы, проживающие на территории Латгалии, – всегда отзывались о них как о хороших работниках и удивлялись тому, что староверы, соблюдая все религиозные праздники, не работая в воскресные дни, не используя по этой причине погожие дни и рискуя остаться без урожая, тем не менее получают каким-то непонятным образом высокие урожаи, вовремя завершают посевную и убирают урожай, справляются с сенокосом и всеми остальными сельскохозяйственными работами. *Поляки смеются коло нас: кого снимать будут москали – не работали.* Староверы считают, что им помогает в работе Бог, и другой мотивации здесь быть не может.

Как в психологии выделяется интравертная и экстравертная личность, так же и языки по отношению к возможности заимствования делятся на указанные две группы (Б.А. Успенский). Русский язык принадлежит к языкам экставертного типа, диалектный язык старообрядцев Латгалии принадлежал к интравертному типу. Это проявляется прежде всего в небольшом количестве заимствованной лексики из латышского, польского, белорусского языков. Наибольшее количество заимствований находим из церковнославянского языка. Причем это заимствования не только лексические, связанные с наименованиями реалий церковной сферы, но и грамматическими особенностями: например. одно отрицание, как в церковнославянском языке на месте конструкций с двойным отрицанием, продуктивность синтаксем с предлогом от, широко распространенных в церковнославянском языке. В настоящее время диалект старообрядцев стремительно разрушается под влиянием тех же социальных процессов, что и на дру-

гих территориях постсоветского пространства. Как и для других диалектных территорий для латгальских староверов характерно использование регионального койне или регионолекта. Старообрядцы возродили много разрушенных в былые годы моленных, празднуют юбилейные даты моленных, имеющих многовековую историю. Общинная жизнь не утратила для них своего былого значения.

Литература:

1. Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши. Краткий исторический и биографический словарь. – Vilnius, 2005.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2005.
3. Валодзіна Т. В. Талака ў сістэме духоўнай культуры беларусаў. – Мінск, 1997.
4. Качинская И. Б. Мать и матушка: термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // Вопросы русского языкознания. Архангельские говоры. Словообразование. Лексика. Семантика. Вып. X. – М., 2003.
5. Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX – XX вв.). – М., 2004.

Г.Ю. Лазновская
НОУ ВПО филиала Института профессиональных инноваций, Волгоград

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Основываясь на воспоминаниях русских путешественников второй половины XIX в. (время наиболее плодотворного культурного сотрудничества России и Франции), можно сделать вывод о том, что важнейшей чертой французского национального характера является диалогический тип мышления. Представители диалогического типа культуры преклоняются перед логикой и безупречной аргументацией, получают удовольствие от самого процесса поиска истины, а не от результата. Их стихия – это *живое* общение, то есть такая форма сосуществования, в которой общаются заведомо равные партнеры, где приоритет имеют не регалии, звания и титулы, а ум, остроумие и логика.

«Во Франции на что нужна мысль?– спрашивал П.Я. Чаадаев, – Чтоб ее высказать». (Чаадаев 1991: 167) Все без исключения русские путешественники отмечали пристрастие французов к живому общению. По замечанию Н.М. Карамзина, как будто бы именно для французского народа выдумано общежитие. (Безобразов 1892: 438-439) Сложно представить себе

француза необщительного. Если где-то собираются два представителя французской нации, то их встреча превращается в настоящее произведение искусства – пестротканое полотно, на котором перемешаны буйство красок, удивительных линий и изящных оборотов. Чтобы попробовать такое национальное блюдо, нужно было бы побывать на обычном парижском обеде в ресторане или кафе, в парижской гостиной, на лекциях французских профессоров, в парламенте или зале судебных заседаний.

Общение, общительность, соответствующая языковая атмосфера, или «языческий гедонизм», по выражению А.А. Смирнова – это та «вкусная» субстанция, из которой рождается зерно истины. (Смирнов 1965: 295) Во французском языке существует специальный термин: le discours (дискурс, рассудочная речь), хотя это слово может обозначать и пустую болтовню и торжественную речь. Французы предпочитают употреблять его в значении: «разумная аргументация».

В связи с этим восхищение русских путешественников вызывало очарование французского языка. Язык, слово – это, как писал М.М. Бахтин, «почти все в человеческой жизни». (Бахтин 1986: 313) М.П. Алексеев называл язык – «ключом к культуре, к кругу мыслей, к пониманию души народа». (Восприятие русской культуры… 1975: 5)

Французский язык, по мнению его почитателей, как будто бы предназначен для того, чтобы добывать и передавать истины просто, ясно, доступно и предельно четко. Он не любит темноты, неопределенности, схоластических тяжеловесных конструкций. «Гибкость, тонина выражения, остроумная умеренность каждой мысли, меткость каждого слова, ясный, но не совсем выговоренный намек, все качества, к коим только способен французский язык…», – отмечал П.В. Анненков. (Анненков 1984: 102) Л.Н. Толстой высоко ценил «ясность, точность, отчетливость» французской мысли, красоту и выразительность французского языка, не раз отмечая ясность вопросов и ответов, отчетливость – «не подковырнешься». Для человека образованного, читающего, интересующегося европейской жизнью, французский язык незаменим, считал В.И. Модестов, так как он по своей «в высшей степени ясной, определенной и тонкой структуре … имеет для всех европейцев классическое значение. К нему прибегают, когда хотят употребить выражение особенно рельефное, тонкое и изящное…». (Модестов 1880: 75) «… ни на каком ином языке современные предметы так складно не выговариваются», – писал П.Я. Чаадаев А.И. Герцену. И.С. Тургенев говорил французским писателям, обсуждая структуру их языка: «Ваш язык… представляется мне инструментом, которому его изобретатели всей душой стремились придать ясность, логику, приблизительную верность определений…». (Гонкур 1964: 183) При этом для Н.И. Пирогова было несомненным: чтобы мыслить всесторонне, ясно и отчетливо на чужом языке, нужно знать его «с пеленок». (Пирогов 1950: 247)

Таким образом, приверженность французов логике и дискуссиям как инструменту системной структуризации жизни во всех областях отмечалась многими русскими путешественниками. Французский язык прекрасен, служит важнейшим средством взаимопонимания культур.

Литература:

1. Анненков П.В. Парижские письма. – М., 1984.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
3. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. – М., 1892.
4. Восприятие русской культуры на Западе. Очерки. – Л., 1975.
5. Гонкур Э. и Ж. Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2. – М., 1964.
6. Модестов В. И. Школьный вопрос. – СПб., 1880.
7. Смирнов А.А. Художественное творчество Вольтера. // Смирнов А. Из истории западноевропейской литературы. М.–Л., 1965.
8. Пирогов Н.И. Севастопольские письма. – М., 1950.
9. Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы. // Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. – М., 1991.

Н.А.Моисеева
Российский государственный аграрный заочный университет, Балашиха

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из многообещающих направлений в изучении языка и культуры является лингвистическая антропология. В такого рода исследованиях можно выделить два основных направления: историческое, связанное с лингвистической и культурной реконструкцией, и кросс-культурное, занятое сравнительным анализом различных языков, языковых картин мира и культур.

Классификация языковых групп дает возможность исследователям многое сказать о предыстории их носителей. Лингвистической реконструкцией называется установление родственных связей между несколькими языками и восстановление их общего праязыка и протокультуры. Индоевропейская языковая группа одна из самых многочисленных, в нее входят славянские, германские, романские, балтийские и ряд других групп живых и мертвых языков. Более близкими эти языки были в древности, когда группы населения, говорившего на индоевропейских языках, жили в непосредственной близости друг от друга и составляли совокупность племен с единым языком.

Антропо-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза состоит в следующем. Исходный протославяно-балтийский массив индоевропейского населения сформировался в лесной зане Восточной Европы. Из него выделился и обособился на юге в результате контактов с южными соседя-

ми (иранские племена) массив, который можно назвать протославянским. Согласно археологическим и лингвистическим данным, на крайнем западе ареала выделилась прибалтийская группа. При этом прибалты и протославяне представляли практически единый этнический массив на протяжении всего I тыс. н.э., осваивая все новые территории и ассимилируя местное население. К VI в. н.э. складывается ареал распространения славян, создаются общеславянские языковые формы. В этом времени отмечено наличие общих археологических культур, базирующихся на пашенном земледелии.

На основе языка индоевропейского праязыка реконструированы различные формы проявления духовной деятельности, в том числе метрические формы поэтического языка, мифология и религиозные ритуалы. По типу общеиндоевропейская мифология близка к древневосточным мифологическим традициям, здесь совпадают мифологические мотивы и образы. Так, мотив первоначального единства человека с “землей”, мотив бога как “пастуха умерших душ”, мифологические образы “льва”, “быка”, “лошади”, мотив “кражи яблок” находят аналогии в древневосточных мифологиях, под влиянием которых и должны была складываться праиндоевропейская мифологическая традиция.

Праиндоевропейская цивилизация относится типологически к кругу древневосточных цивилизаций. Отличает же их отсутствие у индоевропейцев письменности, централизованной государственной власти, искусственной ирригации. Эти различия по-видимому и объясняют распад культурной общности индоевропейцев, так как при наличии централизованного государства, связанного с фиксированной в письменности традиции, не произошли бы столь широкие миграции индоевропейских племен из первоначальной области их расселения.

Культурная традиция древних индоевропейцев не затерялась в тысячелетиях, оставшись в обрядах и ритуалах. Ее глубина и хронологическая устойчивость, распространение на больших территориях Евразии показывают культурную связь потомков древних индоевропейских племен, в какой-то мере сохранившейся до сих пор. Восстановление древнейшей культурной традиции стало возможным благодаря сравнительно-лингвистическим исследованиям, которые позволили выявить значимость языка как элемента культуры и носителя культурной традиции.

Кросс-культурные исследования в рамках лингвистической антропологии представляют собой сравнительный анализ различных языков, языковых картин мира и культур. Существенный вклад в разработку данного научного направления культурных исследований внес структурализм англо-американской школы, получивший название лингвистического структурализма. Именно в рамках этого подхода возникла гипотеза об определяющей роли языка в формировании организации хозяйственной деятельности, социальной стратификации, культурных традиций. Гипотеза была высказана американским антропологом Э.Сепиром и развита его учеником

Ли Уорфом, получила название “гипотеза Сепира-Уорфа” (или “гипотеза лингвистической относительности”). Подобно тому, как теория относительности в физике позволяет говорить о множественности физических миров, так теория лингвистической относительности предполагает, что миры, в которых живут носители разных языков, в свою очередь различны. Люди, говорящие на различных по грамматическому строю языках, живут в разных мирах, по-разному воспринимая мир. Язык, на котором говорит человек, определяет и формирует его систему мышления.

Значительная часть работ Э.Сепира была посвящена анализу индейских культур, но к этнографическому материалу он подходил не как лингвист: его интересовало влияние языков на общий характер индейской культуры. К анализу языков Э.Сепир применял метод структурной лингвистики, выявляя особенности в строении фонетики, грамматики и синтаксиса в строении языков. Э.Сепир пришел к выводу о решающей роли языка в формировании представлений об окружающем мире – т.е. лингвистической детерминированности понимания явлений реальности.

Существующие в языке знаковые модели представляют собой стереотипные формы восприятия, которые, сохраняя устойчивость в культуре, оказывают решающее воздействие на сам процесс формирования человеческих представлений об этих явлениях и событиях и их оценку. Формы мышления человека контролируются законами моделирования, о которых сама личность не имеет ни малейшего понятия. Сами же модели основаны на неосознанной систематизации родного языка, ярко проявляющейся при сопоставлении с другими языками. Человек не только говорит, но и мыслит на своем родном языке, пользуясь его моделями осознания действительности. Даже владея иностранными языками, человек сохраняет мыслительную схему, модель, которая была усвоена в детстве, при освоении родного языка. Каждый язык – это сложная система моделей, отличная от других систем. Посредством системы моделей родного языка человек воспринимает окружающий мир и себя самого. Синтаксические структуры, т.е. модели, по которым строятся предложения, в свою очередь организующие слова, куда более важны, чем слова сами по себе.

Модель мира, которая задана в языке, представляет собой схемы предложений и образцов конструкций предложений. Выражая мысль, человек пользуется моделями, лежащими вне его сознания. Модели языка формируют восприятие реальности, что-то подчеркивая, а что-то, наоборот, отчленяя. Человек ничего не знает об этой организации, которая навязывается его индивидуальному сознанию. Этнолингвисты отмечают, что в организации языков систем все этносы равны, независимо от развития их материальной культуры, от примитивности или цивилизованности. Так, Ли Уорф отмечал, что грубейший дикарь может неосознанно использовать столь интеллектуально сложную систему, что для описания ее функционирования лучшим ученым-лингвистам потребуется целая жизнь.

Не только схемы нашего мышления заданы языком, но и само мировосприятие основано на языковых привычках. Наше поведение связано с миром, который является лингвистически обусловленным. Разные народы не просто по-разному называют, но и по-разному воспринимают и конструируют мир.

Рассмотрим некоторые примеры различия лингвистических моделей. Употребление глагола без субъекта позволяет языку как логической системе понять “безличность и объективность” природы, такие формы есть в русском языке, например: ”Смеркается.”, “Холодает.”, но они отсутствуют в английском. В японском языке в предложении могут быть два разноуровневых подлежащих, что придает слогу краткость, выразительность и большую точность. В языке чичева, негритянского племени, живущего в Восточной Африке, есть два прошедших времени: первое – для событий прошедшего, зафиксированных во внешних проявлениях, второе – для событий, сохранившихся только в памяти. Теософ, говорящий на языке чичева о реинкарнации, использовал бы второе время для событий, произошедших в прошлых воплощениях, но, если он станет говорил о карме, потребуется первое время. Примитивное племя владеет языком, который, если б они были философами или математиками, выдвинул бы из их рядов выдающихся мыслителей о времени.

Анализируя разницу в восприятии времени через языковые модели английского языка и языка индейцев хопи, Ли Уорф пришел к выводу, что это два разных представления. Европейское время организованно как пространство и разделено на четко отмеченные отрезки, а время у хопи неопределимо в терминах пространства и движения. Причем не только концепция времени, но и концепция пространства может видоизменяться в зависимости от языка. Ли Уорф считает, что ньютоново пространство, время и вещество не имеют никакого отношения к интуиции, а содержатся в языке и культуре, откуда их вычленил Ньютон. Представления же ученых являются моделями нового научного языка.

Описывать собственную культуру гораздо труднее, так как больше объем материала и сложно сохранить объективность, поскольку привычки и традиции, которые предстоит анализировать, глубоко укрепились в нашем сознании с самого рождения. Но определенные выводы все же возможны. Так, например, в европейской культуре время объективировано, оно простирается в прошедшее также, как и в будущее. Благодаря такому взаимовлиянию языка и культуры возникает письменная история, интерес к датировке, календари и бухгалтерское дело. Западная цивилизация с ее ощущением ценности времени непосредственно связана с моделью времен своего языка. Например, языковая модель англо-американской культуры имеет дело с большим количеством временных форм, которые дают возможность точно определить временной отрезок, ограничиваясь лишь формами глаголов и не прибегая к помощи других частей речи. Определенному языковому порядку подчинены как языковые модели, так и само пове-

дение, ориентированное на идею экономии времени, на повышение скоростей. Интересно, что одна из поведенческих черт современного человека, не просто живущего в начале III тысячелетия, но соответствующего ему - это осознание колоссальной ценности времени, уважение к точности его измерения, планирование дел заранее.

Понять свой собственный язык, осознать особенности его моделей непросто, но интересны будут хотя бы некоторые замечания. В первую очередь сразу же можно отметить отличие временных форм русского языка от английского, большую их неопределенность и неточность фиксации момента. Перевод временных форм английских глаголов на русский язык затруднен. Если англичанин стремится к точности и определенности, то русскому точность не столь важна. 40% лексики русского языка носит оценочный характер в сравнении с 15% в английском. Лексике русского языка присуща категоричность. Из-за того, что нельзя выразиться точно и безоценочно, приходится заимствовать иностранные слова, которые в русском моментально приобретают оценочную окраску. Русский язык глубоко личностно интонирован в лексике и в речи. Это язык художественной, но не научной литературы, отсюда столько заимствованной терминологии в научных исследованиях. Русский язык дал великую художественную литературу, но он ориентирован на поиск и силу правды, а не истины.

Русский язык отражает скорее коллективистский опыт, чем опыт индивидуальный. Так, например, для выражения индивидуальных черт личности в русском языке имеется 2 тыс. лексических единиц, в то время как в немецком - 4 тыс., а в англ. - 17 тыс.

Роль языка неоднозначна: он не только выражает духовный опыт, но и задает его. Возможно, что языковые модели этносов могут способствовать модернизации общества или замедлять ее. Может быть, в особенностях языка нужно искать одну из причин, вследствие которой различные народы с неодинаковым успехом вписываются в модель современного постмодернизированного общества.

Литература:

1.Сепир Э.Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001 г.
2.Шишкина Л.С. Европа и Россия сквозь призму языка. / Возрождение культуры России: язык и этнос. СПб., 1995. С.130-145.
3.Эванс-Причард Э. Сравнительный метод в социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 654-680.

К.В. Сбитнев
Курская государственная сельскохозяйственная академия
имени профессора И.И. Иванова, Курск

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Слово «культура» происходит от латинского слова cultura, что означает возделывание, обрабатывание, уход (Дворецкий 2008: 213). В средние века это слово стало обозначать прогрессивный метод возделывания зерновых, таким образом возник термин agricultura или искусство земледелия. Но в XVIII и XIX вв. термин cultura стали употреблять и по отношению к людям, если человек отличался изяществом манер и начитанностью, его считали культурным.

Специалисты насчитали не менее 600 определений культуры, однако разброс в интерпретации объема понятия «культура» в них настолько велик, что некультурологу весьма непросто сориентироваться в этом море дефиниций, в силу чего зачастую ему приходится в конечном итоге довольствоваться обыденным представлением о культуре.

Применительно к нашей сегодняшней жизни можно сказать, что совокупность материальных и духовных ценностей, которые отражают активную творческую деятельность людей в освоении мира в ходе исторического развития человеческого общества называется культурой (Лихвар 2008: 164). В теориях культуры всегда важное место отводилось языку. Язык можно определить как систему словесного выражения мыслей, чувств, волеизъявлений, обладающей определенным звуковым и грамматическим строем и служащей важнейшим средством общения людей (Стариченок 2008: 720).

Язык – явление социальное. Им нельзя овладеть вне социального взаимодействия, т.е. без общения с другими людьми. Хотя процесс социализации в значительной мере основан на имитации жестов – кивков, манеры улыбаться и хмуриться, - язык служит основным средством передачи культуры. В культурологической литературе превалирует квалификация языка как инструмента культуры.

Большинство исследований об отношении языка и культуры вплоть до недавнего времени делали упор на внешней и совершенно очевидной связи между лексикой и содержанием культуры. Снова и снова отмечалось, что используемая людьми лексика свидетельствует об их культуре и, с большей или меньшей точностью, отражает особые интересы и значение, которое этот народ придает таким областям своей культуры, как техника, социальная организация, религия и фольклор.

Язык, как и культура, состоит из элементов разного времени возникновения; некоторые из его черт восходят к непроницаемому туманному прошлому, другие являются результатом недавнего развития и потребностей вчерашнего дня.

На современном этапе развития науки все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии.

Из широкого круга вопросов, охватываемых проблемой «Язык и культура», наиболее разработанными в настоящее время являются лишь некоторые аспекты, касающиеся, например, роли языка в художественном творчестве, а также «отражательной» или «познавательной» функции языка. В последнем случае исследователи обычно оперируют расширительным пониманием культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человеком. Причем язык рассматривается как своего рода «слепок» того или иного культурного слоя.

В нашем представлении оба феномена - язык и культура - являются автономными, но вместе с тем тесно взаимодействующими знаковыми системами, соотнесенными с мышлением и коммуникацией.

Квалифицируя язык и культуру как автономные системы, отличающиеся друг от друга, как в субстанциональном, так и в функциональном отношении, следует иметь в виду их тесное взаимодействие, как опосредованное, так и непосредственное. В первом случае мы имеем в виду, что оба феномена соотнесены с мышлением и соответственно через эту связь соединены опосредованно друг с другом, являясь неотъемлемым компонентом мышления, т.е. логико-рационального осмысления мира. Язык принимает участие во всех видах духовного производства, независимо от того, используют ли они слово в качестве непосредственного орудия творчества. Материализуя общественное сознание, языковая знаковая система является носителем, а, следовательно, и хранителем информации, т.е. тех или иных понятий и суждений об окружающем мире. Тесно взаимодействуя друг с другом, оба феномена имеют большую зону пересечения в силу того, что язык является одним из важнейших способов объективации, экстериоризации культуры, выполняет в ней существеннейшую эстетическую функцию.

Язык и культура – вот что характеризует любой этнос, на какой бы стадии эволюции он ни находился. Они объединяют и роднят членов этноса перед силами природы и перед другими этносами. Язык и культура отличают один этнос от другого, и вместе с тем через них открываются способы общения и даже сближения разных этносов. До сих пор язык и культура никогда не были единообразными сущностями. Они жили вместе со своими народами.

Литература:

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 11-е изд., стереотип. М., 2008.
2. Лихвар В.Д. Культурология / В.Д. Лихвар, Д.Е. Погорелый, Е.А. Подольская. – М., 2008.
3. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов н/Д., 2008.

В.И. Сороковикова
Академия хорового искусства имени В.С.Попова, Москва

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРЫ

В современном социально-гуманитарном знании произошёл целый ряд таких познавательных «поворотов», как социоисторический, антропологический, гендерный, лингвистический, визуальный, когнитивный. Понятие познавательный «поворот» обозначает качественные изменения в системах производства знания и его передачи. «В содержании этого понятия фиксируется определённый сдвиг в теории и практике познания, выражающийся в изменении ракурса рассмотрения объекта, определения предметной области, самопонимания познающего субъекта» (Зверева 2001: 11).

Лингвистический поворот представляет собой концептуальную трансформацию в исследованиях культуры. Благодаря усилиям и достижениям мыслителей XX века современная картина мира в принципе приводится к языковой. Сложилось убеждение, в основе своей кантианское, но не классическое, что исследование общественных феноменов не в состоянии пробиться к сущности сквозь экран культуры, центральным феноменом которой является язык. Объект, как его понимает классическая философия, стал недостижим для абсолютного и объективного знания о нем. Классический субъект сменился интерпретатором культуры, и интерпретация стала общепринятым средством познания в гуманитарной сфере.

Понятие «культура» полисемантично. В зависимости от научного подхода к анализу артефактов выделяются тот или иной аспекты культуры. Одним из наиболее актуальных в последние десятилетия стал символический подход к изучению культуры. Культура, с точки зрения данного подхода, предстает как знаково-символическая деятельность, в процессе которой люди производят знаки (символы), обмениваются ими, «потребляют» их.

В символическом пространстве культуры люди вступают в общение друг с другом посредством языка. Язык культуры является формой осмысления реальности, поэтому проблему языка нельзя ни поставить, ни исследовать, не обратившись к проблеме мышления. Мышление как свойство человека, выделяющее его из животного мира, традиционно было предметом рассмотрения философии. Следовательно, для понимания проблемы отношения языка и мышления необходимо принять во внимание те выводы, к которым пришли философы:

Вывод 1. Мышление идеально. Мышление не сводится ни к нервно-физиологическим процессам внутри головного мозга, ни к электронным процессам внутри вычислительных машин. Охарактеризовать мысль и мышление можно лишь в противопоставлении к материальным процессам. Идеальное существует как образ деятельности человека и дано нам в мате-

риальной форме речи, тексте, предметах, созданных человеком. Язык является формой выражения мысли, формой выражения идеального, но не самим мышлением, не самим идеальным. Идеальное осуществляется в символе. Есть два вида символической деятельности: понятие и образ. Понятия, с помощью которых осуществляется логическое мышление, абстрактны, т.е. выделяют одну из сторон предмета, отвлекаясь от других, например такое понятие как “яблоко”, “фрукт”, “дом”, “красный”. Абстракции могут быть узкие и широкие, например, “осел” и “животное”. Понятие “человек” шире, чем понятие “студент”. Понятия, обладающие наиболее широкой степенью обобщения, получили в философии название категорий: природа, общество, человек, причина, следствие, закон, бог, добро, зло, справедливость, красота и т.д. В европейской философии проблема мышления была поставлена именно как проблема происхождения категорий: всеобщих и необходимых форм нашего мышления. Каждый отдельный человек не открывает эти формы, задающие его мыслительную деятельность, а получает их “готовыми”, осваивая в процессе социализации.

Вывод 2. Мышление объективно, поскольку объективны мыслительные формы. Человек получает саму способность к мыслительной деятельности лишь в той степени, в какой будут усвоены мыслительные формы. Формы мышления складываются в ходе истории независимо от воли и сознания отдельных лиц, существуя как формы исторически развившихся систем культуры. Отдельный человек не может выработать эти формы мышления, он усваивает их готовыми в ходе своего приобщения к культуре, вместе с языком и выраженными в нем знаниями.

Вывод 3. Мышление социально, т.к. возникает в человеческом обществе, в процессе человеческой деятельности, а не является природным свойством человека. В природе человека как биологического существа идеального нет. Так называемые «дети Маугли» и слепоглухонемые дети подтверждают это и доказывают, что человеческий детеныш не способен ни научиться мыслить, ни говорить, будучи исключен из культурного общения. Его психика остается на уровне высших животных. Таким образом, мышление такое же социальное свойство человека, как прямохождение, труд и речь. Сам же процесс приобщения к культуре, освоения культурных форм поведения получил название социализации.

Что дает основание исследователям рассматривать язык как модель для понимания культуры? Дело в том, что и мышление, и язык, и культура являются символической деятельностью. В ходе этой деятельности создаются знаки, символы, которым приписываются смысл и происходит оперирование символами. Язык – это форма бытия мышления, его “опредмеченная” форма.

Культура может быть рассмотрена как совокупность языков, их «ансамбль», в котором каждому языку культуры соответствует своя область действительности или человеческой деятельности, а также собственные

знаковые системо-выразительные средства языка. Изучение языков культуры – сложнейшая задача, которую выполняют различные направления гуманитарного знания. Изучением языков культуры занимаются семиотика, лингвистика, герменевтика, структурализм.

Семиотика – это наука о знаках и знаковых системах, анализирующая знаковую представленность языков культуры. Идея новой дисциплины, изучающей все знаковые системы, была предложена американским философом Ч.Пирсом и швейцарским филологом Ф. де Соссюром. Как самостоятельная наука семиотика формируется в 50 гг. XX в. на пересечении структурной лингвистики, кибернетики и теории информации. Предметом семиотики являются объекты, которые могут рассматриваться в качестве языков. Среди них различаются:

– естественные (первичные) языки – языки этносов;

– вторичные языки – языки культуры, возникающие на основе естественных языков, мифологические и религиозные системы, языки различных видов искусств и метаязыки – языки наук;

– искусственные языки – языки программ в системе “человек-машина”.

Возникла и культурологическая семиотика, акцентирующая внимание на художественной специфике различных видов искусств. В частности ученые тартусско-московской школы проводили исследования семиотической культуры на материале русской литературы (например, работы Ю.М.Лотмана).

Герменевтика существовала как теория интерпретации текстов со времен средневековья. Современная герменевтика представляет собой гуманитарную теорию понимания и интерпретации текстов. Проблема, обсуждаемая герменевтикой – это проблема дистанции между автором и истолкователем. В основе нашего восприятия текста, как и мира лежит понимание, т.е. правильное истолкование текстов: сакральных, исторических, художественных. В герменевтике существует два подхода. Если с позиции первого из них задачей исследователя является преодоление дистанции между исследователем и автором, полное постижение смысла текста, то согласно второму, дистанция текста непреодолима, историчность интерпретатора принципиально не снимаема, более того, именно она придает тексту все новые и новые смыслы.

Герменевтика оказала влияние и на культурологию. Так, например, французская историческая школа “Анналов” в своей реконструкции средневековой цивилизации исходила как раз из “понимания” письменных источников европейского средневековья и реконструкции их подлинных смыслов. Именно герменевтика остро поставила проблему понимания в процессе диалога культур. В отечественной гуманитаристике идеи герменевтики были представлены в работах М.М.Бахтина.

Структурализмом называется подход, использующий методы структурно-семантического анализа при изучении проблем культуры. Основные

представители: К.Леви-Стросс, М.Фуко, Р.Барт, Ж.Лакан, Ж.Деррида. Структурализм возникает в середине XX в. и использует методологию структурного анализа в лингвистике, соединив ее с психоанализом. Структурализм рассматривает культуру как совокупность знаковых систем и культурных текстов, творчество понимает как символо-творчество. В качестве регулятора человеческого поведения рассматривается бессознательное, структуры которого можно выявить через анализ знаковых систем и культурных текстов.

Структурализм был тесно связан с семиотикой и лингвистикой, смыкаясь также и с отдельными положениями философской герменевтики. Свой наибольший расцвет структурализм пережил в 60 гг. XX в. во Франции, а в 70-80 гг. XX в. превратился в постструктурализм. Относимые к постструктурализму авторы являются и классиками постмодернизма. Как и герменевтика, постструктурализм рассматривает понимание как интерпретацию и отмечает, что понимание текста детерминировано культурным опытом интерпретатора. Общество и культура предстают как поле проявления отношений “власть-подчинение”. Власть трактуется как стремление к структурированности, причем отношение “власть-подчинение” проявляется и в тексте. Научная традиция обличается как проявление ”воли к власти”, которая манипулирует сознанием человека, предлагая как бы универсальные объяснительные схемы. Структурализм и постструктурализм существенно расширили представление о возможностях и границах понимания культуры.

Активно развивавшиеся в XX веке гендерные исследования привели к формированию нового научного направления, в рамках которого рассматриваются мужская и женская субкультуры. Гендер понимается как социокультурный конструкт, отличный от пола. Гендер динамичен и эволюционирует вместе с обществом. Гендер стал общенаучной категорией в гуманитарных дисциплинах. Понятие «гендер» вначале использовалось для изучения социальных, культурных и психологических аспектов женского в сравнении с «мужским» в преимущественно женских исследованиях (women studies). Позже возникло понимание гендера как проблемы всестороннего изучения «мужского» и «женского» культурных миров. Затем появилось направление, изучающее только маскулинность.

Принципы гендерного подхода реализуются и в лингвистике. В качестве социокультурного конструкта гендер создается в том числе и с помощью языка. Гендер является когнитивным феноменом, однако он проявляется в стереотипах, фиксируемых языком, и в языковом поведении людей. Гендерные исследования в области языка и коммуникации привлекают внимание все большего количества исследователей. Появилась самостоятельная отрасль знаний – гендерная лингвистика, а в ней несколько направлений: феминистское языкознание, изучение маскулинности, кросскультурные и психолингвистические исследования пола.

Хотя сам гендер не является лингвистической категорией, анализ

структур языка позволяет получать представление о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, какие поведенческие образцы фиксируются для мужчин и женщин в текстах, Изучение языка позволяет установить, при помощи каких лингвистических механизмов возможна манипуляция гендерными стереотипами.

Таким образом, исследования культуры предполагают изучение мира языка. Со времени Л.Витгенштейна произошел окончательный перелом в самой парадигме знания: все социальные и гуманитарные науки признали, что между субъектом как интерпретатором и объектом существует экран языковых игр. Именно язык признается носителем различных социальных практик, а всестороннее изучение языка реализуется через лингвистический поворот в исследованиях культуры.

Литература:

1. Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры.//Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей. - М.: РГГУ, 2001.С.11.
2. Клахкон К.М.К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. - СПб., 1998. - 352 с.
3. Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие /Под ред. И.В.Костиковой.-М.: МГУ, 2000. С.201-215.

С. В. Тараканова
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, Коломна

ИСТОРИЯ СЛОВА *ФУНТ* В ТЕКСТАХ И СЛОВАРЯХ

До введения в 1925 году метрической системы мер и международной системы единиц в России действовали так называемые меры, которые употреблялись в различных памятниках письменности и текстах художественной литературы.

Слово ***фунт*** является наименованием старинной меры веса, которая имела широкое распространение у восточных славян. Большинство наименований старинных мер веса является заимствованными разных времён. Это объясняется зависимостью системы единиц веса от внешней торговли, её тесными связями на ранних этапах с денежным обменом, а также наибольшей универсальностью этого вида измерения: при помощи взвешивания можно было определить как количество сыпучих веществ, так и массу вещества.

Фунт появился в русском языке при посредстве внешней торговли с западными странами. Источником слова ***фунт*** стало средневерхненемец-

кое phunt ‘фунт’, которое восходит к латинскому pondo - ‘весом, по весу’ (Фасмер 4: 210). Надо заметить, что слова ***фунт*** и ***пуд*** в этимологическом плане представляют дублеты, поскольку ***пуд*** имеет тот же источник происхождения – латинское pondo, разница лишь во времени заимствования и в метрологическом содержании.

Впервые мы встречаемся с этим наименованием в древнем памятнике 1388 года, когда употребление ***фунта*** носило ещё единичный характер: *Тежъ, естли бы хто какъ на нашу школу Жидовскую металъ, тотъ маетъ старосте нашому заплатити два* ***фунты*** *перцу.* Жал.гр. 1388 (Срезневский 1895: 1358).

Затем ***фунт*** был отмечен в памятнике деловой письменности конца XYвека (в формах ***фунт*** и ***пунт***) для обозначения веса перца – привозного товара, поступавшего в Русское государство через Западную Европу; а для обозначения веса других товаров, описанных в этом же документе, использовалось наименование ***гривенка***.

О весовом содержании ***фунта*** узнаём из «Торговой книги», называющей не только все существующие меры XVI – XVII вв., но и их кратные отношения друг с другом: *Въ золотнике Почекъ 25,…в фунте…золотниковъ 96.*Торг. кн (С.)114. По свидетельству этой статьи о мерах, фунт состоял из 96 золотников (по современной метрической системе – 409,512 г). Такой же вес был и у большой гривенки, и у ансыря – других весовых единиц, используемых в торговой практике.

Начиная с XVI в. слово ***фунт*** начинает использоваться в качестве метрологического термина и входит в соотношение с наименованием ***гривенка*** (или ***большая гривенка***). С функциональной стороны ***фунт*** и ***гривенка*** в качестве терминов выполняли одну и ту же роль в метрологической практике – обозначали весовую единицу, равную 96 золотникам. Но, подробно исследуя торговую терминологию XVI-XVII вв., можно заметить, что вес на фунты и гривенки отчетливо дифференцировался по товарам. Наименование ***фунт*** использовалось для обозначения веса привозных товаров, а ***гривенкой*** обозначался вес местных (русских) товаров. Кроме того, ***гривенка*** фигурировала в документах, имеющих отношение к внутренним, местным рынкам (например, в приходно-расходных книгах монастырей), а слово ***фунт*** использовалось в актах, отражающих торговлю с зарубежными странами (Шмелёва 1960: 85). В течение XVII в. номенклатура товаров, взвешиваемых на фунты, значительно расширилась, фунт стал проникать и в быт восточных славян, на местные рынки, постепенно вытесняя гривенку. Этому способствовало ещё и то, что слово ***фунт*** обладало большей степенью терминологичности по сравнению со словом ***гривенка***, которое напоминало о другом наименовании – ***гривне***, производной от которой она являлась.

Подтверждением того, что ***фунт*** как мера веса и соответствующее ей наименование прочно закрепился в русской метрологической системе, служило разделение фунта на части. Так, в памятниках русской письменности конца XVI-XVII вв. появилось наименование ***полфунта*** со значени-

ем ‘единица веса, равная половине фунта’: *А глаголютъ быти единъ сребреникъ 12 литръ…а въ литре весу* ***полфунта.*** Хождение Тр. Коробейникова. 35(вар.) XVII ~ 1594 г. (СлРЯ XI-XVII 16: 281).

С середины XVII в. ***фунт*** повсеместно заменяет ***гривенку***. Как сообщают историки, замену гривенки фунтом можно наблюдать и в Москве, и в делах Архангельской таможни, и на пограничном с Сибирью Соликамском рынке, и даже в Кольском остроге (Каменцева, Устюгов 1965: 121). Слово ***фунт*** прочно вошло в русский язык, превращаясь с течением времени из термина профессионально-торгового в термин общерусского значения.

Слово ***фунт*** попадает и в художественные тексты. Из них мы узнаем, что фунтами часто измеряли хлеб, а также - конфеты, масло, почти все продовольственные товары и даже керосин. Так, в «Господах Головлёвых» говорится о дынях «*по 20* ***фунтов*** *весу – вот какие дыни!*» (т.е. по 8 с лишним килограммов!) (Салтыков-Щедрин 13:118). А схимник Ферапонт в «Братьях Карамазовых» «*ел всего лишь по два* ***фунта*** *хлеба в три дня, не более*» (меньше килограмма) (Достоевский: 221).

В современном русском языке слово ***фунт*** по-прежнему употребляется, сохраняя широкую сферу применения, особенно в говорах: на фунты до сих пор вешают пряжу, шерсть в домашнем ткачестве; на фунты, как и на пуды, измеряется сало домашних животных, мелкие сыпучие вещества (муку, зерно, крупу, соль). В современных толковых словарях русского языка слово ***фунт*** фиксируется со значением ‘мера веса, равная 409,5 г , применявшаяся до введения метрической системы’ без сопровождения каких-либо ограничительных помет (ССРЛЯ 16:1593).

Слово ***фунт*** хорошо известно в русском языке, как в литературном, так и в говорах, в составе устойчивых выражений: *не* ***фунт*** *изюму* – в значении ‘не пустяк, не шутка’; *узнать почём* ***фунт*** *лиха / почём* ***фунт*** *лиха* – ‘познать тяжёлые испытания, несчастья’; *вот так* ***фунт*** */ вот так* ***фунт*** *с походом* – просторечные выражения, употребляемые при удивлении, разочаровании, а также в ряде пословиц и поговорок. (Семантический словарь 1998:94).

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Т.1. – М.,1991.
2. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. – М., 1965.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т.3. – М.,1998.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20-ти томах. Т.13. М., 1970.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.6. – М., 1990.
6. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. – М.-Л., 1965.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. – СПб, 1895.
8. Торговая книга. Зап. Отдел русск. и слав. археологии. Археологическое общество. Отд.3. – СПб, 1851.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.4. – М., 1935.

М.Г. Церцвадзе. М.Т.Кухалашвили
Кутаисский государственный университет имени Акакия Церетели,
Кутаиси (Грузия)

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Уже не одно столетие проблема соотношения языка и культуры занимает умы многих известных ученых, но по сегодняшний день этот вопрос остается дискуссионным: одни полагают, что язык относится к культуре как часть к целому, другие - что язык лишь форма выражения культуры, третьи – что язык не является ни формой, ни элементом культуры. В качестве примера можно привести слова двух крупнейших ученых, основателей американской и русской школ этнолингвистики. Так, по мнению Э. Сепира, « культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как думает» (Сепир Э. 1993: 193). « Отношения между культурой и языком, - пишет Н.И. Толстой, - могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры(что не одно и то же), в особенности когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом» (Толстой Н.И. 1995: 16).

Понимание вопроса о культуре связано с изменяющимся отношением к языку: к началу XXI века лингвистика прошла путь от полного игнорирования внеязыковых влияний «язык в себе самом и для себя» - до осознания необходимости тщательного анализа, социально - культурных, коммуникативных, психологических, ситуативно- контекстных условий языкового общения и помещения их « в светлую точку лингвистического сознания» (Л.В. Щерба). Заметим, что если 70-е годы 20 века были» штурмом семантики», 80-е года - расцветом коммуникативного подхода к языку, конец XXв.- когнитивным бумом, то начало нынешнего века значительно расширило эти границы лингвистики. На первый план вышли те изменения в современном языке, которые были вызваны к жизни « сменой социально- культурных парадигм», общественно-политическими движениями в странах и другими внешними, экстралингвистическими факторами, которые часто становятся определяющими в языковых изменениях. В свою очередь, новые языковые контексты рождают новые культуры в обществе. Рассмотрим некоторые точки зрения по данному вопросу.

Первые попытки решения проблемы взаимоотношения языка и культуры усматривают в трудах В. Гумбольдта, основные положения концепции которого можно свести к следующему: 1) материальная и духов-

ная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ); 3) ВФ языка - это выражение « народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Концепция В. Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работе А.А. Потебни « Мысль и язык», в работах Ш. Балли,Ж. Мандроиеза, И.А. Бодузна де Куртэне, Р.О. Якобсона и других исследователей.

Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны, высказывал еще Л. Ельмслев, Он отмечал, что структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное ее отражение. Как именно связаны язык, действительность, культура?

Б.Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как « тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака - это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Также и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте.

По мнению В.И. Карасика, « язык и культура - важнейшие понятия гуманитарного знания. Социальная сущность языка заключается в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании - коллективном и индивидуальном . Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке» (Карасик В.И 200.:8).

Нельзя забывать о том, что в исходном определении культуры выражается ее символический характер. Культура - это инобытие человеческого духа, представленное в знаках. Она не только соединяет, но и разъединяет внутренний и внешний мир человека. М.М. Бахтин отмечал, что культура не имеет своей территории. Это означает, что она постоянно мечется между духом человека и его знаками, находя лишь временное пристанище в каком-то из этих двух регионов. Если Э.Кассирер оценивал символический характер культуры как обязательное ее свойство, а следовательно, не подлежащее критическому восприятию, то интуитивист А. Бергсон резко критиковал такую позицию. Он настаивал на том, что философский акт состоит в преодолении символических форм, после чего только и возможны чисто интуитивное постижение предмета и вообще действительная жизнь. Символическую природу культуры, однако, никому не дано отменить. Критики Бергсона указывают на возможность забвения человека в символических продуктах культуры и цивилизации. Этого не будет в том случае, если культура реализуется, как полноценный диалог. М.М. Бахтин всегда подчеркивал диалоговый характер культуры.

Примером того, что культурный диалог осуществляется внутри еди-

ного целого, может служить высказывание Г.С. Кнабе: « Диалог воплощает диалектику развития, диалектику, раскрытую в будущее и в этом смысле исторически положительную как в объективном, философском и историческом смысле , так и в смысле субъективно-человеческом, нравственном»(Кнабе Г.С. 1993: 28).

Если рассматривать язык в качестве системообразующего элемента культуры, то последнюю можно интерпретировать как семиотическую систему. В связи с этим классическая культура была замкнутой семиотической системой,и, чтобы осуществить общение с другой культурой, необходимо было расшифровать коды ее закодированной системы. По словам Ю. М. Лотмана, другая культура - это память, закодированная реальным языком; « Язык – это код плюс его история» (Лотман Ю.М. 1992:13).Хотя язык и культура являются разными семиотическими системами, они имеют некоторые общие черты, например, это формы сознания, отражающие мировоззрение человека, они существуют в диалоге между собой, и культуре, и языку присущи нормативность и историзм, их субъект- это всегда индивид или социум, личность или общество.

Мы разделяем мнение философов, таких как С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е.И.Кукушкин, Э.С. Маркарян, о том, что взаимосвязь языка и культуры движется в одну сторону, так как язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык- простое отражение культуры.

Если воздействие культуры на язык вполне очевидно, то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым.

Лучшие умы XIX в. (В. Гумбольдт, А.А. Потебня) понимали язык как духовную силу. Язык - такая окружающая нас среда, вне которой и без участия которой мы жить не можем. Как писал В. Гумбольдт, язык- это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека».Следовательно, будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания, с каждым движением мысли, с каждой новой социально-культурной ролью.

Эту проблему также исследовали школа Э. Сепира и Б.Уорфа, различные школы неогумбольдтианцев, разработавшие так называемую гипотезу лингвистической относительности.

В основе этой гипотезы лежит убеждение, что люди видят мир поразному – сквозь призму своего родного языка. Для ее сторонников реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира».

В гипотезе Сепира - Уорфа выделяются следующие основные положения: 1. Язык обусловливает способ мышления говорящего на нем народа.2. Способ познания реального мира зависит от того, на каких языках

мыслят познающие субъекты».Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном-языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка».

Данная гипотеза получила дальнейшую разработку в трудах Й.Л.Вейсгербера, в его концепции языка как «промежуточного мира», стоящего между объективной действительностью и сознанием. «Язык действует во всех областях духовной жизни как созидающая сила» (Й.Л.Вейсгербер 1993: 90). В работах Д. Олфорда, Дж. Кэррола, Д. Хаймса и других авторов, в которых концепция Сепира - Уорфа существенным образом дополнена. Так, Д. Хаймс ввел еще один принцип функциональной относительности языков, согласно которому между языками существует различие в характере их коммуникативных функций.

Однако следует заметить, что есть ряд работ, в которых гипотеза лингвистической относительности подвергается резкой критике. Так, Б.А.Серебренников обосновывает свое отношение к этой гипотезе следующими положениями: 1) источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Любой язык в своем генезисе- результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; 2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру; 3) неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации.Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох (Серебренников Б.А. 1983: 112). Отрицательную оценку гипотезе Сепира - Уорфа дают также Д.Додд, Г. В. Колшанский, Р.М. Уайт, Р.М. Фрумкина.

Таким образом, гипотеза лингвистической относительности оценивается современными учеными далеко не однозначно. Тем не менее, к ней обращаются все исследователи, серьезно занимающиеся проблемой взаимоотношения языка и культуры, языка и мышления, так как именно с помощью данной гипотезы могут быть осмыслены такие факты языка, которые трудно объяснить каким- либо другим способом. Примером могут служить этнолингвистические работы школы Н.И. Толстого, и др.

Дальнейшие рассуждения о взаимосвязи языка и культуры приводит нас к выводу о том, что язык - факт культуры, потому что: 1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык - основ-

ной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык - важнейшее из всех явлений культурного порядка, так если мы хотим понять сущность культуры - науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысливание культуры может произойти только посредством естественного языка.

Таким образом, язык - составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности.

По словам К. Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык - специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.(Levi-Strauss 1972: 75)

Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры. Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, т.е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике.

Очевидно, поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Культура соотнесена с языком через концепт пространства. Языковые нормы соотносимы с установками культуры, которые, правда, не столь же обязательны, как нормы языка: за носителем культуры, распределенным по разным социумам остается право на более широкий выбор.

Итак, культура живет и развивается в « языковой оболочке». Язык обслуживает культуру, но не определяет ее. Язык способен создавать вербальные иллюзии, как бы словесный мираж, который подменяет собой реальность. Язык является средством, при помощи которого человек получает сведения о культуре; это то, что лежит в бытии человека в культуре.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. -М., 1979.
2. Вейсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания.- 1993.-№2.
3. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество.-М., 1998.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.- Волгоград, 2002.
5. Кнабе Г.С. Двуединство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима.- М., 1993.
6.Лотман Ю.М. Культура и взрыв.- М., 1992.

7.Сепир Э. Язык, раса, культура. // Избранные труды по языкознанию и культурологии.- М., 1993.
8.Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка.- М., 1983.
9.Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
10.Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960. – Вып.1.
11. Хайдеггер М. Время и бытие.- М., 1993..
12.Bernstein B. Social class, language and socialization // The psychosociology of language / Ed. S. Voscovici. - Chicago: Markham Publishing Co., 1972.

А.Б. Шагдарова
Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

ВТОРИЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БЕЛОГО ЦВЕТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цвет - одна из интереснейших и сложнейших проблем в любом восточном языке и культуре. О социокультурной метафорике цветообозначений написано особенно много. Известно, что в разных культурах символика одних и тех же цветов различна. В лексемах, обозначающих цвет, отражаются тысячелетний опыт народа, его психосоматические особенности, географические условия, социально-экономические и культурно-исторические особенности страны и этноса (Дубкова О.: 2004). Восточная культура - это культура цвета, резко контрастирующая с европейской цветовой традицией. Тем и интереснее для нас исследование вторичных значений слов, обозначающих цвет в двух разных культурах.

В данной статье мы поставили перед собой цель проанализировать вторичные значения белого цвета в русском и китайском языках.

Белый цвет в различных культурах традиционно воспринимается как символ надежды, добра, чистоты, любви и других близких к ним понятий.

Также и в русском культурном узусе белый цвет связывают с добром и нравственной безупречностью: *Белая магия. Рубаха черна, да совесть бела* (Посл.). *Бело твоё платье, а душа ещё белей!* (Тургенев).

В евразийской традиции белое несло значение западное и позитивное в смысле сакральное. Отсюда обилие белых городов в европейской топонимике (то есть, городов особо важных, в которых имеется собор): Белгород, в том же контексте можно рассмотреть и именование Москвы Москвой белокаменной, то есть, столичной, сакральной (а не только в прямом смысле).

Белый цвет необычайно значим для русской культуры в целом. Говоря об этом, не следует избегать денотативных значений белого, эквивалентного снегу: белый цвет доминирует в зимнем русском пейзаже, а зима и снег метонимически означают и саму Россию (особенно в клише чужого взгляда.

В качестве диады белое/красное белый цвет маркирует политический дискурс времени революции и гражданской войны. *Белая армия. Белая гвардия. Белый террор.*

Символистское белое как новое и белое как смерть трансформируется в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «сакральная» история начинается со слов «В белом плаще с кровавым подбоем <...> вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат». В его романе «Белая гвардия» начало повествования отмечено той же оппозицией: красный дрожащий Марс versus «белый мохнатый декабрь», белый гроб с телом матери, белая рука священника, белые нашивки на погонах, белый хлеб, а также снежный, прекрасный Город (Н. В. Злыднева: 2002).

Данное вторичное значение белого цвета частично совпадает с цветообозначением в китайском языке. В китайской культуре белый цвет (*白色*)— это «символ старости, смерти, военной силы, цвет траура, похоронных принадлежностей» (Дубкова О. В.: 2004). Так же как и у бурят, у китайцев принято заворачивать умершего в белую материю. В рамках китайской культуры в дни траура обычно носят белые искусственные цветы и белые туфли. А похороны называются *白事* (белое дело) (У Гохуа: 1992).

В китайском языке высокомерного человека называют *白眼* (белые глаза), *白了一眼* (бросить презрительный взгляд *на кого*).

Тщетно, понапрасну проведенный день обозначают также белым цветом *白忙了一天*. Слова, сказанные впустую, называют *白说的话*.

白色 (белый цвет) также имеет значение 'бесплатно, даром': *白给* (дать бесплатно), *看白电影* (бесплатно сходить в кино)。

Белый цвет еще может иметь значение 'неправильный': *把字写白了* (написать неправильно) (КРС – 2000).

Для китайского зрителя пекинской оперы достаточно увидеть матово-белое лицо персонажа, чтобы понять, что это отрицательный персонаж. Белый цвет в китайском культурном узусе имеет больше негативную коннотацию, нежели в русском.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что система цветообозначений сильно этнокультурологически маркирована. Поэтому различий в цветообозначениях больше, чем совпадений. Формирование цветообозначений связано с самим восприятием человеком окружающего мира, с разными свойствами предметов, истоками культур, географией и даже политическим строем.

Литература:

1. Дубкова О. В. Цвет в китайском языке и культуре. – Новосибирск, 2004.
2. У Гохуа. Социально-культурное содержание цветообозначений // Исследования по иностранным языкам. Харбин, 1992. - №6. С.45-47.

3. Злыднева Н. В. Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. – М., 2002.
4. ССКЯ-94 – Словарь современного китайского языка. - Пекин, 1994.
5. КРС-2000 – Китайско-русский словарь [Текст] – Шанхай, 2000.

Н.Г. Шаймердинова
Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Астана (Казахстан)

ОТРАЖЕНИЕ В ОРХОНСКИХ ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В текстах Орхонских памятников нашло отражение самобытная культура древних тюрков, о чем свидетельствуют предметы материальной культуры, найденные на местах поминальных комплексов Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор, а также этнокультурные традиции, запечатленные в текстах названных памятников. К предметам материальной культуры относятся храмы, на стенах которых изображены походы и сражения, каменные оградки с растительными узором и зооморфными изображениями, скульптуры каганов и их жен, установленные внутри храмов, изваяния людей и животных, фрагменты домашней утвари, найденные на местах погребений, каменные балбалы, цепочка которых тянется на многие километры за пределами поминальных комплексов.

В текстах Орхонских памятников нашли отражение этнокультурные традиции, обычаи, обряды древних тюрков, которые с одной стороны, содержат интересную информацию о древнетюркском мире, с другой стороны, раскрывают преемственную связь этнокультурных истоков казахского народа и других современных тюркских народов. К таким этнокультурным константам относятся ритуалы, связанные *балбалами (головным балбалом); обряд инициации; погребальные обряды* (Шаймердинова 2009: 111).

В текстах так называемых больших памятников (Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор, Онгинский памятник) часто встречаются слова *балбал, головной балбал*. В специальной литературе они не имеют однозначного именования и называются «*каменными бабами», «статуями», «изваяниями», «знаками позора врагов»* (П.М. Мелиоранский, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.Л. Котвич, Л.Р. Кызласов). Среди различных точек зрений по поводу их назначения интересным является точка зрения Л.Р. Кызласов, который отмечал, что балбалы не имеют ничего общего с каменными фигурами, изваяниями или статуями людей, балбал – это не изображение и тем более не статуя, изображающая главного врага, а лишь – камень, символизирующий убитого врага и не имеющий особой формы, достигавшейся специальной обработки» (Кызласов 1966: 207).

На наш взгляд, балбалы являются отражением самобытной древнетюркской культуры, древнетюркской действительности. Как правило, они были частью ритуального захоронения тюркской знати – каганов, тегинов. На балбалах чаще всего не было никакой надписи и устанавливались они после смерти каганов с внешней стороны поминальных комплексов и обязательно в направлении на восток. Цепочка балбалов во главе с головным балбалом растягивалась на многие километры, о чем свидетельствуют описания комплексов тюркских памятников:

- Онгинского: «С внешней стороны от рва находится одинокий балбал, не содержащий знаков. От него на восток почти на 1 км. Растянулась цепь из 170 балбалов» (Жолдасбеков и др. 2006: 96).
- Кюль-тегина: «Далее на восток, на 2,3 км. Протянулся ряд из 173 каменных балбалов» (Жолдасбеков и др. 2006: 122).
- Кошо-Цайдама III: «Рядом с ограждением находятся скульптура животного, три каменные фигуры людей и один головной балбал, от которого на восток протянулась цепь балбалов» (Жолдасбеков и др. 2006: 206).
- Бильге-кагана: «… у самого входа установлен головной балбал с надписью «Толес шадын таш балбалы». Начиная с этого камня, с внешней стороны мемориала на 3 километра к восходу растянулся ряд из 230 балбалов» (Жолдасбеков и др. 2006: 220).
- Тонь-юкука: «Прямо за внешними воротами вала, к востоку, на расстоянии 3,5 км. Тянется цепь балбалов…, установлено 286 камней» (Жолдасбеков и др. 2006: 276).
- Кули-чора: «За пределами комплекса, поодаль от рва, цепочкой к востоку установлены 165 балбалов. Их ряд растянулся на 1000 м.» (Жолдасбеков и др. 2006: 336).

Как показывает анализ археологических раскопок и анализ текстов памятников, балбалы в древнетюркском сознании представляли целый ряд социально-этических смыслов. Главным из них является **возвеличивание и персонификация** личности кагана или тегина: в текстах Кюль-тегин и Бильге-каган описывается, что балбалы были поставлены Кутлук-кагана, основателю второго тюркского каганата: *В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили «балбалом» (изображение) Баз-кагана* (Малов 1951: 38); его брату Капаган-кагану: *В честь моего дяди-кагана я поставил во главе (вереницы могильных камней) «балбалом» киргизского кагана* (Малов 1951: 39).

Особое значение заключается в обозначении стороны света: восток, восточная сторона для тюрков является носителем аксиологических смыслов – солнце, тепло, удачный поход. Точное количество балбалов, видимо, обозначало количество убитых врагов, и их социальное положение в социуме. Поэтому сочетание *головной балбал* означает не рядовых воинов, а кагана (хана) или военачальника: «табгачского Кун-сенгуна», «Баз-кагана»,

«киргизского хана». Древнетюркские балбалы символизируют «вечный позор» врагов и возвеличивают образ своего героя (кагана, тегина).

Ценностные смыслы содержатся в обряде инициации, смысл которого заключен в слове «герой-муж». Известно, что в древнетюркском обществе существовала стереотипная социальная иерархия: каганы-правители, шады, апа-тарханы; тегины, беки, военачальники, аристократы по крови; рядовые воины; на самой нижней ступени социальной иерархии находились рабы, как правило, люди, пленённые во время походов (Л.Н. Гумилёв, С.Г. Кляшторный, Ю.А. Зуев). В тексте памятника Бильге-каган достаточно широко освещается верховная знать, в руках которой была сосредоточена власть и которая была опорой для верховного правителя кагана: *Когда отец мой, Бильге-каган был на престоле, тепершние тюркские беки: на западе тардуш-беки, шады, апыты, беки во главе с Кули-чором; на востоке беки во главе толес-беки, апа-тарханы, все шады, апыты, военачальники, Таман-тархан, Туй-укук-бойла тархан, внутренние военачальники во главе с Себик-Куль-еркином – все нынешние беки были равные опорой моего отца-кагана* (Жолдасбеков и др. 2006: 262).

Однако в социально иерархической системе древнетюркского общества особый статусом наделяется почётное звание «герой-муж», «муж- воин», или «геройское имя», выраженный словом ***ер*** (фонетический вариант **эр)**. В условиях постоянных походов и сражений с «чужими» и «своими» в качестве общественного идеала выступает муж-воин, ер, защитник семьи, лагеря, каганата. Поэтому у древних тюрков был распространён обряд инициации: мальчик или юноша, чтобы получить «мужское имя» должен был совершить охотничий или воинский подвиг. Так, в тексте памятника Кули-чор описывается, что предводитель правого крыла древнетюркского государства Кули-чор в раннем детстве становится обладателем такого звания: «*в семь лет убивает горную козу, а в десять лет – дикого кабан*а» (Жолдасбеков и др. 2006: 344). Кюль-тегин в десять лет «получил геройское имя (стал зваться мужем, т.е. богатырём) (Малов 1951: 40).

Таким образом, обряд инициации означает особый статус вооруженного воина-защитника, победителя, являющегося символом всей номадической культуры кочевой цивилизации.

Среди ритуалов и обычаев, нашедших отражение в текстах, особое описание получили погребальные ритуалы, элементы которых сохранились в традиции многих современных тюркских народов, в частности, в культуре казахского народа. Повествования о подвигах Кюль-тегина, Кули-чора, правлении Бильге-кагана заканчиваются описанием ритуальными захоронениями. В текстах Кюль-тегин и Бильге-каган указаны точные даты смерти и захоронения. «*Мой отец хан умер в год Собаки (734), в десять месяцев, двадцать шестого числа. В год Свиньи в (735), пятый месяц, в двадцать седьмой день устроил похороны*», - пишет сын Бильге-кагана Йолуг-тегин (Малов 1951: 43). В мировоззрении средневекового человека микрокосмос и

макрокосмос (Вселенная) воспринимались в едином пространство-временном континууме. По представлению древних тюрков, умерший человек из мира людей переходил («улетал») в мир космоса. Смерть означает бессмертие или продолжение жизни в космосе. Не случайно вместо глагола «умер» часто используется глагол «улетал»: *Кюль-тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, семнадцатый день*» (Малов 1951: 44). И тем не менее смерть описывается в текстах как большая утрата и потеря. В тексте Кюль-тегина используются экспрессивно окрашенные слова и выражения: *из глаз моих лились слёзы, сильные вопли исходили из глубины сердца, плачущие, стонущие.* В тексте Бильге-кагана в описании погребального ритуала отмечается: «*Столь много народа порезало себе волосы, уши, щёки*» (*Ükü̈s bodun qulqaqyn, sašyn byšty*) (Жолдасбеков и др. 2006: 262). В этом высказывании содержится глубокий смысл, представляется целая когнитивная картина - люди от горя находятся в состоянии аффекта, и потому плач, стенания, порезанные волосы, уши, щёки. Вместе с тем, эти действия, возможно, обусловлены обычаем – так надо провожать в последний путь.

Ритуалы захоронения в текстах обычно даются в рамках стереотипных фреймовых моделей:

- оповещение о смерти,
- приезд соплеменников и даже врагов для выражения соболезнования,
- описание процесса скорби и печали,
- приношение даров,
- раздача имущества,
- проведение поминальных асов,
- возведение поминальных комплексов.

Все эти ситуации регламентированы в текстах, и каждая из них занимает важное место в общей целостной картине фрейма. Особое внимание обращается на социальный статус умершего. Так в тексте Кюль-тегин детально описано: «*В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабыйцы во главе с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исьи и Ликенг… от тибетского кагана пришёл бёлён; сзади (т.е. с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката согд, берчекер (персы) и бухарские народы – пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан. От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от киргизского хана пришёл Чур-Тардуш_Ынанчу*» (Малов 1951: 44). Смерть бесстрашного Кюль-тегина опечалило всех – и близких, и друзей, и врагов (табгачи, тюргеши, киргизы и др.), внимание обращается на столь важных людей – как каганы, и их представителей, военачальников и беков, а также образованных люди того времени, к числу которых относился и хранитель печати («Макрач», «Огуз-Бильге»). Люди не просто выражали соболезнование, но и, как правило, воздавали умершему «высокую хвалу, прославление».

Обязательным было приношение даров, видимо, в знак поддержки и материальной помощи семье умершего. Эти дары содержат информацию о социально-экономических отношениях в древнетюркском государстве: «*…бесчисленное количество золота и серебра*» (текст Кюль-тегина), в тексте Бильге-кагана пишется: *«…безмерное количество золота и серебра они принесли. Они доставили без числа своих хороших верховых лошадей, чёрных соболей, голубых белок и пожертвовали покойнику*» (Малов 1951: 44). Следовательно, социально-экономические отношения общества не были регламентированы, по крайней мере, достаточно широко, денежными знаками; напротив, использовался натуральный обмен товарами, а также древняя цивилизация хорошо знала цену драгоценных металлов – золота и серебра. В тексте Бильге-кагана относительно даров имеется ещё одна этнокультурная деталь: «*Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандаловое дерево*». Мы можем только строить догадки по поводу курительных свечей и выдвигать гипотезы относительно символа сандалового дерева.

В свою очередь всё материальное состояние умершего раздавалось народу. По этому обычаю четыре тысячи лошадей, золото и серебро Кюль-тегина были розданы народу. Материальное же благосостояние семьи и близких умершего зависело от покровительства верховного божества Тенгри. Наконец, в честь умершего человека устраивались поминальные асы.

Завершается погребальный ритуал возведением поминального (по другой терминологии) ритуального комплекса для увековечивания славных дел и подвигов каганов и тегинов: *Надгробное здание, резные (фигуры?) и камень с надписью в честь его – мы всё (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день* (Малов 1951: 44).

Комплексы, по мнению археологов и историков, включают целый ряд материальных артефактов. Сооружался храм, внутри него высекалась каменная скульптура кагана и его жены. На внутренних стенах храмов выбивались сюжеты из военных подвигов или растительный орнамент, за храмом обычно рядами располагались скульптурные изваяния людей и животных. Главным атрибутом священных комплексов была четырехгранная стела (с надписями на древних языках), установленная на спине каменной черепахи, символизирующей вечность и мудрость. За воротами утрамбованной платформы на многие километры тянулись вереницы балбалов с головным балбалом во главе.

Многие традиции древних тюрков имеют анималистический характер: передовая часть воинов раннего тюркского каганата называлась «бөрі» (böri), в позднем тюркском каганате – «тұйғын» (tujɣun) (по свидетельству историков, «туйгунами» именовались птицы, обитавшие на горных хребтах Алтайских гор). В объединённом тюркском каганате передовых воинов именовали «кырги» (қарға). Ворона (қарға) считалась священной птицей, она обожествлялась, силуэт вороны древние тюрки изображали на коронах

своих каганов. Перед каменными изображениями каганов при их захоронении на серебряном блюде выкладывалась баранья голова вместе с *муше,* значимыми частями туши животного.

Казахский народ наследовал многие традиции и обычаи древних тюрков: церемонию «көрісу» - встречи, приветствия, благопожелания на Наурыз (в день весеннего равноденствия); эндемический обычай гостеприимства, когда в знак особого почитания уважаемого гостя преподносится баранья голова, раздаётся *муше*; принципы облавной охоты, широко использованные в казахской степи; символизацию образа вороны, что нашло отражение в языке в виде метафор, сравнений, отдельных выражении – *қарға бойлы Қазтуган, қарға тамырлы қазақ, қарға адым, қаргам, қаргашым. Қарға тамырлы қазақ* – обозначение глубинных родственных связей, генетического единства казахов; к*арға адым* - близкое расстояние (ср. с русским выражением *воробьиный скок*), символично, что расстояние не измерялось шагом какого-либо другого животного или птицы; *қаргам, қаргашым* – выражение любви, нежности, эмоционально-эстетического отношения к детям и близким людям в неформальном общении. Концептуальный смысл слова *ер* до сих пор сохранился в казахском языке и часто употребляется в устном народном творчестве, в пословицах и поговорках. Основные моменты погребального ритуала древних тюрков такие, как оплакивание (жоктау), оказание материальной помощи семье умершего, раздача личных вещей, проведение поминальных асов, возведение мазаров (пусть не столь величественных, как у древних тюрков) являются реалиями культуры казахского народа.

Литература:

1. Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (перевод Жолдасбеков М., Шаймердиновой Н., Сарткожаулы К.). Астана, 2006.
2. Кызласов Л.Р. О значении термина *балбал* древнетюркских надписей // Тюркологический сборник к 60-ю А.Н.Кононова. М., 1966. С. 206-208.
3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М. – Л., 1951.
4. Шаймердинова Н.Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира. - Астана, 2009.

П.А. Якимов
Оренбургский государственный университет, Оренбург

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И КЛАССИФИКАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современной лингвистике понятие «религиозная лексика» трактуется неоднозначно. До конца не решена проблема соотношения религиозной и церковной лексики, религиозной и церковнославянской (и / или старославян-

ской) лексики, религиозной лексики и библеизмов. Представим некоторые из множества попыток её решить.

К религиозной лексике С.В. Булавина относит единицы, называющие «основные христианские понятия, большая их часть представлена в Библии – основном источнике христианского вероучения. Религиозная лексика не соотносится с материальной стороной жизни церкви, в этом её главное отличие от церковной лексики» (Булавина 2003: 9). Однако с таким подходом нельзя согласиться, поскольку, как отмечает А.М. Четырина, всё, что связано с церковью, входит в понятие религии. «Церковная лексика является частью религиозной лексики как более широкого семантического объединения» (Четырина 2010: 107). Более того, ошибочно относить к религиозной лексике только «основные христианские понятие» (С.В. Булавина), поскольку христианство – это одна из мировых религий (наряду с мусульманством, буддизмом). Следовательно, христианская религиозная лексика является лишь частью всей религиозной лексики. Это подтверждается и классификацией К.А. Тимофеева, согласно которой выделяются три группы религиозной лексики (Тимофеев 2000: 5): общерелигиозная лексика (слова, обозначающие понятия, свойственные всем монотеистическим религиям: *Бог, душа, праведность, молитва* и т.д.); общехристианская лексика (слова, обозначающие понятия, свойственные всем христианским конфессиям: *Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, Церковь, исповедь* и т.д.); частнохристианская лексика (слова, обозначающие понятия, свойственные отдельным христианским конфессиям: *батюша, пастор, ксёндз, кюре, аббат, кардинал, обедня, утреня, всенощная, месса, лития, литания* и т.д.).

При разграничении понятий «религиозная лексика» и «церковная лексика» необходимо исходить из семантической наполненности понятий «религия» и «церковь» и их парадигматических отношений.

В толковых словарях русского языка религия определяется в узком и широком смысле. В широком смысле рассматривается как «одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» (Ожегов, Шведова 1996: 675; Ушаков 2008: 900); в узком смысле – как «одно из направлений такого общественного сознания» (Ожегов, Шведова 1996: 675; Ушаков 2008: 900). В словаре Ожегова-Шведовой церковь определяется как «объединение последователей той или иной религии, организация, ведающая религиозной жизнью и соответствующим культом; религиозная община» (Ожегов, Шведова 1996: 875). В словаре Ушакова церковь рассматривается как «*христианская организация* (курсив наш – П.Я.) представителей той или иной религии на основе общности вероучения и культа // Руководство такой организации» (Ушаков 2008: 1171).

Сопоставление дефиниций понятий «религия» и «церковь» позволяет говорить о том, что понятие «религиозная лексика» является семантически

более емким, поскольку объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия всех религий мира (современных и древних, традиционных и нетрадиционных); понятие «церковная лексика» объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия какого-либо одного религиозного направления (по определению словаря Ожегова-Шведовой) или одного из христианских направлений (по определению словаря Ушакова). Таким образом, церковная лексика является органичной частью религиозной лексики.

При разграничении понятий «религиозная лексика» и «церковнославянская лексика» необходимо исходить из функций церковнославянского языка в целом. На современном этапе церковнославянский язык функционирует как «язык Православной русской Церкви, средство воцерковления, введения во храм православных христиан» (В.К. Журавлёв). Генеологически церковнославянский язык является поздним изводом старославянского языка, на который в IX в. был сделан перевод Священного Писания и богослужебных книг первоучителями славян, святыми Кириллом и Мефодием (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона). На Руси церковнославянский язык стал основой книжно-славянского типа литературного языка, который функционировал на протяжении нескольких веков наряду с народно-литературным (А.И. Горшков, В.В. Виноградов). Следовательно, функции церковнославянской лексики более широкие, чем обслуживание религиозной сферы.

Необходимо отметить также, что прилагательные «религиозная» и «церковнославянская» характеризуют лексику русского языка с разных точек зрения: первое – с точки зрения парадигматических отношений (называет тематическое или семантическое поле); второе – с точки зрения происхождения (указывает на заимствование из церковнославянского языка) или с точки зрения стилистической окраски (характеризует стилистически возвышенную, книжную лексику).

При разграничении понятий «библеизм» и «славянизм» («церковнославянизм»), которые многими исследователями отождествляются (например, Е.М. Верещагиным, О.С. Ахмановой), Е.В. Сергеева апеллирует к тому, что славянизм как «лексическая единица, восходящая к церковнославянскому языку, отнюдь не всегда ассоциируется у носителя современного русского языка с Библией, ее сюжетами и персонажами, и, напротив, содержательно соотносимые с Писанием номинации и микротексты на всегда связываются у языковой личности со старославянским языком» (Сергеева 2010: 54). Более того, многие слова и выражения, представляемые как библеизмы, по мнению В.В. Колесова, могли попасть в русский язык не из славянского перевода Священного Писания, а «через учительную литературу Древней Руси, через патристику, особенно через церковные поучения и “слова”» (Колесов 1995: 111).

Поскольку Ветхий Завет признается не только в иудаизме, но и в христианстве, а Новый Завет лежит в основе трех направлений христианства (православие, католичество и протестантизм), справедливо говорить о том,

что библеизмы стали основой церковной православной, католической и протестантской лексики. Следовательно, если соотносить понятия «библейская лексика» с понятием «религиозная лексика», то второе будет значительно шире, поскольку включает лексику и других религий мира.

Если вопрос соотнесения понятия «религиозная лексика» с другими схожими понятиями можно решить исходя из семантической наполненности самих терминов, то вопрос классификации религиозной лексики решить значительно сложнее. Рассмотрим некоторые классификации, представленные в современных лингвистических исследованиях.

Одной из самых распространенных является классификация К.А. Тимофеева, которая была представлена выше. В учебном пособии «Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения» показывается семантика и этимология религиозных слов, специфика их функционирования, взаимозависимость лексем, однако отсутствует четкое разграничение лексики по группам. Более того, автор анализирует лишь лексику общехристианскую, при этом не обращается к специфической лексике отдельных христианских направлений и не выходит на общерелигиозный уровень. Другая интересная классификация представлена Г.Н. Скляревской в «Словаре православной церковной культуры». Автор приводит тематическую классификацию православной церковной лексики (Скляревская 2007: 8), которая с некоторыми изменениями может быть спроецирована на религиозную лексику в целом. При этом в классификации можно учесть и отнесенность лексики к общерелигиозной и частнорелигиозной.

При классификации религиозной лексики, по мнению И.В. Бугаевой, есть необходимость разграничить религиозные термины, не имеющие общеупотребительных эквивалентов (например, *ряса, аналой, зачало, благочиние* и т.п.), и региолектизмы, имеющие в русском языке общеязыковые синонимы (например, слова *трапезная, новолетие, труждаться* имеют синонимы *столовая, Новый год, трудиться*) (Бугаева 2010: 29-30). В работе Е.В. Бобыревой называются слова, которые из религиозной сферы перешли в общеязыковое употребление (например, лексемы *рай, ад, храм* и т.п.) (Бобырева 2006: 13). Группа региолектизмов в русском языке открыта к пополнению, так же как и группа слов, перешедших из разряда религиозных терминов в разряд общеупотребительных, в связи с чем есть необходимость исследовать механизмы трансформации значения данных слов, их синтагматические и парадигматические связи.

В завершение рассуждений предложим классификацию религиозной лексики в соответствии с классификацией религиозных представлений человека (Мечковская 1998: 33). Можно выделить 5 групп религиозной лексики: 1) лексика, характеризующая представления о Боге (Абсолюте или сонме богов), его истории и/или теории (учении) о боге; 2) лексика, характеризующая представления о воле Бога, о его Завете или требованиях по отношению к людям; 3) лексика, характеризующая представления о человеке, обществе,

мире, зависящие от представлений о Боге; 4) лексика, характеризующая религиозно-этические и религиозно-правовые представления и нормы; 5) лексика, характеризующая представления о должном порядке культа, церковной организации, взаимоотношениях клира и мира и т.п., а также представления об истории развития и решения этих проблем.

Литература:

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. – 38 с.
2. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Москва, 2010.
3. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис. … к.ф.н. – Воронеж, 2003.
4. Колесов В.В. Библеизмы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 110 – 111.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998. – 352 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1996. – 944 с.
7. Сергеева Е.В. Особенности употребления библеизмов в русской поэзии XX // Лингвистические параметры художественного текста. – Оренбург, 2010. – С. 54 – 65.
8. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – М., 2007. – 447 с.
9. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие. – Новосибирск, 2001. – 88 с.
10. Четырина А.М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. – М. – Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 104 – 108.

РАЗДЕЛ III. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.Э. Алекберова,
Российская международная академия туризма, Москва

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА ТУРИСТСКОГО БИЗНЕСА

На рубеже второго и третьего тысячелетий становится все более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Этот процесс охватил различные сферы общественной жизни всех стран мира: экономика, торговля, политика, туризм и т.д. Сегодня невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие как со стороны культур других народов, так и более широкой общественной среды, существующей в отдельных регионах и в мире в целом. Это выразилось в бурном росте культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами разных стран и культур. Расширение взаимодействия культур и народов делает особенно актуальным вопрос о культурной самобытности и культурных различиях. Культурное многообразие современного человечества увеличивается, и составляющие его народы находят все больше средств, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик (Серебренников 2008: 25). Человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. В контексте этих тенденций общественного развития становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания.

Процесс взаимодействия культур, ведущий к их унификации, вызывает у некоторых наций стремление к культурному самоутверждению и желание сохранить собственные культурные ценности. Целый ряд государств и культур демонстрирует свое категорическое неприятие происходящих культурных изменений (Бирюкова 2004: 54). Процессу открытия культурных границ они противопоставляют непроницаемость своих собственных и гипертрофированное чувство гордости своей национальной самобытностью. Различные общества реагируют на влияния извне поразному. Диапазон сопротивления процессу слияния культур достаточно широк: от пассивного неприятия ценностей других культур до активного противодействия их распространению и утверждению. Поэтому мы являемся свидетелями и современниками многочисленных этнорелигиозных конфликтов. Отмеченные процессы в той или иной степени нашли свое проявление и в России. За несколько последних лет появились совершенно

новые общественные группы: предприниматели, банкиры, политические лидеры разных движений, русские сотрудники иностранных фирм и др. Происходит становление совершенно нового типа деловой культуры, формируется новое представление о социальной ответственности делового мира перед клиентом и обществом, меняется жизнь общества в целом.

Одним из путей преодоления существующих трудностей является налаживание эффективной системы коммуникации между различными общественными группами и властью (Вежбицкая 2009: 84). Эта система должна быть основана на принципах равного доступа к необходимой информации, прямого общения между собой, коллективного принятия решений и эффективной работы сотрудников. К этому нужно добавить, что разносторонние международные контакты руководителей и предпринимателей всех уровней показали, что успех в любом виде международной деятельности во многом зависит от степени подготовки российских представителей в области межкультурной коммуникации.

В настоящее время в мире насчитывается более 37 тыс. транснациональных корпораций с 207 тыс. филиалов, в которых работает несколько десятков миллионов людей. Для своей эффективной деятельности они должны учитывать особенности культуры своих партнеров и стран пребывания. Отличия в языках, национальной кухне, одежде, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе зачастую делают контакты людей трудными и даже невозможными. Но это лишь частные проблемы межкультурных контактов. Главное препятствие, мешающее успешному решению этой проблемы, состоит в том, что мы воспринимаем другие культуры через призму своей культуры, поэтому наши наблюдения и заключения ограничены ее рамками (Бирюкова 2004: 102-103). С большим трудом мы понимаем значения слов, поступков, действий, которые не характерны для нас самих.

Достаточно ясно можно рассмотреть проблему межкультурного недопонимания и эффективности на примере развития туристской индустрии. Россия наряду со многими другими странами располагает огромным потенциалом как для развития внутреннего туризма, так и для приема иностранных путешественников. У нее есть все необходимое – огромная территория, богатое историческое и культурное наследие, а в отдельных регионах – дикая природа.

Наличие гор открывает возможности для всех видов горного туризма (альпинизма, спелеотуризма, пеших походов, рафтинга по «кипящим» горным рекам и горнолыжного туризма, маунтинбайка, полетов на дельтоплане), а также курортного лечения в местах, где есть источники минеральных вод. Въездной и внутренний туризм в России представлен большим разнообразием его видов. Наиболее активно развиваются экологический, спортивный, деловой, экстремальный, горнолыжный, познавательный, лечебно-оздоровительный, круизный, рыболовный и охотничий, событийный и гас-

трономический виды туризма. Популярен также индивидуальный и детско-молодежный отдых.

На современном этапе путешествовать становится все легче и легче, поскольку туриндустрия развивается огромными темпами благодаря инновационным подходам в бизнесе и новым технологиям. Сфера туризма требует для себя высоко-профессиональных и квалифицированных сотрудников различных специализаций: турагенты и туроператоры, аниматоры и экскурсоводы, управляющие и переводчики, бармены и трансфермены.

Однако, путешествуя за рубеж, мы часто задаем себе вопрос: «Почему люди не понимают или неправильно понимают друг друга?». В реальности очень трудно ответить на данный вопрос, поскольку взаимопонимание людей основывается не только на знании иностранного языка, но и на знаниях культуры и традиций стран (Вежбицкая 2009: 142). Поэтому необходимо изучать и понимать язык и культуру как единое целое.

Существует огромное количество разнообразных деловых или языковых тренинговых курсов для тех людей, кто собирается отдыхать или работать за рубежом. Тем не менее, прежде чем заняться данной подготовкой, необходимо изучить страну, ее культуру, правила поведения, обычаи и традиции. В этом нам могут помочь популярные книги-гиды по различным странам, дающие советы о правильном этикете или принятом поведении. Начиная общаться с представителями иной культуры, нам необходимо осознавать модель национального стереотипа. Таким образом, многие факторы оказывают влияние на исход встречи с зарубежными партнерами: поведение, манера одеваться, пунктуальность, эмоциональность, невербальный аспект общения, манера приветствия и другое. И, безусловно, нужны хорошие знания иностранного языка, особенно если вы собираетесь работать с зарубежными партнерами.

Если вы собираетесь путешествовать в роли туриста, то бывает достаточно знаний базового разговорного иностранного языка, то есть языка повседневного общения (Серебренников 2008: 146). В соответствии с целью вашей поездки вам необходимо делать акцент на изучении той или иной области иностранного языка.

Известно, что не во всех странах требуется знание родного национального языка. Широкой популярностью на коммуникативном уровне пользуются в первую очередь международные языки (французский и английский), а также рабочие языки ООН. Зачастую используются английский язык, но в некоторых странах (Франция, Италия, Турция, Израиль и др.) предпочтение отдается лишь национальному языку с целью сохранения обычаев и культурного наследия.

Работники сферы туризма должны владеть как минимум двумя иностранными языками (Вежбицкая 2009: 79). При принятии на работу это является неотъемлемой частью резюме кандидата. Владение несколькими иностранными языками делает работу интереснее, легче и продуктивнее.

Без знаний иностранных языков невозможно представить работу сотрудников отелей, телефонных центров, аниматоров, барменов, официантов, обслуживающего персонала и гидов-экскурсоводов. Например, если вы хотите забронировать номер в отеле или получить какую-то справку, вам необходимо точно донести информацию до собеседника. Работая в должности экскурсовода, также требуется хорошее взаимопонимание между работником и группой туристов. Общаясь по телефону с партнерами или управляющим также необходимо точно выразить свои намерения и желания в той или иной сфере жизнедеятельности. Особое внимание надо обращать на переводчиков или сопровождающих лиц, так не должно быть ни малейшего сомнения в их компетентности и профессионализме.

Хорошее знание иностранных языков облегчает любую работу, поскольку помимо этого сотрудники туриндустрии сталкиваются с массой иных профессиональных проблем (Серебренников 2008: 48). Межкультурное непонимание или недопонимание может привести к сорванным поездкам, негативному результату переговоров или даже к межкультурным конфликтам.

Таким образом, принимая во внимание все вышеперечисленные факторы, вы можете быть уверены в успешности межкультурного общения и преодолении языкового барьера.

Литература:

1. Бирюкова М.А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур // Философские науки. №4. 2004, 423 с.
2. Вежбицкая А. Культурное разнообразие в современном мире. - М., 2009.
3. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление – М., 2008.

Е. С. Баландина
Южно-Уральский Государственный Университет, Челябинск

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАГМЕНТОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ И СЛОВАРЯ КИША)

Ценность исследований, связанных с теоретической разработкой проблематики языкового сознания, попытками реконструкции и описания его ядра и отдельных фрагментов, очевидна. В настоящее время она возрастает также в связи с развитием таких дисциплин как лингвокультурология и межкультурная коммуникация.

Ассоциативный эксперимент является важным методом исследования языкового сознания и культурной специфики образов сознания, поскольку он позволяет исследователю “максимально близко “приблизиться”

к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам человека" (Бескоровайная 2004: 73).

Продемонстрируем это на примере отдельного фрагмента русского и английского языкового сознаний и посмотрим, как образы *ребенка* и *child* представлены в сознаниях этих двух культур. Для проведения исследования мы воспользовались данными Русского ассоциативного словаря (РАС) и английского словаря Киша, поскольку они «репрезентируют ассоциативно-вербальную сеть, "слепок", отражающую организацию языковой способности человека. Ассоциативный словарь являет язык в его предречевой готовности, приоткрывая таинственную завесу над святая святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего» (Караулов 2002: 751).

На первом этапе исследования обратимся к анализу данных слова-стимула *ребенок*, поскольку именно данное слово согласно материалам РАС входит в ядро русского языкового сознания (Сергиева 2009: 186).

Ассоциативное поле, представленное в РАС, – это совокупность ассоциатов на слово-стимул *ребенок*. В нем можно выделить ядерную и периферийную зону. В нашем исследовании мы будем придерживаться мнения, что ядро ассоциативного поля составляет около 47% всех ответов (Зубкова и др. 1996: 250). Соответственно к периферии мы будем относить реакции с малой частотностью и одиночные реакции.

Ядро ассоциативного поля *ребенок* может быть представлено следующими реакциями: *маленький* (79), *мой* (17), *плачет* (13), *взрослый* (10), *дитя*/ *малыш*/ *милый* (9), *здоровый*/ *счастье* (8), *капризный*/ *сын* (7), *любимый*/ *чужой* (6), *больной*/ *дите*/ *играет*/ *мать*/ *счастливый* (5).

Как видно, образ ребенка ассоциируется у информантов, прежде всего с *моим* (17), *маленьким* (79), *милым* (9), *здоровым* (8), *любимым* (6) *малышом* (9). Иметь *дитя* (9) – это *счастье* (8) для *матери* (5) и *взрослый* (10) человек неотделим от ребенка, поскольку именно он является его опорой. Однако интересно отметить, что *ребенок* в русском языковом сознании в большей степени ассоциируется с *сыном* (7), чем с *дочерью* (2). Данный факт можно объяснить, обратившись к истории страны и вспомнив, что изначально всегда превалировала радость рождения сына, наследника и продолжателя рода, а не дочери. С другой стороны, в настоящее время ребенок ассоциируется с *матерью* (5), а не с *отцом* (2), что является результатом современного состояния общества, когда воспитание и обучение ребенка является скорее обязанностью женщины. Другие "ядерные" реакции, представленные в словаре, *плачет* (13), *капризный* (7), *больной* (5) демонстрируют мнение информантов на те проблемы и ситуации, с которыми чаще всего сталкивается взрослый человек при воспитании ребенка. Следует также отменить, что некоторые молодые люди не ассоциирую себя и ребенка, ребенок для них – это кто-то *чужой* (6), эти данные можно

объяснить тем, что возможно респонденты или не хотят, или еще не готовы иметь детей.

Данные перечисленных девяти позиций и остальных менее частотных, позволяют выяснить, эмоциональную составляющую слова *ребенок*. “Эмоциональная” составляющая слова может быть разграничена на два поля, первое из которых эмоциональный спектр взрослого человека, то есть это те чувства, которые испытывают *родители* (2) при рождении ребенка: положительные – *счастье* (8), *любимый* (6), *радость* (4), *нежность* (2), *долгожданный* (2), *удивление* (1); отрицательные – *горе* (2), *слезы* (1), *страх* (1), *катастрофа в жизни* (1).

Второе поле представлено теми эмоциями, которые испытывает ребенок: положительные – *счастливый* (5), *веселый* (4), *спокойный* (2), *смеется* (2), *радостный* (1); отрицательные – *плачущий* (2), *ревет* (2).

Следует обратить особое внимание на почти полное отсутствие отрицательных эмоциональных составляющих. Отрицательные реакции располагаются на периферии ассоциативного поля, и это значит, что *ребенок* и его рождение в русском языковом сознании ассоциируется с положительными эмоциями, поскольку *ребенок* – это *будущее* (2), *смысл жизни* (1). “Вовлечение” *ребенка* в эмоциональную сферу говорит в пользу значимости и особой важности данного образа для современного общества.

Анализ представленных в РАС ассоциаций позволяет определить, кого считать ребенком в современном обществе, то есть установить возрастные границы: *грудной* (3), *в коляске*, *в пеленках*, *в люльке*, *двухмесячный*, *трехмесячный*, *до 1 года*, *2-летний*, *10 лет* (1).

Таким образом, в русском языковом сознании *ребенком* считают человека в возрасте до 10 лет, тем не менее, следует отметить, что *ребенок* в большей степени ассоциируется с младенцем в возрасте до одного – двух лет.

Проводя свободный ассоциативный эксперимент можно выявить глубинные проблемы общества, которые на первый взгляд не бросаются в глаза. По ассоциациям, полученным от информантов различного возраста, находящимся на периферии ассоциативного поля слова-стимула *ребенок*, можно выявить основные проблемы общества, связанные с данной областью жизни социума. В настоящее время многие обеспокоены возрастающим количеством брошенных детей, родители которых сочли их лишней обузой и отдали в детские дома. Сложную ситуацию в данной области подтверждают и ассоциативные данные: *беззащитный*, *без родителей*, *беспомощный*, *брошенный*, *в детском доме*, *внебрачный* (1), *вредный* (2), *гад*, *гадкий*, *гадкий*, *дикий*, *кретин*, *мерзкий*, *несносный*, *спиногрыз*, *тварь* (1).

Несмотря на то, что индекс частотности данных слов единичен, но значительное количество отрицательно окрашенных ассоциаций к “светлому” слову, раскрывает внутренние проблемы современного общества.

Обрабатывая данные слова-стимула *ребенок*, нельзя не отменить один факт, который ярко бросается в глаза. Появление ребенка всегда связано с

заботами (1), *хлопотами* (1), ответственностью. Однако среди респондентов только двое упомянули об этом. Возможно, это связано с тем, что в качестве испытуемых при составлении РАС выступали студенты I – III курсов, которые не вполне четко представляют себе, что значит иметь ребенка. Однако полученные данные могут стать толчком для начала воспитательной работы с молодым поколением, которые должны знать, что иметь ребенка, это не значит только *умиляться* (1), но и нести ответственность.

На втором этапе нашего исследования обратимся к анализу фрагмента английского языкового сознания. С этой целью на основе данных словаря Киша, рассмотрим ассоциаты на английское слово *child*. Ядро данного слова (47% всех ответов) представлено следующими реакциями: *adult* (8), *baby*/ *young* (7), *small* (6), *infant* (5), *care*/ *kid*/ *man*/ *school* (4).

Таким образом, для английского языкового сознания *child* – это small infant/ baby or “young” kid who goes to school and who is taken care of by an adult. Однако, несмотря на то, что более 20% ассоциируют слово *child* с взрослым человеком (*adult* 8; *man* 4; *parents* 2; *father* 2; *mother* 1; *adults* 1; *woman* 1), следует отметить тенденцию, что в английском языковом сознании *child* связан скорее с мужчиной (*man* 4), отцом (*father* 2), чем с женщиной (*woman* 1), матерью (*mother* 1). Данную тенденцию можно объяснить возрастающим желанием европейской женщины поставить себя на одну ступень с мужчиной, добиться скорейшего повышения по карьерной лестнице, чем её стремление создать семью и растить детей. Вероятно, именно это является одной из основных причин ослабления ассоциативных связей между *child* и *mother*. Анализируя фрагмент английского языкового сознания, следует также отметить, что согласно данным, опубликованным в статье Уфимцевой Н. В. “Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности”, слово *child* в отличие от русского *ребенок* не входит в ядро английского языкового сознания, которое, однако, может быть представлено следующими ассоциатами: *me* (1087), *money* (710), *work* (686), *time* (630) (Уфимцева 2003: 107). Данные факты являются еще одним наглядным подтверждением смещения жизненных приоритетов в сторону собственных желаний, профессионального роста, а не семейного счастья.

Эмоциональный спектр данного слова достаточно сухой в сравнении с русским словом *ребенок* и может быть представлен следующими реакциями: *like, ecstasy, safety, sex, smile, safety, crying* (1). Несмотря на то, что практически все реакции имеют ярко выраженную положительную эмоциональную окраску, следует отметить, что все они относятся к периферии ассоциативного поля, а значит, слово-стимул *child* не является в настоящее время значимым в эмоциональном плане фрагментом английского языкового сознания.

Как и в РАС, так и в словаре Киша по представленным реакциям можно выделить возраст человека, которого называют словом *child*: *pram* (2), *nursery* (1), *school* (4). Проанализировав представленные реакции, и сравнив их с данными, полученными нами при исследовании РАС, можно

сделать вывод, что в английском языковом сознании данная возрастная граница гораздо шире, в отличие от русского языкового сознания, где *ребенок*, по данным исследования, это в основном человек до одного года (в крайнем случае, до 10 лет).

Ассоциативный эксперимент также позволяет нам выявить скрытые проблемы современного английского общества. Если в русском языковом сознании отрицательные, негативные реакции связаны скорее с проблемами нежеланных детей или детей, оставшихся без родителей, то в английском языковом сознании подобные реакции иллюстрируют тот факт, что для некоторых родителей *child* – это *bastard* (1), который является ошибкой, помехой или препятствием в достижении поставленной цели: *hinder*, *nuisance*, *mistake* (1).

Однако выявляя отличия между фрагментами русского и английского языкового сознаний нельзя не заметить того влияния, которое оказывает на русское сознание процесс европеизации нашего общества. Обратившись к ассоциатам, составляющим ядро русского языкового сознания можно проследить тенденцию все возрастающей значимости денег и работы по сравнению с желанием иметь ребенка: *деньги* (564), *работа* (418), *ребенок* (400). (Сергиева 2009: 186) Таким образом, в русском языковом сознании происходит постепенное, хотя возможно в настоящее время пока еще не очень заметное ослабление ассоциативных связей между *ребенком* и *матерью* (5 реакций из 479).

В целях проведения воспитательной политики с молодым поколением, как в русском, так и в английском обществе следует обратить внимание на практически полное отсутствие реакций, связанных с воспитанием ребенка и той ответственностью, которая возлагается на родителей после его рождения. *Забота* (1), *care* (1) являются единственными реакциями информантов, опрашиваемых при составлении анализируемых ассоциативных словарей. Однако в настоящее время при проведении молодежной политики следует обратить внимание не только на воспитание «родительского» духа, но и на укрепление самобытности фрагментов русского языкового сознания, связанных с семейными ценностями.

Дальнейшие исследования в данной области позволят нам получить более обширную информацию, связанную с анализом фрагментов различных языковых сознаний.

Литература:

1. Бескоровайная И. Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания / И. Г. Бескоровайная // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 73-77.
2. Зубкова Т. И. Сахарный Л. В. Штерн А. С. Психолингвистика / Т. И. Зубкова, Л. В. Сахарный, А. С. Штерн // Прикладное языкознание: Учебник / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 245-267.

3. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002. – С. 750-782.
4. Сергиева Н. С. Пространство и время жизненно пути в русском языковом сознании / Н. С. Сергиева. – СПб.: Издательство “Наука”, 2009.
5. Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности/ Н. В. Уфимцева// Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102-110.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М, 2002.
7. Kiss G., Armstrong C., Milroy R. An associative thesaurus of English / G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy Edinburg: University of Edinburg, MRC Speech and Communication Unit, 1972.

А. Банашек-Шаповалова
Силезский университет, Катовице (Польша)

ЭТНО- И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ БРАЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ОБЪЯВЛЕНИЙ В ГЕНДЕРНЫХ ОППОЗИЦИЯХ НА УРОВНЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ[1]

Сравнительно молодую и очень перспективную область для лингвистических исследований представляет собой электронная (компьютерная) коммуникация[2], в том числе Интернет-коммуникация. Темпы и пути развития Интернета по сравнению с остальными средствами массовой информации[3], перенесение всё большего объёма коммуникации в данную сферу, использование возможностей Интернета другими СМИ позволяют думать о том, что «именно Интернет будет наиболее существенным фактором, формирующим язык в будущем».[4] (Lisiecki 2001: 107)

Сегодняшние исследования языка в Интернете сосредоточиваются в основном «на употреблениях специфических, знакомых и возможных только в сети: электронной почте, дискуссионных группах и форумах, чатах, вербальных играх» (Grzenia 2006: 44). За пределами анализа остаются пока что другие проявления языковой деятельности во всём их многообразии. Вопреки названной тенденции в предлагаемом анализе рассматриваются брачные объявления в Интернете[5] – тексты, обретающие в сети новое измерение и требующие таким образом лингвистического изучения.

Среди брачных Интернет-объявлений преобладает форма анкеты (электронный формуляр)[6], имеющая целью облегчить поиск партнёра по выбранным параметрам. Таким образом, коммуникативное поведение лиц

частично обусловлено структурно-композиционными образцами анкет (наличие рубрик и их семантические маркеры, предлагаемые варианты ответов). Характерной чертой текстов в сети является пренебрегание правилами орфографии и пунктуации, а также наличие других ошибок (как в ответах, так и в вопросах анкет). Кроме того, внимание привлекают эмотиконы[7].

Обозначив некоторые, как представляется существенные с точки зрения данного анализа, особенности электронной версии брачного объявления, сосредоточимся на вопросе этно- и социокультурного пространства русских и польских Интернет-анкет, которое можно определить в том числе в перспективе различий коммуникативного уровня женского и мужского текстов для определённых параметров характеристики. Наряду с гендерными оппозициями[8] в приведённых ниже примерах учитываются межъязыковое (отдельные тематические группы) и внутриязыковое (самопредставление – требования) *tertium comparationis*.

Социальный уровень характеристики, самопредставление.

Составители большинства из рассматриваемых нами анкет предусмотрели в структуре формуляров рубрики *Дети*, *Наличие детей* и *Dzieci*, а также шаблоны: *Mam ... dzieci*., *Nie mam dzieci*., в рамках которых при помощи схематизированных зачастую ответов сообщается о наличнии (количестве) или отсутствии ДЕТЕЙ. Регулярной чертой свободного (зафиксированного вне названных выше специализированных рубрик) коммуникативного проявления лиц женского пола является трогательность к описываемому. Женщины в русских и польских объявлениях дают дополнительную информацию о поле и возрасте своих детей, ср. напр.: *дочь, 10 лет*, *воспитываю сына 7 лет.* и *z 8 letnim synem*, *Mam 9-letnią córkę*. Для данного поведения в русскоязычных мужских текстах можно найти оппозитивные заявления – факультативные подробности касаются в данном случае места жительства детей, к примеру: *есть, живут с матерью*, *2 - живут не со мной*, *дочь, живет с мамой*. Кроме того, в объявлениях на польском языке употребляются уменьшительные существительные и прилагательные положительной оценки, к примеру: *...z uroczą córeczką*, *mam cudownego małego synka, którego pragnę wychować na porządnego człowieka.* Только в одном тексте на русском языке зафиксировано подобного типа высказывание: *У меня двое детей, дочка и сыночка 15 и 12 лет. Горжусь очень ими*.

Внешние (физические) параметры, область требований.

Чётко регламентированная структура анкет в отношении измеряемых физических параметров (возраст, рост, вес и др.), дополняется свободными высказываниями пищущих в других местах объявлений с использованием оценочно-субъективных определений. Такого рода характеристику представляют собой требования по признаку КРАСИВЫЙ. В русских брачных объявлениях они связаны с оппозицией наличие – отсутствие параметра. У искомых женщин параметр присутствует: *красивую*, *Ты красивая...*, *должна быть как минимум красива*, *просто красивую девушку*, в том числе в

своём максимальном проявлении: *конечно же самую красивую*, *прекрасная внешне и внутренне!!!*, *прекрасную женщину*. Отсутствием признака отличаются, в свою очередь, искомые мужчины. Это и намного реже заявляется: *не обязательно красив*, *Внешняя красота не имеет значения*. или *Не важно как выглядит*[9]. В одном случае, требуется специфическое проявлением признака: *по мужски красивого, красивого !* Последнее сближает характеристику лиц с польскими текстами, где для определения внешней красоты женщин и мужчин предоставляются два отдельных определения, соответственно: *ładny* и *przystojny*, с тем что только первое входит в ряд с иным словом: *piękny*, обозначающим максимальное проявление красоты. Оно также может использоваться при отрицании признака в мужском и женском варианте клишированного выражения – ср. *Nie musi byc piekna ani bogata lecz miec dobre serce.* и *Nie musi być piękny ani bogaty lecz mieć dobre serce*. Характеристика искомых в польских текстах представлена примерно равным количеством требований о наличии параметра к обоим полам.

Внутренние (психические) параметры, самопредставление.

Область внутренней характеристики зачастую представлена рубриками с общим маркером, типа: *О себе*, *Ещё обо мне*, *Kim jestem*, *O sobie:* и более подробными, касающимися в основном увлечений (*Увлечения*, *Свободное время я провожу*, *моя любимая еда*, *Ulubiona forma wypoczynku*, *Zainteresowania* и др.). При рассмотрении тематических групп, представляющих признаки УМНЫЙ и НЕГЛУПЫЙ были выявлены свойственные только русскоговорящим женщинам, а потому имеющее нулевую в гендерном отношении оппозицию, два способа характеристики. Так, при регулярном приписывании себе параметра умный актуализируются другие признаки из триады СКРОМНЫЙ – УМНЫЙ – КРАСИВЫЙ, напр.: *самая красивая, умная, а самое главная очень СКРОМНАЯ* или *я просто умница.. и скромница:-)))*. (ср. единичное для женских текстов на польском языке: *Jestem* (...) *niegłupia ;-) chwalić się nie będę.*). Подобная стратегия шутливого высказывания нейтрализирует явное хвастовство. Менее частотным способом является частичное (только для конкретной самохарактеристики) опровержение стереотипных представлений о взаимосвязи внешнего вида женщины и рассматриваемых в этом месте внутренних признаков. Отрицаются в отдельных случаях утверждения, что женщина либо красива, либо умна: *Это тот редкий случай, когда красота сочетается с умом.*, подобно как стереотип глупой блондинки: *неглупая, хоть и блондинка:))*. В изученных нами польских объявлениях не было выявлено подобного типа самопредставлений лиц женского пола.

Представленные гендерные оппозиции являются манифестацией собственно ролей жены и мужа, а также более широко понимаемых женственности и мужественности. Наблюдаемое наряду с регулярным коммуникативным поведением иное проявление себя может свидетельствовать как об индивидуальном подходе к поиску партнёра, так и о наступающей сме-

не общественных представлений о женщинах и мужчинах в брачных, в частности, отношениях. Как показал анализ, рассматриваемые оппозиции имеют также национально специфический характер.

Актуальные закономерности будущего функционирования в роли партнёров в браке, определённые здесь на уровне гендерных оппозиций коммуникативного проявления как русско-, так и польскоговорящих, очерчивают этно- и социокультурное пространства наиболее новой (электронной) формы эволюции брачного объявления. Приведённые примеры не исчерпывают темы, к тому же вопрос требует рассмотрения также с точки зрения исходной точки подачи информации («я сам о себе» или «я о другом») или же типично русских и польских черт речевого поведения.

Особой важности предпринятому исследованию коммуникативного проявления женщин и мужчин придаёт и то, что на материале рассматриваемых текстов можно прослеживать процесс становления нового гендерного контракта (*nowy kontrakt płci*)[10], наблюдаемый в современных обществах на оси брачных и, шире, межполовых отношений. Исследователями отмечается факт отличия процесса изменений и его предполагаемого результата в Западной Европе и США, с одной стороны, и в странах бывшего социалистического лагеря, с другой. (Furszara 2002)

Примечания:

[1] Статья содержит фрагменты работы, посвящённой проблеме способов характеристики лиц в брачных Интернет-анкетах на русском и польском языках.

[2] В англоязычной научной литературе употребляется термин *computer-mediated communication* (*CMC*), т.е. коммуникация, опосредствованная компьютером. Используемые в русско- и польскоязычной литературе термины *электронная коммуникация* и *komunikacja elektroniczna* более объёмны (электронная коммуникация может осуществляться не только при помощи компьютера, но и других средств) и вместе с тем перспективны, если иметь в виду темпы развития технологий (изобретение всё новых средств электронной коммуникации) – ср. (Grzenia 2006: 17), а также (Горошко).

[3] Следует отметить, что относимый к разряду СМИ Интернет используется также для коммуникации немассового характера.

[4] Все цитаты из иноязычной научной литературы переведены на русский язык автором.

[5] Материальную базу исследования составили 500 русскоязычных и столько же польскоязычных брачных Интернет-анкет, по 250 мужских и 250 женских объявлений для каждого из языков, отбиравшихся в октябре и ноябре 2005 года из сайтов: dating.ru, mlove.ru, Свадьба.Net.Ru, sudba.ru, vitadating.ru, amory.pl, cupido.pl, matrymonialne.com.pl, singiel.pl, spotkania.wp.pl. Тексты проверялись по параметрам цели – брак, в том числе, как один из ряда вариантов, напр. дружба, интимная связь (отбрасывались анкеты с предложением сексуальных услуг и фиктивного брака) и возраста партнёров – не ниже 16 лет.

[6] Брачные объявления в форме анкет (в том числе, предлагающих поиск партнёра по заданным параметрам) помещаются в основном на порталах, пред-

лагающих разнообразные виды знакомств (наряду с брачными помещаются там объявления о поиске друзей, спутников, бывших одноклассников и др.), а также на порталах, специализирующиеся исключительно на брачных объявлениях. Анкетная форма преобладает также на сайтах брачных агентств, работающих посредством опроса клиентов. Привычная по печатным изданиям „традиционная" (цельная) форма брачного объявления встречается в Интернете реже, чем анкетная, такие тексты появляются в основном на досках объявлений сайтов городов, в электронных версиях печатных изданий или, что интересно, в форме частного брачного объявления на домашней странице.

[7] Эмотикон (смайл, смайлик) – рисунок из доступных на клавиатуре знаков, чаще всего выражающий эмоции пишущего. Среди наиболее часто используемых эмотиконов следует назвать: :-) – символизирует улыбающееся лицо, нередко встречается в более кратком варианте :) или с редупликацией :))), :-(– символизирует грустное лицо, возможен краткий вариант :(. Более редким является символическое представление предметов, ср. пример из польского брачного объявления: ----'--,--'-@ (цветок розы).

[8] Речевое проявление женщин и мужчин является одним из вопросов, активно разрабатываемых в современной науке, в том числе в рамках гендерной лингвистики (лингвистической генологии).

[9] В приводимых в данной статье примерах сохраняется оригинальная орфография и пунктуация.

[10] Термин заимствован из работы (Furszara 2002).

Литература:

1. Furszara M. *Nowy kontrakt płci? // Kobiety w Polsce na przełomie wieków.* Red. M. Furszara. Warszawa, 2002. S. 7-12.
2. Grzenia J. Komunikacja językowa w Internecie. Warszawa, 2006.
3. Lisiecki M. Komunikacja przez komputer // Język w komunikacji (1) Red. G. Hebrajska. Łódź, 2001. S. 106-118.
4. Базылев В. Н. Брачное объявление – опыт интроспективного анализа // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 108-136.
5. Горошко Е. И. Гендерные особенности русскоязычного Интернета. (04.09.2008) http://www.textology.ru/public/goroshko1.html
6. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета. (04.09.2008) http://www.textology.ru/Goroshko/LingInternetOrel2007Sait.html
7. Земская А. Е. Язык как деятельность. М., 2004.
8. Червински П. Описание смыслов предметной области „межличностные отношения" для целей автоматического анализа // Язык и социум. Минск, 2000. С. 361-363.

Баско Н.В.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Фразеологические обороты языка выполняют не только номинативную (назывную) функцию, подобно словам, но и являются языковыми единицами, выражающими национальную ментальность, национальные традиции и стереотипы поведения людей. Иными словами, фразеологизмы являются носителями национально-культурной семантики, наряду с пословицами, поговорками, крылатыми выражениями и устойчивыми метафорами языка.

Основываясь на анализе употребительных фразеологических оборотов русского языка, можно проследить, какие черты русского национального характера проявляются наиболее ярко и отчетливо, какие из них оцениваются русскими как положительные и одобряются, а какие – как отрицательные и осуждаются.

Общеизвестно, что русскому человеку присуща такая черта, как открытость, широта души, искренность, прямодушие. Эта черта выражается в русском языке с помощью фразеологического оборота ***душа нараспашку***, и именно это высоко ценится у русских, одобряется ими. Противопоставляются этому качеству характера скрытность, хитрость, неискренность. Для обозначения этих качеств в русском языке имеются фразеологизмы ***себе на уме*** «скрытен, хитёр, неискренен, не показывает своих намерений» и ***тёмная лошадка*** «непонятен для других людей по своим поступкам и намерениям, непредсказуем для окружающих».

Скорее с симпатией, чем с осуждением, относятся русские к людям отчаянным, лихим, безрассудно смелым, часто беспечным в своих поступках. О таких говорят: он ***сорви-голова***, ему ***море по колено***. Фразеологический оборот ***море по колено*** *кому* имеет значение «ничто не страшно, всё кажется простым и лёгким смелому отчаянному человеку».

Смелость, храбрость, мужество, особенно у мужчин, высоко ценятся русскими. О смелом человеке русские скажут ***не робкого (не трусливого) десятка*** (о мужчине и о женщине).

Ум, способности, талант всегда уважались и ценились. Об умном, выдающихся способностей человеке скажут, используя фразеологизмы ***семи пядей во лбу*** *кто* (о мужчине и женщине) или ***ума палата*** *у кого*. Если же человек кажется заурядным, обычным по своим способностям, ничем не примечательным, о нём говорят ***звёзд с неба не хватает***.

Если хотят подчеркнуть способность человека к учёбе, его умение быстро и легко понимать и усваивать новые знания, русские используют фразеологический оборот ***схватывать (ловить) на лету***.

Ответственность за свои слова, выполнение того, что обещал сделать, также высоко ценятся русскими. О таком человеке скажут ***держит слово***. А вот безответственное отношение к своим словам, когда человек обещает и не выполняет обещаний, осуждается русскими. Для характеристики таких людей есть фразеологизм ***бросать слова на ветер***.

Интересно, что такое качество характера как безразличие, безразличное отношение к людям, к делу передаётся в русском языке многими фразеологическими оборотами: ***всё равно, хоть трава не расти, по барабану, по фигу, до лампочки, до фени***. Возможно, это свидетельство того, что безразличие, безразличное отношение к окружающему стало в последние десятилетия характерной особенностью русской ментальности.

Активность, энергичность, открытость ко всему новому, когда человек легко готов расстаться со старым местом жительства и поехать на новое место, или легко берётся за новое дело, также является, по мнению русских людей, ценным положительным качеством. ***Лёгкий на подъём*** – говорят о таком человеке. В противоположеность этим качествам нежелание ехать куда-то, а также консерватизм, сопротивление новому не считаются у русских положительными свойствами характера. О таких людях говорят ***тяжёлый на подъём***.

Ценятся у русских остроумие, находчивость в разговоре. О таких остроумных людях говорят ***за словом в карман не лезет/не полезет***.

Удачливость, счастье в жизни, когда человеку везёт всегда и во всём, когда судьба как будто помогает ему, также высоко ценится русскими. Для выражения этого в русском языке есть образные выражения ***родиться под счастливой звездой*** и ***родиться в сорочке (рубашке*)**.** Они имеют значение «удачливый, счастливый, везучий во всём».

О кротком, безобидном, незлобном и добром человеке говорят ***мухи не обидит***.

О человеке, не думающем о практической стороне жизни, далёком от будничной суеты, о странном чудаке русские скажут ***не от мира сего*** (о мужчине и о женщине).

Опыт человека, жизненный и деловой, когда человека трудно обхитрить, обмануть, получил отражение в таких русских фразеологизмах, как ***стреляный воробей*** и ***тёртый калач***. В разговоре их обычно употребляют шутливо или с иронией, а вот с одобрением или с неодобрением – это зависит от того поступка, который совершил человек, и от отношения к этому человеку говорящего.

Если, характеризуя какого-либо человека, скажут о нём ***не лыком шит***, это означает «кто-либо не хуже других, не прост, не лишен способностей в делах». Близок по значению к этим образным выражениям и фразеологический оборот ***палец (пальца) в рот не клади*** *кому,* означающий: «кто-либо такой, что с ним будьте осторожным; он может воспользоваться ошибкой, оплошностью других людей в своих личных интересах».

О человеке заурядном, со средними способностями, о личности неяркой и невыразительной русские скажут неодобрительно ***ни то ни сё, ни рыба ни мясо***, то есть «средний, посредственный, невыразительный, ничем не выделяющийся среди других людей».

Для характеристики людей, которые слишком гордятся, важничают, стараются показать, что они лучше, умнее или богаче других в русском языке есть образное выражение ***задирать/задрать нос*** *перед кем.*

Не вызывают у русских симпатии и одобрения люди легкомысленные, несерьёзные. Особенно часто это относится к женщинам. О таких говорят ***ветер в голове*** (гуляет) *у кого*.

Не вызывает симпатии у русских людей упрямство, неуступчивость, когда на человека не действуют слова, уговоры, доводы других людей. Для обозначения этого качества используются фразеологические обороты ***хоть кол на голове теши*** *кому* и ***как об стенку горох*** *кому.*

О человеке нечестном, который может обмануть или украсть что-то, говорят ***нечистый на руку.***

Несимпатичны русским и люди злопамятные. Для характеристики таких людей в русском языке есть образное выражение ***держать камень за пазухой***. Оно означает «таить злобу против кого-либо, быть готовым отомстить».

Для сравнения двух людей с одинаковыми отрицательными качествами характера в русском языке используются фразеологические обороты разговорного стиля ***два сапога пара*** и ***одного поля ягода***. Они синонимичны и имеют значение: «похожи один на другого по своим плохим качествам, по поведению. Один другого не лучше».

Таким образом, анализ использования фразеологии в сфере номинации качеств национального характера показывает, что многие черты национального русского характера наряду с лексическими средствами выражаются в языке с помощью фразеологических оборотов, а при номинации отдельных качеств характера (например, безразличие), фразеологические средства выражения доминируют над лексическими.

Литература:

1. Добровольский Д.О. Типология идиом// Фразеология в Машинном фонде русского языка. - М., 1990.
2. Жуков В.П. Русская фразеология. - М., 1986.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. - М., 1976.
4. Мокиенко В.М. Образы русской речи. - Л., 1986.

В.Г. Бурыкина
Белгородский государственный институт культуры и искусств,
Белгород

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Современные тенденции развития мирового поликультурного пространства актуализируют проблемы интеграции личности в систему мировой и национальной культур. Ориентиром такого пересмотра целей образования является формирование языковой национальной личности, обладающей высокой профессиональной и индивидуальной культурой, способной находить и принимать решения в условиях межкультурного сотрудничества. Достаточно актуальной остается проблема подготовки российских и иностранных студентов ВУЗов к межкультурному сотрудничеству с позиций равноправных, равноценных отношений, что требует разработки понятийного аппарата, дидактических средств и педагогических условий их реализации.

В настоящее время существует достаточно много исследований в социологии, педагогике, межкультурной коммуникации, посвященных межкультурному взаимодействию (В.Е. Кемеров, С.В. Кульневич, Дж. Элкок, А.М. Баскаков, Е.С. Рапацевич и др.). При этом большинство авторов изучает именно межкультурное взаимодействие, не выделяя такую его особую форму как **межкультурное сотрудничество.** Можно ли в этом случае говорить о синонимичности понятий «межкультурное взаимодействие» и «межкультурное сотрудничество»?

Проанализировав соотношение понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» в философии, социологии, психологии и педагогике (И. Кант, В.Е. Кемеров, П.А. Сорокин, Б.Г. Ананьев, Ш.А. Амонашвили, В.А. Сухомлинский и др.), мы пришли к выводу, сто сотрудничество является более узким понятием и представляет собой особый вид взаимодействия.

Мы определяем **межкультурное сотрудничество** как особый вид межкультурного взаимодействия, представляющий собой специально организованную совместную деятельность по достижению общей для российских и иностранных студентов цели, ориентированной на решение актуальных проблем в сфере образования, культуры и социальных отношений в условиях диалога культур.

Как особая, специально организованная совместная деятельность российских и иностранных студентов межкультурное сотрудничество выполняет ряд **функций.**

Информационно-просветитительная функция межкультурного сотрудничества заключается в формировании познавательных способностей русских и иностранных студентов; в формировании, совершенствовании и

углублении определенной системы знаний и представлений о поликультурности современного общества, об особенностях той или иной культуры; в содействии более глубокому осознанию своей собственной культуры.

Социальная функция межкультурного сотрудничества включает вовлечение его участников в совместную деятельность на основе диалога культур, формирование определенных умений и способностей, необходимых для построения эффективного межкультурного сотрудничества, обеспечение дружеских межличностных отношений между студентами в группах со смешанным национальным составом.

Культурологическая функция межкультурного сотрудничества заключается в обеспечении сохранения, воспроизводства и развития культурного наследия различных этнических групп.

Психологическая функция межкультурного сотрудничества предполагает формирование эмпатии по отношению к представителю другой культурной, развитие творческого мышления, саморегуляции.

Духовно-нравственная функция межкультурного сотрудничества включает формирование мировоззрения студентов на основе культурного разнообразия современного общества, воспитание патриотизма, формирование ценностного отношения к реалиям своей культуры и особенностям, специфике иной культуры.

В структуре межкультурного сотрудничества мы выделяем совокупность устойчивых компонентов, которые остаются неизменными при изменении характера и условий совместной деятельности, а именно:

Мотивационно-деятельностный компонент межкультурного сотрудничества характеризуется наличием у российских и иностранных студентов устойчивого интереса и предрасположенностью к межкультурному сотрудничеству, основанному на взаимопонимании и толерантности.

Социально-информационный компонент межкультурного сотрудничества включает в себя вовлеченность в деятельность нового социально-культурного общества, определенную систему знаний о нормах, традициях и обычаях, образцах поведения, ценностях, убеждениях представителей другой культуры.

Эмоционально-волевой компонент представляет собой достаточно устойчивые чувства, эмоции и отношения к целям совместной деятельности, к партнерам и к самому процессу межкультурного сотрудничества, а также способность к подавлению отрицательных проявлений при встрече с другой культурой и активную позицию в ходе межкультурного сотрудничества.

Рефлексивно-оценочный компонент предполагает определение возможных трудностей, неудач и ошибок в ходе межкультурного сотрудничества, путей их преодоления и корректировки, способность к самосовершенствованию, последующий анализ результатов совместной деятельности.

Аксиологический компонент включает мировоззрение, внутренние убеждения, систему ценностных установок участников межкультурного со-

трудничества, отношение к партнеру – представителю другой культуры – как к равноправному субъекту совместной деятельности, уважение системы ценностей, принятой в его культуре, а также построение всего процесса межкультурного сотрудничества на основе этнической толерантности.

Главной особенностью межкультурного сотрудничества является личность самого студента, как российского, так и студента-иностранца. Каждый студент является активным, творческим участником межкультурного сотрудничества, внося свой собственный, индивидуальный вклад в мировой опыт межнационального взаимодействия. Русские и иностранные студенты являются равноправными партнерами в межкультурном диалоге, овладение навыками которого способствует духовному взаимодействию представителей различных этносов, уважению, принятию и пониманию системы ценностных установок различных культур, что в свою очередь является условием продвижения всего человечества к уважению культур, языков, традиций, обычаев, ценностей других народов.

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. - М., 1980.
2. Кемеров В.Е., Керимов Т.Х. Социальная философия. - М., 2006.
3. Кульневич С.В. Философия жизни, тринитарность и синергетика как неклассические основы гуманитарного образования // Личностно ориентированная педагогика. - Воронеж, 1999. № 3. С. 56-59.
4. Сухомлинский В.А. О воспитании. - М., 1975.
5. Спутник исследователя по педагогике. Авт. - сост. А. М. Баскаков, Ю. Г. Соколова. - Челябинск, 2008.

Ю.Н. Варзонин, И.В. Выржиковская
Тверской государственный университет, Тверь

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЭТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОММУНИКАНТА

Проблема добра и зла, критериев определения блага, справедливости, счастья интересовала мыслителей давно ушедших времён, интересует мыслителей современности в не меньшей мере, но главное – касается решительно всякого человека, который занят просто тем, чтобы быть человеком. Этика как система регулирующих жизнедеятельность человека определений и предписаний не является монолитной, а распадается на несколько неоднородных видов. Сущность моральных обязательств истолковывается по-разному, что и ведёт к возникновению самостоятельных этических систем. Гетерономная этика предполагает внешний нравственный закон (например, получаемый от Бога), в то время как в автономной этике нравственный закон создаётся самим человеком. Формальная этика строится на

каком-нибудь универсальном принципе нравственного поведения. Материальная этика исследует ценности. Этика абсолютная рассматривает значимость этических ценностей безотносительно к их признанию. Этика относительная видит в ценностях функцию целенаправленной деятельности человека. Каждая этическая система связана с определённой онтологией, и осознание границ собственной этической системы исключительно важно для человека, поскольку даёт ему возможность надёжно ориентироваться в окружающих его представлениях о пределах дозволенного/недозволенного в действиях/поступках людей.

Уровень коммуникативной деятельности задаётся мировоззренческими и этическими предпосылками, хотя и не все элементы коммуникативной деятельности производны, к примеру, от этической системы. В отличие от вполне материализованных единиц коммуникативной деятельности, корреспондирующие с ними этические и мировоззренческие предпосылки часто выделить значительно сложнее, включая и невозможность такого выделения по различным причинам: в силу недостаточно обширного контекста, в силу сознательного отказа от актуализации позиции, в силу наличия знания об этико-мировоззренческих установках коммуниканта из опыта, предваряющего коммуникативное событие. Соотнесение речевых (текстовых) манифестаций с этическими и мировоззренческими предпосылками имеет серьёзные следствия и для коммуникации (здесь человек вступает в отношения с другим человеком), и для самого человека, который, уже как личность и индивид, вынужден нести (или разделять) ответственность за всё то, что происходит в его общении с другим. Так или иначе, речь здесь должна идти о стратегиях и тактиках деятельности и взаимодействия. Такая проблема не является собственно лингвистической, и язык здесь, как и чаще всего, выступает как универсальная знаковая система, способная означивать самые разные сферы. Более всего эта проблематика свойственна риторике как науке, ищущей и предлагающей пути оптимизации общения; психологии, занятой, в том числе, совершенствованием личности; философии, предлагающей объяснения мира и места человека в мире, и многим другим отраслям знания. Язык, в силу своей универсальности, непосредственно участвует в решении всех этих задач.

Проведённый нами анализ диалоговых фрагментов англоязычной художественной литературы, в которых находят своё выражение этико-мировоззренческие установки коммуникантов, позволил придти к некоторым обобщениям.

Итак, наиболее легко перейти к этико-мировоззренческим установкам в тех случаях, когда они прямо обозначены в речевых реализациях. Номинативные средства языка играют в этом первостепенную роль, явления других языковых уровней «поддерживают» необходимую степень прозрачности и стилистической насыщенности контекста. Фиксация языковой формы, содержание которой выдаёт принадлежность к этической сфере,

далее предполагает определённые когнитивные операции, которые должны разместить воспринятое суждение в соответствующей этической системе (а это требует соответствующей готовности, либо является стимулом к достижению такой готовности), сопоставить опознанную систему с собственной, оценить перспективы их сосуществования, вспомнить о толерантности, если системы непримиримы, и т.д. В целом очевидно, что роль языка в этом случае – обычная, а исход общения вряд ли зависит от языка, поскольку он от начала до конца определяется тем, как человек (коммуникант) языком пользуется.

Достаточно часто этико-мировоззренческие установки не выражены в высказываниях в явной форме, но восстанавливаются контекстуально. В таком случае средства прямой номинации не используются для означивания содержаний этической сферы. Однако языковые единицы других уровней должны создавать столь насыщенный эмоционально и стилистически контекст, что он становится «проводником» к необходимой импликации – контекстуальному восстановлению той или иной установки, которая была бы основанием непосредственно наблюдаемой речевой реализации. Иными словами, этико-мировоззренческая установка, представляющая определённую систему, должна являться пресуппозицией данного высказывания. Такое условие позволяет говорить о лингвистическом статусе рассматриваемого феномена, если иметь в виду хорошо разработанные процедуры пресуппозиционного анализа в семантике и прагматике (то же верно и в отношении коммуникативных импликатур). Тем самым, можно утверждать, что если даже интерпретация самого языкового материала в описываемых ситуациях и относится к сложным задачам, роль языкового фактора нельзя поставить под сомнение. О его значимости говорит уже сама практика общения людей, в котором они оказываются в состоянии получать представление об этико-мировоззренческих установках партнёров по общению: язык для этого не единственный источник, но самый частый и самый доступный. Когнитивные процедуры обработки воспринятой информации – те же, что в предыдущем случае.

Можно предварительно утверждать о возможности выявления некоего механизма, который позволял бы устанавливать связь между речевыми реализациями и этико-мировоззренческими установками коммуникантов. Этот механизм должен стать отправной точкой для решения задач, которые формулирует концепция когнитивно-коммуникативной модели риторики, в том числе:

– построения моделей корреляции языковых типов высказываний с конкретными системами гетерономной и автономной этики;

– лингвистического анализа ситуаций конфронтации представляемых этических систем, типологии «разрешений» подобных ситуаций;

– коммуникативного и риторического потенциала использования языковой системы для оптимизации общения в ситуациях, конфликтогенность которых вызвана несовпадающими этико-мировоззренческими установками;

– свода риторических прескрипций, учитывающих этико-мировоззренческие установки коммуникантов, в объёме ожиданий практической риторики.

Перечень актуальных задач, требующих своего решения, разумеется, и при большом желании нельзя назвать новым или неожиданным, поскольку все эти задачи (возможно в иных терминах) так или иначе обозначены в самых разных дисциплинах и направлениях, ориентирующихся на коммуникативные процессы, в которые оказывается вовлечённым человек. Однако здесь предлагается взгляд на проблему, принципиально отличающийся от существующих, и связано такое отличие с местом, которое в коммуникации отводится этике: если традиционно этические характеристики рассматриваются как составляющие фон коммуникативной ситуации, то в данном случае сама коммуникативная деятельность оказывается производной (потому и однозначно зависимой) от этико-мировоззренческих предпосылок, реализуемых человеком-личностью-индивидом. При анализе коммуникации исходя из языкового/текстового материала отдельного языкового пласта, который отвечал бы за этику и мировоззрение, обнаружить не удастся (если не иметь, к примеру, различных «тематических» группировок в лексическом составе, но они отражают отношения собственно внутри языка и никак не затрагивают внеязыковые феномены), так что придётся признать, что сам язык не этичен. Однако анализ коммуникации не вызывает вопросов о «надёжности» опоры на языковые/речевые факты, материализующие само общение – такой подход не только принят, но и узаконен. Коммуникация, тем самым, языку не равна, но в языке нуждается. Так и этика не является феноменом языка, но через язык себя проявляет. В свою очередь, проявления этики через средства языка позволяют иначе смотреть и на коммуникацию – во всяком случае, открывается возможность (при наличии желания или, что чаще, необходимости) существенно влиять на качество общения с другим человеком, по крайней мере, в той части совместного делания, которая зависит от собственного усердия.

Этика до сих пор не считается полноправным участником коммуникативного процесса, если он становится предметом изучения. Этика остаётся и вне различных методов и приёмов лингвистического анализа. Но та роль этики, которая осознаётся в связи с проблемами человеческого взаимодействия в теории коммуникации, неизбежно предполагает включение этической составляющей в партитуру смыслов, кодируемых непосредственно доступным для анализа языковым материалом. Если в настоящее время ещё почти ничего не известно о том, как это возможно осуществить, то это обстоятельство никоим образом не стоит воспринимать как отсутствие решений у задачи. И большие задачи решаются, если начать с малого.

О.Ю. Гаврилова
Минский государственный лингвистический университет, Минск (Беларусь)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Иностранные заимствования в английском языке уже долгое время являются объектом внимания лексикологов, поскольку представляют собой один из способов обогащения словарного состава языка, начиная с древнеанглийского периода и до наших дней. Богатый материал английского языка позволил исследователям не только изучить многие аспекты заимствований, но и поставить требующие своего решения вопросы – например, о причинах заимствований, о степени ассимиляции, об изменении значений заимствований и др.

Заимствования из французского языка, который во времена норманнского завоевания был основным источником обогащения английского языка лексикой разной тематической принадлежности, являются одним из наиболее хорошо изученных объектов лингвистических исследований. Примечательно, что в настоящее время – во время тесного контакта культур и народов – французский язык не утратил своей роли источника заимствований для английского языка. Об этом свидетельствуют многочисленные неологизмы-заимствования из области индустрии моды, кулинарии и др., которые представлены в толковых словарях современного английского языка: *comme il faut: conforming to accepted social usage; à la: after the fashion of, in the manner of; prêt-a-porter: ready-to-wear clothes* и др. Однако особый интерес с точки зрения, не только лексикологии, но и стилистики и семантики текста, представляют неассимилированные заимствования из французского языка, которые свидетельствуют об активном взаимодействии народов, имеющем место в настоящее время и происходящем в основном в сфере экономики. *Целью* данного сообщения является установление роли подобных заимствований в тексте экономической тематики.

Анализ сплошной выборки статей из журнала *The Economist* за период с 2005 по 2010 гг. позволил сделать следующие заключения:

1. Использование окказиональных заимствований из французского языка ограничено тематикой статей и представлено только в статьях, описывающих французские реалии:

“This jargon refers to France’s long-standing goal of preserving farms in every *département*[1] of their country”.

[1] Заимствования из иностранных языков в журнале *The Economist* выделяются курсивом.

В статьях иной тематики используются исключительно ассимилированные французские заимствования, представленные в толковых словарях английского языка:

“It would, however, have meant a *volteface.*” – *volteface: a change of front* (Webster's Third New International Dictionary of the English Language (Unabridged) 2003).

Данное обстоятельство свидетельствует об использовании французского языка в английском тексте в качестве маркера принадлежности текста к культуре и реалиям Франции.

2. Окказиональные заимствования используются в основном в заглавиях статей:

“*Je ne texte rien*”, “*A hot rentré*?” “*Google à la française*”.

3. Использование окказиональных заимствований из французского языка вызвано не отсутствием аналогичных лексических единиц в английском языке, а желанием автора придать статьи определенную стилистическую окраску:

“In most parts of the world, zapping tiny messages from one handset to another is *de rigueur*”; “Forget the *résumé,* better jobs are going increasingly to people with clever blogs”.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о преимущественно стилистической функции окказиональных заимствований французского языка в современной английской экономической публицистике.

Использование подобных наименований в стилистических целях не позволяет говорить о их полноправном заимствовании системой английского языка, поэтому их судьба представляет собой предмет дальнейших исследований, которые, возможно, прольют свет на причины отбора, скорость ассимиляции и подчинение французских окказиональных заимствований грамматическим нормам английского языка.

Г. Гайлите
Латвийская Академия художеств, Рига (Латвия)

КАРИКАТУРА КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЛУЧАЙ ЛАТВИИ

Коммуникация как на индивидуальном, так и на групповом уровнях осуществляется при помощи не только вербальных, но и иконических средств. Особое значение образно-символическая коммуникация представляет для коммуникации межкультурной. Важное место в этом процессе занимает такой вид искусства и форма социальной коммуникации, как карикатура. Ее роль в межкультурной коммуникации определяется, прежде всего, демократизмом данного жанра: произведения карикатуристов распространяются широко и оперативно, а их «потребление» зачастую не тре-

бует знания языка. Этим обусловливается и социальный эффект сатирической графики в аспекте межкультурной коммуникации – достаточно вспомнить масштаб «карикатурного скандала», вызванного публикациями карикатур на пророка Мухаммеда в западноевропейской прессе.

Межкультурная коммуникация – это не только получение знаний о другой культуре, но также и продуцирование образов Своих и Чужих, что имеет большое значение для процессов национальной идентичности. Реляционная парадигма идентичности предполагает интерпретацию национальной идентичности как, в первую очередь, отношения между Своими и Чужими; репрезентации Чужих, таким образом, выступают необходимым условием репрезентаций Своих. Трактовка нации как «воображаемого сообщества» предполагает анализ того, как «воображаются» не только Свои, но и Чужие, а также какими средствами создается и поддерживается символическая граница между ними. Одним из способов создания Своих и Чужих является карикатура, которая по самой своей природе создает возможность «окарикатуривать» события, искажать их, заостряя одни черты культуры и затушевывая другие. Тем самым достигается эффект противопоставления культур, обеспечивается большая «видимость» символической границы.

В докладе рассматривается роль сатирической графики в коммуникационных и идентификационных процессах на двух этапах развития национальной идентичности: во второй половине XIX века, когда формируется латышская этническая нация, и в последние двадцать лет, период независимой Латвии, когда появляются первые ростки формирования латвийской гражданской нации.

История латышской карикатуры берет начало во второй половине XIX в.; в этот период сатирическая графика начинает играть важную роль в процессах становления национального самосознания. Ситуация в латышской культуре – в отличие от ситуации, скажем, в русской культуре – была такова, что сатирическая графика фактически одна из первых откликнулась на соответствующий социальный заказ, способствуя распространению идей национальной независимости. Первыми карикатуристами создается национальный канон изображения основных черт характера латышей, равно как и их внешности. Сатирическая графика высмеивает тех латышей, которые стремятся быть похожими на немцов, и противопоставляет им тех, кто гордится своей латышскостью.

Кроме того, к началу XX в. устанавливается канон изображения основных персонажей складывающейся национальной мифологии (Герой – освободитель Лачплесис, Мать Латвия и другие).

Визуализация латышскости сопровождалась и выработкой правил сатирического портретирования Чужих, наиболее значимыми из которых в тот период выступало немецкое население Прибалтики. Так, символом немецкого засилья в экономической и культурной жизни Латвии стал персонаж сатирической графики Аугуста Даугулиса Бизманис (Bizmanis) - тол-

стый пожилой немец, архаичность которого подчеркивалась тем, что он носил старомодную прусскую косичку.

Наконец, фактором межкультурной коммуникации, влияющим на формирование национальной идентичности латышей, служила сатирическая графика немецких и русских художников, которая тем самым вступала в своеобразный диалог с дискурсом, представленным в латышской карикатуре.

Аналогичные процессы наблюдаются в сегодняшней Латвии, когда начинается процесс становления латвийской гражданской нации (хотя интеграционные процессы проходят достаточно медленно и противоречиво). Как правило, объектом критики в сатирической графике выступают как латышские противники интеграции, так и те представители нелатышского («русскоязычного») населения страны, которые не спешат интегрироваться. В сатирической графике происходит и формирование новой изобразительной символики, которая может быть использована в семиотических процессах переконфигурации национальной идентичности. В известной степени свидетельством интеграционных процессов является и само сообщество карикатуристов Латвии, в котором, наряду с латышами, мы видим интересных художников русского происхождения.

Л.Ю. Дудченко
Российская международная академия туризма, Псков

В КРУГЕ ВТОРОМ

Современная антропоцентрическая парадигма постулирует неразрывную связь языка и культуры, при которой субъект становится носителем общечеловеческих и специфических национально-культурных ценностей. Реализация культурно-специфических смыслов происходит «в круге своего языка», в терминологии В. Гумбольдта. Однако в современной ситуации многоязычия наблюдается регулярный выход из круга своего языка, что вызывает необходимость реализации национально-культурных смыслов средствами другого языка. Языковая личность, попадая во второй круг, круг иноязычной (внешней) культуры, вынуждена использовать язык в его «вторичной культурной ориентации» (Кабакчи 1998) при описании внешней культуры.

Англоязычное описание православной культуры приобрело актуальность после распада Советского Союза, в связи с возобновлением церковной традиции в России, в свете воссоединения Русской православной церкви и Русской православной церкви за рубежом. Малоизученным остается процесс англоязычной номинации русских икон (в дальнейшем именуемых *икононимами*), несмотря на то, что икона является своего рода онтологической матрицей, сопровождавшей православного от рождения до кончины (мерные, венчальные, походные иконы). Изучение особенностей

англоязычных номинаций русских икон актуально еще и потому, что именно в иконе наглядно проявляются вероучебные различия между западным христианством и православием

«… icons, which are perhaps the most obvious symbols of difference between the East and the West» (Spann 2001:6). Общность вероучебных оснований христианских конфессий, с одной стороны, облегчает процесс номинации русских икон средствами английского языка, с другой стороны, создает условия для потенциального семантического переноса (*трансфера*), в терминологии В.В. Кабакчи. При семантическом трансфере возможен перенос значения западно-христианского понятия на православное, что может явиться ошибочным. К примеру, англоязычный вариант икононима Крещение-Богоявление в большинстве случаев представлен вариантом The Epiphany. «The Orthodox church's celebration of Epiphany, twelve Days of Christmas. In the evening, Orthodox Christians bless water and tell fortunes» (MN №1 2009). Между тем, The Epiphany в западном христианстве используется для номинации праздника Трех королей или волхвов и ассоциируется с Рождеством Христовым: «In the Western Church the festival primarily commemorates the visit by the Magi to the infant Jesus. In the East it primarily commemorates the Baptism of Jesus (EncBrit)». Как видим, результатом семантического трансфера в данном случае является семантическая неопределенность (*амбигуация),* возникающая в результате использования единицы западного христианства. Для снятия семантической неопределенности мы рекомендуем использовать вариант The Theophany *(*Gr. *Theophaneia*, "manifestation of God"), следуя святоотеческой традиции, описанной Иоанном Златоустом «St. John Chrysostom in his Discourse on the Baptist of Christ speaks of the two Theophanies, the actual one on January 6, and the second one in the future at the end of the world» (www.byzantines.net/epiphany).

Снятие семантической неопределенности (*дисамбигуация*) в значении англоязычного икононима предполагает определение так называемого «православного компонента», который представляет собой совокупность эксплицитных и имплицитных элементов значения русскоязычного икононима, передающих принципиальные отличия православного учения от западно-христианского. Если значение русскоязычного икононима совпадает со значением англоязычного икононима, то семантический трансфер можно считать адекватным. К примеру, значение икононима The Annunciation определяется как «The feast <…> the announcement of the Incarnation by the angel Gabriel to the Virgin and the conception of Christ in her womb (Lk. 1:26-38)» (ODCC 1997:72). Православный компонент в структуре значения русскоязычного икононима определяется как «один из двунадесятых христианских праздников, падающий на 25 марта (7 апреля). Установлен в воспоминание о возвещении архангелом Гавриилом Деве Марии тайны воплощения через нее Бога-Слова (Лк I, 26-38)» (Гладышева). Как видим,

значение англоязычного икононима и русскоязычного совпадают. К подобным примерам можно отнести икононимы the Crucifixion, the Transfiguration, the Ascension.

Таким образом, вхождение во «второй круг» в процессе англоязычной номинации русских икон может сопровождаться потенциальным семантическим переносом, при котором значение единицы западного христианства переносится на значение православной единицы. Семантический перенос может привести к семантической неопределенности, при которой возможно искажение значения православного явления. Для уточнения значения англоязычного икононима рекомендуется использовать процедуру дисамбигуации, которая, в частности, предполагает определение православного компонента в структуре значения англоязычного икононима.

Литература:

1. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб., 1998.
2. Гладышева Е.В., Нерсесян Л.В. Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусств (Электронный ресурс). – Режим доступа:http://lib.eparhia-saratov.ru
3. Encyclopedia Britannica (Электронный ресурс). - Режим доступа: http://www.britannica.com/
4. Oxford Dictionary of Christian Church, The / ed. F.L. Cross. – Oxford University Press, 1997.
5. Spann, M. Turning Barriers of Belief into Bridges to Personal Faith . – Doctoral Project, 2001.
6. Moscow News №1 2009
7. www.byzantines.net/epiphany

Н.Р. Иванова
Уфимский государственный авиационный технический университет, Нефтекамск

ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОЙ ГОМОГЕННОСТИ/ГЕТЕРОГЕННОСТИ ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА И ТРИЛИНГВИЗМА

Билингвизм (двуязычие) как владение и попеременное использование двух языков стало неизбежным явлением любого общества в современном мире.

В процессе повседневного общения билингвы/трилингвы пользуются близкородственными языками или генетически разными средствами общения (языками и диалектами). Многие из исследователей данного феномена различают гомогенное и гетерогенное двуязычие. Причем, по Л.Л. Аюповой., «гетерогенное двуязычие – это билингвизм с широкими социальными

функциями, отражающими двусторонний процесс этноязыкового контактирования» (цит. по: (Галимьянова 2007: 30)).

Изучение явлений гомогенности и гетерогенности продолжает оставаться в центре внимания социолингвистов. Конкретное проявление внутриязыковой гетерогенности/гомогенности зависит от дифференцированности/однородности и сложности/простоты социальной системы, обслуживаемой данным языком. С точки зрения Т.Б.Крючковой, чем гомогеннее и проще структура общества, тем менее дифференцирован функционирующий в нем язык (Крючкова 2001: 315).

Степень неоднородности/однородности языкового кода участников коммуникации могут быть различны. По мнению Л.П. Крысина, чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность. В крупных российских городах основные формы общественной жизни осуществляются уже на значительно меньшем числе языков: в национальных образованиях – часто на двух (Уфа: башкирский и русский, Казань: татарский и русский), а при национальной однородности населения – преимущественно на одном (Москва, Петербург, Саратов, Красноярск) (Крысин 2000: 154).

Современная Республика Башкортостан (РБ) представляет собой типичный образец национального образования, в котором преобладают, в основном, гетерогенные в языковом отношении коллективы (социалемы). Наиболее характерным типом билингвизма в РБ является национально-русский. Так, по данным переписи 2002 года, русским языком владеют 96,4% населения республики, татарским – 34%, и башкирским – 25,8% (http://valerytishkov.ru/).

Языком межнационального общения в РБ является русский язык, используемый в большинстве социально значимых ситуаций, а языками внутринационального общения – родной или язык-посредник (промежуточный язык), которые используются в социально менее значимых ситуациях. Под родным языком принимается его трактовка как языка национальной принадлежности (языка воспитания и общения с близкими и родственниками), поскольку именно такое понимание было дано большинством участников проведенного нами анкетирования среди дву- и трёхъязычных носителей. Согласно социологическим опросам, русским языком владеет 96,4% населения РБ, 86,5% башкир, а 89,3% татар думают или свободно говорят на нём, около трети из них владеют им лучше, чем родным языком (http://valerytishkov.ru/).

Приняв за основу существующие теоретические представления, мы попытались в рамках исследования выявить основные причины возникновения гетерогенности/гомогенности, описать ее структурные характеристики посредством социо- и психолингвистического инструментария, включающего наблюдение, как часть эксперимента и анкетирования респондентов от 15 до 80 лет – жителей Краснокамского района РБ.

По результатам проведенного опроса среди людей разных возрастов городской (63%) и сельской местности (37%) Краснокамского района РБ, выяснилось, что 54% опрошенных на вопрос «Каким языком Вы предпочитаете пользоваться в каждодневном общении?» ответили – русским, 18 % – татарским, 4,1% – другими языками тюркской (чувашским) и финно-угорской групп (марийским, мордовским, удмуртским), использование двух и более языков составило 23,9%, причем в большей степени наблюдается русско-татарское (8,1%) и татаро-русское двуязычие (7,6%).

Наблюдение за речевым поведением респондентов показывает, что большая часть опрашиваемых (до 35 лет) свободно владеет русским языком (99,4%) в отличие от людей старшего возраста. Русский язык является родным только для 20% информантов, в то время как начальное образование на русском языке было получено 66,7%, а среднее – 85,4% опрошенных. Большинство респондентов – гетерогенно по составу.

Одна из причин развития гетерогенности – это не столько речевая двуязычная активность, сколько вербальная «мобильность» его социального окружения; доступность единиц средств массовой информации, причем именно в период активного развития личности – время его обучения в учебных учреждениях, проведения досуга и пр. Средства развития современных технологий и СМИ (Интернет, радио и телевидение, телефонная связь, факс и т.п.) в разной степени доступны всем слоям населения. Поскольку основным языком общения является русский, наиболее активная ее часть (молодежь и люди среднего возраста) легко им овладевают и пользуются. Не последнюю роль в этом процессе играет также и язык, на котором получено образование.

Вторая из причин возникновения гетерогенности – это языковое окружение индивида, как официальное, так и межличностное. Показательны следующие факты: высокий уровень владения русским языком сохраняется у тех представителей старшего поколения, которые проживают в полиэтничных населенных пунктах (до 95%); а у живущих в одноязычной среде степень владения русским языком не превышает 10% (статистическая обработка анкетных данных). Необходимость общения с окружающими (соседями, сослуживцами и др.) вынуждает представителей различных национальностей овладеть языком, который был бы понятен абсолютному большинству. Многие родители предпочитают обучать своих детей в первую очередь межнациональному языку – русскому (66,7%), чтобы облегчить процесс социализации. Эти причины и являются следствием того, что более 70% респондентов разговаривают дома на русском языке, так же предпочитая на нем думать (89%), читать (83%) и писать (95%).

Тем не менее, молодое поколение (от 15 до 35 лет) владеет в определенном объёме и родным (национальным) языком. Знают татарский язык – 33% информантов, марийский язык – 37%, башкирский – 13%. Старшее поколение владеет родными языками до 40%.

Итак, к числу основных факторов, влияющих на возникновение гетерогенности в языковом общении можно условно отнести: возраст индивида; его социальное языковое/речевое окружение; социопсихологические установки (право выбора и использования какого-либо языка в зависимости от сложившейся коммуникативной ситуации).

Гетерогенность как языковое явление вполне обычно для всех многонациональных государств мира. Официальным языком общения устанавливается один язык (чаще язык преобладающей (титульной) нации, что вынуждает представителей других национальностей владеть как минимум двумя языками, так как, привилегированный статус государственного (официального) языка означает обязательность его использования в установленных законодательно случаях.

В Краснокамском районе нашей республики известно активное проявление гомогенного блингвизма, которое рассматривается нами в двух пересекающихся планах. Первый – это гомогенность среди представителей нации, чей язык признана официальным (русский – 20%). К ним относятся коренные жители города – группа людей, владеющая близкородственными языками – белорусским, украинским. Второй – гомогенность среди представителей других наций (татары – 7,7%, мари – 2,5%, удмурты – 2,5% и др.) Это представители монопоселений, достаточно отдаленных от города, в основном люди старшего поколения (50-70 лет), общение которых протекает на родном или близкородственном языках (башкирский и татарский языки). По справедливому замечанию Н.И.Ивановой, «небольшие народы стремятся к идеалу однородности (гомогенности) населения, выражающейся в эксклюзивности этой общности как консорциума пользователей этнического языка» (Иванова 2008: 132). Молодые люди же покидают села в поисках работы или получения образования в городах, постепенно превращаясь в билингвов-гетерогеннов.

Одной из причин стабильной гомогенности среди городских жителей является отчетливое нежелание подавляющей доли русских овладевать языком титульной нации. В производственной и общественно-политической сферах коммуникация происходит преимущественно на русском языке.

Употребление русского языка в качестве средства межнационального общения привело к тому, что в русской речи билингва имеются специфические черты, которые следует интерпретировать как региональное варьирование русского языка. Разделяя позицию В.Н.Белоусова, к причинам этих отклонений литературного языка, либо влияние на неисконную русскую речь родного языка билингва (Белоусов 2010: 15). Следует согласиться с Е.А.Яковлевой в том, что «одной из самых характерных черт русской речи в Башкирии можно назвать использование тюркизмов, под которыми мы понимаем различные элементы тюркских языков – фонетические, интонационные, лексические и др.» (цит. по: (Исмагилова 2007: 23)). По мнению ис-

следователя, с одной стороны, использование тюркизмов связано с отсутствием соответствующей языковой номинации каких-либо предметов в русском языке, с другой, – их употребление связано с риторической разработкой высказывания. Влияние башкирского и татарского языков наблюдается на всех уровнях и подсистемы в русской разговорной речи гомогенных билингвов. Примеры этого влияния в речи гомогенных групп многочисленны: а) слова, связанные с национальной атрибутикой страны: *Курултай, Курбан-Байрам*; б) слова из башкирской/татарской кухни: *бишбармак, чак-чак, айрен, вак-балеш, катык, коймак, кыстыбый, кумыс;* в) слова религиозной и светской тематики: *аллах, мечеть, падишах, сабантуй, хан, шах*; г) слова-обозначения предметов обихода, частей тела человека и пр.: *сарай, башка, аул;* д) названия народных обрядов и традиций: *никах*.

В гомогенных группах, владеющих близкородственными языками, известны случаи сходства на всех уровнях языка, что, по мнению Е.В.Головко, стало причиной невозможности отделения носителями языков одного языка от другого в речевой практике, сознательного выбора одного языка (Головко 2001: 306). Л.П.Крысин полагает, что в случае близкого родства языков, взаимная интерференция, проявляющаяся в речи говорящих, более интенсивна и глубока, нежели в случае генетической отдаленности языков. В основе этого лежат по преимуществу психологические принципы: при владении близкородственными языками говорящие меньше осознают их различия, чем при владении языками, отдалёнными друг от друга в генетическом отношении. Интенсивность в некотором смысле прямо пропорциональна степени генетической близости языков (Крысин 2000: 153). Возможно, преимуществом пользуется социально престижный язык, широко употребляемый в социуме и более простой, как в произношении, так и грамматическом строе. Так, при прощании часто башкиры произносят: *Сау булыгыз*! вместо *Һаубулыгыз!*

В гетерогенных речевых группах происходит регулярное переключение с языка на язык с неконтролируемым перенесением определенных элементов одного языка в другой (интерференция). По мнению Л.П.Крысина, значительные различия в грамматике могут затруднить переход с языка на язык, а также порождать ошибки, вызванные влиянием другого языка (Крысин 2000: 153). Например, *Пошли ашать* (от тат. *ашарга* – есть, принимать пищу); *Я вообще не знаю, что делать – полный аптраган* (от тат. *аптырарга* – растеряться); *Алла бирса* (от тат. *«Бог даст»*), *закончишь университет и пойдешь работать*! *Айгуль, киль манда* (от тат. «*иди сюда*»), *Посмотри на него: неловкий как аю* (от тат. «*медведь*»),

Размышления Н.Б.Вахтина резонируют с нашими наблюдениями о том, что ситуации интенсивного языкового контакта приводят к постепенному, а иногда и быстрому языковому сдвигу; язык меньшинства, прежде чем сдаться и уступить место доминантному языку, может проходить стадию структурного упрощения (Вахтин 2001: 12). Это упрощение, или

межъязыковая интерференция, затрагивает фонологический, лексический и грамматический уровни русского литературного языка.

Условно можно говорить о шкале варьирования (термин Л.П.Крысина; используется далее для иллюстрации рассуждений с опорой на собственные наблюдения и результаты анкетирования), на которой возможно совмещение нескольких осей. Объективным и вполне уместным, на наш взгляд, представляется выделение разных по «величине» отклонений от норм русского языка, на крайних точках – наибольшие и наименьшие уровни таких отклонений.

У гетерогеннов выходцев из сельской местности, владеющих русским и родным языком достаточно свободно, степень варьируемости русского языка выражена сильнее на всех уровнях. Рассмотрим случаи на поуровневой оси, т.е. варьирование средств русского языка в фонетике, морфологии, лексике, синтаксисе. В фонетике заметно варьирование, связанное с произношением согласных и гласных, а также постановкой ударения. Например: палатальный (л’) из родного языка заменяется чаще на соответствующий русский согласный, в результате чего русский (л) становится полумягким в произношении: (тар´елка, л´апа, пал´атка) и др. Замена слабым неслоговым (и) ведет к смешению согласного (й) с гласным (и): *читаи* вместо *читай, пои* вместо *пой, воина* вместо *война*; замена согласных: *ущащиеся* вместо *учащиеся, пещенка* вместо *печенька, чеплее* вместо *теплее.* Так, в области письменной речи, в частности, в орфографии, наблюдаются ошибки, обусловленные нарушением произносительных норм.

Очевидно, что у гетерогенных жителей, выросших и проживающих в городских условиях, степень варьируемости русского языка не особенно заметна и чаще всего выражается в наложении интонации, мелодики родного языка в речи на русском языке.

Выделим ответы респондентов-гетерогеннов (2,1%), для которых родной язык остается основным, а русский язык используется в официальном общении со множеством отклонений как в фонетике, так лексике и грамматике, вследствие чего изменения проявляются не как единичный факт, а как определенная модель. Как считает А.А.Лосева, в формировании двуязычия большую роль играет аналогия, при которой способы обозначения и построения высказываний в другом языке интуитивно предполагается делать идентичными тем, что распространены в родном языке (Лосева 2008: 108). Например: *Не красиво, девочку смеяться. Марат письмо пишет.* Сказуемое в татарском языке, как правило, находится в конце предложения.

Часто варьируемость русского языка проявляется в случаях кодового переключения. При официальном общении проскакивают такие слова родного языка как *инде* (татар.) – «уже», *моң* – «затем». Эти слова, возможно, служат связующим звеном в момент кодового переключения, когда ведется параллельное оформление последующей мысли на русском языке с использованием перевода, поиска соответствующих эквивалентов в родном

языке. Как правило, в неофициальном общении такие билингвы не прибегают к разговору на русском языке.

Варьирование языка по социальной (национально-культурной) оси часто приводит к коммуникативной неудаче: употребление выражений в неисконной русской речи вряд ли адекватно будут восприняты носителями русского языка как родного. Поэтому вполне естественна необходимость определения предельно допустимых уровней (качественного и количественного) этого своеобразия, позволяющих квалифицировать рассматриваемое средство общения представителей разных этносов именно как русский язык, точнее, как одну из форм его существования (1, 16). Л.П.Крысин приходит к выводу, что коммуникативные неудачи чаще всего связаны с национально-культурным акцентом неисконной русской речи, а не фонетическими и даже грамматическими особенностями (цит.по: (Белоусов 2010: 15)). Так, носители татарского языка часто прибегают к дословному переводу фразеологизмов, таких как, *"море по колено" (рус.) – ‘пройти сквозь воду’ (“сулар (су) кичү”); "не смей даже заикнуться" (рус.) – ‘язык даже не шевели’ (“телеңне дә кыймылдатма”), "аппетит хороший" (рус.) – ‘мельница быстро тянет’ (”тегермән шәп тарта”).*

Рассматривая интерферентные последствия варьируемости русского языка на поуровневой оси, нельзя не отметить и его положительные свойства. Варьируемость языка на лексическом уровне обеспечивает пополнение, отчасти видоизменение русского языка как за счет непосредственных заимствований из родных языков (чаще языков многочисленных языковых групп (татарский) и языка титульной нации (башкирский), так и за счет появления новых лексем, характеризующих экономическое, политическое и культурное состояние страны.

Амплитуда варьируемости языка по стилистической оси такова. Максимальному отклонению от русских языковых норм подвержены жанры обиходно-бытовой речи в ситуациях с ослабленным социально-речевым контролем; в минимальной – научный и официально-деловой стили. Неуместное использование говорящими экспрессивно-стилистической окраски языковых единиц приводит к коммуникативно и стилистически неоправданному использованию слов и конструкций: – *Он родился в двух тысячно третьем году* (Он родился в две тысячи третьем году); – *Финансовые недостатки школ являются одними из причин технической отсталости школ* (Финансовые трудности школ являются основной причиной технической отсталости школ); – *А что делают Андрейкас сегодня?* (А, чем сегодня занята семья Андрея?); – *Хорошо живешь мы?* (Как поживаешь?); – *Она каждый день моет белье* (Она каждый день стирает белье); – *Ну, отвлекемся* (отвлечемся) *от этой проблемы*.

Так, максимальный уровень варьирования наблюдается на фонетическом уровне в обиходно-бытовой речи у гетерогенных билингвов в ситуациях с ослаблено-речевым контролем. Минимальный уровень варьирования наблю-

дается в научном и официально-деловом стилях у гомогенных и гетерогенных билингвов, в социально контролируемых коммуникативных ситуациях.

Таким образом, результаты анкетирования выявляют следующее: расширению двуязычия способствует миграция или урбанизации населения, на владение языками оказывают влияние сфера образования, средства массовой информации, общественная и профессиональная деятельность индивида, семья, а также продолжительность проживания в этнически разнородном населенном пункте.

Русский язык по объективным языковым, социально-этническим, психологическим, экономическим, политическим, культурным и пр. причинам наделен широкими социальными и коммуникативными функциями в сравнении с другими языками народов, компактно проживающих на территории Краснокамского РБ. При изучении поставленной проблемы принимая за исходную посылку признание факта варьируемости русского языка, отметим множественность и разнородность факторов, обусловливающих это явление. Варьирование русского языка на поуровневой, социальной и ситуативной осям с элементами кодового переключения составляют общую характеристику гомогенных и гетерогенных речевых групп. Языковая/речевая варьируемость языка – его неотъемлемое закономерное свойство, зависящее от многих экстралингвистических факторов.

Литература:

1. Белоусов В.Н. О проблемах и перспективах функционирования русского языка в межнациональном общении в современной геополитической ситуации // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция. / Отв. ред. В. А. Виноградов, В.Ю.Михальченко; Институт языкознания РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. — М., 2010. – С. 10-17.
2. Вахтин Н.Б. Языковой сдвиг и упрощения языка: точка зрения носителя и точка зрения лингвиста // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы, – Тезисы докладов международной конференции. М., 2001. – С. 12-13.
3. Галимьянова В.Р. Языковая ситуация как социолингвистическая проблема: Монография. – Нефтекамск, 2007.
4. Головко Е.В. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Вып. 1. СПб., 2001. – С. 298 - 316.
5. Иванова Н.И. Речевое поведение в условиях межкультурной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. № 12 (88): Психолого-педагогические науки: Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 132-140.
6. Исмагилова Н.В. Тюркизмы в устной речи жителей г.Уфы // Вестник Башкирского университета. - 2007 - №1 – С.99-101.

7. Крючкова Т.Б. К построению социолингвистической модели языковой вариативности. // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. – М., 2001. – С.314 - 315.
8. Крысин Л.П. О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве контактирующих языков / Л.П. Крысин // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – С.153-161.
9. Лосева А.А. Коммуникативные неудачи в речевом поведении билингвов // Вестник Ставропольского государственного университета. -2008. № 54. С. 107-111.
10. ValeryTishkov.ru Республика Башкортостан. - http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika1.html

Н. Н. Казыдуб
Иркутский государственный лингвистический университет, Иркутск

АКСИОСФЕРА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Проблематика межкультурной коммуникации с необходимостью включает соизмерение, обсуждение и согласование ценностных предпочтений контактирующих культур. Значимость ценностей для бытия и деятельности социума и языковой личности подчёркивается в ряде работ (Этносемиометрия ценностных смыслов 2008; O'Driscoll 1997; Gurevitch, Blumler 2000; Macionis, 2002).

В условиях межкультурного взаимодействия его участники решают задачу интерсубъективного переживания ценностных смыслов, которое регулируется механизмами симметрии / асимметрии. Симметричное переживание ценностных смыслов оформляет диалоговый сценарий взаимодействия и обосновывается категориями доверия (раппорта), контакта и интуиции. Асимметричное переживание ценностей имеет своим результатом разбалансированность речевого взаимодействия и может стать причиной коммуникативной неудачи. Показательными в этом отношении являются следующие диалоги.

A Software Upgrade

Brenda: I've heard there's a new version of that software program we use in our accounting system.

Andrei: The program we have works quite well.

Brenda: I know, but this new one's bound to be better. I think I'll order it and look it over.

Andrei: We're all quite used to this program.

Brenda: It can't hurt to check this new one out.

Andrei: Why do you say that?

Fourth-Quarter Sales

Ms. Joseph: Did you see the fourth-quarter sales figures yet?

Mr. Karpov: Yes. Rather bad: down a third from last year.

Ms. Joseph: We really took a beating.

Mr. Karpov: Yes. We did very poorly.

Ms. Joseph: Oh, well. We might as well look on the bright side; things can only go up from here.

Mr. Karpov: I'm not so sure. I think the figures could go even lower.

Ms. Joseph: Well, no point in being gloomy though, is there?

Mr. Karpov: What do you mean? (Storti 1994:14).

Приведённые диалоги показывают, что даже безупречное владение иностранным языком не может служить страховкой от коммуникативных неудач в межкультурном взаимодействии. В обсуждаемых контекстах очевидна асимметрия ценностных смыслов, ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ / COMMITMENT TO PROGRESS, ПЕССИМИЗМ / OPTIMISM.

С учётом значимости аксиологической составляющей совместной деятельности в условиях современных глобализационных процессов исследовательского внимания и содержательного изучения требует аксиосфера межкультурной коммуникации. Представляется, что содержанием такой аксиосферы являются не столько межкультурные ценности, сколько со-бытие и со-звучание культуроспецифических ценностных смыслов во всём разнообразии их оформления и проявления. Именно при таком подходе может быть сформирована языковая личность, обладающая репрезентативным аксиологическим тезаурусом и значительным потенциалом в плане межкультурной трансформации. Посредством включения в аксиосферу межкультурной коммуникации языковая личность получает доступ к различным уровням ценностной иерархии и обучается оперировать разными ценностными категориями. Различают, по крайней мере, четыре ценностных уровня:

- **Транскультурные, или универсальные ценности**, лежащие в основе межкультурного взаимодействия. Приведём примеры:
  - *Life is better than death.*
  - *Health is better than sickness.*
  - *Liberty is better than slavery.*
  - *Prosperity is better than poverty.*
  - *Education is better than ignorance*
  - *Justice is better than injustice* (Culture Matters 2000).
- **Этнокультурные ценности**, характерные для определённой национальной культуры. Например, ценности американской культуры:
  - *People control their lives and their environments and should reject the idea of fate.*
  - *Change is inevitable and desirable.*
  - *Equality and egalitarianism are social ideals.*

- *The individual is more important than the group.*
- *Self-help is preferred to dependence.*
- *Competition and free enterprise are best for economic development.*
- *The future is more important than the past.*
- *Action is better than contemplation.*
- *Informality is desirable in social interactions* (Kohls, Knight 1994: 40).

➢ **Социокультурные ценности,** определяющие социокультурные идентичности. Сюда относятся, прежде всего, корпоративные ценности. Они, безусловно, представляют большой интерес с точки зрения участия языковой личности в формировании и развитии организационной культуры. Если учесть, что языковая личность обязательно аффилирована с той или иной организационной культурой, корпоративные ценности по определению вписываются в личностную аксиосферу. Ср.: ценности ряда корпоративных культур (Donaldson 1996).

Merck

Corporate social responsibility

- *Unequivocal excellence in all aspects of the company*
- *Science-based motivation*
- *Honesty and integrity*
- *Profit, but profit from work that benefits humanity.*

Nordstrom

- *Service to the customer above all else*
- *Hard work and individual productivity*
- *Never being satisfied*
- *Excellence in reputation; being part of something special*

Philip Morris

- *The right to freedom and choice*
- *Winning-beating others in a good fight*
- *Encouraging individual initiative*
- *Opportunity based on merit*
- *Hard work and continuous self-improvement*

Walt Disney

- *No cynicism*
- *Nurturing and promulgation of "wholesome American values"*
- *Creativity, dreams, and imagination*
- *Fanatical attention to consistency and detail*
- *Preservation and control of the Disney magic*

➢ **Индивидуальные ценности,** формирующие индивидуальные предпочтения языковой личности. Это – сокровенные смыслы, которые невозможно каталогизировать. Они, как правило, скрыты от посторонних и могут быть опознаны лишь очень внимательным наблюдателем. Вместе с тем в методике обучения иностранным языкам наблюдается значительный интерес к индивидуальным предпочтениям и личностным смыслам в аспекте инициирования их выражения обучаемыми при овладении языковым материалом – грамматическими конструкциями и лексическими единицами. Осмысление индивидуальных предпочтений и их соизмерение обеспечивается посредством применения обучающих стратегий, которые разрабатывются в рамках решения задачи развития межкультурной компетенции (Hahn 1997).

Формирование аксиосферы межкультурной коммуникации путём согласования этнокультурных ценностных смыслов становится возможным вследствие «мягкой сборки» (термин С. Дж. Коули) ценностного сознания языковых личностей. Определение языка как конструктивного способа согласования действий (Коули 2009) задаёт координаты поиска языковых единиц, вербализующих ценностные предпочтения коммуникантов. С учётом их семиологической значимости и обобщающего характера такие единицы могут быть охарактеризованы в терминах аксиологем. По способу объективации ценностного смысла различаются следующие виды **аксиологем.**

- **Аксиологема-слово:** *ДОСТОИНСТВО, ИСТИНА, ПАТРИОТИЗМ, СВОБОДА, УСПЕХ; CLEANLINESS, FREEDOM, INDIVIDUALISM, INDEPENDENCE, POLITENESS.*
- **Аксиологема-словосочетание:** *COMMITMENT TO PROGRESS; MATERIAL WEALTH, ROMANTIC LOVE; SOCIAL RESPONSIBILITY, WORK ORIENTATION.*
- **Аксиологема-формульное высказывание:**

Directness and openness are virtues.

The practical is more important to deal with than the abstract, ideal or intellectual.

Improving material existence benefits human beings more than spiritual improvements (Kohls, Knight 1994: 40).

- **Аксиологема-паремия:**

Actions speak louder than words.

A penny saved is a penny earned.

Paddle your own canoe.

Балы да пирушки повыведут полушки.

Бедность не порок.

К большому терпенью придёт и уменье.

- **Аксиологема-антропоним**, соединяющая прецедентное имя с определённым набором ценностных смыслов:

John Wayne – rugged individualism, competition, self-help, directness;

Martin Luther King – action, optimism, future orientation, non-violence, self-help;

Harriet Tubman – equality, freedom, self-help, change;
Elisabeth Cady Stanton – equality (Kohls, Knight 1994: 55).

Процесс формирования аксиосферы межкультурной коммуникации представляет собой сложную процедуру гармонизации смысловых значимостей, языковых единиц, форм и структур, а также поведенческих сценариев. С одной стороны, эта задача требует от языковой личности высокого уровня межкультурной компетенции. С другой стороны, процесс дискурсивного обсуждения ценностных смыслов обогащает языковую личность уникальным опытом, необходимым для её успешного функционирования в полиэтнической среде.

Литература:

1. Коули С. Дж. Понятие распределённости языка и его значение для волеизъявления: пер. с англ. А. В. Кравченко // Studia linguistica cognitiva. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. - Иркутск, 2009. С. 192 - 227.
2. Этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. - Иркутск, 2008.
3. Culture Matters: how values shape human progress / ed. by L. E. Harrison, S. P. Huntington. - N.-Y., 2000.
4. Gurevitch M., Blumler J. C. Political Communication and Democratic Values // Media Power in Politics / ed. by D. A. Graber. 4th ed. Washington, D. C., 2000. P. 24 - 36.
5. Hahn S. L. Strategies for Increasing Cross-Cultural Awareness // Pathways to Culture: Readings on Teaching Culture in the Foreign Language Class / ed. by P. R. Heusinkveld. - Yarmouth: Intercultural Press, 1997. P. 499–519.
6. Kohls L. R., Knight J. M. Developing intercultural awareness: a cross-cultural training book. - Yarmouth, 1994.
7. Macionis J. J. Society. The Basics. 6th ed. - New Jersey, 2002.
8. O'Driscoll J. Britain. - Oxford, 1997.
9. Storti C. Cross-Cultural Dialogues. - Yarmouth, 1994.

Э.Е. Каминская
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород

«ВЕРЮ, ЧТО ДО НАЧАЛА ДАЧНОГО СЕЗОНА МЫ ВСТРЕТИМСЯ»: ОБЪЯВЛЕНИЯ О ЗНАКОМСТВЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Брачное объявление как разновидность рекламного дискурса вызывает неизменный интерес отечественных и зарубежных исследователей. Так, в последние годы появилось немало работ, анализирующих лингвостилистические, коммуникативно-прагматические, когнитивные и другие характеристики данного речевого жанра, в том числе и на примере компь-

ютерной коммуникации (см., напр.: Громова 2006, Рогалева 2005). Тем не менее, по-прежнему актуальны исследования, целью которых является рассмотрение этнокультурной специфики объявлений о знакомстве и их ценностной составляющей (см., напр.: Анашкина 2003).

Известно, что при оформлении объявления о знакомстве люди пользуются определенными культурными и гендерными ориентирами, являющимися общими и индивидуальными для представителей конкретного социума. При этом выбор лексико-стилистических и синтаксических средств речевого воздействия определяется, во-первых, рекламной стратегией, в рамках которой создается текст, во-вторых, структурой языка (русского и английского) и, в-третьих, этнокультурными особенностями адресатов. Мы полагаем, что и в английском, и в русском языках тексты рекламных объявлений о знакомстве представляют собой не только способ интеллектуального общения посредством СМИ, но и содержат специфичные культурно-языковые характеристики.

Некоторые результаты сравнительного исследования по выявлению этнокультурной специфики, а также гендерных стереотипов, характерных для англоязычных и русскоязычных брачных объявлений, обсуждаются в данной статье.

В качестве материала мы использовали брачные объявления, опубликованные на страницах русскоязычной газеты «Из рук в руки» и англоязычной еженедельной газеты “The Washington Post”. Корпус случайной выборки составил 100 объявлений (25 женских и 25 мужских русскоязычных объявлений и соответствующее число англоязычных объявлений).

Для анализа результатов нашего практического исследования мы воспользовались схемой анализа брачных объявлений, предложенной Е.В. Акуловой (2009) на материале немецкого и русского языков.

Структура брачных объявлений соответствует коммуникативной цели данного речевого жанра. Автор старается привлечь внимание адресата к своей персоне, охарактеризовать себя с положительной стороны («прорекламировать»). Субъект брачных объявлений предъявляет определенные требования к качествам возможного партнера, воссоздавая свой идеал спутника жизни. Кроме того, в объявлении содержатся указания на характер желаемых отношений. Таким образом, структура брачных объявлений в английском и русском языках условно делится на три части: 1) требования, предъявляемые к спутнику жизни (или образ адресата); 2) автопортрет (или образ автора); 3) модель желаемых взаимоотношений (Акулова 2009).

Остановимся подробнее на особенностях портретирования и автопортретирования в брачных объявлениях с целью выявления культурно значимых характеристик.

1. Требования женщин.

Немаловажный аспект брачных объявлений – материальное состояние: 28% русских брачных объявлений содержат материальные требования, предъявляемые к желаемому партнеру. Настоящий (идеальный) мужчина в

глазах русской женщины должен иметь твердое социальное и материальное положение *(самостоятельный, без материальных и жилищных проблем)*. В англоязычных брачных объявлениях лишь 8% женщин при описании партнера выразили следующие материальные требования: *"must be educated and employed…" («должен быть образованный и с работой…»),"can afford to take me out…" («может позволить себе пригласить меня куда-нибудь»).*

Портретирование человека осуществляется согласно бытующему наивному представлению о нем как об объекте, имеющем две стороны: духовную (внутреннюю) и физическую (внешнюю). И американские, и русские женщины при описании идеального мужчины особый акцент делают на нравственных характеристиках, чертах характера, а не на внешности. Наиболее значимые для русских женщин характеристики – *порядочный, без вредных привычек, надежный, добрый, интересный, серьезный, умный, интеллигентный, образованный, ласковый, с чувством юмора*. Для американских женщин приоритетными являются следующие характеристики: *with a great sense of humor* (с большим чувством юмора), *healthy* (здоровый), *honest* (честный), *confident* (уверенный в себе), *family-oriented* (ориентированный на семью), *caring* (заботливый), *romantic* (романтичный), *affectionate* (любящий, нежный), *intelligent* (умный), *well-traveled* (любящий путешествовать), *sincere* (искренний), *kind* (добрый).

Примечательно, что 12 % женщин в англоязычных объявлениях выразили пожелания к внешности будущего партнера: *handsome* (красивый), *tall* (высокий), *slender* (стройный), *should take pride in his appearance* (должен гордиться своей внешностью). Очень часто американские женщины составляют более детальный портрет идеального мужчины, указывая на желаемый цвет глаз и волос, стиль одежды и т.д.: *"…I'm looking for a Caucasian or light-skinned Hispanic. I would love to meet a man with a great smile – I find that to be attractive . A great voice is a turn on also as well as expressive eyes…"* («Я ищу белокожего или светлокожего испанца. Я буду рада встретить мужчину с широкой улыбкой – я считаю это очень привлекательным. Меня заводит сильный голос так же, как и выразительные глаза»);*"…Uniforms (suits included) are a plus."* («Форменная одежда (включая костюм) – это плюс»). В русских женских брачных объявлениях данные пожелания отсутствуют.

2. Требования мужчин.

Для мужчины в первую очередь важны внешние, физические характеристики: эталоном женской привлекательности, по данным русскоязычных и англоязычных брачных объявлений, сегодня является *стройная (не склонная к полноте) женщина, красивая (beautiful), симпатичная (pretty), интересная, привлекательная (physically attractive), обаятельная.* Поэтому в 16% объявлениях русских мужчин присутствует требование к женщинам выслать свою фотографию. В американских же мужских брачных объявлениях данное пожелание отсутствует.

Требования, предъявляемые мужчиной к потенциальной избраннице в русских и американских брачных объявлениях, довольно часто затрагивают интеллектуальный потенциал возможного партнера: *образованная, умная (intelligent), эрудированная*. Также ценятся русскими авторами-мужчинами такие черты характера, как *порядочность, доброта и хозяйственность.* Для американских авторов-мужчин наиболее значимыми являются следующие этические характеристики: *honest* (честная), *real* (настоящая), *caring* (заботливая) , *loving* (любящая) , *romantic* (романтичная), *outgoing* (отзывчивая), *nice* (хорошая, милая).

Русские мужчины значительно реже, чем их соотечественницы, предъявляют материальные требования (4%), в англоязычных же объявлениях данные требования вообще отсутствуют.

3. Особенности женского автопортретирования.

Создавая свой автопортрет, автор брачного объявления следует бытующим в данном социуме представлениям о женственности и мужественности, пытаясь таким образом завоевать внимание противоположного пола.

И в американских, и в русских женских автопортретах наиболее значимы внешние характеристики: *симпатичная, привлекательная, стройная, интересная, приятной внешности (attractive, beautiful, charming, sexy).* При описании внешних характеристик внимание акцентируется на цвете волос (*блондинка)*, цвете глаз: *hazel-green eyes (глаза каре-зеленые)*.

При описании характера русские женщины часто используют следующие характеристики, которые, по их мнению, являются наиболее привлекательными для мужчин: *веселая, хозяйственная, любящая, заботливая, самодостаточная, жизнерадостная.* Указанные характеристики совпадают с требованиями мужчин, предъявляемые к идеальной спутнице жизни. Наиболее значимые для американских женщин этические характеристики: *confident* (уверенная в себе), *intelligent* (умная), *great conversationalist* (интересная собеседница), *family-oriented* (ориентированная на семью), *with a great sense of humor* (с большим чувством юмора), *hardworking* (трудолюбивая), *kind* (добрая), *caring* (заботливая), *outgoing* (отзывчивая), *honest* (честная), *loyal* (верная), *loving* (любящая).

Всего 7% русских женщин указывают на свое материальное положение, ограничиваясь при этом формулой *«без материальных и жилищных проблем»*, в то время как в англоязычных объявлениях данный признак вообще не представлен.

Особую значимость для русских женщин представляет высшее образование: 20% женщин отметили данный фактор в своих характеристиках; в американских брачных объявлениях эта характеристика встретилась лишь в 8% объявлений.

4. Особенности мужского автопортретирования.

Характерной особенностью русских брачных объявлений является наличие характеристик материального положения автора *(бизнесмен, без жи-*

лищных и материальных проблем, обеспеченный) – 36% мужчин считают необходимым сообщить о себе данную информацию. Для англоязычных брачных объявлений названная характеристика играет незначительную роль (6%).

Большое значение для русских мужчин имеет отсутствие вредных привычек (20%), а также наличие высшего образования (12%). 40% авторов важное место при создании автопортрета отводят физическим характеристикам: *симпатичный, приятной внешности, сильный, спортивного телосложения, высокий.*

В американских мужских автопортретах лишь 8% авторов указывают внешние характеристики: *handsome* (красивый), *I'm very athletic (Я атлетического телосложения),* и вообще не упоминают об образовании, а также о наличии или отсутствии вредных привычек. Наиболее значимые для американских мужчин этические характеристики – *caring (заботливый), loving (любящий), kind (добрый), romantic (романтик), hardworking (трудолюбивый), intelligent (умный), honest (честный).*

На основании результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В англоязычных и русскоязычных брачных объявлениях в целом можно отметить совпадение качеств и достоинств, а) которые автор-женщина приписывает себе и которые мужчина ищет в партнере; б) которые автор-женщина хотела бы видеть в мужчине-адресате и которые автор-мужчина приписывает себе. Так, например, русские женщины чаще, чем мужчины предъявляют требования материального порядка к партнеру, мужчины, в свою очередь, чаще, чем женщины, пишут о своем стабильном материальном положении. Требования к внешности идеального партнера практически не расходятся с тиражируемыми в данном социуме образами «типичной женщины, которая нравится мужчинам», и «типичного мужчины, который нравится женщинам».

2. Были также зафиксированы различия между саморепрезентациями женщин и мужчин и их требованиями к идеальному партнеру. Например, русские женщины при создании автопортрета считают важным отметить наличие высшего образования, тогда как в требованиях к идеальной женщине данная характеристика играет незначительную роль. В требованиях русских женщин, предъявляемых к идеальному мужчине, физические характеристики отсутствуют, тогда как для мужских автопортретов они актуальны.

3. Упоминание о высшем образовании характерно для представителей России: его наличие отмечают 20% женщин и 12% мужчин. Отличительной чертой русских объявлений о знакомстве является также характеристика материального положения и наличия жилплощади, что, конечно, является следствием нестабильного экономического положения в стране.

4. Русские брачные объявления более лаконичны по сравнению с американскими, которые включают более подробную информацию об авторе. Американцы в своих сообщениях подробнейшим образом перечис-

ляют свои интересы и увлечения с целью найти «свое подобие». Русские объявления, в отличие от американских, в большинстве случаев включают данные о росте, весе и знаке Зодиака.

5. Расхождения между русскоязычными и англоязычными брачными объявлениями оказываются наиболее существенными, когда речь идет о предъявлении требований к чертам характера. Наиболее культурно-значимыми для русских мужчин является *порядочность, отсутствие вредных привычек* и *надежность;* в англоязычных брачных объявлениях доминируют *честность, чувство юмора, уверенность в себе.*

6. Можно отметить различное речевое воплощение концепта «семья» в рассматриваемых лингвокультурах, что проявляется, например, в причинах, по которым люди желают познакомиться и, в перспективе, создать семью с представителем противоположного пола.

Сходство анализируемых лингвокультур подтверждается указаниями на ценность заключения брака или долговременного союза с привлекательными внешне, образованными людьми, имеющими материальный достаток. Русские авторы объявлений, как правило, стремятся к совместной жизни на основе взаимопонимания, любви (*«хочу дарить тепло и нежность, любить и быть любимой»).* Однако при этом они ищут друга, покровителя, спонсора, способного оказать материальную поддержку, партнера по работе на огороде, на даче (*«Верю, что до начала дачного сезона мы встретимся»),* выдвигая на первый план наличие жилья и работы, обеспечивающей материальную базу.

Авторы англоязычных текстов ищут партнеров для совместного наслаждения жизнью и поисков счастья (*«To share love, life, romance and reality, for future happiness, to enjoy life before it passes by.* Разделить любовь, жизнь, романтику и реальность во имя будущего счастья, наслаждаться жизнью прежде, чем она пройдет»). Материальный достаток для них, как правило, подразумевает наличие успешного бизнеса и высокого социального статуса.

Таким образом, выделенные в ходе анализа русскоязычных и англоязычных брачных объявлений характеристики свидетельствуют о наличии определенной этнокультурной специфики в образцах данного речевого жанра, а также о национально-культурных различиях в их ценностной составляющей.

Литература:

1. Акулова, Е.В. Объявление о знакомстве в современных немецкоязычных СМИ (в печати и Интернете) // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч. – Саратов : «Наука», 2009. – Вып. 12, ч. III. – С. 314 – 318.
2. Анашкина Е.В. Этнокультурные ценности в текстах газетных объявлений: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2003. – 35 с.
3. Громова В.М. Объявление о знакомстве как жанр компьютерной коммуникации//Вестник Удмуртского Университета. Филологические науки. 2006. №5(2). С.15-20.

4. Из рук в руки. – № 21, от 12.04.2007; №37, от 14.05.2007; №38, от 17.05.2007. – С. 17, 38-39.
5. Рогалева О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): Автореф. дис…. канд. филол. наук - Омск, 2005.
6. The Washington Post. – May 12, 2007; May 30, 2007. – Pp. 28-30.

Ю. А. Кумбашева
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Как справедливо отмечается целым рядом исследователей, одним из наиболее активных процессов в современном русском языке является процесс иноязычного заимствования. Это явление широко распространено уже не только в текстах публицистических, газетных — заимствования проникают и в рекламные тексты, и в тексты художественной литературы. Теперь человеку, не владеющему основами английского языка (а иногда — и других европейских языков), практически невозможно понять смысл не только отдельных фрагментов того или иного художественного текста, но и всего произведения в целом.

Данная статья не ставит своей целью дать оценку тем или иным явлениям, происходящим сейчас в русском языке и литературе. Как бы мы к ним ни относились, эти явления и процессы объективно существуют и диктуют некоторые новые принципы изучения как родного, так и иностранных языков. Иноязычные заимствования — часть нашей языковой культуры на современном этапе развития языка и общества.

Попытаемся проследить, какую роль играют заимствования в художественных и рекламных текстах.

Любые иноязычные вставки в речь персонажей художественной литературы – это отражение тенденции, существующей в обществе. Если персонажи так говорят, следовательно, и в действительности дело обстоит сходным образом.

Рассмотрим данные явления на конкретных примерах.

Особого внимания с этой точки зрения заслуживают произведения Бориса Акунина. Именно здесь мы находим примеры так называемого «языка будущего», на котором, как с некоторой иронией отмечает сам автор, будут говорить последующие поколения.

Язык этот состоит из элементов английского, русского, французского языков. «Человек будущего» говорит в романе Акунина «Внеклассное чтение» так:

«— У вас сольди есть? <…> Сколько? Генуг. Берите тачку, гоните к нам в кантри-хаус. Помните, вы там были — на анивёрсэре у Мамоны. По Рублёво-Никольскому до сорок третьего километра, там указатель. В доме сейчас никого, пусто. <…> Сидите там, ждите. Во фридже должна быть еда. Ну, фромаж там, сосиссоны. Телефонирен не буду. <…> К бэйбиситтеру вашему заеду, скажу, чтоб задержалась…» (Акунин, 2002: 309 – 310)

Подобных фраз в тексте романа множество: «— Вас ист лос, шеф? Сейчас я этого гоблина делитом – и в баскет»; «— Пригласили бы офиследи куда-нибудь оттянуться. Нет, вирклих. Есть суперный ресторан-клуб «Холестерин». Полный фьюжн, вам понравится. А на афтерпарти можно упасть в «Крысолова»; «— Шеф, что это за пипл? Жмём на искейп!».

Это уже не просто отдельные иноязычные вкрапления, но целый мощный языковой поток, хотя, несомненно, автор в некоторой степени утрирует ситуацию.

Как можно заметить, в этих фразах с заимствованиями сочетается и компьютерная лексика (*делит, баскет, искейп* — названия кнопок на клавиатуре компьютера), и жаргонизмы (*суперный, упасть, оттянуться*); все эти явления в современном русском языке тесно связаны между собой.

Конечно же, не следует проводить прямое соответствие между речью персонажей литературного произведения и тем, как мы говорим в действительности. Однако тенденция, тем не менее, существует.

Помимо всего прочего, подобные фрагменты остроумны, автор, хоть и настроен иронично, тем не менее, не далёк от реальности, а стремление читателя разгадать, распознать некоторые не вполне очевидные места вовлекает его в некую языковую игру.

Однако, как уже отмечалось, в полной мере оценить все эти языковые игры могут далеко не все — и в этом случае большая часть смысла текста просто теряется. Но сам факт того, что подобные фрагменты текста уже не требуют никакого «перевода», толкования, никаких сносок, свидетельствует о том, какое место в нашей жизни занимают иноязычные слова.

В связи с этим хотелось бы привести ещё один фрагмент — уже из другого текста, с той же долей объективности отражающего нашу сегодняшнюю языковую и социальную ситуацию. Дело в том, что — по ряду чисто экономических причин — в России в последние годы появилось множество иностранных фирм и, соответственно, иностранцев работающих в них. Речь иностранца, говорящего по-русски — совершенно особое языковое явление. «Срез» подобного языкового слоя даёт в своём романе «Dyxless» Сергей Минаев. Уже само название романа — сочетание кириллицы и латиницы, русского и английского языка даже не в одной фразе, но в одном слове — факт весьма красноречивый. А речь иностранца, работающего в Москве, с точки зрения автора, выглядит следующим образом:

« – Поскольку ми работаэм в одной команде, я считаль, что все, что есть в делах компании, есть респонсабилити каждого ее сотрудника. Ми

все делаимь одно дело. Ви колл ит тим спирит, изн ит? Я провел достаточьно время в малтинейшнл-бизнес в Европе и Америка, и, беливь ми, есть принсиплс и рулз, которые уже приходят и в Россия. И имажь наших брэндов, и имажь нашей компании есть бейзис для успеха всех операций. Мне странно, что ви пока этого не понимаете, занимая такой пост. Стрейндж, риали стрейндж. Когда я работаль в Америке, — он кивает в сторону Кондратова, — месье Алексис знает, о чем я, на спешл брэнд-тренингах нас учильи...» (Минаев, 2006:19)

Иноязычные слова даются в кириллическом написании, что (также как и в романе Акунина) является своеобразным ребусом, который читатель должен разгадать, то есть — вступить в языковую игру: дело в том, что даже для человека, знающего английский, кириллическое написание английского слова оказывается небольшой, но всё-таки головоломкой. Читателю необходимо проделать следующие шаги на пути к пониманию фразы: прочитать английскую фразу, написанную русскими буквами, представить себе, как она будет выглядеть в оригинальном написании, и, наконец, перевести, понять её («ви колл ит тим спирит» - «we call it team spirit» - «мы называем это командным духом»). Языковая игра налицо.

Но если у Акунина и даже у Минаева обилие заимствований в речи персонажей хотя и даётся в утрированном виде, но оценивается самими авторами с большой долей иронии, то в произведениях Оксаны Робски ирония эта уже отсутствует

Героини романов Робски совершенно сознательно выбирают иностранные слова, названия марок — это стиль общения в той среде, где они общаются. Причём чаще всего заимствования эти обозначают названия неких вещей, явлений, которые являются атрибутами жизни «богатых», например, *сноублейды от Шанель* (Робски, 2005:197)

Заголовок первого романа Робски «Casual» — также заимствование. Иногда встречаем в тексте отдельные фразы, выражения на английском, данные без перевода — очевидно, в том кругу, где вращается писательница, перевода не требуется:

«— Could you show me whole sale prices?» (Робски, 2005:329)

Тексты романов Робски насыщены названиями различных фирм, ресторанов, марок — как в русском, так и в английском написании.

«Интересно, какие марки предпочитают спортсмены? «Найк»? «Адидас»? <…> Денис сидел в белых шортах “Бриониии”»; (с Робски, 2005: 95).

«Я заехала в World-Class в Жуковке без предварительного звонка…» (Робски, 2005:144)

«Вероника видела Vann Cliff, который он ей на новый год подарил. А мне — ручку от Bulgari» (Робски, 2005:227)

Язык романов Робски — это уже скорее не чисто литературный, а рекламный текст. Из-за обилия заимствований, которые чаще всего являются названиями престижных торговых марок, у читателя складывается

впечатление, что перед ним — рекламные слоганы. Отметим однако, что язык романов Робски отражает язык довольно узко ограниченного социального круга российского общества.

Реклама — ещё одна сфера языка, которая бурно развивается и в которой отражается, аккумулируется всё то, что происходит в языке в целом.

Заимствования в рекламных текстах используются прежде всего для того, чтобы подчеркнуть, что рекламируемый товар произведён за границей. Однако для людей старшего поколения подобные рекламные тексты оказываются непонятными. Так, одним из первых подобных роликов, которые для части населения кажутся абракадаброй, стала реклама дезодоранта «Lady speed»: *Антиперспирант леди спид стик гель*.

Можно привести ещё множество более новых примеров:

- Крем для лица *Olay total effects;*
- очищающее средство для лица *clean and clear;*
- реклама финской марки одежды *Finn flare – be casual;*
- корм для кошек *Perfect fit (in home);*
- краска для волос *Garnier color naturals ;*
- крем для лица *Age renew от Max Faktor;*
- дезодорант Fa - *первый антиперспирант с йогуртом.*

В рекламе используются не только отдельные иноязычные слова; целые слоганы (рекламные девизы) произносятся или пишутся на английском (иногда — французском или немецком) языке.

Привычными уже стали такие слоганы:

- *Just do it (Nike*);
- *Shift the expectations* (реклама машины);
- *Das Auto* (*Volkswagen*);
- *Gold is cold, diamond are dead. Feel, what is real. Dior, J'adore.*

Активность заимствований в русском языке проявляется ещё и в том, что на их основе возникают новые слова-гибриды, часть которых пишется кириллицей, часть — латиницей:

- Двигай на *вечегreenку* (пиво «*Tuborg*»);
- Сухарики «*Хрусteam*»;
- *DOZAправься* (реклама энергетического напитка).

Кроме того, всё более и более популярным становится использование иноязычных слова в названиях различных торговых точек (магазинов, ресторанов, баров и т. д.):

- Магазин «*Incity*»;
- телефонная компания «*Bee-line*»;
- магазины *«OK»; «O'key»* (совершенно неинформативное, но весьма популярное название — так названы и магазин, и журнал, и салон красоты)
- «*МебельWood*» (название мебельного магазина)
- «*Metro*» (название магазина, газеты).

Примеров можно приводить много — но уже и приведённых примеров достаточно для того, чтобы понять: язык наш всё более и более становится проницаем для иноязычных элементов. Однозначно (только позитивно или только негативно) оценить этот процесс невозможно — он есть, нам остаётся принимать и учитывать этот факт.

И пока старшее поколение осваивает английский на основе рекламных слоганов или наименований продуктов (сочетание «*Head and shoulders*», несомненно, известно любому, вне зависимости от возраста), молодёжь не только активно впитывает новые слова и слоганы, но и создаёт их.

Литература:

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. - М., 2001.

Источники:

1. Акунин Б. Внеклассное чтение. - М., 2002.
2. Минаев С. Духless. - М., 2006.
3. Робски О. Casual. - М., 2005.

В.В. Кучерявенко
Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Нет сомнений в том, что реклама в наши дни стала феноменом поистине глобального масштаба. Наряду с изучением рекламы как самостоятельного функционального стиля и уникального вида коммуникации существует реальная необходимость эффективного перевода рекламных сообщений, которые за последнее время в связи с экономическими процессами приобрели статус одного из средств межкультурного общения.

В настоящее время при «экспорте» рекламы из культуры-адресанта в целевую культуру применяются в основном 2 метода:

1) **глобальная стратегия** - крупные международные корпорации чаще всего создают одно рекламное сообщение, которое просто переводится на язык целевой аудитории.

2) **кросс-культурный подход** - производитель предпочитает адаптировать рекламу к иной культурной среде, заменяя некоторые элементы, составляющие исходное рекламное сообщение в соответствии с традициями и ценностями культуры адресата, нередко поручая создание собственно сообщения представителям целевого культурно-языкового коллектива.

Возникает закономерный вопрос: какой путь наиболее эффективен – перевод готового рекламного сообщения на иностранный язык с сохране-

нием невербальной составляющей и внутренней семантики, рассчитанных на международную целевую аудиторию, или создание рекламы непосредственно в стране-адресате согласно разработанной заказчиком концепции, но с учетом местных особенностей? Первый вариант прост и не предполагает крупных расходов, второй представляется более трудоемким и дорогостоящим. Однако, поскольку речь идет об основной функции рекламы (воздействие на потребителей и внушение им мысли о необходимости приобретения конкретного товара), необходимо подчеркнуть, что принципиальное значение имеет фактор эффективности рекламного сообщения, а значит только тот из вариантов, который является эффективным можно считать функциональным, т.е. выполняющим свою основную функцию (Медведева 2002: 168).

Коммуникация считается состоявшейся лишь в том случае, если между участниками коммуникативного акта – адресантом и адресатом – существует взаимопонимание, т.е. намерение адресанта отвечает ожиданиям адресата, а использованные адресантом языковые средства адекватно интерпретируются адресатом, и между способами восприятия действительности обоих участников коммуникативной ситуации не возникло противоречий (Печенина 1998: 7). Если как отправитель, так и получатель сообщения принадлежат к одному культурно-языковому сообществу и обладают одной и той же национально-языковой картиной мира, то оснований для взаимопонимания значительно больше, чем когда адресант и адресат являются представителями разных культур и имеют свое собственное, часто несхожее с «собеседником» представление об эмоциональной составляющей, которая призвана привлечь внимание к тексту, донести информацию и осуществить коммуникативное намерение адресата (проинформировать / убедить / развлечь и т.д.). Принадлежность к разным культурно-языковым сообществам является потенциальной причиной несостоявшейся коммуникации, т.к. обусловливает не только различия в средствах выражения (разные языки, разная символика) и их интерпретации, но и в способах выражения (коммуникативная интенция) и восприятия (внимание, принятие к сведению, возражение, отторжение).

В качестве примера неудачного использования узко национального компонента в рекламе может служить заголовок РТ компании Four Seasons Hotel:
-*“Cancel the warm milk. I don’t think I’ll need it”. («Отмените мой заказ на теплое молоко. Думаю, оно мне не понадобится»)*

Для носителя англо-американской культуры «warm milk» - это традиционное средство от бессонницы. Для русскоговорящего «теплое молоко» - это традиционное средство от ангины, особенно для детей. Так как автор ни в основном РТ, ни в иллюстрации не задает направление интерпретации словосочетания ‘warm milk’, то у адресата могут возникнуть сложности при интерпретации всего заголовка и он вынужден будет затратить дополнительные когнитивные усилия на поиск адекватной интерпре-

тации всего заголовка. Несоразмерность затрачиваемых реципиентом усилий и полученных контекстуальных эффектов скорее всего приведет к отказу адресата от обработки рекламного сообщения или к неполному, искаженному пониманию РТ.

Для анализа рекламных текстов и, особенно, для ответа на вопрос, возможен ли полноценный перевод рекламы на иностранный язык, разница в восприятии сообщения и декодировании использованных в нем языковых средств и образов имеет большое значение.

Следует подчеркнуть, что рассмотренный выше пример указывает лишь на одну из национально-маркированных характеристик рекламного сообщения – выбранную тему. Среди прочих национально-детерминированных особенностей рекламы можно дополнительно выделить такие, как выбор визуальных средств для привлечения внимания и использование юмора.

Известно, что текст рекламы товаров международных компаний создается так, чтобы он мог быть переведен на иностранный язык максимально точно и при минимальных затратах времени и труда. Данное обстоятельство обусловливает отсутствие в нем каких-либо стилистических приемов или сложных ассоциативных связей между вербальными и невербальными единицами текста. Привлечение внимания при этом осуществляется за счет указанных свойств товара (например, доступная цена, хорошее качество, долгий срок использования, удобство в применении, моментальное действие, отсутствие побочных эффектов, уникальный состав или техническое оснащение, красивый дизайн и т.п.), внешнего вида персонажа и названия фирмы-производителя или торговой марки товара. Последние в итоге и оказывают решающее влияние на решение о покупке. Вербальная составляющая, таким образом, носит лишь информативный характер.

В соответствии с информативным характером рекламных текстов, изначально создаваемых с учетом их последующего перевода на иностранный язык, и, поэтому, практически полным отсутствием образного, метафорического содержания в их вербальной составляющей, уменьшается и возможность использования в них **юмористических средств**, что, по оценкам специалистов, резко снижает уровень интереса, например, российских потребителей к сообщениям такого типа. Юмор в рекламе поймет и оценит представитель любой культуры, однако необходимо отметить, что «русские склонны к шутке, иронии, самоиронии и подначке по своей природе», что может проявляться даже в самой серьезной обстановке.

Таким образом, юмор, одним из условий возникновения которого, согласно В.Я. Проппу (Пропп 1999: 56), является определенная умственная деятельность по обнаружению связи между несопоставимыми понятиями, не всегда может быть понятен представителям другой нации при неверном указании ключа к пониманию такой связи. В соответствии со сказанным, дословный перевод шуток, каламбуров и т.д. может привести к резкому неприятию, как конкретного рекламного сообщения, так и самого продук-

та, поскольку в случаях, когда ожидания прочитать/ услышать/ увидеть что-либо смешное не оправдываются, предвкушение сменяется сначала разочарованием, а затем раздражением, автоматически переносимым потребителем на рекламируемый товар.

Еще одним сложным для передачи иностранному потребителю приемом привлечения внимания и вовлечения потребителя в рекламную ситуацию является использование в рекламном сообщении какого-либо **прецедентного феномена** (Прецедентный феномен – термин Ю.Н. Караулова, под которым автор понимает «феномены, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников, современников, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности. (Караулов 2004: 34)).

С помощью данного приема осуществляется дополнительная смысловая нагрузка рекламного сообщения за счет определенных фоновых знаний потребителя, актуализирующихся при прочтении текста, в котором использован прецедентный феномен. Следует отметить, что возникновение ассоциативных связей (или, например, комического эффекта) обусловлены именно известностью данного прецедентного феномена среди всех носителей данной культуры. Иностранная аудитория, не знакомая с оригиналом, с большой долей вероятности не поймет всего семантического наполнения рекламного сообщения, в котором использован такой прием, и воспримет только основное значение рекламного текста (Давыденкова 2008: 8).

Причиной активного употребления прецедентных феноменов в РТ является стремление к созданию суггестивного эффекта.

Диапазон прецедентных феноменов, используемых в современной печатной рекламе, очень широк. Это прецедентные имена и ситуации, прецедентные высказывания, в том числе стихотворные и прозаические цитаты, названия художественных произведений, кинофильмов, пословицы и поговорки, крылатые выражения, фразеологизмы, строки из известных песен, названия популярной песен, фразы из кинофильмов, спортивные лозунги, библейские выражения. К основным приемам реализации прецедентности в РТ можно отнести: цитаты, аппликации, ссылки на имена собственные.

Текстовая аппликация используется в расчете на то, что адресат вспомнит текст, послуживший источником «цитаты без кавычек». Использованием аппликации достигается сразу несколько целей: создается иллюзия живого общения, автор демонстрирует свое остроумие, оживляется «стершийся» от многократного употребления устойчивого выражения образ, текст украшается еще одной фигурой. Например, текст рекламы автомобиля Mercedez-Benz: *The 2002 M-Class. Much ado without everything.*

Процесс формирования представления об объекте рекламы основан на аппликации модифицированного названия произведения В. Шекспира

«Much Ado About Nothing», где элемент «nothing» изменен на «everything». Тем самым авторы рекламы создали имидж новизны и престижности автомобиля, обратив внимании адресата на вновь образованное значение заголовка комедии Шекспира. В качестве дугой разновидности аппликации выделяется использование фразеологизмов, или устойчивых словосочетаний.

Проблему переводимости/непереводимости прецедентных феноменов можно продемонстрировать на примере рекламных текстов ювелирной компании «De Beers»:

Английский	**Русский**
As he put it on my finger *He just said, 'Forever'.* *It takes a diamond solitaire to make a man that romantic.* *Sarah's diamond is a beautiful example of the hardest known substance. Diamond. It has a melting point two and a half times greater than that of steel. Yes, as a diamond solitaire engagement ring, it can melt the heart of a man who has just spent a little over a month's salary. Phone_____for a brochure on solitaires from 750 pounds. It has been compiled for you by De Beers, the world's experts in diamonds since 1888.* ***A Diamond is forever.***	*Она из тех женщин, вслед которым оборачиваются все мужчины. Я подумал, что ей нужен камень, достойный ее.* *Любой бриллиант высокого качества – настоящее чудо природы. Каждый такой камень – отражение Вашей индивидуальности и успеха. Огранка, цвет, прозрачность и вес в каратах – эти четыре важных качества определяют универсальность и ценность бриллианта и в большой степени - красоту и ценность Ваших украшений вне зависимости от дизайна. Преподнесите ей такой бриллиант. Редкий и бесценный дар. Как и женщина, которую Вы любите.* *Удивите любимую бриллиантом, который превзойдет все ее ожидания.* ***Бриллиант – вечный дар любви.***

В качестве слогана в РС использовано видоизмененное название одного из фильмов Бондианы, который в русском переводе звучит как «Бриллианты вечны» (ср.оригинал на английском языке – "Diamonds are forever"). Следует отметить, что даже такое видоизмененное указание на прецедентный текст тем не менее способствует созданию ассоциативных связей с сюжетом фильма и его главным героем – Джеймсом Бондом, а слоган на английском языке – также с одноименным саундтреком к фильму.

Интересным представляется тот факт, что в то время, как в сообщениях на английском языке название фильма взято в качестве слогана в видоизмененной, но вполне узнаваемой форме, в рекламном тексте на русском языке слоган («Бриллиант – вечный дар любви») никак не ассоциируется с названием кинофильма. Причиной отсутствия ассоциаций с прецедентным текстом является как слишком значительное видоизменение на-

звания, так и смещение семантичсеких акцентов, поскольку в тексте слогана ключевым понятием является не «бриллиант» и «вечность», а «любовь», выражением которой и призван служить рекламируемый товар. Основанием для решения изменить слоган фирмы является, по-видимому, тот факт, что в начале 90-х годов, когда компания «De Beers» впервые появилась на российском рынке, Бондиана действительно была очень популярна в России, однако не настолько, чтобы названия отдельных фильмов сериала можно было бы отнести к разряду прецедентных феноменов. Никаких ассоциаций с самим Бондом или сюжетом фильма у российских потребителей в тот момент возникнуть не могло, очевидно поэтому рекламисты сочли необходимым трансформировать слоган.

Для этого решения было еще одно основание, а именно тема рекламного сообщения на русском языке – любовь к прекрасной женщине. Интересным представляется тот факт, что рекламные тексты «De Beers» на английском и русском языках отнюдь не являются переводами какого-либо рекламного сообщения, взятого за основу. При почти полном соответствии информации о свойствах товара (она лишь слегка видоизменена) в текстах на разных языках, темы сообщений значительно отличаются друг от друга.

Анализируя приведенные тексты, следует обратить внимание на то, что в России, в отличие от Великобритании компания «De Beers» еще недостаточно хорошо известна потребителям и стремится завоевать свое место на рынке, а также на различия в восприятии информации представителями разных культурно-языковых сообществ.

Так, согласно Р.Д. Льюису (Льюис 1999: 23), русские, как и все славяне в целом, являющиеся представителями более **высококонтектуальной культуры** («ориентированная на диалог культура, добывающая информацию через установление профессиональных и личных связей». (Льюис 1999: 24)), чем, например, британцы и североамериканцы (WASP), которых он относит к **низкоконтекстуальным культурам** («культура, ориентированная на безличную информацию; разговоры с другими людьми не являются источником информации». (Льюис 1999: 24)).

Анализ рекламных сообщений компании «De Beers» на английском и русском языках показал, что в данном случае имел место отнюдь не перевод в традиционном понимании этого термина. Рекламисты применили оригинальный подход, позволивший сохранить ключевую информацию (сведения о свойствах товара) не на уровне лексических эквивалентов, а на уровне понятий, трансформировав его согласно общему замыслу сообщения. Замысел же, т.е. выбор темы, в свою очередь, был полностью изменен в соответствии с традиционными ценностями, имеющими для представителей данного культурно-языкового сообщества первостепенное, однако возможно не полностью осознаваемое ими самими значение (например, на уровне архетипов).

Это позволяет говорить не о переводе рекламного текста, а именно о переносе имиджа товара в виде набора понятий в иное культурно-языковое

пространство и его последующем воплощении в рекламном сообщении, создаваемом с учетом национально-языковой картины мира представителей целевого культурно-языкового коллектива (Медведева 2002: 189).

Таким образом, переводчику рекламы следует стремиться к адекватной передаче основного содержания рекламного сообщения – имиджу товара – средствами иностранного языка, по возможности добиваясь эквивалентности текста перевода тексту оригинала, служащего материальной оболочкой имиджа. Однако в большинстве случаев речь идет о создании нового материального воплощения заданного имиджа, обусловленного как различием исходного и переводного языка, так и несовпадением национально-языковых картин мира, культурных ценностей и традиций адресанта и адресата рекламного сообщения.

Литература:

1. Давыденкова О.А. Рекламный текст и использование феномена прецедентности как фактор воздействия на адресата// Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Сборник материалов 26-28 сентября 2006 г. Тамбов, 2008.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2004.
3.Льюис Л.Д. Деловые культуры в междунродном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 1999.
4. Махнин П.Н. Психолингвистические аспекты воздействия рекламных текстов: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2005.
5.Медведева Е.В. Рекламный текст в плане межъязыковой и межкультурной коммуникации: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2002.
6.Печенина Ю.А. Фактор адресата в текстах современной рекламы// Семантика языковых единиц: Доклады VI международной конференции. Т.2. – М., 1998.
7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. - М., 1999.

А.В. Майорова
Московский государственный университет леса, Мытищи

СЕМАНТИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследования феномена межкультурной коммуникации самым непосредственным образом связано с изучением особенностей межъязыкового общения, так как именно в языке отражается своеобразие национального менталитета того или иного народа. Так как целью коммуникации является обеспечение понимания информации, служащей предметом общения, то есть сообщения, то, вступая в контакт и используя символы, мы пытаемся обмениваться информацией и добиваться её понимания. Отправитель кодирует сообщение с помощью вербальных и невербальных символов.

Хорошо известно, что даже при повседневном общении на одном языке воспринятое практически никогда не бывает равно сказанному. В применении к разным языкам ситуация усугубляется ещё и межкультурными различиями, в результате которых формально одинаковые высказывания могут восприниматься по-разному.

Особый интерес представляет изучение барьеров коммуникации представителей разных социокультурных систем, которые могут вызывать культурный и коммуникативный шок. Барьеры в широком смысле слова определяются как проблемы, возникающие в процессе взаимодействия и снижающие его эффективность.

Семантика изучает способ использования слов и значений, передаваемых словами. Поскольку слова (символы) могут иметь разные значения для разных людей, то некое сообщение необязательно будет интерпретировано и понято таким же образом получателем информации. Полный словарь английского языка приводит около 14 тысяч возможных определений к 500 наиболее употребительным словам. 19 значений имеет такое простое слова, как *round* (круг, круглый); слово *tip* (конец) может быть, к примеру, интерпретировано официанткой как чаевые, а азартным игроком на скачках – как частная информация, для полиграфистов *tip* – это специальное приспособление, наконечник. Существует и более распространённое значение – «верхушка» чего-либо, например, айсберга.

Семантические вариации часто становятся причиной неверного понимания, барьером на пути коммуникации.

Семантический барьер является следствием несовпадения тезаурусов людей в силу того, что каждый человек имеет неповторимый индивидуальный опыт. Он имеет и неповторимый тезаурус. В определённом смысле вообще принципиально невозможно наличие одинаковых тезаурусов у разных людей. Но из этого не следует, что невозможно и взаимопонимание. Конечно, в любом общении в процессе понимания всегда есть какое-то несоответствие – каждое слово, каждое сообщение будет иметь для воспринимающего чуть-чуть другой, новый смысл. Однако важно, чтобы это «чуть-чуть» не превращалось в «совсем». Если человек понял совсем не то, что ему сказали, то можно говорить о семантическом барьере и о неэффективной коммуникации.

Причины возникновения этого барьера различны.

Семантический барьер непонимания возникает, когда фонетически язык вроде «наш», но по передаваемому смыслу «чужой». Это возможно по следующим причинам:

− любое слово имеет обычно не одно, а несколько значений;

− «смысловые» поля у разных людей разные;

− зачастую используются жаргонизмы, сленг и т.п.

Такие семантические барьеры могут создавать коммуникативные проблемы для компаний, действующих в многонациональной среде. Так,

например, для Китая название «*Coca-Cola*» сначала перевели как «*кекон-кела*». Ведь для китайского письма нельзя придумать новый иероглиф, пришлось использовать уже имеющиеся иероглифы, созвучные названию известного напитка. Напечатав несколько этикеток, лингвисты корпорации обнаружили, что выражение означает: «кобыла, нашпигованная воском». Изучив 40 тыс. иероглифов, переводчики фирмы выяснили, что близким фонетическим эквивалентом может быть «*ко-коу-ко-ле*», что в свободном переводе означает «полный рот счастья». На Тайване при переводе девиза «*Пепси*»– «*Стань снова молодым вместе с поколением «Пепси!»* вышло: «*Пепси поднимает твоих предков из могилы!»*.

Семантические затруднения могут быть также обусловлены расхождением способов, которыми люди придают значение группам символов. К примеру, японцы часто произносят слово «хай», что переводится как «да», но означает «я вас понимаю», а не «да, я согласен с вами». Как и семантические барьеры, культурные различия при обмене вербальной информацией могут создавать значительные преграды для понимания. В этом случае обе стороны далеко не всегда знают хорошо значение всех применяемых сторонами слов и выражений, тем более не всегда адекватно интерпретируют их, не учитывая интонации, громкости, пауз, сопутствующих невербальных жестов. «Всякий раз, когда мы интерпретируем символ на основе наших предположений, а не фактов, мы делаем умозаключения, которые являются существенной частью коммуникации. Обычно мы не имеем возможности избежать их, то есть работа сознания не может остановиться, дожидаясь получения сообщения в полном объёме и его принятия. Поскольку умозаключения могут дать ошибочный сигнал, нам всегда следует помнить об этом и относиться к ним весьма осторожно. Если возникают сомнения, необходима дополнительная информация» (Шарков 2004:148).

Абракадабра может создаваться по двум причинам. Первая – неумение правильно применять слова, непонимание значений хотя бы части из них, а также неумения конструировать знаковые системы, путать грамматические и логические правила при их формировании. Вторая – результат переноса в языковую среду устаревших и весьма специфичных формулировок, а также чрезвычайное усердие к максимальной точности этих формулировок, при котором любое упущение или любая ошибка доводит словесно-смысловую конструкцию до абсурда.

Отсутствие или некачественная обратная связь также является серьёзным препятствием на пути эффективной коммуникации. Наличие обратной связи позволяет убедиться, действительно ли сообщение, принятое получателем, использовано в том смысле, который был вложен в него отправителем.

Семантический барьер проявляется также в употреблении сленга и жаргона, когда каждая группа людей (поколение, субкультура, конкретная семья) создаёт свой мини-язык общения, который окружающим, не вхожим в эту группу, совсем непонятен. Например, смысл слов «крыша», «капуста»

и др. на воровском жаргоне существенно отличается от их истинного значения. И даже свободно владеющий русским языком иностранец не поймёт прелести и меткости крылатых фраз советского кино, ведь воспитан он совсем в другой культуре и вырос совсем на других фильмах.

Восприятие значения языковых единиц представляет собой сложный процесс взаимодействия результатов категоризации окружающего мира и языковых форм. Как справедливо замечает С.Г. Тер-Минасова, «… язык – это зеркало, показывающее не мир вообще, а мир в восприятии человека… Одновременно в зеркале языка отражается и сам человек, его образ жизни, его поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей, культура – мир в человеке. Язык как зеркало отражает оба мира: вне человека, то есть тот который его окружает, и внутри человека, то есть тот, который создан им самим» (Тер-Минасова 2000:259). Язык, мышление и культура взаимосвязаны так тесно, что практически составляют единое целое.

Коммуникативная природа взаимодействующих культур определяет понимание смысла в рамках семантического поля языка другой культуры.

Чтобы преодолеть семантический барьер, необходимо понять особенности другого человека и использовать в разговоре с ним понятную для него лексику. При этом слова, которые имеют разное значение, следует объяснять: в каком смысле вы понимаете то или иное слово. Необходимо также помнить о том, что языковые нормы, специфика нашего языка должны меняться в зависимости от того, к кому направлено сообщение.

Литература:

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000
2. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации: учебник для вузов/Ф.И.Шарков; Академия труда и соц.отношений. – М.: ИД «Социальные отношения», 2004

Л.И. Маршева
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва

ОСНОВНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В последние десятилетия православные верующие получили счастливую возможность открытого знакомства с церковнославянским языком. Появилось большое количество учебно-методических пособий (учебников, сборников упражнений, прописей и т.д.), рассчитанных на разные целевые аудитории, разную лингвистическую подготовку учащихся. Но эти издания оказываются более или менее приемлемыми только при систематическом аудиторном образовании, возможность которого есть далеко не у всех. Для само-

стоятельного изучения церковнославянского языка имеющиеся пособия малопригодны, а потому почти не востребованы. Кроме того, существующие книги, описывая синхронный срез богослужебного языка, не формируют исторического взгляда на него. Между тем такой угол зрения сейчас как никогда актуален. Именно он поможет корректировать непростую ситуацию с русским языком и по-новому взглянуть на пути популяризации богослужебного языка, одна из главных проблем в отношении которого видится в потере культуры владения им – и духовенством, и прихожанами.

Православные верующие, насильно оторванные на долгие годы от традиционных корней, не слишком хорошо знают богослужение, не представляют себе до конца, из каких элементов, в том числе и гимнографических, оно выстраивается. Более того, составители вспомогательных изданий (кратких словарей, параллельных славяно-русских публикаций, переводов и т.п.), которых немало вышло в новейший период, достоверно не знают, что же на самом деле молящиеся понимают в службе, а что ускользает от них (конкретные слова, контексты, целые стихиры и проч.), а следовательно, их труды оказываются не совсем эффективными.

Очевидно, что чрезвычайно драматическая проблема смысловой закрытости заключается все-таки не в языке, а в его пользователях – в их церковной некультурности и житейской инертности. Если начать ее преодолевать, если начать воспитывать языковое благочестие, то снимется – хотя бы в некоторой, самой болезненной, степени – вопрос неясности богослужебных текстов.

Иными словами, в настоящий момент необходимо разработать ряд мер по популяризации церковнославянского языка.

Разумеется, нужно целенаправленно заниматься оптимизацией обучения церковнославянскому языку – аудиторного, дистанционного, самостоятельного, систематического, модульного, разработкой вспомогательных материалов (печатных и электронных), открытием образовательных Интернет-порталов. Понятно, что данные проекты отличаются традиционностью (хотя и учитывают новейшие технологии) и имеют долговременную перспективу.

Для того же, чтобы сделать популяризацию церковнославянского языка действенной, результативной и по возможности краткосрочной, к реализации предлагается культурно-просветительские проекты иного рода.

При их осуществлении следует учитывать несколько объективных факторов.

В последние годы наблюдается экспоненциальный рост количества информации, причем информации полезной, в которой человек постоянно нуждается для обеспечения функций жизнеобеспечений, а главное – для реализации социокультурных интуиций. При этом все чаще и чаще современники склонны выбирать смыслы фиксированной длины и отказываться от семиотических структур произвольной сложности. Внешне это проявляется в следующем: человек не может длительное время сосредотачиваться

на какой-либо информации и у него снижается способность к анализу. Формируется так называемое клиповое мышление, корреспондирующее с клиповой культурой: окружающий мир превращается в пестрый калейдоскоп разрозненных, как правило, мало связанных между собой фактов. Получаемая информация утрачивает обстоятельность, целостность, она переполнена аллюзиями, символами. Журнальные, телевизионные и даже художественные тексты становятся сильно сегментированными, разбитыми на перемежающиеся смысловые блоки небольшого – два-три абзаца – объема. Они насыщены большим количеством коротких фраз, и главная их цель состоит в создании не столько логического, сколько эмоционального отношения к происходящему и описываемому. Таким образом человек привыкает к тому, что события, факты и их оценки , непрерывно, как в мозаике, сменяют друг друга, и он не желает на них фиксироваться, постоянно требуя новой порции информации.

К феномену клипового сознания трудно относиться положительно, однако его механизмы в настоящий момент по необходимости востребованы в деле популяризации церковнославянского языка. Первоочередная задача заключается в том, чтобы современные люди вместили в себя хотя бы начальные знания о нем, подвергли их коннотативной обработке, что, возможно, побудило бы их к дальнейшему освоению богослужебной лингвосистемы.

Итак, первый образовательно-популярный проект представляет собой книгу с рабочим названием «Наш древний язык». С точки зрения структуры и оформления она будет напоминать, с одной стороны, книгу для чтения, а с другой – тезаурус своеобразного, условно говоря, облегченного типа. В книге предполагается описать с языковой и энциклопедической позиций лексический минимум церковнославянского языка – от 100 до 200 единиц, обладающих наибольшей частотностью и коммуникативной значимостью:

а҆ршма́ты, а҆́ще, беззако́нїе, бл҃горастворе́нїе, бл҃гослови́ти, бл҃гостоя́нїе, бра́ти, вѣ́дѣти, вѣ́къ, ве́лїй, весе́лїе, ве́черъ, ве́щь, вл҃ко, внегда́, возду́хъ, во́нь, воспросла́ви, восто́ки, всесожже́нїе, всѣ, вы́шнїй, глаго́лъ, гра҃сти, держа́ва, дерзнове́нїе, десны́й, дне́вный, дне́сь, до́лгъ, дорѹ́носи́мый, же́ртва, живо́тъ, живы́й, животворя́й, жите́йскїй, жи́тельство, жре́бїй, заступи́ти, зау́тра, ѕѣлѡ, и҆́же, и҆скренни́й, и҆спо́лнити, коли́кѡ, лобза́нїе, лю́дїе, ми́ръ, мі́ръ, нау́чный, ненаре́ченный, непостижи́мый, нѣ́сть, нощны́й, нѹ́жда, ѡ҆́бразъ, ѡ҆брати́тиса, о҆́бщее, ѡ҆коли́тиса, па́ки, полѹ́денный, помаза́ти, порѹга́нїе, преда́ти, премѹ́дрость, попече́нїе, пра́вый, при́зрити, прилѣпа́ти, при́снѡ, про́сти, свы́шнїй, серафи́мъ, си́це, сла́ва, сло́во, смире́нїе, сра́щъ, стра́хъ, стѹжа́ти, стяжа́тиса, сѹдъ, сѹпоста́тъ, сы́й, та́йнѡ, тре́петъ, тристо́е, тьма, ѹ҆жа́сный, ѹ҆ста, ѹ҆стнѣ, ѹ҆тро́ба, херѹви́мъ, цр҃тво, цѣ́лый, чи́нъ, шѹ́й, щедро́та, ꙗ҆зы́къ, ѕзы́къ, а҆́кѡ.

К ним будут предложены лапидарные дефиниции, грамматические пометы и текстовые примеры: При этом планируется широкое использование этимологических экскурсов, рассчитанное на то, что происхождение слов представляет устойчивый интерес для широкой аудитории: богáтый, зракъ, внимáніе, смѹщéніе, смятéніе.

Вообще говоря, неослабевающее увлечение этимологическими версиями, которые могли быть систематизированы в книгах специального назначения, само по себе является высоко потенциальным механизмом популяризации церковнославянского языка. И происхождению слов, особенно тех, которые имеют резкую семантическую разницу в русском и церковнославянском языках (глѹмúтисѧ, дрѧхлый, крóвный, непрáздникъ, село), нужно посвятить отдельное издание энциклопедического характера.

Возвращаясь к книге по церковнославянскому языку, нужно сказать, что каждая словарная статья, помещенная на ее отдельной странице, будет сопровождаться красочными иллюстрациями.

Возможно, рассматриваемый тезаурус будет написан в форме диалога с читателем, чтобы максимально приблизить к нему текстовое и иллюстративное содержание и чтобы избежать эффекта снисходительности. Нужно признать, что ситуация традиционной популяризации такова: специалист свысока, порой нетерпеливо пытается объяснить что-то своим читателям или слушателям. Такая коммуникативная форма устарела. На ее смену уже пришла новая модель, которая зарекомендовала себя прежде всего в Интернет-пространстве: равноправные участники диалога объясняют что-то друг другу, поправляя, дополняя полученные знания и выражая эмоции по поводу их характера и исчерпанности/ неисчерпанности.

Можно пойти по другому пути – извлечь из богослужебных текстов так называемые экзотизмы и архаизмы, которые лучше других реализуют историко-когнитивную функцию церковнославянского языка с тем, чтобы дать их доходчивую, креативную презентацию:

блаѣлúкъ, крúнъ, пóлзокъ, скѵмень, тѹкъ.

Также полезным было бы описание богослужебной терминологии: лѣтѹргíа, бц҃ородúченъ, возглáсъ, глáсъ, ѥ҆ктенíѧ, ѥ҆питрахúль, стѹдéнъ, подóбенъ, стїхúра, тропáрь.

Вторым культурно-просветительским проектом призвана стать серия документальных фильмов научно-популярного (богословско-популярного) характера о церковнославянском языке. Предполагается создание трех таких фильмов с наиболее оптимальным для восприятия хронометражем по 40 минут.

К подготовке и участию в них планируется привлекать священнослужителей, историков, лингвистов, деятелей культуры, мнение которых будет для зрителей авторитетным, престижным и заслуживающим уважения.

При этом подача фактов, связанных с историей и современным бытованием литургического языка, должна быть свободной от схоластиче-

ской сухости, нарочитого дидактизма и художественной бесцветности. Видеоряды, тексты авторов и участников должны быть – при их безусловной научной и фактической выверенности, живыми, яркими и доступными для всеобщего восприятия. Нужно надеяться, что данные фильмы займут достойное место среди культурно-образовательных проектов, которые осуществляются в настоящее время на телевидении, что, несомненно, повысит авторитет Церкви и церковной науки.

Тематика фильмов может быть следующей: деятельность св. равноап. Кирилла и Мефодия, становление славянской письменности, кириллическая и глаголическая азбуки, книжные справы на Руси и в России, роль русских правителей в распространении и исправлении богослужебных текстов, история церковнославянских слов.

Весьма полезным было бы посвятить один из фильмов богослужебной гимнографии. Ни у кого не вызывает сомнения, что на церковнославянском языке существуют замечательные в литературно-художественном отношении тексты, которые насыщены историко-богословскими реминисценциями. Учитывая современный интерес к средневековью, когда было создано большинство из них, великие гимнографические творения могут стать релевантными для популяризации литургического языка. Ведь церковнославянский текст, помимо структурной многослойности, обладает уникальной семантической разноуровневостью. Он состоит из собственно текста, гипертекста и даже внетекста. Гимнографическое повествование позволяет одномоментно побывать в разных временах и местах и осознать неслучайность их переклички. Особенно ясно это демонстрируют ирмосы и тропари канонов, в которых сопрягаются события Ветхого и Нового Заветов. Как это ни парадоксально, но для людей, воспитанных на искусстве постмодерна, чтение богослужебных текстов является намного более естественным занятием, чем для живших в XIX – середине XX вв. Обладая клиповым сознанием (о чем говорилось выше), современники уже привыкли к нелинейному чтению, к тому, что единая структура составляется только из кубиков, а сильное впечатление – из пазлов. Широко известен такой факт: в самом конце XIX столетия бурное развитие художественной жизни породило огромный интерес к древнерусскому искусству, в том числе и к иконам, которые начали собирать и изучать. Аналогически можно предположить следующее: тенденции литературы рубежа XX-XXI вв. в известной мере предполагают такое же открытие богослужебных текстов – открытие их как сложных художественных феноменов.

Пробуждение и стимуляция интереса к литургической поэзии – как у церковных, так и светских людей, обладает огромным миссионерским потенциалом. Поскольку среди ценителей гимнографии могут оказаться те, кто никогда не читал катехизаторскую литературу, не знакомился с церковнославянской грамматикой, не молился за богослужением. А значит, изначальный эмоционально-эстетический интерес к церковной культуре может стать для них первым шагом к вере и храму.

В.Д. Нарожная
Академический инновационный университет, Шымкент (Казахстан)

ЗНАКОВЫЕ ФУНКЦИИ УКРАШЕНИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

При изучении межличностного общения, его становления, развития и функционирования как самостоятельной стороны социального бытия человека, его образа жизни или включенности в какую-либо деятельность представляется необходимым проанализировать и учесть все используемые людьми системы знаков с целью определения зависимости процессов от их семиотической природы.

Знаковые компоненты внешнего облика человека выступают в общении как визуальные средства коммуникации, компоненты так называемого «несловесного языка» общения. Термин «несловесный язык», «невербальный язык» используется рядом исследователей (Горелов 2006, Петрова 2001, Степучев 2008 и др.) и объединяет широкий круг явлений и предметов: от жестов, мимики до предметов быта и одежды. Среди многочисленных визуальных знаков общения мы выделяем костюм как одну из сложных систем, существующую в пространстве культуры и тесно взаимодействующую со многими ее элементами. Костюм, сама манера одеваться – один из языков культуры в ее историко-антропологическом понимании.

В той части костюмного целого, из которого формируется образ, наибольший интерес вследствие малоизученности представляют различного рода украшения. К ним относятся броши, пояса, пряжки, пуговицы, бляхи и другие изделия, изготовленные специально для данного типа одежды. Костюмные украшения могут многое рассказать о человеке определенной эпохи, в которую они были созданы. «Их семиотический статус как функционально взаимосвязанных и взаимообусловленных с костюмом предметов на протяжении многих столетий продолжал оставаться высоким, – отмечает О.В. Береговая. – Пол и возраст, переход из одной возрастной категории в другую, включение человека в систему родовых, этнических, гендерных, сословных или служебных связей – все это на протяжении многовековой истории находило отражение в костюмных украшениях» (Береговая 2008: 119).

Пуговицы, являясь составляющим элементом костюма, также выполняли определенные функции: *утилитарную* (пуговица как застежка), *декоративно-эстетическую* (пуговица как украшение), *магическую* (пуговица как оберег или талисман), *семиотическую* или *информативную* (пуговица как опознавательный знак).

Следует отметить, что среди всех украшений костюма, выполняющих функцию магических амулетов, самой важной была пуговица. В полые пуговицы помещали дробинку, кусочек олова или круглый камешек,

издававшие при движении приглушенный звук, напоминающий звон бубенца. Так пуговицы превращались в обереги. Магическая природа пуговицы определялась двумя способами: рисунками (узорами) и формой (например, форма яйца или желудя символизировала плодородие). Чаще всего на древних пуговицах изображался символ солнца – спираль или круг с точкой посередине. Как отмечает А.П. Василевич, «символика геометрических орнаментов уходит в глубочайшую древность и оказывается более или менее одинаковой у разных народов» (Василевич 2005: 60). Она сводится к следующему:

- *треугольник* символизировал: рождение – жизнь – смерть; начало – середину – конец чего-либо; детство – зрелость – старость; и триединое начало человека: духовное, телесное, умственное;

- *четырехугольник* – символ сторон света (север, юг, восток, запад), четырех стихий природы (земля, воздух, огонь, вода);

- *пятиугольник* (пятиконечная звезда «печать Соломона») считался самым сильным оберегом: священное число пять выступает знаком завершенности (пять органов чувств, пять пальцев на руках и ногах и т.п.);

- *шестиугольник* («звезда Давида») – знак совершенства: Бог сотворил мир за шесть дней (Василевич 2005: 61).

Наиболее интересной в плане нашего исследования является семиотическая функция пуговицы. Например, в допетровской Руси пуговицы на одежде были своеобразной визитной карточкой владельца. Их количество, форма, имевшиеся на них узоры и знаки информировали о положении человека, его заслугах, близости к власти. «К каждому виду платья полагалось строго определенное число пуговиц: к кафтану пришивали по три, восемь, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать или девятнадцать пуговиц; к шубе – по восемь, одиннадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать. Самое большое количество пуговиц полагалось иметь на одежде конника, длинном стеганом кафтане с воротником-козырем – *тигилее*» (Василевич 2005: 61). На сословное происхождение указывал и материал, из которого изготавливали пуговицы: золото, серебро, кораллы, янтарь, жемчуг, с одной стороны, и костяные, медные, деревянные, стеклянные – с другой. Наконец, важно отметить, что пуговица указывала на гендерную принадлежность: она была привилегией мужчин вплоть до XIX века.

Немаловажным, на наш взгляд, является и тот факт, что, выполняя сначала чисто утилитарную функцию, пуговица приобрела знаковый код: когда появились петли, стало возможным надежно смыкать полы рыцарского панциря. Было очень важно, в каком порядке заходят полы друг на друга: воин приближался к врагу, продвигаясь вперед левым плечом, которое было защищено щитом. Следовательно, «левая пола должна заходить на правую, чтобы вражеский меч не скользнул в зазор между ними» (Василевич 2005: 63). Таким образом зародился мужской стиль застежки (в от-

личие от женской: справа – налево), который до сих пор и является показателем гендерных различий в одежде.

В наше время основной функцией пуговицы является все-таки утилитарная функция, однако высока и ее эстетическая роль, так как, украшая одежду, пуговица поднимает престиж ее носителя. Сменив пуговицы и пряжки, можно изменить стилевой образ одежды, сделать ее более престижной. Простые пуговицы придают одежде спокойный, классический вид; гербовые металлические подчеркивают парадность и официальность; роскошные пуговицы сложной формы придают одежде нарядность и торжественность.

Таким образом, можно выделить следующие функции украшений: *антропологическую* функцию, *обрядовую* (ритуальную или магическую), *половозрастную, социальную* (статусную), *политико-идеологическую, декоративную*. Все перечисленные функции украшений непосредственно связаны с *утилитарной* функцией.

Первой из перечисленных функций была антропологическая. Именно с помощью украшений человек противопоставлял себя природе, стремился выделиться из природного мира в первобытную эпоху. С помощью татуировок, разукрашивания своего тела наши предки могли рассказать о своей храбрости, выделиться из окружающих.

Наряду с антропологической функцией формируется обрядовая, или ритуальная, функция украшения. В различных этнических группах существовали определенные обряды и обычаи, праздничные ритуалы, где украшения являлись неотъемлемой частью ритуального костюма. Например, общеизвестно, что при встрече весны русские девушки надевали на голову венки, водили хороводы, как бы зазывая к себе весну. Обрядовая функция может рассматриваться и как магическая, задача которой состоит в том, чтобы оберегать человека от злых сил.

С помощью украшений фиксировался переход от одного возраста человека в другой, показывались половые различия. Например, в «Этрурии конца II в. до н.э. пожилые мужчины облачались в длинный хитон, богато украшенный золотой каймой с надписями. Носить такой хитон позволялось только стареющим мужчинам-этрускам» (Береговая 2008: 126). Пожилая женщина-казашка нанизывала на пальцы массивные серебряные перстни, а девочки носили простые незамысловатые колечки. Мальчики и девочки (представители казахского и русского этносов) носили простые пояски, тогда как кожаный пояс говорил о переходе юноши в стадию мужания.

Будучи существом социальным, человек взаимодействует с окружающими его людьми и выполняет различные функции в обществе. «Происходит формирование социальной иерархии общества, на которую также могут указывать украшения. Статусной функции в украшении придается большое значение, так как она определяет положение человека в социальной структуре. Это могло выливаться в определенные запреты, нарушение которых преследовалось законами» (Комиссаржевский 2005: 91). Например,

символом правящей казахской знати служил мех черно-бурой лисицы, которым были оторочены их конусообразные шапки белого или красного цвета. Подарить правителю мех другого зверя – значит, принести ему оскорбление. В Древнем Египте фараон «украшал костюм с помощью круглого накладного воротника-оплечья, который богато декорировался стеклянными бусами и драгоценными камнями» (Брун 2001: 78). В Римской империи «высшая знать украшала свои костюмы золотом, свободные горожане – серебром, а рабы носили только железные украшения» (Береговая 2008: 125).

Политико-идеологическая функция украшений сформировалась в более поздний период развития общества и дополняет статусную функцию. Украшения при этом формируют официальный костюм, т.е. форму. Появляются костюмы военных, чиновников, где украшением являются знаки отличия, партийные значки, тканевые нашивки с элементами партийной принадлежности, гербовые бляхи и т.п.

Одновременно с перечисленными функциями украшения несли в себе и утилитарную функцию, так как служили для драпировки складок, скрепляли и зажимали ткань. Благодаря декоративному назначению украшений, костюм получил эстетическую семантику. Следовательно, говоря о функциях одежды, ее цвете и украшениях, мы можем говорить о феномене полисемантичности, когда одно и то же украшение, цвет одежды несет в себе несколько функций.

Литература:

1. Береговая О.В. Функции и типология костюмных украшений: история и современность // Известия Уральского гос. ун-та. 2008. № 55. С. 119-128.
2. Брун В., Тильке М. История костюма: От древности до нового времени. - М., 2001.
3. Василевич А.П., Мищенко С.С. Обыкновенная пуговица // Энергия. – 2005. – № 9. – С. 60-65.
4. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М., 2006. – 112 с.
5. Комиссаржевский Ф.Ф. История костюма. – М., 2005.
6. Петрова Е.А. Знаки общения. – М., 2001.
7. Степучев Р.А. Костюмографика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2008.

М.Н.Николаева
Новый гуманитарный институт, Электросталь

НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В АМЕРИКАНСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Современная лингвистическая наука характеризуется широким спектром подходов и направлений исследования. Важное место среди них занимает лингвокультурологический подход к изучению языковых единиц.

Интерес лингвистики к лингвокультурологии обусловлен желанием языковедов лучше понять язык в его предназначении выражать культуру. Культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как условие и форма существования данного содержания.

Рекламные тексты уже стали неотъемлемой частью современной жизни. Основная часть из них являются носителями культурной информации.

Главная цель рекламного текста – это побуждение потребителей сделать выбор в пользу рекламируемого товара или услуги, компании или бренда. Рекламный текст должен решать задачи, сформулированные в известной формуле: «AIDA» (англ): а) attention; б) interest; в) desire; г) action (Мамонтов 2005: 113).

Рекламный текст – особый вид текста, отличительная черта которого – максимум информации при минимуме слов, поэтому важным компонентом смысловой структуры рекламного текста является слоган (англ. slogan – лозунг, девиз – сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка рекламной идеи). Языковое оформление слогана обусловлено требованиями краткости и выразительности, что в совокупности обеспечивает его афористичность. Для создания яркости языковой формы рекламного слогана используется целый набор экспрессивных средств, в том числе и национально-маркированных единиц.

Обращение к прецедентным текстам является одним из наиболее излюбленных приемов создателей рекламных текстов. Под прецедентными текстами понимают тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно» (Амири 2007: 154).

Прецедентный текст носит эмоциональный характер, напоминает читателю что-то светлое и радостное, актуализирует значимую для автора фоновую информацию и апеллирует к «культурной памяти» читателя». Применительно к рекламе, основной целью использования прецедентных текстов является «игра с потребителем» для более эффективного закрепления в его памяти информации о том или ином виде товара.

Для создания прецедентности в текстах рекламы часто используются национально-маркированные лексические и фразеологические единицы с целью апелляции к фоновым знаниям потребителя и создания в его сознании позитивного отношения к рекламируемому товару. Учет фоновых знаний покупателей способствует эмоционально ассоциативному восприятию словесных товарных знаков, так создается их связь с национальной культурой.

Именно национально-маркированная лексика воздействует на чувства, желания, ценные ориентации потребителей. Проводя анализ лексики

рекламного текста, можно понять, какими нравственными ориентирами на данном этапе руководствуется современное американское общество.

В рекламе США можно видеть отражение культуры этой страны, образа жизни, нравов, обычаев, специфических черт национального характера американцев, особенностей американского варианта английского языка.

Являясь одной из важнейших групп безэквивалентной лексики, национально-маркированные единицы выступают как своего рода “хранители” и “носители” страноведческой информации.

В результате сплошной выборки текстов американских рекламных сообщений, как печатных, так и телевизионных, были выделены 93 текста, содержащие национально-маркированные лексические единицы, которые в зависимости от частотности их появления можно классифицировать следующим образом: этнографические (30); ономастические (28), культурно-маркированные (22); общественно-политические (13). Основой для систематизации выявленных лексических единиц послужил предметно-тематический принцип.

Наибольшую группу среди этнографических национально-маркированных единиц составляют единицы, обозначающие еду и напитки: ‘candy-coated popcorn; fresh roasted turkey with all the trimmings; veggie; marshmallow; cookie; burger’ и др. в следующих примерах:

«Candy-Coated Popcorn, Peanuts, and a Prize, that’s what you get in Cracker Jack»; «*Fresh roasted turkey with all the trimmings – just like mom’s!!! Pork tenderloin in horseradish sauce with rice, veggies and homemade bread*».

В этих примерах отмечается использование прецедентной реалии ‘roasted turkey and all the trimmings’ – индейка и всё, что к ней положено, ассоциируемой с американским национальным праздником Днем благодарения. Употребление в американском варианте английского языка лексемы veggie означает «овощ» в отличие от британского варианта, где она имеет значение «вегетарианец».

В слогане рекламного текста «*Oh you need fluff, fluff, fluff to make a fluffer nutter, Marshmallow fluff and lots of peanut butter*», используется национально-маркированная единица ‘marshmallow’, обозначающая продукт, напоминающий фруктовую пастилу. В США на пикниках этот сладкий продукт жарят на костре, накалывая на палочки.

Слоган *«Oreo. Milk's favorite cookie»* содержит национально-маркированную единицу, американизм, ‘cookie’, обозначающую небольшую выпечку, печенье.

В примере *«The burgers are better at Hungry Jack's»* используется американизм ‘burger’ (русс. котлета), получивший в последнее время широкое распространение благодаря проникновению сети быстрого питания во многие страны мира.

В следующих примерах рекламного текста мы встречаем другую группу этнографических национально-маркированных единиц, представ-

ленную лексемами, обозначающими деньги, среди них ‘a nickel’ (русс. пятицентовик), и ‘a buck’ (русс. доллар): *«Gee, I wish I had a nickel – Life Savers Candy»; «Corn and cluck for a buck – Kentucky Fried Chicken».* Примечательно, что обе эти национально-маркированные единицы имеют стилистическую коннотацию, являясь коллоквиализмами.

Слоган рекламного текста *«Baseball, Hot Dogs, Apple Pie and Chevrolet»* является сочетанием 4-х национально-маркированных единиц, принадлежащих к тематическим группам «спорт», «еда» и «отдых», и ассоциируемых с образом жизни американцев. Франко-звучащее название марки автомобиля *Chevroleť* может дезориентировать, однако обращение к энциклопедии позволяет установить, что *Chevroleť* – марка автомобилей, производимых и реализуемых одноимённым экономически самостоятельным подразделением американской корпорации General Motors. На русский язык ‘Chevroleť’ переводится как Шевроле, оригинальное (фрацузское) произношение звучит примерно как «Шевроле́», американское произношение – примерно как «Щеврэлей», часто в США для обозначения марки этого автомобиля употребляется сленгизм ‘Chevy’ «Шеви».

Среди ономастических национально-маркированных единиц в американских рекламных текстах больше всего отмечается топонимов, таких как ‘The City; Milwaukee; Del Monte; Rocky Mountains; Poland Spring; Maine; Texas; New York; California’ и др. Например: *«The City never sleeps. Citibank»,* где под выражением «The City» американцы понимают Нью-Йорк; *«The Beer That Made Milwaukee Famous»,* в котором Милуоки – крупный город в штате Висконсин. В примере «*The man from Del Monte says yes – Del Monte»* Дель Монте обозначает курортный город в Калифорнии, а также название железной дороги; а в рекламном слогане *«California. The new art of wine»* указано название американского штата. В контексте *«Brewed with Pure Rocky Mountais Spring Water»* мы видим употребление топонима Rocky Mountains – Скалистые горы – цепь гор в системе Кордильер Северной Америки, на западе США и Канады.

Текст рекламного слогана *«Poland Spring. What it means to be from Maine»* содержит омонимичный топоним ‘Poland’, который за пределами указанного контекста может обозначать название восточно-европейского государства Польша, однако в контексте американского рекламного слогана это обозначение принадлежит городу Поланд, а также горному источнику с аналогичным названием в штате Мэн на северо-востоке США.

В рекламном тексте «*From the Land of Sky Blue Waters*» («Край небесно-голубых озер») наблюдается топоним-прозвище, обозначающий штат Миннесота.

В двух следующих примерах рекламного текста наблюдается не только использование национально-маркированных топонимов, но и национально-маркированных эпонимов, названия известного бренда автомо-

биля в «*Ford is the Best in Texas*» и бренда модной одежды «*DKNY Jeans – The official uniform of New York*».

Интересен рекламный слоган *«Lincoln. Travel Well»,* в котором используется национально-маркированная ономастическая единица *Lincoln*. Сфера применения указанной омонимичной национально-маркированной единицы в американской действительности достаточно широка. Она является антропонимом и соответствует имени Авраама Линкольна, 16-го президента США (1861-1865). В качестве эпонима обозначает марку американского автомобиля, а в качестве топонима ей соответствуют несколько объектов местности – Линкольн (Англия) – город в графстве Линкольншир или Линдсей (Англия); Линкольн (Небраска) – город в штате Небраска (США); Линкольн (округ, Невада) – округ в штате Невада (США); Линкольн (Орегон) – город в штате Орегон (США); Линкольн (Род-Айленд) – город в штате Род-Айленд (США). В анализируемом рекламном слогане эпоним *Lincoln* обозначает марку автомобиля.

В рекламных текстах среди национально-маркированных ономастических единиц также отмечаются антропонимы, выражающие, в частности, прозвища, например ‘Mikey’ или ‘Hillbilly’.

Рекламный текст *«Hey Mikey…He Likes It!»* позаимствовал слоган из одной из самых популярных в Америке телевизионных реклам детских хлопьев, которая переснималась несколько раз с 70-х годов прошлого века. Лексема *Mikey* является апеллятивным именем, обозначающим любого маленького мальчика.

«If it's a King, It's a Hillbilly – If it's a Hillbilly, it's a King», где Хилбилли – имя собственное, с обобщающим значением и относящееся к людям, обитающим в сельских горных районах Соединенных Штатов.

В анализируемых рекламных текстах были обнаружены национально-маркированные единицы, относящиеся к сфере американской культуры, искусства, средств массовой информации.

Например, в рекламе *«The girl from U.N.C.U.R.L»* реализуется каламбур, выраженный омонимом-омофоном. Рекламный слоган шампуня для волос содержит аллюзию на популярный американский сериал о секретных агентах «The Man from U.N.C.L.E», который несколько лет шел на канале NBC. В названии сериала содержится акроним U.N.C.L.E., который расшифровывается как «the United Network Command for Law and Enforcement».

В следующем рекламном тексте *«Arena. Water instinct»,* посвященном аквапарку, наблюдается аллюзия на известный голливудский фильм «Basic instinct» («Основной инстинкт»). Аллюзия становится возможной за счет преобразования семантической структуры названия фильма и замены в исходном названии родного компонента чужим.

Семантическую трансформацию названия фильма можно видеть в рекламном слогане «*Alfa Romeo. Beauty is not enough*», где за внешней

структурой слогана скрыто прецедентное название «The world is not enough» («И целого мира мало») – одной из частей так называемой «бондианы», серии фильмов об агенте 007.

Национально-маркированные единицы, связанные с американской музыкальной культурой, проявляются, в частности, в рекламе товара детской гигиены: «*Don't worry! Be huggies! Be happy! Be huggies*!». которой Фразы «Don't worry! Be happy!» реализуют межтекстовую связь с названием и текстом слов популярной песни Бобби Макферина.

В американских рекламных текстах встретились национально-маркированные единицы, обозначающие общественно-политические символы государства, ассоциируемые с национальной идеей, такие как: 'melting pot'; 'State of Independence'; 'American Dream', например: «*Meltin'Pot. Share life*»; «*Welcome to the State of Independence*»; «*Making the American Dream Come True*».

Для правильной интерпретации значения рекламного слогана *«You can trust your car to the man who wears the star»* требуется знание аутентичной информации: на эмблеме техасской сети автомастерских изображена звезда, являющаяся помимо всего прочего символом штата Техас.

Рекламный текст *«Your choice of bankruptcy attorneys in Silicon Valley»* содержит американизм 'attorney', относящийся к судебной системе и имеющий значение «адвокат» в американском варианте английского языка.

В указанном рекламном тексте присутствует также характерный для США топоним *Silicon Valley* «Силиконовая Долина» (регион в штате Калифорния, отличающийся большой плотностью высокотехнологичных компаний, связанных с производством компьютеров и их составляющих).

Необходимо отметить, что довольно часто в американских рекламных текстах встречается само название страны: *«See America at see level»; «See the USA in your Chevrolet»; «Whenever your hear «Have a coke» you hear the voice of America»* и др.

В американских рекламных текстах нередки случаи использования исконных английских фразеологизмов, подвергшихся трансформации в американской рекламе, например: *«A Mars a day helps you work, rest and play»* (от английской пословицы «An apple a day keeps the doctor away»), где Mars, Incorporated (произносится Марс) – американская продовольственная компания. Штаб-квартира – в городе Маклин, штат Вирджиния.

В американской рекламе встречаются не только национально-маркированные единицы, отражающие американскую действительность, но и единицы из других культур, в основном это топонимы:

«In Soviet Georgia, where they eat a lot of yogurt, a lot of people live past 100»; «Bayer works wonders» (от «Time works wonder» – «Время лечит», Bayer – название аспирина, производимого Bayer AG – международным химико-фармацевтический концерном, одним из крупнейших в своей отрасли.).

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что в американских рекламных текстах преобладают этнографические и ономастические национально-маркированные лексические единицы, в частности топонимы и лексические единицы, отражающие национальную кухню Америки, в основном блюда так называемого «фастфуда». Также в американских рекламных текстах можно встретить большое количество американизмов. Исторические и литературные аллюзии используются очень редко. Это говорит о том, что рекламодатели, обращаясь к массовому потребителю, стараются привлекать внимание американцев с помощью наиболее известных и близких им понятий.

В рекламном тексте апелляция к фоновым знаниям адресата происходит через языковые единицы с ярко выраженной национально-культурной семантикой, что способствуют более эффективному воздействию на сознание потребителя.

Литература:

1. Амири Л.П. Языковая игра в российской и американской рекламе: дисс.…канд.филол.наук. – Ростов-н/Д., 2007.
2. Мамонтов А.С. Кросс-культурный анализ в аспекте рекламоведения //Знание. Понимание. Умение. – М., 2005, № 1. – С.111-116.

Список источников примеров:

1. http://www.textart.ru/database/english-advertising-slogans
2. http://www.tvacres.com/adslogans_a.htm

И.М. Петрачкова
Гомельский государственный медицинский университет, Гомель (Беларусь)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Полноценное изучение языка другого народа возможно при условии проникновения в образ мышления нации, во взгляды на мир носителей языка иной культуры, в их менталитет, традиции, особенности, самобытность и неповторимость. Понимание образа мышления представителей разных наций – это необходимое условие успешного межкультурного общения, полного понимания партнера по коммуникации. Имена людей – это тоже часть истории народа, а также важный составляющий компонент межкультурной коммуникации. «С выяснения имени начинается знакомство людей друг с другом. Собственные имена чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей» (Ермолович 2001: 3). В именах собственных (далее ИС) отражается быт, верования, чаяния и художественное творчество народа, его исторические контакты. Сравнивая ИС разных культур, можно выявить универсальные и национальные черты языковой ментальности людей.

Проблема личного имени в культуре народа, национально-ментальные стереотипы, обусловливающие выбор формы имени в том или ином контексте, остаются актуальными для полноценного овладения русским языком студентами-инофонами. Ещё Дейл Карнеги в своей известной книге "Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей" отмечал, что имя человека – это самый сладостный и самый важный для него звук на любом языке. Безусловно, каждого человека больше всего интересует его собственное имя, чем любые другие имена во всем мире, взятые вместе. У русских в давние времена имена давались как тотемные, как обереги, как заклинания. Так нередко происходит сейчас и у представителей туркменской, казахской и индийской культур. При наречении ребенка в восточных семьях имена подбираются как заклинания, пожелания. Желают ребенку, чтобы он был богат, жил в достатке, назовут *Алтынбек* (мальчика) или *Алтынай/Алтын* (девочку) («алтын» – золото). Хотят родители, чтобы ребенок был умным, дают имя *Акылбек* (мальчик), *Хеким* (от *араб*. «хаким» – мудрец, знающий) или *Акылай* (девочка) («акыл» – ум), свободным и независимым – *Азат* (от перс. – свободный), щедрым и благородным – *Кирим* (от араб. «карим»– великодушный, благородный; щедрый), красивой – *Гузель* (от тюрк. – красивая, прелестная) и под.

Особенно трепетно, как показывают проведенные наблюдения, к своим личным именам относятся представители индийской культуры. Среди иностранных студентов, приехавших из Индии, 85% респондентов достоверно известны происхождение и этимология своих личных имён: *Раджат* – "серебро", *Винай* – "покорный, смиренный, скромный", *Ашок* – "всегда счастливый", "имя короля (императора)", *Анкит* – "впечатление", "производящий впечатление на кого-нибудь или что-нибудь", *Судхир* – "храбрый", *Шина* – "сияние, свет", *Сириша* – "цветок солнца", *Арчана* – "которой поклоняются, обожаемая", *Нериджала* – "приятная (привлекательная) картинка" и проч. Как видим, знание носителями этимологии антропонимов свидетельствует о том, что в восточной культурной традиции ИС помимо своей традиционной номинативно–идентификационной функции выполняет также и особое сакральное профилактико-пожелательное предназначение.

Национальный менталитет мусульман долгое время формировался под влиянием Корана, поэтому поведение персонажей этой книги возводилось в абсолют и должно было стать образцом для читающих и знающих Коран. Мыслительная и поведенческая интерпретация Корана постепенно находила отражение в языке, закреплялась в нем в виде языковых соответствий объективному содержанию мыслительного процесса, передаваемого от одного индивида к другому, т.е. в виде универсальных языковых концептов, что, безусловно, нашло свое отражение и в антропонимиконе представителей данной культуры. Вот наиболее типичные мусульманские имена: *Абд* (араб.) – раб Аллаха (от *Абдаллах*, *Абдулла*), *Абдаллах* – раб (слуга) Аллаха *Абдулали* – раб Высочайшего (от *Абдулла* + *Али*), *Абдулалим* – раб

Всезнающего (от *Абдулла + Алим*), *Абдульбасыт* – раб Расстилающего, Доставляющего людям жизнь (от *Абдулла + Басыт*), *Абдульвадуд* – раб Любящего (от *Абдулла + Вадуд*), *Абдульвахаб* – раб Дарующего (от *Абдулла + Вахаб*), *Абдульвахид* – раб Единственного (от *Абдулла + Вахид*), *Абдулькадир* – раб Всемогущего (от *Абдулла + Кадир*), *Абдулькарим* – раб Щедрого (от *Абдулла + Карим*), *Абдулькахар* – раб Господствующего (от *Абдулла + Кахар*), *Абдулькудус* – раб Священного, Свободного от всех недостатков (от *Абдулла + Кудус*), *Абдульлатыф* – раб Доброго, Милостивого, Милующего (от *Абдулла + Латыф*), *Абдульмаджид* – раб Могущественного (от *Абдулла + Маджид*), *Абдульхади* – раб Ведущего верным путем (от *Абдулла + Хади*), или *Хафиз* (*араб*.) – «человек, знающий наизусть *Коран*; защитник; унижающий» и другие онимы.

Важным в системе межкультурной коммуникации является запоминание преподавателем иноязычного ИС и непринужденное употребление его. Этим самым мы делаем человеку тонкий и весьма эффективный комплимент. Но стоит только забыть имя или неправильно произнести его и мы сразу же ставим себя в весьма невыгодное положение. Возможно, именно поэтому очень часто, например, китайские студенты называют не свои национальные имена, а берут себе для более удобного, благозвучного произношения и восприятия русские антропонимы, причём, преимущественно в сокращенной форме: *Таня, Миша, Лена, Коля, Витя,* которые связываются в нашем понимании с ситуацией "ты" – общения, как правило, для установления неформальных, дружеских отношений.

Безусловно, что в активное употребление с первых шагов изучения русского языка входит называние по имени-отчеству собственного преподавателя, а также сотрудников учебного заведения, к которым студент должен будет обращаться. В отличие от русской традиции называния, существования паспортной формулы "фамилия + имя + отчество", особенностью, например, индийского антропонимикона является отсутствие такой чёткой модели, поскольку эта страна, несмотря на свою самобытность, следует западным традициям, (напомним, что Индия долгое время была английской колонией). И поэтому в процессе коммуникации зачастую отсутствует употребление полной формы имени. Однако в паспортной записи, а также иногда при официальной форме общения у некоторых людей в личном имени встречается третий компонент полного называния человека. Тем не менее, этот компонент не всегда указывает на имя отца. В некоторых случаях, по нашим данным, это может быть имя дедушки или какого-нибудь другого родственника, предка. Этот элемент также может обозначать принадлежность к тому или иному роду, сословию или так называемую кастовость (например, *Сингх* – (для мужчин), *Каур* (для женщин), или же он является данью определенному стилю, обычаю, моде и выступает как своеобразное языковое средство, используемое в речевой практике (в частности, *Кумар*: ср. *Сурeш Кумар, Адарш Кумар*, *Паван Кумар* и др.).

Таким образом, имена как ономастические реалии, «содержащие фоновую информацию, неопровержимо свидетельствуют, сколь глубоко уходят в народный язык и сколь глубоко разветвляются в нем корни национальной культуры» (Виноградов 2004: 116). И понимать имена, «прочитывать» их – значит глубже понять культуру народа, а это необходимо для качественной, правильной и адекватной коммуникации. Несмотря на то, что каждый народ в своей культурной традиции выработал особые способы называния человека, обращения к нему, соответствующие определенной коммуникативной ситуации, основным долгом преподавателя-русиста, работающего в иностранной аудитории, является, прежде всего, сохранение национальных богатств и обычаев русского языка наряду с глубоким уважением, пониманием и признанием специфики и неповторимости ментальных ценностей других народов.

Литература:

1. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. – М., 2004.
2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М., 2001.

С. Сунь
Фуданьский университет, Шанхай (Китай);
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ

Известно, что с помощью невербальных средств общения порой можно сказать не меньше, чем с помощью слов. Особого внимания эти средства заслуживают тогда, когда общаются носители разных языков. Основанные на культурных и общественных традициях, невербальные средства общения людей разных стран отличаются друг от друга. Правильное понимание значения жестов и мимики помогает избежать возникновения недоразумения или неловкости. Давайте сравним невербальные средства общения в России и в Китае.

Сопоставляя их, мы можем отметить, что повседневные коммуникативные жесты не сильно отличаются. Когда люди счастливы и веселы, они улыбаются. Когда они печальны, они хмурятся. Когда сердятся, у них сердитый взгляд. Когда о чём-то задумываются, всегда подставят руку под щёку. Кивание головой обозначает «да», а качание головой – «нет». «Пожимание плеч» выражает непонимание. Очень невежливо показывать на что-либо, особенно на человека, пальцем: если нужно показать, всегда указывают всей рукой. В то же время нельзя не заметить, что на фоне своей культуры русские и китайцы поступают по-разному. Наше исследование сосредоточивается на следующих обыденных ситуациях.

1) Жест благодарности.

В Китае эмблематическим знаком являются поклон и прикладывание руки к груди, что означает большую искренную благодарность, а русские считают этот жест излишне вежливым. В рамках китайской культуры он характеризуется скромностью. Кроме лёгкого наклона головы и долгого держания за руку, которые совпадают в двух странах, у русских ещё принято того, кому выражают благодарность, поцеловать и заключить в объятия.

2) Жест привлечения внимания.

У русских для обращения на себя внимания собеседника принято размахивание кистью на уровне головы или несколько выше головы. Этот жест используется для тех, кто находится на расстоянии. К тому же он влючает в себя выражение дружеского отношения к собеседнику и может нести информацию "Я здесь". В Китая раньше мало использовали этот жест из-за его чрезмерной заметности. Для привлечения внимания взгляд и поднимание брови являлись хорошими способами. В настоящее время поднятая вверх рука тоже популярна, как и в России.

3) Жест одобрения.

В Китае и России жесты, выражающие одобрение, почти одинаковые: это поднятие большого пальца или рука на плече собеседника и похлопывание по плечу. Они выражают тепло, радость и симпатию. Поднятие большого пальца можно признать фамильярным жестом, выражающим оценку и означающим "Отлично!" Другой жест выполняется энергичным движением правой руки вперед от плеча с фиксацией положения. В нем присутствует силовой элемент.

3) Жесты приветствия.

В России рукопожатие, как правило, встречается как у молодых, так и у взрослых мужчин при обычной встрече, но также имеет место в официальной встрече. С точки зрения китайцев, такой жест носит силовой характер. Для китайского жестового стиля общения рукопожатие используется на официальном уровне при знакомстве и встрече малознакомых или давно не видевшихся людей. Особенностью китайского рукопожатия является характер его выполнения: мы можем жать руку партнёра двумя руками или долго трясти её, выражая, таким образом, своё уважительное отношение.

Как правило, при встрече с близкими друзьями мы сердечно улыбаемся друг другу, а русские обнимаются и целуются. Поцелуй у русских принят в щёку и распространён между друзьями и родственниками. Поцелуй менее знакомого человека означает дружескую симпатию и радость от встречи. Поцелуй между мужчинами тоже возможен, если они родственники, например: отец и сын, дед и внук. Несмотря на то, что поцелуй как регулятивный жест помогает собеседникам сократить расстояние физически, сблизиться душевно, он никогда не наблюдается в Китае. Это объясняется тем, что консервативность издавна влияла на формирование нашего

национального характера, и по сравнению с нами русские, в чем-то унаследовавшие европейскую традицию, более эмоциональные и открытые.

Можно отметить, что культурно обусловленные компоненты играют важную роль в различии невербальных систем русских и китайцев, формируя их особенности. В условиях нынешней глобализации хорошее знание о своеобразии невербальных средств разных стран является первой необходимостью в общении с иностранцами и помогает нам понимать друг друга.

Однако понимание невербальных средств, имеющихся в запасе у носителей другого языка, не означает отсутствия различия в практическом общении. Хотя у нас в Китае есть пословица «Вступая в чужую страну, соблюдай её обычай», на наш взгляд, приспособления далеко не достаточно. Лучше, уважая чужое достоинство, одновременно рассказывать и о своей культуре. Это способствует успешности межкультурного взаимодействия.

С.Ю. Хованова
Московский городской педагогический университет, Москва

АНГЛИЙСКИЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ТИПА *PUSH-UP* В КАЧЕСТВЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Проблемы взаимодействия и взаимоотношения языка и окружающего мира, языка и культуры играют важнейшую роль при совершенствовании самых разных форм коммуникации. За каждым словом стоит определенный предмет или явление реального мира; однако между миром и языком стоит носитель языка, человек мыслящий. Именно человек, осмысляя результаты восприятия мира, пропустив их через свое сознание, передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» (Тер-Минасова 2000).

Отсюда **язык, мышление** и **культура** взаимосвязаны настолько тесно, что каждый из этих компонентов единого целого не может существовать без двух других. Вместе они соотносятся с реальным миром, зависят от него, отражают и одновременно формируют его (там же).

В процессе развития человечества всегда параллельно происходит развитие языка, который является системой открытой, динамичной и мобильной. Одной из актуальных проблем современной лингвистики является взаимодействие и взаимовлияние языков, ярким примером чему можно считать появление и функционирование в одном языке слов другого языка.

Для начала XXI-го века характерно еще большее расширение сфер самых разных контактов между странами, где языком международного общения становится английский язык. Важная политико-экономическая

роль англоязычных стран в мире, их превосходство в некоторых сферах деятельности в значительной степени активизируют появление и использование англицизмов в других языках.

Сегодня фраза типа «Академия Рожниковского. Кейтеринг эвенты» выглядит на русском языке, возможно, привлекательно, но, вместе с тем, не очень понятно. А. Кронгауз называет это «эффектом неполного понимания», когда люди готовы смириться с тем, что не все понимают в тексте, хотя и написан этот текст по-русски (Кронгауз, см. Чайковская 2010: 94). С другой стороны, как заметил еще В.Г. Белинский «Слово мокроступы очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом галоши; но ведь не насильно же заставить целый народ вместо галоши говорить мокроступы, если он этого не хочет» (цит. по (Горбачевич 1990)). Таким образом, находясь в поисках отечественных аналогов, необходимо найти разумный компромисс, учитывая общую тенденцию к интернационализации, а также наличие профессионального языка.

Одной из отличительных черт современного английского языка является наличие в нем значительного количества слов, образованных по конверсии, в том числе и имен типа *trade-in*, образованных от фразовых глаголов. Номинативные единицы данного типа сегодня активно используются и в русском языке. Похоже, что сегодня уже никого не удивляет использование без перевода таких слов и выражений как: Пиши **фидбек** (feedback) разработчикам; Лучший **локдаун** (lockdown) в игре!; «**Пикап** (pick-up) или правила съема?» (название фильма); ООО «**КЛИНАП»** (clean-up) (Общество с ограниченной ответственностью «Клинап»); или «Вчера **Кликон** (click-on) привез Яндекс, 9 часов информации, а толку?» (название статьи в интернете). Однако встает вопрос: насколько необходимо, обосновано и чем обусловлено использование таких английских заимствований в русском языке?

Таким образом, объектом исследования в данной статье стали фразовые отглагольные имена, используемые в русском языке в транслитерации; другими словами, речь идет не столько об имени *trade-in*, сколько о его русском варианте *трейд-ин.* Предлагаемый анализ проводился в рамках одного из наиболее актуальных на сегодняшний день подходов к исследованию языковых единиц, а именно **когнитивно-дискурсивного.** Адекватное познание языка и языковых явлений происходит при исследовании их в двух системах координат, а именно на пересечении когниции и коммуникации, что является обязательной установкой когнитивно-дискурсивного направления (Кубрякова 2004: 325).

Итак, заимствованные слова появляются наиболее активно в самых разнообразных сферах бизнеса, финансов, компьютерных технологий и других современных областях жизни человека. Так, одна из популярных сегодня услуг на рынке автомобилей заключается в обмене старого автомобиля на новый с доплатой по схеме trade-in **(трейд-ин),** что выражено

интересующим нас именем, образованным от фразового глагола. Это новшество, изначально возникшее в Америке, не имело ранее аналогов в России; лишь в 2009 г. цена продаваемого дилером по системе трейд-ин автомобиля стала доступна для жителей России, и термин стал активно использоваться и в нашей стране. Так, автомобильный концерн Ситроен в своей рекламе предлагает в одном из автоцентров Москвы следующие виды операций:

Ситроен

Продажа. Сервис. TRADE-IN. Кредит.

В данном случае английское фразовое отглагольное имя *trade-in* стоит в одном ряду с русскими словами, хотя и используется без перевода. Возможно потому, что не существует точного однословного эквивалента в русском языке. Предлагаемый термин *обмен* не совсем точен и требует обязательного описания деталей такого обмена, в то время как рекламный текст должен быть максимально лаконичным.

Возникший изначально для операций с автомобилями, термин *trade-in* употребляется сегодня и в других областях, например, на рынке сотовых телефонов. Так, на сайте известной на отечественном рынке компании Альт Телеком предлагается:

Обмен с доплатой (NEW!!!)

Компания Альт Телеком предлагает Вам воспользоваться новой гранью услуги КОМИССИОННАЯ ТОРГОВЛЯ: С 1 мая, в 10 салонах нашей сети, стартовала услуга «Обмен с доплатой»!

Давно хотели новый телефон? Теперь телефон вашей мечты ближе к вам как никогда раньше! Обменяйте свой старый телефон с доплатой на новый телефон! (alttelecom.ru/).

Причем в данном случае употребляются только русские эквиваленты термина *trade-in*, такие как *Обмен с доплатой; Комиссионная торговля.* Вместе с тем в Московском метро появилась реклама вышеназванной услуги той же компании Альт Телеком, где используется несколько другой текст:

ОБМЕН С ДОПЛАТОЙ

Сотовый ***трейд-ин***

Надоел старый телефон?

Принеси его нам.

Доплати и бери новый!

Альт Телеком

В данном случае уже используется транслитерированный вариант данного конверсива, а именно слово *трейд-ин (trade-in),* что вероятно продиктовано стремлением еще больше привлечь, заинтриговать потенциального покупателя, ведь даже не зная значения данного слова, можно легко догадаться о чем идет речь, поскольку ниже следует объяснение. Однако заметим, что спустя некоторое время текст рекламы в метро был использован уже без транслитерированного имени трейд-ин, что, вероятно, указы-

вает на ряд трудностей при восприятии рекламы с иноязычным словом, которое не способствовало увеличению продаж телефонов.

Определенный интерес представляют собой имена, образованные от фразовых глаголов, которые используются как **термины** в той или иной сфере человеческой деятельности. Так, целый ряд таких единиц используется в карточной игре - покере. Например, ***бай-ин*** (buy-in) - сумма, с которой игрок садится за стол; ***катофф*** (cutoff) - позиция одного из игроков; ***фризаут*** (freeze-out) - форма проведения турнира, при которой игрок вылетает, когда проигрывает все свои фишки; ***лэйдаун*** (laydown) - просто сброс своих карт и соответственно выход из розыгрыша и целый ряд других терминов данного типа. Обратим внимание, что как сама игра, так и термины, использованные в ней, представляют собой закрытое «общество», куда посторонним вход воспрещен. Данные единицы не составляют пласт общеизвестной лексики, а используются лишь игроками в покер, а также людьми, имеющими отношение к этой карточной игре. Только в этом случае они понятны и уместны; употребление же данных единиц в других ситуациях может ввести в заблуждение и не способствовать продолжению контакта.

В настоящее время, как считает Л.П. Крысин, наблюдается «мощный процесс интернационализации терминологии - он действует не только в банковской сфере, кредитной и финансовой, но и в других областях», например, как мы показали выше, в покере. Если специалистам в данной сфере, которые живут в разных странах, легче понимать друг друга с помощью одних и тех же терминов, то ясно, что эти термины будут приживаться. Объективность такова, что английские термины имеют преимущество (Крысин 1996).

Несомненно, **безэквивалентная лексика** наиболее ярко и наглядно иллюстрирует идею отражения языком действительности, однако по данным Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова ее удельный вес в лексическом составе языка невелик: в русском языке всего 6-7% (Верещагин, Костомаров 1990: 51). Более сложной оказывается ситуация, когда одно и то же понятие поразному — избыточно или недостаточно — словесно выражается в разных языках. Рассмотрим некоторые примеры из глянцевых журналов для женщин. Одним из наиболее распространенных слов, встречающихся в многочисленных названиях статей, заголовков, рубрик и т.д., является фразовое отглагольное имя ***makeup*** «макияж; косметика», например, *New Fall* ***Makeup*** *-* Обзор тенденций в макияже нового осеннего сезона (Harper’s Bazaar).

Данное слово является одним из лидеров среди англицизмов, которые перешли в русский язык без перевода. Так, русская версия глянцевого журнала Cosmopolitan предлагает тематические форумы, один из которых называется *Парфюмерия и* ***мейк-ап****, красота* (forum.cosmo.ru). Другие заголовки в интернете звучат так: *Мейк-ап за 5 минут. Схема быстрого макияжа для тех, кто всегда хочет быть на высоте* (askwoman.ru) или ***Мейкап*** *от Rose Chandal.* Курс обучения визажу для себя «Если хочешь

быть красивой каждый день» (rcschool.ru). Интересно, что в двух последних примерах единица *мейк-ап* продублирована другими, синонимичными ему словами, а именно *макияж* и *визаж*, что говорит все же о неустоявшемся положении транслитерированного имени *мейкап* в русском языке.

В действительности путь от реальности к слову (через понятие) сложен и многопланов. Усваивая чужой, новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир. Так, сегодня как никогда популярно в русском языке другое английское фразовое отглагольное имя, а именно пуш-ап (***push-up)***. Пуш-апом называется и силовой тренажер для занятий спортом, и все, что связано с безоперационным увеличением женской груди: пищевые добавки или специальные бюстгалтеры с вкладываемыми поролоновыми подушечками. Последнее значение наиболее популярно среди женского населения. Например, журнал «Семь дней» посвятил одну из летних статей разнообразным купальникам, при описании которых активно используется слово пуш-ап. Одной известной ведущей вставочки «пуш-ап» помогли выиграть дефиле купальников на конкурсе «Мисс Вселенная»; другая актриса выбирает модели с «пуш-апом» для придания худенькому телу больше женственности, а кто-то предпочитает купальники без всяких там «пуш-апов» («Семь дней» 2010 г.). Все фразы с использованием слова пуш-ап, с одной стороны, делают речь более лаконичной и современной, иллюстрируя транспонирование в свое сознание, в свой мир понятий из другой культуры. С другой стороны, несколько уводят русскоязычного читателя от основного значения данного слова, что, впрочем, в данной ситуации вполне оправдано.

Сегодня происходит активное использование имени пуш-ап (push-up) и в других сферах жизни. Не так давно на российском рынке появилась серия средств по уходу за волосами *Push-Up Объем* марки Schauma, которая разработана специально для тонких и ослабленных волос. *Push-Up Объем* укрепит волосы и придаст им до 100% объема. В случае с понятием пуш-ап ключевым словом, как при описании разнообразных средств для увеличения груди, так и при описании данного вида шампуня является понятие *объема*. Интересно будет отметить яркий образец явления **аллитерации** в следующем ряде слов: **Ш**варцкопф (Schwarzkopf), **Ш**аума (Schauma), которая сегодня в Германии и в России является синонимом слова «**ш**ампунь»; а также пу**ш**ап (push-up) и выражение «пы**ш**ный объем», в каждом из которых присутствует шипящий звук /ш/, позволяющий произвести не только смысловое, но и звуковое впечатление, например, увеличивающегося объема.

Типичным для разговора современных молодых людей является другой текст на русском языке, посвященный ночным клубам:

Основная причина, по которой люди ходят в ночные клубы, — это знакомство с противоположным полом. Все остальные факторы лишь помогают сузить круг поиска — там дешевле бар, здесь лучше звук, строже

фейсконтроль, интереснее ***лайнапы*** *— все это в конечном итоге работает на качество и количество приходящих в клуб одиноких сердец* (timeout.ru).

В данном отрывке используется интересующее нас имя, образованное от фразового глагола, а именно ***лайнап*** (line-up), которое в данном контексте на русский язык можно перевести как «список приглашенных участников или музыкальных групп, участвующих на вечеринке или в концерте». Лайн-апом обычно называют список увеселительных мероприятий, намеченных в клубе на ночь или список диджеев и артистов, которые должны выступать в этот день, обычно – с указанием времени, когда начинается выступление того или иного музыканта. *«Ух, ты видел какой лайн-ап на этой пати? Обязательно нужно пойти!» - примерно такой разговор клабберов.* В последней фразе, которая стала уже типичной для современной молодежи, использованы три англицизма: лайн-ап (line-up), пати (party) и клаббер (clubber). С одной стороны, данный факт говорит о том, что данные слова могут войти в разряд специальной лексики. С другой стороны, имя лайн-ап достаточно часто встречается не только в неформальных беседах молодых людей, но и во многих заголовках, например, на музыкальных сайтах: 1) *«Пикник Афиши» объявил* ***лайнап****» - «Пикник Афиши», крупнейший в Москве музыкальный фестиваль на открытом воздухе, объявил состав исполнителей (*openspace.ru); 2) ***«Лайн-ап*** *(Line-up) Казантипа 2010!»* (chillmix.ru); 3) «***Лайнап*** *Фестиваля музыки и спорта журнала Men's Health»* (mhealth.ru) или 4) *«Стал известен предварительный* ***лайн-ап*** *«Коктебель Джаз 2010»»* (newsmusic.ru). Интересно заметить, что если в первом примере в последующем подзаголовке используется перифраз: лайн-ап - состав исполнителей, а во втором случае рядом приводится английский вариант слова: *Лайн-ап (Line-up),* то в двух последних примерах данное слово используется совершенно автономно.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что фразовые отглагольные имена, как и многие другие заимствования, входят в русский язык по ряду причин. Прежде всего, это появление новой терминологии (язык компьютера, экономики, финансов, интернета и т.д.), обусловленное тем, что определенные явления зародились в других культурах англоязычных стран и для этого изначально существовал лишь английский термин, например, trade-in в сфере купли-продажи автомобилей.

Весьма актуальна и некоторая завуалированность значения, которая свойственна терминам, используемым в определенных сферах жизни человека (например, в покере, компьютерных играх), которая позволяет отнести говорящего к тому или иному закрытому сообществу, со своей собственной культурой.

Не менее важной оказывается и дань моде, когда знание английского языка считается престижным. Зачастую люди, используя англицизмы, в частности фразовые отглагольные имена хотят выглядеть модно и тем самым завоевать уважение собеседника. Так, на их взгляд, слово *мейкап* зву-

чит привлекательней слова *макияж*, а *пушап* намного интереснее, чем *средство для придания объема*. Нельзя также забывать и про экспрессивность новизны: английское слово *лайнап* звучит более лаконично и свежо, чем русское сочетание *состав исполнителей*.

Не вызывает сомнения тот факт, что английские имена, образованные от фразовых глаголов, необычайно лаконичны и компактны, а для их адекватного перевода на русский язык зачастую требуется не одно слово (как в английском языке), а аналитическая дескрипция. Все это и объясняет их активное использование в русском языке в транслитерации.

Литература:

1. Горбачевич К. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка). Русистика. Берлин, 1990, № 2. С. 70-80. (Электронный ресурс) - Режим доступа: http://philology.ru/linguistics2/gorbachevich.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН ИЯ. – М., 2004.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация, 2000. (Электронный ресурс) - Режим доступа: http://i-u.ru/biblio/archive/ter_jasik/.
5. Чайковская А. Меняющийся язык в меняющемся мире // ГЕО. М., июль 2010 (148), С. 88 - 94.

Источники примеров:

1. Альт Телеком <http://www.alttelecom.ru/services/>
2. Семь дней. №27. 5-10 июля 2010 г.
3. AskWoman <http://www.askwoman.ru/>
4. ChillMix <http://chillmix.org.ua/news/>
5. Cosmopolitan Forum <http://forum.cosmo.ru/index./>
6. Harper’s Bazaar <http://www.harpersbazaar.com/>
7. Men’s Health <http://www.mhealth.ru/blog/mh_fest_news/>
8. News Music <http://newsmusic.ru/news>
9. Open Space <http://www.openspace.ru/news/>
10. Rose Chandal School <http://www.rcschool.ru/>
11. Time Out <http://www.timeout.ru/journal/feature/10678/>

А.В. Чекалова
Новгородский государственный университет им. Ярослава мудрого,
Великий Новгород

ШВЕДСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ В КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫХ КОНЦЕПТАХ

Особенности мировосприятия того или иного народа закреплены в основных концептах национального языка. Концепт представляет собой культурно отмеченный смысл, вербализованный в отдельных словах или более крупных языковых единицах. Изучению концептов в последние годы посвящено огромное количество лингвистических исследований.

Изучению ключевых шведских концептов посвящены некоторые курсовые и дипломные работы студентов НовГУ на факультете лингвистики и межкультурной коммуникации. Результаты выполняемых работ на данном этапе еще не позволяют делать какие-либо однозначные выводы, но предварительный анализ материала уже дал ряд любопытных наблюдений в отношении ключевых идей шведского языкового сознания. Некоторые из них представлены ниже.

Как выяснилось, высокую культурную значимость в шведском языковом сознании имеют представления об *умеренности* и *нейтральности, надежности* и *безопасности*, *натуральности* и *подлинности*. Эти представления закреплены в той или иной степени в ключевых концептах шведской языковой картины мира. Проиллюстрируем это на примере некоторых концептов.

Концепт trygghet – «надежность», «безопасность». Шведское прилагательное *trygg* в Большом русско-***шведском*** и шведско-русском ***словаре*** переводится как *спокойный, надежный.* Большой шведско-английский словарь предлагает следующий перевод этого прилагательного: *safe, secure, comfortable.* Однако, содержание понятия *trygghet* не исчерпывается данными словарными эквивалентами.

Шведский *trygghet* – это состояние защищенности человека, в котором он ощущает себя спокойным и уверенным в том, что с ним не произойдет ничего из того, с чем он не сможет справиться, и что необратимо повлияет на его будущее. Противоположное состояние шведскому *trygghet* – экзистенциальный Angst (шв. ångest), означающий состояние страха и тоски из-за невозможности контролировать происходящее, отсутствия логики в событиях, которые неотвратимо влияют на жизнь человека.

Идея о безопасности и надежности существования и связанным с ними состоянием *комфорта* является ключевой для шведских представлений о счастье и благополучии. Эта идея является центральной и в других шведских концептах, отражающих положительные стороны жизни. *Trygghet* составляет также основу идеологии «шведской модели социализ-

ма», как ее называли в Советском Союзе, или «общества всеобщего благосостояния», как эту модель называют теперь.

Интересно отметить, что стремление к стабильности и надежности имеет определенную значимость не только в шведском мировосприятии. Оно является нормой полноценного существования и в немецкой, и в англо-саксонской культуре в целом (см., например, комментарий А.Вежбицкой относительно роли концепта Angst - «страх» в немецкой культуре (Вежбицкая 1999: 601-602)), но именно для шведов надежность как ценность доминирует над стремлением к успешности, оригинальности, независимости. Как ни странно, потомки викингов, отправляющихся в рискованные морские походы, ведомые жаждой приключений и завоеваний, теперь превыше всего ценят надежность, покой и безопасность.

Интересно также отметить, что в русской культуре стабильность и надежность не считаются доминирующими ценностями. Напротив, ряд исследований русской языковой картины мира (напр. Левонтина, Шмелев 2000) позволяет говорить о культурной значимости совершенно других ключевых идей, например, таких как «широта души» и удаль.

Культурно более значимая для русского человека идея стихийности и душевного порыва также оправдывает непредвиденные излишества и расточительство, состояние бездействия и лени, приветствует умение навалиться и все сделать одним махом, когда это действительно необходимо. Русская ментальность контрастирует в этом вопросе со шведской неспешностью, последовательностью, рационализмом. Шведский *trygghet* строится на гарантированном порядке в общественном устройстве жизни, рутинном выполнении правил и предписаний, предсказуемости событий. Такой жизненный подход кажется русскому человеку скучным, нетворческим и несвободным.

Шведское состояние защищенности и *покоя* зиждется на убеждении, что при возникновении непредвиденных негативных событий в жизни, с ними можно справиться, руководствуясь разумными последовательными решениями и соответствующими действиями. Русские ценностные установки определяют стремление к *покою* как к состоянию отрешенности и созерцательности, бездействия, т.к. все равно ничего нельзя изменить.

Концепт snäll – «добрый», «порядочный». Прилагательное *snäll* в Большом русско-***шведском*** и шведско-русском ***словаре*** переводится как *добрый, послушный.* В Большом шведско-английском словаре это прилагательное переводится как *good, kind, nice.*

Можно сказать, что если *trygg-«спокойный»* – это основное состояние шведа, то *snäll-«добрый»* – это его основное умонастроение в повседневной жизни, в отношении к другим людям и к тому, что происходит вокруг. Шведским детям с ранних лет внушают, что *man ska vara snäll – нужно быть добрым, хорошим*. Эти же слова шведский ребенок повторяет вслух, когда он идет делать то, что нужно, а не то, что ему хочется – *man ska vara*

snäll. Шведский дед мороз, собираясь дарить детям подарки, спрашивает именно про это качество поведения: *finns det några snälla barn här?*

Анализ словарных статей в шведских толковых словарях, а также анализ контекстов употребления слова *snäll* и его производных позволяет говорить о том, что главный смысловой компонент в данном шведском концепте – *доброта*. Однако, это не доброта в русском понимании, как доброта души и по велению сердца, а доброта как выбор отдельного человека следовать нравственным императивам, принятым в обществе. Когда швед *snäll*, он знает, как нужно и принято поступать, и он осознанно делает именно так, хотя, может, его душе было бы угодно поступить иначе.

Таким образом, шведское понятие доброты и порядочности определяется рационализмом, положительной оценкой норм общественного порядка и предсказуемостью реакции окружающих на соответствующее поведение. Уверенность в том, что по отношению к любому человеку в шведском обществе будут руководствоваться представлениями о том, что он *snäll* и заслуживает такого же доброго отношения, связана, таким образом, с ключевой идеей о надежности и безопасности, проявившейся и в данном концепте.

Концепт duktig – «способный», «молоде́ц», «умница». Прилагательное *duktig* в Большом русско-***шведском*** и шведско-русском ***словаре издательства*** переводится как *способный, умный.* В Большом шведско-английском словаре это прилагательное переводится как *clever, good, sound.*

Не смотря на то, что обычно *duktig* переводится на русский язык прилагательным *способный*, основными компонентами шведского концепта являются такие значения как старательный, усидчивый, трудоспособный. Шведы считают, что *duktig* – это тот человек, который добился хороших результатов благодаря приложенным усилиям, затраченному времени, упорному труду и отсутствию лени. Таким образом, положительная оценка дается усилиям, приложенным для достижения результата, а не способностям и умениям человека. Интересно, что в русском языковом сознании, наоборот, ценностное предпочтение отдается одаренности и таланту, а не упорству и усидчивости: хорошо, когда человеку даны способности от природы, и он может достичь чего-либо без каких-либо дополнительных усилий, делать это лучше других легко и играючи. В русском языковом сознании даже лень имеет положительную аксиологическую оценку, если это лень одаренного человека – ему не нужно прилагать усилия для выдающихся достижений, как другим, он быстро наверстает упущенное в силу своих способностей и талантов.

Компонент *умный* в том значении, в котором он принят в русском языковом сознании не реализуется в шведском *duktig* вообще: *duktig* не включает в себя как доминанту способность человека «быстро соображать, легко обучаться, делать верные выводы, видеть суть, руководствоваться здравым смыслом, вести себя осторожно и расчетливо, быть практичным, проявлять чуткость и понимание, остроумие и находчивость» (Карасик 2002: 198).

Таким образом, швед ориентирован на справедливость общественного порядка, чувствует себя *trygg* – «защищенным» и ведет себя *snäll* – «по-доброму» и знает, что для того, чтобы уважать себя и быть полезным обществу, ему нужно быть *duktig,* т.е. упорно трудиться. Результат жизненных усилий будет положительным, так или иначе, независимо от врожденных способностей.

Следует также добавить, что данные представления напрямую связанны и с положительной оценкой *умеренности* в шведской культуре. Изучение идеи умеренности и ее выражения в шведском языковом сознании еще только предстоит провести, но предварительный анализ шведского материала уже предполагает интересное сопоставление с русской культурной и языковой традицией в отношении описания свойств человека. Шведская сдержанность в суждениях и нейтральность оценок, закрепленных в языке, явно контрастирует с постоянным русским стремлением открыто восторгаться способностями другого человека, вербально преувеличивать их, объявлять кого-то гениальным, возводить на пьедестал и потом свергать с него и клеймить позором. Не менее плодотворным представляется и изучение шведских представлений связанных с положительными оценками *натуральности, естественности* и *подлинности* свойств и вещей в окружающем мире.

Подводя итог кратко представленным выше примерам культурно значимых шведских концептов, отметим, что знание ключевых идей и представлений языковой картины мира того или иного народа позволяет лучше понимать значения слов и связанные с ними оценки в сознании этого народа, что непосредственно влияет на процесс межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М., 1999.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград, 2002.
3. Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Родные просторы //Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. (отв. ред.). Логический анализ языка: Языки пространств. - М., 2000.

С.Д.Чугу
Винницкий торгово-экономический институт Киевского торгово-экономического университета, Винница (Украина)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР И РАСШИРЕНИЕ КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА

Меньше чем за год «Краткая история тракторов по-украински» стала сенсацией в англоговорящей Европе и Америке. Не читать такие книги нельзя — острые, неоднозначные и волшебные, они расширяют горизонты понимания нашей реальности: в самом деле, невозможно даже представить, чтобы такой роман был написан еще несколько лет назад — не говоря уже о том, чтобы он завоевал признание и критиков, и читателей мира. Роман Марины Левицкой — одна из тех немногих пока еще книг, благодаря которым современная мировая литература выходит на новые рубежи, а «человечество, смеясь, расстается со своим прошлым». Книг, о которых не только говорят, но и спорят.

М.Немцов

Исследования, направленные на изучение особенностей и закономерностей функционирования социокультурного слоя языка, ориентированы на установление лингвистических характеристик дискурса с проекцией на его концептуальный план. Особое внимание при этом уделяется установлению способов вербализации информационно значимого содержания, которое обеспечивает успех коммуникации между носителями разных культур (Тер-Минасова 2007, Карасик 2002, Милославский 2008, Комарова 2008).

Особенности мировосприятия, исторические, социальные и культурные факторы находят отражение в концептуальной картине мира, фиксирующей основные знания о мире, данные человеку через познание. На основе концептуальной (понятийной) формируется национально-языковая картина действительности, которая является источником языковой и речевой деятельности.

Успешная коммуникация и адекватная интерпретация высказываний возможны только в том случае, когда ее участники имеют общие знания о реальном мире и эмоциональной сфере, закрепленные в языке, в силу того, что именно язык является неотъемлемой частью истории и культуры народа, объединяя коллективные и индивидуальные знания, на их основе которых посредством концептуализации формируются когнитивные структуры (Маслова 2007), которые находят отражение в дискурсе и в тексте.

Важно указать, что лингвокогнитивный анализ текстов разных жанров, в том числе художественных, дает достоверный результат, если учитываются данные междисциплинарных исследований, в частности в области когнитивной лингвистики, этнолигвистики и лингвокультурологии.

Изучение отзывов о первом романе современной английской писательницы Марины Левицкой «A Short History of Tractors in Ukrainian», опубликованном в 2005 году, который, к сожалению, многие западные классики восприняли, главным образом, как юмористическое произведение, свидетельствует об отсутствии адекватного понимания концептуальной основы романа в связи с незнанием особенностей жизни в советской стране в довоенное время и в эпоху Брежнева. Именно этот факт и не позволил критикам романа увидеть за описанием комических бытовых ситуаций и отдельных странностей в поведении Николая Маевского, главного героя романа, которому уже за восемьдесят и который живет в нескольких временных измерениях, но не теряет любви к Украине, любви к жизни и желания помочь тем, кто оказался в беде, основных концептов романа, таких как РОДИНА, СЕМЬЯ, ЛЮБОВЬ, СОСТРАДАНИЕ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, составляющих остов мироощущения и ядро в системе ценностей славянских народов.

Наличие общих фоновых знаний о событиях и советской реальности позволило М.Немцову, высказывание которого вынесено в эпиграф статьи, дать такую пронзительно точную оценку роману Марины Левицкой в отличие от, помещенных на обложке первого англоязычного издания романа, положительных и хвалебных отзывов о стиле и чувстве юмора писательницы как главных достоинствах содержательного плана «бытового», по мнению критиков, романа. Приведем примеры, которые доказывают наличие в концептуальном пространстве текста основных концептов и указывает на их значимость для правильной интерпретации его содержания.

***Ukraina**: he sighs, breathing in the remembered scent of mown hay and cherry blossom" (Lewycka* 2005*: 11).*

Николай рад возможности общения со своей соотечественницей, ведь он постоянно вспоминает о родной земле и об украинских традициях.

*Instead of going home to **Ukraina, Ukraina** will **come home** to him (Lewycka* 2005*: 26).*

Именно чувство сострадания к украинке Валентине, которая находится в Британии нелегально и пытается остаться в стране используя даже незаконные способы, руководит действиями Миколая, хотя он прекрасно осознает абсурдность брака с женщиной, которой тридцать шесть лет - ведь ему уже восемьдесят четыре.

*You must understand, Nadezhda, **only I can save her**! (Lewycka* 2005*: 4).*

*"If **I can save just one human being** – **one human being from this horror**, do you not think **this is the moral thing to do**?" (Lewycka* 2005*: 32).*

*"Clearly this Valentina, she is of quite different generation. **She knows nothing of history, even less about recent past**. She is **daughter of the Brezhnev era**. In times of Brezhnev, everyone's idea was to bury all gone-by things and to become like in West. To build this economy, people must be buying something new all the time. New desires must be implanted as fast as old ideals must*

be buried. This is why she is always wanting to buy something modern. It ***is not her fault; it is the post-war mentality****" (Lewycka* 2005*: 140).*

Николаю знакомы реалии жизни в Украине и тяжелое материальное положение большинства украинцев. Знают о страшном и трагическом времени голода и коллективизации его дочери Вера и Надежда, тем не менее, они чувствуют свое родство с этой многострадальной землей.

Peasants in the fields, folk-songs at harvest, ***the motherland****: what has all this got to do with me? I am a post-modern woman. I know about structuralism. I have a husband who cooks polenta. So why do I feel this unexpected emotional tug? (Lewycka* 2005*: 82).*

*In 1930, when my mother was eighteen****, her father was arrested****. It was still several years before* ***the purges*** *were to reach their terrible climax, but it happened in the classic way of* ***the Terror*** *– a knock on the door in the middle of the night, the children screaming, my grandmother Sonia Ocheretko in her nightdress, her loose hair streaming down her back, pleading with the officers" ?" (Lewycka* 2005*: 64).*

Нельзя не согласиться, что Марина Левицкая мастерски описывает бытовые ситуации и повседневную жизнь своих героев. Тем не менее, целый исторический пласт в жизни народа, всепоглощающее чувство страха, голод, массовые репрессии, дефицит, отсутствие элементарных свобод в тоталитарном обществе остались непонятыми западными читателями и критиками, несмотря на их наличие в поверхностной структуре романа.

My mother had known ***ideology****, and she had known* ***hunger****. When she was twenty-one, Stalin had discovered he could* ***use famine as a political weapon against the Ukrainian kulaks****. She knew – and this knowledge never left her throughout her fifty years of life in England, and then seeped from her into the hearts of her children – she knew for certain that behind the piled-high shelves and abundantly stocked counters of Tesco and the Co-op****, hunger still prowls*** *with his skeletal frame and gaping eyes, waiting to grab you the moment you are off your guard" ?" (Lewycka* 2005*: 19).*

Необычное название романа тоже интерпретировано неверно: в 20-30-е годы двадцатого века в стране выдвигался лозунг полной механизации советской экономики и с трактором связывались основные надежды на стремительное экономическое развитие и повышение благосостояния народа. Невозможно не отметить определенный символизм понятия «трактор», который в те времена использовался главным образом как механическое средство, как тягач. В жизни Николая и его семьи такой силой выступает любовь к Украине и ко всему, что с ней связано.

You will learn something about the history of ***our beloved motherland****" (Lewycka* 2005*: 80).*

Look, at least come home and have something to eat first. I've got ***a lovely beetroot soup****. And* ***kotletki*** *–* ***your favourite kotletki, with spinach and beans from the garden, and little potatoes*** *(Lewycka* 2005*: 112).*

Анализ фактического материала свидетельствует, что вербализация основных концептов романа осуществляется лингвистическими средствами разных уровней: морфологическими, лексическими, синтаксическими, широкое использование которых в сочетании с разнообразными стилистическими приемами создает многослойное художественное пространство и неповторимость содержательного плана романа. Многоуровневые и сложные по структуре концептуальная и художественная модели мира, созданного Мариной Левицкой в романе «A Short History of Tractors in Ukrainian», несомненно, способствуют расширению когнитивного пространства английского языка. Роман знакомит западных читателей на примере истории одной украинской семьи с трагическими событиями, происходившими повсеместно в советской стране в прошлом веке.

Подводя итог, необходимо отметить, что филологический и дидактический потенциал художественных текстов, в которых воссоздается образ определенной исторической эпохи, трудно переоценить, ведь помимо эстетической, просветительской и образовательной ценности они открывают широкие возможности воспитательного характера, способствуют развитию творческого мышления студентов и формируют умение анализировать вопросы, тесно связанные с современной лингвистической проблематикой, в частности с изучением особенностей формирования культурных концептов в национально-языковой картине мира и исследованием способов их вербализации.

Литература:

1. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М., 2002.
2. Комарова А.И. Принципы построения инновационного учебника «Английский язык через культуры народов мира»//Вестник Московского университета. Серия 19. М., 2008. №3. С.169-187.
3. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: уч. пособие. - М., 2007.
4. Милославский И.Г. Расширение когнитивного пространства как главная проблема русского литературного языка XXI в. //Вестник Московского университета. Серия 19. М., 2008. №3. С.75-89.
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. - М., 2007.
6. Lewycka M. A Short History of Tractors in Ukrainian. - L., 2005.

Н.Л.Чулкина
Российский университет дружбы народов, Москва

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Интерес к вопросам взаимоотношения языка и культуры объединил многие научные направления, и такое объединение оказалось, безусловно, плодотворным для расширения и обогащения общего пространства гума-

нитарного знания. В ряду различных дисциплин и научных областей интересные и важные исследования проводятся в рамках этнопсихолингвистики и лингвокультурологии. Результаты этих изысканий могут быть успешно использованы в межкультурной коммуникации. При этом ценность представляют как сопоставительные работы, так и исследования, направленные на описание отдельно взятой этнической общности.

Объектом моего научного интереса является русское обыденное языковое сознание, отражение в нем мира русской повседневности. Этот интерес счастливо совпал с практическим преподаванием курса « Язык и межкультурная коммуникация», а также с решением задач лексикографического представления концептосферы русской повседневности в словарях нового типа. Материалом изучения стал в основном «Русский ассоциативный словарь» (2002). Так в одном научном пространстве встретились этнопсихолингвистика (языковое сознание), лингвокультурология (концепты повседневности) и межкультурная коммуникация (использование полученных знаний в университетском курсе и в практике межнационального общения).

В данной статье я хотела бы показать на примере одного базового концепта повседневности - «**работа**», как результаты его исследования и описания могут быть использованы в межкультурной коммуникации.

Концепт **работа** входит в ядро языкового сознания русских, занимая в нем 17-е по рангу место. Для сравнения заметим, что в ядре языкового сознания англичан этот концепт – на 9-м месте (Уфимцева 1998: 165, 168), а у испанцев – на 37-м (Караулов 2000: 196).

В «Ассоциативном тезаурусе современного русского языка»(Т.1-6 1994-1998 гг.) исследуемое нами слово выступает в качестве стимула во всех трех прямых словарях: в 1, 3 и 5-м томах. Это дает возможность проследить эволюцию данного концепта в русском обыденном языковом сознании, которую он претерпел за 10-летний период: с 1988 по 1998 г. Так, в ассоциативном поле слова-стимула работа, представленного в 1-м томе самыми частотными реакциями являются: *трудная 33; не волк 22; интересная, тяжелая 21; любимая 19; забота 16; отдых 14; труд 13; дело 9; учеба 8; кипит, нравится, хорошая, школа 6; дом, есть работа, легкая, лень, сложная 5; моя, радость, скучная, усталость 4; большая, долг, дома, по душе, спорится, станок, увлекательная, учителя 3; адская безделье, в школе, времяпровождение, глупая, делать до седьмого пота, завод, занятие, интерес, кошмар, любовь, на дому, на износ, нудная, нужная, плохая, по специальности, редакция, трудоемкая, тяжкая, удовольствие, умственная, утро, черная 2.*

В третьем томе, созданном на основе второго этапа ассоциативного эксперимента (1992–1995 гг.), фрагмент АП, в котором представлены реакции с частотой не менее 2, выглядит так: *не волк 10; трудная 8; любимая 5; деньги, тяжелая, учеба, хорошая 3; забота, каторга, легкая, нудная, по душе, сделана, сложная, спорится 2.*

Наконец, в 5-м томе (1994–1998 гг.) аналогичный фрагмент ассоциативного поля на слово-стимул работа представлен следующими ассоциатами: *трудная, тяжелая 9; труд 6; забота 4; домашняя, жизнь, усталость 3; дом, завод, интересная, легкая 2*.

Чтобы реконструировать фрагмент концептосферы русской повседневности, связанный с концептом **работа**, был использован такой прием: его «совокупное» ассоциативное поле было «расписано» по двум параметрам. В первую колонку выписывались все словосочетания, представляющие собой ***оценки, характеристики*** данного понятия. Важнейшими из них для русского языкового сознания оказались: *трудная, тяжелая, интересная, любимая, хорошая, сложная, скучная, увлекательная, нудная, нужная, трудоемкая, адская, умственная, тяжкая, черная, бесполезная, грязная, изнурительная, каторжная, необходимая, ответственная, сдельная, серьезная, сидячая, ударная; кипит, нравится, спорится, ждет, мука или любимое дело, надоела, не убежит, стоять не велит; не волк, забота, есть работа, по душе, безделье, времяпровождение, до седьмого пота, кошмар, на износ, в полную силу, на благо общества, на совесть, на убой, не бей лежачего, не из легких, не сахар, обязаловка, обязанность, с охотой, творчество, халява; учителя, по специальности, ученого, физика; в школе, в поле, на дому, на заводе, на картошке, подметать улицу* (*1-й том); общественная 5; совместный 4; энергичный 2; активный, безрезультатный, будничный, постоянный, болото, долг, польза, нравиться 1 (2-й том); не волк 10; трудная 8; любимая 5; тяжелая, хорошая 3; каторга, легкая, нудная, по душе, сложная 2; адская, бардак, говно, до изнеможения, зверская, интересная, классная, лошадиная, мука, неинтересная, низкооплачиваемая, ночная, нужная, прекрасная, плодотворная, плохая, по призванию, самостоятельная, успешная 1 (3-й том); любимая, моя 2; большая, гнусная, деревенская, новая 1 (4-й том); трудная, тяжелая 9; домашняя, интересная, легкая 2; высокооплачиваемая, прибыльная, тяжкая, хорошая, успех 1 (5-й том); отличная 13; престижный 2; наша жизнь, совковая, тягучая, физический 1 (6-й том)*

Как видим, для русского языкового сознания важнейшими являются определения-характеристики работы, связанные с трудностью/легкостью ее выполнения. При этом вопрос результативности и оплаты труда для респондентов 1-го этапа ассоциативного эксперимента (1986 г.) вовсе не актуален. Однако ситуация меняется, и в последних томах «Тезауруса» (1996 г.), а также в русской части «Ассоциативных норм испанского и русского языков» (Мадрид, 2001) появляются такие положительные оценки, как *высокооплачиваемая, прибыльная, престижная, успех; выгодная, хорошо оплачиваемая, перспективная, бизнес, прибыль, стабильность, самоутверждение.* К традиционным же негативным характеристикам прибавляется полужаргонное слово *совковая*. Отношение к работе также

меняется. Если в 80-е годы оно заключено в основном между двумя крайними полюсами (*не волк, не медведь, не убежит, халява, обязаловка, не бей лежачего, болото – ударная, до седьмого пота, на износ, в полную силу, до изнеможения, лошадиная, на благо общества*), то в 1998 г. приоритеты резко меняются и в качестве слотов названных фреймов встречаются такие слова-реакции: *дело, любимая, радость, занятость, интересно, высокооплачиваемая, ответственность, самоутверждение, удовлетворение, бизнес, в радость, не ждет, не стоит на месте, выгодная, денежная, для себя, должна быть любимой, самоотдача.*

Второй параметр выбранного фрагмента связан с некоторыми ***типичными ситуациями функционирования*** концепта **работа**. Эти ситуации могут быть представлены (и в таком виде, вероятно, присутствуют в языковом сознании среднего русского) несколькими фреймовыми структурами. Так, один из фреймов может быть обозначен как ***место работы***: *школа (в школе), завод, на дому, больница, в поле, фабрика, колхоз, предприятие, НИИ, университет, институт, отдел, детский сад, кооператив, подметать улицу, мастерская, контора, в огороде, дача, грядки, в шахте; офис.* Другой фрейм – ***профессиональный аспект:*** *специальность, профессия, учителя, рабочий в спецодежде, служащий, конструктор, крестьянин, медсестра, экономист, журналист, инженерная, ученого, следователь; адвокат, программирование.* Тесно примыкает к этому фрейму и «ролевой» фрейм, представляющий ***иерархию отношений:*** *начальник, подчиненный, руководитель, коллектив, начальство, клиент, посетитель*. Далее следует ситуация, которая может быть названа ***режим работы***: *утро, в ночь, возвращаться поздно домой, днем, каждый день, весь день, поздняя, неотложная, рано вставать, сдельная, воскресник, субботник, отпуск, постоянный, режим, опоздать, этап, план, наряд, заказ, задание, программа, проект, график; день и ночь, дежурство.* Отдельный фрейм – ***оплата***: *деньги, зарплата, и бедность, сдельная, халява, хлеб, низкооплачиваемая, доход, заработок, премия, сыт не будешь, высокооплачиваемая, прибыльная; хорошо оплачиваемая, выгодная, денежная, прибыль*. Наконец, еще один аспект смысла концепта работа связан с ***инструментами и механизмами***: *станок, лопата, рычаг, топор, машина, молоток, рука, механизм, аппарат, дрель, инструмент, ЭВМ, IBM; компьютер, клавиша, пишущая машинка.* Важным для понимания и адекватного употребления данного концепта является и ***социальный фон***, передаваемый некоторыми ключевыми словами социального словаря определенного периода развития общества. Так, в конце 90-х гг. и в начале XXI в. этот фон может быть обозначен такими словами-ассоциатами, как: *успех, престижный, карьера, перспектива, фирма, бизнес, бизнесмен, кооператив, лидерство, налог, партнер, трест; занятость, офис, безработица, не волк – вылетит не поймаешь, стабильность*. Особенно показательна поговорка: «*Работа не волк (не*

*медведь) – в лес не убежи*т» (самая частотная реакция в первых томах АТ), переформулированная в «*Работа не волк – вылетит не поймаешь*» (Ассоциативные нормы испанского и русского языков 2001: 168) – контаминация со «*Слово не воробей – вылетит не поймаешь*».

В этих двух вариантах отражена эволюция концепта работа за десятилетие: от пренебрежительной коннотации, обусловленной низкой оплатой труда, уравниловкой и незаинтересованностью в работе, – до убеждения в том, что работой следует дорожить, так как потерять ее легко, а найти в условиях жестокой конкуренции – непросто. Еще одно замечание касается фрейма «оплата». Как мы уже констатировали, в первых двух томах «Ассоциативного тезауруса» у ассоциата деньги частотность равна соответственно 1 и 3. А в русской части «Испанско-русского словаря ассоциативных норм» (2001) эта реакция на первом месте и ее частотность – 38. Для сравнения приведем некоторые данные испанской части. Реакция *деньги* в ней также самая частотная – 54. Кроме того, интересно, что испанцы связывают с работой такие ценности, как: *удача, самореализация, благополучие, здоровье, уверенность, счастье и саму жизнь*. Однако чтобы получить эти ценности, необходимы: *усилие, напряжение, усталость, вставать рано, дисциплина, налог, пот*, а иногда и *борьба, забастовка.*

Таким образом, лингвокультурологическое описание эволюции одного из базовых концептов повседневности на материале «Русского ассоциативного словаря» - коррелята обыденного языкового сознания – (или его лексикографическое представление в книжной и компьютерной версиях) может быть использовано в курсе «Язык и межкультурная коммуникация» и при обсуждении данной темы в практике межнационального общения.

Литература:

1. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М.,2002.
2. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.,1998. – С.165, 168.
3. Ю.Н. Караулов. Языковое сознание испанцев/ Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 196.
4. Ассоциативный тезаурус современного русского языка в 6 книгах/ Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. М., 1994-1998 гг.
5. М.Санчес Пуиг, Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. – Москва-Мадрид, 2001.

РАЗДЕЛ IV. ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Д.З. Абдуллаева
Андижанский государственный университет им. Бабура, Андижан (Узбекистан)

АНАЛОГИЧНОСТЬ БАСЕННЫХ СЮЖЕТОВ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

У каждого народа есть свои басенные сюжеты. Что такое басня, каждый из нас знает с детства. Басня характеризуется как небольшой рассказ, часто стихотворение, в котором есть заключительное нравоучение – краткая мораль. Как правило, основными героями являются животные, наделенные человеческими качествами.

Басня на востоке называлась масал. Масал – арабское слово, которое имеет значение «образец, схожесть, приведение примера» (Баранов 1989). Хотя история произведения отображается в переносном смысле, это никак не влияет на его образовательный характер.

Изучению жанра басни посвящены многие труды известных филологов. Сравнивая тексты басен И.А.Крылова «Стрекоза и муравей» и Л.Н.Толстого «Стрекоза и муравьи», а также Сидкия Хондайликий «Булбул ва чумолилар» («Соловей и муравьи») мы можем отметить сходства и дифференциацию между ними. Басня Крылова знакома каждому, а аналогичная басня Толстого и Сидкия Хондайликий станет для многих открытием.

В басне «Стрекоза и муравьи» Л.Н. Толстого следующий сюжет. Осенью у муравьев подмокла пшеница, они ее сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали: «Что ж ты летом не собрала корму?» Она сказала: «Недосуг было: песни пела». Они засмеялись и говорят: «Если летом играла, зимой пляши».

Сюжет басни И.А. Крылова о стрекозе и муравье, которая начинается этими строками

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом…

поэт заимствовал у Лафонтена, к которому она пришла от греческого баснописца Эзопа. Басни Эзопа были написаны прозой, остроумно, ясно и про-

сто. Древнегреческий поэт Бабрий впервые переложил басни Эзопа стихами. С этого времени басни существуют в основном в поэтической форме. У Лафонтена басня с этим сюжетом носит название «Цикада и муравей». Цикада – насекомое, которое характерно для Средиземноморья, так же как для нашей местности стрекоза. Стрекоза – насекомое, адаптированное под русского читателя, понятное ему и узнаваемое, ведь Крылов заботился о том, чтобы его басни были доступны для простого читателя, не обремененного знанием высокого стиля. Основана такая переводческая трансформация на сходстве этих насекомых, они оба стрекочут, «поют», перелетают с цветка на цветок. Хочется сказать также, что в подлиннике Стрекоза - Цикада и Муравей женского пола, эта особенность не соблюдается ни у Крылова, ни у Толстого. Однако это отличие усиливает разницу между «русскими» Муравьем и Стрекозой, между тружеником и беспечной певуньей.

В творчестве узбекского поэта Сидкий Хондайликий встречается басня такого характера, но форма басни другая. Сидкий излагает такое действие: В одном саду жили как соседи соловей и муравей. В летние времена соловей напевал, а муравьи собирали пшеницу. Когда наступила зима, соловей оголодал и пошел к настоящему соседу, муравью, нищим. А муравьи сказали: «Соловей, если бы ты тоже работал, как мы, на солнце и накопил бы еды, такого не случилось бы».

После этого рассказа продолжаются дидактические, назидательные слова автора в стихотворном порядке, всего 44 строки.

Давайте перейдем непосредственно к анализу представленных басен. Даже не посвященному в секреты литературоведческого анализа читателю, видно, что Крылов пишет в стихотворной форме, а Толстой в прозаической. У Сидкий Хондайликий басня написана в двух формах: прозаической и стихотворной. Кроме того, заметна разница в объеме произведений. Заметим, что басня Толстого насчитывает 38 слов, тогда как Крылова – 141 слово, практически в 4 раза больше. Обратим внимание также на то, какой развернутый рассказ получился у Крылова, он изобилует поэтическими средствами выразительности, которые органично вплетены в повествование. Басня Толстого больше похожа в этом плане на притчу, однако, сам автор позиционирует это произведение как басню. На наш взгляд, оба эти произведения являются именно баснями, в них есть как повествовательная часть, так и мораль, несмотря на то, что произведение Толстого значительно короче и менее поэтично.

В басне «Соловей и муравьи» автор даёт советы молодому поколению, в стихотворной части объясняет, что человек, не имеющий ремесла, самый плохой.

Вспомним, что о басне говорит М. Гаспаров: «…Короткий рассказ, часто стихотворный, обычно про животных, говорящих и действующих по-человечески, и при нем короткая мораль, прямо формулирующая идею рассказа. В притче важна мораль, в басне важно повествование. Притча

существует только в контексте проповеди или спора – басня может существовать и вне контекста…». На основе определения Гаспарова можно предположить, что и для Толстого более важна мораль, чем содержание, а вот Крылов больше заботится как раз о содержательной стороне повествования, мораль у него ассимилировалась и является скорее занимательной частью басни, которая призвана больше развлечь читателя, чем научить его. Центром у Крылова является рассказ. Басня Толстого, на наш взгляд, представляет узко дидактическую картину с практической целью поучения, а не развлечения, в противовес Крылову. Можно сопоставить эту басню Толстого с ранним творчеством Лафонтена, в первых двух книгах которого еще сохраняется традиционная дидактическая картина.

Создателем русской классической басни с ее реалистичностью, психологизмом и близостью к народу является И. Крылов. После Крылова почти на протяжении столетия в России не было басен как стихотворного поэтического жанра. Отдельные попытки поэтов и сатириков 60-х годов писать басни не дали заметных результатов. Классическое построение басни мы находим у Гаспарова: «… сюду одна схема: экспозиция, замысел, действие, неожиданный результат. Чаще всего мотивами выступают алчность и тщеславие, обуянный ими персонаж забывает о самосохранении и за это платится… Конечно, эта схема может всячески варьироваться». Рассмотрим в соответствующем контексте и представленные басни. У Толстого мы видим лишь схематично описанную ситуацию и мораль, которая больше похожа на «комментирующую реплику» (Гаспаров) в конце повествования. «Стрекоза и муравьи» Толстого по построению подходит под описание «упрощенной басни» (Гаспаров). А теперь посмотрим на басню «Стрекоза и муравей» Крылова. Развернутая экспозиция, по объему занимает половину произведения и описывает природу, погоду, смену времен года и обстоятельств, в которые попадает несчастная беззаботная Стрекоза. Далее мы наблюдаем за тем, как Стрекоза решается пойти к Муравью: «Злой тоской удручена, к Муравью ползет она». Приходит черед действия – диалога между главными героями, который заканчивается результатом, однако вряд ли его можно назвать непредсказуемым, после разговора, который дает понять, что трудолюбивый Муравей не собирается помогать нерадивой просительнице. Мотив так же не является неожиданным, он был описан Гаспаровым как «желание персонажа изменить в свою пользу распределение материальных или духовных благ». Следовательно, на основе представленных рассуждений, можно говорить о том, что басня «Стрекоза и Муравей» И.А. Крылова более близка к классической модели, описанной Гаспаровым. Вариативность же, отступление от схемы, мы можем наблюдать в басне Толстого. Таким образом, мы так же видим, насколько отличаются интерпретации разных авторов одной и той же темы, заданной еще древним баснописцем Эзопом.

Родина басни – Восток, сюжеты басен трансформировались с Востока на Запад и через века опять перемещались с Запада на Восток. К какому периоду не относился бы баснописец, в его баснях основным было иносказательное отображение жизни, а также критическое раскрытие жизненных, социальных пороков и недостатков.

Литература:

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. - М., 1989. - 741с.
2. Басня // google.uz/.
3. Исхаков Ф. Гулханийнинг «Зарбулмасал» асари. - Ташкент, 1976. – 35 с.
4. Эзоп. Басни. - М., 2009.

Е.И. Белякова
Череповецкий государственный университет, Череповец

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПЕРЕВОД

Ни одна великая литература не развивается вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов. Изучение международных литературных связей чрезвычайно важно для понимания своеобразия и осознания глубинных процессов в развитии национальных литератур. Литература любой страны слагается из двух элементов: литературы отечественной и переводной. В современную эпоху подлинно значимые произведения всех национальных литератур переводятся на иностранные языки и становятся в полной мере принадлежностью литератур других народов. Поэтому осознать сложную картину развития национальной литературы можно только в свете мирового литературного процесса. Без учета меж литературных связей невозможно проследить динамику развития национальной литературы, проникнуть в механизм наследования и смены её традиций, накопления художественных ценностей.

Переводное произведение в той или иной степени неизбежно включается в эволюционный процесс отечественной литературы. Таким образом, изучение международных литературных связей раздвигает рамки национальной литературы, делает ее частью единого общемирового историко-литературного процесса. Переводное произведение включается в развитие национальных литератур «как явление общественной идеологии, в известном отношении равноправное с продуктами национального творчества. В этом смысле русский Гете есть проблема русского литературного общественного развития» (Жирмунский 1981: 14).

Одной из важных закономерностей литературных взаимосвязей является тот факт, что иноязычная литература оказывает воздействие на другую литературу только в форме перевода. «Функции иностранного источника, из-

вестного в другой стране лишь на языке оригинала, как правило, не выходят за рамки внешних контактных связей. До тех пор, пока иностранный текст «не заговорил» на языке его принявшей страны – он остается на роли «пассивного освоения». То есть данный иностранный текст может получить достаточную известность у определенной части читателей, о нем может говорить критика, а в отдельных случаях – вокруг него может развернуться дискуссия – но органически войти в иной литературный процесс он не может. Время творческого освоения наступает только после появления перевода или переводов, при том, естественно, условии, что данный текст найдет отклик в иной культурной среде» (Стадников 2000: 273).

В этой связи возникает вопрос, при каких условиях текст находит отклик в иной культурной среде, почему одно произведение становится фактом заимствующей литературы, а в других – не оказывает никакого влияния на развитие литературы реципиента. С одной стороны, это зависит от качества и характера самого произведения. Значимость произведения национальной литературы для литературы мировой зависит от того, насколько глубоко, полно и ярко оно отражает жизнь своего народа, воплощает национальный дух. «Как бы сильно ни был выражен в произведении местный характер, оно может стать всемирным, если в нем бьет ключом жизнь и если оно обладает выразительной силой» (Неупокоева 1976: 154).

С другой стороны, «принятие» переводного произведения обуславливается внутренними потребностями воспринимающей литературы. Еще А. Веселовский говорил, что заимствование предполагает в воспринимающей литературе не «пустое место, а вечное течение, сходное направление мышления, аналогичные формы фантазии» (Веселовский 1939: 16). Это значит, что подлинно творческие контакты между литературами осуществляются только при условии, что принимающая литература обладает необходимыми предпосылками для усвоения инородных идейных и эстетических элементов.

Выбор произведения для перевода - это не результат случайного знакомства с новой книгой, литературных предпочтений переводчика или увлечения литературной модой. Этот выбор всегда определяется идеологическими запросами той или иной части общества.

Всякое литературное влияние связано с трансформацией заимствуемого произведения, под которой понимается его творческая переработка и приспособление к особенностям национальной жизни и национального характера на данном этапе общественного развития, к национальной литературной традиции.

В этой связи можно выделить несколько признаков того, что переводное произведение стало частью культуры реципиента:

1. Переводное произведение читают из эстетических, а не прагматических соображений (например, необходимость сдать экзамен по ино-

странной литературе). Огромную роль здесь играет личность переводчика. Такой субъективный фактор, как плохой перевод, может препятствовать усвоению иноязычного произведения даже при наличии идейных и эстетических предпосылок.

2. Оригинал и перевод по-разному оценивается читателями. В этой связи интересно сравнить восприятие творчества Амаду в Бразилии и у нас. Самые любимые в Бразилии книги – «Капитаны песка» и «Габриэла». У нас – «Красные всходы» и «Дона Флор и два ее мужа». В «Капитанах песка» бразильцы находят то, чего им не хватает в жизни и искусстве: чистой, романтической любви. В «Габриэле», первой книге, которая с такой полнотой выразила национальный бразильский характер, они видят себя. Мы увидели *себя* в «Красных всходах», и нашли то, что нам *не хватает*, в «Доне Флор».

3. Появляются подражания автору или конкретному произведению. Так, всеобщее увлечение «Вертером» Гёте находит выражение в многочисленных подражаниях и переделках. Существует четырнадцать повестей и романов, созданных в конце XVIII в. под влиянием Гете. В России появляются поэтические отклики на «Вертера», отображающие переживания возлюбленной гетевского героя: «Шарлотта при гробе Вертера» (1787), «Стихи на гроб Вертера» (1789), «Шарлотта на Вертеровой гробнице» (1791). Произведения этого рода пользовались популярностью в течение всей первой трети XIX в., одно из них даже упоминается в поэме Гоголя «Мертвые души» (эпизод 7-й главы, где Чичиков читает Собакевичу «Послание в стихах Вертера к Шарлотте»).

4. Происходит адаптация литературного произведения другими видами искусств: экранизация, театральная постановка и т.п.

5. Литературное произведение становится частью фольклора. Наивысшая степень усвоения литературного произведения принимающей стороной – превращение его героев в героев анекдотов.

Таким образом, можно сделать вывод, что всякое литературное произведение по своему генезису принадлежит национальной литературе и определенной исторической эпохе, но в процессе международного литературного обмена оно становиться действенным фактором других литератур, хотя и претерпевает при этом значительную трансформацию при переводе.

Литература:

1. Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., 1939.
2. Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. Л.,1981.
3. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М.,1976.
4. Стадников Т.В. Русский литературный процесс 18 века и перевод // Традиции в контексте русской культуры. Череповец, 2000. С.273-275.

Н.С. Васькив
Каменец-Подольский национальный университет им. Ивана Огиенко,
Каменец-Подольский (Украина)

РЕЦЕПЦИЯ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ (1920-1930-Е ГОДЫ)

Большевики в течение Украинской революции 1917-1921 гг. дважды приходили на украинские земли с целью искоренить «сепаратистские» устремления с помощью террора, результатом чего было яростное сопротивление со стороны местного населения. Только в 1919 г., в третий свой приход, они вынуждены были пойти навстречу национально-возрожденческим тенденциям. Проблемой большевиков в Украине 1920-х годов было то, что местных кадров в партии было крайне мало, особенно среди руководства, до 10-20%. Поэтому они всячески противились коренизации (или, как ее не совсем правильно называют, украинизации). Руководители украинских большевиков, Э. Квиринг и Д. Лебедь, даже разработали теорию «борьбы двух культур» – украиноязычной сельской, поэтому мелкобуржуазной, и русскоязычной городской, пролетарской, а значит передовой. Соответственно, культура мелкобуржуазного крестьянства со временем должна отмереть, уступив место пролетарской (Шкандрій 2006: 34-35). Яростное сопротивление со стороны местных партийно-государственных кадров, интеллигенции привело к переводу в Москву творцов теории борьбы двух культур, а с 1923 г. процесс коренизации значительно ускорился, хотя не без скрытого противодействия.

Это противодействие значительно усилилось с конца 20-х годов, приобрело откровенные формы шовинизма со стороны партийного руководства СССР. Оценки событий того времени очень разнятся в работах как украинских, западных, так и российских историков и культурологов. Дабы не углубляться в перипетии полемики, приведу высказывание российского политолога, родом из Полтавщины, Андрея Окары, которое, кажется, сконденсировано отображает сущность происходящего: «[…] существует мнение, имеющее свою доказательную базу, что Голодомор был спровоцирован боязнью Кремля и лично Сталина, что УССР выйдет из состава СССР […] в 1920-х годах под влиянием политики украинизации […] начинала складываться новая общность – украинская советская политическая нация […] Голодомор не только сломал хребет украинскому народу, но и лишил его перспективы стать, наряду с великорусским, государствообразующим народом в масштабах всего СССР» (Окара).

Политическое противостояние не могло обойти стороной и взаимоотношения между украинскими и российскими деятелями культуры. По-

началу русские писатели в большинстве своем разделяли большевистскую политику с позиции великорусского доминирования по отношению к украинскому языку и украинской культуре. Так, в 1925 г. украинский писатель Олекса Слисаренко от имени издательства «Книгоспілка» обратился к А. Горькому с предложением издать в украинском переводе его роман «Мать», на что получил следующий ответ: «Мне кажется, что и перевод этой повести на украинское наречие тоже не нужен. Меня очень удивляет тот факт, что люди, ставя перед собой одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий – стремятся сделать наречие языком, но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия» (Наше сьогодні 1927: 137). Такое заявление классика русской литературы вызвало солидарное неприятие со стороны украинских советских и эмиграционных деятелей культуры, повторявшееся публично из года в год до начала 30-х.

Вскоре к этому письму добавился еще один скандал, связанный с новоиспеченным классиком русской советской литературы Федором Гладковым. В 1928 г, встречаясь с коллективом коммуны «Авангард» в запорожских степях, автор романа «Цемент» высказал мысли А. Горького на новый лад: «Зачем возрождать допетровскую эпоху, зачем гальванизировать украинский язык, который покрылся уже прахом. Все это только тормозит развитие социалистического строительства. Говорите по-русски! Украинские писатели хотят конкурировать с русскими писателями, а выходит только обезьянничают» (Гуменна 1990: 35). И в этот раз украинские политики и писатели встретили заявление Ф. Гладкова в штыки, так что тому пришлось оправдываться, мол, его неправильно поняли, исказили его высказывания и т.п.

По мере того, как успехи коренизации формировали украинскую политическую нацию, создавали могучую культуру, не зря получившую наименование «Расстрелянного Возрождения», менялось и отношение русских деятелей культуры к Украине. Так, Алексей Горький в 1928 году, пребывая Харькове, признал свое письмо ошибочным, а в 1934 г. написал письмо в «Литературную газету», в котором засвидетельствовал свои симпатии к Украине, ее языку, культуре, народности (Луцький 2000: 135). Но прежде всего, несомненно, следует вспомнить стихотворение Владимира Маяковского «Долг Украине (Знаете ли Вы украинскую ночь?)» (1926), в котором поэт воплощает огромное уважение к украинцам, их языку, культуре и выражает резкое неприятие пренебрежительного отношения ко всему украинскому со стороны тех русских, которые ассоциируют украинцев только с салом, борщом да примитивными анекдотами о мове.

К началу 30-х годов сложилась ситуация, когда в российских центрах деятели искусства могли себе позволить больше вольностей, чем в национальных окраинах, прежде всего – в Украине. Об этом рискнул прямо заявить драматург Николай Кулиш на встрече И. Сталина с украинскими писателями, спросив, почему

его, Кулиша, пьесы запрещены как националистические, а в то же время в Москве не запрещают шовинистические спектакли М. Булгакова «Белая гвардия» и «Бег».

Парадоксально, но такая ситуация в определенный момент спасала украинских писателей, того же Н. Кулиша. После того, как все его пьесы были запрещены к показу в Украине, он нашел приют в Камерном театре Таирова, в котором четыре месяца шел в переполненном зале спектакль по Кулишевой пьесе «Патетическая соната», но вскоре запрещенный цензурой (Луцький 2000: с. 90-91). В этом же театре была поставлена последняя пьеса украинского драматурга – «Маклена Граса», ее текст сохранился только в русскоязычном «таировском» варианте. После запрета на любую писательскую, научную и преподавательскую деятельность в Украине переехал в Москву, по предложению русских друзей-ученых, Николай Зеров. В столице он занимался переводами с украинского и латинского языков на русский, однако избежать репрессий это ему не помогло. А вот в 1934 г. переезд в Ленинград стал спасительным для жены В. Перетца – Варвары Адриановой-Перетц, которую окружили заботой в Пушкинском доме.

Иногда доходило смешных казусов. Так, Юрий Яновский напрасно стучал во все украинские издательства со своим романом «Всадники»: на его имя в Украине было наложено нерушимое табу. Первое издание романа вышло в Москве в русском переводе (1935). После высокой его оценки русскими писателями и критиками (прежде всего, конечно, в «Правде») началось триумфальное шествие романа по Украине, и очень скоро «Всадники» стали классикой советской литературы. Как и Ю. Яновский, в подвешенном состоянии долгое время пребывал также драматург Иван Кочерга. Он очень быстро приобрел статус классика украинской литературы после того, как на всесоюзном конкурсе 1934 г. его пьеса «Мастера времени», понятно, в русскоязычном варианте получила одну из премий (правда, пьесы были анонимными, когда фамилии авторов были расшифрованы, то украинский драматург вместо первой премии, которой первоначально его удостоили, получил третью). И. Кочергу сразу приняли в Союз писателей УССР, предоставили жилье в Киеве, а ведь он безуспешно пытался поставить «Мастеров времени» в Украине с 1930 г.

Межкультурное единение, содружество не знает границ, несмотря на всевозможные политические перипетии и коллизии. В очередной раз это было доказано на примере взаимоотношений украинских и русских писателей, ученых, деятелей культуры в период между двумя мировыми войнами. Истинный художник слова всегда выше политических, идеологических предубеждений, поэтому приходит к соответствующей оценке достижений культуры родной и чужой наций, которые от этого перестают быть чужими.

Литература:

1. Шкандрій М. Модерністи, марксисти і нація: Українська літературна дискусія 1920-х років. – К., 2006.

2. Окара А. Технология Голодомора: жизнь как чудо (АПН.ру, текст специально для российских читателей) //www.http: blogs.pravda.com.ua/ authors/okara/4d29dc0465dcd
3. Наше сьогодні // Вапліте. – 1927. – № 3. – С. 132-141.
4. Гуменна Д. Дар Евдотеї: Іспит пам'яті. – Книга друга: Жар і крига. – Балтимор-Торонто, 1990.
5. Луцький Ю. Літературна політика в радянській Україні: 1917 – 1934. – К., 2000.

М.А. Голованева
Астраханский государственный университет, Астрахань

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ В ДРАМЕ

Прагматический смысл функционирования в драматургическом тексте такого специфического лексического пласта, как профессионализмы, заключается в тех целевых пределах, которые автор-коммуникант ставит перед собой. Так, русская политическая драма конца XX века включает в свою текстовую ткань большое количество профессиональных лексических и лексико-фразеологических единиц, позволяющих добиться достоверности, публицистичности пьес, и, главное, реализовать стратегию суггестии, обеспечивающую проведение авторской позиции.

Подобное оперирование профессиональными терминами даёт возможность драме, как и публицистическому произведению, стать точно информативной, часто бесстрастно фактографичной (Костомаров 1967: 58). Смешение стилей, наблюдаемое в драме конца XX века, и в данном случае «вливание» публицистических элементов вместе с пластом профессиональной лексики, свидетельствует о сложных коммуникативно-когнитивных задачах, решаемых автором. Это, во-первых, превращение драмы как «формата знания» в более объёмный, информационно нагруженный когнитивный элемент. И, во-вторых, превращение коммуникативной передачи этого элемента читателю в новую коммуникацию, отличную от прежней своей сверхзадачей пробуждения и образования в воспринимающем сознании непривычных когнитивных структур. Читатель драмы в новых условиях получает массированную дозу знаний о различных профессиональных отраслях деятельности в связи с выдвижением в этот исторический период производственной темы на передний план.

1. Производственная сфера воссоздаётся драматургами путём привлечения соответствующих терминов и профессиональных клише: А н д р е й. *…Третье: сделать* ***переаттестацию рабочей квалификации*** *каждого, чтоб оплата по справедливости была*; Д о р о н и н а. *Меня интересуют* ***несущие анкерные колонны****. В своё время…там и марка бетона, и* ***се-***

чение арматуры *соответствовали проекту* (Э. Бобров «Личное мнение»); М у д ж и р и. *Крымские берегостроители отказались от укрепления морских берегов старым способом* **– *волноломами, бунами, траверсами***…; М у д ж и р и. *... река Чорухи заносит в каньон* ***инертные материалы*** *в большом количестве* (А. Чхеидзе «Морской прилив»); С е р г е й. И в а н о в и ч. *... Рим погиб от* ***эрозии почвы****. ...Гибель великих цивилизаций прошлого всегда происходила от застоя, а не от нашествий.* ***Потеря энергии, вялость хозяйственного механизма*** *– вот что гибельно* (Г. Бакланов «Я и мы»); Е р м а к о в. *... Придёт Фомич, начнёт размахивать* ***прокатным станом*** *или, на худой конец, каким-нибудь* ***блюмингом***…(К. Щербаков «Перемена»); К а м п а н е е ц. *...Мы вас отсюда попросим, товарищ* ***внеплановый отдыхающий!*** (В. Аксёнов «Цапля»); К а з м и н. *...* ***Аортопластика*** *– это не зубы сверлить… А у него –* ***отторжение, несрастание, тромбоэмболия, удушье****… Для меня не пустой звук эта фраза, что хирург умирает вместе с пациентом. ...*; Е р м а к о в. *Знаете, процесс* ***послеоперационной реабилитации*** *– это очень опасный процесс. ...*; К а з м и н. *...К концу дня засыпаю. Вот в это время. Просто глаза закрываются. И губы ленивые. ...* П о с е т и т е л ь. ***Гипоксия****. Это я знаю* (В. Губарев «Последний посетитель»**)**; А к т р и с а. *Мы – артисты, наш театр сократился, то есть часть людей стала не нужна, ну там…* ***хозрасчёт, самофинансирование*** *и так далее…* **(**А. Козак «Верёвка»**);** Г л е б. *…ты выбрасываешь на рынок качественный товар по* ***демпинговым*** *ценам…*(Д. Меркулов «Честь и место»).

2. Интериоризация нового знания о сфере науки читателем осуществляется, в частности, благодаря когнитивной обработке реципиентом драмы научного термина: В и к т о р. *...Знаю, что вы у нас корифеи в одном тонком вопросе исследования кристаллов. А нам эти* ***чувствительные кристаллы*** *позарез нужны*; Н и к о л а й. *...Прежде чем Варанов широту души выказал, они меня десять лет как* ***супермодуль****, как приложение к* ***ЭВМ*** *применяли: Коля, сосчитай, Коля, помоги, посоветуй, Коля, подай идею…* В и к т о р. *Так и скажу: начальство считает, что и без* ***сенсорных кристаллов*** *технология даст эффект. ...* (Д. Меркулов «Честь и место»); Ремарка: *Пуск реактора…Пробегают люди, слышны их голоса: «****Динамики*** *все подключили?» – «Да!» – «А* ***кадмиевые стержни****?» – «Опустили!»*; А в т о р. *Так, так… Понятно, а этот…* ***синхроциклотрон****, что он даёт конкретно?* К у р ч а т о в. *Как* ***фон спонтанного деления****?* Г о л о с п е р в о г о у ч ё н о г о. ***Фон растёт!*** (К. Скворцов «Курчатов»**).**

3. Сфера суда и права широко представлена в типизированных выражениях анализируемой драмы ввиду актуальности тематики: З и м и н а. *Шмакин, мы хотим дать вам* ***очную ставку*** *с Русаковым*; А р о б е л и д з е. *Есть статьи, которые…не подпадают под* ***амнистию*** (В. Раздольский «Прости нас, мачеха Россия»**)**; С у д ь я. *... Поскольку дальнейший допрос*

свидетелей ничего не добавляет, а ***прения*** *сторон по существу состоялись, то* ***судебный процесс*** *признано целесообразным завершить* (С. Алёшин «Со свиданьицем»**)**; Г Б. *Десять лет.* ***С конфискацией. Без права переписки****. И с* ***поражением в правах****. …И отправка за пределы столицы* ***административным порядком***…(А. Козак «Верёвка»).

4. Сфера литературной деятельности и издательского дела представлена формульными лексемами и конструкциями: С п р у т о в. …*Он был* ***литературным обработчиком*** *его воспоминаний*…; З я б л и к о в. … *так называемая* ***литературная запись*** *воспоминаний генерал-майора*; С п р у т о в. … *он …просил меня выступить на приёмной комиссии в защиту какого-то* ***графомана****, который его одолел. Он был литературным обработчиком его воспоминаний*… (С. Михалков «Кавардак»**)**; П о т а н и н. … *я твой очерк вчера* ***в набор заслал****.* …; П о т а н и н. *Я просил узкий снимок на* ***колонку****.* …; В о р о н к о в. *Хорошие* (статьи) *надоело писать, мне их* ***дежурные редакторы*** *заворачивают*; П о т а н и н. ***Свежая голова****, пожалуйста.* …; К о с т о р е з о в. …*Маленький редакционный* ***комментарий***…; А н т р о п о в. … *так у неё по* ***макету*** *красивше выходит*… (К. Щербаков «Перемена»**).**

Таким образом, профессиональная деятельность в различных областях (производственной, сфере обслуживания, медицине, науке, суде, книжном и издательском деле и мн. др.) отражается в драматургическом тексте с помощью специальной лексики и фразеологии, при этом реализуется когнитивная стратегия суггестии путём проведения тактики опоры на профессиональный термин. Прагматический смысл активизации профессионализмов заключается в максимально сильном воздействии на сознание читателя.

Литература:

1. Костомаров В.Г. Слова-сигналы // Русская речь. – 1967. – № 3. – С.58-60.

Н.М. Грищенко
Минский государственный лингвистический университет, Минск (Беларусь)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ СТИМУЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ «ДУХА ЭПОХИ»

Понятие *zeitgeist*, «дух эпохи», получает свое развитие под воздействием культуры конкретного исторического периода и является фактором, опосредующим влияние культуры на любую человеческую деятельность. Культура, генерирующая свойственный ей «дух эпохи», является сложной,

целостной системой, которой присущи самобытные способы коллективных действий, спектр ощущений, стиль мышления.

Ссылаясь на концепцию У.Эко, художественное произведение, обладающее эстетической ценностью, можно назвать «открытым». *Открытое произведение* понимается как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерная для любого произведения в любое время (Эко 2004: 10–11).

Художественное произведение, предстающее как законченная и совершенная форма, является открытым, предоставляя возможность адресату трактовать себя разными способами. При этом произведение не утрачивает присущего ему своеобразия.

В системе культуры поэзия занимает особое место. Поэзия неотделима от культурного контекста эпохи. Многослойность поэтического текста во многом определяется тем, что для каждого конкретного смысла произведения представлен свой «дух эпохи», что создает многозначность текста.

Текст являет собой эстетический объект, отражающий поэтический универсум его создателя. Особенности этого поэтического универсума проступают, прежде всего, в специфическом отношении автора к внешнему и внутреннему миру. Эстетическая функция в поэтическом произведении состоит в том, чтобы открывать адресату нечто новое. Эта новизна становится возможной благодаря перераспределению информации между уровнями сообщения, что ведет к пересмотру кода и образованию новой структурной основы произведения (перекликается с понятием центра и периферии семиотического континуума). Можно предположить, что открытость произведения является условием эстетического восприятия.

В процессе создания произведения, автор ориентируется на потенциального читателя и на особенности и закономерности «духа эпохи», совокупность идей, характерных для конкретного исторического периода, и создает пространство проекции этого текста. «Дух эпохи», формирующий язык времени, играет значительную роль в самоопределении эстетических форм и их тесном взаимодействии с иными формами, что предполагает целостность культуры, в системе которой искусству отведено особое место. В контексте «духа эпохи» автор поэтического текста, а вслед за ним и читатель, моделируют мир. Автор художественного произведения прогнозирует динамику читательской точки зрения, а «идеальный» текст формирует определенную систему, которая способна стимулировать сотворчество автора и читателя. Можно допустить, что хорошо организованный текст создает определенную компетенцию своего читателя и в то же время заранее предполагает наличие этой компетенции. Подлинно художественное произведение в своей открытости не столько подвигает читателя «воссоздавать» внутренний мир автора, сколько вызывает в памяти читателя опыт, ситуации, моменты, созвучные атмосфере произведения, таким образом, порождает це-

почку ассоциаций, извлеченных художественным произведением из глубин памяти читателя. Представляется, что такое домысливание по ходу чтения составляет обязательный эмоциональный аспект чтения, связанный с переживаниями, читателя.

В испанской поэзии начала XX века находят отражение духовные искания и многогранный внутренний мир культурной элиты Иберийского полуострова. Поэтические произведения этого периода насыщены философией, мифологизмом и символизмом. Смысловая многозначность и многоплановость поэтики исторически основывается на мифологическом мышлении, а стремление испанских авторов к гармонии способствует поиску новых форм и метрических инноваций, которые обусловливают колорит и особую мелодичность поэтических произведений. Философско-историческая составляющая испанской поэзии начала XX века акцентирует смысл произведений, тем самым подчеркивая его первичность. Наряду с этим появление мифологических инноваций в испанской культуре на стыках старых мифов и образов способствует преобразованию мировоззрения общества.

Отсылка к мифопоэтическим моделям Средиземноморья для испанской культуры не случайна. Основание греческих колоний на территории Иберийского полуострова в VII–IV веках до н. э., во многом определило пути становления и развития Испании. Помимо этого, греческая мифология, будучи одной из древнейших форм освоения мира, несет в себе мощный эстетический посыл. Античный мир, постоянно реконструируемый средиземноморской мифологией, наполнен гармонией. Для Иберийского полуострова рубеж XIX – XX веков был ознаменован экономической и политической нестабильностью, чередой конфликтов и войн. Поэтому стремлением к равновесию и согласию в тяжелое для Испании время объясняется воспроизведение мифологических сюжетов испанскими поэтами начала века. Примечательно, что и в период смены Ренессанса эпохой Барокко, который для Испании также охарактеризовался кризисной ситуацией, наблюдается возрождение мифологических образов и сюжетов в творчестве испанской культурной элиты.

Зачастую авторские поэтические модели, связанные со средиземноморской традицией, строятся на глубоко личной символике, которая переплетается с обычаями испанского народа. Автор создает свой внутренний мир, который находит воплощение в поэтическом тексте. Эмотивные стимулы, которыми сообщение воздействует на своего адресата, в эстетическом сообщении понимаются как система коннотаций, управляемая и контролируемая структурой сообщения, так как архетипы, мифологемы, символы, составляющие код культуры, постоянно открыты для новых осмыслений. Т. е., речь идет о своеобразных отсылках к исторической памяти культуры.

Так, одним из ключевых слов-образов в испанской поэзии начала XX века становится цикада, вошедшая в мировую культуру и относящаяся

к миру богов. Цикада в древнегреческой традиции считалась посланницей небес и соотносилась с богом солнца Аполлоном, покровителем музыки и искусств. Связанная с мифом о смертном троянском царевиче Титоне, получившем бессмертие, цикада символизирует вечную жизнь.

Обращение к этому символу характерно для многих испанских поэтов и художников (Федерико Гарсия Лорки, Хуана Рамона Хименеса, Антонио Мачадо, Сальвадора Руэды, Франсиско Вильяэспесы, Сальвадора Дали, Жоана Мирó), что свидетельствует о его укоренении в сознании носителей испанского языка и в испанском культурном универсуме.

Silencio; es la cigarra, la doctora,
la que enseñó a Virgilio la poesía
y dio a las viñas griegas su armonía
cual bordón inmortal de luz cantora.
(S.Rueda. La cigarra).

Dentro de un olmo sonaba la sempiterna tijera
de la cigarra cantora, el monorritmo jovial...
(A.Machado. Hacia un ocaso radiante...).

...Mas tú, cigarra encantada,
derramando son, te mueres
y quedas transfigurada
en sonido y luz celeste.

¡Cigarra!
¡Dichosa tú!,
pues te envuelve con su manto
el propio Espíritu Santo,
que es la luz…
(F.García Lorca, ¡Cigarra!).

Цикада ассоциируется с вечностью, духовным бессмертием, творческим началом: *bordón inmortal* ‘бессмертный припев’, *sempiterna tijera* ‘вечный звук ножниц’, *te envuelve… el propio Espíritu Santo* ‘тебя окружает сам Святой Дух’, *luz cantora* ‘певучий свет, светоч’, *cigarra cantora* ‘певучая цикада’, *quedas transfigurada en sonido y luz celeste* ‘превращаешься в звук и небесный свет’.

В то же время в произведениях поэтов семантическое развертывание ‘цикада как бессмертие’ – ‘цикада как бессмертная поэзия’ подтверждается используемой лексикой, передающей эмотивность и особый лиризм. Упоминание Вергилия (*Virgilio*), одного из наиболее значимых античных поэтов, который также неоднократно обращался к цикаде в своих Буколиках, позволяет выделить внутри традиционного символа новую сему ‘poesía’, ‘lo poético’. Цикада приравнивается в тексте поэту, передающему свои знания последователям. Здесь также наблюдается приращение смыс-

ла: символ приобретает новые оттенки значения – *doctora* (поэт-учитель, поэт-врачеватель) ‘la que enseña’, ‘la que cura’.

Поэтический текст, как сложно выстроенный смысл, зачастую отводит особую семантическую нагрузку тем элементам, которые в обычной языковой структуре ею не обладают. Показательно, что символический универсум, функционирующий в поэтическом тексте, изменяет назначение языка: язык не столько *называет*, сколько *вызывает* ассоциации, отсылая адресата к культурному и историческому фону. При этом для корректного восприятия сообщения предполагается определенная культурная и интеллектуальная подготовка читателя, его включенность в контекст. Ведь в поэтическом тексте основной акцент приходится не на коммуникативную функцию, а на суггестивность. Поэзия передает не столько фактуальную, сколько концептуальную и эстетическую информацию – сложный информативный комплекс, который передается в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации.

При анализе слова в поэтическом тексте становится очевидной необходимость использования культурологического подхода при изучении лексического пласта языка. Процесс восприятия, понимания текста культуры, в частности, поэтического текста, предполагает реконструкцию семиотического языка культуры, что требует использования, наряду с собственно лингвистическим анализом, культурологического анализа.

Литература:

1. Эко У. Открытое произведение. – СПб., 2004. – 380 с.

Л.А. Иванова
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

История сравнительного литературоведения в Германии началась в 1886 году с выхода в свет первого специализированного издания, посвящённого вопросам сравнительной истории литературы „Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte“, основанного при активном участии Макса Коха. В 20-30-х годах XX века сравнительное литературоведение практически не преподавалось в университетах Германии, серьёзных исследований в этом направлении не велось. После окончания второй Мировой войны создаются первые кафедры сравнительного литературоведения в университетах Майнца и Саарбрюкена, а позднее в университетах Берлина, Бонна, Дармштадта, Аахена. Вторая половина XX века стала временем

расцвета сравнительного литературоведения в Германии. Именно в этот период ведутся интенсивные исследования, создаются школы сравнительного языкознания в университетах Германии.

Что касается теоретических основ этой новой для Германии дисциплины, сравнительное литературоведение не предлагает какой-то специфической методологии, более того, оперирует традиционной литературоведческой понятийной базой: «эпоха», «период», «род», «вид», «направление», «движение», «жанр», «мотив», «традиции», «влияние», «подражание», «междисциплинарный», «межкультурный», «интертекстуальный» и другие.

Сфера научного интереса сравнительного литературоведения охватывает довольно широкий спектр феноменов мировой литературы, особенно актуальные проблемы сравнительной истории литературы и сравнительной теории литературы. Сравнительное литературоведение не стремится ограничить себя рамками художественной литературы, обращается к другим видам искусств, опирается на данные исследований в других областях знаний, о чём свидетельствует междисциплинарный характер исследований по сравнительному литературоведению.

«Мировая литература» - ключевое понятие современной компаративистики и предмет постоянных дискуссий, поскольку однозначной трактовки данное понятие не имеет.

Полемика вокруг понятия «мировая литература» в современной компаративистике начинается, пожалуй, с высказываний Гёте о грядущей эпохе мировой литературы, обусловленной достижениями научно-технического прогресса, в том числе в сфере коммуникации, обеспечивающей благоприятные условия для личного общения писателей, представляющих различные национальные литературы, и способствующая, таким образом, взаимовлиянию и взаимообогащению национальных литератур. По убеждению Гёте, именно личный характер такого общения должен сделать народы терпимее друг другу (Goethe 1988: 321). После завершения эпохи наполеоновских войн это высказывание звучало чрезвычайно актуально.

Понимание мировой литературы как сообщества авторов, представляющих национальные литературы, гуманистическая направленность такого толкования понятия «мировая литература» сыскали множество единомышленников среди современников Гёте. Истории литературы известны многочисленные примеры личных контактов между писателями – представителями национальных литератур. Назовём хотя бы Жан Жака Руссо и Альфонса Гольдшмидта, Райнера Мария Рильке и Поля Валери, Томаса Манна и Ромена Роллана. Однако, сложно судить, насколько подобные контакты способствовали воплощению идеи толерантности в межнациональном общении. Идея же взаимообогащения национальных литератур в результате их тесного взаимодействия стала одним из постулатов современной компаративистики.

Десятилетия спустя после смерти Гёте понятие «мировая литература» приобретает иное значение и употребляется как характеристика качественная. Мировая литература – это выдающиеся, наиболее удачные с точки зрения эстетики, лучшие, самые значительные литературные произведения. Однако, подобная оценка того или иного литературного произведения сопряжена со значительной долей субъективизма и представляется достаточно спорной. Такого мнения придерживаются, в частности, Дитер Лампинг и Франк Ципфель (Lamping, Zipfel 2005: 9).

В 60-е годы XX столетия «мировая литература» понимается как литературы мира, все национальные литературы, то есть акцент смещается на количественный акцент. Такое толкование понятия «мировая литература» обусловило дескриптивный характер целого ряда работ. Так, например, литературная энциклопедия „Kindlers Literatur-Lexikon“ была дополнена томом „Die Literaturen der Welt“, представлявшим более 130 национальных литератур. Такой подход к толкованию понятия «мировая литература» стал своеобразной реакцией компаративистики на критику в свой адрес за литературный, культурный и политический евроцентризм, в отношении, прежде всего, литератур народов Азии и Африки. Дискуссия по этому вопросу нашла отражение в работах таких авторов как Хорст Рюдигер (Rüdiger 1972: 36-54), Хендрик Бирус (Birus 2000: 625-827).

Данная концепция представляется достаточно спорной, поскольку объект исследования трактуется настолько широко, что интеллектуальных усилий и компетенции отдельного исследователя вряд ли будет достаточно, чтобы изучить и исследовать его.

В принципе иное толкование понятия «мировая литература» предлагает Хорст Штейнметц. Для него мировая литература – продукт экономического, исторического и духовного развития изначально ориентированный на преодоление национальных и языковых различий. Данная концепция базируется, в какой-то степени, на убеждениях Гёте о созидательных возможностях научно-технического прогресса, способных благотворно повлиять на создание новой мировой литературы. Хорст Штейнметц связывает появление самой идеи мировой литературы с началом индустриализации в эпоху развивающегося капитализма.

В основе его концепции – интернационализация мировых процессов эпохи развитого капитализма, а мировая литература – одна из составляющих данного явления. Эта литература в разных странах создаётся на похожих жизненных условиях, на основе похожего житейского опыта как продукт для потребления на едином мировом рынке (Steinmetz: 1988: 103-126).

Подобную оценку процессу мирового литературного развития даёт и Ерих Ауэрбах (Auenbach: 1992: 83-96).

Однако, следует отметить, что такое толкование понятия «мировая литература» ограничено определёнными историческими рамками: с первой

половины XIX века до конца XX века, то есть охватывает чуть более 150 лет истории литературного развития и не может быть использовано для характеристики более ранних этапов в истории литературы.

Историческую ограниченность данной концепции мировой литературы в какой-то степени позволяет преодолеть интертекстуальный подход к толкованию этого понятия. Современная теория интертекстуальности понимает мировую литературу как особую систему взаимоотношений между текстами – произведениями, созданными различными национальными литературами. Интертекстуальные включения в текстах могут быть маркированными и немаркированными. Способами интертекстуального взаимодействия между текстами могут быть цитирование, использование аллюзий и реминисценций, имитация, пародирование.

Идея толкования мировой литературы как интертекстуального феномена была сформулирована Вильфридом Барнером (Barner: 1971) и нашла продолжение в работах Дитера Лампинга и Манфреда Энгеля (Lamping, Engel 1999).

Полемика вокруг ключевого понятия «мировая литература» сравнительного литературоведения продолжается. Каждая из представленных выше основных концепций в той или иной степени справедлива, когда в определённом научном дискурсе используется для решения тех или иных исследовательских задач.

Литература:

1. Auerbach E. Philologie der Weltliteratur. – Frankfurt a. M.., 1992.
2. Barner W. Produktive Rezeption. Lessing und die Trägödien Senecas. – München, 1972.
3. Birus H. Art. Weltliteratur//Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte. Band III: P-Z. – Berlin, New York 2003.
4. Goethe J.W. Briefe. Kommentare und Register. Hamburger Ausgabe in 6 Bänden. Band 4: Briefe 1821-1823. - München, 1988.
5. Lamping D., Engel M. Rilke und die Weltliteratur. – Düsseldorf, Zürich, 1999.
6. Lamping D., Zipfel F. Was sollen Komparatisten lesen? – Berlin, 2005.
7. Rüdiger H. „Literatur“ und „Weltliteratur“ //Weltliteratur und Volksliteratur – München, 1972.
8. Steinmetz H. Weltliteratur. Umriß eines literaturgeschichtlichen Konzepts// Literatur und Geschichte. Vier Versuche. - München, 1988.

А.В. Игнашов
Самарский государственный университет, Самара

ЭССЕ ИЗ КНИГИ «ЗА ЧТО Я ВСЕ ПОМНЮ?..» КАК ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Международный проект издания посвященной Марлен Дитрих книги «За что я все помню?..», объединив авторов из России, Германии и США, отражает межкультурное взаимодействие в современной литературе. В этом нам видится и некий символизм: эти страны были любимы и близки Марлен. Инициатор проекта А.В. Прокаев объединил драматурга и авторов статей-комментариев именем Марлен Дитрих, собрав под одной обложкой уникальный материал о великой актрисе. Выход этой книги – настоящее культурное событие: впервые в России жизнь и творчество М. Дитрих, ее отношения с Ремарком легли в основу исторически достоверного художественного произведения. Презентация книги прошла в 2005 г. в Германии на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне. В предисловии А. Прокаев пишет о желании открыть неизвестную нам Марлен, найти источники ее «русской души», понять «любовь Марлен к русским, к России, затронув при этом лишь некоторые аспекты. Наверняка их много больше, и они останутся тайной, известной лишь самой Марлен, утверждавшей, что вся правда о ней принадлежит только ей» (Прокаев 2005: 6).

Основу книги составляет пьеса А. Игнашова «За что я все помню?..», где раскрываются характер и натура Дитрих, ее отношения с Ремарком. При этом Ремарк сыграл огромную роль в жизни М. Дитрих, их переписка является ярким образцом высокой любовной прозы.

Джон Пол Рива (США), внук Марлен, делится воспоминаниями от общения с бабушкой, приоткрывая некоторые тайны ее жизни. Андреас Элерс (Германия) представляет в своем дневнике воспоминаний зарисовки из жизни Берлина, которому Марлен осталась преданной до конца своих дней. Елена Бурлина (Германия-Россия) в статье о феномене популярности Дитрих в России подчеркивает актуальность ее фигуры с точки зрения межкультурной коммуникации.

Стихи самой Марлен, «крылатые фразы» Ремарка дают ключ к пониманию феномена Марлен Дитрих. Написанное восемнадцатилетней М. Дитрих стихотворение «Komm doch mal her» опубликовано на немецком языке и впервые на русском (перевод А. Бакалова):

«Молю тебя, друг,
Приди ко мне вдруг
И со мной поиграй
При желанье!
Любви не прошу,

Серьезности тоже не надо:
Побудь со мной чуточку рядом,
И до свиданья!
Алые розы в руках моих,
Как губы при поцелуе.
Даже если они умрут,
Все их тебе дарю я.
Приди же, поиграй со мной!» (Дитрих 2005: 9).

Елена Бурлина, культуролог, доктор философских наук, профессор, председатель ученого совета Института «Город-Страна-Планета» (г. Дюссельдорф) отмечает в эссе «Где кончается Европа?», что клише о границах европейской культуры, различиях Европы и России устарело, прежние стереотипы о немцах переплелись с новыми глобальными связями Европы и Азии. «Где же, в самом деле, кончается Европа? – спрашивает Е.Я. Бурлина. – Можно ли всерьез принимать слова рафинированной немецкой звезды: «Я – русская душою»? Один немецкий переводчик, европеец до мозга костей, Г. Феттке сказал не без сарказма: «Марлен Дитрих – русская?! Тогда она будет в Японии – японская». Он, должно быть, имел в виду, что рынок правит миром, ничего не поделаешь, бренд должен учитывать потребности покупателя и приближать к нему товар: машину, актрису или стиральный порошок…» (Бурлина 2005: 143).

В США, в странах Западной, а теперь и Восточной Европы Дитрих была преподнесена по всем канонам мифа: идеал, самая стильная женщина XX века! Ее лицо-маска со всемирно известными впалыми щеками, бровями-ниточками, белокурыми волосами под черной шляпой украшало все издания. Журналисты писали о том, что женщины обязаны Марлен брючными костюмами, подпитывая всеобщее восхищение рассказами о ее железной воле, о каторжном труде над костюмами, прическами, грудью и ногами, возбуждая публику рассказами о сотнях ее экстравагантных любовных историй. Меньше писали о независимости, с какой она летала над политическими барьерами, еще меньше – о том, что Дитрих вошла в виртуальный мир Интернета как символ современных нам бисексуалов.

«Я – русская душою», – говорила о себе Марлен Дитрих. Немецкая актриса, космополитическая персона XX века. Почему же «русская»? В. Майсцис, директор Театрального музея в Дюссельдорфе, признает слоган «Я – русская душою», полагая, что «нельзя не учитывать отражение, резонанс, интерпретацию, межкультурную коммуникацию, диалог, обмен, взаимодействие культур. Это – не улица с односторонним движением» (Бурлина 2005: 142).

Отметим, что Марлен Дитрих знала и любила русскую литературу, обожествляла музыку Стравинского. В отличие от многих Марлен знала

толк в искусстве, дружила с Хемингуэем, поклонялась творчеству Паустовского, а однажды публично встала перед ним на колени.

Внук великой киноактрисы Джон Пол Рива заметил, что «наша семья решила не обнародовать некоторые материалы из архива, документальные съемки. Ни вы, ни я, – никто так и не узнает, о чем же она думала, о чем мечтала, о чем сожалела. О Марлен много сказано, много написано. Она сама писала о себе, о ней писала ее дочь, моя мать, Мария Рива. Каждого в Марлен интересует что-то свое. Кто-то любит ее киноролИ, кто-то – как она поет, кому-то интересна ее личная жизнь. Марлен воспринимают как человека, который рядом, только разве что куда-то вышел, но не умер» (Рива 2005: 164).

Культуролог, свободный художник и ресторатор Андреас Элерс (Германия), посвятивший свою жизнь увековечиванию памяти Марлен Дитрих, публикует в книге выдержки из собственного дневника: «С некоторых пор планирую открыть с друзьями ресторан, недавно мы осматривали пустующее помещение в Шёнеберге. Это район Берлина, где в 20-30-е годы прошлого века жизнь била ключом. Здесь были варьете, кинотеатры, ночные клубы. И здесь родилась Марлен Дитрих! Она появилась на свет в 1901 году на Седанштрассе, 53. Помещение, которое мы смотрели, на Готенштрассе, 1. Эта улица идет параллельно Леберштрассе, первый дом на противоположном конце. Теперь я знаю, что делать. Мы снимем это помещение и назовем ресторан в честь Марлен…» (Элерс 2005: 174).

Как известно, в двенадцать лет Дитрих изменила имя Мария Магдалена на Марлен, звучавшее во времена Вильгельма II как-то особенно. Нет и не должно быть другой Марлен! Неяркая и невысокая, ростом всего в 155 сантиметров, она производила на окружающих ошеломляющий эффект. Серо-голубые глаза звучали диссонансом к созданному на киноэкране образу «женщины-вамп». Один из немецких документальных фильмов о Марлен был назван «Marlene Dietrich – (K) Ein Engel?» (перевести можно как «Марлен Дитрих – ангел или нет?»). В немецком языке лишь одна буква «К» разделяет значения слов «ангел» и «не ангел». Границы между ними практически нет, как нет ее и у Марлен.

Размышляя над загадкой Марлен, А.В. Прокаев обратился к этимологии слова «Dietrich»: «Словарь Langenscheid дал мне следующую трактовку: Dietrich – нем.: вид крючка, с помощью которого можно открывать простые замки при отсутствии ключа, т.е. другими словами – отмычка. С точки зрения фонетики словосочетание «Marlene Dietrich» звучит на немецком языке очень контрастно. Не случайно Жан Кокто очень точно, на мой взгляд, написал о ней: «Марлен Дитрих. Твое имя поначалу звучит как ласка, но затем в нем слышится щелканье кнута!» Итак, Дитрих – отмычка! Это ли не очередное пугающее совпадение? Ключ, с помощью которого она всегда и везде открывала любые двери!..» (Прокаев 2005: 133-134).

Многие в России путают имена Марлен и Мэрилин. Оба имени звучат красиво. Говорят, Мэрилин Монро взяла себе этот псевдоним, находясь под влиянием Марлен Дитрих. На многих фотографиях Монро откровенно копирует Дитрих. Но как отметил Вернер Зудендорф, директор «Коллекции Марлен Дитрих» в Берлине, их отличие заключается в том, что Мэрилин была продуктом Голливуда, от чего страдала и покончила с собой, а Марлен создала себя исключительно сама.

На наш взгляд, Е.Я. Бурлина не случайно упоминает в своей статье цикл российских «Рассказов о Господе Боге» Р.-М. Рильке. Отвечая на вопрос «Что это за страна – Россия?», герой у Рильке, вдруг понимает, с чем Россия граничит. «На востоке?» – перебивает его друг. Герой медлит: «Нет». – «На севере?» – допытывается тот. «Видите ли, – отвечает герой Рильке, – людей испортило чтение карт. Там все плоско и ровно, и когда нанесены четыре стороны света, людям кажется, что все уже сделано. Но ведь страна – не атлас. В ней есть горы и низины. Она должна упираться во что-то вверху и внизу». – «Но с чем же может граничить Россия с этих двух сторон? Может быть, – с Богом?» – «Да, – подтвердил герой Рильке, – с Богом». И вот где-то там, в России, вновь возникает феномен Марлен, отчего-то – именно там» (Бурлина 2005: 147). И это не удивительно: Марлен Дитрих, падая в бездну, отражала небо…

Литература:

1. Бурлина Е.Я. Небо в зеркале маркетинга и межкультурной коммуникации / Бурлина Е.Я. Где кончается Европа? // Игнашов А.В. За что я все помню?.. – Самара. 2005. С. 142, 147.
2. Бурлина Е.Я. Немецкая актриса в зеркале российской провинции / Бурлина Е.Я. Где кончается Европа? // Игнашов А.В. За что я все помню?.. – Самара. 2005. С. 142, 143.
3. Дитрих М. Приди же // Игнашов А.В. За что я все помню?.. – Самара. 2005. С. 9.
4. Прокаев А.В. Дитрих – ключ к любой двери, к любому сердцу // Игнашов А.В. За что я все помню?.. – Самара. 2005. С. 133-134.
5. Прокаев А.В. Дорогие читатели! // Игнашов А.В. За что я все помню?.. – Самара. 2005. С. 6.
6. Рива Дж.П. Я во многом похож на Марлен // Игнашов А.В. За что я все помню?.. – Самара. 2005. С. 164.
7. Элерс А. Дневник воспоминаний // Игнашов А.В. За что я все помню?.. – Самара. 2005. С. 174.

В.С. Истомин
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
Гродно (Беларусь)

ОБРАЗ РОССИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНРИ ТРУАЙЯ

Согласно учению школы Потебни, «литература, пользуясь типичностью при изображении огромного целого, является могучим средством экономии мысли». Аккумулируя умственную энергию, литературный образ облегчает работу, направленную на познание мира, обеспечивает индивидуализированный показ определенных сторон жизни. Строя художественные образы, писатель создает живые персонажи, сверкающие всеми огнями конкретного бытия и наделенные индивидуальной жизнью. Литературное творчество А.Труайя огромно и разнообразно. А начиналось оно в далекой Франции. В апреле 1920 г. в Париж прибыла, бежавшая от большевистской революции, семья девятилетнего Льва Тарасова, родители которого были богатыми московскими купцами, потерявшими в один миг все, что было нажито за долгие годы, вынужденными покинуть Россию и добираться до Франции, проделав долгий путь через Кавказ, Крым, Константинополь, Венецию. Родители Льва Тарасова жили в чужой стране небогато, все, что у них было, они тратили на обучение своих сыновей, которые уже в этом возрасте хорошо говорили по-французски. Окончив лицей Пастера в Нейи - сюр – Сен, Лев Тарасов поступил на факультет права в Париже. В 1933 г., получив французское гражданство, он проходит воинскую службу в Метце в полку конной артиллерии. Одновременно он занимается писательским ремеслом, взяв в качестве псевдонима имя Анри Труайя. Вскоре он становится известным французским писателем, лауреатом литературных премий, в том числе Гонкуровской. Среди его книг – романы, новеллы, пьесы, литературные биографии, «одни из лучших образцов этого жанра». Значительное место в творчестве А.Труайя занимают романы, посвященные русской теме, России предреволюционного периода, «малой внутренней родине, воссозданной благодаря далеким воспоминаниям, рассказам своих родителей, книгам, образам, служившим источником литературного вдохновения» писателя (Zitrone 1971).

В период с 1947 по 1950 гг. выходит в свет его первая романная сага Tant que la Terre durera (Пока стоит земля), действие которой происходит в России, и где воспроизводятся «самые первые воспоминания о «святой Родине». Среди произведений, посвященных России, есть и исторический роман, пенталогия (1959-1963) о русских декабристах *La lumière des justes (Свет праведных)*, имевший огромный успех у французских читателей. Произведения этого цикла написаны в лучших традициях французского

психологичечкого романа и классической русской прозы, в которых проявился талант писателя, умевшего *«создавать героев своих книг, не вклиниваясь между ними и читателем, проводя свои мысли через их поступки, через их слова, а сам оставался в тени»* (Troyat 1989). В книге *Свет праведных* постоянно взаимодействуют два мира – русский и французский. Главный герой первого тома цикла *«Спутники мака» (Compagnons du coquelicot*), Николай Озарев, получивший прекрасное образование и с детства свободно говоривший как на французском, так и на русском языках, (этот факт напоминает биографию автора), в составе армии союзников, после победы над войсками Наполеона, весной 1814 г. оказывается в Париже. На параде на Елисейских полях чувство радости и гордости за свою страну переполняло сердце Озарева *« comme c'est agréable d'être russe en cette minute! Nous ne bénirons jamais assez notre cher emprereur pour la gloire impérissable qu'il nous a permis de conquérir »* (Troyat 1959: 11). Особенно отчетливо раскрывается преданность Озарева императору Александру в величественной картине созерцания освободителя Родины *«vainqueur de l'hydre, l'Agamemnon des temps modernes »,* в мыслях Озарева о том, что *« il allait défiler devant son souverain sur les lieux mêmes où avait été décapité le dernier roi de France »* (Troyat 1959: 13), о том, что нельзя было представить русского, который бы не боготворил своего государя. В отличие от французов, которые имели на все происходящие события каждый свое мнение, русские, по мнению Николая Озарева, несмотря на внешнее отличие, *« ont en commun des principes qui ne se discutent pas » (*Troyat 1959: 114). Россия, в его глазах, предстает единой страной, а не раздробленной на *« trente-six Frances qui se disputent »,* когда речь идет о таких важных проблемах, как религия, добро и зло, смысл жизни, формы управления странами. *«В царской России, говорит Озарев, все люди живут счастливо при абсолютном покровительстве государя»* (Troyat 1959: 117). Но отношение французов к русским было совершенно иным, они считали их *« comme des êtres incultes, barbares, dépravés, sanguinaires, vivant à cheval, mangeant des chandelles de suif, oui, des espèces de Huns déferlant des steppes de l'Asie »* (Troyat 1959: 33). С другой стороны, нельзя не отметить восхищение французов, например, тем, как русские офицеры поглощали спиртные напитки в барах Парижа *«Roznikoff avala trois gobelets coup sur coup, sans presque reprendre son souffle. Nicolas en fit autant. Les royalistes de la table voisine étaient dans l'admiration : - Ces Russes, quel estomac !… »* (Troyat 1959: 47). Получив ордер на заселение в доме аристократа, Озарев хорошо понимал, что рассчитывать на хороший прием со стороны хозяина трудно, так как, будучи русским, он представлял собой инородный элемент *« condamné à choquer, à déplaire… »*, и, если его примут и пригласят, то затем лишь только, чтобы показать как экзотику, как *« une bête curieuse »*. Французы мало, что знали о России, наиболее информированные считали, что зима в Москве длится де-

вять месяцев в году, а имя Пушкина им известно только потому, что он был убит французом Дантесом (Troyat 1959: 314). По мнению Дельфины, *« русские внешне очень щедры, однако их сердца заледенели от северных морозов »* (Troyat 1959: 140). Николай Озарев в кругу своих новых знакомых много рассказывал о русских традициях, о православных пасхальных обрядах, что вызывало у них большой интерес, особенно забавляло их то, что православные после всенощной трижды целовались, произнося *« Христос воскрес, воистину воскрес »*. Граф и графиня Ламбрефу, их дочь Софи, после рассказов Озарева о православной церкви, загорелись желанием присутствовать на службе в русской церкви. И вот впечатление Софии : *« Tout y était beau, étrange, captivant. Il n'est pas nécessaire de croire pour être ému. Je me demande si c'est à Dieu ou à la Russie que vous avez voulu me convertir en m'invitant avec mes parents à cette messe orthodoxe ! »* (Troyat 1959: 133). Русские солдаты и офицеры, находящиеся вдали от Родины, вспоминали как на Руси праздновали Пасху, воскрешение Христа, в радости, изобилии и по традиции с крашенными яйцами и чарками водки. Считалось, что, если не было *« oeufs rituels et vodka les Pâques n'étaient plus une fête orthodoxe »* (Troyat 1959: 60), то не было и православного праздника. В России праздник Рождества и Нового года встречали при снежной зиме, с елкой, украшенной игрушками и свечами, о которой мечтали все российские дети. Во всех городах и деревнях хозяйки готовили скоромные блюда на последнюю неделю поста (Troyat 1963: 312). По православной традиции венчание Николая и Софи проходило в церкви. Она была поражена этим странным обрядом: его однополчане, сменяя друг друга, держали позолоченную корону над головами будущих супругов. Солдаты исполняли гимны удивительной мелодичности, а бородатый священник, в расшитой золотом одежде, низким голосом, руководил церемонией, предлагая молодым испить из кубка вина, а затем, соединив шелковым платком им руки, трижды водил их вокруг алтаря, чтобы они смогли приспособиться к тому, чтобы шагать вместе в обычной жизни (Troyat 1959: 296). При въезде в Россию Софи была удивлена подозрительностью пограничников и таможенников, на что Озарев ответил, что *«все наши перемещения контролируются властями « parce, dans un pays aussi vaste, aussi divers, aussi inclulte que la Russie, il faut une autorité solide pour tenir le peuple en main »* (Troyat 1959: 300). Едва вернувшись на родину, Николай столкнулся с «*естественным презрением к человеку, которое сквозило в поведении его соотечественников»* (Troyat 1959: 310). Путешествие до Пскова длилось несколько дней, и сквозь окно Софи видела унылую картину: серую равнину, крики воронья, иногда появлялись нестройные голые березки или темные ели, и среди этой пустыни вдруг появлялась деревушка с деревянными избами, расположенными вокруг церкви с зеленым куполом, а потом опять пустынное пространство, где теряются взгляд и мысли путешественника. Приехав в Санкт-Петербург, гуляя вече-

ром по бульвару, Софи увидела группу каторжников, изможденных, одетых в лохмотья, в кандалах, которые принимали милостыню от туристов и благодарили их низкими поклонами. На ее вопрос, кто это и почему такое унижение, Озарев ответил, что такой вид покорности был *«d'usage en Russie »* (Troyat 1959: 310). Увидев такую картину, Софи испытала чувство стыда, жалости и возмущения. Николай, понимая это, объяснил, что ее впечатление, это впечатление человека из-за границы, для которого *« tout ce qui n'est pas conforme à votre éducation vous heurte et vous indigne, mais quand vous vous serez vraiment mélée à nous, vous comprendrez que notre vie, avec ses bons et ses mauvais côtés, représente un tout très acceptable. On n'est pas moins heureux ici qu'en France. On l'est différemment»* (Troyat 1959: 312). Софи, оказавшись на улицах Санкт-Петербурга, была поражена контрастом, царившим в городе. С одной стороны, она видела среди пешеходов значительное число людей в полицейской форме, много разодетых господ, дам, одетых по парижской моде, шикарные машины помещиков и чиновников, а с другой, везде суетились мужики в заштопанных тулупах, крестьянские телеги со скрепящими колесами. *«Можно было подумать, что находишься на разломе двух столетий « un pied dans le Moyen Age et l'autre dans les temps modernes »* (Troyat 1989: 306). В России разительной была пропасть между господином и крепостным, между богатым и бедным, что позволяло говорить о разных народах, а не об одной нации (Troyat 1963: 229). И только слуга Антип, вернувшийся на родину, чувствовал себя довольным, ведь для него только *«en Russie qu'on se sent sur une terre chrétienne »* (Troyat 1963: 316), которую невозможно представить без голубых, золотых, зеленых куполов церквей и часовен. В сцене прощания с жителями Каштановки София, глядя на излияния чувств со стороны няни Василисы по отношению к Николаю, своему младенцу, давно выросшему, отметила еще одну черту, присущую славянам: *« отсутствие благопристойности, меры в выражении чувств. Молодые или старые, бедные или богатые, – буквально все вели себя как дети »* (Troyat 1959: 372). Подтверждением служат слова хозяина Каштановки, Михаила Борисовича: *« chez nous, tout est simple, chacun porte son âme sur sa figure! »* (Troyat 1959: 342).

Итак, в рассмотренных произведениях Россия представлена как огромная, снежная и холодная страна, на чьих просторах всюду разбросаны церкви с голубыми, зелеными и золотыми маковками куполов. Ее нельзя представить без тройки с бубенцами, без народных обрядов рождественных, новогодних, пасхальных праздников. Люди в России приветливы, экспрессивны, бесхитростны, щедры и милосердны, но все они разделены на два класса, между которыми огромная пропасть, которая не позволяет *«считать их одним народом»*. Но все они гордятся своей родиной, счастливы, каждый по своему, и боготворят государя. Французы же считают

русских варварами, непросвещенными, экзотическим народом, призирающим человека вообще, находящимся под бдительным контролем властей.

Литература:

1. Zitrone Léon Propos recueillis // Jours de France. – 2 novembre 1971. – Paris.
2. Troyat Henri Un si long chemin. – Paris, 1989. – P. 46-75.
3. Troyat Henri Les compagnons du coquelicot // La lumière des justes. – Volume I. – Paris, 1959.
4. Troyat Henri Sophie ou la fin des combats // La lumière des justes. – Volume V. – Paris, 1963.

Кийикбаев Ф.К.
Андижанский государственный университет, Андижан (Узбекистан)

ДРЕВНИЕ И СХОДСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

История человечества имеет некоторые нравственно-моральные категории, которые с истечением времени устаревают. Тем не менее, существуют вечные моральные категории, которые не стареют и актуальны всегда. Одна из таких категорий - взаимоотношения отцов и детей, их общественных и моральных конфликтов и несоответствия**.**

С самого начала существования жизни на Земле проблема отношения отцов и детей всегда была актуальна. Несомненно, что точка зрения молодёжи и старшего поколения часто не сходится. Возникновение конфликта в этих отношениях естественно. В этом кроются основные причины и это зависимость от исторического развития, изменения общественной политической жизни, обновлением моральных и эстетических принципов. В зависимости от этого, эти конфликты между отцами и детьми представляются различными причинами, такими как, например, общественные, политические, этические, бытовые и идеологические. Всё это отражается в литературе, которая является художественным отражением человеческой жизни.

Следовательно, Франц Кафке «Бунт сына против отца – старейшая тема литературы и ещё древняя проблема мира» (Кафка 1991: 550). Итак, с возникновением литературы существует и тема об отношениях между отцами и детьми. Смена поколений – естественный жизненный процесс, отношения между отцами и детьми – главная проблема народов мира и литературы. Однако, к отображению проблемы художественно, каждый автор подходит индивидуально, учитывая национальную точку зрения, к которой он сам принадлежит.

В мировой литературе отображение проблем отцов и детей идёт параллельно с описанием образа идеального отца и плохого ребёнка или на-

оборот, худшего отца и идеального ребёнка, и в этом отмечаются некоторые идейные тождества и сходства во взглядах. Сталкиваемся с тем, что создана большая галерея детей, родных друг другу, которые в отношениях к отцу стоят на различных позициях. Это проблема выдвинута в мировой литературе открыто и резко. Представителями западной литературы отношения между отцами и детьми описывается как обязательная борьба между поколениями. Естественно, такой подход к этой проблеме писатели предпринимают исходя национальных и религиозных взглядов, традиций, колорита и обычаев своего народа. Например, Вильям Шекспир в своём произведении "Король Лир" связывая загнивающий феодализм с семейными отношениями и как следствие острые противоречия между отцами и детьми. Потому что возрождающие капиталистические отношения, алчность до денег и богатства влияет на семейные отношения, разрывает отношения между отцами и детьми, прерывает родство. Таким образом, эгоизм и личные интересы играют важную роль в отношениях между отцами и детьми. Король Лир делит между эгоистичными дочерьми Гонерильей и Регане всё своё царство. Но его младшая дочь любящая, верная Карделия была лишена отцовского наследства и изгнана. После получение наследство отношение двух дочерей к отцу, который остался ни с чем, в корне изменилось. Избавившись от зависимости от отца, старшие дочери перестали подчиняться отцу, стали регулировать над ним. В трагедии общественно-политическое противоречие в виде основного конфликта просматривается через острые и явные отношения между отцам и дочерьми.

В романе И.С.Тургенева «Отцы и дети» раскрываются отношения между людьми старых времён и новым поколением. Аркадий, его друг нигилист Базаров идут от отверганий всего. Его отец Николай Петрович не может ему сопротивляться. Его мать Арина Васильевна говорит Базарову о своем сыне: «Сын похож на птицу умеющую летать, он такой же как сокол: если хочет, он прилетит, если нет - улетит. А мы сидим не шевелясь. подобно грибу в отверстие дерева»".

Знакомясь с произведением, отношениями между отцом и сыном, нам кажется, отношение сына довольно грубым, дерзким и неподобающим. Но русский критик Ю.В.Лебедев пишет, что Аркадий и Базаров сравниваются с революционерами – демократами, которые играли важную роль в будущем России (Лебедев 1982: 120). В статье даётся положительная оценка тому, что в произведении Тургенева хорошо освещено значение и роль пласта русской интеллигенции среди народа, которые были решительны в своих идеях.

Известный русский писатель М.Горький в своем творчестве обратил внимание на эту вечно актуальную в литературе тему - проблеме отношений между отцами и детьми. В одном из своих произведений, в драме «Подобно отцам, подобно сыну», которая написана 1908 году. Герой дра-

мы полицмейстер Иван Коломийцев прожил всю свою жизнь, предаваясь наслаждению, взятничеству и увлечению азартными играми, не уделял внимание воспитанию своих пятерых детей, не заботился о них. Впоследствии его дети - Александр, Надежда, Любовь, Пётр, Вера выросли подобные своему отцу безнравственными, нескромными, бесстыдными людьми.

Просветитель Исмаил Гаспиринский отмечал, что существование конфликта между отцами и детьми в истории обществе считается естественным случаем. Этот вопрос раскрыт в произведении «Критический взгляд на Европейскую культуру» (1886). И. Гаспиринский подчеркивал некоторые аморальные стороны европейской культуры, которые оказывали влияние на страны Востока, и призывал защитить их от этой угрозы. Надо отметить, что в то время по всей Европе созревала и развивалась идеология социализма и коммунизма, полностью отрицался капиталистический строй, традиции предков уничтожались. «Социалисты», которые активно участвовали в этом движении представляли серьёзную угрозу отношениям между отцами и детьми.

Известно, что в начале XX века узбекская литература переживала период обновления. Наши наблюдения подтверждают, что проблема отцов и детей тесно связана с основной темой джадидской литературе. (Джадидизм – (слово арабского происхождения, означает «новый») просветительское движение в Туркестане в начале XX века) с идеей просветительства. «В джадидской художественной литературе основной целью, которой было объединение всего общества на пути развития и прогресса, в первую очередь видели средство воспитания человека» (Салиджанов 2007: 140). В «духе нового времени» в джадидской литературе создана целая галерея образов невежественные отцы и дети, стремящиеся к знаниям, хорошие отцы и озлобленные дети, мечтательные отцы и дети, стремящиеся к просвещению.

В рассказе Чулпана «Доктор Мухаммадёр» мы видим иное отображение отношений между отцом и сыном. В нём создан образ сына, который выполнил последнюю волю отца и стал образованным и богатым. При этом основная идея этого рассказа, имеющего высокую степень просветительности, раскрывается на отношениях отца, который чувствует перед сыном моральный долг, а также сына, который осуществил мечту отца. В произведении Хамзы «Новое счастье» Газибай предстаёт в образе невежественного, любящего богатство отца. Это его качества победило воспитание, и привело к тому, что его сын Абдукаххар стал тратить богатство на грязные дела и не чувствовал долга перед семьёй и детьми. Представитель следующего поколения Олимжон благодаря просвещению, добился счастливой жизни, вызволил своего отца из нищеты и вернул к жизни. Здесь тенденция просветительства служит положительным итоговым мостом в отношениях поколений.

В общем, в новый период в узбекской просветительской литературе

идея того, что без знаний нельзя достичь счастливой жизни пропагандистским образом выдвигается вперед. Вместе с тем, как утверждается выше, новые идеи, призываются в атмосферу новых поколений, мы становимся свидетелями того, что это состояние проходит в различных отношениях и противоречиях между предками и поколением. Такая тенденция реальное требование того времени.

Основоположник узбекской романистики А.Кадири открыл в своих произведениях новые грани проблемы отцов и детей. С 20-годов до 70-годов XX века во многих созданных прозаических произведениях смена поколений отображена через различные художественные образы. В годы революционного переворота отношения, произошедшие в переходный период, красочно представлены на основе мировоззрения создателя, духовности, степени приятия нового социалистического общества, с политической точки зрения. Их можно разделить на 2 группы:

1. В общем, старики и молодые.
2. Несчастные отцы и счастливые дети.

В эти две группы можно отнести персонажи из произведений С.Айни «Дохунда», «Рабы», «Памятки», написанные в соответствии метода социалистического реализма. Проблема отцов и детей была описана на основе противоречий и разрешении этой проблемы чувствуется влияние догмы, свойственной народам Востока «Отец твой – Бог твой». В некоторых произведениях в отношениях отцов и детей восточное воспитание, исламский дух приводят к тому, что противоречия между ними происходят скрытно.

Исследуя эту проблему отцов и детей в литературоведении можно сделать следующие выводы:

Во-первых, для быстрого развития и усовершенствования любого литературного явления должны быть в той или иной степени объективные и субъективные основания. В этом отношении проблемы отцов и детей считались постоянной темой художественной литературы и имели свойственные им генезис и факторы.

Во-вторых, глубокие корни этой проблемы связаны с появлением человека. Борьба за жизнь, стремление претворить в жизнь личные и социальные интересы породили определенные противоречия сначала между отцами и детьми, братьями, а в последствие между родственниками и племенами.

В-третьих, генезис проблем отцов и детей упирается в образцы узбекского народного устного творчества. Народные пословицы, сказки и поэмы раскрывают социально-политические, нравственно-просветительские корни этой проблемы и питают классическую узбекскую литературу.

В-четвёртых, начиная с первых письменных образцов классической узбекской литературы, которая является неотъемлемой частью великой восточной литературы, непрерывно раскрываются новые грани этой древней и актуальной проблемы. Это приводит к расширению применения

проблем в художественной литературе, разнообразию строя характеров.

В-пятых, смена поколений в жизни человечества происходит постоянно, поэтому противоречия между отцами и детьми во всей мировой литературе стала одной из главных проблем. Эту проблему писатели решают исходя из менталитета свойственного каждой нации. Это своеобразие рассмотрено на примере произведений В.Шекспира, И.С.Тургенева, М.Горького, А.Кадири, Чулпана.

Являющиеся одной из важных основ в развитии общества отношения отцов и детей в социальной жизни и литературе узбекского народа живут в качестве постоянной проблемы со свойственными ей национальными гранями.

В общем, проблема отцов и детей занимает особое место в мировой литературе по способу раскрытия в присущих нации традициях и методическому своеобразие каждого национального творца в постановке и раскрытий проблемы.

Литература:

1. Кафка Ф. Замок. Новеллы и притчи. – М., 1991. - 660 с.
2. Лебедев Ю.В. Роман И.С.Тургенева «Отцы и дети» - М., 1982.- 320 с.
3. Саидов У.А.Миллий уйгониш даври узбек адабиётида комил инсон масаласи. КД. – Ташкент, 2002.- 240; 146.
4. Салиджанов Й. Зулматдан нур кидирганлар. – Ташкент, 2007. – 220 с.

О. В. Лебедева
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИЙ АНГЛИЙСКОСТИ И ФРАНЦУЗСКОСТИ В НОВЕЛЛЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА «ЭКСПЕРИМЕНТ»

Каждая культура, по мнению Джулиана Барнса, осознает себя через противопоставление с другой, их отношения, изначально оппозиционные, становятся неотъемлемым элементом самой воспринимающей стороны; поэтому английская культура, рассмотренная через призму ее порой непростых отношений с культурой французской, и может быть «увидена» наиболее отчетливо (Тарасова).

В новелле «Эксперимент» Англия и Франция выступают как два мировоззренческих центра, каждому из которых свойственно свое восприятие жизни, и которые поочередно доминируют в сознании героев. Как и во всех своих произведениях, здесь Барнс, ломает стереотипы, игнорирует условности и развенчивает мифы и штампы о мрачной сдержанности англичан и о любвеобилии и свободолюбии французов.

«Эксперимент» - это история англичанина, дядюшки Фредди, который появляется там, где англичанину, по общепринятым представлениям, в силу темперамента, мировоззрения, внутренних ощущений, вообще не место: приехав в Париж «по делам фирмы», он оказывается втянутым в заседание кружка сюрреалистов, обсуждающих весьма откровенные темы. Кроме того, он участвует в сомнительном сексуальном эксперименте, устроенном членами кружка. О нем через много лет во всех красках «с мало скрываемым удовольствием» и рассказывает дядя своему племяннику.

В предложенном контексте новеллы, как и ожидается, две страны, должны восприниматься как два противоположных полюса: Англия - как прообраз обыденности и монотонности, а французская культура как символ непреклонного отказа от всяких условностей и ограничений. Но у Джулиана Барнса не все так просто и прямолинейно.

Прежде всего, нужно отметить, что для этого писателя не существует никаких авторитетов, носителей безусловной истины. Такое отношение к любому «авторитетному высказыванию» лежит в основе знаменитой барнсовской иронии. Она возникает в результате отстранения - в тот самый момент, когда писатель абстрагируется от общепринятой интерпретации того или иного факта и как будто бы смотрит на мир со стороны. Именно такой взгляд дает ему возможность представить привычное и стереотипное в необычном свете (Тарасова).

Все, что по традиционным представлениям характерно как англичанам, так и французам, в новелле «Эксперимент» подвергается сомнению. Такие константы как преданность отчизне, честное английское слово переосмысливаются автором в цинично иронической тональности. Барнс вводит в новеллу многозначную метафору «родина», связывая ее с понятиями патриотизма и английскости. Автор тщательно подчеркивает все то, что по общим представлениям, в высшей степени не характерно англичанину. И хотя дядюшка «старательно защищает репутацию соотечественников» (Барнс 2005: 53), когда его спрашивают о склонности англичан к половым извращениям, честное английское слово, он определяет так: «…слово англичанина – закон, кроме разве тех случаев, когда его нарушают» (Барнс 2005: 66). А далее фактически признавая себя предателем родины, герой спокойно говорит: «знаешь, болтать не пристойные темы с компанией иностранцев – это ведь почти то же самое, что предавать родину. Непатриотично, правда?» (Барнс 2005: 61). Кроме того, от рассказов о похождениях дядюшки Фредди веет настоящей юношеской бравадой и откровенным враньем, качествами совершенно не английскими.

Пронизывая новеллу от начала до конца, ирония становится концептуальной категорией, соединяющей текст на всех уровнях и позволяющей автору имплицитно выразить его отношение к англичанину и английскости. Ирония время от времени достигает такого накала, что принимает так называемую «черную окраску». Говоря о похоронах дяди, Барнс пишет:

«Было немноголюдно и тягостно; венок от сюрреалистов с непристойными намеками, возможно, пришелся бы кстати» (Барнс 2005: 68).

Экспериментируя с устоявшимся пониманием категорий французскости и английскости, автор наполняет привычные формы новым содержанием. Несмотря на то, что в новелле нет ни одного символа или метафоры, кодирующей тот или иной аспект сексуальных взаимоотношений, французские фривольности и предельно откровенные сцены описаны без единого намека на флирт, игривость и легкомыслие. Напротив, все, что касается обсуждаемых сексуальных аспектов, даже в самом нелепом их проявлении, подано Барнсом с нарочитой серьезностью и научным обоснованием. Такое новаторское решение в осмыслении французскости непосредственно связано с главной метафорой новеллы, соотносимой с понятием «эксперимент». Это понятие определяет точку взаимодействия французскости и английскости в новелле. Широкие перспективы в познании барнсовской интерпретации вышеобозначенных категорий открываются при выявлении связи данного концепта и такого направления в искусстве как сюрреализм.

Как известно, сюрреализм отличается использованием аллюзий и парадоксальных сочетаний форм. Цепочка аллюзий в новелле начинает выстраиваться от многочисленных упоминаний французских писателей (Марсель Нолль, Бенжамен Пере, Луи Арагон), являвшихся членами кружка сюрреалистов. Одна из ярчайших аллюзий связана с именем главного героя – Фредди. Здесь очевидно созвучие с именем австрийского психолога и психиатра Зигмунда Фрейда, идеи которого имели для сюрреализма особый смысл. Концепции сюрреалистов получали мощную поддержку со стороны психоанализа и других открытий фрейдизма. Ранние эксперименты сюрреалистов, соответствовали фрейдовской методике «свободных ассоциаций», употреблявшейся при изучении внутреннего мира человека. Именно в такой форме и допрашивают главного героя на пресловутом заседании. Сразу несколько человек почти одновременно «атакуют» героя самыми разнообразными вопросами, и, не дожидаясь ответа, задают следующие. В такой искусственно созданной ситуации человек в силу физических обстоятельств и психических процессов, происходящих в этот момент в его мозге, вынужден выдавать свои реальные подсознательные реакции и отвечать только на то, что действительно важно для него. Поражает то, как спокойно, свободно и раскрепощено чувствует себя истинный пуританин англичанин на этой, так сказать, «пресс – конференции». Ведь суть всех вопросов сводится к сугубо интимным и личным аспектам, а дядя Фредди ведет себя так, как будто говорит о повседневных бытовых проблемах. Давая говорящее имя своему герою и опираясь на фрейдовский постулат относительно того, что бессознательная жизнь людей развивается по таким законам, которые не имеют ничего общего ни с моралью, ни с

рассудком, ни с «вечными ценностями», Барнс словно оправдывает «аморальное» с точки зрения англичанина поведение дядюшки Фредди.

Процесс самоидентификации англичанина через призму взаимодействия с французской культурой имеет и внешний план выражения, непосредственно воздействуя на структуру новеллы. Так, отталкиваясь от Фрейда можно вспомнить, что главенствующая роль в сюрреализме принадлежит исследованиям сновидений. Считая, что во сне жив более богатый и интересный разум, нежели разум бодрствующего человека, заставляющий совершенно спокойно воспринимать необычайные эпизоды, которые в реальной жизни потрясли бы, Андре Бретон, французский писатель и поэт, основоположник сюрреализма, в «Манифесте» написал: «Я верю, что в будущем сон и реальность – эти два столь различных, по видимости, состояния – сольются в некую абсолютную реальность, в сюрреальность» (Бретон). Данный тезис А. Бретона, несомненно, повлиял на технику Барнса. Оппозиция реальное / нереальное становится одной из поэтиковыстраивающих в новелле. В начале новеллы рассказчик (племянник дядюшки Фредди), практически уверен в лживости дяди и нисколько не стесняясь в выражениях, дает едкие и иронические оценки дядиному рассказу. Но по мере развития действия племянник теряет свою уверенность. Сомнения относительно правды, либо вымысла истории чувствуются буквально в каждом его комментарии на протяжении всего текста произведения. Автор тонко балансирует на грани правды и вымысла, так до конца и не поставив точку в сомнениях. Какая же интерпретация верна? Правдива или ложна история дядюшки? Барнс намеренно отказывается помогать читателю в нелегком деле выбора. Такая вариативность, характерная поэтике Барнса, приписывается некоторыми исследователями, как элемент, в большей степени присущий французской литературе, нежели «английской, тяготеющей к рационализму» (Табак). Тем не менее, это - чисто барнсовский ход: у этого писателя никогда не бывает однозначных выводов и оценок, только предположения. Он предлагает читателю большую свободу, практически отказавшись от авторского слова.

Итак, раскрывая и обрисовывая новые грани категорий английскости французскости, Джулиан Барнс пытается донести до читателя мысль об их подвижности и изменчивости, о том, что они не могут быть исчерпывающе объяснены ни одной из традиционных версий, взятых в отдельности. Ирония в сочетании с широкими аллюзивными и ассоциативными рядами – те поэтологические составляющие, которые позволяют автору определиться с современной трактовкой национальной идентификации французов и англичан наиболее объективно.

Литература:

1. Барнс Дж. Эксперимент. // По ту сторону Ла - Манша.М., 2005. С. 48-69.
2. Бретон А. Манифест сюрреализма 1924 года <http://www.staratel.com/pictures/surreal/manifest.htm>

3. Табак М. Франция – моя вторая родина <http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_JulianBarns_RT.htm>
4. Тарасова Е. Хамелеон британской литературы <http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_JulianBarns_RT.htm>

И.Ю. Мауткина
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород

«СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ» О. УАЙЛЬДА И «ПЕЩЕРА КОРОЛЕВЫ-СТАТУИ» Р. ЛЕЙК: К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Литературная сказка, берущая свое начало из сказки народной, является неотъемлемой частью современной литературы. Для каждой эпохи она устанавливает определенные нравственные и исторические ориентиры, продолжая древнюю традицию и одновременно наполняясь новым, актуальным для современников содержанием. Многие серьезные писатели уделяют сказкам значительную часть своего творчества, другие же специализируются на них. Нам представляется интересным рассмотреть особенности поэтики двух литературных сказок, отстоящих друг от друга на целое столетие: это «Счастливый Принц» (*The Happy Prince*) английского писателя второй половины 19 века Оскара Уайльда и «Пещера Королевы-статуи» (*The Statue Queen's Cage*. Здесь и далее перевод данной сказки наш – И.М.) современной американской писательницы-феминистки Розмари Лейк (*Rosemary Lake*). Эти произведения во многом перекликаются по сюжету и одновременно ярко проявляют отличительные черты, свойственные их авторам и эпохам, в которые они были созданы. Мы сравним основные элементы поэтики данных сказок, такие как структура, персонажный состав и система пространственных отношений.

Начнем с рассмотрения структуры этих сказок, поскольку именно ее В.Я. Пропп ставил во главу угла при определении сказочного жанра (Пропп 1998: 8). В «Счастливом Принце» мы видим большинство волшебно-сказочных функций: это начальная недостача, отсылка героя, его согласие на поиск и отправление из дома, испытание героя и получение им дара, ликвидация недостачи, неузнанное прибытие, действия ложных героев, трудная задача и ее решение, узнавание героев и их конечное воцарение. Также можно выделить несколько вводных функций, дающих сведения о месте и времени событий, о самих героях и их предысторию.

Однако в данной сказке полностью отсутствует линия вредителя-антагониста, со свойственными этому персонажу функциями, а также на-

блюдается ряд трансформаций и ассимиляций традиционных функций. Так, испытание героя производится до его отправки из дома. Фактически, согласие Ласточки (*Swallow* – здесь и далее английский текст сказки приводится по сайту Wilde O. The Happy Prince. URL: http://www.online-literature.com/wilde/177/) помочь Принцу и является для нее главным испытанием. Согласившись выполнить просьбу Принца, Ласточка получает дар – драгоценный камень, но он не наделен никакими волшебными свойствами и должен быть отдан другим людям – тем, кто в нем больше всего нуждается (устранение начальной недостачи). При этом образ дарителя ассимилируется с образом персонажа, отправляющего героя на поиски, и, что тоже немаловажно, Принц в сказке не является второстепенным лицом, он действует наравне с Ласточкой, хоть ей и отводится в произведении роль активного, меняющегося персонажа.

Трансформации подвергаются и функции, свойственные второму ходу волшебных сказок: неузнанное прибытие героя домой и его узнавание через решение сложных задач. У Уайльда эти традиционные действия предстают в неожиданном свете. Неузнавание героя связано с тем, что на статуе Счастливого Принца больше нет позолоты; тут же в действие вступают ложные герои, претендующие на то, чтобы их статую отлили после переплавки статуи Принца. Трудная задача для выявления главного героя поручается не самому герою, а ангелу, который приносит Господу оловянное сердце статуи и тело умершей Ласточки, поскольку только высшие силы могут распознать величие настоящих героев, наградив их пребыванием в райском саду. Таким образом, конечное возвышение главных персонажей происходит уже после их смерти, что противоречит сказочным канонам и делает сказку О. Уайльда по-своему уникальной.

Вторая сказка по своей структуре более традиционна. В «Пещере Королевы-статуи» волшебно-сказочные функции представлены более полно: мы видим практически все функции персонажей, начиная с вводных, характеризующих место действия и героя, и заканчивая изменением его статуса («воцарением»). Тем не менее, многие функции и тут оказываются переосмысленными.

Так, первоначальная отсылка героини из дома максимально рационализирована. Поскольку главное действующее лицо сказки – приютская девочка Клементина (*Clementina* – здесь и далее текст сказки приводится по сайту Lake R. The Statue Queen's Cave. URL: http://www.rosemarylake.com/ft-clementina.html), то ее первичная отправка мотивируется тем, что она уже взрослая и должна начать работать. Вторичная отсылка героини (уже из дома Рудокопа – *Miner*, у которого она работает) мотивирована необходимостью платить налоги, в чем ярко проявляется современный автору мир. Реалией современного общества является и место воспитания героини (приют), а также ряд второстепенных деталей:

например, девочка должна возвращаться домой к ланчу. Подобные изменения сказочного канона являются закономерными, поскольку литературная сказка тяготеет к более реалистическому отображению событий (Брауде 1979: 75); это обеспечивает актуальность содержания сказок на каждом этапе их исторического развития.

В сказке редуцирована связка функций испытания героя и получения волшебного средства. По сюжету Клементина помогает муравьям вытащить волшебный шар (*the crystal ball*) из их жилища, но забирает этот шар себе самовольно, а не в дар за помощь. Хотя муравьи в благодарность предлагают в случае необходимости позвать их на помощь, девочка так и не воспользуется этим предложением: за нее к муравьям обращается Королева-статуя. Дары, которые Клементина получает от Королевы-статуи, вручаются ей без каких-либо предварительных испытаний, что снижает их значимость и лишает героиню возможности проявить традиционно необходимые для этого качества. Таким образом, в этой сказке нет явственного соответствия между действиями героини и теми благами, которые она получает, то есть в сказке Розмари Лейк, в отличие от традиционного сказочного подхода, никак не отражается нравственный, духовный рост героини.

Измененными предстают и функции борьбы с антагонистом и победы над ним. Поскольку девочка в силу определенных общественных стереотипов не может напрямую сразиться с Рудокопом, его наказывает его собственная несдержанность и злоба: прыгая от ярости к Клементине, он проваливается в пещеру Королевы-статуи и падает на острые, ограненные гномами драгоценности, отчего его тело разрывает на миллион крошечных кусочков (*sliced him into a million tiny pieces***)**. Освободившись от Рудокопа, девочка отправляется в город, но идет не в приют, а сначала к совершенно незнакомой леди (функция «неузнанное прибытие»), которая помогает ей продать рубины, чтобы осуществить покупку горы и приюта. В сказке не представлены функции трудных задач и узнавания героя, а функция воцарения интерпретируется в современном ключе: девочка выкупает приют и превращает его в роскошный райский уголок. Изменение статуса героя заключается не в достижении им нового социального положения, а лишь в поправке его благосостояния.

Характерной чертой структуры волшебной сказки являют различные утроения (Пропп 1998: 55); память жанра обеспечивает переход этого мотива и в поэтику литературной сказки. Оба рассматриваемых нами произведения широко применяют этот принцип организации текста. Так, в «Счастливом Принце» Ласточка обращает внимание на Принца после того, как на нее упала третья слеза, она трижды откладывает свой полет в теплые страны, статуя Принца охарактеризована словами трех персонажей (Городской Советник, Приютские Дети и разумная мать). О.М. Валова, говоря о принципе троичности в «Счастливом Принце», делает следующий

вывод: «В этой сказке троичность используется скорее для того, чтобы несколько «растянуть» действие, дать читателю возможность лучше обдумать происходящее» (Валова 1999: 69). В «Пещере Королевы-статуи» героиня трижды отправляется за железной рудой и вместо нее приносит драгоценные камни, волшебный шар трижды вспыхивает и меркнет, чтобы сигнализировать Клементине.

Утроение ряда функций вызывает утроение целых сказочных ходов, что создает особый ритм повествования. Так, в «Счастливом Принце» Ласточка трижды отсылается с поручением устранить недостаток денег у бедняков, то есть трижды повторяется ход сказки от начальной недостачи до ее устранения и благополучного возвращения героя. В сказке Розмари Лейк аналогичный сказочный ход подвергается подобному утроению с той разницей, что Рудокоп все три раза отвергает принесенные дары и таким образом недостача не ликвидируется.

Следует также отметить интересную особенность «Счастливого Принца». Наряду с основным повествованием, содержащим традиционные сказочные ходы, сказка Оскара Уайльда содержит композиционные элементы, свойственные более крупным литературным жанрам: это пролог и эпилог. В прологе нам дается предыстория Ласточки, а в заключительном отрывке – судьба персонажей после их смерти (структурно объединяется с функцией воцарения героев). Во второй сказке подобных элементов нет, что говорит о ее меньшей оригинальности.

Теперь обратимся к описанию систематики образов обеих сказок. Главные герои у Оскара Уайльда нетрадиционны: это позолоченная статуя и ласточка. И если ласточка как представитель животного эпоса может встретиться в волшебных сказках (в основном в образе волшебного помощника или дарителя), то трансформация человека (принца) в статую и функционирование его в таком виде в качестве главного героя является оригинальным уайльдовским ходом. Показательно, что оба главных героя «Счастливого Принца» мужского пола, что вызывает определенные трудности при переводе на русский язык (так, переводчики П.В. Сергеев и Г. Нуждин заменили в русском варианте Ласточку на Скворца, чтобы сохранить гендерную принадлежность персонажа). Ласточка у Уайльда, в отличие от персонажей-животных в волшебных сказках, – один из двух главных героев, что обусловливает динамичность этого образа: он меняется от крайне эгоцентричного восприятия мира до полного самопожертвования ради других. Здесь в сказку проникают нравственные идеи, всегда сопровождающие сказочных героев О. Уайльда (Ericksen 1977: 64). Чтобы достигнуть другого нравственного уровня, Ласточке приходится научиться жертвовать своими эгоистичными желаниями и отказаться от присущего ей изначально тщеславия.

У Розмари Лейк главные герои более традиционны: это маленькая девочка Клементина и Королева-статуя (*Statue Queen*). Девочка – типичный сказочный герой, проходящий жизненные испытания и достигающий после их успешного преодоления более высокого положения (в данном случае финансового). Королева-статуя, живущая в подземной пещере и владеющая огромными богатствами, восходит к кельтским богам, ушедшим в сиды (Кельтская мифология 2002: 135). Этот вид дарителя характерен для британского фольклора; скорее всего, образ подземной королевы перекочевал в Америку вместе с рядом других культурных явлений. Важно отметить, что в сказке американской писательницы все положительные персонажи оказываются женского пола (сама Клементина, Королева-статуя, Королева муравьев – *the Queen of the Ants*), а отрицательные – мужского (Рудокоп, Мэр – *the Mayor*). В этом преувеличении роли женщины и принижении роли мужчины ярко проявляется феминистская тенденция, характерная для современной Америки. Так автор в художественной форме позиционирует свои социальные убеждения.

Обе сказки роднит образ статуи, однако в творчестве этих писателей данный персонаж предстает совершенно по-разному. У Уайльда статуя стоит на возвышении, ввиду всего города, в то время как Королева-статуя спрятана от взоров в подземной пещере, покрытой снаружи густым кустарником. Доминирующее положение Принца, во-первых, делает его всевидящим, а во-вторых, свидетельствует о его высоком духовном статусе, что подтверждается его поступками (помогает беднякам, жертвуя своим зрением и золотым одеянием). Камней, которые Принц отдает беднякам, всего три – это делает каждый дар особенно ценным и значимым; само действие дарения становится для Принца смыслом жизни.

В сказке Р. Лейк образ Королевы-статуи как дарительницы сохраняется, однако в целом он снижен: сам персонаж не всезнающ и, отдавая девочке драгоценные камни, кажется совершенно к ним равнодушным: для нее дарение является лишь развлечением, способом привлечь нового человека в свой круг общения. Девочка получает много драгоценных камней, что девальвирует стоимость каждого из них. Можно сделать вывод о том, что сказка О. Уайльда больше ориентирована на воспитание духовных ценностей, чем произведение Р. Лейк, являющееся продуктом современного американского сознания.

Для второстепенных персонажей оба автора используют нарицательные имена, что роднит образную систему этих произведений с волшебно-сказочной поэтикой: Мэр Города, Рудокоп, Городские Советники (*the Town Councillors*), Учитель Математики (*the Mathematical Master*), Профессор Эстетики (*the Art Professor*). Подобные названия персонажей придают сказкам и происходящим в них событиям значение всеобщности, а поднятым в произведении проблемам роль глобального социального

обобщения, поскольку такие персонажи, как Городские Советники, Мэр, Профессор являют собой реалии уже не сказочной действительности, а современной О. Уайльду и Р. Лейк жизни.

Теперь обратимся к особенностям хронотопа обеих сказок. В «Счастливом Принце» используется и точечное, и линеарное пространство (Лотман 1993: 415); кроме того, пространственная организация текста усложняется вставными описаниями экзотических мест, где бывала Ласточка. Принц начинает свой путь из дворца, где он беззаботно жил в облике человека, не зная о том, что происходит за его оградой, и заканчивает его в образе статуи, установленной на городской площади, за пределами дворца. Путь Ласточки пролегает от бездумного времяпровождения где-то на реке до решения остаться жить в городе, на колонне рядом с Принцем. Начальная точка пути каждого из героев и их передвижение описаны в сказке вскользь, гораздо больше внимания уделяет автор описанию центра сказочного пространства.

Таким центром является колонна на городской площади, где установлена статуя Принца. Поскольку центр пространства, как отмечает В.Н. Топоров (Топоров 1983: 255), наделен особым сакральным смыслом (конечный пункт исканий героев, место их духовного перерождения), то оба главных героя сказки перерождаются, оказавшись именно в центре сказочного пространства: Принц начинает осознавать невидимую до этого сторону жизни (нищету и нужду), а Ласточка, через сострадание к Принцу, приучается отказываться от своих эгоистичных устремлений. Показательно, что колонна возвышается над городом, что усиливает значение духовности этого локуса (Лотман 1998: 216). Таким образом, путь каждого из героев от их исходного положения до конечного перерождения выстраивает две ветви линеарного пространства, с колонной в качестве его центра.

Перемещения Ласточки по городу при выполнении поручений Принца создают точечное пространство. Оно накладывается на линеарное; его центром, а также точкой пересечения этих двух видов пространства тоже является колонна со статуей Принца. Особенность точечного пространства в том, что здесь герой в пути обычно не меняется, путешествия не приносят видимых перемен в его поведении и мировоззрении. Действительно, Ласточка не проникается состраданием к беднякам, о которых так заботится Принц; ее духовная трансформация происходит только в разговорах с самим Принцем. Особую разновидность точечного пространства в этом произведении создают описания Египта. Слушая рассказы Ласточки, персонажи как бы перемещаются в эти экзотические края, но затем обязательно возвращаются к происходящему вокруг: в ответ на зарисовки жизни в Египте Принц рисует картины нищеты, которые он видит с высоты своего пьедестала. Чередование этих вставных эпизодов придает повество-

ванию особый ритм и делает композиционное построение сказки О. Уайльда оригинальным.

Сказочное пространство конституируется нетрадиционными топосами: это городские кварталы, площадь, собор, дворец. Описание этих образов крайне скупо, поэтому сложно говорить о каком-то особенном значении этих топосов для развития сказочного сюжета. Напротив, в рассказах Ласточки о Египте вырастают яркие, декоративные, величественные топосы храма Баальбека (*the Temple of Baalbec*), порогов Нила (*the Second Cataract*) и т.д. Такое внимание к экзотическим пейзажам продиктовано, с одной стороны, эстетскими наклонностями автора, с другой стороны, эти описания создают разительный контраст между материальным великолепием, которым восхищается Ласточка, и сценами голода и нищеты, которые так трогают сердце Счастливого Принца. Здесь прослеживается общая тенденция развития литературно-сказочного хронотопа к усложнению пространственной организации текста, а также включению ее в смысловой ряд произведения; описание пространства, таким образом, выходит на сюжетообразующий уровень, помогая автору расставить нужные акценты.

В сказке о Клементине также можно выделить как точечное, так и линеарное пространство. Линеарная часть представляет собой перемещение героини из приюта в дом Рудокопа и ее благополучное возвращение обратно в новом статусе. Центром сказочного пространства здесь является пещера (*cave*), которую героиня сначала видит в своем волшебном шаре, а затем попадает туда сама. Пещера расположена под землей, доступ к ней затруднен (даже героиня не может найти его сама), что свидетельствует о большой значимости данного локуса. Однако, как мы отмечали выше, изменения, происходящие здесь с героиней, касаются только ее благосостояния, поэтому сакральные функции центра данного пространства полностью редуцируются; расположенные в пещере ценности имеют только материальное значение. Эта мысль подчеркивается низким (подземным) расположением пещеры: в противоположность Счастливому Принцу, Королева-статуя, помогая девочке, не проявляет особенных духовных или нравственных качеств.

Каждый день героиня вынуждена уходить на поиски железной руды. Ее маленькие путешествия выстраивают в сказке точечное пространство с центром в доме Рудокопа. Здесь мы видим большое количество разнообразных топосов: склоны горы (*side of the mountain***)**, бухта (*creek*), лес (*forest*), овраг (*ravine*). Все эти топосы равнозначно неопределенны и не являются значимыми ни для развития сюжета сказки, ни для описания внутреннего роста героини. Следует отметить, что даже образ леса в сказке Р. Лейк лишен своего традиционного наполнения: он не враждебен героине и не является для нее местом испытаний (Пропп 1998: 150). Центры точечного и линеарного пространства в сказке о Клементине не пересекаются, эти образы существуют автономно и почти не выстраивают дополнительных значений.

Только один сказочный топос выделяется своим содержанием – топос приюта. Здесь автор дает оригинальный поворот волшебно-сказочной теме сиротства главного персонажа: в качестве родного крова героини выступает общественное учреждение, а вместо мачехи девочку отправляет из приюта Мэр. Кроме того, это единственный меняющийся топос в сказке; его динамика представляет собой явственное, материальное отражение произошедших с героиней перемен. В начале сказки мы видим только голые стены этого дома (*the walls were bare*), но в конце ее приют преображается: появляются новые кровати (*nice beds*), яркие краски и картины на стенах (*bright paint and pictures for all the walls*), игровая площадка засаживается травой, деревьями и цветами (*trees and flowers and grass planted in the playground*), а сам приют превращается в прекрасный дворец (*turned the whole orphanage into a beautiful palace*). Показательно, что в волшебной сказке подобной трансформации подвергся бы сам герой – здесь же автор персонифицирует материальное благополучие девочки в образе приюта; его преображение становится в сказке финальным жизнеутверждающим аккордом.

Итак, мы рассмотрели сказки «Счастливый Принц» и «Пещера Королевы-статуи» с точки зрения их структуры, персонажного строя и пространственно-временных отношений. Обе сказки представляют собой оригинальный сплав традиционных и новаторских черт; трансформации отдельных элементов их поэтики отражают общие тенденции в развитии литературной сказки как жанра; подобные изменения помогают наполнить сказочные произведения актуальным для каждой эпохи содержанием и наиболее ярко воплотить авторский замысел.

Литература:

1. Ericksen D.H.. Oscar Wilde. Boston: A Division of G.K. Halland Co, 1977. 175p.
2. Lake R. The Statue Queen's Cave. [сайт]. URL: http://www.rosemarylake.com/ft-clementina.html (дата обращения 15.01.2011)
3. Wilde O. The Happy Prince. [сайт]. URL: http://www.online-literature.com/wilde/177/ (дата обращения 15.01.2011)
4. Брауде Л.Ю. Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979. 208с.
5. Валова О.М. Сказки Оскара Уайльда (генезис – структура – интерпретация). Дис. на соиск. уч. ст. кандидата филол. н. Н. Новгород, 1999. 183с.
6. Кельтская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2002. 640с.
7. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 704с.
8. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. // Лотман Ю.М. Избранные статьи (в 3-х т.). Таллин: Александра, 1993. Т. I. С.413-447.
9. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512с.
10. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.

А. И. Станишевская
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ЯЗЫК РОМАНА ЭМИЛИИ БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Предлагаемые материалы представляют собой тезисы доклада на указанную в заглавии тему. В первую очередь следует дать определение ключевым словам доклада.

Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива (Тер-Минасова, 2000: 15). К сказанному следует добавить то, что язык является, прежде всего, знаковой системой.

В российской и зарубежной науке имеется более 400 дефиниций понятия «культура». Однако не существует всеобъемлющего и исчерпывающего определения этого понятия. Во-первых, отечественные определения: «культура – это совокупность духовных ценностей, способами выражения которых являются наука, литература, искусство» (Азимов, Щукин 1999: 128; цит. по: Елизарова 2008: 13). А также: «культура – совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» (Большой толковый словарь 1998: 478; цит. по: Елизарова 2008: 14). Во-вторых, в зарубежной науке существует множество подходов к определению понятия «культура». За неимением места представляется целесообразным привести дефиницию И. В. Тайлора: «культура – комплексное целое, включающее знания, веру, искусство, мораль, закон, обычаи и любые другие черты (capabilities) и привычки, приобретаемые человеком как членом общества» (цит. по: Елизарова 2008: 14). По Тайлору, общества не обладали дискретными культурами, а только большей или меньшей степенью общей культуры, которая была присуща человечеству в целом (Елизарова 2008: 14 – 15).

Викторианская эпоха (1837 – 1901) – время царствования Виктории, королевы Великобритании и Ирландии, императрицы Индии. Отличительной чертой эпохи является отсутствие значительных войн (кроме Крымской). Это позволило стране интенсивно развиваться, например, в сфере развития инфраструктуры, строительства железных дорог. В области экономики продолжались промышленная революция и развитие капитализма. Для социального облика эпохи характерен строгий моральный кодекс (джентльменство), закрепивший консервативные ценности и классовые различия. В области внешней политики продолжалась колониальная экспансия Британии в Азии и Африке.

К числу писателей викторианской эпохи относятся Чарльз Диккенс, Уильям Мейклис Теккерей, Энтони Троллоп, сестры Бронте, Конан Дойль и Редьярд Киплинг. Для детской литературы рассматриваемого периода характерен отход от прямой дидактики в сторону бессмыслицы и «вредных советов». Детские писатели: Льюис Кэрролл, Эдвард Лир и Уильям Рэндс. В литературе рассматриваемой эпохи ведущим становится жанр романа. И самым загадочным, перевернувшим все представления об указанном жанре, является роман Эмили Бронте «Грозовой перевал».

Как уже упоминалось, во времена королевы Виктории доминировали консервативные ценности и классовые различия. Все это в полной мере отражено в рассматриваемом романе Эмили Бронте. Вкратце содержание романа. Отец Кэтрин Эрншо находит в Ливерпуле цыганского мальчика и усыновляет его, назвав Хитклифом. Родной сын Эрншо Хиндли чувствует себя заменённым. Однако Кэтрин и Хитклиф влюбляются друг в друга. Но общественные условия того времени и то, что Кэтрин соблазнилась жизненным укладом поместья Линтонов Мызы Скворцов не позволили им пожениться. Роман является произведением огромной эмоциональной напряженности и построен на перекрещивании двух миров – поместья Грозовой перевал (Эрншо) и Мызы Скворцов (Линтоны). Кроме того, в романе рассказывается о вражде двух перечисленных семейств, которая началась из-за измены Кэтрин Эрншо Хитклифу. Кэтрин поступилась ради богатства и роскоши своими чувствами, выйдя замуж за Эдгара Линтона. Эта измена вызывает жажду мести у Хитклифа, который отыгрывается на детях Хиндли Эрншо и Кэтрин. Однако Кэтрин Линтон и Хэритон Эрншо сумели отстоять свое право на счастье.

Для языка романа характерно следующее: 1) тяготение к книжной лексике и конструкциям книжного литературного английского языка; 2) использование диалектизмов (лексических, грамматических и фонетических, причем последние составляют наиболее многочисленную группу).

Подводя итоги, следует привести высказывание С.Г. Тер-Минасовой: «Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи» (Тер-Минасова 2000: 14). Эта мысль важна для иллюстрации ключевого положения доклада: язык – зеркало культуры и не может существовать вне ее, что отчетливо видно на примере языка романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

Литература:

1. Елизарова Г. В. Интерпретация культуры как текстовой сущности: Учебно-методич. пособие. – СПб: ООО «Книжный дом», 2008. – 192 с.
2. Мурат В. Комментарии // Brontë E. Wuthering Heights. – М., 1963. – С. 345 – 366.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

Турсунова О.А.
Андижанский государственный университет, Андижан (Узбекистан)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ОСНОВЕ УЗБЕКСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ)

Национальный колорит выражается национальном языке, литературе, культуре, быту, обычаях и традиции народа. Когда речь идёт о национальной духовности, прежде всего, представляем формы литературы, в которых отображаются национальный язык и национальный дух. Одной из древних форм литературы считается форма стихотворного размера в поэтике. Система стихотворного размера, основанного на одинаковом количестве слогов, существует ещё в древности. Древние корни данной системы встречаются в произведении Махмуда Кашгари «Дивану лугатит турк» («Сборник тюркских слов»). В этом произведении песня называется кошуг (в настоящее время кушик) (Кашгари 1963: 103).

Передача сложного информационного комплекса с помощью текста, состоящего из нескольких высказываний, возможно только в силу того, что поэтический текст есть текст особого рода, а поэтическая речь есть специфическая разновидность речи. Если, передавая фактуальную информацию, она функционирует как вполне обычная речь, то концептуальную и эстетическую информацию она материализует и передает, принимая совсем иное качество – качество поэтического речетворчества, где все языковые элементы взаимосвязаны и значимы. Поэтическая речь являет собой последовательность символов кода, невыводимого непосредственно из символики “практического” языка. Все эти метаморфозы происходят с речью благодаря ее организации по моделям особых стихотворных структур: метрико–ритмических, фонических, металогических (то есть структур, обеспечивающих полисемантичность поэтического слова)” (Способы…).

Поэзия объясняется терминами, которые сами требуют объяснения, а часто и вовсе необъяснимы. Поэзия представляет сущность предметов, их идеи не отвлеченно, а конкретно, то есть в образе посредством слова (Потебня 1990: 342).

Как известно, в любой поэзии имеется музыкальный ритм. Нам представляется, что Махмуд Кашгари именно по этой причине употребляет слово «кошук» - «песня». По проблемам данной поэтической системы проводились много исследований, но её фонопоэтические аспекты ещё не изучены.

Музыкальность в поэзии основывается на материале языка. Она связана со следующими аспектами национального языка: фонопоэтические особенности; выстраивание согласных и несогласных звуков; артикуляция звука; геминация, повторы звуков; ударение и пауз, их влияние на смысл стиха.

«Интонации стиха присущ оттенок музыкальности. Она связана со смыслом и выразительной силой слова. Музыка стиха рождается в соеди-

нении звучания и смысла, в слитности звуков и выражаемой мысли. Поэтическая музыка опирается на ритмический строй, а ритм зависит не от синтаксиса, а, наоборот, он сам воздействует на синтаксический строй посредством метра» (Способы…).

Поэзия характеризуется стройным ритмом, выраженным в законах стихотворения – в метрических единицах и в их разнообразных соединениях. Ритмическая структура образует “скелет” поэтического смысла, это “плоть и кровь” стихотворения. “Плоть и кровь” поэтического произведения – это специфическое мировидение, тот особый угол зрения недействительность, который избирает поэт (Алякринский 1984: 20-32).

При создании поэтического произведения, любой язык исходит из своих особенностей. Звуковые особенности и поэтические явления данного языка определяют сущность поэтического текста. Они в какой-то степени усиливают смысл и понимание поэтического текста. Поэтический текст оценивается влиянием названных аспектов.

Под усилением смысла понимается переход (превышение) предмета и знаков движения определенных потенциальных границ, продолжительность, тембр звуков, воздействие мысли говорящего.

Место и роль системы фонетики стихотворного размера – силлаборитмик *(изометрик)* определяется тем, как она служит функционально-стилистическим задачам понимания мысли языка. Только в таком случае она будет иметь значение в развитии языка и общества. По мнению Н.И. Жинкина, "звуковой спектр имеет эквивалент в виде акустической мощности. Ансамбль же таких мощностей, составляющих фонетическое слово, образует специфическую цельность, обладающую своими собственными признаками. Вот почему оно - знание речи может происходить не только по спектрам, но и по слоговым ансамблям. Такое ансамблевое опознание, вероятно, более экономно и быстро, чем форматное" (Жинкин 1998: 227). Необходимо отметить, что фонетические соединения не всегда выполняют одинаковые семантико-методические задачи. Например, это заметно при растяжении и повторяемости звуков. Растяжение произношения звука «а» может выполнять разные задачи и отображать следующий смысл:

1. Призывы и повеление:

А-ай-золимлар, зулмни кой. (Хамза Хакимзаде Ниязи)

(В переводе: А-ай, тираны, хватит гнета.)

2. Вопроса и удивления:

Сиздан кутга-ан эдим ёр.(Икбол Мирзо)

3. Повеления, сожаления, страдания:

Тил тегизма, менинг наслимга,
Дахо туккан хар йили онам,
Отам фака-а-а-т пода бокмаган. (Фарида Афруз)

(В переводе: Не коснись языком моего рода,
Гениев рожала каждый год мама,
Папа лишь не был чабаном)

В данном примере растяжение согласных звуков «а», «и», «у» эстетически сильно влияет на слушателя, такое растяжение звуков создает как бы их вибрацию, ритмическое колебание звука и вследствие чего возникает равномерное ритмическое движение звука.

Как отмечает Л.С. Выготский: "Из объективного анализа формы, не прибегая к психологии, можно установить только то, что звуки играют какую-то эмоциональную роль - значит, обратиться за объяснением этой роли к психологии" (Выготский 1998: 139). В следующих примерах тоже колебание и растяжение согласных звуков способствует переносу поэтической нагрузки:

Илдиз оқаётир бағирларимга,
Ишқ оқаётир томирларимда.
Наҳотки Сиз учун новдаларини
Пайвандлаб қўйдингиз томирларимга!
Ўтти, ўтти, ўтти-ёвв..
Ҳамма ўтиб кетти-ёвв...
Ул сарвиноо-оз ўтмади-увв.. (Р.Мусурмон.)

(Любовь течёт в моих жилах, всё передо мной прошли, но моя стройная красавица не проходила.)

Здесь разделение и колебание звуков несут в себе разный смысл. К примеру, в слове «ишшқ» (“любовь”) колебание и отражение звука «ш» является важной частью, определённым сигналом. В данном случае некое предупреждение и требует от слушателя особого внимания именно к этому слову. Повторение слова «ўтти» (“прошла”) и форма её части «-ёвв» отражает мучение и стоны говорящего. Растяжение слова «сарвиноо-оз» (“красавица”) через «о», также колебание слогов слова «ўтмади-увв» (“не проходила”) как бы несут в себе информацию о душевных страданиях и сильной безответной любви.

Существуют различные термины для названия фонетической единицы в поэтическом тексте: "квазиморфема" (С. Ф. Гончаренко), "символ" (В. В. Виноградов), "поэтическая глосса" (Р. Якобсон), "экспрессема" (В. П. Григорьев), "слово-образ", "поэтема" (В. Г. Руделев и А. Л. Шарандин). Термин "квазиморфема" называет, на наш взгляд, единицу промежуточного характера, которая - объемно - располагается между фонемой/звуком и лексемой/лексоидом. Термины "символ", "поэтическая глосса", "экспрессема", "слово-образ" и "поэтема" в большей степени указывают на слово-текстему, но слово, реализованное в поэтическом тексте (Казарин 2001). Поэтому Казарин опирается на термин текстофонема, обозначающий и называющий особую фонетическую единицу, реализованную в составе типового (аллитерационного, анаграмматического) звукокомплекса и/или в составе текстоморфа, и/или в составе лексемы слова-текстемы. Текстофонема, таким

образом, единица и явление одновременно текстовое, эстетическое и культурное. Звукоассоциативный, звукосмысловой ряд (фонолексическая парадигма) охватывает различные дискурсные и структурные единицы и части поэтического текста: рифму, строфу, целый текст» (Казарин 2001).

Разные возможности и средства языка, конечно, развиваются в связи с менталитетом, психологическим состоянием адресата и адресанта. Они отображают образ жизни, особенности сознания, мышления и жизненного пространства, эстетический вкус, представления данных субъектов. Вышеназванные средства языка обеспечивают его важным смысловым продуктом и поэтому являются важным фактором в развитии лингвистики.

«Что широкое и искусное употребление писателем самых разнообразных видов эвфоничних средств определяет индивидуальную, свойственную лишь этому автору манеру звуковой инструментовки. Искусно использованы несколько евфоничних средств одновременно, усиливают, дополняют друг друга и создают мелодичный перезвон глухих и звонких, голосних и согласных, шумных и сонорных звуков, созвучных звукосочетаний, однозвучных слов, что составляет неповторимую гармонию произведения» (Ступак). Говорящий, исходя из своей поэтической цели, выбирает разные материалы для своего текста из этого языка, основывается на базе данного языка. Значит литература начинается с языка. Как не бывает бесцветного изображение, музыки без ритма, так и не может быть литература без языка (Шарафутдинов).

Литература:

1. Алякринский О.А. Поэтический текст и поэтический смысл// Тетради переводчика. – М.: 1984. – С.20-32.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. - Минск, 1998.- 139с.
3. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. - М., 1998. – 227 с.
4. Казарин Ю.В. Анаграмма как способ смысловыражения в поэтическом тексте // Гуманитарные науки. Выпуск 3. № 17(2001) Филология. http://proceedings.usu.ru/base=mag/0017(01_03001)/content.jsp.showArticle.
5. Кашгари М. «Дивану лугатит турк» («Сборник тюркских слов»). 3 т-х. Т.1.- Ташкент, 1963. – 103с.
6. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: “Высшая школа”, 1990. – 342с.
7. Способы выравнивания когнитивного диссонанса в переводе поэтических произведений. <http://www.podrobnee.ru/microuho/ referat.php?url=microuho/disk1/Literature/li_37063.htm>
8. Ступак Н. Фонетический компонент в образной системе поэтического произведения. Режим доступа: http://www.lnggru.ru/art_
9. Шарафутдинов О. Адабиёт тилдан бошланади // Узбекистон адабиёти ва санъати.- 1986.- 5 сентябрь.

Т.И.Шустрова
Санкт-Петербургский Политехнический университет, Санкт- Петербург

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Общественные процессы, происходившие в России конца XX века, привели к необходимости пересмотреть ряд понятий и их соотнесённости в общественном восприятии. Сегодня никому в голову не придёт отрицать существование массовой культуры и, как части её, массовой литературы, хотя ещё недавно произведения подобного свойства презрительно именовались, по выражению одного из киногероев, «литературой для парикмахерских» и тем самым как бы выносились за скобки понятия культурных ценностей. Сегодня подобные издания заполнили полки книжных магазинов. Имена Донцовой, Устиновой, Лукьяненко, Акунина часто лучше знакомы современным читателям чем имена Бальзака, Стендаля, Бунина или Кафки. Сегодня авторы учебников вынуждены посвящать целые главы массовой литературе. Этот факт свидетельствует об осознании значимости данного пласта произведений для понимания историко-культурных проблем современности. Одним из наиболее важных аспектов для выяснения их специфики является взаимоотношение фигур читателя и писателя в современном общественном сознании.

Литература конца XX века освободилась от цензуры и, по мнению многих критиков, от гнёта идеологии. Возникает вопрос, наступила ли долгожданная свобода творчества для писателя. Произведения последних лет демонстрируют актуализацию иной зависимости. Авторы демонстративно отказываются от «учительских» функций. Читатель волен сам трактовать предложенный текст. Формы подобного отказа различны.

У постмодернистов (В.Сорокина, В.Пелевина, В.Ерофеева) этот процесс идёт через осмеяние воспитательного пафоса русской литературы X1X века, через использование её классических общеизвестных образов, что вполне соответствует негативистскому настрою современной «подростковой» субкультуры, её ёрническому стилю, поднимает носителей этой «культуры» в собственных глазах. Говоря словами героя классической литературы: «Раньше они были просто невежды, а теперь они нигилисты».

При отрицании идеологической тенденциозности писательской традиции советской эпохи «обратным общим местом» выглядят произведения А.Солженицына, А.Рыбакова, напрямую связанные с ожиданиями современного читателя найти отрицательную оценку минувшего.

Особый вид «свободы» писательского творчества демонстрирует массовая литература. Л.Бушков, Д.Донцова, Е.Вильмонт, стремясь угодить своему читателю, обеспечив тем самым коммерческий успех, действуют в полном со-

ответствии с принципом сформулированным одним из персонажей М.Е.Салтыкова-Щедрина: «Чего изволите-с…».

Несколько особняком в «блестящей» когорте авторов массовой литературы, по признанию ряда критиков, стоит Борис Акунин (японист, литературовед, журналист Г.Чхартишвили). В интервью корреспонденту газеты «Аргументы и факты», отвечая на вопрос о причинах, побудивших его заняться писательством, Чхартишвили ответил, что кроме желания заработать денег, его привлекла идея «создать «средний жанр», располагающийся между высокой и низкой литературой» при этом «ничем не пожертвовав – ни свободой, ни совестью, ни самоуважением – и плюс к тому не работая, а развлекаясь». Само понятие развлечения теснейшим образом связано с мыслью об игре. Именно такую взаимосвязь фиксирует толковый словарь: «Играть – резвясь, развлекаться, забавляться чем-то». Чем же развлекается Борис Акунин?

Один из героев фандоринского цикла говорит: «Литература – игрушка, в нормальной стране она не может иметь важного значения» и, как бы возражая ему, персонажи другого романа ведут разговор о поэзии как средстве выражения внутренней сущности человека («Хокку подобно телесной оболочке, в которой заключена невидимая, неуловимая душа»). Так что такое литература для Акунина, игрушка или телесная оболочка неуловимой души?

Первый роман фандоринского цикла «Азазель» насквозь проникнут иронией, литературными намёками, очевидными для проницательного читателя, порой заставляет вспомнить о пародии. Вместо опытного, искушённого в тонкостях своего дела сыщика девятнадцатилетний юнец-письмоводитель, чиновник 14-го класса. Автор-повествователь, создавая портрет Фандорина, акцентирует в его образе нечто наивно-женственное и романтичное: белая кожа, «девичьи ресницы», голубые глаза, способность терпеть «изрядные муки во имя красоты», причиняемые корсетом Лорд Байрон. Вполне романтично выглядят и суждения юного сыщика о самоубийцах: «Ваши идеалы – карьера, деньги, почести – для многих из нас ничего не стоят… Лучшие из образованной молодёжи уходят, задохнувшись от нехватки духовного кислорода». Автор как бы сочувственно улыбается: кто в юности не был романтиком…

Романтическое стремление изменить мир к лучшему, восстановить справедливость подталкивает героя к его будущей профессии. Молодой Фандорин вполне подходит на роль сыщика-любителя (в соответствии с жанровым каноном Дюпен, Холмс, Пуаро – частные детективы). Характеризуя восприятие своего главного героя другими персонажами, автор упоминает Чацкого, Онегина, Печорина, Чайльд-Гарольда, Атоса. Да и само имя русского сыщика сугубо литературно и заставляет вспомнить «Бедную Лизу» Карамзина.

Вообще Акунину нравится сгущать литературную атмосферу вокруг своих героев. Рядом с экстравагантной эмансипе Варенькой из «Турецкого гамбита» закономерно всплывают имена Веры Павловны и Лопухова из «Что делать», наивная провинциалка, вообразившая себя декадентствующей поэтессой

получает имя Маши Мироновой «обер-офицерской отсылающее читателя к пушкинской «Капитанской дочке», штабс-капитан Рыбников – это привет от Куприна, кличка Рахмет в «Статском советнике» - напоминание о Рахметове. Озорной Момус, пиковый валет, иронически «кивает» на «Пиковую даму».

Персонажи Акунина буквально погружены в литературное море. Плывущий на «Левиафане» Фандорин читает «Плавучий город Жюля Верна, а прибыв в Японию, открывает перед сном «Фрегат Паллада» Гончарова. Стареющая Кларисса из «Левиафана», мечтая о любви, перелистывает «Пармскую обитель», пропуская батальные сцены. Раскрыв газеты по возвращении в Россию наш сыщик узнаёт о литературных чтениях, посвящённых «разбору произведений Тургенева и Салтыкова-Щедрина». Размышления о терроризме, нигилизме, идейных самоубийствах вызывают в памяти имя Достоевского. Приводятся цитаты из «Дневника писателя», упоминаются «Бесы»…

Есть в романах фандоринского цикла и цитаты-перевёртыши. Бриллинг о нигилистах говорит словами Некрасова: «От ликующих, праздно болтающих, обагрящих руки в крови…» А это ведь поэт писал о власть придержащих и служащих этой власти. Главарь террористов Грин явно претендует на роль Христа хоть и не подходит на неё, цитируя Евангелие: «Один из вас предаст меня…»

Присутствуют в тексте Акунина и скрытые «цитаты». Зурин спрашивает Фандорина о Бежецкой: «Лилию на плече углядел, что ли?» Вот и готово сравнение – характеристика: Бежецкая как Миледи обольстительна, умна, коварна.

Учитывая функционально-тематическое многообразие используемого материала, вполне закономерно возникает на последних страницах «Алмазной колесницы» не только разговор о философских принципах земного существования человека, о его жизненном пути, о колеснице, в которой он преодолеет этот путь, но и о роли прекрасного в жизни человека. А беседа о прекрасном выливается в размышление о литературе. «Человеку утончённому достаточно увидеть краешек Красоты, и его воображение вмиг дорисует остальное, да ещё многократно улучшит его» - говорит японка. «Между прочим, это из Пушкина»– замечает русский, вспоминая «Каменного гостя». И в этом символичном совпадении мыслей людей, принадлежащих столь разным культурам, возможно содержится намёк читателю: литература – лишь краешек, дорисуй остальное.

Григорий Чхартишвили, перевоплотившись в «злодея», «негодяя», человека, для которого нет добра и зла, в Акунина, коварно ловит на литературщине наивного читателя и понимающе переглядывается, играя с читателем искушённым, даёт возможность приятно отдохнуть и с наслаждением почувствовать запах настоящей литературы.

РАЗДЕЛ V. КОНЦЕПТУАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

О.В. Афанасьева
Алексеевский филиал Белгородского государственного университета, Алексеевка

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА *SOCIETY IS A HERD* КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБЩЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Развитие антропоцентризма в лингвистике способствовало становлению нового научного направления – лингвистической аксиологии, изучающей систему ценностей этноса и способы ее репрезентации в языке.

Известно, что в процессе эмпирического осмысления действительности человек определяет свое отношение к миру, оценивая явления, факты, события. В связи с этим проблема оценки привлекает внимание исследователей в области философии, логики, психологии, лингвистики. В настоящее время исследователи все чаще обращаются к проблеме актуализации «ценностной картины мира» посредством метафорики разных языков.

Общество, являясь одной из основополагающих ценностей народа и языковой личности, представляет собой явление абстрактное и метафоры, служащие одним из способов репрезентации данного явления в языке можно считать концептуальными, отражающими способ видения мира. Чтобы перевести абстрактную сущность, каковой является общество, в наглядно - чувственный образ, нужно найти метафору, которая уподобляла бы недостаточно ясную область бытия хорошо известной: метафора строится так, что она подсказывает через какое-то ключевое слово модель поведения субъекта в мире, где существуют противопоставленные ценности (Лассан 2002).

Одной из подобного рода метафор является, по нашему мнению, концептуальная метафора SOCIETY IS A HERD, а рассмотрение некоторых особенностей её употребления в английском языке в качестве средства выражения отрицательной оценки является целью настоящей статьи.

Изучение системности метафорических переносов через концептуальные проекции позволяет проникнуть в глубинные структуры человеческого мышления и понять, как мы представляем окружающий мир, как мы организуем его и свое пребывание в нем. При анализе фактического материала, репрезентирующего концептуальную метафору SOCIETY IS A HERD, высвечиваются новые грани этой метафоры, представленные и широко употребляемыми в языке метафорическими выражениями и частными метафорами.

Анализ фактического материала показал, что прагматическая функция метафоры в нашем случае выражается в её свойстве формирования говорящим у адресата необходимого мировосприятия. Известно, что стадо (англ. *herd*) –

это группа животных (к которым человек относит себя крайне неохотно) одного вида, со взаимосвязанным поведением, сходно себя ведущих и нередко имеющих одинаковый ритм активности и единое направление движения. В стаде животные ориентируются на поведение соседей. В поведении многих членов стада подражание соседям преобладает над свободным выбором решения. При сравнении общества, людей со стадом, в сознании слушающего создаётся определенная ценностная категория – несамостоятельности, зависимости, придавая тем самым высказыванию негативную коннотацию.

Возможно, это связано с вполне понятным нежеланием человека уподобляться животному. Толковый словарь русского языка предлагает переносное (то есть метафорическое) значение слова «стадность», отмечая её пометой «неодобрит.»: «Полная, бессознательная подчиненность индивидуального поведения примеру толпы» (Ушаков 1995: 365). Однако, так называемая «стадность человека», то есть стремление к объединению с себе подобными, имеет вполне научное объяснение. В далекие времена неразвитого сознания единственной эффективной формой выживания в тяжелейших условиях полнейшей зависимости человека от среды обитания была сплоченность, характерная для большинства высокоразвитых животных. Но более того - сплоченностью подобного рода пронизано, как правило, все живое на земле, ибо это свойство было выработано инстинктом самосохранения в процессе филогенеза в условиях беспощадной борьбы за существование. Невозможно выжить общественным животным в дикой природе, будучи полностью изолированными от стада. Так и человек, как бы он ни относился к стаду, как бы ни хотел дистанцировать себя от общества, всячески подчеркивая свою независимость и индивидуальность, для него естественно быть рядом с подобными ему. Примеры метафорического употребления выражений *to break from a herd, be separate from the herd,* и лексем *rebel, heretic* в приведенных ниже английских текстах подтверждают данное утверждение: *But it is true of us all - it is* ***hard to break from the herd****, it is hard to be a rebel, it is hard to be a heretic* (BNC); *Diana no longer felt so different because of her parents' divorce but because a voice inside her told her that she would* ***be separate from the herd*** **(**Morton 1993: 43).

Известно, что в любом объединении животных есть вожак, лидер, в английском языке он может быть представлен лексемами *chief, guardian, shepherd, superior,* который управляет жизнедеятельностью стада или стаи, так и объединением людей можно управлять. В обществе всегда есть те, кто надстоит над общей массой, те, кто является признанным вожаком стада, тот, кому стадо доверяет и за кем предпочитает следовать, равно как и те, кто отделяет, дистанцирует себя от толпы: *In Por Tanssie, he had felt privileged, superior to* ***the common herd of humanity*** (BNC); *Damien writhed in anger as he stood penned in the bus shelter like an animal,* ***with this herd of obnoxious Cockneys*** **(**Herbert 1982: 35).

Негативная оценка выражается авторами в приведенных примерах несколькими способами, например, с помощью употребления таких лексем, как

common, obnoxious. Еще более яркое, несущее негативную оценку, сравнение группы людей со стадом встречаем в следующих примерах: *When individuals crowd together and* ***form a herd****, the destructive dynamics of the mob are released, lowering each person's moral and intellectual level to a point where even mass killing may become altogether acceptable* (Case 2005); *As fine* ***a herd of slaves*** *as you could wish - one hundred and twenty prime males and another seventy young females, half a dozen or so children and two suckling babes* **(**Darke 1989: 130).

Из приведенных примеров видно, что животный мир, в частности СТАДО, выступает в качестве области-источника для области-мишени ОБЩЕСТВО, никак не связанной с животным миром. Перенос осуществляется на основании признаков, которыми обладает весь животный мир в целом и стадо в частности. Также можно отметить, что в языке метафора SOCIETY IS A HERD не встречается дословно, как таковая, но именно она обусловливает все метафорические выражения, которые её конструируют. Отметим также, что частнооценочные значения, обозначенные в нашем случае оценочными словами *destructive, mass killing, fine* дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения, понятной слушателям.

По нашему мнению, функция метафоры заключается не только в том, чтобы выразить какую-то мысль образно, красиво, но и для того, чтобы лучше донести до слушающего или читателя её содержание. Люди, живущие либо вынужденные проживать и функционировать организованно на общей территории, подчиняются общепринятым на определенной территории или в отдельно взятом обществе поведенческим моделям (*herd behaviour, common behaviour*) и даже образу мышления (*herd mentality*), хотя их собственная оценка, которая хотя и не выражена открыто, но подразумевается, зачастую негативна: *Low interest rates, freely available credit and liquidity, and* ***a herd mentality*** *were characteristics of the asset bubble…* (BNC); *Pointing out difficulties is* ***a very common behaviour*** *but is one of the riskier ones because research shows that it is far from certain how people will take it* (BNC).

Таким образом, при анализе фактического материала достаточно обоснованно можно утверждать, что концептуальная метафора SOCIETY IS A HERD / ОБЩЕСТВО – СТАДО укоренилась в сознании человека, благодаря, как нам представляется, заложенному в человеке природой инстинкту объединения, а пропущенные через призму национального сознания представления и знания об общечеловеческих и национально-культурных ценностях формируют семантические основания оценочных значений.

Литература:

1. Лассан Э. Метафоры как глубинный предикат текста при текстопорождении // Respectus Philologicus. 2002, Nr. 1 (6).
2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Репринтное издание: М., 1995.

Список источников фактического материала и электронных корпусов:

1. BNC – British National Corpus <http://thetis.bl.uk/lookup.html>
2. Case T. The Macabre Cycle of the Human Herd.<www.lewrockwell.com>
3. Darke M. The first of midnight. - London: John Murray (Publishers) Ltd, 1989.
4. Herbert H.W. Life and Writings of Frank Forester Herbert. - London: Orange Judd company, 1982.
5. Morton A. Diana: her true story. - London: Michael O'Mara, 1993.

У. Ая
Нарвский колледж Тартуского университета, Нарва (Эстония)

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ПОСЛОВИЦАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Пословицы как единицы лингвокультуры отражают мировоззренческие установки того или иного народа, отношение к разным областям жизни, к человеческим ценностям. Одной из таких ценностей является счастье и удача. Анализ паремий данной тематической подгруппы в лингвокультурологическом аспекте раскрывает их семантический потенциал, указывающий на тесную связь таких понятий, как *счастье* и *удача*.

В русском языке *счастье* определяется как чувство или состояние полного, высшего удовлетворения, а также как успех, удача (Ожегов, Шведова 1997: 783). В эстонском языке семантика слова *õnn* – 'счастье' – включает, с одной стороны, чувство радости и глубокого удовлетворения своим положением, и, с другой стороны, добрую волю судьбы, случайную или зависящую от какой-либо внешней силы удачу или везение (Karelson и др. 2007: 351-352).

В русских пословицах образно говорится о независимости счастья от каких-либо обстоятельств жизни и заслуг человека: *Дурак спит, а счастье в головах лежит* (Даль 2000: 39); *Счастье придет и на печи найдет* (Даль 2000: 39); *Счастье что трястье: на кого захочет, на того и нападет* (Даль 2000: 41). В эстонском языке также существует ряд пословиц с этой смысловой нагрузкой, но полностью отличающихся по лексическому составу, синтаксической и образной структуре: *Õnn tuleb alati sealt, kust teda ei tea oodata* (букв. «Счастье всегда приходит оттуда, откуда и ждать не знаешь») (Krikmann и др. 1985: 828); *Kust tuul, sealt õnn* (букв. «Откуда ветер, оттуда и счастье») (Krikmann и др. 1985: 371); *Ega õnn ei ole oma võtta* (букв. «Счастье от самого себя не зависит») (Krikmann и др. 1985: 825).

Однако в доминирующей части эстонских пословиц передается, наоборот, зависимость счастья от желания и вклада человека: *Inimene on ise oma jumal ja oma kurat* (букв. «Человек сам себе бог и сам себе черт») (Krikmann и др. 1980: 415); *Kuda mees, nõnda õnn ka* (букв. «Каков мужик, таково и счастье») (Krikmann и др. 1983: 289).

В русских пословицах этот смысловой мотив также отражен, и в некоторых случаях в эстонском языке имеется полное соответствие: *Всякому свое счастье* (Танчук 1986: 36) – *Igal oma õnn* (Krikmann и др. 1985: 826); *Всяк своего счастья кузнец* (Танчук 1986: 36) – *Igaüks on oma õnne sepp* (Krikmann и др. 1985: 826). Отметим, что сравнение человека, как творца своего счастья, с кузнецом имеет в эстонских пословицах неоднозначное выражение, поскольку, наряду с положительным утверждением, существует пословица, полностью противоположная по смыслу: *Igaüks pole oma õnne sepp mitte* (букв. «Не всякий – кузнец своего счатья»).

В отличие от русских, эстонские пословицы предупреждают о том, что счастье не приходит само по себе, его необходимо искать: *Õnn tuleb otsijale, õnnetus ootajale, tasu tegijale* (букв. «Счастье приходит к ищущему, несчастье – к ждущему, плата – к делающему») (Krikmann и др. 1985: 830); *Ega õnn sind ei otsi, kui sa ise õnne ei otsi* (букв. «Счастье тебя искать не будет, коли ты сам счатья не ищешь») (Krikmann и др. 1985: 825).

О скоротечности счастья, его ненадежности и переменчивости говорится в паремиях обоих народов. Здесь встречаются пословицы, частично различающиеся лексическим составом, синтаксической структурой: *Кому счастье, а нам ненастье* (Князев 1930: 19) – *Mis ühele õnn, see teisele kahju* (букв. «Что одному счастье, иному ненастье») (Krikmann и др. 1985: 843); *Счастье в руки не поймаешь* (Даль 3 1955: 235) – *Õnne ei saa õngitseda* (букв. «Счастье не выудишь»). Отрицание в пословице *Счастью не вовсе верь* (Даль 1 1955: 47) передается в эстонском языке утверждением *Õnn on petis* (букв. «Счастье – обманщик») (Krikmann и др. 1985: 830).

Опасение утратить счастье передается в пословицах отражением тесной связи, близости счастья и несчастья. В образной структуре эстонских пословиц эта близость особенно явственна: *Счастье и бессчастье на одном полоду едут* (Мокиенко и др. 2010: 40) – ср.: эст. *Õnn ja õnnetus käivad käsikäes* (букв. «Счастье и бессчастье ходят рука об руку»); *Счастье с бесчастьем близко живут* (Рыбникова 1961: 11) – ср.: эст. *Õnn ja õnnetus on kaksikvennad* (букв. «Счастье и бессчастье братья-близнецы») (Krikmann и др. 1984: 537).

Актуальной для двух народов является связь счастья с такими личностными качествами, как смелость (в русских вариантах смелость, отважность и стойкость) и глупость. *Смелому счастье помогает* (Разумов 1957: 82) – эта русская пословица имеет полное соотвествие в эстонском языке: *Julget aitab õnn* (Krikmann и др. 1980: 482). В остальных случаях наблюдается частичное соответствие между анализируемыми пословицами: *Глупому счастье, а умному Бог даст* (Даль 1 1955: 358) – ср.: эст. *Tark elab aruga, rumal õnnega* (букв. «Умный живет с умом, а глупый со счастьем») (Krikmann и др. 1983: 181). В данном противопоставлении ума и глупости межъязыковая общность характерна только для одной части пословицы: глупый человек живет со счастьем; часть пословицы, связанная с умным, имеет разную образную структуру – в русском языке, в отличие от эстонского, упоминается бог, как внешняя сила, влияющая на жизнь

человека. Бог в тематике эстонских пословиц имеет второстепенную роль, а семантика данной лексемы (*jumal*) довольно широкая, обозначающая как бога, так и судьбу, случайность и т.п. (Krikmann и др. 1984: 14-15).

Кроме того, в эстонских и русских пословицах в связи со счастьем может упоминаться зависть (которая счастья не приносит): *Завистливый по чужому счастью сохнет (чахнет)* (Даль 3 1955: 134); *Õndsa õnn läheb ees, kadeda kari tuleb taga* (букв. «Счастье праведного идет впереди, стадо завистника идет позади») (Krikmann и др. 1985: 844).

В качестве специфического для эстонских пословиц мотива отметим связь счастья и лености: *Laisal on alati õnne* (букв. «У ленивого всегда есть счастье») (Krikmann и др. 1983: 79).

А в паремиях русского языка выделим структурно-семантическую модель пословиц с отрицательной семантикой в первой части: счастье не конь, не лошадь, не батрак, не дворянство, не кляп, не корова, не перепелка, и второй частью, обосновывающей эту точку зрения: *Счастье не корова – не выдоишь* (Даль 2 1955: 167)*; Счастье не конь – по прямой дороге не везет* (Спирин 1985: 48)*; Счастье не дворянство – не родом ведется* (Даль 1 1955: 424).

Таким образом, анализируя ценностные доминанты двух лингвокультур, отраженные паремиологическим материалом, можно констатировать полные сходства (в данном случае не обусловленные генетическим родством языков), а также безэквивалентные и частично совпадающие пословицы. Две последние категории паремий должны стать объектом лингвокультурологического комментирования в словаре и на уроке в иноязычной аудитории.

Литература:

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Т.1-4. – М., 1955.
3. Князев В.В. Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии. – Л., 1930.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М., 2010.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологичесикх выражений. – М., 1997.
6. Разумов А.А. Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. – М., 1967.
7. Рыбникова М.А.Русские пословицы и поговорки. – М., 1961.
8. Спирин А.С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. – Ростов-на-Дону, 1985.
9. Танчук В. Сборник пословиц русского языка. – Нью-Йорк, 1986.
10. Karelson R., Tiits M., Valdre T., Veskis L. Eesti kirjakeele seletussõnaraamat. T. VII, тетр. 2. – Tallinn, 2007.
11. Krikmann A., Hussar A., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad I. – Tallinn, 1980.
12. Krikmann A., Hussar A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad II. – Tallinn, 1983.

13. Krikmann A., Hussar A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vanasõnad III. – Tallinn: Eesti Raamat, 1985.
14. Krikmann A., Hussar A., Sarv I. Vanasõnaraamat. – Tallinn, 1984

Л.Г. Гилева
Российская международная академия туризма, Москва

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В ПОСЛОВИЦАХ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА С ЭЛЕМЕНТАМИ ОТРИЦАНИЯ.

В современной жизни человек непрестанно сталкивается с количеством ситуаций, где необходимо отстаивать своё мнение и логически объяснять правильность своего суждения. А последнее есть логическая основа диалога. В процессе построения речевого образца, мы осознаём и понимаем необходимость логической цепочки в процессе разрешения коммуникативного акта.

Язык и мышление тесно взаимосвязаны. Языковая среда предстаёт как элемент культурной среды, внутри которой происходит формирование каждого человека и его мышления. Исследуя логическую форму пословиц, прежде всего, важно определить саму область философского знания – логику. Эта наука представляет собой рассуждение, закономерное описание явлений, процессов и их взаимосвязи. Согласно Аристотелю, логика есть «наука о формах и законах мысли».

Принимая во внимание данный факт, мы ставим перед собой задачу показать, что пословичный характер предложений зависит от логического анализа языка. Придерживаясь, мысли о том, что пословицы это философские умозаключения, которые представляют собой законченное предложение, мы склонны распознать суть рассматриваемых паремиологических единиц, выстраивая в своём сознании логическую связь в структуре той или иной паремии.

Обычно выделяют три основные формы, в которых реализуется способность мышления – понятие, суждение и умозаключение, являющиеся основными логическими формами. Эти три формы необходимы для того чтобы трактовать семиотическую структуру пословицы. А, следовательно, понимание языковых знаков, их значений и способов обоснования данных позиций.

Французский словарь *Le Petit Robert* определяет пословицу как «практическое или юридическое правило», поговорку как «…. изречение, перешедшее в пословицу» (Petit 1994).

Термин	Основные значения	Соответствие в русском языке
proverbe	Formule présentant des caractères formels stables, souvent figurée, exprimant une verité d’experience ou un conseil d’un sagesse pratique	Выражение с устойчивым характером, отражающее истину опыта или практический совет мудрости

Среди категориальных признаков пословиц необходимо выделить: завершённость умозаключения, воспроизводимость, устойчивость элементов, двуплановость значения/ возможность расширительного толкования, целостность значения, дидактичность, анонимность/коллективное происхождение.

Опираясь на исследование лингвиста Mirella Connena (Mirella Kleiber 2002: 60), мы склонны судить, что без логической формы невозможно объяснить временные вариации, которые могут претерпевать пословицы. Но если эти вариации подвержены ограничениям – пословицы есть и остаются несобытийными общими суждениями – они существуют, и мы должны признавать это явление. Как возможно семантически истолковать пословицы, такие как *Une hirondelle ne fait pas le printemps* et *Une hirondelle n'a jamais fait le printemps,* если бы мы не располагали понятием? Ведь оно по своей сути отражает признаки предметов, их свойства и отношения между ними. Исходя из того, что анализ паремий связывает такие такие области научного знания, как лингвокультурологию, философию, логику как неотъемлемую часть познавательной деятельности, лингвистические науки, то предложение, обладающее понятийными знаковыми единицами содержит логическую форму.

Применительно к пословицам с элементами отрицания мы склонны придерживаться выводов большинства лингвистов, рассматривающих отрицание в языке как прагматическую категорию. Отрицание выражает отношение говорящего относительно знаний и мнений адресата. Отрицательное предложение создаёт речевой акт, цель которого состоит не в том, чтобы сообщить новую информацию, а в том, чтобы опровергнуть или скорректировать предполагаемое мнение.

Так как пословицы являются законченными предложениями, то отрицание в одних случаях может содержать утверждение - On ne fait pas d’omelette sans casser d’oeufs, L’or véritable ne craint pas le feu (настоящее золото не боится огня); в иных долю сомнения – Il ne faut pas mettre le doigt entre l’arbre et l’écorce, Il ne faut pas mettre la charrue avant les boeufs (ставить телегу впереди лошади), которую необходимо доказать или опровергнуть, используя логические связи.

Итак, логическая форма пословиц с отрицанием выстраивается применительно через негативные связи действительности с опорой на утвердительные суждения. «Грамматическая категория отрицания, - пишет Н.Г. Озерова, - передаёт логическое отрицание, присутствующее в отрицательных суждениях, которые, в свою очередь, выражают разъединённость предметов, явлений, признаков, имеющую место в действительности» (Озерова 1978: 10).

Согласно точке зрения Michaux, без понимания логической формы также нельзя представить возможным, отнести пословицы к разряду придаточных дополнительных предложений. Французский лингвист находит логичным сопоставить пословицы с глаголами чувства: *J’entends que qui dort dîne; J’entends/ Je vois que plus on est de fous plus on rit.* Он считает ло-

гичным способность некоторых пословиц сочетаться с глаголами, выражающими препозиционные (предложные) отношения. Такие примеры как: *Je trouve qu'abondance de biens ne nuit pas, Je regrette que les loups ne se mangent pas entre eux* ставят перед нами проблему, если из пословицы создаёшь деноминацию (название). Даже если пропозициональное отношение собеседника, произносящего данные фразы, следует ещё определить; очевидно, что говорящий совершает речевой акт, который не мог быть сведён к простому высказыванию подчинённой пословицы.

Форма пословицы играет главную роль в процессе трансформации пословицы, такой, какой её видит Клейбер (Mirella Kleiber 2002). С одной стороны, застывание является основным элементом понятийного характера пословицы. С другой стороны, форма пословицы является источником очевидного перемещения смысла пословицы: чем больше пословица формально обозначена – в зависимости от своей синтаксической конструкции или же от метафоричного смысла, тем наименее ей присваивается свойство потерять поговорочный характер.

На этой стадии нашего анализа мы выяснили, что определение пословицы, опираясь на чисто концептуальную базу, недостаточно, так как употребление пословиц требует введение логической формы внутри семантического понятия. Кроме того, исследуя границы формальной или когнитивной неизменяемости пословицы, мы установили, что принадлежность к фразовому уровню определяет неизбежно дефинитивный элемент. В действительности, если пословица участвует в образовании одновременно существительного и фразы, она присваивает семантическое описание для четырёх сфер (признак – референт – концепт – логическая форма).

Рассмотрим пословицы: *“La faim chasse le loup hors du bois” и “L habit ne fait pas le moine”*. Первая означает, что необходимость заставляет людей совершать вещи не подвластные их желаниям, «Голод и волка из лесу выгонит». Вторая из них соответствует русской пословице «Встречают по одёжке, провожают по уму» или «Внешность обманчива, по одёжке не судят». Опять же мы не можем прибегать к дословному переводу и вынуждены искать эквиваленты в русском языке. “La faim chasse le loup” – семантически глагол *chasser* совершенно противоположен калькированному русскому выражению. В переводе на русский язык Гак выделяет следующие значения, такие как «выставлять за дверь, отталкивать» или же «охотиться».

В случае французского перевода в русском языке следует придерживаться номинатива, который употребляется здесь в форме предикатива. Вследствие этого можно констатировать, что слово голод *faim* как и в русском, так и во французском языках чаще употребляется в сочетании с зоонимами: faim canine, faim de loup, а также в переносном смысле ‘горячее желание что-л. сделать’ - faim de gloire. Вторая пословица даёт характеристику человеку, который представляет своё богатство не внешне, а внутренне. Внутри данного фразеологизма использован номинатив «le moine» -

«монах». Одежда человека, относящегося к религиозному сану весьма простая и не позволяет судить о красоте души или о интеллектуальном уровне данного индивида. Из этого мы можем заключить, семантическое значение данной пословицы говорит о необходимости человеческого общения и только этимология каждого фразового отрезка даёт нам понять об истинном значении той или иной пословицы.

Несмотря на то, что пословицы, поговорки и фразеологизмы относятся к разного рода языковым клише (устойчивым словесным сочетаниям), все они, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы.

Литература:

1. Озерова Н.Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. Киев, 1978
2. Философия, логика, язык: Пер. с англ. и нем./Сост. и предисл. В.В. Петрова; Общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.
3. Callebaut, Bruno La négation en français contemporain: une analyse pragmatique et discursive., Brussel, 1991
4. Mirella Conenna, Kleiber G. De la métaphore dans les proverbes// Langue française, № 134, - 2002, p. 58-77
5. Petit R. Dictionnaire de la langue française – Dictionnaires le Robert, 1994
6. Anscombre J.-C. Proverbes et formes proverbiales : valeur evidentielle et argumentative// Langue francaise. – 2001, № 102, с. 95-107

Жукова Е.Ф.
Новгородский государственный университет имени Ярослав Мудрого, Великий Новгород

ПОСЛОВИЦЫ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ

Продолжая изучение эмоций в пословичной системе языка, проведем сопоставительный анализ английских и русских пословиц, интерпретирующих базовые эмоции (Изард 1980: 85-91; 2006: 55; 118-119). Означенные пословицы имеются в обоих языках, что подтверждает известное положение об универсальности человеческой мудрости.

Для вербализации эмоций в языках используются разноуровневые единицы. «…Набор самих механизмов вербализации мало варьируется от лингвокультуры к лигвокультуре; однако, по всей видимости, в разных лингвокультурах задействуются разные механизмы с различной степенью интенсивности…» (Гришаева 2005: 133). Так, в русском языке пословиц

больше, чем в английском. Естественно, в них интерпретируются не только эмоции, но вся жизнь русского человека, его самобытность, неповторимость. Многочисленность пословиц в русском языке в сравнение с английским объясняется характером русских и англичан, строем мышления тех и других, закрепленным в языке.

Существование в языках разноуровневых и разностатусных средств вербализации эмоций обусловлено сложностью и важностью уникального феномена, каким являются эмоции, а также разнообразием задач, стоящих перед человеком при описании мира. Каждая единица в силу своей природы передает специфические знания об эмоциях.

Пословицы, выражая суждения, вербализуют взгляд на эмоции, сформировавшийся в результате многолетних наблюдений человека, проверенный не одним поколением носителей языка. Функционально-коммуникативный потенциал пословиц, как и фразеологизмов, обусловлен семантической емкостью и способностью к употреблению в различных ситуациях и с разными речевыми целями.

Пословицы направлены на создание и сохранение положительного в жизни, такого, как понимают его творцы пословиц в том социуме, членами которого они являются.

Английские и русские пословицы вербализуют знания о всех базовых эмоциях. Пословицы о **горе / печали**, многочисленные в обоих языках, рассмотрены в статье «Эмоции в пословичной системе языка» (Жукова 2010).

Пословиц о **радости** меньше «печальных». Объясняется это характером эмоций. Радость принимаем как должное, способствующее человеческой деятельности. И только частично хотим что-то исправить в проявлении этого эмоционального состояния, оценить его, подправить, подчеркнуть его значимость.

Носители обоих языков подчеркивают важность радости, которая наполняет сердце, без нее в сердце пустота: *Сердце без радости, что дом пустой* (Мд: 177). *It's a poor heart that never rejoices* (Мд: 177).

Пословицы советуют не радоваться раньше времени: *Хорошо смеется тот, кто смеется последним* (З: 169). *Последний смех лучше первого* (Д: 871). *Don't halloo till you are out of the wood* (К: 831). *He laughs best who laughs last* (К: 438).

В жизни не одни только радости, за радостью идет горе: *Life is not a bed of roses (life is not all beer and skittles)* (К: 454). *Где радость, тут и горе; где горе, там и радость* (Д: 149). *Нет худа без добра и добра без худа* (Мд: 295). *There is no joy without alloy* (Мд: 294).

Беда может послужить причиной радости: *Не было бы счастья, да несчастье помогло* (Ж: 201). *И в плохом можно найти хорошее* (Мд: 104). *Every cloud has a silver lining* (Мд: 104).

Внешнее проявление радости, веселья может быть ложным: *Не всяк весел, кто поет* (Мд: 27). *All are not merry that dance lightly* (Мд: 27).

Работа должна чередоваться с отдыхом, тогда человек будет чувствовать себя хорошо: *Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем* (Мд: 31). *All work and no play makes Jack a dull boy* (Б-Ш: 269).

И русские, и англичане призывают смеяться не над другими, а над собой: *Нет лучше шутки, чем (как) над собой* (Мд: 141). *He is not laughed at that laughs at himself first* (Мд: 141). *Чужому смеху (беде) хорошо смеяться: посмейся своему!* (Д: 610).

Пословицы призывают не смеяться над другими, потому что то, над чем смеешься, поджидает и тебя: *Не смейся, братец, чужим сестрицам: своя в девицах* (Д: 394). *Не смейся, горох, над нами (над бобами), будешь и ты под ногами* (Д: 729). *The pot calls the kettle black* (Мд: 290).

Человек весел, если за его душой нет никаких аморальных поступков. В обоих языках одобряется честность: *Чистая совесть душу веселит* (Мд: 21). *A good conscience is a continual feast* (К: 172).

Пословицы советуют не спешить: *Поспешишь – людей насмешишь* (Ж: 263). *Hast makes waste* (К: 360). *Haste climbers have sudden falls* (Б-Ш: 273).

Когда у человека радость, вокруг него много друзей; в беде же друзья часто покидают потерпевшего: печального люди сторонятся, не хотят доставлять еще больше страданий ему, а также не хотят портить себе настроение, расстраиваться из-за чужого горя: *В радости сыщут, а в горести забудут* (Д: 155).

В русских пословицах утверждается, что радость, в отличие от горя, достается немногим: *Нужда (беда, горе) семерых задавила, а радость одному досталась* (Д: 141).

Русский верит в силу Всевышнего: *Бог и плач в радость обращает* (Д: 867). Мучения на этом свете обернутся радостью в загробном мире: *На этом свете помучимся, на том порадуемся* (Д: 39). Радуясь чужой беде, следует не забывать, что человек во власти Бога: *Не радуйся чужому безвременью, сам под богом* (Д: 674).

Русские противопоставляют свое и чужое, чужое несчастье может вызывать смех, а свое кажется ужасным: *Чужой сын дурак – смех; а свой сын дурак – смерть (стыд)* (Д: 611).

Носители русского и английского языков считают **гнев** отрицательной эмоцией. И пословицы осуждают гнев, считая его кратковременным безумием: *Гнев – недолгое безумие* (Мд: 35); *У огня не бывает прохлады, у гнева рассудка* (З: 62); *Anger is a short madness* (К: 44).

Пословицы учат не принимать решений во гневе, особенно наказывать: *Во гневе не наказывай: гнев – плохой советчик* (З: 257); *Anger and haste hinder good counsel* (Мд: 35).

Пословицы одобряют умение преодолеть гнев, преодоление укрепляет человека: *Господин гневу своему – господин всему* (Д: 129); *Кто гнев одолевает, крепок бывает* (Д: 129); *Let not the sun go down on your wrath* (К: 736).

В пословицах утверждается, что сердитым достается в жизни: *На сердитых воду возят* (Д: 130); *У сердитого губа толще, а брюхо тоще (*или *тоньше)* (Д: 130); *Two to one in all things against the angry man. He that is angry seldom at ease* (К-Ш: 140).

В пословицах даются советы противодействия гневу: *Кроткое слово гнев побеждает* (Д: 751); *Покорное слово гнев укрощает* (Д: 216); *A soft answer turns (turneth) away wrath* (Мд: 47). Называются и конкретные действия, которые помогают справиться с гневом: *Когда сердишься, сосчитай до 100* (Мд: 321); *When angry, count a hundred* (Г: 31). Пока человек считает, он остывает и забывает причину гнева.

Русские пословицы о гневе более эмоциональны, как и сами русские: *Такое сердце взяло, что сам бы себе язык перекусил* (Д: 134). Гнев может быть сильным, потому пословицы призывают сдерживать гнев: *Не давай себе воли во гневе* (З: 62). Чем мудрее человек, тем сдержаннее он в гневе: *Храбрый узнается на войне, мудрый в гневе, друг в беде* (З: 282). Пользы от гнева никакой: *От сердитой свиньи визгу много, а шерсти нет* (Мд: 196); *Сердцем и соломинки не переломишь* (Д: 130).

Принимая гнев как обычное человеческое дело, русские осуждают злопамятство: *Гневаться – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское* (З: 511).

Народ боялся царского гнева, считая его послом смерти: *Гнев царев – посол смерти* (Д: 244). Одновременно высмеивается низкопоклонство перед богатыми: *Убогий на богатого сердится, а за ним вслед без шапки находится* (Д: 79).

В пословицах говорится о том, что, сердясь, человек плохо делает для себя, а окружающие могут и не знать об этом. Так, с иронией утверждается: *Старуха три года на мир сердилась, а мир того и не знал* (Д: 131); *Сердилась баба на торг, а торг того и не ведал* (Д: 837).

В группе пословиц о гневе находит отражение религиозность русских: *Божий гнев (*или: *Божья кара) его постигнет* (Д: 229); *Богу молись, а черта не гневи!* (Д: 44); *Бога не гневи, а черта не смеши* (Д: 44).

Ложь, обман вызывают божий гнев, и пословицы зовут говорить правду: *Нечего бога гневить, надо правду говорить* (Д: 196); *Правда гневна, да богу мила* (Д: 302). Пословицы поучают не плакаться перед богом напрасно: *На это плакаться – только напрасно бога гневить* (Д: 118). Следует не роптать, молиться шепотом: *Не гневи бога ропотом, молись ему шепотом* (Д: 118).

Всем людям свойственен **страх**. Пословицы о страхе созданы носителями и русского, и английского языков. Интерпретация его в обоих языках в большинстве случаев одинакова. Русские констатируют, что *У страха глаза велики* (Ж: 331). Пословица опирается на свойство глаз расширяться от страха и выражает преувеличение опасности, обнаружение её там, где ее нет. У англичан несколько подобных единиц, в которых для выражения исходной мысли используются разные образы: глаза, уши, но-

ги: *Cowards die many times before their death* (К-Ш: 265); *Fear has big eyes* (К-Ш: 265); *Fear has magnifying eyes* (Б-Ш: 275); *Fear has a hundred eyes* (Мд: 113); *Fear has a quick ear* (Мд: 113).

Для всех превыше всего правда, и суд бессилен пред ней: *Правда суда не боится* (Мд: 20); *A good anvil does not fear the hammer* (Мд: 20).

В пословицах утверждается, что нужно опасаться не того, кто прям и откровенен, а того, кто скрытен, действует исподтишка: *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой* (Д: 663); *Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает* (Д: 663); *Barking dogs seldom bite* (К: 218); *Beware of a silent dog and still water* (Мд: 67); *Dumb dogs are dangerous* (Мд: 98).

Опасность отступает, если человек действует не в одиночку: *То не страх, что вместях, а сунься-ка один* (Д: 405); *Одному страшно, а всем (миру) не страшно* (Д: 405); *Друг за друга держаться – ничего не бояться* (Мд: 120).

Если предстоящие трудности, опасности страшат, то не следует браться за дело: *Волков бояться – в лес не ходить* (Ж: 71); *He that feareth every bush must never go a-birding* (К: 115); *He that is afraid of wounds must not come near a battle* (К: 843).

Пословицы учат не бояться предстоящих опасностей, которые могут оказаться не такими уж страшными, и лихо утверждают: *Не так страшен черт, как его малюют* (Мд: 280); *The lion is not so fierce as he is painted* (К: 464).

При взгляде на какое-нибудь дело человек ощущает страх, но преодолевает его, начиная работать: *Глаза страшатся (боятся), а руки делают* (Ж: 84).

Переживший много несчастий, трудностей, опасностей становится осторожен и боится даже того, что не таит в себе опасности: *Пуганая ворона (и) куста боится* (Ж: 270); *A burnt child fears the fire* (Мд: 12); *A burned child dreads the fire* (Г: 3). В идентичных пословицах конкретные наименования различны, в чем проявляются национальные особенности.

Не боится тот, у кого ничего нет, ему нечего терять: *Голый разбою не боится. Голому разбой не страшен* (Д: 165); *Голый – что святой: беды не боится* (Д: 94); *The beggar may sing before the thief (the footpad)* (Мд: 277). Боятся богатые, им страшно, воры могут украсть их богатство: *Богатому не спится: богатый вора боится* (Д: 84); *A great fortune is a great slavery* (Мд: 23).

Пословицы советуют бояться языка, ибо клевета опасна: *Не ножа бойся, а языка* (Мд: 299); *Бойся клеветника, как злого еретика* (Мд: 147); *The tongue, is not steel, but it cuts* (К: 770); *He that hath an ill name is half hanged* (Мд: 147).

Но если у человека чистая совесть, то он не обращает внимания на клевету: *Добрая совесть не боится клеветы* (Мд: 13); *A clear conscience laughs at false accusations* (Мд: 13).

Пословицы предупреждают, что друг может оказаться опаснее врага: *Бойся друга как врага* (Мд: 127); *False friends are worse than open enemies* (Мд: 112).

Обычно человек ругает за глаза того, кого боится: *Кто кого за глаза бранит, тот того боится* (Мд: 146); *He who fears you present will hate you absent* (Мд: 146).

Пословиц о страхе в русском языке больше, и в целом ряде их утверждается то, что национально маркировано, присуще русским и чего нет в английских пословицах.

Русские верят в судьбу, что и регистрируют пословицы: *Бойся не бойся, а от участи своей не уйдешь* (Д: 57). Звучат в них религиозные взгляды русских: *Не бойся никого, только бога одного* (Д: 38); *В ком есть страх, в том есть и бог* (Д: 305); *Начало премудрости – страх господень* (Д: 39); *Страшен сон, да милостив бог* (Д: 37); *Бойся бога: смерть у порога* (Д: 282); *Бойся вышнего, не говори лишнего* (Д: 196).

Вера в загробную жизнь выливается в пословицах призывами не грешить, ибо грешного человека ждет наказание в царстве мертвых: *Смерть по грехам страшна. Не бойся смерти, бойся грехов* (Д: 281).

Русские смелы, пословицы советуют глядеть страху в глаза, и он отступит: *Гляди прямо страху в глаза – и страх смигнет* (З: 74); *Хуже, как боишься: лиха не минешь, а только надрожишься* (Д: 271).

В пословицах проявляется наблюдательность русского человека и умение анализировать определенные ситуации, делать выводы. Так, утверждается, что хорошо знакомое не страшно: *Мышь копны не боится* (Ж: 179). Угроза может исходить от животного и человека, но самую большую опасность следует ожидать от человека: *Козла бойся спереди, коня сзади, а человека со всех сторон* (Ж: 145). Люди опаснее чертей: *Чем бояться чертей, так бойся людей* (Д: 271).

Фиксируется в пословицах противоречивость русской натуры: *Смерти боятся, в рай просятся, а в ад лезут* (Д: 461).

Русские не только богобоязливы, но боятся наказания при жизни. Для них неприкосновенно казенное добро: *Казенное добро страхом огорожено* (Д: 242), если тронешь его, то будешь наказан. Одновременно пословицы учат бережно относиться к своему имуществу, хранить его так, чтобы вор не смог украсть его, а это возможно, если будет порядок: *Что плохо положено, страхом не огорожено* (Д: 175).

Русские ценят силу слова, в отдельных случаях вербальное воздействие эффективнее физического: *Умный боится слова, а дурак – плети* (З: 250).

В обоих языках имеются пословицы о **стыде.** Носители языков утверждают, что стыд можно стерпеть, он не столь опасен: *Стыд не дым, глаза не выест* (Ж: 319); *Blush like a black (blue) dog* (Мд: 69); *The cat shuts its eyes when stealing (while it steals) cream* (К-Ш: 257).

Одно из главных свойств русской души – совестливость. Стыд и совесть у русских взаимосвязаны: *В ком стыд, в том и совесть* (Д: 306); *Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет* (Д: 305). Англи-

чане полагают, что этих двух понятий уже давно не существует, совесть и стыд были давно повешены: *Conscience was hanged long ago* (К-Ш: 257).

В пословицах обсуждается бедность, русские и англичане считают, что: *Бедность не позор, но стыдиться ее позорно* (Мд: 245); *Бедность не стыд (не порок). Бедность не порок, а несчастье* (Д: 96); *Poverty is not a shame, but the being ashamed of it is* (К: 598).

У русских пословиц о стыде больше в силу большей эмоциональности, открытости, совестливости русских; сами пословицы экспрессивнее, эмоциональнее. Нарушение каких-то норм русские переживают болезненнее, обсуждают миром и порицают. Для русских *Стыд (позор) та же смерть* (Д: 366). И все же они понимают, что каждый человек в жизни испытывает стыд: *Без стыда лица не износишь* (Д: 307).

Хотя русские и англичане не считают бедность позором, но у русских ощутимее пропасть между богатством и нищетой, о чем свидетельствует пословица: *И двери богатых стыдятся нищих* (Д: 84).

Русские предпочитают быть бедными, но честными: *Лучше бедность да честность, чем прибыль и стыд* (З: 43); *Лучше понести на гривну убытку, нежели на алтын стыда* (Д: 306). Англичане умалчивают об этом.

Пословицы о стыде фиксируют противоречивость русской души: *Умри, коли стыда нет* (Д: 307); *Убей бог стыд, всё пойдет хорошо (всё нипочем*) (Д: 307).

В определенных отношениях находится сытость и стыдливость. С одной стороны, голодному не до стыда, стыд появляется, когда человек сыт: *Как стал сыт, так и узнал стыд* (Д: 675). С другой стороны, человек становится сытым, если у него нет стыда, стыдливый остается голодным: *Отними бог стыд, так будешь сыт* (Д: 307).

Русские набожны, способность испытывать стыд они связывают с богом, с исполнением христианских заповедей: *В ком есть бог, в том есть и стыд* (Д: 305); *Кто бога не боится, тот и людей не стыдится* (Д: 306).

Для русского человека характерна деликатность: *Не стыдно, коли никому не обидно* (Д: 307). Русский способен выразить признательность тому, кому обязан чем-то хорошим: *Не стыдись, а нагнись да поклонись* (Д: 136).

Совершив неблаговидный поступок, человек пытается скрыть его, боится позора, стыда: *Чего стыдимся, того и таимся* (Д: 207).

Пословицы оправдывают некоторые интимные поступки, ибо отказ от них вызовет нежелательный результат: *Стыдиться жены, так и детей не видать* (Д: 305).

В пословицах констатируется тот факт, что в моду часто входит то, что грешно и стыдно: *Что стыдно да грешно, то в моду вошло* (Д: 685). Приведенная пословица злободневна, в наш век так можно оценить курение, пьянство, наркоманию, не освященные законом и церковью сексуальные отношения.

Эмоциональное состояние, являющееся самонаказанием за нарушение существующего правопорядка, этических, моральных или религиозных предписаний, толкуется как **вина** или **грех**. Эмоция вины влечет за собой раскаяние. Вина, грех, покаяние – всё это в пословицах обоих языков. Особенно много пословиц о грехе у русских, как традиционно верующих, эмоционально переживающих свои прегрешения.

Русские и английские пословицы утверждают, что все имеют грехи, в чем-то повинны: *Все мы не без греха* (Б-Ш: 266); *Many without punishment, none without sin* (Б-Ш: 266). Но русских пословиц подобного содержания больше: *Грех да беда на кого не живет* (З: 106); *Все Адамовы детки, все на грехи падки* (Д: 178); *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил* (Д: 43); *И мертвый человек греха не миновал* (Д: 210); *Невольный грех живет на всех* (Д: 210); *Мир в суетах, человек в грехах* (Д: 303). Русские убеждены, что *Один бог без греха* (З: 25; Д: 210).

И в русских, и в английских пословицах содержится совет не грешить: *Держаться от греха подальше* (Мд: 183); *Каяться кайся, да лучше не греши* (Мд: 252); *Keep out of harm's way* (Мд: 183); *Repentance is good, but innocence is better* (Мд: 252).

От грехов удерживает молчание и сон: *Больше говорить – больше согрешить. Меньше говорить – меньше греха* (Д: 408); *Кто спит – не грешит* (Д: 508); *A closed mouth catches no flies* (Мд: 13); *Great talkers are great liars* (Мд: 130).

Пословицы говорят о том, что русские и англичане предпочитают жить в бедности, нежели в грехах: *A good name is better than riches* (Мд: 22); *Cheats never prosper* (Мд: 13); *Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом* (Д: 304). Русские не оправдывают бедность. Бог осуждает богатство, а люди – бедных: *Богатство перед богом великий грех, а бедность перед людьми* (Д: 96). Бедняк может что-то украсть, совершить непотребное: *Бедность не грех, а до греха доводит* (Д: 98); *Согрешишь и ещё, когда в брюхе тощо* (Д: 107); *Голодный, и архимандрит украдет* (Д: 98); *Нет греха хуже бедности* (Д: 96).

Виноватый невольно выдает себя своим поведением: *На воре шапка горит* (Ж: 182); *If the cap fits, wear it* (Мд: 162). Ему кажется, что все говорят о его проступке: *He that commits a fault thinks everyone speaks of it. He that has a great nose thinks everybody is speaking of it.* (К-Ш: 136).

Пословицы призывают признать вину: того, кто раскаивается, не наказывают: *Повинную голову <и> меч не сечет* (Ж: 255); *A fault confessed is half redressed* (К: 265).

О покаянии больше говорят русские пословицы: *Кто сознался, тот и покаялся* (З: 209); *Умей грешить, умей и каяться* (Д: 217); *Кто сознался, тот покаялся; кто покаялся, тот греха удаляется* (Д: 216).

Когда нет бесспорных улик против того, кого подозревают в каком-либо преступлении, говорят: *Не пойман – не вор* (Ж: 217); *A blot is no blot till/ (unless) it be hit* (К: 92).

Пословицы призывают к осторожности, аккуратности, к тому, чтобы все было убрано, чтобы у вора не было повода для воровства: *Плохо не клади, вора в грех не вводи!* (Д: 176); *Opportunity makes the thief* (К: 555).

И в русских, и в английских пословицах осуждаются плохие работники, не мастера своего дела, склонные неудачу сваливать на инструмент: *У плохого косаря всегда коса виновата* (Мд: 9); *Bad workers often blame their tools* (Мд: 55); *У плохого работника всегда инструмент виноват* (Мд: 55).

Русскому эмоциональному человеку свойственна противоречивость в оценке вины. Есть пословицы с прямо противоположным смыслом. В одних выражается строгое, придирчивое отношение к виноватому человеку, а в других утверждается, что не всякая вина виновата. Ср. *Всякая вина виновата. Не всякая вина виновата* (Д: 228).

Пословицы призывают признавать вину, каяться и тут же подсказывают – не признавайся: *Знать не знаешь, так и вины нет* (Д: 208).

В определенной степени оправдывается воровство, главное – уйти, не быть пойманным: *Ушел, так прав: попался, так виноват* (Д: 208).

Русские выступают против строгих законов, считая, чем строже законы, тем больше виноватых: *Строгий закон виноватых творит* (Д: 245); *Не будь закона, не стало б и греха* (Д: 245).

Общество может скрывать виноватого: *В миру виноватого нет. В миру виноватого не сыщешь* (Д: 405). Прослеживается тяга к взяткам, подкупам: *Вор виноват, а подъячий мошне его рад* (Д: 173). Рад потому, что ждет взятки, которую вор может дать, раз у него есть деньги.

Виноватого не всегда можно найти, и об этом утверждает пословица: *Не о том речь, что виноватого сечь, а о том, где он* (Д: 451).

Русские требуют не наказывать невиновного, не перекладывать на него чужую вину: *Не бей Фому за Ерёмину вину* (Д: 189); *Кто правого винит, тот сам себя язвит* (Д: 170).

Подчиненное положение женщины, ее полная зависимость от мужа в старой России отражается в пословицах о вине: *У мужа (перед мужем) жена всегда виновата* (Д: 370); *Жена виновата искони бе. Бабий быт – завсе бит* (Д: 352).

Широко прослеживается в пословицах религиозность русского человека: *Бог виноватого найдет* (Д: 38); *В первой вине и бог прощает* (Д: 228); *За прощеную вину и бог не мучит* (Д: 216); *По дважды и бог за одну вину не карает* (Д: 216); *Виноват да повинен – богу непротивен* (Д: 216); *Повиниться – что богу помолиться* (Д: 216); *Живем, поколе господь грехам нашим терпит* (Д: 39); *Живи так, чтобы ни от бога греха, ни от людей стыда* (Д: 124).

С точки зрения религии в какой-то степени приветствуются прегрешения, ибо они заставляют каяться, молиться, а следовательно, заслужи-

вать спасения: *Не греша, не спокаешься; не спокаявшись, не помолишься; не молясь, не спасешься* (Д: 46); *Большой грех прощается скорее малого, потому что человек покается* (Д: 46).

Русские самоунижают себя, признают за собой много грехов, им во всем не везет: *Нам грешным и ветер-то встречный* (Д: 59); *Не божись, и без божбы грехов за плечами в кошеле не снесешь* (Д: 653); *Все на свете по грехам нашим деется* (Д: 211).

Русские милосердны. Пословицы их заступаются за обиженных: *Обиженного обижать – двойной грех* (Д: 156).

И, конечно, осуждается пьянство, беда русского человека: *Невинно вино, а проклято (виновато) пьянство* (Д: 802); *Пьян холоп – царю виноват. Счастлив тот, кто вина не пьет* (Д: 798); *Вино вину творит* (Д: 802). Однако допускается выпить в праздник: *Для праздника Христова не грех выпить чарочку простова* (Д: 827).

В некоторых пословицах отражены старые порядки, обычаи российские: *Мир на дело сошелся: виноватого опить* (т. е. миру пить за его счет) (Д: 406); *Эта вина стоит полведра вина (присуждают на сходке)* (Д: 174).

Англичане – законопослушные граждане, они не оправдывают преступления и стремятся к тому, чтобы возмездие соответствовало вине: *The greater the crime, the higher the gallows* (К: 185); *Crime doesn't pay* (К: 185).

Немногочисленны пословицы с **презрением**, единичны с отвращением, ибо презрение и отвращение – это не норма межличностных отношений.

Презрение возникает к человеку, чем-то отличающемуся от собственных представлений о правильности, норме: *Гусь свинье не товарищ* (Ж: 64); *Волк коню не товарищ* (Ж: 70); *A sow is no match for a goose* (К-Ш: 64); *Oil and water don't mix* (Л: 157).

С презрением говорят о тех, кто берется судить о чужих поступках, а сам себя чем-то запятнал: *Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала* (Ж: 365); *The pot (calling (calls) the kettle black! The devil rebuking sin* (К-Ш: 300).

Презирают тех, кто пытается попасть в какое-то общество, имея качества, не приемлемые в этом обществе, резко отличающие его от членов этого общества: *Лезет в волки, а хвост собачий* (Ж: 159).

Презрение связано с чувством превосходства; пословицы запрещают представителям низших социальных слоев судить о том, что выходит за пределы их образа жизни: *На рогоже сидя, о соболях не рассуждают* (Ж: 129); *Those that live in glass houses should not throw stones* (К-Ш: 300). Носители русского и английского языков считают, что в коллективе, обществе не место кому-то дурному, вредному, нежелательному: *Худую (дурную, сорную) траву из поля вон* (Ж: 346); *The black sheep must leave the flock* (К-Ш: 278).

К дурному человеку даже после смерти относятся с презрением: *Собаке собачья <и> смерть* (Ж: 310); *He that liveth wickedly can hardly die honestly* (К-Ш: 248).

Пословиц, содержащих проклятия злодеям, больше у русских. Русские эмоциональнее англичан, а мертвые не страшны живым, и последние, выпле-

скивая эмоции, как бы мстят умершим за то, что пришлось от них испытать: *Туда ему и дорога!* (З: 61); *Чтоб ему перевернуться в гробу!* (З: 61); *Пусть ему икается на том свете!* (З: 61); *Осиновый кол ему в могилу!* (З: 61).

Отвращение – мгновенная негативная реакция, формирующая внезапную кратковременную эмоцию отвращения. Человек далеко не всегда демонстрирует свое отвращение к другому и не часто испытывает отвращение, поэтому пословицы со значением отвращения в русском языке единичны, в английском практически отсутствуют.

Мотивационное состояние в человеческой деятельности определяется как **интерес**. Так как пословицы несут в себе обычно назидание, то, естественно, интерес в них фиксируется редко.

В пословицах сравнивается деятельность по желанию с деятельностью по необходимости и утверждается, что желание предопределяет большой успех: *Охота пуще неволи* (Ж: 243); *Desire has no rest* (К-Ш: 183); *Desire is stronger than compulsion* (Б-Ш: 272).

Русские утверждают, что за то, что делается с охотой, ради удовольствия, можно перенести любые неприятности: *Охоту (охотку) тешить – не беду (беда) платить* (Ж: 244). А интерес может быть очень большим: *Его за уши не оттащишь* (З: 103).

Может быть желание сильным, но возможности его осуществить никакой: *Охота смертная, да (а) участь горькая* (Ж: 244), - так констатируют русские. А англичане утверждают, что при наличии интереса возможность реализовать его найдется: *Nothing is impossible to a willing heart* (К: 542); *Where there's a will, there's a way* (К: 821).

В английских пословицах выражается боязнь превращения интереса в страсть, которая может управлять человеком: *Passion will master you, if you do not master your passion* (К: 566).

А русские призывают беречь интерес, если он пропадет по какой-то причине, то возвратить его будет трудно: *Охоту отобьешь – и рублем не возьмешь* (З: 116).

Негативную оценку содержат пословицы о разновидности интереса – любопытстве: *Много будешь знать, скоро состаришься* (Ж: 171); *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали* (Б-Ш: 269); *Curiosity killed the cat* (Б-Ш: 269, К-Ш: 127); *Too much knowledge makes the head bald* (К-Ш: 127).

Кратковременным внезапным эмоциональным состоянием является **удивление**. Оно подготавливает человека к встрече с чем-то новым. Характер этой эмоции противоречит духу пословиц. В них отражен многовековой опыт, а эта реакция мгновенна. Трудно предугадать ее, тем более направить в нужное русло. И, видимо, поэтому пословиц с удивлением почти нет. В Словаре В.П. Жукова приведена одна-единственная поговорка: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* (Ж: 74), толкуется как выражение удивления, огорчения, разочарования по поводу чего-либо неосуществившегося, несостоявшегося. Английский аналог ее: *Here's (That's) a fine (nice, pretty) how-d'je-do (how-do-you-do)* (Л: 8).

Итак, пословицы, будучи особой формой презентации знаний об эмоциях, являются ценнейшем источником сведений о человеке, его эмоциональном мире, его менталитете. Уникальная человеческая мысль и уникальное творческое начало живут веками в пословицах, переходя из поколения в поколение.

Русские и англоязычные творцы пословиц различны по духу. Русские эмоциональнее англичан, они несдержанны, выплескивают эмоции наружу. Англичане сдержанны. Образный поэтический строй мышления русских порождает массу пословиц. Склонность к понятийным и однозначным определениям англичан предопределяет ограничение последних.

Взгляд на то или иное состояние человека у англичан и русских, оценка того или иного состояния, той или иной эмоции схожи. Те и другие считают, что человек рождается для страдания; без радости пустота в сердце; гнев – кратковременное безумие, преодоление его похвально; страх свойственен всем людям, и всем свойственно преувеличивать опасность; стыд можно стерпеть; все имеют грехи, но раскаявшийся избегает наказания; в коллективе, в обществе не место кому-то дурному, вредному; интерес, желание предопределяет успех и т.д.

Мера и степень проявления эмоций у двух народов различны. Русские эмоциональны. Горюют, впадая в уныние; открыто тоскуют по родине на чужбине. Гневаются так, что готовы «язык перекусить». Болезненно переживают стыд, они совестливы, набожны, неосмотрительны и беспечны, отважны и смелы. Англичане, сдержанные и скрытные, не выставляют свои чувства напоказ, «распрощались» со стыдом и совестью.

Так как английские и русские пословицы создавались в различных общественно-исторических условиях, то в них отражаются некоторые особенности организации социума носителей языка, уклада жизни, а также обычаи, традиции, поверья.

Наличие идентичных пословиц в обоих языках свидетельствует об однотипности отдельных форм образного видения мира человеком независимо от его национальной принадлежности и одновременно о национальном своеобразии в интерпретации увиденного, проявляющемся в лексической организации пословиц – в выборе конкретных наименований.

Литература:

1. Гришаева Л.И. Механизмы вербализации: универсальное и специфическое // Когнитивная лингвистика: метальные основы и языковая реализация. Ч. 2. - С.-Петербург, 2005.
2. Жукова Е.Ф. Эмоции в пословичной системе языка // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой презентации. - С.-Петербург, 2010. С. 397- 407.
3. Изард К.Э. Психология эмоций. - СПб., 2006.
4. Изард К.Э. Эмоции человека. - М., 1980.

Источники и их условные обозначения:

1. Брускина Т.Л., Шитова Л.Ф. Русско-английский словарь образных слов и выражений. СПб., 2008. – Б-Ш
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957. – Д
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 4-е, М., 1991. – Ж
4. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1996. – З
5. Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. СПб., 1996. – К-Ш
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984. – К
7. Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е русск. изд. М., 2004. – Л
8. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. 8-е изд., М., 2009. – Мд
9. 500 английских пословиц и поговорок. Сост. Гварджаладзе И.С., Гильбертсон А.Л., Кочинашвили Т.Г. М., 1960. – Г

А.К.Жумабекова
Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы (Казахстан)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПАРЕМИЙ, ОСНОВАННЫХ НА ОППОЗИЦИЯХ

Наиболее полному раскрытию сущности языков и культур способствует их сопоставительное изучение. Эффективным представляется систематическое сопоставление фактов родной и иноязычной культур. Как осознанный, нуждающийся в регулярном закреплении этот методический прием необходимо осуществлять в русле задач межкультурной коммуникации.

В соответствии с данными культурологических и лингвистических исследований можно предположить, что исходными формами мышления являются бинарные структуры, выражающиеся в языке в виде семантических оппозиций. Они, в свою очередь, отражают существенные для человека противоречивые стороны явлений окружающего его материального и социального мира. Реконструируя модель мира средствами лингвистики, исследователи древнейших текстов выдвинули предположение, что такая модель представляет собой набор основных семантических противопоставлений, имеющих практически универсальный характер для всех человеческих сообществ.

В.В.Иванов и В.Н.Топоров, воссоздавая модель мира славян в древнейшем периоде, предложили такие семантические оппозиции, как «счастье – несчастье», «правый – левый», «верх – низ», «день – ночь», «свой – чужой» и др. Авторы пришли к выводу, что подобные противопоставле-

ния, независимо реконструируемые для праславянского языка, в существенных чертах совпадают с оппозициями финно-угорских, некоторых тюркских языков (Иванов, Топоров 1965: 9).

К текстам, в которых отражается традиционная духовная и материальная культура народов, относятся и паремии. Их можно рассматривать как зафиксированные в языке стереотипы сознания этноса, связанные с различными формами коммуникации. Фундаментальное изучение структуры паремий, отражающих процесс познания мира людьми в далекие от нас времена, предпринятое Г.Л.Пермяковым показало, что подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которым сводится смысл употребляемых в паремии образов (Пермяков 1988: 106). В качестве критерия классификации большого фольклорного материала разных народов мира автор выдвинул схематичные типы таких инвариантных пар, что позволяет устранить недостатки существующих сборников паремий, основанных на алфавитном, лексическом, тематическом и других принципах. Общим признаком, объединяющим паремии в ту или иную группу, является тип противоположности между компонентами семантических оппозиций.

Разделяя точку зрения Г.Л.Пермякова о том, что каждая пословица или поговорка содержит скрытую или явную оппозицию, мы избрали объектом исследования только те паремии, которые содержат актуализованные антонимические пары.

Для анализа мы отобрали 426 казахских и такое же число русских пословиц и поговорок, извлеченных из сборников паремий (Русские пословицы и поговорки 1988, Kazakh makal-matelderi 1990).

Паремии, характеризирующиеся общностью логической и предметно-образной структуры, составили 21 группу. Например, тематическая группа *ash-tok/ сытый-голодный* (для удобства компьютерного набора и чтения здесь и далее примеры на казахском языке передаются посредством латинского алфавита):

а/ ***Ash*** *bala* ***tok*** *balamen oinamaidy,* ***tok*** *bala* ***ash*** *bolam dep oilamaidy;*

б/ ***Сытый голодному*** *не товарищ,* ***Сытый голодного*** *не разумеет.*

Имеются случаи, когда объединение пословиц в одну группу происходит сразу по двум видам противопоставлений: *родной-чужой, близкий-далекий:*

а/ Zhaman ***zhakynnan tanys*** *artyk,* ***atasy baska alys*** *artyk,*

Tuysy zhakyn *zhakyn emes,* ***konysy zhakyn*** *zhakyn;*

б/ Лучше добрые ***соседи****, чем далекая* ***родня****», «****Ближний сосед*** *лучше* ***дальней родни.***

В 15 группах наблюдается полное структурное соответствие с аналогичным семантическим наполнением, что, скорее всего, связано с взаимовлиянием языков:

1) ***Zhiptin uzyny, sozdin kyskasy*** *zhaksy; Хороша* ***веревка длинная****, а* ***речь короткая****;*

2) ***Kop tynda, az soile****; Больше слушай, меньше говори;*

3) ***Eki*** *koshkardyn basy* ***bir*** *kazanga simas; Две бараньи головы в* ***один*** *котел не лезут* и др.

Разница между числом контекстуальных и узуальных антонимических пар в казахских паремиях несколько больше, чем в русских. Объясняется это, по всей видимости, тем, что в традиции казахского устного поэтического творчества главенствующая роль отводится импровизации. Основой красноречия всегда признавалось умение говорить и петь стихотворными формами. Именно такой способ передачи мысли воспринимался как яркое, необычайно сильное художественное средство воздействия на слушателя, который, в свою очередь, легко запоминал рифмованные строки. Таким образом, создание оппозиций мотивировалось не только логическими, но и собственно языковыми причинами.

Сходство звуковой формы объединило слова в парах: *kop-dop (****Kop*** *soilegen bilimdi emes,* ***dop*** *soilegen bilimdi), tor-kor (Dostyn orny -* ***tor****, ducshpannyn orny -* ***kor****), kozi-ozi (Bireudin* ***kozi*** *sokyr, bireudin* ***ozi*** *sokyr).* Аналогичные примеры есть и в русском языке, но они не столь многочисленны: *крест-пест (Мужик не боится* ***креста****, а боится* ***песта****), гладью-гадью (Начали* ***гладью****, а кончили* ***гадью****), медок-ледок (На языке* ***медок****, а на сердце* ***ледок****).* Здесь каждую контекстуальную оппозицию можно квалифицировать как манифестацию узуальной определенного типа.

В русских паремиях контекстуальные оппозиции выделяются, в основном, формальными средствами противопоставления: *Не за* ***бороду*** *– за* ***ум*** *жалуют*; в казахских же пословицах их легко увидеть занимающими аналогичные синтаксические позиции в параллельных конструкциях:

Bireudin at kotermes ***bozi*** *bar,*

bireudin at kotermes ***sozi*** *bar.*

Общим же для обеих сопоставляемых групп паремий является то обстоятельство, что контекстуальные оппозиции употребляются, как правило, вместе с узуальными:

а/ ***Zhaksy*** *zhurgen zherine* ***kent*** *salady,*

Zhaman *zhurgen zherine* ***ort*** *salady (zhaman-zhaksy, kent-ort).*

б/ ***Брюхо сыто****, да* ***глаза голодны*** *(брюхо-глаза, сыто-голодны);*

Антонимические оппозиции, на которых основаны паремии, универсальны для разных языков, т.к. базируются на единых законах общечеловеческого мышления. Различия же выражаются в лексемах, отражающих национально-специфические особенности быта, хозяйственного уклада, обусловленные историческими, географическими, культурными и др.факторами, повлиявшими на ход развития и становления этноса.

Так, универсальная для обоих языков оппозиция *oz – kisi (ozge) /свой -чужой* реализуется в паремиях:

а) ***Kisi*** *elinde* ***sultan*** *bolgansha,* ***oz*** *elinde* ***ultan*** *bol (*букв.: *Чем быть султаном на чужбине, лучше быть подошвой на родине);*

б) Лучше ехать на ***своих дровнях,*** *чем на* ***чужих санях.***

Здесь к основной узуальной оппозиции добавляются дополнительные контекстуальные: *sultan – ultan/ дровни - сани.* Последние отражают реалии, характерные для жизни казахского и русского народов в недалеком прошлом. В обобщенном виде оппозиции *ultan - sultan, дровни - сани* манифестируют узуальную пару *хуже - лучше* и соотносятся с основной антонимической парой *чужой - свой.*

Оппозиции в паремиях зачастую основаны на наблюдениях реалий окружающей жизни, на понимании единой сущности противопоставляемых явлений:

Argymak birde ***zhaldy,*** *birde* ***zhalsyz;***
Er zhigit birde ***maldy,*** *birde* ***malsyz***
*(*букв.: *Чистокровный скакун то упитан, то худ;*
Жигит то богат, то беден).

Частые параллели с жизнью животных и человека в казахских пословицах и поговорках основаны на осознании единства Природы и Человека. Это мироощущение складывалось на протяжении многих веков жизни казахского народа, «погруженного» в природу. Русская же пословица *Либо* ***мед пить****, либо* ***биту быть*** связана, соответственно, с особенностями быта славян (ср.: *Я там был, и* ***мед*** *я пил…*). В учебном процессе при преподавании русского и казахского языков в иноязычной аудитории подобные примеры нуждаются в достаточно подробных культурологических комментариях.

Таким образом, критерий типа противоположности между членами инвариантных антонимических пар позволяет решить проблему классификации паремий таких типологически различных языков, как казахский и русский (количество сопоставляемых языков при этом может быть неограниченным), их систематизации и научного описания в сборниках пословиц и поговорок.

Составление же сборника паремий разных языков, сгруппированных по единому критерию, поможет в решении тех или иных задач перевода, при подборе эквивалентов в процессе межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Иванов В.В., Топоров В.К. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. - М., 1965.
2. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988.
3. Русские пословицы и поговорки. /Под ред. В.П.Аникина. - М., 1988.
4. Kazakh makal-matelderi. /Kurast. M.Akkozin. – Almaty, 1990.

Г.В. Зимовец
Институт языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины, Киев

ЗНАЧЕНИЕ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ ЭРГОНИМОВ

Изменения, имевшие место в последние два десятилетия в экономической и общественной жизни, не могли не отразиться и на языке. Значительные сдвиги, в частности, произошли в эргонимии – ономастическом разряде, включающем названия субъектов хозяйственной деятельности. Данный вид имен собственных изучался во второй половине XX века такими известными ономастами, как Ю.А. Карпенко, Е.С. Отин, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская. Как известно, существуют различные способы образования названий предприятий и организаций, в частности онимизация, трансонимизация, образование сложных слов, лексикализация словосочетаний и предложений. Предметом нашего рассмотрения в данной статье является трансонимизация, т.е. переход имени собственного из одного разряда в другой. Материал по украинскому языку собран в справочном издании «Золотые страницы Украины 2006».

Продуктивность трансонимизации как способа образования эргонимов обусловлена экстралингвистическими факторами, а именно историей формирования данного класса имен собственных. Как отмечает О. Белей, «Новизна или вторичность украинских фирмонимов обусловлена также тем фактором, что данный класс эргонимов формировался на базе традиционной онимной номенклатуры, прежде всего, топонимов, антропонимов, а также некоторых лексико-семантических групп аппелятивов» (Белей 1999: 9).

По нашим данным, новые эргонимы образуются путем трансонимизации основных ономастических разрядов: а) топонимов; б) антропонимов; в) мифонимов; г) астронимов и т.д. Топонимы разных подвидов выступают в качестве активного источника пополнения класса эргонимов, указывая при этом на место деятельности компании, т.е. перенесение значения происходит по метонимическому типу.

Трансонимизации подвергаются такие разряды топонимов: 1) ойконимы: *«Волинь»,* 2) гидронимы *«Дніпро», «Дністер»,* 3) оронимы: *«Карпати»,* 4) урбанонимы: *«Київ», «Одеса»*. Однако потенциал индивидуализации с их помощью конкретного референта минимален из-за значительных объемов омонимии. Причиной использования топонимических названий, скорее всего, является потенциал их влияния на адресата, а именно активизация культурологических смыслов и знаний о месторасположении субъекта. Название часто дается по месту расположения субъекта деятельности: банк *«Хрещатик»*. В таких случаях на первый план выходит информационная (собственно говоря, дейктическая) функция эргонимов. Модель распространена среди названий компаний-производителей напитков (и соответствующих торговых марок): «*Оболонь», «Чернігівське»*. В некоторых случаях

эргоним является результатом трансонимизации двухчленных топонимов: *«Вітряні гори»* (название газеты и ассоциации граждан). В случае использования неукраинских географических названий последние указывают не на расположение субъекта, а на место происхождения товара: *«Мертве море»* (косметика, парфюмерия); *«Балтика»* (рыба и морепродукты). Иногда название одновременно имеет и символический, и метонимический характер, поскольку указывает на географическое месторасположение, получившее в культуре символическое значение: «*Січ», Закарпатська обласна кредитна спілка «Бескид», Львівський керамічний завод «Говерла»*. Безусловно, такие названия отличаются более высокой степенью экспрессивности. Символическое использование топонимов имеет место при трансонимизации заимствованных топонимов, прямо не связанных с субъектом деятельности, что включают последнего в определенную систему ценностей и внеязыковых смыслов: *«Беверлі Хілз»* (косметологический салон), *«Ніагара»* (бытовая техника), *«Клондайк»* (кондиционеры). Название *«Еверест»* указывает не на размещение компании и не на место ее деятельности, оно скорее основано на коннотациях соответствующего топонима как метафоры наивысших достижений в определенной области. Следовательно, данный эргоним выполняет не информативную функцию, а идеологическую и экспрессивную. Оценочный компонент прослеживается также в случае использования вместо современного топонима исторического. Так, наряду с принятым сегодня названием главной водной артерии Украины в эргонимии представлено также ее историческое наименование – *«Борисфен»*. Можно предположить, что информативную функцию выполняют в первую очередь современные украинские топонимы, а использование иностранных и архаичных скорее является проявлением интенции повлиять на эмоциональную сферу адресата путем навязывания последнему положительной оценки определенной компании или организации.

Трасонимизация топонимов может также основываться на элементах языковой игры. Например, в случае эргонима *«Медобори»*™ (кондитерские и хлебобулочные изделия) предприятие получает название горного массива. Одновременно имеет место обыгрывание внутренней формы топонима с предметом деятельности, посредством чего создается двойная отнесенность к географическому названию (метонимический перенос) и к его внутренней форме (метафора).

Антропонимы, подобно топонимам, при перенесении в разряд эргонимов могут выполнять как информативную, так и экспрессивную функции. Они играют существенную роль в пополнении рассматриваемого лексического класса. «Значительный удельный вес антропонимов в лексической базе современных фирмонимов Закарпатья обусловлен, прежде всего, стремлением создателей имен собственных предприятий увековечить себя или своих близких в названии собственного предприятия» (Белей 1999: 25).

В одних случаях антропоним выступает исключительно в функции идентификации субъекта практической деятельности и совпадает с именем владельца, что имеет место в основном при именовании предприятий малого и среднего бизнеса: *ПП О.П. Гайдай, ПП Н.О. Звірінська*. Следует отметить, что именно такая мотивация эргонимов является первичной в диахроническом плане. Модель номинации характерна для юридических компаний: *«Грищенко та партнери»*.

Наряду с этим наблюдаем также использование в качестве эргонимов имен, коннотированных значительными культурными смыслами. Это могут быть имена известных людей, получивших в украинский либо мировой культуре символическое значение, при этом связи между их референтом и референтом эргонима, как правило, не прослеживается: *«Роксолана»* (страховая компания), *«Колумб»* (сувениры, значки), *«Мономах»* (чай, кофе).

При использовании в функции эргонимов женских имен мотивом выступает их культурный смысл и эстетический оценочный компонент. В одних случаях, видимо, следует констатировать, что эргоним выполняет функцию ограничения потенциальной аудитории по гендерному признаку, т.е. его семантика определяется фактором адресата. Так, например, женское имя *Єва* приобрело обобщающее значение «женщина вообще». Такое название компании, занимающейся продажей парфюмерии и косметики, фактически содержит указание на целевую группу указанного вида деятельности. Однако в ряде других случаев наблюдаем символическое использование женского имени, что основывается исключительно на общей положительной оценке субъекта деятельности: *«Вілена»* (строительная компания), *«Єва»* (аудиотехника; резинотехнические изделия), *«Даліла»* (ветпрепараты), *«Кристина»* (морепродукты), *«Анастасія»* (металлические изделия).

Кром того, трансонимизации могут подвергаться имена конкретных исторических лиц, в основе чего лежит, с одной стороны, мемориальная функция имени, а с другого – актуализация оценочных коннотаций, связанных с деятельностью определенного субъекта (фабрика сувенирной продукции *«Леся Українка»*, конноспортивный клуб *«Болівар»)*. Информативный компонент таких названий является нулевым, в то время как на первый план выходят экспрессивная и эстетическая функции. Иногда эргонимы образуются от имен литературных героев. В основе переноса лежит сопоставление по области деятельности: *«Айболит»* (ветеринария). Семантическая связь может отличаться также более высоким уровнем сложности. В частности, понимание мотивации названия *«Гобсек»* (ювелирные изделия) зависит от наличия соответствующих фоновых знаний о содержании одноименного литературного произведения.

Еще одним продуктивным способом образования эргонимов является трансонимизация мифонимов. Значение данного разряда в формировании класса прагматонимов и хрематонимов рассматривается в (Теория 2007: 47). Трансонимизация мифонимов в одних случаях происходит на

основании метонимии, а именно опосредованного указания на область деятельности компании. Например, название *«Деметра»* получает сельскохозяйственное предприятие, т.е. отнесение к области деятельности происходит через ассоциацию с функциями соответствующей римской богини. Подобный механизм номинации наблюдаем в названии медицинского частного предприятия *«Ескулап»*. Однако в основном связь между эргонимом и мифонимом, лежащим в основе первого, имеет очень общий характер, т.е. утерянным оказывается информативный компонент значения: *«Плутон»* (энергетическое оборудование), *«Адоніс Лтд»* (продажа продуктов питания), агрофирма *«Аврора», «Велес»* (ремонт аудио- и видеотехники). Следует признать, что основанием для перенесения названия выступает его экзотический характер, что, видимо, обеспечивает повышенный уровень внимания со стороны адресата. Некоторые мифонимы регулярно используются в эргонимии. Так, название *«Астарта»* получили компании в области сельского хозяйства, строительства, страхования, средств защиты растений, животноводства; *«Зевс»* - предприятия, занимающиеся алкогольными напитками, мясной продукцией, транспортными механизмами, юридической помощью и т.д.

Подобные рассмотренным выше мотивы номинации наблюдаем также в случае астронимов, переносящихся в класс эргонимов не на основании смежности референтов, а исключительно с целью активизации положительных коннотаций и заинтересованности, связанных с космической темой. Следует отметить, что распространение космических названий в эргонимии непосредственно связано с началом эры освоения космоса, что способствовало широкой узнаваемости терминологической лексики данной сферы в языковом сообществе, при этом без утраты ее экзотического характера. По нашему мнению, именно эти два фактора (узнаваемость и экзотичность) лежат в основании значительного количества случаев образования эргонимов путем трансонимизации и онимизации, поскольку, с одной стороны, существует значительная вероятность того, что адресат уже знаком с такими лексемами (по крайней мере, они находятся на периферии его словарного запаса), а с другой стороны, для большинства членов языкового коллектива соответствующий референт не входит в непосредственный языковой опыт либо же имеет очень размытый характер. Широкое использование названий космической сферы в номинациях наблюдалось уже во второй половине XX ст. (кинотеатр *«Космос», «Орбіта»,* конфеты *«Метеор»*). Стратегия использования таких лексем номинаций не потеряла своей актуальности и сегодня: *«Галактика», «Астероїд-Україна», «Сузір'я лева»*. Подобно другим моделям трансонимизации в ряде случаев наблюдается широкое использование одного и того ж астронима для обозначения различных предприятий. В частности, название *«Оріон»* имеют компании, занимающиеся добычей нефти, сельскохозяйственной техникой, трудоустройством, легкой промышленностью. Непосредственная связь межу референтом астронимов и эргонимов имеет место

только в отдельных случаях. Например, *«Cupiyc»* в качестве названия авиакомпании отсылает к определенному тематическому полю, членом которого является соответствующий астроним. В основном переход астронимов в разряд эргонимов обусловлен исключительно эстетической оценочной функцией и культурными смыслами, что, безусловно, можно признать способом оказания влияния на адресата.

Изредка имеет место трансонимизация в самом разряде эргонимов, когда эргоним переходит на название нового субъекта, причиной чего, в первую очередь, является распадение старых экономических субъектов на новые и трансформация собственности: «Локомотив».

Итак, рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что трансонимизация на современном этапе развития украинского языка относится к продуктивным способам образования такого динамического ономастического разряда, как эргонимы. Мотивы для перенесения названия могут быть различными, начиная от соположения соответствующих референтов, и заканчивая обращением к многочисленным культурным смыслам, что обуславливает выход при исследовании рассматриваемого лексического класса за пределы внутренней лингвистики и учет всей совокупности прагматических и культурных аспектов, связанных с функционированием данного разряда.

Литература:

1. Белей О.О. Сучасна українська ергонімів: власні назви підприємств Закарпаття. – Ужгород, 1999.
2. Карпенко Ю.А. Современное развитие русской ономастической системы // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов. Киев, 1988. С. 5-14.
3. Отин Е.С. Из истории русской эргонимии // Избранные труды по языкознанию. Донецк, 1999. С. 155-166.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М, 1988.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М, 1973.
6. Теория и методика ономастических исследований. – М., 2007.

Яньчунь Лю
Ляонинский университет, г. Шэньян (Китай)

ПОГОДА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ

Как известно, одно и то же явление или предмет может изучаться с разных позиций. Погоду как явление природы исследовали и исследуют прежде в таких научных дисциплинах, как метеорология и синоптика. Это явление находит отражение и в лингвистике, мифологии, культурологии, литературе, семантике, философии и др., также в таких комплексных науках, как лингвострановедение, лингвокультурология, этнолингвистика и т.д.

Слово *погода*, как основная семантическая единица языка, служит для наименования атмосферных явлений в природе. Она определяется в толковых словарях как “состояние атмосферы (*ясность, облачность, осадки, температура воздуха, влажность* и т.п.) в данном месте, в данное время” (Словарь...1999: 167). Видно, что толкование слова *погода* в толковых словарях даёт только обобщённое отражение и знания о данном природном явлении. И это соответствует словам Н.И. Толстого: «Языковая семантика ограничивается в силу обобщающего характера слова (языка) общим представлением о реалеме – инварианте реалий, том неизменном и существенном, характерном, что свойственно всем предметам данного класса» (Толстой 1968: 29). Погода может получить конкретизацию в таких метеорологических элементах, как ветер, снег, дождь, гром, молния, роса, лёд, холод, тепло, засуха, влага и под., и раскрытие в культурном, мифологическом, лингвокультурном, этнолингвистическом и других аспектах.

Концепт – это факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженный в языковой форме; единица человеческого знания о мире, стоящая за семантикой языкового знака; главный элемент языковой картины мира. Концепт рождается на базе слова в полном объёме его содержания, включая коннотацию и конкретно-чувственные ассоциации. Концепт выражается языком и закреплён за отдельными словами или словосочетаниями, но не равен языковой единице. Содержание концепта складывается из содержания множества слов, контекстов и текстов, в которых откладывается общее понимание некоторого факта сознания, комментируется этот факт, строится поведение на основе определённого понимания этого факта. (Матвеева 2010: 161-162). Ю.С. Степанов понимает концепт как «сгусток культуры в сознании человека», «пучок» представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово (Степанов 1997: 40).

Лингвокультурный концепт – концепт в лингвокультурном аспекте – получил у В.В.Воробьёва другое название: ‘лингвокультурема’. Лингвокультурема как основная единица описания лингвокультурологии в отличие от слова как собственно языковой единицы «включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» (Воробьёв 2008: 45). Внеязыковая семантика – это «сфера специального (понятийного) значения и конкретных реалий как элементов, предметов класса. Она и раскрывает культуру народа. Такую внеязыковую, «культурную картину» представляют словари энциклопедического типа, а тикже частично и фрагментарно некоторые толковые словари » (Там же: 40).

Проблема связи языка и культуры актуальна. Её изучать стоит и необходимо. Язык записывает и передаёт культуру, является её носителем. В.фон Гумбольдт отмечает, что язык - это хранилище народного духа, культуры, «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечетленная в определенных звуках». Изучение языков мира – это также

всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в нее должно входить все, что касается человека (Гумбольдт 1956: 349). А культура «как внеязыковой коррелят языка и национальной личности представляет собой систему материальных и духовных ценностей. Главное назначение культуры – быть средством духовного обогащения личности. Человек погружается в «мир культуры», осваивая множество языков, специфичных для материальной и духовной культуры» (Воробьёв 2008: 20).

Погода как важное явление природы оказывает влияние почти на все сферы жизни и деятельности человека. Неслучайно «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, по воспоминаниям самого лексикографа, начался с разговора о погоде и записи услышанного им от ямщика диалектизма “замолаживает”, означавшего в Новгородской губернии “пасмурнеть, заволакиваться тучками, клониться к ненастью”. И.П. Сахаров, как и Даль, стоявший у истоков отечественной фольклористики, также включил обширное описание погодных примет (“Народный дневник”) во вторую часть «Сказаний русского народа» (1837), без понимания которых представление о народной культуре было бы заведомо неполным (Богданов).

В представлении людей многих стран Россия – это страна северная, холодная, снежная и ледяная, хотя в этой стране есть очень тёплое, даже жаркое лето. Но ассоциация людей почему-то всегда сначала связывается с её зимой. Наверное, это как отмечается К.А. Богдановым в своей статье : «Представление о русской культуре, так или иначе локализуемой в территориальных границах огромной империи, напрашивалось на поиск “духовного” основания в этих контекстах тем сильнее, что оно заведомо осложнялось невозможностью найти для России сколь-либо однозначный климатический знаменатель, кроме традиционно мифологизируемого указания на “русскую зиму” и “русские морозы”» (Там же).

И по нашим наблюдениям русские, действительно, любят зиму, любят снег. Они всегда с нетерпением ждут снега. Первый снег для них – большая радость. Об этом говорит стихотворение «Первый снег» П.А. Вяземского (1819): *Сын пасмурных небес полуночной страны,／Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды, ／Приветствую душой и песнью первый снег. ／С какою радостью нетерпеливым взглядом／Волнующихся туч ловлю мятежный бег, ／Когда с небес они на землю веют хладом!* Русская зима красивая. А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» связывает Татьяну Ларину – красивую русскую женщину с зимой – красотой природы: *Татьяна (русская душою, ／Сама не зная, почему)／С её холодною красою／Любила русскую зиму.*

Русские любят и лето, тепло (надо отметить, их тепло для китайцев уже жара). Они без ума от солнца. Когда летом в жаркие дни китайцы стараются оставаться дома, и на улице у них над головой всегда зонтик от солнечного света, русские же ищут все возможные места, чтобы загорать-

ся. Китайский зонтик от солнца для них – непонятная, лишняя вещь. В их сознании бывают только зонтики от дождя. Солнце им дорого. Это понятно, в России же длинная зима. И русские часто соединяют любовь – самое красивое человеческое чувство – с теплом. По лингвистическому эксперименту С.Г. Воркачевым любовь у многих русских ассоциируется с преимущественно спокойной «пейзажной зарисовкой» в теплых тонах: «Солнечная ясная погода, безлюдный пляж и легкий ветерок», «Теплый солнечный день, ярко-голубое небо, поют птички и нежный аромат цветов», «Какой-то остров, кругом зелень, яркие цветы, солнце, море, хижина», «Открытое, безграничное пространство: много света, много воздуха, яркое солнце, синее-синее небо» и т.п. И пейзаж холодный: «Снежная зима, елки» появился в ответах респондентов только один раз (Воркачев 2007: 249).

Ничего странного нет в том, что русские любят и зиму и лето, и холод и тепло, солнце. Они любят все времена года. Золотую русскую осень не можешь не любить. На эту тему сколько написали русские поэты, писатели, в том числе А.С. Пушкин. Еще весна. Она русским тоже нравится. Они говорят: *«Для тех, кто любит, и в декабре весна», «Весна – наши отец и мать, кто не посеет, не будет и собирать», « Кто спит весною - плачет зимою», « Ласковое слово – что весенний день»* и пр. Правда, в каждое время года, даже в каждую погоду есть особенная красота, особенное испытание. Помимо того природа и погода независимы от человека. Любишь не любишь, их надо принимать. И была такая песня в советском фильме «Служебный роман»: *У природы нет плохой погоды —/Каждая погода благодать. /Дождь ли снег — любое время года/Надо благодарно принимать.* Можно сказать, эта песня показывает нам оптимизм людей советского времени.

В китайском языке слово *tianqi – погода* имеет два значения: 1. “Физическое состояние атмосферы в определённое время в определённом месте. Например, температура, влажность, атмосферное давление, осадки, ветер, облака и др.” 2. “О времени”. *Tianqi hai zao,zai liaohuiʼer ba - Ещё рано, давай ещё поболтаем* (xiandai hanyu guifan cidian 2004: 1286).

Китайцы не привыкли разговаривать о погоде, особенно при первой встрече. В Европе и США тема о погоде популярная и любимая. Чтобы начать разговор, чтобы познакомиться с кем-нибудь, люди начинают с погоды. Если парень в парке хочет познакомиться с красивой девушкой на соседней скамейке, он может так начать свой разговор: “Hello, lovely day, isn’t it?” И собеседник обычно вежливо отвечает: “yes, I hope the good weather will stay”. А в Китае то же самое выражение не вызывает у собеседника благоприятного впечатления.

Погода оказывает влияние на сельское хозяйство, транспорт, а также на здоровье и настроение человека. У человека будет хорошее настроение, если на улице солнце, тепло, мягкий ветерок, и наоборот, у него, может

быть, испортится настроение, если мокро, пасмурно и холодно. Описывая сферу чувств, китайцы пользуются теми же словами, что и при описании погоды: например, «туча», «холодный», «радуга», «проясниться» и т.д. На протяжении нескольких тысяч лет китайцы создали большое количество метеорологических слов и фразеологизмов, которые описывают не только погоду, но и самого человека, его чувства, настроение, эмоции, обстановку и ситуации, в которых он оказывается, а также отношения между людьми и т. д. Например: *feng yu wu zu - независимо от погоды, в любую погоду, обязательно / xing feng zuo lang - поднимать ветер и вызывать волны; обострять положение, осложнять обстановку, поднимать шум / lei li feng xing - решительно и немедленно проводить в жизнь, принять к немедленному и неуклонному исполнению, быстрый и решительный / feng sheng he li - ветра шум и крики журавлей; быть (жить) в страшной тревоге, у страха глаза велики / bao jing feng shuang - натерпеться всяких невзгод, претерпеть немало страданий / feng zhong zhi zhu - как свечка на ветру ; глядеть в гроб (в могилу), одной ногой в гробу (в могиле), быть на краю могилы / feng qi yun yong - бурный (мощный) рост, бурный подъём, быстрое и широкое развитие, стремительно подниматься* и др.

В Китае люди часто описывают чувства и эмоции словами или выражениями с метеорологическими компонентами, и это всегда образно, интересно и, самое главное, понятно. Например: *man mian chun feng - букв. на всём лице весенний ветерок; перен. с весёлым и приветливым (ласковым) лицом (видом), лицо сияло радостным оживлением / chou yun can wu - букв. грустные тучи и печальный туман; перен. мрачный, грустный / lei ru yu xia - букв. слёзы катятся как дождь идёт; перен. обливаться слезами / leng shui jiao tou - букв. вылить холодной воды на голову; перен. сильно разочаровать / kai yun jian ri - букв. тучи рассеялись и появилось солнце; перен. лихолетье миновало / lie huo hong lei - букв. сильное пламя и раскаты грома; перен. вспыльчивый, страшный, грозный / leng ruo bing shuang - букв. холодный, как лёд и иней; перен. быть бесчувственным, равнодушным / wei ru zhao lu - букв. как утренняя роса в опасности; перен. под угрозой, в опасном положении / qing tian pi li - букв. как гром среди ясного неба; перен. совершенно неожиданно* и т.д.

Следовательно, погода как лингвокультурный концепт проявляет как особенности русского и китайского языков, так и специфику русской и китайской культур.

Литература:

1. Богданов К.А. Климатология русской культуры. Prolegomena (электронный ресурс) http://www.litsnab.ru/literature/1610.
2. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
3. Воробьёв В.В. Лингвокультурология: Монография. М., 2008.

4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. М., 1956.
5. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010.
6. Словарь русского языка: В 4 т.╱ Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.,1999.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
8. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. Славянское языкознание. 6-й Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1968.
9. Xiandai hanyu guifan cidian /Li Xingjian zhubian. – Beijing: Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, Yuwen chubanshe, 2004. 1

С.А Малахова
Армавирская государственная педагогическая академия, Армавир

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «ОБИДА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ образной составляющей концепта дает возможность более полно рассмотреть его понятийную систему. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «изучение метафоры позволяет увидеть то сырье, из которого делается значение слова. Механизм действия метафоры ведет к конвенционализации смысла. Этим определяется роль метафоры в развитии техники смыслообразования» (Арутюнова, 1990: 10).

Примеры метафоризации обиды – это примеры осмысления человеком своего опыта, отраженного, в частности, в художественном дискурсе. Материалом для анализа образной составляющей концепта послужили метафорические словосочетания в текстах русских авторов XVIII – XX веков. Обида чаще всего рассматривается как социально нежелательное чувство. В литературе – она безумная, жестокая, тяжелая: *«Это их любви* ***безумною обидою*** */ Против воли твои звезды залиты» (Анненский); «Я счастлив* ***жестокой обидою****» (Мандельштам); «Я столько молча перенес /* ***Обид, тяжелых*** *и напрасных» (Апухтин).* Тема смерти также прослеживается в метафорах обиды: *«По мне* ***обиды смертные*** */ Прошли неотплаченные» (Некрасов).*

Имена эмоциональных состояний, как отмечает Л. О. Чернейко, это имена чувствуемого мира, об элементах которого знают «изнутри». Человек сам своего состояния не видит, но знает его соматически, т.к. оно проявляется внешне (Чернейко, 1997: 109). Внешнее проявление эмоциональных состояний отражается в языке на уровне образно-перцептивных характеристик. Физиологическая реакция, сопровождающая эмоции, метафорически переосмысливается как психологическая реакция на них (Апресян, 2005: 13). В таком случае метафора базируется на реальном сходстве между эмоцией и физическим состоянием, которому она уподобляется.

Обида имеет свои внешние проявления, например, от обиды плачут: *«И уж плакала она, **плакала от обиды**!» (Тургенев); «Чаша пред ней золотая; / В чашу, как пар от земли, / Крупной росой упадая, / **Слезы Обиды** легли» (Соловьев В.); «И **от** каждой **обиды** невнятной / **Слезами глаза свело**» (Шершеневич).* Переживание обиды часто сближается с переживанием эмоции стыда, тогда и внешние проявления двух эмоций совпадают. Краснеют и от стыда и от обиды, сковывает и стыд и обида: *«Бродяга **покраснел от обиды** и непонимания» (Андреев Л); «Но **обида сковала язык,** / Головой я бессильно поник» (Апухтин).*

Обида, как и все эмоции в целом, способна заполнять человека (Арутюнова, 1999: 389 – 392): *«Нет! более надменна, чем нежна, / Ты все еще **обид** своих **полна**» (Баратынский); «”Скоро вернется Ирвальд”, – думала Велга, и сладостная **горечь обиды** томительно **вливалась** в ее сердце» (Бунин); «Лицо у него и бороду словно мыши изгрызли, и туго, как мешок с картошкой, был **набит** он по самое горло жалобами, **обидой** и несносной гордыней» (Андреев Л.).*

Анализ художественного дискурса показывает, что обида живет в сердце и душе: *«Ей песен не нужно, не нужно венца, / **В душе** ее скорбь и **обида**» (Ахматова); «**В его душе** столетние **обиды**, / В его душе печали без названья» (Гумилев Н.); «Иду змеиною тропой, / И **в сердце** темная **обида**» (Мандельштам); «Я затаил **в душе** моей **обиду**» (Мережковский).*

Метафора «обида – пища» также встречается в русском языке: *«Еще не родившись, мы уже тысячекратно обижены, а когда мы вылезаем в жизнь, так сразу попадаем в какую-то нору и **пьем обиду**, и **едим обиду**, и одеваемся обидой» (Андреев Л.); «Когда **обидой** – **опилась** / Душа разгневанная, / Когда семижды зареклась / Сражаться с демонами»; «**Обиды наглоталась** всласть» (Цветаева); «А я... что слез я источила, / Каких **обид** не **проглотила**, / Молчанье, горькое храня!» (Баратынский); «**Проглотив девяносто** обид, / я скажу непреложно: если мышка за печкою спит, / значит, счастье возможно» (Горбаневская);* «*Хляби насущной дождавшись, теперь **он сыт / и пьян от проглоченных** слов, слез и **обид**» (Яснов).*

«Вкусовая» метафора представлена такими примерами, как «горькая обида»: *«Не скоро он волшебные черты / И **горькие обиды** забывает» (Языков).* Душевные переживания в исходной точке своего развития воспринимались как конкретно-физические ощущения, однако эта непосредственная связь с внешним воздействием постепенно стирается. (Колесов, 2004: 76). В русском языке существовало понятие «горький человек», т.е. человек, находящийся в горе-состоянии, например, «горькая вдова», «горькая пленница» (СлРЯ, 1975: 98). Возможно, выражение «горькая обида» связано с переживанием эмоции, которая часто протекает на фоне других аффектов, например, печали или горя. В тоже время в старославянском языке X – XI вв. прилагательное *горький* имеет переносное значение *жестокий* (СтСл, 1999:

175); таким образом, «горькая обида» – это может быть «жестокая обида», т.е. мучительная, невыносимая, тяжкая (Даль, 1981: 536).

Обиду сравнивают с болезнью и болью, обида наносит раны: *«И **измучен обидой, как чесоткой**, как зудом, / Я дрожал перед серою истиной глаз» (Шершеневич); «В нас тлеет **боль** внежизненных **обид** – / Изгнанники, скитальцы и поэты!» (Волошин); «сперва он хотел вином заглушить в себе нестерпимую **боль обиды**, тоску досады, бешеной и бессильной...» (Тургенев); «Словно мальчик, быстро пчелами / Весь облепленный, кричит, – / Стонет сердце **под уколами** / Злых и мелочных **обид**» (Сологуб); «Уже **рубцуются обиды** / Под торопливый лёт минут» (Шершеневич).*

В. Ю. Апресян рассматривает метафору «обида – острая внезапная боль» как когнитивную, источником которой служат различные ощущения и события. Такие метафоры ничего не сообщают нам о физическом состоянии субъекта эмоции, а только о его душевном состоянии (Апресян, 2005: 16).

В художественном дискурсе достаточно высока степень употребления антропоморфной метафоры, в основе которой, по мнению Н. Д. Арутюновой, лежат такие явления, как персонификация и олицетворение (Арутюнова, 1975: 95). Компонентами антропоморфной метафоры являются различные части речи. К наиболее распространенным относятся метафоры, структуру которых формируют номинанты эмоций и глаголы (Красавский, 2001: 284). Обида плачет, растет и т.д.: *«В них **плакала** какая-то **обида**, / Звенела медь и шла гроза» (Гумилев); «**Обида** с юной жизни здесь / **Растет, мужает** беспрестанно»* (Батюшков); *«Иногда **обида поворачивает** ко мне свое **лицо**» (Петрова);* «*И, слезы глотая, не выказав вида, / Что плачет, от боли едва не крича, / **Лежит на диване** бедняжка – **обида**, заклятья и жалобы тихо шепча» (Бахарева).* Адъективная антропоморфная метафора также достаточно продуктивна в русском языке. Персонификация обиды проявляется в таких характеристиках эмоции, как «злая обида», «наглая обида»: *«Я был далек от сумрачной печали, / От **злых обид** и дерзостной хулы» (Фофанов); «По Вас поборник Вышний Бог. / Он правду Вашу защищает, / **Обиды наглые** отмщает» (Ломоносов).* Примеры субстантивной антропоморфной метафоры встречаются редко, т.к. имена существительные значительно уступают глаголам в возможностях отражения динамизма эмоций (Красавский, 2001: 287): *«Долго снились мне вопли рыданий твоих, – / То был **голос обиды**, бессилия плач» (Фет).*

Некоторые из проанализированных примеров можно отнести к категории натуроморфной метафоры, в основе которой лежит уподобление эмоции природным явлениям или предметам окружающего мира, например: *«И погрязнешь ты в заботе, / В **тине** мелочных **оби**д, / Всеми брошен и забыт» (Мережковский); «Кто, сердцем скорбя, / **В паутине обид**, / Осудит себя, / А другого простит» (Агринский); «Тогда жизнь со всего размаха ударила тебя в сердце **тупым ножом обиды**» (Бунин).*

Зооморфная метафора представлена довольно редко. Ср.: *«Вниз кинешься ты комом жутко / И комья к горлу подойдут. / Лишь память клохчет, как наседка, / Скликая* ***выводок обид****» (Шершеневич); «****Плещет Обида крылами*** */ Там, на пустынных скалах... / Черная туча над нами, / В сердце – тревога и страх» (В.Соловьев).*

Язык показывает, что чувства выступают как некая самостоятельная сила, вступающая в определенные отношения с человеком и часто противостоящая ему (Брагина, 2007: 295). Чувства нападают, приходят в человека, могут воздействовать на его состояние и поведение. Эмоциональная жизнь человека представлена в языке устойчивыми метафорическими словосочетаниями, что объясняется влиянием мифологических представлений. Обида в проанализированных примерах часто уподобляется демонической силе, несущей деструктивное начало, возможно, наследуя архетипические черты злых духов или древних богов; поэтому обида может терзать, ударить или ранить: *«Слепая ль страсть твой разум омрачала, /* ***Обида*** *ли* ***терзала*** *в тишине, /Я знала всё, я всё тебе прощала, /Я плакала с тобой наедине» (Апухтин); «Веселый я выйду из дому, / Вдруг больно* ***ударит Обида****, / Ударит по сердцу больному» (Сологуб); «Если* ***обида терзает*** *тебя, / Сердце ли рвется, / Ноет ли грудь, – / Пей, пока пьется, / Всё позабудь!» (Апухтин).*

«Огневая» метафора представляет обиду как пламя или огонь, обида горит и жжет: *«Тогда жена,* ***обидою сгорая****, / Хватает рог – и выплеснула полый, / Победный лик соперницы марая» (Иванов В); «****горела обида*** *за оскорбление друга» (Белый); «Задыхайся от нежных утрат / И* ***сгорай от*** *блаженных* ***обид*** *– / Это только сияющий ад, / Золотые сады Гесперид» (Иванов Г.); «Но готовы слезы из очей / Хлынуть, губы у него дрожали, / Как порой у маленьких детей / От* ***обиды жгучей*** *и печали...» (Мережковский); «а на сердце тоже* ***разгоралась горечь обиды*** *и жажда мести» (Тургенев); «Он скроет* ***жгучую обиду****, / Глухое бешенство угроз» (Гумилев); «Часто* ***жгучая обида*** *сменялась в ее сердце нежностью» (Бунин).* Подобный тип метафоры характерен для многих отрицательных эмоциональных состояний. Источником «огневой» метафоры в данном случае становятся выражения, которые используются для обозначения света, излучаемого опасными и неуправляемыми объектами, например, пожаром.

Следующую группу примеров образуют выражения, характерные для «цветовой» метафоры. При этом с эмоцией обиды связаны именно темные цвета: *«И для них исчезло настоящее и будущее: и вечно печальный и жалкий отец, и грубая, невыносимая мать, и* ***черный мрак обид****, жестокостей, унижений и злобствующей тоски» (Андреев Л.); «Иду змеиною тропой, / И в сердце* ***темная обида****» (Мандельштам). «Воспоминаний нет со мною, / Зачем их праздные листки? / Они полны печальной* ***мглою*** */* ***Обид****, позора и тоски» (Фофанов).* Однако употребление слова в художественной речи неисчерпаемо и безгранично, поэтому обида может быть и

«светлая»: *«И у тебя была сильфида –/ Нас обманувшая весна, – / Но как **светла** твоя **обида**! / И как печаль моя темна!» (Фофанов).*

В зависимости от причин, которые вызвали переживание обиды, это чувство воспринимается как тяжелое, близкое к горю или печали, а иногда как мелочное, не стоящее внимания; тогда появляются такие эпитеты, как «мелочная», «бессмысленная», «глупая» обида: *«Усталый сын земли, в дни суетных забот, / Средь **мелочных обид** и светского волненья, / У озера в лесу ищу уединенья» (К. Р.); «…И наглый бич **бессмысленных обид**, / И будущее – цепь немых загадок...» (Черный).*

Многочисленные примеры метафоризации обиды позволяют утверждать, что данная эмоция активно и продуктивно эксплицируется в русском языке. Структурно-семантический анализ метафорических словосочетаний дает возможность выделить следующие типы метафор в русском художественном дискурсе: антропоморфную, натуроморфную и зооморфную. Наиболее продуктивными, согласно результатам проведенного исследования, являются первые два типа метафор. Высокий индекс употребления антропоморфной метафоры часто объясняют социально-психологической релевантностью для человека его собственной деятельности в исследовании и преобразовании окружающего мира (Красавский, 2001: 297). Особенно значимые характеристики обиды проявляются через осмысление этого чувства как атакующего, активного субъекта, злой силы. Амбивалентность эмоции проявляется в наличии метафор, модулирующих эмоцию обиды как мелочное, не стоящее внимания чувство.

Литература:

1. Апресян В. Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи: сборник научных статей / Под ред. И.А. Шаронова. – М., 2005.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М., 1975.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
5. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. – М., 2007.
6. Даль В. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1981. Т 1.
7. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3. Бытие и быт. – СПб., 2004.
8. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград, 2001.
9. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.
10. Словарь русского языка XI – XVII вв. – М., 1975. Т. 4. (СлРЯ)
11. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М., 1999. (СтСл)

Г.Н. Манаенко
Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь

КОНЦЕПТ – ПОНЯТИЕ – ЗНАЧЕНИЕ: КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Лингвокогнитивная направленность современных языковых исследований предполагает последовательное разграничение и определение соотношения таких актуализированных в современном научном дискурсе теоретических конструктов, как «концепт», «понятие» и «языковое значение». Для того чтобы лингвистически релевантно определить содержание понятия «концепт», с нашей точки зрения, прежде всего необходимо вслед за М.М. Бахтиным переосмыслить соотношение функций языка как знаковой системы: «Мысль становится, дифференцируется, уточняется, обогащается лишь в процессе становления, дифференциации и расширения общения» (Бахтин 2000: 587 – 588). Таким образом, можно утверждать, что язык как знаковая система в первую очередь *предназначается* для коммуникации.

В современных гуманитарных науках общение определяют как обмен и передачу опыта (знаний). При этом понятие «опыт» индивидуума следует рассматривать как результат деятельности человека, поскольку его знания и умения приобретаются в различных условиях, разных формах, опосредованы сугубо индивидуальным отношением, эмоциями, впечатлениями и ассоциациями при их формировании: «Ввиду того, что каждая концептуальная система как система интенциональных функций, с одной стороны, предполагает определенную онтологию как множество задаваемых этими функциями объектов, а с другой — имеет индивидуальную историю построения (что относится и к статусу ее концептов), возможны определенные несоответствия между индивидуальными концептуальными системами как содержащими различные «картины мира». Эти несоответствия отражают разный опыт (в самых разных его аспектах и уровнях – обыденном, научном, физическом, социальном, этическом, эстетическом и др.), который наряду с другими факторами – социальным, культурным, физическим и другими контекстами – определяет разные ориентационные потребности носителей языка» (Павилёнис 1983: 116).

В настоящее время понятие концепта как информационной структуры, присущей сознанию индивидуума, соответствует «представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» (КСКТ: 90), а слова и другие языковые выражения понимаются как языковые репрезентации, активизирующие те сущности, знаковыми заместителями которых они являются – «… они возбуждают в памяти человека свя-

занные с ними концепты» (КСКТ: 159). Таким образом, концепт – «это достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разнообразных конфигурациях культурно значимые смыслы» (Алефиренко 2002: 225). При этом отмечается, что концептуальная информация может представляться в сознании индивидуума не только на основе значений языковых выражений, но и ментальными репрезентациями принципиально другого типа – образами, картинками, схемами, фреймами, сценариями и т.п. Именно поэтому значение языкового выражения, в частности слова, определяется как концепт, «схваченный знаком» (Е.С. Кубрякова). В этой связи можно предположить, что все же более уместно говорить лишь о части (фрагменте) концепта (концептуальной структуры), которую «схватывает знак», поскольку концепты, по мнению большинства исследователей, существуют в ментальном пространстве индивидуума не в виде четких понятий, а как «пучки» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают каждое слово и другое языковое выражение. По этому поводу Ю.С. Степанов и отметил, что «… концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов 1997: 41).

В таком случае разграничение концепта и понятия происходит по следующей линии: «*понятия* – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не) уверенности. …Своеобразная мода на термин *концепт* в научной и художественной литературе конца XX – начала XXI вв. указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» (априорным) смыслом» (Демьянков 2001: 45). Следовательно, человек как социальный субъект может и не владеть понятием или владеть какой-либо его частью (фрагментом, «наивным» понятием), однако в обществе понятие функционирует в полном объеме благодаря своему закреплению на основе значений языковых выражений, обеспечивающих его понимание всеми членами языковой общности (*со-знание*). Декларируя систему так называемых энциклопедических знаний, наличных в социуме о каком-либо эмпирическом объекте, понятие обладает надындивидуальной природой и исключает эмоциональную и аффективную сферу при их организации как области *со-знания*. Таким образом, понятие выступает своеобразным ключом к логической организации той или иной концептуальной структуры в ментальном пространстве конкретного человека или же ее части (фрагмента). Можно даже утверждать, что понятие – это схема «пучков» ментальных репрезентаций, совокупность ее линий (нитей), индуцируемых при коммуникации «колебанием» узла – точкой, к которой прилагается значение языкового выражения. В принципе, значение языко-

вого выражения и есть данная точка ментального пространства *со-знания* индивидуума, ассоциированная не только с логической схемой знаний, но и с впечатлениями, переживаниями и эмоциями человека, связанными с определенным актом познания мира (с овладением данным знанием) и закреплением этого опыта в индивидуальной психике, т.е. тем, что составляет непонятийное содержание концепта.

Современные подходы к пониманию коммуникации как смысловому взаимодействию, погруженному в социально-культурные условия, существенно изменяют традиционное отношение к специфике текстов, созданных в рамках различных институциональных дискурсов. Любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности. Инициирует же процесс общения не стремление человека передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а стремление сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но в подавляющем большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми. По мнению М.Л. Макарова, при таком подходе коммуникация происходит вовсе не как трансляция информации и манифестация намерений, но как демонстрация смыслов, кстати, и не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации адресатом: «… следовательно, пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другим человеком, он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет. При этом важную роль играет активность воспринимающего *Другого*: без соучастия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. Можно добавить, что эта интерпретация смыслов происходит в процессе постоянных «переговоров», гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности» (Макаров 2003: 38 – 39).

Таким образом, в настоящее время акцент ставится на созидающей, творческой роли не только говорящего, но и слушающего: «Значение выражения не может быть сведено к объективной характеризации ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является ракурс, выбираемый «концептуализатором» (т.е., говорящим – Г.М.) при рассмотрении ситуации и для ее выразительного портретирования» (КСКТ: 73]. Также считается, в соответствии с главным положением теории релевантности о предопределенности значения формой высказывания, что «полный потенциал значений языкового выражения реализуется только при его интерпретации слушающим» (КСКТ: 23).

В этой связи полная семантическая характеристика языкового выражения устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности представления и восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания участников коммуникации, относительная выделенность конкретных языковых единиц, выбор точки зрения на описываемую сцену.

Созидательная роль говорящего и слушающего как участников коммуникации не укладывается в прокрустово ложе традиционного определения синтактики, семантики и прагматики, поскольку сам «выбор» пропозиционального содержания и «ракурс» представления описываемой ситуации суть не что иное, как отношение пользователя к знаку, с одной стороны, и отношение пользователя знака к миру реальности, или онтологии, никак не отраженное при семиотическом выделении трех составляющих, с другой стороны. При этом надо учитывать, что в отличие от других идеальных форм, знаки представляют двухуровневое образование с двойной сигнификацией (обладают предметным и знаковым значениями). Принципиальное же отличие языка от других знаковых систем заключается, на наш взгляд, в том, что это не закрытая система «готовых» знаков, но система для порождения потенциально бесконечного количества знаков. Язык можно рассматривать как систему эмпирических объектов, предназначенную и только предназначенную для реализации знаковой функции на основе комбинирования своих элементов. Вне знаковой функции языковые выражения перестают существовать как идеальные формы, практически полностью теряя свое предметное значение.

Как и любое значение, значение языкового выражения как означаемое не находится «внутри» него: «Значение – факт сознания. …При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них. < >… знаки не несут и не передают значения (это метафоры) от одного человека другому, а индуцируют тождественные или сходные значения (по Ч.С. Пирсу, интерпретанты – Г.М.), возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях» (Никитин 1988: 16). Общение – это двусторонний процесс порождения и понимания речи как области взаимодействия. Ср.: по М.М. Бахтину, понимание текста «есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту» (Бахтин 2000: 484). Но речевое общение – это не просто апелляция к определенным конфигурациям смыслов, но прежде всего порождение мыслей как действий. В таком случае можно утверждать, что если слово – апелляция к смыслу (знанию как определенному результату «прошлых» мыслей), то коммуникативная единица языка – это апелляция к мысли (непосредственно протекающему процессу движения знаний и представлений о мире). Различные типы предложений и других синтаксических конструкций, укорененные в языковой системе, – это своеобразные инструкции по порождению типов мыслей. Соответственно, отмечает Э. Левинас: «Сущностью языка в таком случае оказывается «отношение к Другому» и оно не приклеивается к «внутреннему монологу», как адрес на посылку или этикетка на готовое изделие, но сущностно включает себя «радостное приятие бытия, отраженное на нашем лике, этическое событие социальной реальности». Эти моменты изнутри управляют дискурсом» (Цит. по: Портнов 1995: 80).

Как отмечает И.К. Архипов, «…свойства носителя языка могут быть приписаны продуктам его деятельности, что, «по логике», ведет к «оживлению» системы языка – наделению ее способностями «самоорганизации» и «самостоятельного» действия» (Архипов 2006: 168). Способность быть знаком, организовывать взаимодействие индивидов, выступать средством для изменения психологических состояний общающихся и трансформации их концептуальных схем дала основания считать, что знания, предназначенные для «передачи», должны быть концептуализированы в языковых формах, приобретая тем самым качество «информации». Таким образом, получая статус реального социально-когнитивного феномена, информация онтологизируется, а языковые выражения становятся «кусочками» информации, которыми можно обмениваться как материальными предметами. Однако, по мнению А.А. Залевской, «… тело текста, взятое само по себе, без означивающего его человека, не содержит никакой-либо внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно» (Залевская 2002: 64). Если учитывать тот факт, что в естественном процессе общения для носителя языка смысл слова сливается с его значением при актуализации того или иного фрагмента «мира дискурса», то следует принять положение, согласно которому «…исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передается через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи «автор – его проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель», при этом означивание и спонтанная интерпретация текста протекают на базе личностного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» (Залевская 2002: 71). В результате можно утверждать, что при онтологизации информации в тексте представлены конвенциальные значения языковых выражений, которые, по существу, образуют «мир текста», выступающий территорией взаимодействия как минимум двух человек и обеспечивающий доступ к их концептуальным структурам, определяющим «мир дискурса».

Именно поэтому следует разграничивать «мир дискурса» и «мир текста», «…то, что лежит за словом и его возможное вербальное описание как последующий этап. На самом деле любое вербальное описание того, что лежит за словом, представляет собой выводное знание, обеспечиваемое соответствующими механизмами и построенное на базе потенциального набора активируемых в памяти репрезентаций некоторых сущностей или событий» (Залевская 2002: 67). Значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов определяют *параметры* концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Иначе говоря, знаковые значения языковых выражений устанавливают границы содержания (означаемого) концептов со-знания каждого члена данного социума, ассоциируемые с языковым знаком. Действительно, языковой знак, сочетаясь с другими языковыми знаками, создает «мир текста» и соотносится с ситуацией сво-

его применения, что и образует контекст. Именно в контексте происходит переориентация указания, реализованного на основе системы знаковых значений языковых выражений, на другую область концептуальной схемы как структур знаний и представлений о мире. Все это возможно, поскольку области конфигураций смыслов как знаний и представлений о мире пересекаются, имеют общие точки (т.е. «обладают» одними и теми же смыслами. Совпадение «направления совпадения», т.е. областей смыслов как структур знаний и представлений о мире у разных индивидов образует «мир дискурса» и обусловлено как биологическим единством человека, так и принадлежностью индивидов к одному социокультурному пространству.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002.
2. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. С. 157 – 171.
3. Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000.
4. Демьянков В.З. *Понятие* и *концепт* в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 35 – 46.
5. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 62 – 73.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
8. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988.
9. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
10. Портнов А.Н. Сознание, личность, язык в философии Э. Левинаса // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. С. 71 – 82.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

О.Ю. Машина,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Стилистические вопросы фразеологии тесно связаны с разговорной речью. Большое количество ФЕ имеют разговорное происхождение. Их внутренняя форма, стилистическая окраска подтверждают принадлежность к разговорному стилю, его основным чертам: непринуждённость речи, эмоциональность, сниженность стиля. Например, *уши развешивать* (прост.), *отворачивать рыло* (грубо-прост.), *крутить шарманку* (прост.) (ФСРЯ 1994: 373, 297, 213).

Типичной сферой применения этого стиля является сфера бытовых отношений, но и в профессиональной сфере общения присутствуют черты, присущие разговорному стилю. Общими внеязыковыми признаками, обусловливающими формирование этого стиля: являются неофициальность, непринуждённость общения; непосредственное участие говорящих людей в разговоре; неподготовленность речи; преобладающая устная форма общения, и при этом обычно диалогическая.

Разговорный стиль характеризует активность экспрессивно-эмоциональной лексики и фразеологии, особенно таких окрасок, как фамильярная, ласкательная, неодобрительная, ироническая и других оценочных с понижением стиля. Например, *зайчик, пышка, одного поля ягоды, как по маслу, ума палата.* Типична для этого стиля игра слов или преобразование фразеологизмов. Например, *«На ихние **приёмы** у нас свой **лом** найдётся» - против лома нет приёма.* В настоящем исследовании мы обратимся именно к этому процессу перефразирования ФЕ в разговорной речи. На наш взгляд, в речевом варьировании действует главное условие разговорного стиля: ситуативность речи. Устойчивый оборот видоизменяется, преломляясь к настоящему для собеседников моменту речи, её теме. Такие обороты возникают в диалоге, например, « - *Ты в этом деле – блоха, прыгала, прыгала и **запуталась в трёх волосинках***» (из разг. речи) – *заблудиться в трёх соснах.* В этом примере мы видим создание нового образа и внутренней формы фразеологизма, возникшего в речи на основе общелитературного оборота.

« - *Он что здесь **коней двинет***»? (из разг. речи) – *коньки отбросит.* В этом речевом разговорном варианте фразеологизма происходит преувеличение образа устойчивого просторечного оборота благодаря лексической замене компонентов.

Диалогическая форма речи имеет как устную, так и письменную форму, поэтому разговорные варианты мы можем встретить и в литературном произведении, в содержании диалога героев рассказа, повести или романа. Например,

« - *Кондратий тута. Давненько его с понятыми привели. И сыны с ним. **Повесили** свои буйные **головушки**, - слышится звонкий бабий голосок.*

- *Ещё не так* ***повесишь****, как начнёт староста перед всем миром стра-мить*». (Марков 1987: 266). В этом фрагменте диалога варьируется литературный оборот *вешать голову, повесить голову*, он приобретает словообразовательный и морфологический вариант: *повесил**и** голов**ушк**и* и в дальнейшем употреблении компонент этого фразеологизма употребляется отдельно: *повесишь***.**

Возникший при этом вариационный ряд фразеологизма *повесить голову* выглядит так: *вешать голову, повесить голову – повесили головушки – повесишь.* Фрагмент разговорной речи, взятый из литературного произведения, содержит вид варьирования, присущий письменной речи, где видоизменения касаются не оборота в целом, а отдельных частей его компонентов.

Разговорный стиль встречается в текстах различных жанров и стилей, этим определяется его межстилевой характер. Так, разговорные элементы речи можно встретить и на страницах газет и журналов. Они часто связаны именно с новообразованиями фразеологического характера. Например, «*Открыл своей банковской карточкой, взял или положил деньги, никто, как говорится, «**в плечо и ухо не дует**», клиентам комфортно*». (Новгород 2010: 4) – *дышать в затылок.*

Характеристика разговорной речи как неофициальной, спонтанной, диалогической речи, проходящей в условиях межличностной коммуникации, обусловливает её основные функциональные черты: 1) непосредственное участие в речевом акте адресанта и адресата речи; 2) непринуждённость речевого общения; 3) устная форма; 4) диалогичность; 5) конкретная персональная адресность речи; 6) наличие непосредственной сиюминутной обратной связи; 7) опора на ситуацию, в которой происходит диалог; 8) опора на общее восприятие партнёров по диалогу, то есть знание всеми участниками темы разговора. Этими основными чертами разговорной речи обусловлены процессы варьирования фразеологизмов в диалоге, в письменной и устной форме.

В итоге наших наблюдений мы можем отметить, что в устной форме речи частотны семантические варьирования формы и содержания фразеологизма посредством лексических замен компонентов, создания нового внутреннего образа.

Письменные фрагменты диалогов из литературных произведений отмечены фразеологическими вариантами, созданными посредством видоизменений частей компонентов. В публицистической речи газет и журналов возникают новообразования фразеологического типа. Все эти виды варьирования фразеологизмов в разговорной речи объединяет одно: непринуждённость разговорной речи, её ситуативность, спонтанность, а, стало быть, повышенная эмоциональность и образность, достигаемая путём варьирования устойчивых оборотов.

Литература:

1. Марков Г. Строговы.- М., 1987.
2. Новгород. 2010, № 46.
3. Фразеологический словарь современного русского языка.// Под ред. А.И. Молоткова.- СПб., 1994.

В.А.Мельничук
Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЭТНОНИМОМ

Как отмечает один из наиболее авторитетных исследователей фразеологии В.Н.Телия, «фразеологизмы возникают в языке на основе такого образного представления действительности, которое, отображает обиходно–эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива… И *опыт этот* безусловно связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности– это всегда субъект национальной культуры» (Телия 1996: 214).

В нашей статье мы рассмотрим фразеологизмы с компонентом этнонимом, функционирующие в русском, английском и французском языках.

Фразеологизмы с компонентом-этнонимом, являясь следствием существования и развития межнациональных контактов, в образной форме отражают опыт общения– коммуникативные удачи и неудачи– между различными народами.

Этнонимы — названия наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и др. этнических общностей (этносов). Принято также выделять макроэтнонимы, эндоэтнонимы (самоназвания народов) и этниконы (названия местожителей, неофициальные и прозвищные обозначения групп населения). Заметим, что в данной работе мы сосредоточили внимание на макроэтнонимах и пренебрегаем термином «этникон», приравнивая такие наименования, как ‘хохол’, ‘казак’, к макроэтнонимам.

Описывая в разных языках фразеологизмы с компонентом- этнонимом, можно выделить ряд общих для них языковых черт. Таковыми являются:

- большинство фразеологизмов с компонентом этнонимом сформировалось как результат установленной / неустановленной коммуникации с народом другой страны. Они нередко обладают яркой образностью и выражают отношение носителей языка к другой культуре;
- большинство фразеологизмов исследуемой группы содержит этноним, называющий географически соседствующие народы, с которым носители языка исторически имели политические, торговые, культурные связи;
- многие фразеологизмы не утратили этимологической связи с конкретным историческим событием (*Швед под Полтавой, путь из варяг в греки, bâtir des châteaux en Espagne ‘строить воздушные замки’ (выражение, связанное со средневековым героическим эпосом «Chansons de Geste», герои которого, рыцари, получали в ленное владение еще не завоеванные замки в Испании*);

- Небольшая группа фразеологизмов с компонентом этнонимом является по происхождению библеизмами и имеет схожее строение во всех трех исследуемых языках. Например: *добрый самарянин, Вечный жид.*

На основе этих общих особенностей опишем конкретное лексическое наполнение фразеологизмов в русском, английском и французском языках.

В английском языке преобладают фразеологизмы с этнонимом *Dutch– голландский***,** что обусловлено историческими событиями. В 17 веке Англия и Голландия вели борьбу за первенство на морских просторах. В английском языке за фразеологизмами с этнонимом *Dutch* закрепились негативные коннотации, нередко фразеологизмы с этим компонентом обозначают невыгодное, в том числе финансово, предприятие, разорительную затею, дешевку, пустышку:

Dutch act- самоубийство (Кунин 1984: 29)*; Dutch auction-* «голландский аукцион»: аукцион, на котором цены постепенно снижаются, пока не найдется покупатель (Кунин 1984: 53)*; Dutch bargain-* сделка, выгодная лишь для одной стороны; неравноправная сделка (Кунин 1984: 67)*; Beat the Dutch–* превзойти самого себя (Кунин 1984: 71)*; Dutch comfort-* слабое утешение (Кунин 1984: 230)*; Cat's (DUTCH) concert-* 'кошачий концерт' (Кунин 1984: 170)*;* кто в лес, кто по дрова*; In Dutch (with)-* в немилости(Кунин 1984: 231)*; One's old Dutch–* жена, старуха (Кунин 1984: 552)*; I'm a Dutchman if-* будь я проклят, если…(Кунин 1984: 231)*; Or (unless) I'm a Dutchman-* даю голову на отсечение (Кунин 1984: 231)*; Dutch feast–* пирушка, на которой хозяин напивается первым (Кунин 1984: 267)*; Dutch reckoning-* счет, который трактирщик увеличивает в случае протеста посетителя (возражающего против слишком большой суммы счета) (Кунин 1984: 623)*; Dutch treat-* складчина (Кунин 1984: 776).

Восприятие *голландского* в английском языке близко восприятию и характеристике *цыганского* в русской фразеологии, где *цыганское* также обозначает нечто ненастоящее, мнимо ценное, поддельное:

Dutch gold (фольга)– Цыганское , бурлацкое солнышко– Луна; Цыганский пот прошиб- замерзнуть; Цыганский загар; Цыганская жара; Цыганский барон; Цыганский дождь (закарп.); Циганско лято (болг.)– бабье лето. (Мокиенко 1998:)

Фразеологизмы с компонентом *French- французский* в английском языке также зачастую имеют пренебрежительную эмоциональную окраску, создавая ассоциацию с раскрепощенностью, иногда распущенностью в интимных отношениях: *French kiss-* вид поцелуя (Панин 2009)*, French letter-* презерватив (Панин 2009)*, French postcard-* порнографическая открытка (Панин 2009), *French pox-* сифилис (Панин 2009).

Фигурируют в английском языке фразеологизмы с компонентом *Turk, turkey- турецкий*. Стереотипная ассоциация для этой группы фразем– жестокость, жесткость, холодность, равнодушие в сочетании с силой.

Cold turkey- расчетливо, холодный, равнодушный человек (Кунин 1984: 781)*; Turn Turk -стать высокомерным, равнодушным* (Кунин 1984: 781).

Во французском языке имеется некоторое сходство с этим стереотипом. Здесь также подчеркивается недюжинная сила турков, но стереотип ‘равнодушие’ сменяется более агрессивным: актуализируется значение ‘необузданность’, ‘решительность в действиях’, ‘достижение цели любой ценой’.

C'est un vrai Turc- он сущий варвар (Гак 2005: 1557)*; costaud comme un Turc-* здоров как бык (Гак 2005: 377)*; être turc dans ... (être turc dans [или en, sur] ...)*– быть жестким, безжалостным, неумолимым (по отношению к кому-либо) ; быть непреклонным, твердым (по отношению к чему-либо) (Гак 2005: 1557)*; traiter qn de Turc à Maure-* оскорблять кого-либо, дурно обращаться с кем-либо, быть безжалостным к кому-либо (Гак 2005: 1557)*; les amis ne sont pas des Turcs-* друзья снисходительны друг к другу (Гак 2005: 53)*; tête de Turc-* a) спорт. груша; b) мишень; c) предмет всеобщих насмешек (Гак 2005: 1492)*; traiter qn à la turque-* сурово, круто обращаться с кем-либо (Гак 2005: 1557). В английском языке лексемы *Arabian/ Arab-* арабский несколько отличается: *Arab of the gutter, City\street Arab-* уличный мальчишка, беспризорник (Кунин 1984: 47).

В английском языке не отмечаются фразеологизмы с компонентами *German, Italian, Cossaq*.

Соперничество французов и англичан длится не одно столетие, поэтому неудивительно, что во французском языке одну из наиболее обширных групп фразеологизмом с компонентом этнонимом составляют фраземы с компонентом *Anglaise- ‘английский’*. В них актуализируются значения ‘чужой, иной, чуждый, ‘враг, враждебный’, ‘второсортный’, ‘недостойный’, ‘неполноценный’:

s'en aller à l'anglaise- уйти незаметно, не попрощавшись, не прощаясь (Гак 2005: 61)*; traiter à l'anglaise-* поступить бесцеремонно (Гак 2005: 61)*; elle a ses Anglais-* у неё менструация (Гак 2005: 61)*; après vous, messieurs les Anglais-* (Гак 2005: 61)*; encore un que les Anglais n'auront pas-* еще один (одна) врагу не достанется (о выпиваемой бутылке, съедаемой закуске) (Гак 2005:61)*; soûl comme un Anglais (уст.)* (Гак 2005:)*; assiette anglaise-* холодное мясо по-английски, ассорти из разных сортов мяса в холодном виде (Гак 2005: 82)*; bonbon anglais-* сухой прыщик (Гак 2005: 181)*; capote anglaise*(Гак 2005: 248)*; mariage à l'anglaise-* брак, при котором каждый из супругов живет на своей половине (Гак 2005: 962)*; semaine anglaise-* укороченный рабочий день в субботу (до 12 часов дня) или пятидневная рабочая неделя (Гак 2005: 1405)*; vapeurs anglaises-* Уст.сплин, меланхолия (Гак 2005: 1571)*; vedette anglaise-* артист, выступающий третьим номером (Гак 2005: 1573).

Интересно, что некоторые фразеологизмы с этим компонентом образуют зеркальные пары с компонентом *French* в английском языке:

s'en aller à l'anglaise– to turn French leave– уйти не прощаясь; French letter– capote anglaise– презерватив.

Вторыми по частотности этнонимами во французских фразеологизмах являются компоненты *Allemand, prussien-* ‘немецкий прусский’, что можно объяснить сложными отношениями Франции с Германии во времена франко–прусской войны: *querelle d'Allemand-* пустая ссора, ссора из-за пустяков, из-за выеденного яйца; умышленно затеянная ссора (Гак 2005: 1296)*; à la prussienne-* по-фельдфебельски (Гак 2005: 1286)*; tourner comme une toupie d'Allemagne-* вертеться как юла, подчиняться во всем (Гак 2005: 1520).

Наиболее ярко подтверждается этот тезис во фразеологизме, где актуализируется значение враждебности: *encore un que les Prussiens n'auront pas-* ‘этого (еды, выпивки) у нас уже никто не отнимет, это никому не достанется’ (Гак 2005: 1286).

Во французском языке функционируют фразеологизмы с компонентом *espagnol-* ‘испанский’. Эти фраземы характеризуют испанцев как людей необразованных и негостеприимных: *c'est une auberge espagnole-* место, ситуация, где человек видит только то, что он принес с собой (по свидетельству путешественников, в испанских гостиницах нужно было жить со своими продуктами, так как кормили там впроголодь) (Гак 2005: 87)*; châteaux en Espagne-*(Гак 2005: 288)*; comme des vaches espagnoles-* как оглашенные, как дурные (Гак 2005: 1565)*; comme la vérole sur le bas clergé (breton, espagnol)-* неожиданно, как снег на голову; внезапно и с остервенением (Гак 2005: 1585).

Во французском языке также присутствуют фразеологизмы с компонентом *Basque - ‘баск, баскский’*: это объясняется географическим соседством Франции и Испании и большей осведомленностью французов в делах пограничного государства: *aller comme un Basque (aller [или courir, marcher, trotter] comme un Basque)-* идти, бежать очень быстро; бежать сломя голову (Гак 2005: 42)*; parler le français comme un Basque espagnol-* очень плохо говорить по-французски (Гак 2005: 711).

Интересно отметить, что во французском языке присутствует фразеологизм с компонентом *à la cosaque- ‘по-казачьи’* (Гак 2005: 376). Казаки побывали во Франции в 1814 году в составе русской армии и были запечатлены на гравюрах Георга- Эммануэля Опица. Значение этого фразеологизма– ‘вести себя грубо, бесцеремонно’.

Во французском языке, в свою очередь, отсутствуют фразеологизмы с компонентом *голландский*, столь широко распространенные в английском языке.

Более широко представлена группа фразеологизмов с компонентом ‘индеец’, что отражает экспансивную политику французов в Северной Америке в 16–17 веках: *à la file indienne-* гуськом (Гак 2005: 668) *; c'est de* l'iroquois- это китайская грамота (Гак 2005: 840)*; l'été des Indiens-* бабье лето (Гак 2005: 835).

У фразеологизмов с компонентом ‘русский’ наблюдаются структурная и семантическая однотипность во французском и английского языка: *montagnes russes*(Гак 2005: 1022)*; jouer à la roulette russe*(Гак 2005: 1366)*;*

salade russe(Гак 2005: 1379). Здесь реализуется представление о русских как об игроках, азартных и бесстрашных, рискующих своей жизнью.

Переходя к анализу русских фразеологических единиц с компонентом этнонимом, следует заметить, что если реакция на чужаков здесь стандартная– и настороженность, и чувство собственной особости, то в отношении себя как нации русские более самокритичны, нежели европейцы: *Ум русский– задний*(Михельсон 1902: 208)*; Загадочная русская душа* (Мокиенко 1998: 209)*; Час русский– с днем тридцать*(Михельсон 1902:227).

Многие фраземы с компонентом *'русский'* подчеркивают силу, смекалку, сметливость, выносливость: *русский дух* (Михельсон 1902: 207)*; Русский немцу задал перцу (сравните с 'насвистался как немец')* (Михельсон 1902: 315, 616)*; Русская широкая натура*(Михельсон 1902: 535).

Как мы уже указывали, семантику обманчивости, поддельности, непостоянства несет в русских фраземах компонент *'цыган, цыганский'*, то же мы наблюдаем в ряде лексем с компонентом *'казак'*: *вольный казак* (Мокиенко 1998: 277)*; Казачье солнышко- Луна* (Мокиенко 1998: 655)*; Отчего казак гладок? Оттого, что поел, да и набок* (Михельсон 1902: 427)*; Бог не без милости, казак не без счастья* (Михельсон 1902: 63).

Здесь, однако, происходит нивелировка значения этнонима, так как казак– это не только название народности, но и социальный статус.

Особое отношение у русских к татарам: *и другу, и недругу, и злому татарину закажу* (Михельсон 1902: 360)– в этом фразеологизме отражается своеобразная градация, которая показывает место этнонима татарин в русской языковой картине мира*; калмык татарина маханиной корит* (Михельсон 1902: 409)*; Продать татарам, не пряди ушами, не продали б татарам* (Михельсон 1902: 671).

Нельзя обойти вниманием фразеологизмы с компонентом этнонимом, возникшие в последнее 20–летие и зафиксированные в «Историко–этимологическом словаре фразеологизмов» Мокиенко,- *новый русский и средние русские*.

Новые русские- это, по Мокиенко, оборот–американизм new Russians (с французским прототипом nouveaux riches). На сегодняшний день он обогатился многочисленными вариантами: *новые эстонцы, новые латыши, новые украинцы, новые белорусские, новые крымские, новые дагестанские, новые грузины, новые казахи(казанова), новые китайцы, новые цыгане, новые малайцы.* (Мокиенко 1998: 615)

Средние русские (Мокиенко 1998: 615) – фразеологизм, обозначающий часть современного населения России со средним достатком и недоверчиво относящаяся ко всем переменам. Его аналог существует и во французском, и в английском языке: *le Francais moyen* (Гак 2005: 711) – *man in the street*. В этих языках подчеркивается значение 'любой, ничем не выделяющийся'.

Сложное отношение отражается в русских фразеологизмах с компонентом этнонимом к евреям. Если в английском языке подчеркивается деловая хватка этого народа (to Jew), то в русском языке в основе стереотипа лежит одновременно комическая и даже пренебрежительная оценка: *Киваться как жид на молитве– устар.* раскачиваться (Мокиенко 1998: 222)*; Еврей сам себя бьет, сам гвалт кричит* (Михельсон 1902: 541)*; За компанию и жид повесился*(Михельсон 1902: 322). Интересно, что так же говорят чехи о немцах: *Der Gesellschaft wegen lasst sich der Deutsche hangen– За компанию немец повесился* (Михельсон 1902: 322).

Безусловно, в данной статье мы рассмотрели лишь наиболее частотные для русского, английского и французского языков фразеологизмы с компонентом этнонимом, однако этого достаточно, чтобы утверждать: фразеология – это своеобразная квинтэссенция представлений носителей языка о своей истории и межнациональных контактах.

Литература:

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.– М., 1996.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.- М., 1984.
3. Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь.- М., 2005.
4. М.И.Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии.- СПб., 1902.
5. Мокиенко В.М. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.- СПб., 1998.
6. Панин В.В. Этнические стереотипы в английском языке.[Электронный ресурс]/ http://frgf.utmn.ru/mag/22/47

Ю. Моисеева
Оренбургский государственный университет,Оренбург

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ КАК ФАКТОР АДЕКВАТНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Создавая текст, автор производит селекцию знаковых форм и выделяет те из них, которые, с одной стороны, максимально полно и адекватно отражают и выражают замысел, а с другой – максимально соответствуют «типу» реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что позволяет последнему адекватно воспринимать и понимать текст (Швейцер 2008: 276).

Говоря об адекватности восприятия и понимания текста, мы имеем в виду определенное соответствие между интенцией автора и

интерпретацией текста, которые даются реципиентом.

Нас интересуют в первую очередь механизмы, которые раскрывают устройство семантических величин, максимально эксплицируя авторские интенции. Проблемами толкования, интерпретации, понимания и объяснения различных исторических и религиозных текстов, произведений литературы и искусства с античных времен занимается герменевтика.

Многогранность и разнообразие определений герменевтики связано, в первую очередь, с задачей данной научной дисциплины: найти механизмы, облегчающие понимание художественного текста.

Приведем несколько наиболее общих дефиниций: Герменевтика – греч. разъясняю, истолковываю, искусство и теория истолкования текстов. В древнегреческой философии и филологии искусство понимания, толкования (иносказаний, многозначных символов и т.д.); у неоплатоников интерпретация произведений древних поэтов, прежде всего Гомера. У христианских писателей – искусство толкования Библии. С началом формирования в эпоху Возрождения классической филологии герменевтика выступает как искусство перевода памятников прошлой античной культуры на язык живой, современной культуры (Философский энциклопедический словарь 2000: 55).

Интересно в этой связи привести еще одну цитату: «Герменевтика – это наука интерпретации. Происходит от греческого имени Гермес, который был посланником Бога и интерпретатором Юпитера. «Every Hermeneus was therefore, an interpreter, as he was supposed to inherit some of the mystic qualities of this god of philology, this patron of eloquence» (Hermeneutic 2001: 54).

Общая идея классической герменевтики состоит в такой интерпретации культурных феноменов (под которыми, помимо текстов, понимаются исторические события, чужая индивидуальность, произведения искусства), когда, изложенные на языке «автора», они должны быть переведены их толкователем на его собственный язык и тем самым поняты. Специфика герменевтической концепции понимания заключается в том, что, ставя вопрос о познавательных процедурах, адекватных целям понимания, в качестве познавательной реальности разного рода субъективных, принимаются в первую очередь лингвистические формы выражения общественно-исторической практики.

Вопрос о природе герменевтической проблематики – это прежде всего вопрос о сущности самого акта понимания (возможностей и границ механизма интерпретации) и его типологических различий. Многие базовые для герменевтики понятия и процедуры («интерпретация», «смысл», «герменевтический круг», «предпонимание») используются другими науками, имеющими дело с анализом объективированных результатов духовной деятельности людей, и прежде всего культурологией, языкознанием, историографией.

Главным условием понимания, согласно герменевтике, является вхождение в «герменевтический круг», который описывается через взаимоотношение целого и его частей, в разное время представленное: как соотношение веры и понимания (патристика, романтизм), объяснения и понимания (Дильтей, Шлейермахер), «предпонимания» и понимания (Хайдеггер), предрассудка, традиции и понимания (Гадамер) (Малахов 2001: 89).

Обобщив обширный современный материал, авторы правомерно сводят все многообразие герменевтической интерпретации к четырем видам: грамматической (языковой), стилистической, исторической и психологической (личностной), осуществляемой в рамках первых трех.

Грамматическая интерпретация включает изучение слов и словосочетаний, а на основании анализа порядка слов выделяет логические акценты. Стилистическая интерпретация, имеющая дело со средствами выражения (тропами, рифмами, повторами и т.д.), рассматривает, в какой мере произведение достигает поставленных автором целей, устанавливает стилистическое влияние других авторов и произведений. Со своей стороны, историческая интерпретация выделяет исторические обстоятельства создания произведения, как неявные для его создателя, так и осознаваемые им. Авторы этой видовой классификации резонно указывают, что в случае с исторической интерпретацией, сфера которой необъятна, необходимы разумные ограничения.

Каждый вид герменевтической интерпретации устанавливает преимущественную связь с какой-то определенной герменевтической категорией: психологическая интерпретация – с категорией переживания, языковая – с категорией предпонимания, историческая – с категорией «герменевтического круга», стилистическая – с категорией цели. Нельзя не заметить, что в процессе реальной практики толкования текста каждая интерпретация так или иначе обращается ко всей системе герменевтических понятий и категорий.

В нашей работе мы не примыкаем к одному определенному виду интерпретации, а вслед за авторами данной концепции отмечаем, что в процессе реальной практики толкования текста каждая интерпретация так или иначе обращается ко всей системе герменевтических понятий и категорий.

Новое обращение к античным авторам в эпоху Возрождения вызвало научный интерес как к самим классическим текстам, так и к методам их истолкования. Одним из самых существенных результатов их труда явилась разработка проблемы соотношения при интерпретации целостной смысловой структуры текста и ее частей, что впоследствии станет центральным вопросом филологической герменевтики, развиваемой немецкими романтиками.

Общефилософская проблема герменевтики была поставлена в раннем немецком романтизме Ф. Шлейермахером, который был протестанским

теологом и филологом-классиком одновременно (Медведев 2007: 56).

У Ф. Шлейермахера герменевтика мыслится прежде всего как искусство понимания чужой индивидуальности, «Другого», предметом герменевтики выступает прежде всего аспект выражения, а не содержания, ибо именно выражение есть воплощение индивидуальности. Поэтому Ф. Шлейермахер отличал герменевтику, с одной стороны, от диалектики, позволяющей раскрыть предметное содержание произведения, а с другой – от грамматики, которая не выявляет индивидуально-стилистические манеры произведения.

С герменевтической точки зрения понимание рассматривалось как процесс сопереживания в сознании интерпретаторов мыслей, чувств, мотиваций, намерений другого человека постольку, поскольку они нашли свою объективацию в его поведении, а также продуктах духовной культуры. По мнению Ф. Шлейермахера (Шлейермахер 1993: 238), понимание происходит в процессе диалога между говорящим и слушающим, пишущим и читающим, автором и интерпретатором. В ходе этого диалога интерпретатор осуществляет реконструкцию текста или речи, т.е. раскрывает, какой смысл в них вложен, и тем самым старается понять их.

Главный недостаток такого подхода к пониманию состоит прежде всего в том, что процесс понимания рассматривается только с психологической точки зрения, давая субъективную оценку произведению. Тем не менее развитие герменевтики способствовало раскрытию многих важных моментов этого процесса, выдвижению новых проблем и точек зрения.

В рамках герменевтики впервые была выявлена диалектическая по своему характеру операция взаимодействия частей и целого в процессе понимания, которая нашла свое воплощение в понятии «герменевтического круга».

Важное значение для процесса понимания имеет выдвинутая Ф. Шлейермахером идея о понимании как реконструктивном процессе (Шлейермахер 1993: 250). Принцип, на котором эта реконструкция происходит, и основывается на «герменевтическом круге». Понимание, по Ф. Шлейермахеру, базисная операция, связанная с соотнесением или сравнением. Она заключается в сравнении с уже известным. То, что мы понимаем, само образует некоторое единство или, другими словами, целостный «круг», состоящий из частей. Примером простейшей единицы текста, состоящего из взаимодействия частей, является предложение. Слово приобретает тот или иной смысл в зависимости от контекста, т.е. будучи соотнесено со всем предложением. С другой стороны, понимание смысла предложения как целого зависит от понятых нами значений отдельных составляющих его слов (частей). Благодаря диалектической взаимосвязи части и целого каждое последующее слово придает определенное значение предыдущему, уточняя значение всего предложения или наоборот. Поскольку процесс понимания происходит в

этом своеобразном круге, Шлейермахер и называет его герменевтическим. Полное понимание, имеющее место внутри «герменевтического круга», наступает благодаря опирающемуся на сравнительный метод субъективному анализу и благодаря интуиции.

Анализ процесса понимания внутри «герменевтического круга» был продолжен и развит Дильтеем. Рассматривая предложения в качестве наиболее простого примера взаимодействия частей и целого, он выделяет значение как то, что постигается благодаря этому взаимодействию (Медведев 2007: 116).

Значение индивидуальных частей обеспечивает понимание смысла целого, которое в свою очередь изменяет, уточняет неопределенность слов предложения в фиксированной и осмысленной схеме. Значение целого составляет «смысл», выводимый из значения индивидуальных частей.

Принцип «герменевтического круга» выступает здесь как один из важных аспектов методологии. Он возникает в понимании целого и его частей. «В этом смысле мы сталкиваемся с общей трудностью всякой интерпретации: целое предложение должно быть понято из индивидуальных слов и их комбинаций и полное понимание индивидуальных частей предполагает понимание целого. Круг всякий раз повторяется в отношении к конкретному произведению, отражающему духовное развитие автора, и возвращается снова в отношении к его литературному творчеству в целом» (Медведев 2007: 116).

Важно указать на то, что «герменевтический круг» не есть «порочный круг» (лат. «circulus vituosus»). Типичным видом «порочного круга» является случай, когда, например, термин А определяется через термин В, а В – через А (Горский 2001: 240), а «герменевтический круг» на каждом этапе своего витка приобретает новые свойства.

Сам процесс понимания в герменевтике носит системный характер и происходит в результате взаимодействия частей и целого в рамках некоторой знаковой структуры.

Поскольку именно структура характеризует взаимосвязь и взаимодействие частей в рамках целого, каждый этап интерпретации и, следовательно, понимание является специфическим характером взаимодействия частей элементов текста, речи и компонентов научного рассуждения.

Действительно, разрозненные факты, отдельные фрагменты текста будут поняты только тогда, когда они благодаря синтезу предстанут частями некоторой системы. В простейших случаях целостное, синтетическое представление может быть достигнуто с помощью интуиции, и тогда мы будем иметь дело с интуитивным пониманием. Более глубокое, теоретическое понимание предполагает использование достаточно тонких средств анализа, но такой анализ требует дальнейшей синтетической деятельности мышления, без которой невозможно никакое понимание.

Методологически и мировоззренчески неоднородная современная герменевтика проходила путь «...от философии к науке: отправляясь от экзистенциально-феноменологической традиции, она смыкается с проблематикой узкофилологического анализа текста, со структурализмом, неофрейдизмом и пр.» (Автономова 1981: 147).

Э. Бетти представил наиболее развернутую концепцию герменевтики как метода интерпретации текстов. Автор видит ее основную задачу в раскрытии исторических текстов, в перемещении в чужую субъективность, для чего требуется максимальная актуализация субъективного начала личности исследователя. По мнению Э. Бетти, понимание текста – это процесс, включающий в себя три этапа: рекогнитивный (узнавание), репродуктивный (воспроизведение) и нормативный (применение). Им соответствуют правила интерпретации или «каноны» : принцип автономии объекта, согласно которому последний обладает имманентной логикой существования, принцип когерентности значения, т.е. воспроизведения объекта в целостности его внутренних связей, и правила актуальности значения, означающего, что реконструируемое целое подлежит включению в интеллектуальный горизонт интерпретатора (Малахов 2001: 40).

В своей работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер выдвигает концепцию, некоторые положения которой, например, тезисы о принципиальной открытости интерпретации, о неотделимости понимания текста от самопонимания интерпретатора оказали большое влияние на представителей традиционного направления в развитии современной герменевтики: В. Цера (литературная герменевтика), Р. Варнинга (рецептивная эстетика), Э. Штайгера (искусствоведение) (Гадамер 2008: 99–110).

В 1980–90-х гг. проблемы герменевтики разрабатывались П. Рикером во Франции; рядом философов в Дании, Нидерландах, США; С.Р. Абрамовым, И.В. Арнольд, Г.И. Богиным, В.Г. Кузнецовым, Г.И. Рузавиным в России.

Они выработали множество специальных правил, приемов и методов истолкования текстов определенных типов, которые в конечном итоге сводятся, с одной стороны, к логико–грамматическому анализу текста, а с другой стороны к психологическому обсуждению мотиваций, целей и стремлений автора текста. Поскольку в качестве важнейшего средства для этого используются воображение, перевоплощение и субъективный опыт интерпретатора, такое истолкование часто характеризуют как психологическое, субъективное, интуитивное.

В западной филологии разрабатывается в последнее время так называемая материалистическая герменевтика (Дж. Миллер, Г. Пастернак, С. Фиш, Э. Хирш). «Целью материалистической герменевтики является установление нормированных процедур анализа текста. Отправной точкой при этом становится соотношение понимания и интерпретации, установление значения и реконструкции семантики всего текста.

Материалистическая герменевтика <...> должна развиваться как регулирование процесса интерпретации, с тем, чтобы обеспечить эксплицитность и надежность результатов понимания» (Pasternack 1983: 195). Материалистическая герменевтика в таком понимании не совпадает ни с интерпретацией текста, ни с пониманием текста. Герменевтика в этом случае представляет собой рефлексию над пониманием, или «понимание понимания», которое выражается в развернутой интерпретации текста. В этом смысле герменевтика является средством контроля над пониманием, проводимым с опорой на материальные средства текста. Исторически герменевтическая точка зрения зародилась гораздо раньше всех подходов. Однако в настоящее время герменевтический взгляд продолжает доминировать при анализе наиболее распространенных видов понимания, с которыми мы встречаемся в повседневном речевом общении, не говоря уж об интерпретации и понимании текстов.

Причина такого широкого распространения герменевтических идей состоит в том, что эти идеи схватывают важные стороны процесса понимания, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни при истолковании текстов, обучении, понимания поведения и поступков людей и т.д.

Герменевтическая интерпретация, а следовательно, и понимание не ограничиваются анализом логико-грамматической структуры текста, т.е. объективными факторами понимания, которые не зависят от специфического содержания текста. Раскрытие значения текста или речи во многом определяется выявлением намерений автора или собеседника, а это предполагает обращение к интуитивно – эмпирическим и субъективно – психологическим факторам. Воображение, перевоплощение и «вчувствование» в текст, о котором постоянно говорят герменевтики, означает не что иное, как использование личного опыта субъекта для раскрытия значения текста и достижения интуитивного понимания (Рузавин 1999: 246).

Главный недостаток герменевтического подхода к пониманию состоит в том, что процесс понимания рассматривается прежде всего с психологической точки зрения, давая субъективную оценку тексту.

Тем не менее герменевтика не является узкоприкладным, сугубо экспериментальным направлением исследования, но, напротив, совмещая и обобщая данные лингвистики, философии, психологии, помогает понять природу текста как такового, определить некоторые закономерности его порождения и восприятия, способствует раскрытию многих важных моментов процесса понимания текста, выдвижению новых проблем и точек зрения.

Литература:

1. Автономова Н. С. В поисках новой реальности. Опыт типологической характеристики некоторых тенденций современного буржуазного сознания // Вопросы философии. 1981. №3. С. 147−155.

2. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основа философской герменевтики. – М., 2008.
3. Горский Д. П., Ивин, А. А., Никифоров, А. Л. Краткий словарь по логике. − М., 2001.
4. Малахов В. С., Бетти, Э. Современная западная философия / В. С. Малахов, Э. Бетти. − М., 2001.
5. Медведев В. И. Объяснение. Понимание. Язык. − СПб., 2007.
6. Рузавин Г. И. Методология научного исследования. − М., 1999.
7. Швейцер А. Д. Текст и перевод. − М., 2008.
8. Шлейермахер Ф. Д. Е. Герменевтика // Обществ. мысль: исследования и публикации / пер. и предисл. Р. Габитовой. - М., 1993. Вып.4. С. 224−263.
9. Философский энциклопедический словарь. - М., 2000.
10. Hermeneutic. A Text Book By. Prof. B. R. Dungan - Gospel, 2001.
11. Pasternack G. Interpretation as Methodical Procedure // Methodological Fundaments of Normed Hermeneutics // Poetics. Amsterdam, 1983. № 12, P. 185−207.

Г.А. Мусатова
Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (Военный институт) имени генерала армии В.Ф. Маргелова, Рязань

ФРАЗЕОСХЕМЫ С УСТУПИТЕЛЬНО-ПРОТИВИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Уступительность как функционально-семантическая категория характеризуется широкой семантической вариативностью, которая связана со сложной и разнородной системой средств выражения отношений обратной обусловленности.

Фразеосхемы – один из способов выражения уступительной семантики. Они имеют значение «возражение под видом согласия», типичным для них является лексический повтор компонентов, но «при этом для заполнения двух синтаксических позиций в схеме предложения должна быть выбрана одна и та же лексическая единица» (Булыгина, Шмелёв 1997:310). Такие конструкции можно условно назвать псевдосогласием.

Лес лесом, а бес бесом *(Пословица).*

Что делать, вот как эти пташки подрастут, – она указывала на девиц, – ***хочешь не хочешь,*** *надо женихов искать (Л.Н. Толстой).*

Фразеосхемы допускают почти свободное лексическое наполнение. Компоненты сочетания могут находиться рядом, могут быть разделены другими членами предложения. Это внешнее нарушение цельности конструкций не меняет ни ее формы, ни значения.

Поклоны-то поклонами*, эту эпитимию мы выдержим; но для убеждения нужна и словесность (А.Н. Островский).*

***Хотите верьте, хотите нет**, но, по-моему, подрастает теперь замечательное поколение (А.П. Чехов).*

*– Нет, товарищи, **взять** венок от вас **возьму**, но **надеть** на голову – **не надену** (Н.В. Гоголь).*

Фразеосхемы с уступительным значением подразумевают последующее возражение, ограничивающее непосредственно выраженное в них согласие, поэтому «они дают возможность высказать возражение в неявном виде, даже не давая понять, в чём, собственно, оно состоит…» (Арутюнова 1990:311).

– Кожи-то у тебя краденые.

*– **Краденые не краденые**, однако откуда взялись и у кого купил, заводчик объяснить не мог (М.Е. Салтыков-Щедрин).*

*Она чувствовала, что муж ценит ее молчание и признает за это в ней ум**. Бить** он ее никогда **не бивал,** разве только один раз, да и то слегка (Ф.М. Достоевский).*

***Прийти не пришел**, но по телефону позвонил.*

Рассматриваемые конструкции имеют ряд общих формальных характеристик. К ним относится, например, невозможность присоединения частицы **не** к первому из повторяющихся компонентов. О предложениях данного типа А.А. Потебня писал: «Отрицание действия вслед за его утверждением выражает, между прочим, безразличие этих действий по отношению к третьему, им противополагаемому, т.е. независимость последних от первых: «была – не была, пойду»; «спал – не спал, а вставай…» (Потебня 1958:229).

*[Пищик]: Как говорится, попал в стаю, **лай не лай**, а хвостом виляй (А.П. Чехов).*

***Разбойники не разбойники,** а время темное, не годится совсем ехать (Н.В. Гоголь).*

*Лошадей у талантов не бывает; **хочешь не хочешь**, а иди пешком (А.П. Чехов).*

*[София]: Он с ним целый день засядет, **рад не рад**, играет… (А.С. Грибоедов)*

В анализируемых предложениях уступительность осложняется противительным оттенком значения. При подчеркнутом противопоставлении и обычно при сообщении о действии, не давшем желаемых результатов, «неполноценном», в состав сочетания может вводиться частица **-то**, примыкающая к инфинитиву.

***Купить-то купил** шерсть, а чтоб продать – ума нет, молод еще (А.П. Чехов).*

*– **Есть-то**, почитай, что **не ем** ничего, а вода – вон она в кружке-то…(И.С. Тургенев)*

Указывая на постпозитивную частицу **-то** как на средство выражения уступительного значения (***ест-то** он хорошо, да работает плохо*), А.А. Потебня писал, что этого средства недостаточно для того, чтобы вы-

разить уступительную семантику, поэтому часто прибегают к повторению «усиляемого» члена (***есть-то*** *он* ***ест****, да мало*): *Вы* ***пахать-то пахали*** *когда? (М. Шолохов) – Ср.: Вы когда* ***пахали-то****?*

Слова любой категории могут соединяться в интонационно не членимом сочетании одинаковых форм с частицей **-то** при первой форме. Основное значение таких сочетаний – акцентирование противопоставляемого признака.

– Ну, – говорит, – жаль мне тебя, Александр Петрович, а делать нечего – надевай, брат, кандалы. А ***разоришься-то*** *ты, все-таки* ***разоришься****… (М.Е. Салтыков-Щедрин)*

– Жалко-то жалко*. А что же поделаешь (Л.Н. Толстой).*

Компоненты сочетания могут быть разделены частицей **оно**, усиливающей общее значение как самого сочетания, так и противопоставления.

– ***Хорошо-то оно хорошо*** *здесь – слова нет! А все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! (М.Е. Салтыков-Щедрин)*

Основная сфера функционирования сочетаний с частицей **-то** – реплики диалога.

Фразеосхемы часто входят в состав сложного предложения.

Пароходы-то пароходами*, а без щей тоже не проживешь (Д.Н. Мамин-Сибиряк).*

Экзамены экзаменами*, но и подлечиться надо.* Данное предложение синонимично сложноподчиненному предложению: *Хотя предстоят экзамены, надо подлечиться.*

Конструкции данного типа нечленимы; выделение членов предложения по традиционной схеме здесь не может быть осуществлено. Значение конструкции – подчеркнутое утверждение наличия предикативного признака, выявляющегося самостоятельно и независимо от других. В предложении *Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете!* ***Пенька пенькою****, в другой раз приеду, заберу и пеньку (Н.В. Гоголь)* выражение «*Пенька пенькою*» значит: «пенька – само собой разумеющееся». В самом сочетании противопоставления нет, но предложение в целом приобретает противительное значение: «пенька – само собой разумеющееся, но я прошу совсем о другом».

В русском языке оба компонента сложного предложения могут быть синтаксическими фразеологизмами, поэтому все предложение строится по несвободной модели и имеет противительный оттенок значения.

Дружба дружбой, а служба службой *(Поговорка).*

– ***Дело делом, а чай чаем****: выкушай, родимый (М.Е. Салтыков-Щедрин).*

В состав фразеосхемы могут входить повторяющиеся глаголы. Располагается такая конструкция, как правило, в первой части сложного предложения. Например, ***Читать-то он читает****, но результатов пока нет*. В этой конструкции имплицитно выражается мысль о том, что действие ока-

зывается напрасным, не соответствует тому, что можно было ожидать. Ср.: *Хотя он читает, но результатов пока нет*.

Повторяться могут имена и местоимения.

– Отнеси часы Петрову, он хороший мастер.

*– **Мастер-то он мастер**, но не всегда старается.*

Для предложений рассматриваемого типа характерна потенциальная или реализованная диалогичность. Обычно повторяются слова из предыдущей реплики собеседника. Ср. примеры:

– Ты же знаешь, что Козырин тоже хотел сам выстроить обеспеченную жизнь.

*– **Сам-то сам**, но ведь он жил всегда среди людей и зависел от них (В. Шукшин).*

В составе уступительной конструкции с противительным оттенком значения часто используются сочетания типа *рад не рад*, которые всегда начинают собой построения, имеющие значение смягченного и неуверенного отрицания.

*Иногда Антипка что-то сомнителен покажется: **пьян не пьян**, а как-то дико смотрит…(И.А. Гончаров)*

В рассмотренных предложениях выражается уступительное значение с оттенком противительности. Но кроме уступительно-противительного, эти предложения могут содержать и оттенок возместительно-компенсирующего значения. Неожиданное, немотивированное предыдущим действием следствие воспринимается говорящим не как негативное, противоречащее ожидаемому желательному следствию, а как компенсирующее, смягчающее, уменьшающее нежелательность.

– Как ты доверяешь этому врачу, он совсем молодой!

*– **Молодой-то он молодой**, но пациенты очень им довольны!*

Таким образом, несмотря на сходство в строении различных уступительных фразеосхем с противительным оттенком значения, необходимо, наряду с общим описанием рассматриваемых конструкций, проводить детальное «портретирование» каждой из них.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или О пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990. – С.177-178.
2. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира. – М.: Школа «Мастера русской культуры», 1997. – 574с.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1958. – 536с.

О.А. Никитина
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Фразеологизмы в современном немецком языке могут выступать в качестве источника лексических инноваций, а в случае их узуализации и лексикализации способствовать развитию лексического фонда в целом. На базе фразеологизмов могут образовываться как новые слова, так и новые значения слов. Нам представляется необходимым исследовать, какие процессы используются для образования новых слов и новых значений на базе фразеологических единиц, какие особенности характеризуют эти процессы, и в каких отношениях они находятся с другими процессами обновления словарного состава современного немецкого языка. При этом мы будет говорить, прежде всего, о лексических инновациях, под которыми мы понимаем разнообразные новые факты на лексическом уровне языка – собственно неологизмы (новые слова и новые значения слов), новые окказиональные обозначения, а также различные изменения коннотаций уже существующих лексических единиц, частотности их употребления, перегруппировки значений в семантических структурах многозначных лексем и пр. (ср. Kinne 1998: 86-87). В основе проводимого исследования лежит предположение о том, что не только появление фразеологизмов ведет к количественному и качественному обновлению словарного состава, но и сами фразеологизмы могут выступать в качестве базы для образования новых слов и новых значений. В неологии такой аспект обновления словарного состава, как правило, остается без внимания – вероятно, потому, что лишь немногие из возникающих таким образом лексических инноваций становятся постоянными, не окказиональными единицами словарного состава. В качестве материала для исследования послужили устойчивые глагольно-именные словосочетания (*Funktionsverbgfüge*) современного немецкого языка, представляющие собой фразеологические единицы, состоящие из функционального глагола и зависящего от него существительного, или же из функционального глагола и существительного с предлогом, например: *Abschied nehmen, in Erfüllung gehen* (ср. Левковская 2004: 344; Donalies 2009: 85).

Как известно, фразеологизмы представляют собой полилексические, постоянные по своему значению, составу и структуре языковые единицы (ср. Donalies 2009: 7-29). На основе этих качеств они отличаются от однословных лексических единиц словарного состава языка. Тем не менее, между фразеологизмами и сложными словами, с одной стороны, и между фразеологизмами и свободными словосочетаниями, с другой стороны, су-

ществует определенное сходство, ср.: «Mit dem Syntagma teilt das Phrasem die kategorienmarkierten, frei akzentuierten Konstituenten <…>, mit der Wortbildung <…> die Tendenz zur Festgepärgtheit <…> sowie das semantische Grundverhalten, nämlich die Demotivierung als übersummatives Losgelöstsein vom Wörtlichen» (Gréciano 1997: 169).

С когнитивной точки зрения важен и другой аспект отношений фразеологизмов, с одной стороны, и слов и свободных словосочетаний, с другой. По своей ментальной репрезентации фразеологизм представляет собой единство, но в своем употреблении не всегда осознается и трактуется говорящими и слушающими как единое целое (ср. Burger, Buhofer, Sialm 1982: 187), а подчиняется механизмам когнитивной переработки свободных словосочетаний. Это означает, что компоненты фразеологизма не полностью утрачивают свой самостоятельный характер, причем в различных классах фразеологизмов это проявляется в большей или меньшей мере.

Такое когнитивно-обоснованное понимание фразеологизмов как некоего двуликого феномена, а именно как стабильных единиц в языке, с одной стороны, и как сходных со свободными словосочетаниями, нестабильных единиц на когнитивной стадии переработки информации, с другой, позволяет предположить, что именно этот аспект оказывает влияние на принципы и возможности дефразеологического образования новых слов и новых значений слов.

Фразеологизмы представляют собой в дистрибутивном, семантическом и прагматическом планах определенное подмножество словосочетаний, поэтому с морфосинтаксической точки зрения могут служить для создания новых слов так же, как свободные словосочетания. Данное положение можно проиллюстрировать следующими примерами образования новых слов от свободных словосочетаний и фразеологических единиц.

I. Свободное словосочетание в качестве исходной базы:

a) образование сложнопроизводных существительных путем словосложения и эксплицитной деривации: *das Haus durchsuchen → die Hausdurchsuchung; das Haus durchsuchen → der Hausdurchsucher, viel reisen → die Vielreiserei, Wasser entnehmen → die Wasserentnahme*;

b) образование сложнопроизводных существительных путем словосложения и конверсии: *Kuchen backen → das Kuchenbacken;*

c) образование сложных существительных: *Wohnung mit vier Zimmern → die Vierzimmerwohnung, Alles-ist-machbar-Mentalität*.

II. Фразеологизм в качестве исходной базы:

a) образование сложнопроизводных существительных путем словосложения и эксплицитной деривации: *den Grundstein legen → die Grundsteinlegung, Süßholz raspeln → der Süßholzraspler, sich wichtig tun → die Wichtigtuerei*;

b) образование сложнопроизводных существительных путем словосложения и конверсии: *mit jemandem seine Kräfte messen → das Kräftemessen*;

c) образование сложных существительных: *Gespräch unter vier Augen → das Vieraugengespräch, Ohne-mich-Standpunkt, Schuster-bleib-bei-deinem-Leisten-Einstellung* (ср. Schmidt 2000: 142).

Как показывают приведенные примеры, для образования новых слов на дефразеологической основе используются те же словообразовательные способы, которые необходимы для образования новых слов на базе свободных словосочетаний, а именно словосложение или сочетание словосложения с различными способами словопроизводства (эксплицитной деривацией или конверсией) (об образовании сложнопроизводных слов см., например, Левковская 1956: 168-170). Путем сочетания эксплицитной деривации и словосложения при помощи соответствующих суффиксов от свободных и устойчивых глагольно-именных словосочетаний могут образовываться *nomina actionis* и *nomina agentis*. При словосложении в качестве первого компонента новообразований выступает именная или предложная группа, в некоторых случаях – целое предложение. Также и образование сложнопроизводных слов путем сочетания словосложения и конверсии происходит на базе как свободных сочетаний, так и фразеологических единиц.

Тем не менее, как показывает анализ языкового материала, фразеологические единицы по сравнению со свободными словосочетаниями реже выступают в качестве исходной базы для создания новых слов. Это, вероятно, объясняется наличием у большинства фразеологизмов определенных коннотаций, которые, как правило, усваиваются дефразеологическими новообразованиями. Ср., например: *Gift und Galle spucken* (разг.) *быть очень раздражённым, желчным* (букв. *изрыгать* [*выплёвывать*] *яд и желчь*) (Walter, Mokienko 2009: 74) → *der Gift-und-Galle-Sprucker* ‚злой, желчный человек’: «Es gibt keinen Kampf des Westens gegen den Islam <…> Wer trotzdem so tut, als wären die großen *Gift-und-Galle-Spucker* repräsentativ, hat möglicherweise ähnlich aggressive Interessen, nur halt von der anderen Seite aus» (URL: http://www.transatlantikblog.de/2010/02/14/, 23.11.2010).

Неконнотированные устойчивые глагольно-именные сочетания, напротив, гораздо чаще используются в качестве исходной базы для образования новых слов. Так, если устойчивое глагольно-именное сочетание имеет значение действительного залога (ср. Helbig, Buscha 2001: 84f.) и если соответствующий функциональный глагол, будучи употребленным как полнозначный, позволяет образовывать абстрактные отглагольные существительные, то в этом случае возникают преимущественно сложнопроизводные слова, образованные путем сочетания словосложения и эксплицитной деривации, ср.: *aufnehmen → Aufnahme* и *Verhandlungen aufnehmen → Verhandlungsausnahme*. Если устойчивое глагольно-именное сочетание имеет значение страдательного залога (ср. Helbig, Buscha 2001: там же), например, *sich im Aufbau befinden, eine Erlaubnis bekommen, in Anwendung bleiben, zur Durchführung gelangen*, то оно, как правило, не используется в качестве основы для образования новых слов.

Сложные слова, где в качестве первых компонентов выступают словосочетания или целые предложения, могут образовываться на базе как свободных, так и устойчивых сочетаний. Так, в композите *Ohne-mich-Standpunkt* в качестве первого компонента выступает своеобразная рутинная формулировка *ohne mich*, выражающая отказ от участия в чем-либо, которая в этом значении входит в состав композита: *Ohne-mich-Standpunkt* – ‚позиция человека, желающего заниматься только собственным Я и своей личной жизнью, а не общими (общественными) проблемами'.

Как показывают наблюдения над языковым материалом, этот тип словосложения приобретает в настоящее время все бóльшую продуктивность (ср. Schmidt 2000: 144; Meibauer 2002: 54). При этом в качестве первых компонентов используются преимущественно устоявшиеся формулировки, под которыми Г. Шмидт понимает «предложения и фрагменты предложений, которые находятся в распоряжении говорящего или пишущего как готовые продукты или полуфабрикаты» (Schmidt 2000: 145, перевод наш – О.Н.), ср.: *der-alles-wieder-gut-Verdrängungsmechanismus, die Malsehen-was-kommt-Phase, die „Wer-gut-schmiert-der-gut-fährt"-Affäre, die der-Schoß-ist-fruchtbar-noch-these.*

В таких композитах в качестве первых компонентов могут участвовать разные типы фразеологизмов (идиомы, пословицы, цитаты). Согласно Г. Шмидту, сложные слова, возникающие на дефразеологической основе, являются на современном этапе развития немецкого языка проявлением языковой моды (Schmidt 2000: 145f.). Хотя таким способом возникают достаточно сложные по составу образования, они не вызывают затруднений в понимании, поскольку первые компоненты хранятся в памяти носителей языка и воспринимаются как семантически целостные языковые единицы. Такие композиты, однако, практически не имеют шансов на лексикализацию (ср. Barz 1996: 109), поскольку основной причиной их образования является не потребность в развитии лексического фонда, а необходимость фиксации понятий *ad hoc* вкупе со стилистическим оформлением текста (ср. Motsch 1999: 21).

Дефразеологическое образование новых значений слов (ср., например, *ins Fettnäpfchen treten* (разг.) *задеть кого-либо, возбудить недовольство, испортить отношения с кем-либо* (Devkin 1999: 104) (букв. *наступить в горшочек с салом*) → *Fettnäpfchen/ Fettnapf* ‚оплошность, бестактность' основывается на принципе эллиптического языкового употребления. Г. Фритц причисляет эллиптическое употребление выражений наряду с метафорическим, метонимическим, эвфемистическим и ироническим употреблениями к «инновационным коммуникативным стратегиям» (Fritz 1998: 42, перевод наш – О.Н.), посредством которых уже имеющиеся языковые единицы используются в новых коммуникативных целях. Элементы комплексных по своему составу обозначений могут быть опущены без коммуникативных потерь, если партнеры по коммуникации располагают достаточным совме-

стным знанием (ср. Fritz 1998: 51). При этом редуцированное обозначение имплицирует в семантическом плане и опущенную часть.

Дефразеологическое эллиптическое образование нового значения слова происходит путем автономизации одного из компонентов фразеологизма с его последующим морфолого-синтаксическим оформлением. Компонент выделяется из состава фразеологизма и принимает на себя значение, мотивированное семантикой фразеологизма в целом. Автономизации подвергаются, как правило, субстантивные компоненты фразеологических единиц. Существительное, выделившееся из состава фразеологизма, начинает функционировать в новом значении (ср. Häcki Buhoffer 2002: 135). Если оно функционировало до этого только в составе фразеологизма, то, по сути, происходит образование новой лексемы. Результатом автономизации фразеологических компонентов могут быть, таким образом, два вида лексических инноваций:

1. Фразеологически связанные компоненты, не употреблявшиеся до этого как самостоятельные лексические единицы, теряют свою связанность и начинают функционировать в других контекстах как самостоятельные слова в значениях, мотивированных значениями исходных фразеологизмов. Ср., например:

arm wie eine Kirchenmaus sein (разг.) *быть очень бедным* (Devkin 1999: 196) (букв. *быть бедным как церковная мышь*) → *Kirchenmaus* ‚бедный (человек/ объект)', например: «Präsidentengehälter: Verglichen mit Obama, ist Putin eine richtige *Kirchenmaus*» (URL: http://goldenonlinefuture.blogspot.com/2009/01/, 23.11.2010);

jemandem einen Bärendienst erweisen (разг.) *с благими намерениями оказать услугу, впоследствии навредившую тому, кому она была оказана* (букв. *оказать медвежью услугу*) → *Bärendienst* ‚мнимо положительное, но в действительности вредное мероприятие, например: «Was Nordrhein-Westfalen da vorschlägt, bedeutet für die Fahrgäste einen *Bärendienst*, weil es ihnen größere Rechtsunsicherheit und steigende Kosten bescheren würde» (URL: http://www.allianz-pro-schiene.de/presse/pressemitteilungen/2005/2005-2/,23.11.2010);

jemanden am Gängelband führen/ haben/ halten (разг.) *постоянно мелочно опекать кого-либо* [Devkin 2009: 115] (букв. *водить/ держать кого-либо за помочи* → *Gängelband* ‚мелочная опека', например: «Freiheit, das bedeutet für Casper vor allem die Lösung der deutschen Universität vom *Gängelband* der Behörden» [URL: berlinonline.de vom 18.01.2005, 23.11.2010].

2. В семантической структуре самостоятельных лексических единиц, выступавших в качестве компонентов фразеологизмов, появляется новое значение, мотивированное значением фразеологизма. Ср., например: *Kinderschuhe* ‚детская обувь', *noch in den Kinderschuhen stecken* ‚находиться в начале развития' (букв. *быть в детской обуви*) → новое (окказиональное) значение ‚начало (развития)', например: «Diplomwirtschaftsinformatiker in

relativ kurzer Zeit die unternehmerischen *Kinderschuhe* abstreifen» (URL: http://www.hs-wismar.de/hsw_cms_old, 23.11.2010).

Автономизация одного из компонентов фразеологизма происходит, как правило, лишь в тех случаях, если фразеологизм в целом и/или его компоненты удовлетворяют определенным условиям. К характеристикам, благоприятствующим процессу автономизации, относятся высокая степень стабильности фразеологической единицы, ее высокая употребительность, а также формально-семантическая делимость (ср. Dobrovol'skij 1988: 132), заключающаяся в изоморфизме между структурой фразеологизма и его семантикой: *Luftschlösser bauen* –‚строить планы на будущее', букв. *строить воздушные замки*; *leeres Stroh dreschen* – ‚говорить ерунду', букв. *молотить пустую солому*. Согласно данной точке зрения, фразеологическое значение распределяется в известной степени по отдельным компонентам, которые сохраняют свою морфосинтаксическую самостоятельность и свои семантико-ассоциативные способности.

И. Барц выделяет также дополнительные факторы, способствующие автономизации компонентов фразеологизмов (Barz 2007: 16f.). Так, обособляются преимущественно фразеологически связанные компоненты, такие как *Fersengeld, Freudentanz, Friedenspfeife*. Как правило, чем очевиднее связь отдельного компонента с фразеологическим «контекстом» в языковом сознании носителей языка, тем легче осуществить его обособление. Выделившийся компонент является своего рода ключевым словом: его называния достаточно, чтобы вызвать в сознании слушающих образ фразеологизма в целом (ср. Hallsteindóttir 2001: 33). В большинстве случаев компоненты, подвергшиеся автономизации, функционируют в составе только одного фразеологизма.

Кроме того, обособляются преимущественно компоненты, которые, будучи употребленными как самостоятельные слова, образованы по регулярным словообразовательным моделям или же обладают актуальной мотивацией (ср. Häcki Buhoffer 2002: 154). Синхронно немотивированные слова, обнаруживающие высокую частотность употребления, как правило, не обособляются.

Хотя дефразеологические лексические инновации встречаются в текстах в достаточно большом количестве, они лишь в редких случаях достигают лексикализации. В большинстве случаев они выполняют стилистические функции, служат целям номинации *ad hoc*. Это касается, прежде всего, дефразеологических новообразований и семантических инноваций, возникающих на базе коннотированных фразеологизмов. Напротив, новообразования на основе нейтральных, экспрессивно-стилистически немаркированных глагольно-именных сочетаний в большинстве случаев прочно закрепляются в языке. Например, глагольно-именные сочетания с функциональным глаголом *nehmen* образуют целый ряд сложнопроизводных слов, ср.: *Bezugnahme, Einflussnahme, Einsichtnahme, Empfangnahme, Inangriffnahme, Inanspruchnahme, Inaugenscheinnahme, Inbetriebnahme, Inbesitz-*

nahme, Ingebrauchnahme, Kenntnisnahme, Rücksichtnahme, Stellungnahme. Сложные существительные с устойчивыми словосочетаниями в качестве первых компонентов закрепляются в словарном составе немецкого языка лишь в редких случаях (ср. Fleischer, Barz 1995: 123). Как правило, это такие композиты, в которых первый компонент отличается низкой степенью сложности, ср.: *Ohne-mich-Standpunkt, Vieraugengespräch*.

Образование новых слов и новых значений слов на базе устойчивых глагольно-именных словосочетаний является одним из важных способов обновления словарного состава современного немецкого языка. При создании новообразований на базе фразеологических единиц используются те же способы словообразования, что и при создании новых слов на базе свободных глагольно-именных словосочетаний, а именно словосложение или сочетание словосложения с различными способами словопроизводства (эксплицитной деривацией или конверсией). Образование новых значений слов на базе фразеологизмов основывается на принципе эллиптического языкового употребления и осуществляется путем автономизации субстантивного компонента устойчивого глагольно-именного словосочетания, принимающего на себя значение фразеологизма в целом. Если субстантивный компонент функционировал до этого только в составе устойчивого словосочетания, то в результате автономизации происходит образование нового слова.

Литература:

1. Левковская К.А. Лексикология немецкого языка. – М.: гос. уч.-пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1956. – 247 с.
2. Левковская К.А. Немецкий язык: фонетика, грамматика, лексика. – М.: изд-во Московского ун-та, изд. центр «Академия», 2004. – 367 с.
3. Barz I. Zur Nominalisierung verbaler Phraseologismen // Korhonen J (Hg.). Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen. – Bochum: Brockmeyer, 1996. – S. 99-111.
4. Barz I. Wortbildung und Phraseologie // Burger H., Dobrovol'ski D., Kühn P., Norrick N.R. (Hg.). Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. – Berlin/New York: 2007. – S. 27-36.
5. Burger H., Buhofer A., Sialm A. Handbuch der Phraseologie. – Berlin, New York: de Gruyter, 1982. - XIV, 433 S.
6. Devkin W.D. Wörterbuch der Umgangssprache Deutsch-Russisch. – Hamburg: Jourist Verlag, 1999. – 198 S.
7. Dobrovol’skij D. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1988. – 264 S.
8. Donalies E. Basiswissen: Deutsche Phraseologie. – Tübingen, Basel: A. Francke Verlag, 2009. – 126 S. Kinne M. Der lange Weg zum deutschen Neologismenwörterbuch // Teubert W. (Hg.). Neologie und Korpus. – Tübingen: Narr, 1998. – S. 63-110.

9. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Unter Mitarbeit von M. Schröder. – 2., durchges. und erg. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – XVII, 382 S.
10. Fritz G. Historische Semantik. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 1998. – VIII, 196 S.
11. Gréciano G. Zur Festigung von Phraseologie. Eine Merkmalanalyse // Barz I., Schröder M. (Hg.). Nominationsforschung im Deutschen. Festschrift für W. Fleischer zum 75. Geburtstag. – Frankfurt a.M.: Lang, 1997. – S. 167-175.
12. Häcki Buhoffer A. „Unikalia“ im Sprachwandel: phraseologisch gebundene Wörter und ihre lexikographische Erfassung // Piirainen E., Piirainen I.T. (Hg.). Phraseologie in Raum und Zeit. – Baltmannsweiler: Schneider-Verl. Hohengehren, 2002. – S. 125-160.
13. Hallsteindóttir E. Das Verstehen idiomatischer Phraseologismen in der Fremdsprache Deutsch. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2001. – 350 S.
14. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Berlin [u.a.]: Langenscheidt, 2001. – 654 S.
15. Meibauer J. u.a. Einführung in die germanistische Linguistik. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 2002. – XI, 364 S.
16. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen. – Berlin, New York: de Gruyter, 1999. – IX, 451 S.
17. Schmidt H. Hochkomplexe Lexeme: Wortbildung und Traditionen des Formulierens // Habermann M., Müller P.O., Naumann B. (Hg.). Wortschatz und Orthographie in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für H.H. Munske zum 65. Geburtstag. – Tübingen: Narr, 2000. – S. 135-138.
18. Walter H., Mokienko V. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Univeristät, 2009. – 199 S.

Н.Ю. Петрова
Московский городской педагогический университет, Москва

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ КОГЕРЕНТНОСТИ В ТЕКСТАХ-СПИСКАХ (ЖАНРЫ ДРАМЫ И ПРОЗЫ)

В рамках современных исследований текста когерентность (от лат. *cohaerentia* – «сцепление, связь») определяется как семантико-когнитивная связность, рассматриваемая в причинно-следственном, временном и референциальном аспектах (Чернявская 2009). Такой подход предполагают обращение к столь важному понятию когнитивной лингвистики как операция инференции, которая обусловливает тип связности: прогрессивная / регрессивная инференция (по Ф.Кликсу, “forward / backward inferences”) – причинно-следственную связность, хронотопическая инференция – временную,

релятивная инференция – референциальную, возникающую в случаях кореференции в тексте. Как правило, когерентность по умолчанию подразумевает и наличие когезии – формальной взаимосвязи компонентов, охватывающих грамматико-синтаксический, лексический и ритмический уровни. В целом дихотомия «когезия – когерентность» может быть охарактеризована как бинарная оппозиция поверхностной структуры и глубинно-смыслового уровня, что вполне соответствует пониманию осей выбора и комбинаторики (Ф. де Соссюр), или парадигматики и синтагматики (Р.Якобсон).

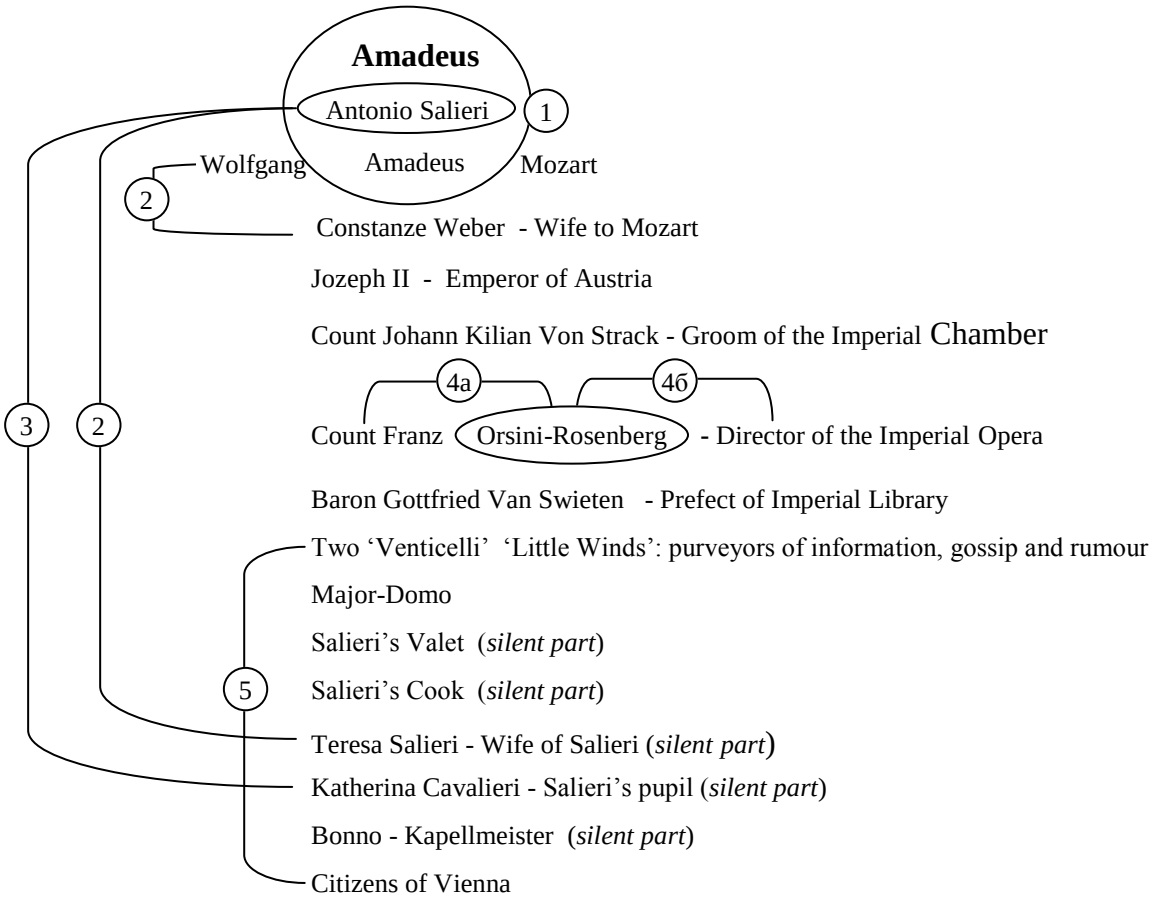
Однако соблюдение правил когезии не гарантирует обязательного наличия когерентности. Яркий тому пример – списки в телефонных книгах, каталогах, картотеках, словарные статьи в словарях, ярлыки-указатели, квитанции, таблички на дверях кабинетов и др., которые Ю.А. Левицкий предлагает называть «ненастоящими» текстами. При этом единицами списка, как правило, являются имена людей или названия предметов, а единицами текста – высказывания, объединяемые по какому-либо общему признаку. Таким образом, основным отличием списков от текстов является наличие у последних своей цельности и связности; любое расширение текста связано с развитием его синтагматики. Что касается списков при всем их многообразии, то они не характеризуется содержательной цельностью и связностью. «Любой список представляет собой открытое множество, которое в зависимости от условий и потребностей может быть как сокращено, так и дополнено» (Левицкий 2006: 181–182).

При рассмотрении списков действующих лиц драмы (далее СДЛ), несмотря на всю кажущуюся формальную схожесть с обычным списком (имена героев помещены в столбик; список лишен предикации), мы однозначно характеризуем данный перечень как список-текст, наделенный семантической связностью. Более того, СДЛ иллюстрирует самый простой тип локальной когерентности – иерархическую последовательность, представленную линейно. Однако «свернутость» высказываний в субстантивные номинации становится возможной благодаря механизму синхронной реконструкции (Е.С. Кубрякова), который, по нашему мнению, может быть успешно применен и к тексту.

Каноническая форма СДЛ, избираемая драматургами как наиболее удобная, объясняется его основным предназначением – назвать действующие лица как героев пьес. В когнитивном плане СДЛ заранее ориентирует режиссера на подбор актеров, а зрителей – на участников пьесы, выполняя, таким образом, важную дейктическую функцию. При этом линейная последовательность СДЛ имеет свои правила заполнения: исторически герои выдвигались с точки зрения их положения в обществе, немаловажны были родственные связи; женские персонажи шли в конце списка. В современной драме на первом плане находятся те, кто имеет наибольшую значимость для действия, как правило, главный герой.

Так, в пьесе П.Шеффера о жизни и смерти Моцарта Сальери помещен в список первым, за ним следует Моцарт. Таким образом, уже в СДЛ задана идея драматичного противостояния двух главных героев пьесы. В целом в основе когнитивного группирования героев лежат отношения противоборства (1), родственные (2), гендерные (3), социально-титульные (4а), социально-должностные (4б), национальные (5) и проч. В целом сведения о действующих лицах пьесы в СДЛ носят систематизированный характер и демонстрирует определенную последовательность представления разного рода связей между героями.

Схема 1. Когнитивные основания когерентности в СДЛ пьесы П.Шеффера «Амадей»

Прототипические списки-тексты можно обнаружить и в других художественных жанрах, например, психологических детективах. Так, в основе новеллы Дж. Фаулза "The Enigma" лежит загадка исчезновения высокого должностного лица. Семантическое пространство темы «расследование» охватывает факты дела и свидетельские показания, многочисленные гипотезы и версии, что находит свое вербальное выражение в виде системы юридических терминов, имеющих характер динамического множества. При этом их основная группа сконцентрирована в особом списке, составленном следователем Майклом Дженнингсом с целью выявления причин исчезновения потерпевшего и их контраргументов (*possibilities and counte-*

rarguments). Каждая версия в списке сопровождается аргументацией, отдельно рассматривается существующая доказательная база. В когнитивном плане данный список-текст представляет собой когерентную последовательность умозаключений Дженнингса в виде его рассуждений *on-line* и может быть рассмотрен как элемент юридического дискурса, отражающего реальную аналитическую работу сыщика. Полнота его гипотез без труда достраивается читателем по принципу синхронной реконструкции. Когерентность списка локально прослеживается в том, что каждая из его 20 единиц имеет вид законченного текста, характеризующегося некоторой детализацией. Глобально список делится на две части: "State of Play" (8 версий) и "Wild Ones" (12 версий), представленных в линейной последовательности от более до менее вероятных. Часть из них строится за счет юридических терминов:

1. Suicide. No body. No predisposition, no present reason.

2. Murder. No body. No evidence of private enemies. political ones would have claimed responsibility publicly.

3. Abduction. No follow-through by abductors. No reason why Fielding in particular…(Fowles 1981: 203–204).

Схематичность (краткость, лаконичность) списка проявляется уже на графическом уровне. Для концентрации внимания логически выстроенные гипотезы Дженнингса упорядочены и пронумерованы, две части списка разделены пробелами, вместо полных имен используются только фамилии (*Fielding, Parsons*) или сокращения (*F.),* что придает списку личный характер. Автоадресованность списка проявляется на всех других уровнях языка: на лексическом за счет субстантивных номинаций, на грамматическом – усеченных конструкций. В условиях крайне «сжатого языка» выделяются многочисленные анафорические отрицательные конструкции с *No* / *not*, усиливающие впечатление запутанности и сложности дела. Ясно, что введение правовой терминологии в текст-список Дженнингса обусловлено особенностями его языковой личности, для которой привычно мыслить правовыми категориями.

В заключении отметим, что рассмотренные нами списки-тексты разных жанров являются частными примерами субкатегории «текст в тексте» как особой техники структурного и / или семантического введения в материнский текст другого текста, характеризующегося всеми необходимыми для текста свойствами и, прежде всего, цельностью и связностью.

Литература:

1. Кубрякова Е.С. Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 103. – М., 1976. – С. 23–32.
2. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста. – М.: Высшая школа, 2006.

3. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М., 2009.
4. Klix F. On the role of knowledge comprehension // XIV-th International Congress of Linguistics: Reprints of the Plenary Session papers. – Berlin, 1987. – P. 111–124.
5. Fowles J. The Ebony Tower. – London, 1981.
6. Shaffer P. Amadeus. – London, 2007.

О.Ю. Печенкина, Е.А. Чернявская
Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского, Брянск

КОНЦЕПТ УМ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО НАРОДА

В современных лингвистических исследованиях постоянно говорят о тесной связи языка и культуры, которые в первую очередь реализуются в терминах Картина мира (КМ) и Языковая картина мира (ЯКМ). КМ рассматривается учеными, во-первых, как совокупность объективных знаний об окружающей действительности, составляющими которой являются жизненно важные для человека понятия и их концепты, и, во-вторых, как КМ, отображенная с помощью специальных знаков, несущих информацию об объективной действительности. Частным проявлением КМ является ЯКМ.

Единство общей КМ отражает единство материального мира и особенности восприятия действительности человеком как разумным существом. Достижения науки так или иначе становятся достоянием всего современного мира, существуют объективные факты, которые признаются каждым человеком. Этим объясняется общечеловеческое содержание КМ, которое является основой существования любого общества. Однако КМ всегда национально конкретна и исторически определена. При наличии универсальных понятий, свойственных всей человеческой цивилизации в целом, в КМ отдельного народа всегда можно выделить наличие специфических национальных представлений, а также особые соотношения между этими понятиями, что и создает основу национального мировидения и оценки реалий окружающей действительности.

Национальные особенности ЯКМ отражаются в концептах, которые являются ее фундаментальной основой.

Исследуемый нами концепт Ум определяется абстрактным именем, которое в отличие от конкретных принадлежит к миру идеальному. Ум, умность – это оценочные категории, которыми мы пользуемся постоянно, не задаваясь вопросами об их критериях и применимости. Ум нельзя увидеть, потрогать (как любой конкретный предмет), но он существует, и знание о нем передаются от поколения к поколению в первую очередь с помощью

языка. Абстрактные сущности существуют в языке и сознании, «абстрактные сущности, - пишет Чернейко, - обозначают такие сущности, которые, являясь действительными идеальными и реальными, не имеют независимого от сознания человека, а значит, и от языка бытия» (Чернейко 1997: 514).

Определить точные содержательные границы подобных понятий практически невозможно, так как они являются частью духовной, а не материальной культуры. Поэтому ядерные компоненты абстрактного имени, как правило, выражающие значение, общее для всех носителей языка и заключенное в лексикографических словарях, не репрезентируют его полное содержание и оказываются меньше его периферийной части, которая зависит от опыта и традиций народа или личности.

Этимологически значение лексемы ум большинство ученых связывает со значениями «ум, душа, мысль, понимание». Как отмечает С.А.Кошарная, в славянских языках существовало два номинанта для обозначения понятия о человеке, связано это с противопоставлением двух начал в сознании людей – материального и духовного (бытия и сознания, плоти и духа, тела и души). «Ум, - пишет она, - в представлении древних, - это свойство человеческой души как средоточия духа» (Кошарная 2002: 205). Таким образом, этимон слова ум соотносится со значением «воспринимать органами чувств, понимать, душа». П.Я. Черных отмечает, что «В др.-рус.(с 11В.) и ст.-сл. Умъ – «ум», «душа», «мысль», «понимание» (Черных 1993: 289-290). В процессе развития языка в слове ум происходит изменение морфологической структуры, ее опрощение, так как «…сущ. умъ трактуется как суффиксальное, образованное от основы у- с помощью суф. –мъ» (Шанский 1971: 464-465).

Интерес представляет тот факт, что тесная этимологическая взаимосвязь понятий ум и душа подчеркивается в словаре В.И. Даля. Автор дает не только толкование данного слова, но и отмечает культурологические представления: «Умъ общее название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его, а другая нрав, нравственность, хотение, любовь, страсти; в таком значении ум или смысл, рассудок, есть прикладная, обиходная часть способности этой, низшая степень, а высшая, отвлеченная: разум, интеллект…» (Даль,1982, т.4, с.494-496), тем самым поясняя, что в XIX веке в языковом сознании эта связь была очевидной. Автор подчеркивает, что низшая степень ума может быть признана за некоторыми животными, но разум, как высшая степень ума, является принадлежностью человека: *С ума спятил, да на разум набрел;* то есть, отмечает В.И. Даль, потерял «буднишний ум, по людским пересудам, а напал на путь истинный, высший, духовный…» (там же). Таким образом, по представлениям В.И. Даля, высшая степень ума связана с духовным миром человека.

Анализ современных лексикографических изданий позволяет сделать вывод, что семантическая структура слова ум в процессе историче-

ского развития претерпевала некоторые изменения. Так в современном языковом сознании ум практически не соотносится с понятием душа, в словарях такого значения нами не отмечено. Выделяется следующая компонентная структура лексемы ум: 1. Познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить. 2. Интеллект. 3. Здравый смысл. 4. Сознание, рассудок. 5. Общественное сознание, общественная мысль. 6. Люди или отдельные личности как носители определенных представлений. 7. Человек с точки зрения его умственных, интеллектуальных способностей.

Все данные компоненты представлены в текстах пословиц и поговорок. В большинстве паремий ум актуализирует компонент «мыслительная способность человека, способность логически мыслить»: *Живи своим умом, своим домком; Всяк своим умом живет; Голова - всему начало. Где ум, там и толк.* Но постоянно подчеркивается то, что ум дается богом: *Не дал бог ума, найдется сума; Когда бог ума не дал, так руками не рассуждай.*

В содержательной структуре любого концепта отражаются национальные представления не только о том понятии, с которым он соотносится, но и о многих других. Так Ум актуализирует компонент «удача», подчеркивается то, что если человек наделен умом, то ему «везет» во всем: *С умом торговать, без ума горевать; Без ума суму таскать, а с умом деньги считать; Счастье без ума – дырявая сума.*

В данных текстах можно отметить и такое значение как «умение», то есть ум представляется как «определенный навык, который приобрел человек»: *Не копьем побивают, а умом (т.е. умением);* а также как «предприимчивость», «смекалка», «хитрость»: *Был бы ум, будет и рубль; не будет ума, не будет и рубля.* Это, на наш взгляд, подтверждают и пословицы, в которых подчеркивается то, что ум в значении «умение мыслить, рассуждать» противопоставляется уму как «умению», то есть наличие ума у человека не обязательно предполагает его благополучие: *Ума – два гумна, да баня без верху; Не тот глуп, кто на слова скуп, а тот глуп, кто на дело туп.*

Тексты подобного рода говорят о том, что русскому человеку всегда было особенно важно то, что он мог сделать сам, именно поэтому ум противопоставляется трудолюбию. То есть ум имел положительную оценку только в том случае, если он соотносился с конкретным делом.

Лексема ум репрезентирует в исследуемом концепте компонент «решение», «совет», «самостоятельность в поступках», «ответственность за тот или иной выбор»: *Живи всяк своим умом; Слушай людей, а делай свое; Чужим умом жить – добра не нажить; Чужим умом в люди не выйдешь.*

Причем в пословицах и поговорка подчеркивается то, что каждый человек отвечает за свои поступки, что он должен самостоятельно принимать решения, что только «свой ум» может принести ему определенные блага. Мы считаем, что «свой ум» в данных текстах может рассматриваться в значении: «жизненный путь», даже «судьба», «нечто, данное челове-

ку»: *На то человек на свет родится, чтоб жить своим умом.* На наш взгляд, это значение представлено и в паремиях, в которых говорится о том, что найти «другой ум» нельзя, что только «свой ум» позволит принять правильное решение: *В соседи за умом не пойдешь; Ума за морем не купишь, коли его дома нет; Ворона за море летала, да вороной и вернулась…*

Интерес вызывает тот факт, что, с одной стороны, в данных текстах подчеркивается то, что ум нельзя купить за деньги: *Денег много, да ума нет; На деньги ума не купишь. За умом – не в рынок,* но с другой – деньги, богатство выступают как предпосылки ума. То есть, по представлениям русского человека, благосостояние так или иначе связано с умом: *Будет именье, будет и умение. С богатством ум приходит; Есть рубль, есть и ум. Деньга ум родит.*

Компонент «интеллект» в исследуемом концепте также реализуется лексемой ум. Причем можно отметить то, что ум приобретается как жизненный опыт. Предполагается, что чем старше человек, тем он должен быть умнее. Поэтому некоторые внешние признаки человека определенного возраста (борода, усы, лысина, высокий рост и т.д.) ассоциируются с признаками ума, а в текстах пословиц и поговорок они выражают антонимичные отношения: *Борода выросла, а ума не вынесла; Летами ушел, а умом не дошел; Ростом с Ивана, а ума с болвана.* И наоборот: «*Ум не в бороде, а в голове; Ум бороды не ждет; Стар годами, да молод умом. Долго пожил, а ума не нажил*». Слово ум в паремиях может выражать и противоположное значение, в этом случае оно используется как ироническое: *По твоему уму носить будет суму; С твоим умом только в горохе сидеть (пугалом); От большого ума досталась сума.*

Таким образом, с одной стороны, ядерная лексема выражает все значения, которые представлены в семантической структуре лексемы ум, но не исчерпывается ими. Содержательная структура концепта Ум оказывается гораздо шире семантического наполнения лексемы ум.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.4. М., 1981.
2. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. - Белгород, 2002.
3. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
4. Шанскиий Н.М., Иванова В.В., Шанская Т.В. Краткий этимолгический словарь русского языка. М., 1971.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. Т.2. М., 1999.

С.В. Ракитина
Волгоградский государственный педагогический университет, Волгоград

ПРЕСУППОЗИЦИЯ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Научная коммуникация, составляя специфическую форму взаимодействия учёных в процессе их познавательной деятельности, служит одним из механизмов развития науки. Её цель определяется А.Г. Барановым (1993: 168) как познание действительности, формулирование конкретных истин о действительности, фиксирование их с помощью языка.

Если в связи с этим говорить об участии языковых и речевых факторов в выполнении коммуникативной функции, то практически такой общепризнанной единицей коммуникации с последней трети XX в. считается текст, так как «вне порождения и интерпретации текстов немыслим обмен знаниями и опытом, умениями и навыками, ценностями и нормами» (Дридзе 1980: 12). Именно текст обеспечивает переход от языковой системы к коммуникации (Каменская 1990, Москальская 1981 и др.).

Известно, что научная текстовая деятельность имеет ярко выраженную двуединую направленность: она одновременно коммуникативна и познавательна. Содержанием научного текста является определённый объём научной информации, создаваемый и воспринимаемый в коммуникативном акте, который рассматривается нами, вслед за О.Л. Каменской, как простая передача информации, осуществляемая в вербальной или невербальной форме. Применительно к данному понятию для нас важна мысль о том, что коммуникативный акт вообще возможен лишь при наличии элементарной коммуникативной цепочки «автор – текст – реципиент» (Каменская 1990: 15). Все эти важнейшие компоненты коммуникативного акта, выделяемые в каждой системе вербальной коммуникации, в том числе и научной, представляют собой минимальную структуру, внутри которой может изучаться функционирование текста.

Исходя из понимания языка как средства общения, Е.С. Кубрякова подчёркивает, что «цели коммуникативных актов определяются передачей информации или её запросом, т.е. так или иначе связаны с вербализацией и объективацией определённого содержания» (Кубрякова 2004: 235). С позиций когнитивно-дискурсивного подхода выражение этого содержания в научном тексте представляет собой «феномен когнитивный, рождающийся в процессах познания и восприятия мира» (Там же). Единицы языка при этом выступают средством представления информации (знания), её распределения, членения; обслуживают мыслительные процессы в голове отдельного человека и способствуют отражению опыта человечества в целом, фиксируя результаты восприятия и познания действительности.

Учёный в процессе научного общения, осуществляемого через текст, испытывает на себе влияние целого ряда факторов. Это коммуникативная ситуация, с которой связано предпринятое общение, целевая установка автора, содержание излагаемой информации, отношение к тому, кому она адресована, и др.

Основным условием достижения успешной коммуникации в научной сфере является то, что сообщение, полученное адресатом, должно в содержательном отношении как можно точнее соответствовать отправленному адресантом, т.е. чтобы адресат и адресант пользовались идентичными кодами, чтобы они в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную языковую личность учёных-единомышленников. Это возможно лишь в некоторой, весьма относительной степени. Отсюда относительность идентичности исходного и полученного научных текстов (ср.: Лотман 1996: 13 – 14).

Информация может быть выражена в тексте непосредственно, эксплицитно, а также опосредованно, имплицитно. Для полного представления адресантом и адекватного освоения адресатом эксплицитной и имплицитной научной информации необходимы пресуппозиционные научные знания, актуальные для коммуникативной ситуации, реализуемой в научном тексте.

Пресуппозиция рассматривается в лингвистике как смысловой компонент текста, предварительное знание, не выраженное словесно, но вместе с тем дающее возможность адекватно воспринимать текст. Пресуппозиция, по мнению Н.В. Валгиной, «может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться вовсе за пределами текста как результат знания и опыта составителя» (Валгина 2004: 13). Другими словами, в пресуппозициях в имплицитном виде содержится информация об объекте речи, репрезентирующая старые знания. Отсутствие пресуппозиции является препятствием в научной коммуникации и может привести к неполному пониманию не только имплицитных, но и эксплицитных смыслов научного текста.

В научном тексте границы пресуппозиции лежат в знаниях общепринятых дефиниций, в сущности общеизвестных законов, теорий и т.п., в знакомстве с идеями, смыслом опубликованных, а иногда и неопубликованных научных материалов, на которые опирается адресант в обосновании и трактовке нового знания, того знания, которое, возникнув в его дискурсивном пространстве в процессе взаимовлияния базовых концептов, выстраивается в концепцию, способную стать стержневой основой текста.

Феномен пресуппозиции формируется на основе концептуальной картины мира коммуникантов и приобретает особое значение в процессе научной коммуникации при рассмотрении вопросов, связанных не только с порождением научного текста, содержание которого составляют научные знания, но и с его восприятием. Для адекватного восприятия и понимания излагаемой в тексте научной проблемы необходимо наличие общих пресуппозиций автора научного текста и его реципиента (коллеги-учёного, студента,

аспиранта и других заинтересованных в рассматриваемой проблеме). Так, например, в самом начале книги В.И. Вернадского «Биосфера» читаем: «*Своеобразным, единственным в своём роде, отличным и неповторяемым в других небесных телах представляется нам лик Земли* (выделено В.И. Вернадским, далее – нами) – *её изображение в Космосе, вырисовывающееся извне, со стороны, из дали бесконечных небесных пространств. В лике Земли выявляется поверхность нашей планеты, её биосфера, её наружная область, ограничивающая её от космической среды. Лик Земли становится видным благодаря проникающим в него световым излучениям небесных светил, главным образом Солнца. <…> Космические излучения вечно и непрерывно льют на лик Земли мощный поток сил, придающий совершенно особый, новый характер частям планеты, граничащим с космическим пространством. Благодаря космическим излучениям биосфера получает во всём своём строении новые, необычайные и неизвестные для земного вещества свойства, и отражающий её в космической среде лик Земли выявляет в этой среде новую, неизменную космическими силами картину земной поверхности. <…> Лик Земли ими (*космическими силами) *меняется, ими в значительной степени лепится»* (Вернадский 1994: 317–318).

Разобраться в том значении, какое вкладывает В.И. Вернадский в понятие «биосфера», называя её в этом фрагменте «лик Земли», помогают адресату пресуппозиционные знания о существовании основного научного труда австрийского геолога Э. Зюсса «Лик Земли», его концепции в отношении планеты Земля и её биосферы. Кроме того, отмеченные пресуппозиционные знания позволяют уже на подсознательном уровне сравнивать концепции австрийского и русского учёных в понимании биосферы, что имплицитно прослеживается в содержании анализируемого текста.

Или далее, чтобы рассуждать о биосфере как области превращений космической энергии, необходимо иметь знания о космических излучениях, идущих от всех небесных тел; об исследованиях излучений Солнца; о значении в биосфере коротких ультрафиолетовых волн солнечной радиации, длинных красных тепловых и промежуточных лучей видимого светового спектра; об электрических, магнитных, радиоактивных, химических, спектроскопических отражениях (Там же: 322); о роли солнечной теплоты, главным образом инфракрасных излучений в биосфере; о влиянии Солнца на геологические и даже геохимические процессы и др.

Лингвистические условия адекватного восприятия и понимания научной информации, передаваемой в конкретном дискурсе, обеспечиваются так называемыми акцентуаторами пресуппозиций, предназначение которых выделять, фокусировать, актуализировать имплицитно выраженные смыслы. Акцентуаторами пресуппозиций в анализируемом фрагменте служат синтаксические конструкции типа: *мы знаем, что* (с. 321); *для нас уже ясно <…>*; *мы привыкли видеть*; *несомненной стала связь <…>* (с.

322); *чрезвычайно характерно* < …>; *ясна и бесспорна роль* <…>(с. 323); *мы уже видели, что* (с. 324).

Научный текст, в силу своей интертекстуальности, обычно изобилует пресуппозициями, поэтому адресат такого типа текста для адекватного понимания замысла автора должен иметь необходимый объём фоновых научных знаний, известных членам научного сообщества, деятельность которых связана с рассматриваемой в тексте областью знания, отражает специфику данного научного направления.

Литература:

1. Баранов, А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста [Текст] / А.Г. Баранов. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993.–182 с.
2. Валгина, Н.С. Теория текста: учеб. пособие [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
3. Вернадский, В.И. Биосфера [Текст] / В.И. Вернадский // Живое вещество и биосфера / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1994. – С. 315 – 401.
4. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология / Под ред. А. А. Леонтьева [Текст] / Т. М. Дридзе. – М.: Высш. школа, 1980. – 224 с.
5. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация. Учебн. пособие [Текст] / О.Л. Каменская. – М.: Высш. школа, 1990. – 152 с.
6. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова; Рос. Академия наук, Ин-т языкознания. — М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.
7. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю.М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
8. Москальская, О.И. Грамматика текста: учеб. пособие [Текст] / О.И. Москальская. – М., 1981. – 183 с.

А.Г. Рыжкова
Тверская государственная медицинская академия, Тверь

ПРОЦЕСС ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРАХ ОТРАСЛЕВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЙ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Современная когнитивная лингвистика рассматривает язык как познавательную деятельность, базирующуюся на таких способностях человека, как восприятие и категоризация. Это позволяет изучать процессы порождения, усвоения, накопления и применения информации, как отдельным индивидуумом, так и целым социумом.

Языку, как знаковой системе самого высокого уровня, отводится ключевая роль в познании окружающей действительности, в формировании различных картин мира, в том числе, и научной. Развитие когнитивного подхода к явлениям языка способствовало рассмотрению языковых форм как производных концептуализации мира человеческим сознанием, а их значений - как определенных структур знания, концептов, схваченных языковыми знаками (Кубрякова: 1997).

Феномен лексического значения, отражающий динамику познания, продолжает оставаться очень емким и потому привлекательным исследовательским полем; при этом вплоть до настоящего времени не теряет своей актуальности решение таких вопросов, как достижение успешной и «правильной» коммуникации, обеспечивающей однозначное толкование единиц высказывания.

Изучение закономерностей изменения слова при переходе из одной функциональной сферы в другую, выявление вариантов реализации семантического потенциала слова в текстах различных стилей, определение степени терминологичности как общеупотребительного слова, так и термина, выявление информационной насыщенности термина - эти и многие другие проблемы остаются дискуссионными.

В этой связи актуальным представляется исследование явлений лексико-семантической вариативности, находящей специфическую реализацию в различных типах дискурса.

Иногда термины меняют свое значение в контексте изменяющихся теорий, наполняются новым содержанием при развитии и смене самих концептуальных построений, появлении новых понятий в процессе развития определенной области знания (Звегинцев: 1957, Жоль: 1984; Карпович: 1978; Петров: 1982). Различие в дефинициях терминов происходит на разных этапах развития науки. Все это отражает ход человеческого мышления и является гносеологической причиной вторичной номинации в терминологии.

Процесс обретения термином нового специального значения в иной терминосистеме получил название вторичной терминологизации (Даниленко: 1977, 27). В терминоведении этот процесс назывался по- разному: перенос термина (Лотте:1982), заимствование терминов (Гринев:1993), ретерминологизация (Языкознание:1998), транстерминологизация (Суперанская и др.:1989). Последнее определение представляется наиболее удачным, как однозначно понимаемое в терминоведческой литературе.

Тот факт, что в разных терминосистемах могут использоваться одни и те же лексемы для обозначения различных понятий, объясняется, с одной стороны, действием универсального закона языка о тенденции к экономии языковых ресурсов, с другой стороны - особенностью современной научно-технической терминологии, которая заключается в стремлении специалистов строить мотивированные термины с предсказуемой семантикой (Володина: 1997, 115).

Транстерминологизация как процесс переосмысления уже существующего термина при его включении в терминосистему другой науки - наиболее продуктивный из всех процессов вторичной терминологизации. Закономерность выбора терминологической единицы зависит в этом случае от ее первичного значения, которое и определяет производное значение. Вопрос о том, являются транстермины омонимами или полисемантами, восходящий к проблеме семантического тождества слова, остается спорным в современных терминологических исследованиях.

С лексикологической точки зрения все эти значения можно рассматривать как многозначность, если они сохраняют общую ведущую сему, тем более, что практически все лексикографические источники фиксируют варианты значений как факты полисемии, в одной словарной статье. Но, поскольку каждый из этих терминов входит в свою терминосистему и, функционируя в своем терминополе, никак не соотносится с другим, внешне совпадающим с ним, это явление правильнее определить как межсистемную терминологическую омонимию, тем более, что «в речи человек всегда употребляет слово только в одном значении, речевой текст всегда соотносится с каким-то одним предметом или явлением» (Г.И. Климовская: 1969, с. 163).

Тезис о возможности различного терминологического выражения понятия в пределах разных отраслей знания подкрепляется исследованием языковой судьбы отдельных единиц. Возьмем в качестве примера термин «иммунитет» в русском, английском и французском языках.

Очевидно, что источниками пополнения отраслевых терминологий часто являются единицы, обладающие прозрачной внутренней формой, которая наполняется некоторым содержанием в конкретных терминосистемах. Такими оболочками могут служить интернациональные термины, заимствованные, как правило, из греческого или латинского языков разными терминологиями и отражающие, в диахроническом плане, появление новых понятий, а в синхроническом, возможности различного терминологического применения того или иного понятия с учетом его востребованности в языке конкретной отрасли. Данное утверждение базируется на существующей многоаспектности понятия, его отраслевой разновекторности.

Вхождение транстермина в новую терминосистему сопровождается его вступлением в новые гиперо-гипонимические, синонимические отношения и антонимические пары, разные в каждой терминосистеме.

Слово иммунитет (лат. immunitas) происходит от многозначного прилагательного immunis-1) свободный от повинностей, освобожденный от налогов; 2) непричастный;3) неприкосновенный, не затронутый; 4) невредимый; 5) незапятнанный, чистый; 6) бесполезный; 7) неблагодарный.

Оно вошло из общеупотребительной лексики в римское право, было в средние века воспринято европейскими языками (фр.immunité, англ. immunity) и сегодня сохраняет свое значение как общеправовой термин, означающий освобождение определенного круга субъектов права из-под

действия общих правовых норм (иммунитет дипломатический, парламентский, президентский, политический, свидетельский, и т.д.).

Словарные дефиниции показывают, что понятие правового иммунитета обычно определяют через категории "льгота", "привилегия", "гарантия", "неприкосновенность", при этом наблюдается развитие многозначности в рамках одной терминосистемы.

Во второй половине 19 века этот термин появляется в естественных науках европейских языков, сохраняя взаимосвязь со значением исходного термина и общую сему защиты какого-либо объекта от воздействия других объектов:

Иммунитет (биол.) - невосприимчивость, сопротивляемость организма к инфекционным агентам и чужеродным веществам.

Иммунитет (мед.) - способность организма противостоять изменению его нормального функционирования под воздействием внешних факторов.

В смежных науках мы наблюдаем привлечение термина, функционирующего без изменения значения.

В 19 веке в пределах биохимии зародилась, а потом обособилась в качестве самостоятельной науки иммунология (процесс дифференциации знаний), и возник терминоэлемент иммуно - (immuno-), способный и сегодня образовывать огромное количество новых терминов, небходимых для комплексных исследований (интеграция научного знания): иммунохимия, иммуноген, иммунотрансфузия, иммунотерапия и т. п.

В середине 20 века этот термин проникает в технические науки со значением «устойчивость, стойкость», снова демонстрируя сохранение общего семантического компонента значения: фр. immunité: i. contre le bruit- помехоустойчивость; i. aux radiations- стойкость к облучению; i.aux vibrations вибростойкость;. immunity(англ)- interference,jamming,noise i.- помехоустойчивость; jitter i.-защищенность от дрожания (амплитуды или фазы сигнала); иммунность-состояние высокой коррозионной стойкости металла; immunize, immunization (англ), в металлургии – пассивировать, пассивация- создание устойчивости против какого- либо воздействия.

Будучи образно переосмысленным, употребленным как стилистический прием в общеупотребительной лексике, термин может приобретать и эмоциональность, и экспрессивность, напр., etre immunisé (фр.) - «иметь иммунитет», быть застрахованным (от влияния кого-либо или чего-либо).

Если внимательно проанализировать все термины с терминоэлементом иммуно-, представленные в разноотраслевых источниках, то можно заметить одну объединяющую смысловую матрицу, содержание понятия, отражающее его суть, и в юридической, и в медицинской, и в технической терминологиях – это защищенность от какого-либо воздействия.

В настоящее время сферы общелитературного языка и терминологии взаимопроницаемы. Можно с уверенностью утверждать, что эти термины вошли в общеупотребительную лексику в своем медико-биологическом значении. Сопротивляемость организма внешней агрессивной среде, вы-

живаемость благодаря сильному иммунитету - проблема, важная для каждого человека. А ввиду острой общественной актуальности обозначаемых этими терминами явлений и сами термины выходят за пределы профессионального словоупотребления и широко используются в устной речи. В печати, на радио и телевидении мы сталкиваемся с лавиной новых слов с терминоэлементом «иммуно-» - иммунодефицит, иммуномодулятор, иммунодепрессант, иммунизация и т.п. При этом наблюдается нарушение свойственного терминам принципа отсутствия эмоциональной окраски, и наличие у терминоэлемента глубоко положительной коннотации.

В номинативных единицах фокусируются эмоции, оценки, опосредующие интериоризацию человеческим сознанием мира и себя в этом мире, так как оценочный момент играет большую роль в процессе создания слова. Применительно, например, к медицинским терминам мы можем говорить об оценке «хорошо – плохо», «желательно – нежелательно». Оценочная сетка накладывается на концептуальную картину мира, и мы можем говорить о маркированности того или иного термина знаками «плюс» или «минус».

Общеязыковое знание постоянно подвергается ассоциативно-образному переосмыслению, порождая новую, терминологическую информацию. Когнитивная трансференция лексемы осуществляется каждый раз заново, при поддержке уже существующих номинаций.

Если учесть, что при формировании понятия и его назывании осуществляется сначала первичная категоризация, затем поиск признаков

объекта познания (Брунер, 1977), то можно предположить, что область поиска признаков ограничена сферой повседневной жизни человека.

Сопоставление с общелитературным языком позволяет определить этот процесс как радиальную полисемию исходной единицы. Сущность этих номинаций - в аккумуляции общеязыкового и специального знания.

Потенциал семантической производности у разных слов различен.

Семантический параметр, служащий основой многократной терминологизации, указывает на постоянный, обязательный, отличительный признак, который именователь наблюдает в разных предметах и потому имеет основание переносить обозначение этого признака на все новые объекты терминологической номинации.

Литература:

1. Брунер Дж. Психология познания М,, 1977, - 412 с.
2. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. - М., 1997.
3. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. - М., 1977.
4. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении. - Киев, 1984.
5. Звегинцев В.А. Семасиология. - М., 1957.

6. Карпович В.Н. Термины в структуре теорий. - Новосибирск, 1978.
7. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
8. Петров В.В. Семантика научных терминов. - Новосибирск, 1982.
9. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. -М., 1989.
10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. - 2-е изд. - М., 1998.
11. Dictionnaire commercial et financier français-anglais — nusse. M., 1993.
12. Le petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Montréal, 1992.
13. Большой англо-русский словарь. Минск, 2000.

О.А. Селеменева
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец

О КОГНИТИВНОМ ПРИЗНАКЕ *ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ* В СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ»

Совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности терминируют «языковой картиной мира». Её описание как вторичной, опосредованной языком, даёт сведения о когнитивной картине мира, существующей в виде концептов как глобальных мыслительных единиц, образующих концептосферу народа (Попова, Стернин 2007: 6). Набор концептов в концептосфере разных народов может быть эквивалентен, а может и не совпадать, что обусловливается коммуникативной релевалентностью концептов, их необходимостью для общения. Лингвисты, пытаясь описать способ восприятия и взаимодействия человека с миром природы, характерный для русской культуры и выраженный в русском языке, и литературоведы при исследовании особенностей русского пейзажа, отмечают, что русским свойственно говорить о состоянии земной поверхности, атмосферных явлениях, специфике времён года (Курбатова 2000), что им присуще особое «чувство природы» (Федь 1998: 198). Данный факт отводит особое место концепту «состояние природы» в национальной концептосфере и объясняет наше обращение к его анализу.

В русском языке анализируемый концепт репрезентируется совокупностью структурных схем простых предложений, дифференцируемых с учётом принципа специализации на *специализированные* и *неспециализированные* (Казарина 2002). К специализированным, т.е. предназначенным только для представления концепта «состояние природы», относим схемы **«где есть каково»** (*Ночь выдалась теплой и тихой*, ***но вблизи реки было туманно и сыро*** (Васильев. Были и небыли)), **«где самопроисходит»** (*В воздухе холодало с каждым днём* (Иванов. Вечный зов)), **«где пахнет чем»** (*В наших краях в это время уж весной пахнет...* (Чехов. Иван Матвеич)), **«где действует чем откуда/куда»** (*Близок Иордан, – **уже тянет запахом***

речной воды, запасом горячего ила… (Бунин. Страна содомская)), **«покрывает что** (В.п., Р.п.) **чем»** (*К вечеру небо затянуло тучами*… (Можаев. Саня)). Неспециализированными, т.е. вербализующими иные концепты (*бытие объекта, инобытие объекта, бытие признака объекта, небытие объекта, самостоятельное перемещение агенса* и др.), но используемыми и для объективации концепта «состояние природы», являются схемы **«где есть какое состояние»** (*Опять безмолвие* (Гончаров. Обыкновенная история)); **«что находится в каком состоянии»** (*Море не замёрзло* (Паустовский. Золотая роза)); **«что есть каково по состоянию»** (***Море было сонно**, и далеко за мысом сверкал белыми надстройками палуб океанский пароход* (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров)) и др**.**

Состояния природы, представленные высказываниями, в основе которых лежат выделенные структурные схемы, описываются с позиции Наблюдателя, предполагающего «взгляд со стороны». Находясь в пространстве, человек «сканирует» местность, «считывает» информацию о пространстве с окружающих вещей (Борисова 2004: 199). Это процесс «сканирования» происходит благодаря внешним органам чувств: зрению, слуху, осязанию, обонянию, вкусу. Для диагностирования состояния природы человек использует четыре из них: зрение, слух, осязание и обоняние, что подтверждается анализом семантики предикативов специализированных структурных схем безличных предложений. Эти предикативы в зависимости от того, на основе какого экстероцептивного ощущения (от внешних раздражителей) – контактного (осязательных) или дистантного (зрительных, слуховых, обонятельных) – идентифицируется состояние, могут быть классифицированы на несколько групп:

предикативы, выражающие состояние природы, определяемое на основе *слухового* восприятия Наблюдателя (*И опять стало слышно, что **тихо, тихо** ночью и на земле и на небе, – только где-то далеко плачет колокольчик* (Бунин. Суходол) (схема «где есть каково»));

предикативы, описывающие состояние на основе данных *зрительных рецепторов* Наблюдателя (*Уже **стемнело**, уже давным-давно ушли женщины* (Иванов. Тени исчезают в полдень) (схема «где самопроисходит»));

предикативы, информирующие о состоянии, определяемом на основе *обоняния* (***Пахло** илом, прелой хвоей и пресным бархатисто-мягким запахом дождя* (Шолохов. Тихий Дон) (схема «где пахнет чем»));

предикативы, выражающие состояние природы на основе *осязания* (*Мягко **тянуло** с полей сушью, зноем* (Бунин. Жизнь Арсеньева) (схема «где действует чем откуда/куда»)) и др.

Учитывая ориентированность пространственных отношений между предметами и явлениями действительности, воспринимаемых человеком, «экспериентом», на субъект восприятия как точку отсчёта (Кравченко 1993: 50; Падучева 1993: 34–35), и опираясь на анализ семантики предикативов специализированных структурных схем, мы выделяем *перцептив-*

ность, т.е. получение информации о состоянии через органы чувств, а не знание (Матханова 2002: 13), как когнитивный признак концепта «состояние природы».

Признак *перцептивности* концепта «состояние природы» маркируется всеми специализированными структурными схемами – «где есть каково», «где самопроисходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда», «покрывает что (В.п.) чем» – и дополнительно актуализируется неспециализированными схемами: *Вдали замирают крики охотников и лай собак*, ***а вокруг тебя – мёртвая тишина*** (Бунин. Антоновские яблоки) (схема «где есть какое состояние»); *Каждый день с утра до вечера яркое солнце горячо нагревало землю*, ***но засухи не было*** (Мельников-Печерский. В лесах) (схема «где нет какого состояния») и др.

Свойственное процессу восприятия многомерность и единство (Мещерякова 2008: 19) обеспечивают целостное, «комплексное», описание состояний природного мира на основе данных различных рецепторов: слуха и зрения, осязания и слуха, осязания и зрения, слуха, зрения и обоняния: ***Потемнело*** *и* ***посвежело*** (Булгаков. Мастер и Маргарита) (схема «где самопроисходит») (зрение и осязание); *Было* ***тихо***, ***сыро*** *и* ***пахло мокрыми листьями*** (Толстой. Аэлита) (схемы «где есть каково» и «где пахнет чем») (слух, зрение, обоняние) и под**.**

В русской языковой картине мира также встречается идентификация природных состояний, основанное на явлении *синестезии*, «неразделённом восприятии», связанным с возникновением под влиянием раздражения одного анализатора ощущения, характерного для другого анализатора (Степанян 2004: 116). В этом случае к предикативам преимущественно состояний-распространений, маркированных структурной схемой **«где пахнет чем»**, примыкают эксплицирующие словоформы со значением ‘*вкус*’, ‘*влажность*’, ‘*температура*’: *Зарница осторожно мелькнула над тёмным Трошиным лесом –* ***и тепло***, ***сухо пахло*** *дубом* (Бунин. Суходол); ***Остро пахло*** *подсыхающими подосиновиками, и запах их казался неприятным* (Варламов. Падчевары) и др.

Исследуя соотношения состояний природы, квалифицируемых на основе разных органов чувств, мы обнаруживаем их связь с эмоциями: *И всё же нет смысла так больше сидеть, чрезмерно* ***грустно смеркается*** *на просторах, да и неинтересно, и нога затекла, не сиди так, оцепенел ты, что ли*? (Садур. Немец). Такое явление связи перцептивных впечатлений и эмоций терминируют «*синестемией*»: «соощущения + соэмоции» (Воронин 1982: 128).

С признаком *перцептивности* взаимодействует и ряд других микрокомпонентов содержания концепта «состояние природы». Например, признаки *свечение* и *колористичность*, выявляемые благодаря анализу семного состава предикативов специализированных структурных схем.

Так, предикативы, называющие состояние на основе данных, получаемых от зрительных рецепторов, не составляют по семантике однород-

ной группы. В русской языковой картине мира актуальны состояния природы, проявляемые *испусканием света*, или, напротив, его *отсутствием*, наступлением *темноты*: *мрачно*, *светло*, *солнечно*, *пасмурно*, *сумрачно*, *темно*, *хмуро*, *блестеть*, *брезжить*, *вспыхивать*, *развиднеться*, *светать*, *смеркаться*, *темнеть* и др.

Такие предикативы «световых» природных состояний встречаются и высказываниях, построенных по специализированным структурным схемам **«где есть каково»** и **«где самопроисходит»:** *Было* ***светло*** *и тихо, и даже тополя не шумели* (Домбровский. Факультет ненужных вещей) (схема «где есть каково»); *Уже совсем* ***стемнело****…* (Тургенев. Накануне) (схема «где самопроисходит») и др.

Градуальными «световыми» состояниями выступают состояния *светло* (*светлеет*) – *темно* (*темнеет*), высказывания с ними довольно частотны (более 37 % от выборки всех высказываний (1348 высказываний), описывающих «световые» состояния). Подобная важность «светового проявления» состояний природы обусловлена зависимостью человека от цикличности смены дня и ночи, когда свет ассоциируется «с активной деятельностью и солнечным теплом, а мрак ночи – с пассивностью, холодом и таинственностью» (Василевич 2008: 17).

Помимо «световых» состояний природы, для русской языковой картины мира характерны состояния, проявляемые *цветом*: *бело*, *белым-бело*, *буро-зелено*, *дымно-серо*, *зелено* в значении ‘цвета листвы’, *мертвенно-бело*, *размыто*, *серо*, *сине*, *цветисто*, *черно*, *белеть*, *краснеть*, *сереть*, *синеть* и некоторые др.: *Ослепительно* ***бело*** *становится вокруг* (Слонимский. Андрей Коробицын) (схема «где есть каково»); *В лесу чуть* ***синело*** (Симонов. Живые и мёртвые) (схема «где самопроисходит») и др.

Возможность приложения цветовых атрибутов к природному пространству или природным объектам обеспечивается лёгкостью экстраполирования атрибутов цвета на всевозможные объекты, ведь цвет – это «самое ясное визуальное качество, воспринимаемое человеком и имеющее для него первостепенное значение» (Рузин 1994: 81) в силу зависимости от цвета его настроения, эмоций и даже физического самочувствия (Василевич 2008: 42).

В русской языковой картине мира самыми «востребованными» «цветовыми» состояниями являются такие градуальные состояния как ***бело*** **(*белеть, белым-бело*)** и ***черно*** (около 39 % от всех «цветовых» состояний (62 высказывания)): *Но в тайге не так* ***черно****, как тут* (Горбатов. Донбасс); *Этак утром просыпаемся, выхожу я из палатки, а кругом* ***бело****, точно саваном покрыло всё…* (Мамин-Сибиряк. Клад) (схема «где есть каково») и др. Бинарная оппозиция *белого* и *чёрного*, по мнению Б. Берлина и П. Кея, рассматривавших цвет как культурную реалию и развивавших идею поступательного развёртывания системы цветовых категорий, являлась первичной для всех древних языков, что было связано (как и для оппозиции состояний *светло – темно*) с регулированием человеческой жиз-

ни двумя факторами – дневным светом и ночной тьмой (Василевич 2008: 17). Именно отсюда выводится устойчивый для большинства культур (в том числе и русской) комплекс положительных значений *белого*, белизны и отрицательных – чёрного, черноты.

Все «*цветовые*» состояния природы в русской языковой картине мира практически всегда предстают в «чистом» виде, без «примесей» и «полутонов». Очень редко состояния природы представляются как оттенки какого-то колера: *И там было* ***дымно-серо****, шёл сильный дождь* (Панова. Сентиментальный роман); *А здесь, под горами, солнечно по сквозным садам, по пустым виноградникам,* ***буро-зелено*** *по холмам* (Шмелев. Солнце мертвых); *Там было уже* ***синевато-темно****, гроздья белой сирени казались голубыми* (Горький. Жизнь Клима Самгина) и др. «Обесцвечиваясь», «размываясь», «цветовые» состояния становятся предвестниками надвигающегося ненастья: *Темь, которая перед тем пала, как под самую ночь, будто опустили сверху над Матёрой крышку, теперь рассосалась, – было серо и* ***размыто****, и так же серо и* ***размыто*** *было в небе, где глаза ничего не различали, кроме водянистой глубины* (Распутин. Прощание с Матёрой) и др.

Когнитивные признаки *свечение* и *колористичность* способны актуализироваться и неспециализированными структурными схемами: *Вплоть до полуночи и за полночь* ***светлынь*** *на небе стояла…* (Мельников-Печерский. В лесах) (схема «где есть какое состояние»); *Леса на берегах уже* ***ржавели, золотели*** (Паустовский. Бег времени) (схема «что находится в каком состоянии») и др.

Помимо микрокомпонентов *свечение* и *колористичность* с *перцептивностью* связаны признаки *покрытие, наполнение, движение, температура, насыщение, звучность, распространение*, которые, находясь в отношениях дополнительности, образуют содержание анализируемого концепта и позволяют рассматривать его как дискретное образование, включающее в себя концепты менее высокого уровня абстракции: состояние природы, проявляемое свечением (*Уже сумеречно…* (Смирнов. Заулки)), звучанием (*Тихо, как ночью в пустыне* (Павлов. Лунная радуга)), температурой (*На закате стало резко холодать* (Ляленков. Просека)), распространением (*Необыкновенно приятно смотреть на мелькающий в воздухе снег*: ***настоящей Русью пахнет***! (Бунин. Новая дорога)) и т.п.

Литература:

1. Борисова С.А. Пространственность как текстообразующая категория // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. №1. С. 196-204.
2. Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке. Изд. 2-ое. / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко / Под общей ред. А.П. Василевича. – М., 2008.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.

4. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография. – Елец, 2002.
5. Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1993. №3. С. 45-57.
6. Курбатова С.А. Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности: Автореф. дис. …канд. филол. наук. – М., 2000.
7. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: Автореф. дис. …докт. филол. наук. – СПб., 2002.
8. Мещерякова О.А. Семантика перцептивной единицы в художественном тексте // Вопросы филологии. 2008. №4. С. 17-26.
9. Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия АН. Сер. литер. и яз. 1993. №3. С. 33-45.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Изд. 3, перераб. и доп. – Воронеж, 2007.
11. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии наименования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // ВЯ. 1994. №6. С. 79-100.
12. Степанян Л.Л. Синестезия и эмоциональность речи // Вестник МУ. Сер. 9. Филология. 2004. №4. С. 115-120.
13. Федь Н.М. Природы чудный лик // Парадокс гения (Жизнь и сочинения Шолохова). – М., 1998. С. 193-230.

А.Б. Смагулова
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
Караганда (Казахстан)

КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫЕ СМЫСЛЫ КОНЦЕПТА «ЖЕНА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Познание действительности через язык ставит проблему соотношения всеобщего и национально – специфического в языковой репрезентации мира. Национальная специфика языковой картины мира проявляется в том, как могут быть представлены в языках фундаментальные категории действительности. Важным компонентом национально – специфической картины мира являются ключевые концепты культуры.

Концепт, оказавшись в современной лингвистике одним из наиболее популярных и даже модных терминов, уже достаточно длительное время используется учеными, работающими в русле различных направлений языкознания, в том числе и русского (В.В. Колесов, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, Р.М. Фрумкина, А.А. Залевская и др.). Однако до сих пор нет единого определения этого понятия в силу сложности самого феномена, называемого данным термином. Не-

однозначность трактовок понятия «концепт» отражает в целом несколько подходов к нему. В частности, в языкознании господствует три подхода к его пониманию:логико-философский, когнитивный (Е.С. Кубрякова, Р.М. Фрумкина, Н.Ф. Алефиренко и др.) и лингвокультурологический (или историко-культурологический) (Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, Ю.Н. Караулов и др.). В нашей работе концепт рассматривается **с лингвокультурологической точки зрения,** согласно которой релевантным признаком концепта выступает не вся информация об объекте, а лишь культурно маркированная; указанная информация содержится (если учитывать «слоистое» строение концепта) в его этнокультурном, образно-ассоциативном слоях (по Н.Ф. Алефиренко); или в исходной форме (этимологии), сжатой до основных признаков содержания истории и современных ассоциаций, оценок и т. д. (Степанов 1997 : 28).

В работе мы провели анализ русских пословиц и поговорок (Даль 1989), в которых содержится отсылка к концепту «жена», а также выявили имплицитные культурные смыслы, заложенные в семантике указанных языковых единиц, то есть отраженные в них представления о жене, характерные для русского миропонимания. Всего нами выявлено 136 пословиц и поговорок, вербализующих концепт «жена».

В данной работе осуществлена параметризация концепта «жена» по его составляющим частям, которые отображают разные ипостаси замужней женщины. Нами были выявлены следующие наиболее значимые для русской культуры смысловые компоненты концепта «жена»: **злость** (16 посл.) *«От пожара, от потопа и от злой жены, боже сохрани!», «Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою», «От злой жены не уйдешь. От злой жены одна смерть спасает да пострижение»;* **главенство в семейных отношениях жены** (15 посл.) «*У нее муж по ниточке ходит*», **ветреность** (13 посл.) «*Муж в дверь, а жена в Тверь*», «*Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою»;*«*Муж в бедах, жена в гостях*»; **коварство** (12 посл.) «*Муж как бы хлеба нажить, а жена – как бы мужа избыть*», «*Жена ублажает, лихо замышляет»*; **болтливость** (8 посл.) «*Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить*», «*Муж кочадыком, баба языком (плету)»;* **доброта, верность** (7 посл.) «*Три друга: отец, да мать, да верная жена*», «*С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне», «Жена честнее – мужу милее»*; **леность** (7 посл.) «*Муж пашет, а жена пляшет*», «*Жена поет, а муж волком воет», «Фрол плачет, а жена скачет».*

Наименее значимые смысловые составляющие концепта «жена» следующие: **мудрость, бережливость** (6 посл.) «*Умная жена, как нищему сума*»; **отношение к чужим женам** (6 посл.) «*Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая*»; **хозяйственность, домовитость** (4 посл.) «*Муж возом не навозит, что жена горшком наносит*»; **привлекательность, красота** (4 посл.) «*Всего милее, у кого жена всех белее*»; **вздорность, своенравность** (4 посл.) «*Жена взбесилась и мужа не спросилась*», «*Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит»*; **сварливость, ворчливость** (3 посл.)

«*Уж лаяла бы собака чужая, а не своя*»; **здоровье, материнство** (2 посл.) «*Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу*»; **завистливость** (1 посл.) «*Хороша жена, да завистлива*».

При экспликации концепта «жена» активно используются такие языковые средства, как: противопоставление: *добрая жена дом сбережет, плохая рукавом растрясет; у плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит;* сравнение: *жена не сапог, с ноги не скинешь; жена не седло: со спины не сымешь; жена не рукавица, с руки не сбросишь; жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь;* метафора: *муж – голова, а жена – душа; муж – голова, а жена – шея; муж у нее колпак. Баба – ай-ай, а муж малахай.*

Анализ представленного языкового материала может служить свидетельством о наличии в языковой компетенции носителей русского языка такой базовой метафоры, как «жена – существо злое, скандальное, болтливое, своенравное, ворчливое». Данное утверждение подтверждается также количественным соотношением материала, среди которого пословицы с коннотативно выраженными обвинительными мотивами (65) преобладают над оправдательными (47).

Литература:

1. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры.- М., 1997.
2. Пословицы русского народа: Сборник В.Даля. В 2 т. - М.: Худож. лит., 1989.

Е.А. Снеткова
Ленинградский Государственный Университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧУВСТВА» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Семантическое поле в художественном произведении должно рассматриваться как некая относительно самостоятельная лексическая микросистема. Текст представляется целостным структурно-смысловым речевым произведением. Изучение языка любого писателя позволяет не только раскрыть и описать специфические лингвистические приемы, свойственные данному автору и создающие индивидуально-авторский стиль, но также представляет возможность реконструировать экстралингвистику, т.е. через авторское слово прийти к авторскому видению мира. Одной из перспективных тенденций современного этапа развития языкознания является акцент на изучении языка в тесной связи с человеком, его духовно-творческой деятельностью, что ведет к ориентации научных исследований на антропоцентрическую направленность изучения языка вообще и художественной литературы, в частности.

В семантическое поле романа Л. Н. Толстого «Война и мир» входят слова, имеющие прямое, номинативное значение, не ограниченные в своем употреблении определенными, в количественном отношении немногочисленными фразеологическими оборотами.

Материалом для исследования послужил список из 250 слов, обозначающих различные чувства в романе «Война и мир».

Поскольку чувства — явление психологическое, представилось возможным обратиться к работам в области психологии в поисках возможной методики, соответствующей поставленным задачам. Наиболее перспективной в этом плане представляется методика семантического дифференциала (Петренко, 1982; Алиева, Шейн 1982; Шмелев 1982 и др.) (цитируется по Вунду 1984, с.145). Заметим, что методика семантического дифференциала широко используются как в психологических, так и в психолингвистических исследованиях (Залевская 1983: 65).

Семантический дифференциал представляет собой методику оценки объектов по школам с последующей обработкой полученных результатов с помощью факторного анализа. Чаще всего слова классифицировались по принципу «положительные», «отрицательные». При выделении параметров, из которых складывается эмоциональная нагрузка слова, мы также пытались отразить связь эмоциональных характеристик слова со стилистическими пометами в словарях. Чаще всего среди помет, маркирующих эмоциональный компонент значения слова, выделяют «иронично» и «пренебрежительно». Все эти параметры были заданы в качестве шкал для исследования.

Итак, перейдем к тексту. Одной из характеристик героев в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» являются чувства, которые эти герои испытывают к себе, к окружающим, к явлениям жизни. При описании сцены приема у А. П. Шеррер Толстой использует слова большей части, несущие негативную окраску. Говоря о тоне голоса князя Василия:

«сказал он тоном в котором из-за приличия и участия просвечивало ***равнодушие*** *и даже* ***насмешка****»* (т.1: 17),

автор тем самым показывает, что гость не получает удовольствия от общения на этом приеме. В словаре русского языка под ред. С. И.Ожегова дается значение слова **равнодушие**, как безразличный, безучастный к людям (с.628). А **насмешка** — обидная шутка, издевка. Выражение ироничного отношения во взгляде, голосе и т.д. (с.384). Ядерной семой является о, что оба этих чувства выражают негативное отношение к окружающему миру, а дифференциальными семами являются семы, отражающие степень негативной оценки, так равнодушие — это безразличие, а насмешка — это ирония.

«Как можно быть здоровой, когда ***нравственно страдаешь****?— отвечает Анна Петровна гостю.* » (т. 1, с. 15).

То есть чувства самой хозяйки Вечера негативны, не несут в себе радостной окраски. **Страдание** — это физическая или нравственная боль;

мука, мучение (с.760). Ядерная сема — это резко негативное чувство, причиняющее боль, мучение. Л.Н.Толстой использует это слово для усиления негативного эффекта от чувств самой хозяйки — центрального персонажа этого эпизода.

«Анна Павловна испугалась слов князя Василия: когда-то красивое её лицо выразило ***озлобление,*** *но это продолжалось только минуту»* (т.1: 13).

Озлобление — чувство крайнего раздражения, ожесточения (с.439). Ядерной семой является чувство негативной окраски, дифференциальной — чувство раздражения, ожесточения, что является наибольшим выражением негативных эмоций, причем это чувство Л.Н.Толстой приводит в описании приема в конце, возможно пытаясь этим показать накал страстей. Автор выстраивает цепочку слов, входящих в семантическое поле чувства, испытываемые А. П. Шеррер и её гостями от слов с низкой негативной окраской (равнодушие, скука, холодность, насмешка, грусть, печаль), до слов с очень высокой негативной окраской (страх, угроза, раздражение, озлобление).

Как мы видим из примеров:

«Глаза, нос, рот — все сжималось как будто в одну ***неопределенную и скучную*** *гримасу, а руки и ноги всегда принимали* ***неестественное*** *положение [кн.Ипполит]* (т. 1: 17).

«Все в его фигуре, начиная от ***усталого, скучающего*** *взгляда <...> [кн. Болконский]* (т.1: 18).

«*Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж* ***надоели,*** *ему так, что смотреть на них и слушать их ему* ***было очень скучно****» [кн.Болконский]* (т.1: 18).

«С ***гримасой****, портившею его красивое лицо, он отвернулся от нее» [кн. Болконский]* (т.1: 19).

*«****Презрительно*** *сказал Виконт» [Виконт]* (т. 1: 25).

«Анна Павловна ***ужаснулась****»* (т. 1: 25).

«В слове была и просьба и угроза, уверение в том, что она сама ***раскается*** *в своих словах» [Княгиня]* (т. 1: 29).

«Вдруг ***сердитое беличье выражение*** *красивого личика княгини заменилось* ***привлекательным и возбуждающим сострадание выражением страха****» [Княгиня]* (т. 1: 34).

«Все его лицо ***дрожало нервическим оживлением*** *каждого мускула» [кн.Болконский]* (т. 1: 35)

Тем самым автор характеризует героев с отрицательной стороны. Исключением является Пьер, при описании этого героя Л.Н.Толстой использует такие слова, выражающие чувства, состояние как: простодушие, горячность, радость, дружелюбие, любовь, доброта.

«Ожидая случая высказать свои мысли, как это любят молодые люди» [Пьер] (т.1: 14).

«Пьер, со времени входа князя Андрея в гостиную ниспускавший с него ***радостных, дружелюбных*** *глаз, подошел к нему и взял его за руку.*

Князь Андрей, не оглядываясь, сморщил лицо в гримасу, ***выражавшую досаду*** *на того, кто трогает его за руку, но, увидав улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно* ***доброю и приятною улыбкой****» (*т. 1: 19).

«Пьер смотрел почти ***испуганными, восторженными*** *глазами на эту красавицу»* (т.1: 20).

«Пьер ***торжественно*** *посмотрел на слушателей»* (т. 1: 24).

«Мсье Пьер не знал, кому отвечать, оглянул всех и улыбнулся. Улыбка у него была не такая, как у других людей, сливающаяся с неулыбкой. У него, напротив, когда приходила улыбка, то вдруг, мгновенно исчезало ***серьезное и даже несколько угрюмое*** *лицо и являлось другое,* ***- детское, доброе, даже глуповатое и как бы просящее прощения****»* (т. 1: 26).

«Взгляд ***дружеский, ласковый****» [Пьер]* (т. 1: 31).

Ядерной семой всех этих слов является ощущение большого душевного удовлетворения. Тем самым автор выделяет данного героя из числа других. Подобный ряд лексических единиц Л.Н.Толстой использует и при описании членов семьи Ростовых. Автор говорит о *«любовной атмосфере»* (т.3: 100), о *«гостеприимстве и радушии»* (т.3: 105).

«Все семейство, которое строго судил прежде князь Андрей, теперь казалось ему состоявшим из ***прекрасных, простых и добрых*** *людей»* (т. 1: 110).

Слова, входящие в этот ряд выражают положительные эмоции, что является их ядерной семой. Рассмотрим на примере:

«Медлительность ее движений и говора, происходившая от слабости сил, придавала ей значительный вид, ***внушивший уважение****. [о графине Ростовой]* (т.1: 42).

Уважение — почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств (с.810).

«...- послышались ***оживленные*** *женские голоса, перебивая один другой и сливаясь с шумом платьев и придвижением стульев»* (т. 1: 44).

Толстой Л.Н. вводит слово «оживление» в противовес слову «скука», отражающим состояние героев, которые антипатичны автору, дифференциальной семой слова «скука» является состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья. «Оживление» — это состояние живости, выход из состояния вялости, апатии, безразличия (с.438) . Дифференциальной семой слова оживление является состояние живости.

«Уж она и теперь влюблена в Пьера!» - говорит Л.Н. Толстой об одной из своих любимых героинь — Наташе (т.1:50).

Рассмотрим подробней семантическое поле важного чувства для понимания внутреннего состояния героев -любовь. Слово «любовь» представлено в толковых словарях современного русского литературного языка как совокупность трех внутренне связанных значений. При толковании первого значения любовь соотносится с гиперенимом чувство, основу предлагаемых дефиниций составляет ряд аналогов (термин Ю. Д. Апреся-

на), или тематически близких слов, представляющих собой варианты наименования оттенков этого чувства:

«привязанность», «расположение», «симпатия», «склонность». Рассмотрим примеры из текста:

«Они удовлетворяли нравственной потребности больной и людей, ***любящих*** *больную»* (т.4:49).

«Как же я ***любил*** *её! Я делал поэтические планы о любви, и счастии с нею»* (т.4: 190) *[о Наташе Ростовой]*

«Во-первых, я вам правду скажу, она мне ***очень нравится, она по сердцу мне****» [Николай о кн. Болконской]* (т.4: 388).

«Чувство жалости, нежности, любви охватило его» [Андрей Болконский] (т.3: 78).

Во втором значении любовь толкуется как чувство, имеющее определенные основания (семантические компоненты «основанное на», «вытекающее из»), в ряду которых называются общность (интересов, идеалов, дел)., высокая субъективная оценка, или признание достоинств кровное иди духовное родство. В тексте Л.Н.Толстого есть и такие примеры:

«Я испытал то ***чувство любви****, которая есть* ***самая сущность души*** *и для которой не нужно предмета» [кн.Андрей]* (т.4: 358).

«Счастье, находящееся вне литературных сил, вне материальных и внешних влияний на человека, ***счастье одной души, счастье любви****!» [кн.Андрей]* (т.4: 358).

В третьей из предлагаемых словарями дефиниции слова «любовь» в фокусе внимания находятся уже не межсубъектные отношения, но отношения «субъект-объект». Ряд аналогов, выявленный в зоне толкования первых двух словозначений, пополняется за счет включения в него семантических компонентов: *«влечение», «тяготение», «пристрастие», «предпочтение».*

В таком значении слово «любовь» тоже находит отражение в тексте романа, например:

«Да, ***влюблен****, но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас...» [Борис]* (т.1., с.52).

Таким образом, при толковании чувства «любовь» толковые словари русского языка на первое место ставят духовную связь, возникающую между субъектами чувства, в то время как чувственной, физической стороне отводится второе место.

И не случайно чувство любви в романе одно из ключевых, используемых автором для характеристики и развития образа своих персонажей.

В рамках этой работы попытаемся представить, как соотносится семантическое поле слова «чувства» с персонажами, как виртуальными языковыми личностями, ведь в совокупности, по мнению Л.Н.Чурилиной (с.54), эти личностные концепты составят базовый текстовой концент.

Реконструкция индивидуальных концептов поля «чувства», соотнесенных с персонажами романа «Война и мир» как виртуальными языковыми личностями, опирается на ряд последовательно совершаемых процедур:

1. Сплошная выборка текстовых фрагментов включающих значение «чувства».

2. Установление субъективной отнесенности каждого из выявленных фрагментов, то есть определение того, с экспликацией картины мира какого из субъектов внутритекстовой коммуникации функционально связан тот или иной текстовый фрагмент.

3. Анализ особенностей лексического наполнения и лексической организации фрагментов, входящих в состав каждой из субъективных сфер: выявление слов и определение на этом основании состава индивидуальных ассоциативно-семантических полей «чувства» как лексических эквивалентов личностных концептов.

4. Анализ связей и отношений, устанавливающихся между единицами каждого из индивидуальных ассоциативно-семантических полей, и придание полю структуры, отражающей структуру соответствующего личностного концепта.

Персонажи романа условно делятся на два противостоящих друг другу лагеря (данную закономерность отмечают такие исследователи творчества Л.Н.Толстого как С. Г. Баа, П.М.Эйхенбаум). Деление происходит не по социальным меркам, а по категории естественности. Душевный и нравственный облик оказывается для Л.Н.Толстого в центре внимания.

К первой группе, как отмечают исследователи, относятся фальшивые, лживые, лицемерные, «неестественные» герои такие как: А. П. Шеррер (что отмечалось ранее), семейство Курагиных, Вера, Берг и т.д.

Ко второй «любимые автором», «близкие народу», «естественные» герои: семейство Ростовых, Болконских, Пьер Безухов, Платон Каратаев и т.д.

Итак, произведем компонентный анализ лексических единиц, входящих в семантическое поле слова «чувство» где:

«+» - положительное чувство

«-» - отрицательное чувство

«~» - нейтральное чувство

Таблица 1. Чувства, испытываемые «неестественными», отрицательными персонажами романа «Война и мир»

Персонаж	**Слово**	**Дифференциальные компоненты**		
		Мировосприятие	Отношение к окружающим	Самовосприятие
Анатоль Курагин	Добродушное довольство	+	~	+
	Тщеславие	-	-	+
	Недоумение перед мыслью о будущем	-	~	-
Элен	Бессердечие	-	-	~
	Беспокойство	-	~	~
	Довольство	+	~	+
	Гнев	-	-	-
	Досада	-	-	-
Вера, Берг, А.П. Шерр	Неестественность	-	-	~
	Неприязнь	-	-	~
	Ирония	-	-	+
	Подлость	-	-	~
	Притворство	-	~	~

Подход к анализу закономерностей лексической организации художественного текста с позиций моделируемой в нем языковой личности (персонажа), выражающей в «творимых» ею текстах свой «взгляд на мир», позволил выявить несколько вариантов индивидуальных текстовых лексических объединений — семантических полей, которые представляют собой фрагменты индивидуальных лексических систем. «Слово персонажа» как единица индивидуальной лексической системы формирует свою внутритекстовую парадигму, позволяющую говорить о его личностном смысле.

Так, например, Анатоль Курагин как персонаж романа, с точки зрения лексической составляющей несет в себе отрицательную оценку слова «чувство». Нарочитое повторение слов *«бессердечие», «тщеславие», «веселье»* (как пустое времяпрепровождение) оценочным лексическим компонентом *«чуждый мягкости», «жестокий»* могут рассматриваться как средства объективации этой оценки.

Элен Курагина в основном разделяет отрицательную оценку чувства, владеющим братом, также как и другие персонажи, входящие в разряд «отрицательных».

В результате анализа лексических единиц, нашедших свое отражение в выше приведенной таблице, можно сделать вывод об абсолютном превалировании отрицательных чувств в среде рассматриваемых персонажей — 49%-это отрицательные чувства, 29% - это нейтральные чувства и всего 19% - положительные.

Для сравнения рассмотрим теперь лексику, входящую в семантическое поле слова «чувства», относимую к противоположным «любимым» автором персонажам.

Таблица 2. Чувства, испытываемые «естественными», положительными героями романа «Война и мир»

Персонаж	**Слово**	**Дифференциальные компоненты**		
		Мировосприятие	**Отношение к людям**	**Самовосприятие**
Наташа Ростова	Наслаждение	+	+	+
	Волнение	+	~	~
	Радость	+	+	+
	Любовь	+	+	+
	Стыд	~	~	-
	Счастье	+	+	+
Пьер Безухов	Восторг	+	+	+
	Дружелюбие	+	+	+
	Смущение	~	~/+	~
	Благородное чувство	+	+	+
	Чувство виновности	~	~/+	-
Князь Андрей Болконский	Усталость	-	~	~
	Нервное раздражение	-	-	-
	Божеская любовь	+	+	+
	Грусть	~	~	~
	Сострадание	+	+	+

Субъектно-ориентированные текстовые семантические поля как лексические эквиваленты личностных концептов образуют функционально и тематически однородное объединение лексических средств объективации базового текстового концепта , в данном случае семантическое поле «чувства», несущего в себе положительную коннотацию.

Любимая героиня Л.Н.Толстого Наташа являет собой источник положительных чувств в тексте романа.

«*Она возвратилась в это утро опять к своему* ***любимому состоянию, любви к себе и восхищению перед собой****»* (т.2: 540).

Это же чувство любви связывает Наташу с другими героями романа. Княжна Мэри произносит такие слова:

«Мое признание другое, - мое признание — быть счастливой другим счастьем, ***счастьем любви и самопожертвования»*** (т.2: 263).

Говоря о князе Андрее, для характеристики и передачи внутреннего состояния, Л.Н.Толстой тоже использует концепт «любовь»:

«Я испытал то ***чувство любви****, которая есть* ***самая сущность души и для которой не нужно предмета***»— скажет о себе князь Андрей (т.3:358).

Составляющие концепт «любовь» микроконцепты не равнозначны по отношению друг к другу. Наиболее разработаны автором такие как *«деятельная любовь», «любовь к Богу» и «братолюбие» (*что мы видим и из примеров). Эти микроконцепты должны рассматриваться в неразрывном единстве, так как братолюбие есть, по сути, естественное продолжение деятельной любви и являет собой идеальный образец взаимоотношений между людьми. Лексические единицы, входящие в ядерную зону микрополей «деятельная любовь», «любовь к Богу» и братолюбие» в совокупности составляют ядро семантического поля «любовь» и именно они являются основными средствами объективации индивидуального концепта.

Любовь с точки зрения «стоящей за текстом» романа Л.Н.Толстого «Война и мир» личности, относится к разряду не просто важных, но жизненно необходимых чувств: оно не столько смысл человеческого существования, сколько его обязательное условие. Этим определяется отношение к любви как к особому дару, как к показателю ценности человеческой личности.

Будучи чувством сильным, любовь не всегда оказывается подвластной рассудку и вне человека, а потому в равной степени может иметь и не иметь рациональные основания и объяснения.

Естественной основной для истинной любви, будь то любовь родственная или братская, является духовная близость: приоритет духовной связи, духовной близости, утверждаемый в тексте, как бы стирает границы, уничтожает различия между такими рядами любви, как любовь родственная, братская и религиозная. В результате индивидуальный концепт предстает как достаточно четкий «монолитный», отличающийся относительной структурной однородностью.

Таблица 3.

Противопоставление чувств	
Положительные персонажи	**Отрицательные персонажи**
Доброта	Зло
Уважение	Насмешка
Оживление	Скука
Наивность	Притворство
Успокоение	Беспокойство
Детское чувство	Вульгарность
Веселье	Тоска
Решительность	Сдержанность

Из приведенных выше таблиц мы можем сделать вывод, что Л.Н.Толстой противопоставляет чувства, которые испытывают положительные герои (Наташа, Пьер, Андрей Болконский), отрицательным (Шеррер, Элен, Анатоль и др.).

В основу анатомии положен признак «наличие/отсутствие чувства духовного начала». Не всегда можем подобрать антоним одной части речи, но семантика слова позволяет считать одно слово синонимом другого, поскольку в семном составе встречаются идентичные семы.

Литература:

1. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. Очерки по семантике русского глагола. – Уфа: 1971 (учен. зап. Башкирского университета. Вып.43).
2. Вундт В. Психология душевных волнений. Психология эмоций. — М.: 1984.
3. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слов. — Калинин: Калининский гос.ун-т., 1982. —70 с.
4. Звягинцев В.А. Экспрессивно-эмоциональные элементы в значении слова //Вестник Моск.ун-та, 1955.
5. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства //Машинный перевод и прикладная лингвистика. — М.: 1971, вып. 13.
6. Ищук д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке: Автор. дис. … к. филол. н.: СПб., 1995. — 16 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗЪ, 1994.—907с.
8. Гайшина Г.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: изд.-во Саратовское университета. 1981.– 194 с.

Художественная литература:

1. Толстой Л.Н. Война и мир: роман в 4т., т.1,2,3,4. — М.: Сов.Россия, 1991.

И.В. Стекольщикова
Московский гуманитарный педагогический институт, Москва

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ЯЗЫКА, РАСЫ И КОММУНИКАЦИИ ФРАНЦУЗСКИМИ И АНГЛИЙСКИМИ ЛИНГВИСТАМИ-НАТУРАЛИСТАМИ XIX ВЕКА

Французские лингвисты и антропологи Абель Овелак и Оноре Жозеф Шаве, английский филолог и востоковед Фридрих Макс Мюллер, наряду некоторыми другими учеными (Августом Шлейхером), считаются представителями натуралистического направления в языкознании XIX века, которое возникло во многом под влиянием эволюционной теории Чарльза Дарвина и успехов в развитии естествознания.

Рассмотрим терминологическую базу, на которой строит свои научные лингвистические исследования О.-Ж. Шаве. В книге «Les langues et les races» («Языки и расы») (1862) О.-Ж. Шаве исследует индоевропейские и семитические языки в сопоставлении лексических и грамматических элементов (главным образом, местоимений и глаголов). В предисловии он дает определения терминам «язык» и «раса»: «Par race, j'entends une variété primitive de l'espèce humaine»; «Par langue, j'entends l'organisme syllabique primordial dans lequel chaque race a incarné spontanément des produits de son organization intellectuelle particulière» (Chavée 1862: 7). Таким образом, под расой Шаве подразумевает основное различие человеческих видов, а под языком – первичный «слоговой организм», в котором каждая раса содержит продукты своей особой интеллектуальной организации.

Иными словами, согласно Шаве, каждый язык есть не что иное, как естественное анатомо-физиолого-психологическое дополнение к человеческому организму: «Ainsi, chaque langue n'est qu'un complement naturel de l'organisation humaine anatomiquememt, physiologiqument et psychologiqument spécialisée dans chaque race» (Chavée 1862: 7). Таким образом, мы можем увидеть черты натуралистического понимания языка, которое впоследствии Абель Овелак усилит, когда придет к пониманию лингвистики как естественной дисциплины, в частности, под влиянием работ Августа Шлейхера.

В своей книге «La linguistique» («Лингвистика») (1876) Абель Овелак (1843-1896), утверждает, что если филология считается наукой исторической, то лингвистика – наукой естественной: «La linguistique est une science naturelle, la philology une science historique» (Hovelaque 1881: 1). Он дает следующее определение лингвистике: «L'étude des éléments constitutifs du langage articulé et des formes diverses qu'affectent ou peuvent affecter ces éléments» (Hovelaque 1881: 4). Другими словами, лингвистика – это «двойное изучение о фонетики и структуры языков»: «la linguistique est la double étude de la phonétique et de la structure des langues» (Hovelaque 1881: 4). Из этого следует, вывод ученого о том, что к лингвистике следует отнести, главным образом,

фонетику и морфологию, а другие уровни языка – к филологии. Об этом же писал и Август Шлейхер, распределяя морфологию в ряды лингвистических дисциплин, а синтаксис и стилистику – филологических.

Фридрих Макс Мюллер (1823-1900) в своих «Lectures on the science of language» («Лекциях по науке о языке») (1861-1864) также противопоставляет филологию и лингвистику, называя последнюю «сравнительной филологией», или «наукой о языке», что соотносится с взглядами Августа Шлейхера, утверждающего, что лингвистика может быть только сравнительной, а филология – специальной. По мнению Макса Мюллера, любая филология – историческая наука: «philology, weather classical or oriental, weather treating of modern, of cultivated or barbarous languages, is a historical science» (Müller 1871: 4). Язык в этом случае употребляется только как средство. В то время как в сравнительной филологии (лингвистике) языки употребляются не как «средство», а язык сам по себе становится «единственным предметом научного исследования»: «In the science of language, languages are not treated as a mean; language itself becomes the sole object of scientific enquiry» (Müller 1871: 24). Наука о языке, согласно М. Мюллеру, изучает происхождения языка, его свойства, законы. Об этом же говорит и А. Шлейхер. А филология находит материал лишь там, где имеется литература. Для языкознания же литература, по мнению ученых, имеет значение только как вспомогательный материал.

Как представитель натуралистического направления языкознания, Абель Овелак выступает за применение естественнонаучных методов в лингвистике. О том же говорит и Макс Мюллер: «I always took it for granted that the science of language, which is best known in this country by the name of comparative philology, is one of the physical science, and that therefore its method ought to be the same as that which has been followed with so much success in botany, geology, anatomy, and other branches of the study of nature» (Müller 1871: 23).

Макс Мюллер, однако, в отличие от Августа Шлейхера, не поддерживает мнение о том, что язык есть живой организм: «To speak of language as a thing by itself, as a living life of its own, as growing to maturity, producing offspring, and dying away, is sheer mythology» (Müller 1871: 44). Абель Овелак же склонен согласиться с Августом Шлейхером в этом вопросе: «Les langues en effet naissent, croissent dépérissent et meurent comme touts les êtres vivant. Elles ont passé tout d'abord par une période embrionnare, elles etteignent un complet developpement et sont livrées, en fin du compte, à la métamorphose régressive» (Hovelaque 1881: 9).

Макс Мюллер апеллирует к тому, что язык не имеет самостоятельного бытия, а существует и функционирует в человеке. По его мнению, язык был изобретен человеком как средство коммуникации и выражения мыслей, поэтому не может считаться независимым организмом: «it lives in being spoken, it dies with each word that is pronounced, and is no longer heard» (Müller 1871: 52).

По мнению А. Овелака, язык появился одновременно с появлением человека, однако развивается он самостоятельно (что противоречит приведенному выше мнению М. Мюллера): «On ne fabrique pas le système linguistique; il se forme et développe de lui-même, par degrès, petit à petit, mais il est né en même temps qu'est né l'homme individu, mais l'homme pris dans le sens général, le groupe humain, s'il on veut» (Hovelaque 1881: 36). Таким образом, А. Овелак подхватывает мысль А. Шлейхера о том, что наши предки сделались людьми в тот момент, когда образовалась их речь, то есть стала возможна коммуникация, благодаря развитию органов речи и мозга. «La linguistique, comme toutes les sciences naturelles nous force à admettre que l'homme s'est développé de formes intérieures; qu'il est devenu homme, mais qu'il est né homme par un coup de baguette quelconque» (Hovelaque 1881: 36).

По мнению О.-Ж. Шаве, люди выражают свои мысли на языке в процессе коммуникации в соответствии со своей манерой чувствовать и понимать, которая едина для представителей одной расы. Поэтому, «какова раса, таков и язык», и наоборот: «Telle race, telle langue, et telle langue, telle race» (Chavée 1862: 7).

Одна раса не может создать два языка, - полагает Шаве: «Une seule race ne pouvait crée deux langues» (Chavée 1862: 8); а два совершенно разных языка подразумевают две различные расовые вариации. Это мнение противоречит взглядам Абеля Овелака: «Des races différantes parlent souvent une seule et même langue, de même qu’une seule et même race peut souvent parler plusieurs langues différantes» (Hovelaque 1881: 420) – «Разные расы часто говорят одним языком, как и одна раса может говорить разными языками» (Овелак 2009: 311). В качестве доказательств Абель Овелак приводит арабский язык, который служит родным в Азии и Африке народам, не принадлежащим к семитической расе; язык суоми, на котором говорят и финны, и лапландцы, относящиеся к разным расам. В Океании, как указывает ученый, на многих островах папуасы приняли языки малао-полинезийского семейства. С другой стороны, встречаются и случаи языкового разделения внутри одной расы: часть басков говорит по-эскуарски, другая – по-испански; часть бретонцев осуществляют коммуникацию по-французски, другая сохранила кельтское наречие; часть финнов говорит на суоми, но некоторые представители Финляндии – по-русски и т.д. (Hovelaque 1881: 418-420).

Ученые натуралистического направления придают большое значение диалектам и бесписьменным языкам, являющимся, по их разумению, не менее важным объектом исследования, чем литературные языки, поскольку служат основным средством коммуникации у многих народов. Об этом говорят и А. Шлейхер, и А. Овелак, и М. Мюллер: «It is not the study of one language, but many and in the end of all, which forms the aim of this new science, nor is the language of Homer of greater interest in the scientific treatment of human speech, than the dialect of Hottentots» (Müller 1871: 85). Более того, подлинная жизнь языка, по мнению ученых, дана в диалектах, жиз-

неспособность и богатство диалектов свидетельствуют о жизнеспособности и богатстве самого языка: «The real and natural life of language is in its dialects and in spite of the tyranny exercised by the classical or literary idioms, the day is still very far of which is to see the dialects, even of such classical languages as Italian and French, entirely eradicated <…> Dialects have always been the feeders rather than the channels of a literary language; anyhow they are parallel streams which existed languages…» (Müller 1871: 52-55). А сознательное искоренение диалектов, полагает Макс Мюллер, неизбежно приведет к замедлению развития языка: «Remove a language from its native soil, tear it away from the dialects which are the feeders, and you arrest at once its natural growth. There will still be the progress of phonetic corruption, but no longer the restoring influence of dialectic regeneration» (Müller 1871: 68).

Предложенные Абелем Овелаком, О.-Ж. Шаве и Максом Мюллером гипотезы подверглись существенной доработке впоследствии. Однако некоторые их идеи легли в основу современных лингвистических теорий.

Литература:

1. Мюллер, Фридрих Макс. Лекции по науке о языке. Перевод с английского. Изд. 2-ое, доп. М.: Либроком, 2009. – 314 с.
2. Овелак, Абель. Лингвистика. Перевод с французского. Изд. 2-ое, доп. М.: Либроком, 2009. – 328 с.
3. Chavée, Honoré Joseph. Essai d’étymologie philosophique ou Recherches sur l’origine et les variations des mots qui experiment les actes intellectuels et moraux. Bruxelles: Meline, 1844. – 261 p.
4. Chavée, Honoré Joseph. Les langues et les races. Paris: Chamerot, Libraire-éditeur, 1862. – 64 p.
5. Hovelaque, Abel. La linguistique. 3-ème éd. Paris: C. Reinwald, Librarie d'éditeur, 1881. – 436 p.
6. Müller, F. Max. Lectures on the science of language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green and Co, 1871. – 371 p.

Н.П. Степанова
Иркутский государственный лингвистический университет, Иркутск

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Время – философская и общенаучная категория, в которой нашло выражение разнообразие представлений о Времени: длительность существования и мера изменений материи, внутренняя характеристика души, абсолютная длительность, порядок последовательности состояний, форма упорядочивания комплекса ощущений, априорная форма чувственного со-

зерцания, форма бытия материи, выражающая длительность и последовательность изменений (СФТ 2005: 92-94). А.Я. Гуревич отмечает, что человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит (Гуревич 1984: 32). Данное положение подтверждается анализом временных понятий, различий в восприятии времени в разные исторические эпохи. Первобытные люди, например, воспринимали мир как нечто раз и навсегда данное и неизменное. Они представляли время лишь как границы жизни и не придавали ему социального значения, не фиксировали его как определённые этапы своей жизнедеятельности. Само восприятие времени связывалось с событиями, имевшими место в жизни рода или племени (СФТ 2005: 535). Так, символом древнеиндийского понимания времени является колесо, которое извечно движется и означает постоянно возобновляющийся круговорот рождения и смерти (Коломинский 1990: 9). В античном мире время получает и абстрактный характер, т.е. оно оценивается независимо от конкретных событий и явлений. Люди начинают осознавать связь настоящего, прошлого и будущего, создают календари и приспособления для измерения времени (солнечные часы, водяные часы, песочные часы). Однако изменение представлений о времени происходит у разных культур неодинаково. В. Демидов указывает на представление времени, которое было выявлено этнографами в двадцатых годах XX века при изучении быта народов Севера. Так, чукчи не могли ответить на вопрос «сколько тебе лет?», так как не придавали значения хронологии. Подобное было отмечено этнографами и на севере европейской части России, где живут марийцы, чуваши, коми. Для жителей отдалённых селений «вехами времени» были не годы, а события: мор, война, неурожай и т.п., то есть то, что называется хронологией, не было для них значимым (Демидов 1998).

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны, то есть концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры (Лакофф, Джонсон 2004: 27). Основой метафор является физический и культурный опыт, который предоставляет множество различных оснований и то, «какие их этих оснований станут базовыми, варьируется от одной культуры к другой» (Лакофф, Джонсон 2004: 41-42).

Время относится к концептам, которые структурированы в терминах других концептов, прежде всего, в пространственных понятиях. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается, дифференцируется человеком и получает языковое означивание, при этом языковое воплощение получают различные характеристики пространства. Нельзя сказать, что временные понятия базируются только на пространственных представлениях. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, допускается множественность моделей времени, присутствующих в обыденном сознании людей и отражённых в языке (Арутюнова 1999: 687-716).

Рассмотрим механизм концептуализации временных понятий посредством представлений о пространстве. Пространственая ориентация «внутри-снаружи» лежит в основе метафоры вместилища. Человек, как физическое существо, воспринимает себя как вместилище, ограниченное поверхностью тела; остальной мир воспринимается как находящийся вне него (Лакофф, Джонсон 2004: 54-55). Эта ориентация переносится человеком и на временные понятия. Как можно представлять себя внутри некоего пространства и за его пределами, так и внутри времени и за его пределами. В русском и французском языках мы находим тому подтверждение: *(1) On se croirait* ***hors du temps*** *! (M. Chapsal) ; (2) Edouard Maligrass, son neveu, était le prétexte qu'Alain eût trouvé pour voir Béatrice* ***en dehors du lundi*** *(F. Sagan) → Эдуард Малиграсс, его племянник, оказался подходящим предлогом для того, чтобы увидеться с Беатрис* ***помимо понедельника*** *(Ф. Саган)*. В приведённых примерах употребляются конструкции «*hors de – вне/en dehors de – вне, помимо + сущ.».* Достаточно частотным является сочетание *«вне времени и пространства»* : *(3) Dans cet abri à l'écart, Rose se sent* ***hors du monde*** *et* ***du temps****, nul ne peut l'atteindre, elle est seule avec elle-même (M. Chapsal).*

Во французском языке употребляется слова *"espace – пространство; промежуток"* в сочетании с существительным, которое передаёт временное понятие: *(4) D'habitude, quand Daniel s'absente* ***l'espace de quelques jours****, Rose en profite pour se livrer à des activités bien féminines : coiffeur, manucure, courir les soldes, voir ses copines, changer les meubles de place (M. Chapsal) ; (5)* ***En l'espace de deux ans*** *j'avais tenté d'oublier le quotidien de la guerre (D. Daeninckx) ; (6)* ***L'espace d'un instant****, je me dis qu'il avait sa tête des mauvais jours (A. Nothomb).* Как показывают примеры, *"espace"* сочетается с разными существительными (*год, день, минута, секунда, мгновение*). При переводе на русский язык временного понятия как *«пространство-вместилище»* может опускаться или передаваться семантикой глагола, например: *(7) Elle n'eut pas le courage de se déshabiller et songea,* ***l'espace d'une seconde****, à mourir sur-le-champs (A. Gavalda) → В какое-то* ***мгновенье*** *она подумала, что сейчас умрёт (А. Гавальда); (8) – Разве такое могло* ***вместиться в два месяца*** *? Хотя я забыл – это же семнадцать лет, а не два месяца (А. Вайнер, Г. Вайнер) → – Est-ce que tout cela a pu arriver* ***dans l'espace de deux mois*** *? Ah non, au fait pas deux mois, mais dix-sept ans (A. Weiner, G. Weiner).*

Представление о временном интервале как вместилище подчёркивается во французском языке конструкцией «существительное временной семантики + **où**» по аналогии с конструкцией «существительное пространственной семантики + **où**» : *(9) – Vous lisez les journaux ? –* ***Les soirs où*** *les malfaiteurs m'en laissent le loisir (G. Simenon) → – Вы читаете газеты? – В те* ***вечера, когда*** *преступники оставляют мне для этого время (Ж. Сименон); (10) – Vous savez, Léon, que c'est* ***le jour où*** *je porte des violettes à mon*

*amoureux (A. Maurois) → – Вы же знаете, Леон, **в этот день** я всегда ношу фиалки моему другу (А. Моруа).* Конструкция «существительное временной семантики + **où**» переводится на русский язык чаще всего при помощи наречия *“когда”*.

Подобно тому, как в пространстве вычленяются объекты, имеющие определённые размеры, местоположение и т.п., временные понятия предстают как дискретные объекты, характеризующиеся в терминах пространства. И в русском и во французском языках имеются временные понятия, происходящие от одних пространственных характеристик. Рассмотрим случаи совпадений и расхождений.

В русском языке наблюдается тенденция оперировать временными понятиями большими по объёму, во французском языке, наоборот, временными понятиями меньшего объёма : *(11) – Quel **après-midi**, dit-il, presque malgré lui, quel **après-midi** (F. Sagan) → – Ну и **денёк**! – вырвалось у него. – Ну и **денёк**! (Ф. Саган) ; (12) Il fit quelques pas et se trouva comme transporté dans **une journée de printemps** (Alain-Fournier) → Он прошёл несколько шагов, и ему показалось, что наступила **весна** (Ален-Фурнье) ; (13) И через **некоторое время** всё кончилось (В. Набоков) → **Une seconde** plus tard, tout était fini (V. Nabokov) ; (14) **Au moment de l’apéritif**, ils étaient une dizaine de la « maison » dans la salle (G. Simenon) → **К часу аперитива** в зале собралось до десятка сотрудников «конторы» (Ж. Сименон).* В данных примерах меньшие по объёму понятия во французском языке *“après-midi – вторая половина дня, une journée de printemps – весенний день, une seconde – секунда, le moment – миг, мгновение, момент, минута, un instant – мгновение, миг”* передаются в тексте на русском языке словами, имеющими бóльший объём во временном отношении *«денёк, весна, некоторое время, час аперитива»*.

Представление временных понятий как линия (‘*линейность*’, ‘*череда*’) имеет разнообразные средства выражения, при этом временные понятия представлены как непрерывная линия, либо как линия, состоящая из точек. Первый случай может быть проиллюстрирован следующими высказываниями: *(15) Huit jours, **c’est très long**... (G. des Cars); (16) **Потянулись длинные,** тяжёлые **дни** (А.Н. Степанов).*

Второй случай, представление как линии, состоящей из точек, наблюдается при реализации значений *‘череда’, ‘ряд’*, где есть первый, второй, следующий, последний и т.п.: *(17) Elle **comptait les jours** qui la séparaient de la Noël : **trois semaines encore** ! (H. Troyat); (18) **Le quatrième jour** il alla ouvrir seul la porte du frigidaire (F. Mallet-Joris); (19) Человек этот был чрезвычайно ленив и грязен, славился тем, что мог, забравшись куда-нибудь за двойной борт, проспать **тридцать часов подряд** (А.С. Новиков-Прибой); (20) **Проходил час за часом**, жара всё усиливалась, а поиски ни к чему не приводили (А. Беляев).*

Следует отметить, что реализация значений *‘череда’*, *‘ряд’,* особенно *‘непрерывная линия’* получило большее распространение во французском

языке. Данное понятие выражается при помощи оборота *‘le long de, au long de – вдоль’*, а также прилагательного ‘*long, longue – длинный*’ и его производных (*longuement, longtemps*) : *(21) Jean Bedford s’était habitué à voir sa femme* ***tout au long des années****, satisfaite, ne réclamant rien de plus à ses côtés (Lol V.Stein) ; (22) Il est presque deux heures et on a une* ***longue*** *journée demain (A. Gavalda).*

Понятие *‘открытое/закрытое пространство‘ п*редставлено в обоих языках. Значение закрытого передаётся при помощи *‘весь, всё – tout’* + существительное, обозначающее временное понятие, прилагательных таких как *‘целый’, ‘круглый’ – ‘entier,ère’*: *(23) Работы продолжались* ***всю ночь*** *(А.Н. Степанов); (24) Сорок учебных патронов на солдата за четыре года службы полагалось! Зато «ура» кричать да приветствовать начальство учились* ***круглые сутки****, – жаловался Енджеевский (А.Н. Степанов); (25)* ***Des heures entières****, sur la terrasse, au chant de la mer, ou bien, le soir, dans sa chambre, il me demandait de lui lire des poèmes de Victor Hugo, de Baudelaire, de Verlaine, de Maeterlinck (O. Mirbeau).*

Однако чаще всего временное понятие представлено как пространство с неопределёнными границами, т.е. границы подразумеваются, но чётко не обозначены. Подобное значение может имплицитно присутствовать в самом наименовании времени, либо эксплицитно передаваться сочетаниями с *‘некоторый’, ‘несколько’* : *(26) Японцам* ***потребовалось несколько часов****, чтобы привести свои части в порядок и подготовиться к новому штурму (А.Н. Степанов); (27) Et nous avons causé,* ***quelque temps****, presque amicalement (O. Mirbeau).*

Реализация понятия *‘центр/периферия’* тесно связана с представлением временного понятия как некоего пространства или линии, где подразумевается *‘начало/середина/конец’, ‘первый/последний’*: *(28) Хороша задача – охранять двести вёрст берега. При этом ещё немедленно, по тревоге,* ***среди ночи****, неизвестно где, – недовольно ворчал Фок, поднимаясь с места (А.Н. Степанов); (29) On arrivera ainsi* ***au milieu de la nuit*** *(M. Chapsal); (30) A quelle heure il a tué Perez ? Le client ne sait pas au juste,* ***au début de l’après-midi qui se termine*** *en ce moment (M. Duras); (31)* ***Au bout d’une heure*** *à peu près, il lui demanda s’il pouvait lire (A. Gavalda).*

Понятие *‘близко/далеко’* представлено в обоих языках в равной степени и имеет симметричные средства выражения: наречия *‘близко / далеко – loin, pas loin’*, прилагательные *‘близкий/далёкий – proche, prochain, lointain’ : (32) Было* ***далеко за полдень****, когда приступили к погрузке (А.С. Новиков-Прибой); (33)* <u>*Demain*</u> *?* ***C’est loin****,* <u>*demain*</u> *! Pourquoi parles-tu toujours de demain ? (G. des Cars); (34) Il pressentait des moments* ***d’un passé lointain*** *et les souvenirs* ***les plus proches*** *revivaient eux aussi (R. Sabatier).*

Получает означивание и понятие *‘направления/ориентация’*. В ряде случаев наблюдается симметрия, которая проявляется в употреблении одних и тех же предлогов, таких как *‘vers – к’, ‘entre – между’, ‘devant – пе-*

ред, впереди' и другие: *(35)* ***К десяти часам*** *оба будем дома, – уверял он (А.Н. Степанов); (36)* ***Vers le milieu du mois d'août 1915****, Amélie commença raisonnablement à attendre son arrivée en permission (H. Troyat); (37) Il doit être* ***entre six et sept heures du soir*** *(M. Duras); (38) Elle avait* ***un an de plus devant elle*** *(M. Duras)* → ***Впереди у неё оказался год*** *(М. Дюрас).*

Однако зачастую одному понятию одного языка соответствуют несколько понятий другого языка, как *'около – aux alentours de, aux environs de, vers, près de' : (39)* ***Было около шести часов вечера*** *(А.Н. Степанов); (40) Il situait l'heure de la mort* ***aux alentours de onze heures et demie*** *pour quatorze des sujets et* ***minuit et demi*** *pour le majordome (Blackshore); (41) C'était* ***aux environs de quatre heures*** *(M. Duras) ; (42) Il était* ***près de vingt-deux heures*** *(A. Gavalda).*

В русском и французском языках имеется модель времени, в основе которой представление о воде и её качестве «текучесть». Например: *(43) Les semaines* ***s'écoulèrent*** *(A. Nothomb) ; (44)* ***В течение дня*** *батарея по нескольку раз открывала огонь и сама часто подвергалась обстрелу (А.Н. Степанов) ; (45) À son avis, il n'y a que quelques tuiles déplacées et si on lui laisse les clés, il viendra les remettre en place* ***dans le courant du mois*** *(M. Chapsal) ; (46) Неумолимые часы при свете папиросы показывали, что* ***истёк*** *всего* ***час****, как Андрюша вступил на вахту, а впереди ещё три долгих часа (А.Н. Степанов).* Примеры показывают, что наибольшее распространение данная метафора нашла в русском языке. Сопоставительный анализ оригинального произведения и его перевода выявляет в большинстве случаев несовпадение используемых выражений: *(47)* ***Une heure durant****, les prières, les sommations, les menaces de placement en maison de correction se succèdent (H. Bazin)* → ***В течение целого часа*** *следуют друг за другом мольбы, требования, угрозы отдать меня в исправительную колонию (Э. Базен) ; (48) И не было видно этому ни конца ни края, потому что* ***пятнадцать лет текут*** *очень медленно… (А. Вайнер, Г. Вайнер)* → *Elles semblaient* ***interminables****, car quinze ans,* ***c'est très long****... (A. Weiner, G. Weiner).* В приведённых примерах представление времени, переданное на французском языке, основано на понятии *«линия»*, в русском варианте – на понятии *«вода»*.

Как уже отмечалось, в основе концептуализации времени лежат не только метафоры пространства. Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на то, что человеческий опыт обращения с физическими объектами и веществами формирует понимание опыта в терминах объектов и веществ. Опыт обращения с материальными объектами создаёт основу для широкого разнообразия метафор, т.е. способов восприятия событий, деятельности и т.п., как материальных сущностей (Лакофф, Джонсон 2004: 49).

Изученные нами примеры свидетельствуют о достаточно подвижной метафоризации временных понятий, т.е. легко появляются метафоры времени на разных основах (пространственных характеристиках, в терминах объекта и вещества, в терминах живых существ и т.п.) в русском и французском языках.

Замеченные отличия связаны с отбором пространственных характеристик для передачи временных понятий. Так, в русском языке присутствует модель вертикального положения в пространстве: предлоги «на», «под», выражение «до глубокой ночи», которая не представлена во французском языке. Расхождения наблюдаются и в широте распространения метафор. В русском языке получила большее распространение метафора времени, в основе которой *‘вода’*, а во французском – *‘непрерывная линия’*.

Выделение базовых метафоры, дальнейшее их распространение, варьируется от одной культуры к другой. Метафорическое представление основных концептов отдельно взятой культуры согласуется с культурными ценностями, что проявляется в определённых языковых и поведенческих привычках и нормах, принятых в данной культуре.

Литература:

1. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. – М., 2005.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
3. Коломинский Я. Л. Беседы о тайнах психики. – Минск, 1990.
4. Демидов В. Время хранимое как драгоценность. – НиТ. Раритетные издания, 1998: <http://www.n-t.org/ri>
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. англ.; под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М., 2004.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.

Н.В. Трошина
Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского, Брянск

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ НАРОД» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Историософия и социальная философия славянофилов, оформившиеся в полемике с западниками, содержат ряд характерных ключевых концептов, среди которых особое место занимает концепт «Русский народ». Однако в подходах И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и других представителей славянофильства к определению понятия «народ» заметна двойственность. С одной стороны, «народ» выступал у славянофилов как отвлеченное понятие, которым они оперировали в своем учении. В результате, абстрагируясь от исторических реалий, идеологи славянофильства рассматривали русский народ как некий постоянный «набор идеальных качеств», т.е. выделяли в нем неизменную «духовную сущность», субстанцией которой выступали православие и общинность (Шапошников 1992: 48). С другой стороны, славянофилы обращались к конкретному, современному им русскому

народу, которому они искренне желали помочь. Но во всех своих «построениях славянофилы всегда исходили из чувства горячей любви к народу» (Бродский 1910: LIX).

В общественной мысли второй четверти XIX века прочно укрепилось убеждение, что историческая жизнь народа определяется некой духовной «субстанцией», вложенной в него свыше. Результатом подобного представления явился интерес к психо-социальным свойствам нации. Представители славянофильства также стремились найти то непреходящее, вечное начало, которое составляет духовную «субстанцию» русского народа как нации.

Представления славянофилов о главных чертах народного характера отразились в семантических компонентах концепта «Русский народ», основными репрезентантами которого в текстах статей славянофилов выступают атрибутивные сочетания русский народ, русский человек (русские люди), русский характер, лексема русские.

Одним из основных в содержании концепта «Русский народ» у славянофилов является признак «истинно христианский»: «Но чего же хочет Русский народ для себя?…он, как народ христианский, избирает для себя… путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову…» (Аксаков 1910: 72-73); «…Русский народ…это народ христианский в настоящем смысле этого слова, постоянно чувствующий свою греховность» (Аксаков 1861: 19). Именно православная вера, по мнению славянофилов, стала для русского народа «главным основанием всего в жизни» (Аксаков 1861: 20). Из этого свойства проистекают «духовные сокровища» русского народа: терпение, простота и смирение.

Весьма значимым в содержательной структуре концепта «Русский народ» оказывается компонент «смирение»: «Смирение, в настоящем смысле несравненно большая и высшая сила духа, чем всякая гордыня, доблесть. Вот с какой стороны, со стороны христианского смирения, надо смотреть на русский народ» (Аксаков 1861: 18). Смирение в славянофильском контексте предполагает не покорность властям, а духовное самосредоточение нации, способность не измерять себя, внутренний состав своей жизни внешними критериями; это смирение народа перед своей исторической ролью, свободное, духовно осмысленное принятие своей судьбы. Для славянофилов смирение – это не признание собственного бессилия, что граничит с отречением. Истинное смирение заключено в осознании народом святости и величия закона нравственного или духовного, которому он подчиняется, с одновременным признанием того, что этот закон проявлен им не в полной мере. «Такое смирение велико; такое самоосуждение внушает уважение… другим народам» (Хомяков 1988: 87).

Особенными, совершенно русскими народными чертами славянофилы считали также «простоту» и «скромность»: «Эта простота, о которой, может быть, ни один народ мира не имеет понятия, и есть свойство

русского народа. Все просто, все кажется даже меньше, чем есть. Невидность – это тоже свойство русского духа» (Хомяков 1988: 157); «Русский народ не любит становиться в красивые позы» (Аксаков 1861: 18).

На религиозности русского народа основывается и его «стремление к цельности духа»: «Не так человек русский… во время подвига молитвенного он особенно старается сохранить трезвый ум и цельность духа… русский человек каждое… дело свое всегда связывал … с высшим понятием ума и с глубочайшим средоточием сердца» (Киреевский 1911: 211). А «цельность духа» порождает «приоритет духовных ценностей»: «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд» (Киреевский 1911: 232).

По мнению славянофилов, русский народ стремится к созданию истинного общества, в основании которого находится народная община, союз, основанный на понятии естественного и нравственного братства, подчинении интересов личности общим интересам. Поэтому в содержании концепта «Русский народ» важным является признак «общинность»: «…особенность русского характера… заключалась в том, что никакая личность… никогда не искала выставить свою самородную особенность как какое-то достоинство; но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением быть правильным выражением… духа общества» (Киреевский 1911: 214).

Актуализируется в дискурсе славянофильства и такой признак концепта, как «негосударственность»: «Русский народ есть народ негосударственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия» (Аксаков 1910: 69); «…первый вывод из истории и свойства русского народа есть тот, что это народ негосударственный, не ищущий участия в управлении…не имеющий …в себе никакого политического элемента» (Аксаков 1910: 72). По мнению славянофилов, русский народ ищет не политической, а нравственной свободы, свободы духа.

Русский народ казался славянофилам благочестивым, богобоязненным, стремящимся уйти от социальных потрясений, войн и революций; ему свойственно мистически-созерцательное отношение к жизни, духовное самоуглубление, позволяющее противостоять иноземному влиянию. Славянофильские представления о русском народе идеалистичны по своей сути. Но при этом романтизм славянофилов не был следствием незнания народа. Это была концепция, основанная на сознательном отвержении действительности: славянофилам был интересен народ в своей идеальной ипостаси.

Литература:

1. Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855г. // Ранние славянофилы. – М., 1910. С. 69-96.
2. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. – М., 1861.
3. Аксаков К.С. Письма К.С. Аксакова к Н.В. Гоголю // Русский архив. 1890. Вып. 1. С. 152-159.
4. Бродский Н. Славянофилы и их учение // Ранние славянофилы. А.С. Хомяков И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. – М., 1910. С. IX-LXV.
5. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. 1.– М., 1911.
6. Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. – М., 1988. – 462 с.
7. Шапошников Л.Е. Русская религиозная философия XIX-XX веков. – Н.Новгород, 1992. – 222 с.

Т.Н.Федуленкова, И.В.Антонова
Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Северодвинск

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АПОКОПА В КОНТЕКСТЕ

Многокомпонентные, или как пишет А.В. Кунин, «длинные» пословицы, т.е. пословицы, состоящие более чем из десяти слов, имеет тенденцию устаревать (Кунин 1996: 340).

Изучение контекстуального употребления пословиц как коммуникативных фразеологических единиц (Кунин 1970: 326) (КФЕ) обращает внимание исследователя фразеологии на возрастающую роль клиппированных КФЕ в дискурсе (Федуленкова 2000: 85). Весьма распространенными в литературе являются дериваты коммуникативных фразеологизмов с усечением конечных компонентов исходной пословицы. Этому явлению был присвоен термин ***апокопа*** (Федуленкова 1996: 123): *a burnt child < A burnt child dreads the fire*, например:

A burnt child *urged by rankling ire Can hardly wait to get back to the fire.* (Nash)

Отметим, что апокопированная КФЕ может употребляться в чистом виде, как в примере, приведенном выше, а может подвергаться квантитативному расширению посредством введения эпитета в прагматических целях, в данном случае для усиления экспрессивно-эмоциональной оценки ситуации: *a (pretty) good beginning < A good beginning makes a good ending*, например:

"Catherine" – Fraser hesitated – "you don't really know much about Larry, do you?" Catherine felt her back stiffening. "I know I love him, Bill," she said evenly, "and I know that he loves me. That's ***a pretty good beginning****, isn't it?"* (Sheldon)

В апокопированных КФЕ наблюдается также варьирование именного компонента. Так, чтобы усилить коммуникативную валидность фразеологизма *ill-gotten goods < Ill-gotten goods never prosper*, автор заменяет ком-

понент *goods* компонентом *gains*, который является более емким по номинативному значению, обозначая не просто вещи, а приобретенные вещи. В рассматриваемом случае эта замена производится автором для того, чтобы подчеркнуть несправедливость отношения к Барнуму как к "получающему возмездие за дурно содеянное":

*Worst of all, as with the book, were the preachers and moralists who announced that Barnum was getting just retribution for his '**ill-gotten gains**'. This, when he had labored day and night for what was achieved and deserved.* (Wallace)

Вариация компонента апокопированной КФЕ может происходить за счет менее сильного по эмоциональному воздействию компонента. Так, контекстуальное употребление стилистически нейтрального глагола *throw* вместо глагольного компонента *fling*, определяемого в толковых словарях как *throw violently* (Hornby 1970: 380), *throw wildly* (Harrap 1983: 185), произведено автором высказывания намеренно с целью подчеркнуть ясность суждения и наличие здравого ума у своего персонажа: *fling (throw) dirt (mud) < Fling dirt enough and some will stick,* например:

*Why, of course you damn yourself. But I suppose that's in your programme. You propose **to throw mud** at us; you believe, that some of it may stick. We know, of course, it can't, – explained the marquis in a tone of conscious lucidity.* (James)

Поликвантитативное расширение апокопированных пословичных фразеологических единиц за счет адъективного *(best)*, номинативного *(cakes)* и адвербиального *(as well as)* компонентов наблюдается редко, но является результативным в стилистическом плане. В анализируемом контекстуальном примере описываемое окказиональное употребление апокопированной пословицы дает возможность автору в оригинальной манере подтвердить мысль о том, что о ценности планов и теорий судят по тому, как они осуществляются на практике: *the proof of the pudding / best proof of cake as well as pudding < The proof of the pudding is in the eating,* о чем, например, у В. Скотта читаем:

*The breakfast was served, and the thin, soft cakes, made of flour and honey according to the family receipt, were not only commended with all the partiality of a father and a lover, but done liberal justice to in the mode which is **best proof of cake as well as pudding**.* (W. Scott)

Сопоставительный анализ контекстуального материала свидетельствует о том, что апокопа пословицы без вариативных изменений компонентов употребляется в качестве аллюзии, то есть, намека на известные обстоятельства. В рассматриваемом случае – это обычные жалобы старых дам на свои болезни: *a creaking door < A creaking door hangs long on its hinges,* например:

*The dear old lady is always ailing, more or less, but there is never much the matter – **a creaking door**, you know the sort; only Neville always makes the worst of it.* (Carey)

Использование лексического варианта *gate* вместо номинативного компонента *door* производится автором с целью подчеркнуть необычность ситуации, неожиданность поворота событий или сюжетной линии. В рассматриваемом случае такой прием используется для того, чтобы живописно обрисовать вдруг обнаружившуюся после болезни способность Брука прожить долго:

Brook, I had always felt, would not live to be old. Perhaps that is wrong; after this last illness one thinks of ***the creaking gate****.* (Graham)

В качестве апокопы коммуникативной фразеологической единицы могут выступать придаточные предложения *(while there is life < While there is life, there is hope)*, сообщая высказыванию некоторую незаконченность или подчеркивая особую остроту ситуации, например:

"Don't you want to speak to your wife?" The thin voice was decided. "Not me ... She'll have her chance later, won't she?" "Yes, yes," one of the strangers said and he became very cheerful and encouraging. "Don't you worry too much. ***While there's life****..." And suddenly his father tried to laugh."* (Greene)

Окказиональное употребление определения к номинативному компоненту апокопы КФЕ, выраженному даже стилистически нейтральным адъективным компонентом, значительно усиливает экспрессию всего фразеологизма в целом. Так, использование стилистически нейтрального прилагательного *real (that is precisely what its name implies* (Webster 1986: 1890) в пословичной апокопе *Jack of all trades < Jack of all trades is master of none* служит для выражения мысли об абсолютном восхищении персонажем со стороны его собеседницы:

Coming back from the scullery he seated himself opposite, took out a pair of old trousers to mend. "You're ***a real Jack-of-all-trades****," she said.* (Sillitoe)

Сохранение формы придаточного предложения не умаляет коммуникативной валидности КФЕ и их экспрессивности:

"Don't you worry too much. While there is life..." And suddenly his father tried to laugh. (Greene)

Подводя итоги нашим наблюдениям, отмечаем, что фразеологическая апокопа широко применяется в английском контексте для создания определенного стилистического эффекта. Это свидетельствует о том, что сокращение компонентного состава коммуникативных фразеологических единиц служит одним из способов продления их жизни в языке.

Литература:

1. Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: , 1970.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. Дубна, 1996.
3. Федуленкова Т.Н. Английская фразеология: Курс лекций. – Архангельск, 2000.

4. Федуленкова Т.Н. Пословичная фразеологическая деривация в современном английском языке // Новейшие лингвистические исследования и практика преподавания иностранных языков. Тюмень, 1996. С. 117-125.
5. Harrap's Pocket English Dictionary. – London: Richard Clay (The Chaucer Press) Ltd., 1983.
6. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. – L., 1970.
7. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. – Springfield, Massachusetts, U.S.A.: Merriam-Webster INC., 1986.

З.У. Хакиева
Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск
Чеченский государственный университет, Грозный

СПЕЦИФИКА НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА, РЕАЛИЗУЕМОЙ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

Анализируя понятие «терминология», считаем необходимым, прежде всего, подчеркнуть когнитивную роль терминологии в корреляции с понятиями обыденной и научной картины мира. Как отмечает О.А. Корнилов, понятие «картина мира» широко используется представителями самых разных наук: философии, психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии, лингвистики, конкретизируясь дополнительными определениями — «научная», «общенаучная», «естественнонаучная», «историческая», «физическая», «биологическая», «языковая», «обыденная». Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что особенно важно – функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества в мире. О.А. Корнилов характеризует такое универсальное, глобальное знание как результат работы коллективного сознания — зафиксированного в языке, прежде всего, в его лексическом и фразеологическом составе (Корнилов 2003: 4).

О.Г. Орлова в понимание картины мира включает способность человека интерпретировать действительность с помощью системы концептов, которые имеют ментальную природу и формируются на базе чувственного опыта, предметной деятельности, мыслительных операций и языкового общения (Орлова 2005: 45).

О.А. Корнилов отмечает, что существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Таким образом, постулируется множественность картин мира (Корнилов, 2003: 4; Фисенко, 2005; Моспанова, 2006; Чер-

ноборовов, 2006; Карасик 2007). Для выявления когнитивной роли терминологии особый интерес представляют научная и обыденная картины мира. Т.Г. Лешкевич отмечает, что научная картина мира представляет собой не просто сумму или набор отдельных знаний, а результат их взаимосогласования и организации в новую целостность, т.е. в систему. С этим связана такая характеристика научной картины мира, как ее системность (Лешкевич 2006), коррелирующая с категорией системности терминов.

О.А. Корнилов характеризует научную картину мира (НКМ) как мир точной науки (Корнилов, 2003: 7). Здесь можно провести параллель между научной картиной мира и терминологией, поскольку любая терминология, по нашему мнению, есть орудие выражения любой науки. Все, что остается за пределами науки или отрасли человеческого знания можно отнести к обыденной картине мира. По мнению О.С. Фисенко обыденная картина мира не подменяет концептуальную картину, а творит свою собственную, которая репрезентирует и фиксирует не только знания о мире (не глубокие, научные знания), но и заблуждения относительно того же самого мира (Фисенко, 2005: 37). Хотя исторически обыденное познание предшествовало научному, в современной научной картине мира они существуют и взаимодействуют, дополняя друг друга. Различия между ними заключаются в различных способах отражения действительности – чувственным и рациональным, что находит отражение в мотивационных признаках номинации (Новодранова, 2008: 636).

НКМ постоянно эволюционирует. Первоначально возникнув в результате стремления людей создать в своем сознании и воображении определенную модель природы, она различна на каждом этапе развития человечества, изменяется по мере накопления новых знаний и изменения представления об окружающем мире, т.е. НКМ эволюционирует по мере познания мира (Корнилов 2003: 7; Моисеев 1999; Степин, Кузнецов 1994, Чуксина). Вместе с ней изменяется и терминология, поскольку пополняется она вследствие необходимости наименования новых понятий, возникающих по мере накопления новых знаний. Как справедливо отмечают О.А. Алимурадов и М.Н. Лату «…любое знание неизбежно находит свое отражение в языке как знаковой системы культуры (Алимурадов, Лату 2010: 6). Научные знания о мире закреплены в языке науки, а точнее — в языках каждой из наук. Ядро же языка любой науки составляет используемая данной наукой терминология, т.е. совокупность обозначений научных понятий и категорий, которыми оперирует данная наука (Корнилов 2003: 12). О.А. Алимурадов и М.Н. Лату также констатируют, что язык науки является особой системой, в рамках которой термин представляет собой особый знак, а его семантика выступает своеобразной ментальной репрезентацией результатов научного познания (Алимурадов, Лату 2010: 6).

О.А. Корнилов утверждает, что НКМ зафиксирована в терминологиях частных наук, изучающих мир или отдельные его составляющие под раз-

ными углами зрения. Терминологии, в свою очередь, тоже структурируются путем разбиения на отдельные терминосистемы. Они должны эксплицировать положение понятий данной области знаний в сравнении с другими равноправными понятиями и с понятиями более узкими и широкими, находящимися в различной степени подчиненности друг другу. План содержания отдельной науки должен быть отражен в плане выражения, а именно в четкой структурированности всей номенклатуры понятий, используемых в данной науке. Такая структурированность предполагает выделение отдельных терминосистем данной науки и отнесение их к определенной категории понятий, которые представляют собой предельно широкие семантические группы, организующие всю специальную, терминологическую лексику.

В своем исследовании терминологии сферы строительства и строительных технологий мы использовали фреймовый подход, с целью отобразить структуру строительной терминологии и выявить своеобразие данного научного знания. О.А. Алимурадов, О.В. Чурсин отмечают, что «…именно фреймовая репрезентация позволяют проникнуть в глубинную структуру знания, понять принципы, по которым оно формируется и упорядочивается, а так же построить адекватную модель, репрезентирующую тот или иной фрагмент ментальной структуры» (Алимурадов, Чурсин 2009: 55).

Понятие фрейма является одним из ключевых в когнитологии – науке, исследующий процессы усвоения, накопления и использования информации человеком, а также исследующей структуры представления знания и способы концептуальной организации знания (Хайруллин 2009: 8). Се. Ш. Цзинюи и Е.Н. Колодкина также отмечают, что основой когнитивной лингвистики можно считать тот факт, что в качестве модельных конструктов функционируют когнитивные структуры и процессы различных типов, такие, как фреймы, ментальные пространства и пр. (Цзинюи, Колодкина: http://www.lingvomaster.ru/files/205.pdf). Фрейм можно охарактеризовать как инструмент, посредствам которого репрезентируется восприятие реальности человеком. Мы в своем исследовании составили фреймовую структуру строительной терминологии, которая состоит из 4 ярусов, которые, в свою очередь, подразделяются на подфреймы, слоты и терминалы. В данной терминосистеме нами выделяется 7 подфреймов в рамке глобального фрейма «**Building**»:

1) подфрейм concrete/ concrete constructions репрезентируется 10% терминов; *base – фундамент; concrete foundation – бетонный фундамент; concrete column бетонная колонна.*

2) подфрейм building constructions репрезентируется 20% терминов; *block of apartments – многоквартирный дом; jerry constructional building – времянка.*

3) подфрейм constructional stock репрезентируется 6% терминов; *hydraulic shock - гидравлический амортизатор; winch barrel – барабан лебедки; air blast fan – вентилятор интенсивного потока воздуха.*

4) подфрейм process of construction репрезентируется 21% терминов; *abeyance – временное приостановление строительных работ; multistage building construction designing – многоступенчатое планирование проведения работ по строительству;*

5) подфрейм technique – репрезентируется 17% терминов; *angeldozer – бульдозер с поворотным отвалом; backhoe - экскаватор типа «обратная лопата.*

6) подфрейм constructional materials репрезентируется 24% терминов; *fluxing constructional building agent – флюсующий материал; air-entraining building cement – цемент с воздухововлекающей добавкой;*

7) подфрейм professions репрезентируется 2% терминов; *project building company manager – руководитель проектный работ строительной фирмы; cabinet-maker - столяр-краснодеревщик;*

Таким образом, мы видим, что наибольшую частотность актуализаторов репрезентируют подфрейм constructional materials. Вышеуказанные подфреймы мы разграничиваем на слоты, которые представляют собой упаковки знания, связанные между собой многомерными понятийными связями (Лату 2009*:* 21). В ходе структурирования фрейма **Building** мы выявили следующие слоты:

1) в подфрейме concrete/ concrete constructions:

a) concrete materials – *a-block – пустотелый бетонный блок; concrete beam – бетонная балка; aggregate – инертный материал бетона.*

b) concrete constructions – *mushroom building construction - безбалочное железобетонное покрытие; concrete foundation – бетонные фундамент.*

c) quality of concrete - *age of concrete –возраст бетона*.

2) в подфрейме building constructions

a) habitable - *block of apartments –многоквартирный дом; domestic building – жилое здание; residential building – жилое здание.*

b) non habitable: *abut – торец*; *backhouse – пристройка к задней части дома; multilayer building construction panel – слоистая панель конструкции здания.*

c) others - *bascule-bridge – разводной мост*; *water storage – водохранилище; catchment – бассейн для сбора воды.*

3) в подфрейме constructional stock

a) power operated tools - *air blast fan – вентилятор интенсивного потока воздуха; bitstock –дрель; air-cooling apparatus – воздухоохладительная установка.*

b) hand tools – *boltel – валик; beater – молоток; beetle – кувалда.*

c) details – *accessor –комплектующая деталь; apurtenance – запасная часть; adjuster bolt – регулировочный болт.*

4) в подфрейме process of construction

a) deformation - *angular building construction deformation – угловая деформация; bearing building construction deformation – деформация конструктивных элементов здания; bulk building construction deformation - объемная деформация конструктивного элемента строительного объекта.*

b) repair - *atomizing application - нанесение краски методом тонкого распыления; assembley - монтировать/собирать; astel – затяжка кровли.*

c) concrete process - *to accelerate hardening – ускорять твердение бетонной смеси; ageing - выдержка бетона; bond сцепление бетона с предварительно напряженной арматурой.*

d) other process - *to design a building construction - рассчитывать конструкцию на стадии проектирования; aseismic building contraction designing – сейсмостойкое проектирование; environmental building contraction designing - природоохранное проектирование строительства конструктивных сооружений.*

5) в подфрейме technique

a) benches - *lubricating arrangement – смазочное устройство; casting bed - стенд для изготовления сборных бетонных и железобетонных конструкций; carpenter"s bench - столярный верстак;*

b) auto technique – *agitator – бетоновоз; airtube – рукав; plank carrier - пластичный транспортер.*

c) cranes - *building crane - кран; automatic stacker building crane – автоматический стеллажный кран-штаблер; balance building crane – кран с противовесом.*

d) risers – *becket – грузоподъемное устройство; building riser – подъемник; freight building riser - грузовой лифт.*

e) elevators - *bucket constructional building elevator - ковшовый строительный элеватор; conveying constructional building elevator - строительный элеватор-транспортер.*

f) mixers - *cement concrete mixer – бетономешалка; asphaltic cement concrete mixer - асфальтобетонная мешалка.*

6) в подфрейме constructional materials:

a) chemical agent - *flluxing constructional building agent - флюсующий материал; acetylene – ацетилен; adsorbent – абсорбент.*

b) friable materials – *alabaster – алебастр; beaumontage шпаклевка в твердой форме; acid-resistant building cement – кислотоупорный цемент.*

c) wood/paper materials - *beam with rectangular section - балка прямоугольного сечения; batten – рейка.*

d) liquid materials - *alkyd building surface paint – алкидная краска; boiled oil building surface paint – олифа; concrete building surface paint.*

e) metal materials – *bibcock – водопроводный кран; bloom - металлический блок, служащий опорой стойки.*

f) petrouse materials – *ashlar – тесанный камень; banded limestone – слоистый известняк; breakstone – щебень.*

7) в подфрейме professions

a) executive positions - *assistant building company manager - заместитель директора строительного предприятия; commissioning building company manager - руководитель пусконаладочных работ строительного предприятия*

b) в подфрейме non executive positions - *cabinet-maker - столяр-краснодеревщик; concreter – бетонщик.*

Некоторые слоты, представляющие собой объемные структуры знания, мы разграничили на терминалы. В.И. Хайруллин отмечает, что верхние уровни фрейма четко очерчены, т.к. образованы такими понятиями, которые являются всегда справедливыми в отношении какой-либо определенной ситуации. На низких уровнях имеется множество особых вершин-терминалов, которые необходимо заполнить характерными примерами или данными. Терминалы фрейма в обычном состоянии заполнены заданиями отсутствия, т.е «сведениями о деталях (частотностях), которые не обязательно должны присутствовать в какой- либо конкретной ситуации» (Хайруллин 2009: 14). В моделируемом нами фрейме **Building** выделены следующие терминалы:

Схема 1

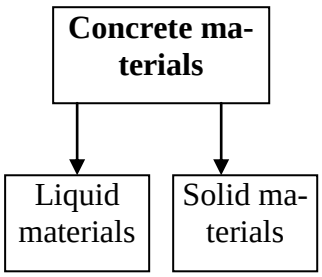

Схема 2

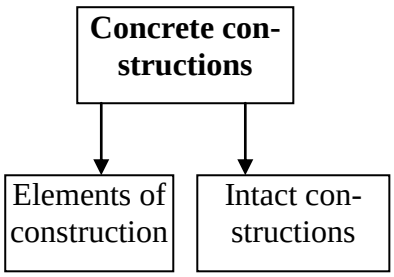
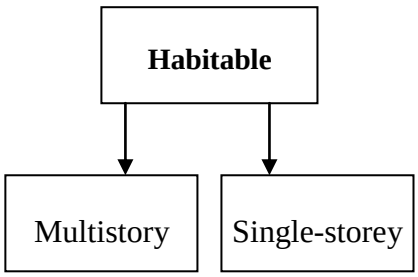

Схема 3

На схеме 1 из слота **concrete materials (бетонные материалы)** мы выделяем терминал solid materials – *cement bar – цементный брусок, concrete beam – бетонная балка,* и терминал жидкие материалы (liquid materials) – *tremie cement concrete – бетон подводной укладки, water cured cement concrete - бетон, выдержанный во влажном состоянии.*

На схеме 2 из слота **concrete constructions** (бетонные конструкции) видно, что мы выделили в его структуре 2 терминала: elements of construction – *concrete column - бетонная колонна, concrete bottom - бетонное основание,* а также терминал intact constructions – *concrete block pavement - мостовая из бетонных блоков, reinforced concrete bridge – железобетонный мост.*

Схема 3 репрезентирует терминалы multistory – *block of apartments – многоквартирный дом, high-rise building – высотное здание* и терминал «одноэтажные конструкции» – *adobe – пристройка, low-rise apartment constructional building – малоэтажное многоквартирное здание* .

Схема 4

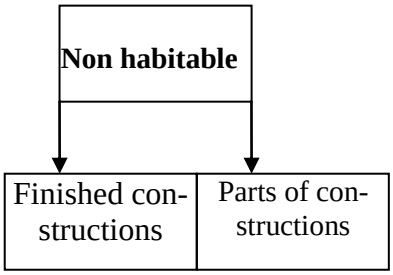

Схема 5

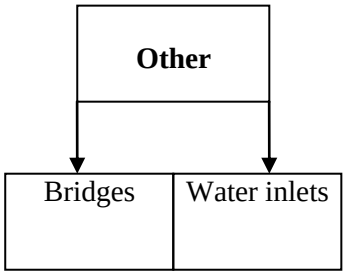

Схема 6

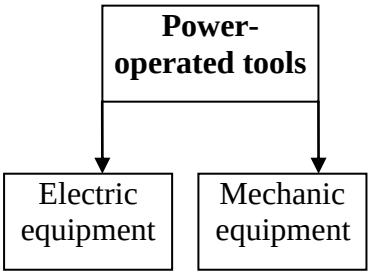

Схема 4 представляет слот **non habitable** (нежилые постройки), в котором присутствуют такие терминалы, как finished constructions – *airhouse – надувное сооружение/пневматическое сооружение, airtight building construction – воздухонепроницаемая конструкция*, и parts of constructions – *altanta – балкон или платформа на опорах для отдыха и обзора окружающего ландшафта, backbone – каркас.*

На схеме 5 в слоте **others** (другие конструкции) мы выделили терминал bridges – *bascule-bridge - разводной мост , askew bridge – косой мост*, и «водяные сооружения» – *water abstraction, appurtenance – водопроводящее приплотинное сооружение.*

На схеме 6 в слоте **power operated tools** (механизированные приборы) мы выделили терминалы electric equipment – *air blast fan – вентилятор интенсивного потока воздуха, bitstock – дрель,* а также mechanic equipment – *winch barrel - барабан лебедки, batt – изолирующий коврик.*

Схема 7

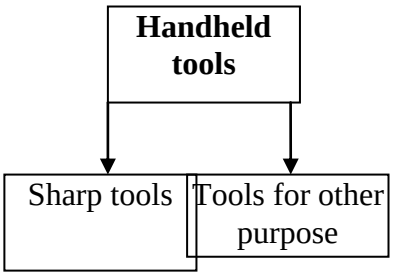

Схема 8

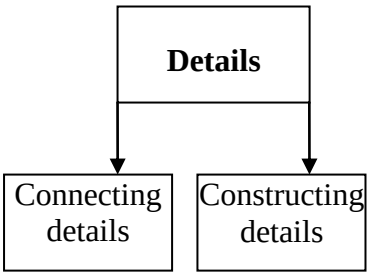
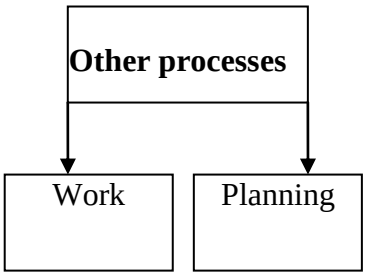

Схема 9

На схеме 7 мы видим, что слот **handheld tools** репрезентирует такие терминалы, как sharp tools – *addice – тесло, backsaw – ножовка*, и терминал «инструменты для других видов работ» (tools for other purposes) – *adaptation –приспособление, bridging board –стремянка.*

Схема 8 показывает, что слот **details** (детали) включает терминал «соединительные детали» – *bayonet –соединительный штифт, binding bolt – соединительный болт,* а так же терминал «комплектующие детали» (constructing details) – *adapter – переходник, brad – гвоздь без шляпки.*

Схема 9 позиционирует слот **other processes** (другие строительные процессы), который включает терминал work – *abeyance, building erection*

by separate structural elements – поэлементный монтаж строительного объекта, и терминал «проектирование» (planning) – *building contraction designing – процесс производства предварительного проекта строительного сооружения, urban building contraction designing – градостроительное проектирование.*

Проведенное нами исследование позволило рассмотреть когнитивную роль терминологии через призму моделирования научной и обыденной картин мира. Научная картина мира представляет собой систему специализированных знаний, а также результат их взаимосогласования и организации в новую целостность. С этим связана такая характеристика научной картины мира, как ее системность; именно системность научной картины мира позволила сделать вывод о корреляции терминологии и научной картины мира. Все, что остается за пределами науки или отрасли человеческого знания, можно отнести к обыденной картине мира. Фреймовый поход к исследуемой специализированной терминосистеме, вербализующей значимый фрагмент англоязычной НКМ, показал, что фрейм **Building** включает 4 яруса, которые состоят из 7 подфреймов, 29 слотов и 18 терминалов.

Литература:

1. Алимурадов, О.А., Лату, М.Н. Динамика и структура термина как отражение закономерностей научного и обыденного познания: к постановке проблемы [Текст] / О.А. Алимурадов, М.Н. Лату // Филология, дидактика: теория и методика исследований. – Екатеринбург, 2010. – С. 4-10.
2. Алимурадов, О.А., Чурсин, О.В. Картины языка музыки. Функционально-семантическая характеристика современной английской музыкальной лексики: Когнитивно-фреймовый подход [Текст] / О.А. Алимурадов, О.В. Чурсин. – М.: Краснад, 2009. – 200 с.
3. Карасик, В.И. Языковые ключи [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
4. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов / Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
5. Лату, М.Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты [Текст] / М.Н. Лату: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Ростов-на-Дону, 2009. – 25 с.
6. Лешкевич, Т.Г. Научная картина мира и ее эволюция [Электронный ресурс]. – URL: http:// society.polbu.ru/leshkevich_sciencephilo/
7. Моспанова, Н.Ю. Добро и зло [Текст] / Н.Ю. Моспанова // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 3. – Волгоград: Парадигма, 2006. – 381 с.

8. Моисеев, В.И. Что такое научная картина мира? /– URL: http://vyacheslavmoiseev.narod.ru/PhilosScience/Textbook/SciencePicture.htm
9. Новодранова, В.Ф. Соотношение обыденного и научного знания в профессиональной коммуникации [Текст] / В.Ф. Новодранова // Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистке. – Тамбов, 2008. – С. 635-637.
10. Орлова, О.Г. Актуализация концепта «Russia» («Россия») в американской публицистике на примере дискурса еженедельник «Newsweek» [Текст] / О.Г. Орлова: Дис. канд. филол. наук: 10.02.20. – Кемерово, 2005. – 245 с.
11. Степин, В.С., Кузнецов, Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации [Текст] / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецов. – М., 1994. – 274 с.
12. Фисенко, О.С. Концепт «Гроза» в русском языковом сознании [Текст] / О.С. Фисенко: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2005. – 188 с.
13. Хайруллин, В.И. Перевод и фреймы [Текст] / В. И. Хайрулин. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 144 с.
14. Цзинюи, Се Ш., Колодкина Е.Н. Фреймовый лингвокультурологический анализ устойчивых словосочетаний, содержащих ботанизмы, в китайском, английском и русском языках [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lingvomaster.ru/files/205.pdf
15. Чернобров, А.А. Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура) [Текст] / А.А. Чернобров: Учебное пособие для студентов старших курсов гуманитарных факультетов, аспирантов и соискателей. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 221 с.
16. Чуксина, О.В. Взаимодействие языковой и научной картины мира [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lingvomaster.ru/files/311.pdf

А.Г. Ходакова
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ

Термины областей знания, наиболее активно проникающих в жизнь общества, зарождаются и лишь первое время функционируют в специальной среде, а потом могут выходить за пределы узкоспециальной сферы употребления. Доказано, что для терминов Интернета это явление закономерное, что отражается и на характере терминологического понятия, которое «теряет» часть своих профессиональных признаков в повседневном общении.

Например, термин email (электронная почта) фиксируется словарями общеупотребительной лексики в том же значении, в котором он представ-

лен в специальных словарях и используется в профессиональной коммуникации. Однако понятие, обозначаемое термином и используемое в профессиональном общении, существенно отличается от понятия, используемого в повседневном общении.

Покажем, как меняется характер понятия при функционировании термина за пределами терминосистемы в своем терминологическом значении. Для этого сравним представленные ниже определения широко употребительных терминов Интернета *email, email address, home page, и website* в общих (О) и специальных (С) словарях, выделив использованные в них терминологические понятия. В качестве общего словаря использовался электронный словарь Macmillan English Dictionary, 2009, регистрирующий частотность использования термина в языке (чем больше звездочек, тем более частотно слово). Для анализа специальных дефиниций использованы следующие словари: Free On-line Dictionary of Computing (FOLDOC), Oxford Dictionary of Internet (ODI), 2003; Webopedia, 2009.

1) email/e-mail (O)**:(n) a system for sending **messages** from one computer to another: a)the messages that you receive by email; b) a written message sent by email. **email / e-mail (C)**: **messages** automatically passed from one **computer user** to another, often through **computer networks** and/or via **modems** over telephone lines (FOLDOC, 2002).*

***2) website / Web site (O)**:**(computing) a place on **the Internet** where information is available about a particular subject, organization, etc. **website / Web site (C)**: **a set of linked themed pages** which are stored **on a web server** (ODI, 2003); any **computer** on the Internet running a **World-Wide Web server** process. A particular website is usually identified by the **hostname** part of a **URL**. (FOLDOC, 2005)* (По сравнению с общим определением в специальном представлены тотативные, родовидовые связи, отношения семантической производности, больше дифференциальных признаков понятия).

3) email address (O)**: an individual name that you use to receive **email** on **the Internet (Персонализированное общее определение. Использованные термины – наиболее общеупотребительные и лишь соотносят объект с областью применения без раскрытия системных отношений).

***email address (C)**: the **string** used to specify the source or destination of an **electronic mail message**. E.g. "**john@doc.acme.ac.uk**" . (FOLDOC, 2006); an email address consists of two components: the name of the **recipient** and the **domain** with which they are associated. The name must be a unique name within the domain and the two components are separated by an **@ character**. (ODI, 2003)* (Родовидовые, партитивные отношения явно выделены).

***4) home page (O)**:*(computing)1) the main **page** of a **website**, often where a person or an organization gives information about themselves or their business or where there are **links** to other parts of the website; 2) a place on **the Internet** that you choose to appear first on your **computer screen** each time you look at the Internet.* (Родовидовые связи показаны, но при этом нивелирова-

ны конкретные специальные характеристики понятия).

home page (C)*:1) The* ***top-level entry point web page*** *relating to an individual or institution, or possibly a subject area. This often has a* ***URL*** *consisting of just a* ***hostname****, e.g.* ***http://ncsa.uiuc.edu/****. All other* ***pages*** *on a* ***website*** *are usually accessible by following links from the home page; 2)The* ***web page*** *a* ***user's web browser*** *is configured to* ***load*** *each time it is started. This will typically* ***default*** *to the* ***home page*** *(1) of the organization that produced or distributed the* ***browser*** *(FOLDOC, 1999).*

Анализ показал, что в специальной коммуникации важны системные отношения между составляющими понятий терминов, поэтому определения в специальных словарях отражают родовидовые, партитивные и тотативные связи, отношения семантической производности между терминами, а значит, и их понятиями, указывают на место понятия в системе; другими словами, учитывают «системную взаимообусловленность понятий» (термин Ю.Н.Караулова). В повседневной коммуникации мы оперируем более общими понятиями, поэтому определения в общих словарях не детализируют отличительные признаки объекта, что отражается в количестве и релевантности дифференциальных признаков понятия, включенных в определение. Отметим, что определения персонализированы, в известной степени обусловлены субъективными и эмоциональными моментами, что свидетельствует о некоторой размытости понятия, неопределенности его семасиологических границ.

Литература:

1. Webopedia: Online Computer Dictionary for Computer and Internet Terms and Definitions [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://webopedia.internet.com, свободный**.** – Загл. с экрана.
2. FOLDOC (Free On-line Dictionary of Computing) [Электронный ресурс]. – 2009. - Режим доступа: http://foldoc.org, свободный. – Загл. с экрана.
3. Ince, D. A Dictionary of the Internet/ D. Ince. - New York: Oxford University Press, 2003. – 263р.

И.М. Цыпина
Московский государственный университет имени Ломоносова, Москва

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке ядром политических дериватов можно считать суффиксальные производные, менее распространены композиты, относительно небольшую часть производных составляют неосемантизмы, а единичными считаются конфиксальные и префиксальные дериваты.

Наиболее активно в образовании дериватов используются фамилии общеизвестных политиков и партийных лидеров. На базе этих лексем рож-

даются дериваты типа: *жириновец, путинец, хасбулатовщина, гайдаризация*. Словообразовательный потенциал и естественно количество дериватов заметно растет в момент активности политика, как отечественного так и зарубежного, напр. в 90-е гг.: *Ельцин - ельцинист, ельцинец, антиельцинист, ельцинолюб, ельциноид, ельцинолюбие, ельцинизм и пр.*; *Рейган - рейгалитика, рейганизация, рейганизм, рейгановец, рейганомика, антирейганизм* и ряд др. Среди образований последнего времени в средствах СМИ можно обнаружить 21 производных с вершиной Путин. Часть из них имеет окказиональный характер, напр.: *Путинбург, Санкт-Путинбург, ПУТИшествие, Путанковое сражение, ВВПуск, путинг, Путиненко, антипутин* и пр.

В результате словообразовательных процессов возрастает количество дериватов, образованных суффиксальным способом, например, наименования членов партии и организации (*народник* – «член Народной партии Украины»), сторонников того или иного политического лидера (*путинец*). Наиболее часто в образовании таких производных используются следующие суффиксы**: -ец/-овец, -ист, -ник**.

Довольно большую группу среди рассматриваемых дериватов составляют названия политических процессов. В образованиии существительных с процессуальным значением участвует формант **-зация**. При этом мотиватором является фамилия политического деятеля или название государства: *башкиризация, албанизация, иракизация*. Образование других абстрактных понятий происходит с учетом суффиксов **-щин(а), -ств(о)**. Приведем некоторые примеры: *алиевщина, жириновство*. При этом высокой словообразовательной активностью характеризуются суффиксы –изм и –щин(а). С помощью суффикса **-изм** пополняется количество нейтральных дериватов, в отличие от субстантивов с суффиксом –щин(а), которые дают резко отрицательную оценку свойствам или действиям того лица, которое служит мотиватором, ср.: *алиевщина, Анти-Путивщина, «Медведивщина хуже чем Сталинизм»* и др.

В последние десятилетий также распространяется образование слов с собирательным значением с суффиксом **–иана**, напр: *путиниана*.

Во второй половине XX века в русском языке, возможно, под влиянием западных языков, большую популярность получили контаминанты, которые обычно возникают путем сложения двух лексем, из которых сохраняются лишь начальная и конечная части компонентов, иногда сопровождаемые аппликацией одной или несколькими буквами. В политических дериватах наблюдаются два типа контаминантов: частичные и гаплологические, ср.: *рейгалитика* - **Рейга**н + по**литика**, *клинтономика* - **Клинто**н + эко**номика** (и аналогично *бушеномика, горбономика, гайдарономика*), *рустон* «составленный из русских и английских слов язык, на котором объяснялись между собой советские и американские космонавты во время совместного полета космических кораблей» - **рус**ский + Хью**стон**, *евросима* «о возможной ядерной войне в Европе» - ***Евро**па + Хи**росима** и пр*.

В современном русском языке наряду с номинативным распространено и компрессивное словообразование (свертывание многословных названий). Первоначально сокращались лишь неудобные многословные названия учреждений, организаций, партий, напр.: *МСОПС* «**М**еждународный **с**оюз **о**рганизации **п**омощи **с**емье», *НДКТ* «**Н**ациональное **д**вижение **к**рымских **т**атар», *ДПР* «**Д**емократическая **п**артия **Р**оссии». Под влиянием прессы процесс этот распространяется и на личные имена, ср.: *Владимир Владимирович Путин - ВВП*. Сложносокращенный способ словообразования настолько популярен, что в результате свертывания многокомпонентных названий появляются акронимы-омонимы. Приведем пример: *ФСР* «Федеральная служба расследований» и *ФСР* «Федерация скаутов России». Значительно реже встречаемся среди аббревиатур с явлением синонимии, напр.: *кабмин* и *КМ* (*кабинет министров*), *ДемРоссия* и *ДР* (*Демократическая Россия*), *ЕдРо* и *ЕР* (*Единая Россия*).

Со структурной точки зрения наиболее популярный тип среди рассматриваемых сложносокращенных слов представляют инициальные аббревиатуры - буквенные и звуковые, напр.: *ГРУ* '**Г**лавное **р**азведывательное **у**правление', *РХДД* '**Р**оссийское **х**ристианско-**д**емократическое **д**вижение' и др. Немалую группу составляют слого-словные и слоговые аббревиатуры, напр.: *демальянс - **Дем**ократический **альянс**, минфин - **Мин**истерство **фин**ансов* и пр. Во многих случаях компрессивные собственные названия в дальнейшем служат производящей базой для многих дериватов, ср.: *МИД - мидовец, ФСБ - фээсбэшник*.

Приведенный материал разграничивает способы образования политических дериватов различной семантики и структуры, а также указывает на неотъемлемую связь языковых процессов с изменениями, происходящими в социуме.

Т.Н. Яковчиц
Минский государственный лингвистический университет, Минск (Беларусь)

ПЕРЕХОД В ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК АРГОТИЗМОВ – СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ

Взаимодействие различных социальных подсистем языка имеет многогранный и разнонаправленный характер. В частности, с одной стороны, социолекты заимствуют из общелитературного языка (ОЯ) слова, наделяют их новыми значениями (*бугор* 'бригадир в колонии; начальник', *глухарь* 'отбывающий наказание на тюремном режиме', *гусь* 'богатый человек, жертва преступления; вызывающе ведущий себя человек; преступник-осведомитель; провокатор; подозрительный человек'). С другой стороны, социолектизмы со временем переходят в общелитературный язык (*фраер, мент, наводчик*). Эти последние, в свою очередь, представляют собой не-

однородную группу, а именно: часть из них являются собственно арготизмами (*фраер, мент*), часть – семантическими дериватами, т.е. переосмысленными литературными словами, которые приобретают в арго новые значения (*наводчик, шестёрка, фараон*).

Предметом данного исследования стали перешедшие в общую речь арготизмы – наименования лиц русского криминального арго, которые являются семантическими дериватами. Например, *авторитет* [ОЯ] ‘лицо, пользующееся влиянием, признанием’ → *авторитет* [социолект – арго] ‘опытный преступник, заслуживающий безусловного доверия большинства остальных преступников, способный быть во главе преступной группировки’ → *авторитет* [ОЯ] ‘член преступной группировки, обладающий властью, вор в законе’

Семантические дериваты неодинаковы по своей природе: среди них выделяются слова, подобные слову *авторитет*, к ним примыкают слова, статус которых является спорным. Например, слово *медвежатник* ‘взломщик сейфов’ связано мотивационными отношениями с арготическим словом *медведь* ‘сейф’. Оно может рассматриваться двояко: как семантический дериват и как омоним. Интересно, что в данном случае в общую речь, судя по данным «Современного толкового словаря русского языка» Т.Ф.Ефремовой, переходит значение лица, в то время как мотивирующее слово словарём не фиксируется, т.е. для носителей литературного языка слово *медвежатник* оказывается мотивированным, скорее, общелитературным ‘охотник на медведей’. Похожая ситуация возникает и с перешедшим в общую речь арготизмом *мусор* ‘милиционер’, появление которого социолектологи связывают с заимствованием из иврита, однако для носителей общелитературного языка (как, вероятно, и для арготирующих) оно связывается, скорее, с прямым значением слова в общелитературном языке. Вопрос, который возникает: связан ли характер перехода арготизмов в ОЯ от того, насколько «знакомым» для носителей общелитературного является звуковая оболочка слова.

Результаты количественного анализа арготизмов – семантических дериватов говорит о том, что о такой зависимости говорить нельзя. Лишь четверть перешедших в общую речь арготизмов могут быть отнесены к семантическим дериватам, в то время как в общем корпусе отобранных арготизмов – наименований лица семантические дериваты составляют около половины слов. Это означает, что существует тенденция к усвоению ОЯ собственно арготизмов.

Количество семантических дериватов, перешедших из арго в ОЯ, в нашем корпусе невелико – 22 наименования лиц. Это слова, арготическое значения которых образовано на базе различных наименований. Например, на базе наименований лиц (*авторитет, арап, медвежатник, наводчик, фараон*), животных (*жучок, легавый, петух, кот*), растений и их частей (*дуб, корешок*), неодушевлённых предметов (*бугор, молоток, фитиль, чурка*).

Как правило, в арго слово развивает несколько значений, лишь одно из которых осваивается общелитературным языком. Например, слово *наводчик* ‘военнослужащий специалист, который наводит оружие на цель и производит выстрел’ в арго формирует несколько значений: ‘категория квартирных воров, подыскивающих объект для кражи’ – ‘человек, проникающий в зону как осуждённый и, скрывая свою принадлежность к преступному миру, отыскивает предателя, приговорённого ворами к уничтожению’ – ‘помощник шулера, вовлекающий в игру простаков’. В стандарт переходит значение ‘член воровской шайки, указывающий место, где можно совершить кражу’. Или другой пример: *корешок* в арго ‘постоянный, верный помощник’ – ‘главарь воровской банды, шайки’ – ‘друг, приятель’, в стандарт же перешло лишь последнее значение.

Наше исследование показало что в стандарт переходят те значения, которые указывают на признаки, актуальные для носителей литературного языка. Те значения, которые связаны со спецификой преступного мира и не соприкасаются с жизнью не-преступников, как правило, в стандарт не переходят. В других случаях слово переходит в общелитературный язык в изменённом значении: *шестёрка* в арго ‘холуй, слуга’ – ‘рядовой преступник’ – ‘мелкий вор’ – ‘официант’ – ‘подхалим, угодник’ – ‘человек, выполняющий мелкие поручения, неквалифицированную или грязную работу’ – ‘рядовой работник ИТУ’. Словарями общелитературной лексики слово фиксируется в следующем значении: ‘мелкий и бессловесный исполнитель, вообще человек на побегушках’ (Ожегов, Шведова 2003). Представляется, что в таких случаях новое значение общелитературного слова мотивировано теми значениями, которые слово приобретает в арго.